

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова

МАРТЬЯНОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК XI

Сборник докладов и сообщений

(2016-2017)

МИНУСИНСК 2018

ББК 63.3 (253)
УДК 930-9

Мартьяновские краеведческие чтения (2016-2017 гг.). Вып. 11. Минусинск. – 372 стр.

Руководитель проекта:

С.А. Борисова, директор музея им. Н.М. Мартянова

Редакционный совет:

Т.А. Ключников, зам. директора музея по научной работе

В.Г. Чернышёва, зав. издательским отделом

В.В. Ермилова, научный сотрудник научно-фондового отдела

Е.Ю. Сидорина, зав. научной библиотекой музея

Дизайн, вёрстка, техническое редактирование:

О.В. Войда, редактор издательского отдела

Данный сборник является 11 выпуском докладов и сообщений, которые были представлены учёными, исследователями, краеведами, преподавателями, сотрудниками музеев и работниками библиотек на XXVII и XXVIII Мартяновских краеведческих чтениях в 2016 и 2017 годах.

В сборник вошли 105 докладов и сообщений более 90 авторов.

662608, г. Минусинск, ул. Ленина, 60, тел./факс: 8 (39132) 2-22-97,
e-mail: martianov-muzey@mail.ru

© МБУК «Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н.М. Мартянова»

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ РЕДАКЦИИ

В XI Сборник Мартьяновских чтений вошли доклады, прочитанные на конференциях в 2016-2017 годах.

2017 год – год 140-летия музея им. Н.М. Мартьянова. За этот период он стал ведущим в регионе по количественному и качественному составу своего собрания, получил известность не только в России, но и далеко за её пределами. Также в 2017 г. музей, как и вся страна, отметил 100-летие революционных событий 1917 года. Под знаком этих юбилейных дат проводилось большинство мероприятий. Не стали исключением и Мартьяновские краеведческие чтения.

География участников чтений расширяется год от года. В 2016-17 гг. в конференции приняли участие исследователи из городов и сёл Красноярского края, республик Хакасии и Тывы, а также из достаточно удалённых регионов: Ульяновска, Иркутска, Новосибирска, Алтайского края.

В конференции принимали участие как краеведы-любители, так и профессиональные учёные-историки, имеющие степени кандидатов и докторов наук.

Уже традиционно сложившаяся структура сборника повторяет структуру секций Мартьяновских чтений и состоит из следующих разделов: «Музейное и библиотечное дело», «Археология», «История Сибири», «Краеведение», «Люди и судьбы».

На протяжении многих лет одной из наиболее популярных тем выступлений на археологической секции остаются результаты обследования петроглифических памятников Южной Сибири. Эти работы уже много лет ведутся специалистами из Красноярска и Кемерово. Также в сборнике представлены результаты исследований археологических памятников от эпохи палеолита до раннего Средневековья.

В краеведческой секции с каждым годом расширяется блок, посвящённый генеалогическим исследованиям. В настоящий сборник включены статьи исследователей, продолжающих изучение жизни и деятельности Н.М. Мартьянова и его потомков. Представлены также традиционные краеведческие работы, содержащие результаты исследований локальных историй местных предприятий, учреждений и жизни выдающихся людей.

Блок музейных и библиотечных докладов включает в себя широкий диапазон тем. Среди них результаты исследования музейных коллекций, представление грантовых проектов, инновационных подходов к выставочной и просветительской работе музеев и библиотек.

В целом тематика докладов показывает, что Мартьяновские чтения являются востребованной и популярной площадкой для представления результатов исследования природы, истории и культуры юга Сибири и сопредельных регионов.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. МУЗЕЙНАЯ СИБИРЬ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

Гусева Г.Д. Факультет «Краеведение» народного университета «Активное долголетие».....	8
Гусева Г.Д. Муниципальные библиотеки Минусинска в культурной инфраструктуре города».....	10
Драгайкина Т.А. Редкие сибирские издания в фонде Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН... 12	12
Драгайкина Т.А. Книги из собрания сибиреведа М.А.Сергеева в фонде Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН.....	16
Ермолаева Л.Н. «Сибирская жемчужина» в Нижнем Новгороде (к 120-летию участия Минусинского музея на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде).....	20
Иптышев А.В. Произведения живописи художника П.М. Боргоякова из фондов Аскизского краеведческого музея им. Н.Ф. Катанова	24
Керн И.С. Проблема долговременного хранения цифровых фотодокументов.....	27
Харченко Г.Т. Литературное творчество Александра Кузьмина, первого окружного начальника г. Минусинска.....	30
Лясковская Е.М. Собрание Минусинской городской картинной галереи 1990-2017 гг. (Новые поступления в художественный фонд Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова).....	34
Махина С.В. Отчёты музеев кон. XIX – нач. XX вв. в собрании научной библиотеки музея им. Н.М. Мартянова.....	37
Неделина М.С. Новые формы работы музея им. Н.М. Мартянова.....	39
Решетникова И.Л. Итоги реализации социокультурного образовательного проекта «Прозрачная экология» – музейное образовательное пространство».....	41
Сергиенко Т.Ю., Силкина Т.В. Из истории библиотек Туруханского края.....	42
Сергиенко Т.Ю. Старообрядцы Туруханского района: совместный выставочный проект архива УФСБ по Красноярскому краю, МКУК «Краеведческий музей Туруханского района» и Сибирской студии независимого кино.....	46
Сидорина Е.Ю. Грантовый проект научной библиотеки музея им. Н.М. Мартянова «Сибирская газета в цифровом формате (фонд М. Прохорова)».....	49
Харченко Г.Т. Городские библиотеки Минусинска в 1930-40-е годы	50
Худякова И.Н. Социокультурная проектная деятельность музея как средство актуализации историко-культурного наследия и расширения музейной аудитории.....	54
Чернышёва В.Г. К вопросу об изучении музейных коллекций. История одного предмета.....	57
Чернышов А.В. Выездные выставочные проекты Минусинского музея в 2017 году.....	59
Чыргалан С.Ю. Фонд «Редкие книги» в Национальном музее имени Алдан-Маадыр Республики Тыва как исторический источник.....	61
Шабаева Е.Ю. Советские и российские киноактеры в Минусинске (по материалам газеты «Власть труда»).....	64
Юдин А.А. О некоторых источниках сибирского собрания М.Н. Тихомирова в Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Российской Академии наук.....	66

РАЗДЕЛ II. АРХЕОЛОГИЯ

Давыдов Р.В. Ювелирный инструментарий средневековых кочевников Южной Сибири из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова.....	71
Ершова А.С. История одного авантюриста из Сибири (о В.И. Анучине).....	74
Кудрявцева А.И. Глиежи и окремнённые горелые породы – новый экзотический материал артефактов каменного века в Центрально-Тувинской котловине.....	76
Куйдина В.А. Петроглифы горы Кедровой. Проблемы музеефикации.....	80

Муршидова М.А. Новые петроглифы на горе Кедровой.....	82
Рогова И.Г. Тамги на раннесредневековых сосудах из Южной Сибири.....	85
Августовский А.И. Мелкая каменная скульптура как элемент жертвоприношений.....	89
Акимова Е.В., Стасюк И.В., Харевич В.М., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Конохов В.А. Археологические исследования в Южных районах Красноярского края: к проблеме палеолита малых притоков Енисея.....	92
Арнгольд Т.Г., Заика А.Л. Археологические памятники в окрестностях с. Большой Телек.....	96
Заика А.Л., Ермаков Т.К., Образцова А.В., Халтаева А.Ю., Вдовин А.С., Журавков С.П., Трофимов А.А., Конохов В.А. Петроглифы писаницы Берёзовой (результаты исследований 2017 г.).....	99
Заика А.Л., Ермаков Т.К., Образцова А.В., Халтаева А.Ю., Вдовин А.С., Ключников Т.А., Артамонова В.А., Журавков С.П., Трофимов А.А., Конохов В.А. Енисейская писаница (результаты исследований 2017 года)	101
Заика А.Л., Матвеев В.Е. Новые петроглифы севера Среднего Енисея. «Дивногорский камень. Петроглиф-1».....	104
Заика А.Л., Трофимов А.А., Вдовин А.С. Писаница Учум (результаты исследования 2016 г.).....	106
Заика А.Л., Трофимов А.А., Халтаева А.Ю., Ермаков Т.К., Муршидова М.А., Артамонова В.А., Образцова А.В. Писаница Учум (результаты исследования 2017 г.).....	108
Заика А.Л., Ермаков Т.К., Образцова А.В., Артамонова В.А., Вдовин А.С., Трофимов А.А., Муршидова М.А., Конохов В.А. Пойловская писаница (предварительные итоги исследований 2015-17 гг.).....	111
Иптышев А.В. Об итогах археологической разведки в Ширинском районе Республики Хакасия в 2016 г.....	114
Куйдина В.А. Петроглифы горы Кедровой. Вопросы интерпретации и хронологии изображений.....	118
Митько О.А. Могильник Большой Телек – новый кыргызский памятник на правом берегу Енисея.....	121
Муршидова М.А. Образ хищника в скифо-сибирском искусстве севера Минусинской котловины.....	124
Муршидова М.А., Заика А.Л. Образ хищника в наскальном искусстве древних культур Среднего Енисея.....	127
Рогова И.Г. Тамгообразные знаки в контексте рунических надписей на скалах, курганных камнях, стелах и изваяниях Среднего Енисея.....	130

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ СИБИРИ

2016 год

Болонкина Е.В. Основные тенденции в эволюции социально-экономического статуса казначейства Енисейской губернии во вт. четв. XIX в.	133
Генералов В.А. Белые формирования Енисейской губернии (на примере 30-го Чернореченского стрелкового полка).....	136
Монгуш Ч.А.-С. История письменности тувинцев.....	140
В.А. Паршуков, А.Н. Тимофеев. Судьбы Енисейских казаков – выпускников Читинского военного училища.....	142
Прищепа Е.В. Обряды выбора места для постройки жилища и их значение у народов Хакасско-Минусинского края в XVIII-XX в.	146
Федотова М.М. 25-летие Красноярского отдела Русского Географического Общества.....	148
Шекшеев А.П. Красные партизаны на Енисее: социально-политический облик.....	152

2017 год

Аккожанова Е.С. Прошлое и настоящее в сосуществовании обычаев и традиции казахов Кош-Агачского района.....	163
Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский женский нагрудник «пого» и культ богини Умай.....	170
Гавриленко М.В. Большой этнографический диктант как часть культурно-просветительской работы в военном вузе.....	177
Ермилова В.В. Н.М. Мартыанов – основатель музеев Сибири.....	179
Кан В.С. Особенности источниковой базы исследований по истории СМИ Республики Тыва.....	181
Паршуков В.А. Дружины самообороны казаков в Минусинском уезде.....	184

Светачева У.В. Итоги этнографических экспедиций 2015 – 2017 гг.....	188
Терскова А.А. Врачи города Енисейска и Енисейского уезда во вт. пол. XIX – нач. XX в.	189
Фёдоров И.Г. Монастыри Приенисейской Сибири в годы революций 1917 года и Гражданской войны.....	192
Федотова М.М. Научно-исследовательская деятельность секции естественных производительных сил Красноярского отделения РГО.....	196
Шекшеев А.П. Антибольшевистский переворот на юге Енисейской губернии (июнь 1918 года).....	199
Шекшеев А.П. Октябрь 1917 года на Енисее: хроника борьбы политических сил	208

РАЗДЕЛ IV. КРАЕВЕДЕНИЕ

2016 год

Белоусова Л.И. Страницы истории образования Хакасского уездного (окружного) центра – города Хакаска.....	215
Борисова А.П. Несколько штрихов к Первой мировой войне.....	219
Калюга А.Е. Наследство князя Кураги.....	222
Куприянов А.А. Из истории школы в селе Аскиз в кон. XIX – нач. XX вв.	227
Нилогов А.С. О находке метрической записи о смерти первого Енисейского губернатора А.П. Степанова	228
Нилогов А.С. Родословная Н.К. Рериха: развенчание «варяжского мифа».....	229
Пилипенко В.С. История одного рисунка.....	232
Сёмочкина В.Ф. Топонимы села Шалаболино.....	233
Серебренникова М.Е. Сто лет завещанию Евдокии Петровны Кузнецовой (Из истории купеческого рода Кузнецовых).....	236
Тимофеев А.Н. Красноярское вольно-пожарное общество. Опыт организации и роль в истории города.....	239
Фёдоров И.Г. К истории возникновения и становления села Овсянка.....	243

2017 год

Шоева М.П. Батени – точка невозврата.....	247
Белоусова Л.И. Первое краеведческое общество в селе Усть-Абаканское (1928 г.).....	250
Воробьёв В.Н. Базыбай.....	255
Сухотина Е.П. Джебская электростанция: страницы истории.....	257
Калюга А.Е. История образования и развития Курагинской линейно-эксплуатационной конторы Управления по освоению и эксплуатации малых рек Красноярского края (1946-1997 годы).....	260
Камендо Е.Ю., Сергиенко Т.Ю. Музей Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) на картинах Бориса Яковлевича Рязова (из коллекции «МКУК Краеведческий музей Туруханского района»).....	263
Макеева Л.А., Бальцер О.Ю., Змиевская Е.С. Многогранность темы любви в лирике Г.Г. Канкеевой.....	266
Нилогов А.С. К генеалогии Николая Фёдоровича Катанова.....	268
Новикова И.Л. Майнагашевы. К истории рода.....	272
Пивоваренко Н.Г. Воспоминания ветеранов электрокомплекса г. Минусинска (Управление капитального строительства).....	277
Пилипенко В.С. Кузнецкий Смольный – первый культурный центр города.....	281
Пономарёва Н.С. Неутомимые путники по времени: об иркутском обществе «Родословие».....	283
Сайлер А.В. История школы № 4 г. Минусинска.....	287
Сангы-Бадра Р.Р. Армейский альбом как элемент армейской субкультуры (на основе фотоматериалов из частных архивов Тувы).....	291
Шоева М.П. Следы истории нашей земли (Из фондов ХНКМ им. Л.Р. Кызласова).....	292

РАЗДЕЛ V. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Мартьянова О.Н., Мартьянов А.Н., Тимофеев А.Н. Мартьянов Николай Евгеньевич. Реконструкция биографии.....	294
Тимофеев А.Н. Гудков Павел Павлович (материалы для библиографического словаря).....	299
Болотников А.К. Мой отец, Константин Болотников – краевед, мемуарист, писатель	303
Варыгина М.А. Родословная семьи Шляховых.....	307
Клокова Д.Н., Тимофеев А.Н. События в жизни Мартьяновых на страницах газеты «Нью-Йорк Таймс» (1930 – 1984).....	311
Ооржак Ш.С. Малоизвестные страницы истории Тувы: Оюн Танчай Чырандай оглу (1894–1938).....	315
Паршуков В.А. Енисейские казаки – минусинцы на гражданской войне и в эмиграции.....	318
Погребняк А.И. Минусинская ссылка Л.Б. Каменева (Розенфельда).....	322
Сёмочкина В.Ф., Мишина Д.А., Омельченко В.С. Учительская династия Рачевых.....	326
Скоробогатова Н.Н. Биография С.Я. Наперковского – участника Январского восстания в Польше, в условиях проживания в Сибири. (Правовые ограничения и адаптация).....	330
Таштандинов И.И. Российский геолог и политический деятель Орлов В.П.....	336

РАЗДЕЛ VI. ДОПОЛНЕНИЯ

Катина Е.М. Курагинская коммуна «Соха и Молот» и её председатель Саломатов В.И.....	339
Катина Е.М., Бормотова Е.С. Почётный председатель колхоза Губанов Денис Петрович.....	343
Образцова А.В., Халтаева А.Ю. Енисейская писаница.....	345
Леонтьев Е.В. О демографических условиях служилой колонизации Красноярского уезда в кон. XVII – нач. XVIII вв.	348
Леонтьев Е.В. Данные ономастики о происхождении русских старожилов Хакасско-Минусинского края в XVIII в.....	354
Топчиев В.В. Формирование системы охраны здоровья детей, на примере развития здравоохранения Хакасии в пер. пол. XX в.	358
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	363
СПИСОК АВТОРОВ	366

РАЗДЕЛ I.

МУЗЕЙНАЯ СИБИРЬ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

Г.Д. Гусева,
г. Минусинск

Факультет «Краеведение» народного университета «Активное долголетие»

Посвящается памяти Валентины Алексеевны Полевой

Одним из трендов общедоступных библиотек стало включение данных социальных институтов в процесс непрерывной образовательной деятельности.

В Красноярском крае с 2012 года на основе межведомственного взаимодействия осуществляется работа народных университетов «Активное долголетие», способных обеспечить непрерывный образовательный процесс для людей старшего возраста. Цели создания университетов – сохранение социальной и интеллектуальной активности людей пожилого возраста, создание условий для их адаптации в современном обществе.

Интерес к неформальному образованию у пожилых жителей Минусинска очень большой. Город на юге Красноярского края, благодаря комфортному климату, плодородной земле, уникальным целебным озёрам, ленточным борам, а также развитой социальной инфраструктуре, привлекателен для выезжающих с северных районов края, Якутии, Тувы. Пенсионеры составляют 36% городского населения.

Базой Минусинского филиала Красноярского краевого народного университета «Активное долголетие» определена Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина. С 2013 года на четырёх факультетах («Краеведение», «Основы компьютерной грамотности», «Здоровье», «Культура и искусство») обучилось 470 человек. Многие пожилые слушатели посещают несколько факультетов одновременно.

Богатая история Минусинска и его окрестностей, соседней Республики Хакасия привлекает людей любознательных, пытливых, ищущих ответы в глубинах истории, анализирующих современное состояние.

Программа факультета «Краеведение» включает лекционные занятия, встречи, экскурсии, экспедиции. Слушатели в лекционной форме подробно знакомятся с историей, традициями, бытом, искусством города Минусинска. Разрабатывала программу и вела занятия декан факультета, сотрудник отдела краеведческой деятельности Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина Валентина Алексеевна Полева, безвременно ушедшая в июне 2016 года. Продолжила её деятельность Людмила Павловна Чащина.

Экскурсии в Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова и научную библиотеку музея (одну из старейших библиотек Сибири с уникальными фондами), Минусинский драматический театр, картинную галерею, государственный архив, на предприятия, встречи с историками, артистами, художниками, поэтами и писателями, деятелями культуры и искусства, творческими коллективами расширяют кругозор немолодых студентов.

Позитивный учебный опыт первого года обучения на факультете «Краеведение» способствовал появлению программы второго, третьего года учебной деятельности. Спрос породил предложение. Студенты пожелали учиться и дальше. Для слушателей была разработана программа, которая включала тематические занятия о Красноярском крае: «Красноярский край – история и современность», «Народы, живущие на территории Красноярского края», «Южные районы Красноярского края. История возникновения, современное состояние».

Зачётные занятия по темам проходят в игровой форме. Игра создаёт атмосферу праздника в будничной атмосфере привычной жизни. Совмещение полученных теоретических и практических знаний, эмоциональная вовлечённость в процесс собственного развития студентов университета даёт хороший результат: количество верных ответов приближено к максимуму, значит, слушали внимательно.

Разбуженная потребность открывать новые места вывела слушателей за городские пределы. Первые маршруты предлагала декан факультета, затем студенты сами стали изучать краеведческую литературу, интернет-источники, инициировать новые маршруты, рекомендовать исторические и культурные объекты.

За три года совершено множество экспедиций по Хакасии и югу Красноярского края: побывали в музее под открытым небом – древней обсерватории «Сундуки» (Республика Хакасия), поднимались к Спящему Саяну и Висячему камню в природном парке Ергаки (Ермаковский район) и на гору Шишка (Минусинский район), где находится памятник материальной культуры с наскальными рисунками; изучали петроглифы Шалаболинской писаницы (Курагинский район).

Состоялись экспедиции в национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова в г. Абакане и в Хакассский республиканский национальный музей-заповедник «Казановка» (Республика Хакасия). В районных центрах Краснотуранское, Идринское слушатели посетили местные краеведческие музеи, библиотеки, православные храмы.

В планах слушателей факультета «Краеведение» совершить экспедиции в город Енисейск (300-летие которого будет отмечаться в 2019 году), в село Каратузское, бывшую казачью станицу, Бородинские пещеры – геологический памятник природы республиканского значения в Хакасии.

Всё увиденное вызывает у пожилых людей яркие эмоциональные впечатления – богатая природа, любовь к малой родине, старания сохранить для потомков сведения по истории села, края, и, конечно, гордость за свой край, Родину, Россию.

Деятельность университета направлена на вовлечение пожилых людей в активную гражданскую и культурную жизнь. Библиотечное пространство становится местом для общения, творческой самореализации, проведения культурного досуга.

На факультете «Краеведение» проходят встречи в неформальной обстановке, слушатели собираются на чаепитие в преддверии Нового года, на календарные праздники, рассказывают о своих увлечениях, профессиональных и культурных особенностях. Ещё недавно незнакомые люди становятся друзьями, появились объединения по интересам.

На базе отдела краеведческой деятельности Центральной городской библиотеки создан краеведческий клуб «Истоки». Краеведы и путешественники, большая часть которых слушатели факультета «Краеведение», совершают пешие экспедиции по окрестностям Минусинска и Минусинского района, фотографируют, снимают видео, затем монтируют видеofilмы, готовят слайд-презентации и показывают их на заседаниях клуба.

Образование – процесс получения знаний и реализация их на практике. Показательным результатом активности студентов стал поиск своих корней, составление генеалогического древа, изучение краеведческой литературы и архивных источников. Расширился круг интересов – от истории семьи к истории населённого пункта, анализу рядовых и переломных событий российской истории. Слушатели факультета «Краеведение» становятся членами городского клуба «Краевед», выступают со своими работами на межрегиональных и зональных конференциях, Мартьяновских чтениях, дают консультации по составлению генеалогического древа. Выставленные в сети Интернет фотографии путешественников вызывают неизменный интерес, появляются восторженные комментарии и вопросы – где находится то или иное место, как доехать. И дело чести начинающих краеведов-краелюбов дать достойные ответы на вопросы.

Библиотека как культурно-образовательный центр ориентирует на личностный рост и развитие человека. Библиотекари выступают в роли педагогов, консультантов и наставников, своей деятельностью помогают вырабатывать устойчивую мотивацию к обучению, в том числе и у читателей пожилого возраста. Просветительский образовательный проект народный уни-

верситет «Активное долголетие» – пример положительного изменения в обществе к старшему поколению.

2016 г.

Г.Д. Гусева,
г. Минусинск

Муниципальные библиотеки Минусинска в культурной инфраструктуре города

Минусинск – старинный сибирский город с хорошо развитой сферой культуры: краеведческий музей имени Н.М. Мартьянова и драматический театр с богатой историей, музыкальная и художественная школа, Централизованная библиотечная система, в которую входят 10 библиотек, колледж культуры и искусства. Минусинск по праву называют культурной столицей юга Красноярского края. В городе создано социальное пространство, в котором каждый житель может активно участвовать как творческая личность и пользоваться потенциалом учреждений культуры.

Библиотеки – это базовый элемент городской инфраструктуры и наиболее посещаемые из всех учреждений культуры. Большинство жителей, пользующихся благами культуры, – это читатели библиотек.

В Красноярском крае особое отношение к данному социальному институту: с 2015 г. ведётся работа по модернизации библиотек, разработана и действует краевая программа модернизации городских библиотек «Библиотека будущего». В рамках проекта модернизировано 12 библиотек.

Модернизация библиотек осуществляется путём изменения их пространства с использованием новых архитектурно-дизайнерских решений, оснащения оборудованием, внедрения современных форматов работы. Дизайнеры бренд-бука проекта «Городская библиотека» – «Библиотека будущего» предложили сетевой формат, который предполагает высокое качество и узнаваемость продукта. При общем подходе сохранены характерные особенности каждой библиотеки на конкретной территории. Разработчики придерживаются определённых принципов: открытости, гибкости, прозрачности, клиентоориентированности, масштабирования. Библиотеки проектируются в одном стиле, в одной цветовой гамме (брусничная и серая для взрослой, оранжево-зелёная для детской) с наружной вывеской, ярко светящейся в ночное время суток, большими панорамными окнами, через которые каждый прохожий может увидеть происходящее в залах и стать её читателем.

В «новой библиотеке» главной остаётся книга; открытая книга изображена на логотипах, разработанных в едином стиле. Графические рисунки подчёркивают особенность территории библиотек – участниц проекта. Обязательным условием стало наличие имени библиотеки.

В Минусинске вошли в сетевой проект Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина (2016 г.) и Городская библиотека им. А.Т. Черкасова (2015-2016). Библиотеки изменились внешне, появилось мультивариативное пространство для реализации творческих проектов, интеллектуального досуга, зоны публичного одиночества. Задан новый стандарт в содержании работы, библиотеки стали открытым пространством для читателей, местом проявления гражданских инициатив населения.

Большинство объединений в Минусинской ЦБС создано и действует по инициативе горожан. Минусинцы с активной жизненной позицией предлагают себя в качестве лекторов, ведущих, придумывают программы занятий и собирают аудиторию в опера-клуб «Fitzcarraldo», где проходят просмотры и обсуждения мировых оперных постановок и мюзиклов; в драма-клуб «Подмости», участники которого путешествуют по мировым театрам, смотрят театральные постановки, используя Интернет-возможности; любителей авторской песни объединяет клуб бардовской песни и поэзии.

К практике культурного диалога относятся лекции. Сотрудники библиотек, читатели, посети-

тели, инициативные представители городских сообществ предлагают темы и читают лекции по самым интересным и актуальным темам в сфере литературы, истории и искусства.

Лекции читают в научно-просветительском клубе «Иллюминатор», гуманитарном лектории «Пробелы образования», в проекте «Серия авторских лекций «Буквы джаза». («Русский солдат в начале XX века» – член клуба исторической реконструкции «Енисеец»; разоблачение мифа о «Золотом веке» и «Эволюция человека» – специальный корреспондент телеканала «Енисей» Артём Охальников).

Поводом к разговору, интеллектуальному, творческому общению становятся кинопросмотры. Три киноклуба работают в модернизированных библиотеках: клуб интеллектуального кино «Мистер Фёст» и Городской киноклуб «Брат Люмьер» созданы по инициативе работающей молодёжи; в клубе любителей кино «БлоГбастер» старшеклассники знакомятся с экранизированными произведениями классиков. Кинорепертуар предлагают читатели, выставляя список фильмов на голосование в социальной сети «ВКонтакте»; смотрят и обсуждают фильм, набравший наибольшее количество баллов.

В библиотеках созданы условия для комфортного отдыха, сформированы дискуссионные площадки. Камерная обстановка, особая атмосфера, возможность дискутировать и высказывать своё мнение позволила горожанам встречаться, чувствовать себя свободно. Непременный атрибут каждой встречи — презентация и тематическая выставка книг и материалов из фонда библиотеки.

Библиотеки работают в самых разных направлениях. Наши учреждения – активные участники культурного и образовательного процесса, это универсальная познавательная площадка для людей разного возраста. Одним из трендов общедоступных библиотек стало включение данных социальных институтов в процесс непрерывной образовательной деятельности.

На базе ЦБС города Минусинска с 2013 г. работает Минусинский филиал Красноярского краевого народного университета «Активное долголетие» – просветительский проект, обеспечивающий образовательный процесс для людей старшего возраста. На пяти факультетах: «Краеведение», «Здоровье», «Культура и искусство», «Основы компьютерной грамотности», «Декоративно-прикладное искусство» занимается свыше 200 человек, многие из них – на нескольких факультетах.

Библиотека как культурно-образовательный центр ориентирует на личностный рост и развитие человека. Библиотекари выступают в роли педагогов, консультантов и наставников, своей деятельностью помогают вырабатывать устойчивую мотивацию к обучению, в том числе и у читателей пожилого возраста.

Библиотеки – неперенные участники городских праздников. На Дне города, на Дне России, на брендовом празднике «День Минусинского помидора», на Масленице библиотечная площадка выделяется среди прочих ярким оформлением и содержательной деятельностью.

Осенью 2017 г. в Минусинске впервые состоялся фестиваль «Ресторанный день». На креативной библиотечной площадке необычного кулинарного события разместился однодневный ланч-ресторан «Пушкинъ», полностью посвящённый литературе. Помимо любимых Пушкиным блюд, в программе были поэтические чтения, литературные конкурсы, книжная фотолокация и книжная выставка в формате нон-фикшн. Меню команда сотрудников городской библиотеки им. А.С. Пушкина подчинила концепту – «гастрономические предпочтения гениального поэта»: огурчики свежепросольные, печёный картофель, полба, тыква в трёх текстурах, крупитчатые розовые блины.

Библиотеки становятся площадками (иногда единственными в городе) для написания Тотального диктанта и Большого этнографического диктанта.

Формы работы, применяемые в библиотеках Минусинской ЦБС, – самые разнообразные, приоритет – за активными формами.

В последнее время стало популярно использовать интересную форму интеллектуального развлечения – квесты. Квесты могут быть посвящены самым разным темам. В рамках игры участники решают логические задачи, выполняют поиск необходимой информации, учатся работать с информационными ресурсами: электронным каталогом, энциклопедиями, справочниками, словарями,

находить полезную информацию и применять её (информационно-литературный квест «Британия и британцы», квест «Путешествие по немецкоговорящим странам», квест-ориентирование «... Через века... до наших дней», посвящённом юбилею Н.М. Карамзина и его труду «История государства Российского»).

Самый распространённый в библиотеках способ привлечения и закрепления молодёжи – выделение специального пространства в виде «молодёжной зоны». В двух модернизированных библиотеках такими зонами стала вся библиотека, но молодёжь выделяет многофункциональный зал, обеспеченный необходимым оборудованием – широкоформатным экраном, проектором, компьютером. Недаром показать своё творчество, чаще всего впервые, молодые люди стремятся именно здесь: первые стихи, первая музыка, первые песни, первые театральные постановки. Здесь происходит оценка таланта и способностей исполнителей, можно фантазировать, творить, пробовать себя в профессии. («Музыкальный проект «PRO РОК» и Творческий проект Виталия Лисянского «Пару раз»).

В 2017 году студенты Минусинского колледжа культуры и искусства организовали инклюзивную театральную студию «Герои». «Особые дети» на занятиях, проходящих в ЦГБ, учатся актёрскому мастерству, умению работать в команде и преодолевать тревожность и страхи. Театральные представления развивают у детей инициативу и воображение, позволяют точно формулировать мысли и лучше общаться с другими ребятами, чувствовать себя нужными и равными, уважать друг друга. Деятельность театральной студии финансово поддержана в рамках социального проекта «ЛИФТ».

Библиотека помогает поднять социальный уровень горожан, прежде всего молодых. В ЦГБ с 2012 г. действует общественное объединение молодёжи «Блог активной медиа-молодёжи» (БАММ). Цель молодёжного сообщества – поиск и объединение талантливой и активной молодёжи, конструирование социального пространства для интеллектуального досуга молодых людей. В социальной сети ВКонтакте в блоге «БАММ» ежедневно размещается информация о процессах и событиях, происходящих в молодёжной среде г. Минусинска. Ребята БАММовцы (возраст от 14 лет) занимаются проектной деятельностью, продвижением чтения, фотоискусством, журналистской деятельностью. Они устраивают акции, флэшмобы, фотосушки, фотоквесты, пишут сценарии для короткометражных фильмов и театральных постановок, становятся актёрами и режиссёрами, ведущими городских мероприятий, праздников, концертов, публикуют статьи в социальных медиа, местных газетах.

Интересные, полезные проекты поддерживаются горожанами и властью. Библиотеки становятся смыслообразующим элементом города, востребованными жителями и необходимыми для них.

2017 г.

Т.А. Драгайкина,
г. Новосибирск

Редкие сибирские издания в фонде Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН

Отдел редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН никогда не ставил перед собой задачу изучения сибирского книгоиздания, уделяя большее внимание бытованию книги древнерусской традиции за Уралом. Далеко не все старинные сибирские издания, имеющиеся в библиотеке, хранятся в ОРКиР. Тем не менее, в фонде отдела присутствует достаточное количество редких экземпляров изданий, отражающих различные этапы развития книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. В нём имеются книги с примечательной историей, принадлежавшие известным учёным и общественным деятелям, с автографами авторов, подаренные ими друзьям, – свидетельства связей между исследователями, литераторами. Большая часть этих изданий – труды по различным во-

просам истории, культуры, этнографии Сибири и Дальнего Востока. В связи с этим работа по выявлению подобных экземпляров (в особую коллекцию в фонде они не выделены) и выяснению подробностей их бытования имеет немалую ценность.

Сибирское книгоиздание XVIII века представлено в фонде ОРКиР журналом «Библиотека учёная, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная», издававшимся в Тобольске в типографии купцов Корнильевых Панкратием Платоновичем Сумароковым (внучатым племянником известного литератора). Большая часть имеющихся в ГПНТБ СО РАН номеров этого журнала поступила в фонд в составе собрания Колывано-Воскресенских горных заводов. Три экземпляра были приобретены через букинистические магазины в Ленинграде. Один из них содержит владельческую запись Ивана Селифонтова – вице-губернатора Тобольского наместничества, после выхода в отставку проживавшего в Ярославской губернии, указанного в перечне подписчиков журнала,¹ из которого следует, что «Библиотеку...» получали в Санкт-Петербурге, Москве, Вятском, Екатеринославском, Киевском, Воронежском, Орловском и других наместничествах. Таким образом, остальные экземпляры могли принадлежать и лицам, никогда не проживавшим в Сибири. Изначально амбиции издателя не ограничивались просвещением земляков: о подписке на журнал было напечатано в «Московских» и «Санкт-Петербургских Ведомостях». П.П.Сумароков изначально не стремился делать акцент на сибирской тематике; напротив, содержание его журнала, отбор материала говорит о его стремлении к универсальности и следовании идеям Просвещения. «Материи, коими книга сия будет наполнена, выбраны более, нежели из пяти сот иностранных лучших и новейших книг», – сообщалось в объявлении о подписке на журнал, напечатанном в его первом выпуске.² В журнале печатались и труды тоболяков, в частности, «Слово о пользе физики, говоренное во время открытого испытания в Тобольском Главном Народном училище высших классов учителем Тимофеем Воскресенским 1793 года июля 12 дня».³ В то же время основное место уделялось переводам, в частности, из знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, из английского журнала «Зритель».

Собрание ОРКиР в определённой степени отражает динамику развития книгоиздания в различных городах Сибири и Дальнего Востока (Тобольске, Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Минусинске, Иркутске, Новониколаевске, Чите, Якутске, Хабаровске, Владивостоке). В качестве примера можно привести две книги, связанные с историей Минусинска: «Древности Минусинского музея» Дмитрия Александровича Клеменца (Томск, 1886) и «Минусинский край в XVIII веке» Вадима Александровича Ватина, известного публициста, первого историка Минусинска, известного также под псевдонимом Быстрянский (книга выпущена в Минусинске в 1913 г.). Если ещё в начале 1880-х годов минусинские исследователи вынуждены были печатать свои работы в других городах, то позднее книгоиздание в Минусинске вышло на достаточно высокий уровень, полиграфические предприятия города удостаивались наград на престижных выставках.⁴ Книга В.А.Ватина была издана в типографии Александра Фёдоровича Метёлкина. В 1911 г. на Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке типографщик был отмечен похвальной грамотой.⁵ Экземпляр труда В.А. Ватина, хранящийся в ГПНТБ СО РАН, содержит большое количество помет, сделанных разным почерком, что свидетельствует об активной и вдумчивой работе с книгой. Штамп свидетельствует о его принадлежности Ойротскому музею (ныне Музей им. Анохина).

С историей главного музея Республики Алтай связана судьба известного краеведа, одного из учредителей Общества любителей исследования Алтая, позднее ставшего Алтайским подотделом Западносибирского отдела Русского Географического общества, Николая Степановича Гуляева. Его палеонтологическая, минералогическая, археологическая и книжная коллекция (начало ей было положено его отцом), приобретённая в октябре 1918 г. Каракорум-Алтайской окружной управой, составила основу будущего музея. Некоторые книги, принадлежавшие Н.С. Гуляеву, хранятся в ГПНТБ СО РАН. В частности, в отделе редких книг и рукописей имеется подшивка издававшейся в Томске «Сибирской газеты» за 1881 г. с записью Д. Поникаровского «На память приятелю Николаю Степановичу Гуляеву. Послушай: взявши сей альбом, / Ударься в стену лбом, / И с сим

ударом вдруг / Придёт на память друг». Полицейский чиновник, занимавшийся краеведением и литературой, Дмитрий Алексеевич Поникаровский (1841-1918), полноправный член совета Общества любителей исследования Алтая, передал в библиотеку Общества ряд комплектов сибирских периодических изданий, а также рукописей, собранных им за время службы в различных местах.⁶ Судя по процитированной записи, газетные подшивки из личной коллекции могли рассматриваться и как подарок на память другу. В ОРКиР ГПНТБ СО РАН хранится также «Памятная книжка Западной Сибири» (Омск, 1881), принадлежавшая Н.С. Гуляеву.

На книге В.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске» (Иркутск, 1915) имеется дарственная запись одного из авторов, В.С. Войтинского, Ф.Г. Чучину «на добрую память и как надежное средство от бессонницы». Владимир Савельевич Войтинский (1885-1960), революционер, автор ряда работ по экономике, в 1914-1916 гг. находился на поселении в Иркутске (в общей сложности он провёл в Иркутской губернии 7 лет). В 1918 г. он примкнул к меньшевикам, эмигрировал, в годы Второй мировой войны являлся фактическим советником Ф.Д. Рузвельта по вопросам трудовых отношений. Книга была подарена автором революционеру Фёдору Григорьевичу Чучину (1883-1942), участнику революционного движения в Сибири, с 1921 г. ставшему руководителем советской филателии.

Экземпляр книги М.Н. Хангалова «Новые материалы о шаманстве у бурят» (выпуск «Записок Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества», (Иркутск, 1890)) происходит из библиотеки семьи этнографов и музеевцев Михаила, Николая, Алексея и Веры Харузиных (сохранившаяся часть этой библиотеки находится в Отделе редких книг Московского государственного университета).⁷ Брат и сестра Николай и Вера Харузины проявляли большой интерес к сибирским музеям, в частности, Тобольскому и Минусинскому. Алексей Николаевич Харузин с 1908 г. занимал должность директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. С деятельностью этого департамента связан небезынересный документ, хранящийся в ОРКиР, – машинописные путевые записи Георгия Брониковского, командированного по распоряжению А.Н. Харузина в июле 1909 г. в Иркутскую губернию и Забайкалье для изучения быта бурят. Эта книга, преподнесённая А.Н. Харузину, была приобретена сотрудниками ОРКиР в 1986 г. в Москве в букинистическом магазине.

Характерно, что большая часть напечатанных в Сибири книг и периодических изданий, прежде чем поступить в ОРКиР ГПНТБ СО РАН, побывала за Уралом. Так, книга И.Сырцова «Император Александр Николаевич II как покровитель и благодетель православной церкви» (Тобольск, 1882) была отправлена в Казанскую духовную академию, библиотека которой перешла в фонд Казанского государственного университета, откуда многие дублетные издания были переданы в ГПНТБ СО РАН. Комплект томского журнала «Сибирский студент» за 1914 г. принадлежал Обществу помощи учащимся в Санкт-Петербурге туркестанцам. Новониколаевский бюллетень Сибирского общества друзей воздушного флота «Даёшь Сибири красные крылья!» за 1924-1925 гг. был получен в 2002 г. по обмену с Национальной библиотекой Беларуси. Через Новосибирский областной книготорг были приобретены единичные экземпляры. Среди них заслуживает внимания «Проект устава Новониколаевского городского реального училища», напечатанный в 1907 г. в первой типографии Новониколаевска, принадлежавшей Н.П. Литвинову. Штатпы учреждений Новониколаевска (в 1925 г. переименован в Новосибирск), которым принадлежали хранящиеся в ОРКиР издания, обнаруживаются на немногих раритетах. В частности, три переплетённых вместе выпуска красноярского литературного, научного и политического журнала «Сибирские записки» (1917, №3-5) принадлежали библиотеке Общества попечения о народном образовании в Новониколаевске.

Некоторые книги, изданные в Сибири, были отправлены в Государственную библиотеку ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства), государственную научную библиотеку Народного комиссариата тяжёлой промышленности, Народного комиссариата угольной промышленности (различные этапы существования первой созданной в советское время научно-технической библиотеки), а впоследствии, когда было принято решение о создании ГПНТБ СО РАН, были перевезены обратно в Сибирь. В большинстве своём это были издания, информирующие о развитии советской

Сибири: «Отчёт второго съезда Сибирского экономического совещания» (Новониколаевск, 1925), «К вопросу об индустриализации Сибири» (Новониколаевск, 1925), «Культурное строительство в Сибирском крае» (Новосибирск, 1928), «Первая Сибирская краевая промышленная научно-исследовательская конференция» (Новосибирск, 1930), «Первая конференция молодых учёных и специалистов Западной Сибири» (Новосибирск, 1948). Книга «Новосибирская окружная конференция батрачества и бедноты» (1929) поступила в библиотеку Кремля.

Достаточно большое количество изданий о Сибири, в том числе с автографами и дарственными записями, поступило в ГПНТБ СО РАН в составе коллекции известного географа Михаила Алексеевича Сергеева, выдающегося ценителя и знатока книги, участвовавшего в экспертно-оценочных комиссиях, собиравшихся для комплектования фонда Библиотеки Академии наук.⁸ Некоторые экземпляры, прежде чем попасть в ГПНТБ СО РАН, побывали в Камчатской геолого-геофизической обсерватории (4164 книги были ею приобретены; в данный момент 2000 книг находится в Библиотеке института вулканологии и сейсмологии).⁹ Сам М.А. Сергеев был членом Акционерного Камчатского общества и исследовал народное хозяйство Камчатки, поэтому закономерно, что значительная часть его коллекции хранится именно в этом регионе. Приобретённые Сибирским отделением АН СССР книги не составляли всего собрания учёного, более 3000 томов оставалось в его доме и после смерти владельца были распроданы через Книжную лавку писателей, причём некоторые экземпляры были приобретены Публичной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина.¹⁰ К сожалению, поступившее в ГПНТБ СО РАН собрание оказалось расформированным, и книги с экслибрисами М.А. Сергеева в настоящее время рассеяны, попадают они и на продажу в обменно-резервный фонд. Ряд ценных изданий из библиотеки учёного попал в ОРКиР.

В собрании М.А. Сергеева присутствуют книги, содержащие записи, отражающие связи между исследователями. Так, в его коллекцию попали издания, принадлежавшие Александру Васильевичу Оксену (1859-1941) – уроженцу Томской губернии, преподавателю гимназии, составителю сборников, учебников и хрестоматий по фольклору, изучавшему Сибирь до эпохи Ермака, который скончался в блокадном Ленинграде. Записи в книгах свидетельствуют о том, что получил от тобольяка Евгения Васильевича Кузнецова его работу «Сказания и догадки о христианском имени Ермака» (Тобольск, 1890) вскоре после издания (в дарственной надписи значится 22 декабря 1890 года, а позднее от историка, исследователя сибирского летописания, и общественного деятеля Иннокентия Ивановича Тыжнова «на добрую память» книгу «Из истории горнозаводского населения на Алтае» (Барнаул, 1907).

На книге «Декабристы в Забайкалье» (Чита, 1925) присутствует запись «На память о Минюсинске С.В. Иванову. 24.VIII.1934». Сергей Васильевич Иванов (1895-1986) был выдающимся советским этнографом, учеником В.Г. Богораза, сотрудником Института антропологии и этнографии АН СССР. В 1935 г. он был командирован в музеи Тобольска, Минусинска, Красноярска и Енисейска для изучения этнографии финно-угорских и тюркских народов Сибири. Экземпляр книги неизданных материалов о деятельности известного историка и философа «А.П. Шапов в Иркутске» (Иркутск, 1938) был подарен известному этнографу Марку Константиновичу Азадовскому сразу после выхода. Собственные работы М.К. Азадовского, напечатанные в Сибири («Н. Бестужев – этнограф», «Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири» (обе –Иркутск, 1925)), также присутствовали в библиотеке М.А. Сергеева и хранятся в ОРКиР.

Немногочисленны в фонде ОРКиР дальневосточные издания. Экземпляр из фонда ОРКиР ГПНТБ СО РАН с автографом, пожалуй, наиболее известного писателя, посвятившего себя Дальнему Востоку, – «В кратере вулкана» В.К. Арсеньева с записью «Ф.Ф. Аристову от автора. Владивосток, 7.XII.1926 г.». Фёдор Фёдорович Аристов был первым биографом писателя-путешественника и много общался с ним лично. Книга побывала в Литературном музее, на базе которого в 1941 г. был создан Центральный государственный литературный архив, штамп библиотеки которого имеется на экземпляре, исключенном из фондов этого учреждения.

Дальнейшее изучение экземпляров редких сибирских изданий из фонда ОРКиР ГПНТБ СО

РАН может пролить свет на многие интересные подробности бытования книг, изданных за Уралом и представлявших интерес для российских читателей.

2016 г.

Примечания:

¹ Библиотека учёная... Ч. 12. Тобольск, 1794. 216, [2], 12 с., – с. 1–12.

² Библиотека учёная, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, в пользу и удовольствие всякого звания читателей. Ч. 1. Тобольск, 1793. 268, [3] – с. III.

³ Библиотека учёная... Ч. 8. Тобольск, 1794. 238, [2] – с. 15 – 37.

⁴ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 2. Конец XIX – начало XX в./ Отв. ред. С.А. Пайчадзе. Новосибирск, 2001. – с. 33.

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Ермолаев А.Н. Дмитрий Алексеевич Поникаровский – исследователь, журналист, писатель // Поникаровский Д.А. Сочинения по истории земли Кузнецкой. Кемерово, 2011. – с. 16.

⁷ Керимова М.М. Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // Этнографическое обозрение. 2003, №4. – с. 90.

⁸ Петряев Е.Д. Люди, рукописи, книги. Киров, 1970. – с. 215.

⁹ Библиотека Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук: официальный сайт. [Электронный ресурс] дата обновления: 05.05.2014. URL: <http://www.kscnet.ru/ivs/bibl/sergeev.htm>

¹⁰ Петряев Е.Д. Люди, рукописи, книги. Киров, 1970. – с. 215. – с. 226-227.

Т.А. Драгайкина,
г. Новосибирск

**Книги из собрания сибиреведа М.А.Сергеева
в фонде Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН**

В настоящее время представляются весьма актуальными исследования, связанные с историей формирования библиотечных фондов и судьбами частных книжных собраний, пополнивших коллекции государственных библиотек.

В отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН имеется несколько крупных мемориальных коллекций: рукописи, старопечатные издания, старинные документы из собрания историка Николаевича Тихомирова (1893-1965), многие из которых отражены в каталоге,¹ вся библиотека историка Александра Ильича Клибанова (1910-1994); выпущен её каталог,² часть собрания филолога Варвары Павловны Адриановой-Перетц (1888-1972), активно изучаемое в настоящее время,³ листовки из коллекции пианиста Моисея Семёновича Лесмана (1902-1985), иностранные книги из коллекции исследователя цыганской культуры Валерия Иосифовича Санарова (1937-2000). Перспективной и важной является задача выделения из общего фонда библиотеки расплывённых по нему частных коллекций. Так, недавно было принято решение о передаче в отдел редких книг и рукописей из книгохранения ГПНТБ СО РАН уже практически полностью выявленного собрания историка Николая Владимировича Устюгова (1897-1963), хранящихся в библиотеке.

Ряд значительных частных собраний учёных, переданные в ГПНТБ СО РАН, оказались расплывёнными по фонду библиотеки, в частности коллекция, принадлежавшая известному географу Михаилу Алексеевичу Сергееву (1888-1965). Его собрание определенно заслуживает внимания исследователей из главной библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук, поскольку большая часть его коллекции по тематике, а некоторые экземпляры и по месту издания и истории бытования, имеет непосредственное отношение к истории Сибири, Севера, Дальнего Востока. М.А. Сергеев общался практически со всеми виднейшими советскими библиографами, являлся председателем правления издательства «Прибой», затем председателем кооперативного «Издательства писателей в Ленинграде».⁴ С 1929 г. М.А. Сергеев занимался изучением Сибири и Севера. Он руководил научно-исследовательским отделом Акционерного Камчатского общества, побывал во множестве экспедиций, сотрудничал в научно-библиографическом отделе библиотеки

Академии наук СССР, Книжной палате, в Совете по изучению производительных сил Академии наук СССР. Заведовал экономической секцией и руководил аспирантурой научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера при ВЦИК, затем был заместителем директора по научной части Института полярного земледелия и старшим научным сотрудником Института этнографии АН СССР. Его именем названы ледник и потухший вулкан на Камчатке.⁵

Архив М.А. Сергеева хранится в Российской национальной библиотеке и библиотеке Географического общества. В 1951 г. учёный принял решение передать книги из собранной им библиотеки, посвящённые Сибири и Северу, Сибирскому отделению Академии наук СССР (их было более 4000). Большая часть этих книг в данный момент находятся в Институте вулканологии на Камчатке, однако некоторые из них были отправлены в ГПНТБ СО АН СССР. Они содержат штампы Камчатской геолого-геофизической обсерватории, Камчатского комплексного института СО АН СССР. После смерти М.А. Сергеева оставшаяся часть библиотеки (около 4000 томов) была распродана, причем некоторые книги были приобретены Публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В настоящее время в ОРКиР нами выявлено более 100 названий книг, принадлежавших М.А. Сергееву. Многие из них содержат владельческие и авторские дарственные записи, экслибрисы выдающихся учёных. Именно в ГПНТБ СО РАН хранятся многие наиболее интересные, редкие и ценные экземпляры коллекции, собранной учёным-сибиреведом. Большая часть этих изданий посвящена географии и истории.

Наиболее старинная из отечественных книг данной части коллекции – «О должности человека и гражданина по закону естественному» Самуэля Пуфендорфа (СПб., 1726), которую в октябре 1724 г. лично приказал перевести и напечатать сам император Петр I. Экземпляр из библиотеки М.А. Сергеева содержит запись «Касимова Ивана Фёдоровова сына, симбирского купца». Украшением коллекции русских книг гражданской печати XVIII–первой трети XIX вв. являются 20 частей «Древней Российской вивлиофики», изданной Н.И. Новиковым. 17 из этих томов содержат также штампы Санкт-Петербургского коммерческого училища – первого коммерческого училища не только в России, но и в Европе, которое было открыто в 1772 г. в Москве, а в 1800 г. переведено в Санкт-Петербург. Стоит отметить и присутствующую на всех этих экземплярах книг графическую миниатюру с изображением Л.Н. Толстого, выполненную в 1927 г. художницей и библиографом, занимавшимся миниатюрными книгами, Татьяной Фёдоровной Белоцветовой⁶ для Бориса Михайловича Чистякова (1885-1942), занимавшего должность казначея Ленинградского общества библиофилов и располагавшего рядом выполненных различными графиками художественных экслибрисов.

Кроме того, в ОРКиР хранятся такие примечательные труды учёных XVIII века, как «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов» Г.Ф. Миллера (СПб., 1791), «Путешествие по разным провинциям Российской империи» П.С. Палласа (СПб., 1809), «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 гг.» И.И. Лепёхина, «Летопись сибирская» Г.И. Спасского (1821).

Примечательный экземпляр из библиотеки императора Александра II, хранившейся в Зимнем и Царскосельском Александровских дворцах, – «Книга глаголемая Большой Чертёж, изданная по поручению Императорского общества истории и древностей Российских, действительным членом Общества Г.И. Спасским». (М., 1846).

Много записей, дополняющих содержание книги, имеется в издании «Избранные черты и анекдоты императора Александра I» (М., 1826).

М.А. Сергеева как собирателя интересовали не только книги, имевшие отношение к его специальности, но и литературные раритеты; так, поэмы Ф.Г. Клопштока «Мессия» (М., 1820), героическая повесть в стихах шотландского поэта И. Баркляя (Дж. Беркли) «Аргенида», переведённая В.К. Третьяковым (СПб., 1751; экземпляр принадлежал торопецкому купцу Ермолаю Карповичу Свешникову, о чём свидетельствует запись-скрепа), мистический аллегорический роман И.Г. Юн-

га-Штиллинга «Тоска по отчизне» (М., 1817), роман Ф.Л. Жерара «Граф Вальмон, или Заблуждения рассудка» (М., 1804).

Выявлены две книги, принадлежавшие статскому советнику, археографу, краеведу, члену Воронежской архивной комиссии В.Н. Тевяшову: первый том «Библиотеки иностранных писателей о России» (СПб., 1836) и «Примечания на «Историю древняя и нынешняя России» г. Леклерка» И.Н. Болтина (СПб., 1788).

Некоторые книги были изданы в сибирских городах: типографии И.П. Казанцева (Иркутск), типографии Епархиального Братства (Тобольск), типо-литографии М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского (Томск), (Якутск). Отражено и становление советского сибирского книгоиздания: книги, выпущенные Иркутским губстатбюро, Иркутским областным издательством.

Особый интерес представляют экземпляры с записями исследователей, имеющих отношение к Сибири.

Так, третий том работы известного исследователя Западной Сибири Александра Александровича Дунина-Горкавича «Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев» (Тобольск, 1911) содержит запись «19.XII.1923. г. Тобольск. Дорогому, незабвенному Аарону Яковлевичу Штенбергу от автора. Дунин-Горкавич». А.Я. Штенберг (1871-1915) – врач, краевед, этнограф, действительный сотрудник Тобольского губернского музея.

На оттиске из журнала «Исторический архив», «Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке» (М., 1936), имеется дарственная надпись: «Маститому сибиреведу дорогому Марку Константиновичу Азадовскому скромный экс-сибиряк. 28.IX.36». М.К. Азадовский (1888-1954) – фольклорист, этнограф, литературовед, работы которого, а также книги, которые он редактировал, и экземпляры с посвящёнными ему дарственными надписями занимают особое место в коллекции М.А. Сергеева. В ней присутствует «Дневник путешествия от Читы» декабриста Н.А. Бестужева под его редакцией (Л., 1926), «Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири» (Иркутск, 1925), «Первое столетие Иркутска» (СПб., 1902) с его автографом, «А.П. Щапов в Иркутске (неизданные материалы)» из библиотеки Азадовского с дарственной надписью Боборыкина (Иркутск, 1938). Трехтомник сибирского философа, историка, публициста Афанасия Прокофьевича Щапова (1831-1876), выпущенный в 1905-1908 гг., и дополнительный том к этому изданию, изданный в 1937 г., также имеется в собрании. «Скромный экс-сибиряк» Михаил Павлович Алексеев (1896-1981) – литературовед, в 1927 г. по инициативе профессора М.К. Азадовского был приглашён в Иркутский государственный университет на должность доцента кафедры всеобщей литературы, с 1928 г. – член Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества, в 1933 г. приглашён в Ленинградский университет, с 1934 г. – в Пушкинском доме. У него имеются работы о ссыльных декабристах, поляках в Сибири, фундаментальный труд «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей».

Ещё один пример дарственной записи, отражающей отношения между различными исследователями, обнаруживается на книге «Письма Вениамина, архиепископа Иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру» с предисловием и примечаниями К.В. Харламповича (М., 1913): «Многоуважаемому земляку Алексею Никаноровичу Котовичу с новогодним приветом редактор. 5.I.1914». Историк церкви Константин Васильевич Харлампович (1870-1932) и А.Н. Котович (р. в 1879) происходили из Гродненской губернии. А.Н. Котович известен как автор труда «Духовная цензура в России (1799-1855 гг.)».

На книге П.П. Инфантьева «Жизнь народов России» (СПб., 1912) запись: «Аркадию Веняминовичу Руманову на добрую память от автора. 20 сент. 1912 г.». А.В. Руманов (1878-1960) – юрист, журналист (газеты «Биржевые ведомости», «Русское слово»), коллекционер, меценат. Совместно с Маковским, Рерихом и др. основал философско-эстетический кружок «Содружество». В конце 1918 г. эмигрировал. Порфирий Павлович Инфантьев (1860-1913) – прозаик (написал, в частности, фантастическую повесть «На другой планете»), очеркист, социал-демократ (в конце жизни редактировал журнал «Заветы» эсеровского толка), участвовал в многочисленных этнографических экспедициях.

На книге Дж. Флетчера «О государстве Русском» (СПб., 1905) экслибрис Виктории Андреевны Эвиссон (вела почтовую подписку на газету «Новое время»).

Интерес представляет и машинопись Д.В. Данилевского «Краткий курс по дипломатике и сфрагистике новой и древней по Лихачеву» (СПб., 1912), конспект лекций выдающегося специалиста по источниковедению.

Из иллюстрированных изданий заслуживает упоминания «Атлас к живописному путешествию по Азии, с гравюрами, на 96 листах, 180 изображений разных видов» (М., 1839).

Книги из собрания М.А. Сергеева обнаруживаются не только в отечественной, но и в иностранной части коллекции ОРКиР. Это издания на латинском, английском, немецком, итальянском, французском, голландском, польском языках. Особой ценностью отличаются книги Тита Ливия, Олеария, Геродота. Некоторые из них принадлежали известным исследователям. Так, четырёхтомник «The World in miniature. Russia, being a description of the character, manners, customs, dress, diversions, and other peculiarities of the different nations, inhabiting the Russian Empire» («Мир в миниатюре. Россия, с описанием нравов, манер, обычаев, одежды и других особенностей различных национальностей, населяющих Российскую Империю»), изданный в Лондоне в 1822 г., содержит художественный экслибрис «Из книг Михаила Куфаева» с девизом «Книга – одна из великих граней в кристалле жизни». Михаил Николаевич Куфаев (1888-1948) – один из основоположников отечественной книжной науки. «Родословная история о татарах» хивинского хана-историка Абул-Гази, написанная в 1660-1663 гг. и переведённая В.К. Третьяковым с французского языка, имела в библиотеке М.А. Сергеева как в русском переводе (СПб., 1768), так и в лейденском издании на французском языке 1726 г. Лейденский экземпляр принадлежал педагогу и публицисту В.Я. Стоюнину (1826-1888).

Ряд иностранных книг посвящён основной интересовавшей М.А. Сергеева теме – Сибири и Северу. Среди них «Six mois en Russie» («Шесть месяцев в России») Ж.Ф. Ансело (Париж, 1837; книга из библиотеки Михаила Георгиевича Альтфатера (1840-1918), генерала от артиллерии, члена Государственного совета), «Bei der Samoeden in Sibirien» («У самоедов в Сибири») К. Доннера (Штутгарт, 1926), «Unter Tungusen und Yakuten» («Среди тунгусов и якутов») Ф. Мюллера (Лейпциг, 1882).

В перспективе возможно выполнение работ по выявлению экземпляров книг, принадлежавших М.А. Сергееву, в фонде книгохранения ГПНТБ СО РАН.

2017 г.

Примечания:

¹ Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. – 194 с.

² Библиотека профессора Александра Ильича Клибанова: каталог. Сост. Бородихин А.Ю. и др. Новосибирск, ГПНТБ СО РАН, 1996. – 270 с.

³ Юдин А.А. Владельческие знаки на книгах из собрания В.П. Адриановой-Перетц (ГПНТБ СО РАН, Новосибирск) // VIII Юдинские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 13-16 октября 2015 г.). Красноярск, 2015. Ч. 1. С. 220-231; Юдин А.А. Мемориальная библиотека В.П. Адриановой-Перетц в собрании Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы междунар. науч. семинара (Минск, 2-3 апреля 2014 г.). – Минск; Москва, 2014. С. 138-141.

⁴ Петряев Е.Д. Живая память. М.: Молодая гвардия, 1984. – с. 261-262.

⁵ Труды М.А. Сергеева. Петропавловск-Камчатский: Камчатский областной краеведческий музей, 1973. – с. 5.

⁶ Гетманский Э.Д. Российский книжный знак (1917-1991). В 3 т. Т. 1. Тула: «Инфра», 2004. – с. 190.

Л.Н. Ермолаева,
г. Минусинск

«Сибирская жемчужина» в Нижнем Новгороде

(к 120-летию участия Минусинского музея на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде)

В 2016 г. исполняется 120 лет XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде, в которой принял участие Минусинский музей.

XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка проходила с 28 мая (9 июня н.ст.) по 1 (13 н.ст.) октября 1896 года в Нижнем Новгороде. Она стала значимым событием для России и крупнейшей дореволюционной выставкой в России. Выставка продемонстрировала промышленный подъём и последние достижения России – например, первый в мире радиоприёмник (грозоотметчик) конструкции А. С. Попова; первый русский автомобиль конструкции Евгения Яковлева и Петра Фрезе. Помимо экономических целей, выставка преследовала и определённые политические цели: она стала утверждением Николая II на престоле – 20 октября 1894 г. Николай II принял корону в Москве, а 18 мая 1896 года прошло его коронавание.

Работа по организации выставки началась в 1894 году. В феврале 1894 года были утверждены Положение и Правила об участии на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, которые разосланы по разным территориям России с предложением создать комиссии на местах *«...Всем выставленным предметам будет составлен систематический указатель и они будут подвергнуты осмотру и оценке экспертной комиссии... На основании заключений комиссии экспертов, экспонентам, оказавшим наиболее заслуг в той или другой отрасли отечественной производительности, будут присуждены награды...»*.¹ Оплата за предоставляемые места экспонентам не взималась, предлагались дополнительные льготы участникам, например, оплата транспортных расходов.

По распоряжению министерства финансов на территории площадью около 84 га, было построено более 120 павильонов для частных лиц и учреждений по проектам известных архитекторов XIX века. Императорский павильон в русском стиле и среднеазиатский отдел в мавританском стиле по проекту профессора А. Н. Померанцева, Зал для собраний (на 900 человек) и сибирский павильон были построены профессором, архитектором Л. Н. Бенуа и др. *«...Внешность здания... (сибирского павильона – авт.) кидается в глаза скорее некоторой оригинальностью, нежели изяществом или величию. Всё здание не велико, сажень 25 длины и 20 ширины; строитель его, г. Бенуа, стремился соблюсти в его внешности обычные мотивы крестьянских построек в Сибири...»*.² По территории выставки походила круговая электрическая дорога, было проведено электричество. Стоимость всех расходов на организацию выставки составила почти 50 млн. руб.

В течение 125 дней выставку посетил примерно один миллион человек. Бесплатно посещали выставку народные учителя, ученики, рабочие и проч. Среди посетителей выставки были – царская семья, министры, послы иностранных держав, руководители территорий и др. Для посетителей выставки были установлены 183 маршрута из разных городов России, по железным дорогам и водным сообщениям, со значительной скидкой.

Экспонентов в Нижнем Новгороде насчитывалось 9700. На выставке работало 20 Отделов. Особенно широко были на выставке представлены отделы среднеазиатский, крайнего севера и СИБИРСКИЙ – Отдел XIII. Заведующим этого от дела был вице-председатель Императорского Русского Географического Общества, действительный тайный советник, сенатор Пётр Петрович Семёнов.

К Сибири на выставке был проявлен особый интерес, подчеркивалось её развитие в связи с постройкой железной дороги. *«..... Выставка должна была представить русскому обществу всю Сибирь, как она есть, чтобы показать каждому, кто в этом вполне заинтересован, неведомую страну во всей совокупности её средств...»*.³

«...Сибирь имела на выставке свой павильон, её экспонаты составляли особый, XIII отдел,

который соответственно административному делению Сибири, распадался на 5 групп: амурско-приморскую, забайкальскую, восточно-сибирскую, кабинетскую (алтайско-нерчинскую) и западно-сибирскую...».⁴

На основании ст.6 Положения был образован вспомогательный Комитет в Енисейской губернии, который на заседании 7 октября 1894 г. обратился к заведующим Красноярского, Енисейского и Минусинского музеев «... не найдут ли они возможным, сообразуясь с классификацией предметов по группам Выставки, принять участие в последней коллекциями заведующих ими музеев...».⁵ 6 февраля 1895 г. состоялось заседание комитета Минусинского музея, отметившее «...необходимость участия Местного музея в выставке».⁶ Комитет музея решил – «... желательно экспонировать на Выставке коллекции по отделам сельско-хозяйственному и промышленному». При этом с соблюдением следующих условий: «...Коллекции обязательно должны сопровождаться на Выставку уполномоченным от Музея лицом, на которое возлагается обязанность по доставлению их на Выставку и обратно в Минусинск, а также установка и наблюдение за ними на Выставке. Соблюдение этого условия необходимо в интересах ценности коллекций, между которыми будут находиться предметы трудно заменимые в случае их утраты или порчи...».⁷

15 февраля 1895 г. Минусинская городская управа сообщает Н.М. Мартьянову о том, что город Минусинск и местный музей будут принимать участие на выставке 1896 года, и что средства на подготовке к выставке жертвует 300 рублей «...Потомственным Почётным гражданином Виктором Александровичем Даниловым, и сто руб. ассигновать из общих городских средств»,⁸ и что Минусинский музей, представляя на выставке свои коллекции, показывает весь Минусинский край.⁹

Приняв предложение Иркутского Генерал-Губернатора Горемыкина, музей стал готовиться к выставке. Однако обстоятельства складывались не в пользу Минусинского музея, средства не выделялись и помешала болезнь Н.М.Мартьянова. Об этом Н.М. Мартьянов поставил в известность Губернатора. «...К сожалению, обстоятельства складывались крайне неблагоприятно для Минусинского музея. В начале, по получении в 1894 году предложения участвовать в этой выставке, Комитет составил подробную программу, представил её, но связанные с отправкой на выставку предметов расходы, при скудных средствах, какими располагал Музей, и при неизвестности, какую долю расходов примет на себя администрация и выставочный Комитет, ...впоследствии же тяжкое личное горе, постигшее заведующего Музеем (1 октября 1895 г. умерла Аполлинария Александровна Аргунова – авт.), к которому присоединились затем его тяжёлая болезнь, заставили Комитет музея отказаться от столь заманчивого для него участия».¹⁰

27 июля 1895 г. Н.М. Мартьянов получил письмо зам. Енисейского губернатора: «В конце апреля текущего года Комитет Минусинского местного музея уведомил, что вследствие тяжкой болезни, постигшей Вас, участие названного музея на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. не может быть осуществлено, так как в среде комитета нет лиц, достаточно подготовленных для подбора коллекций на выставку... ...принимая во внимание, что участие Минусинского музея на выставке крайне желательно..., согласно уведомления Канцелярии Иркутского Генерал-Губернатора, ... для отправки экспонатов на выставку будет отпущено 1000 р. ... Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, уведомить меня, не найдёте ли Вы возможным или лично сами или кто иной под Вашим руководством приготовить коллекции для выставки... Особенно желательна по возможности полная коллекция, изображающая сельско-хозяйственную жизнь Минусинского округа...».¹¹

Участие Минусинского музея в промышленной и художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде стало важным событием для музея и города. К тому моменту музей уже принимал участие в различных выставках – Сибирско-Уральская (Екатеринбург 1887 г.), Сельскохозяйственная (Красноярск 1892 г.), Международный Конгресс (Москва 1892 г.), Всероссийская гигиеническая (СПБ 1893 г.).

И все же «...по предложению Г. Иркутского Генерал-Губернатора, Музей принял участие свои-

ми коллекциями в Сибирском отделе Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. На подготовку и отправку коллекций на выставку Музей имел времени не больше 7 недель... Все, что было предназначено к отправке на выставку, был придан по возможности выставочный характер: все ярлыки заменены новыми; многие предметы, хранящиеся в Музее в открытых коробках, размещены в стеклянные банки; все, что можно было выставить на таблицах, – пришито к картонам с соблюдением эстетики и симметрии. Все гербарии помещены в специально заказанные для них папки...».¹²

В подготовке коллекций музея принимали участие члены комитета музея. Также музей пригласил жителей Минусинского округа для участия на выставке, при этом «...взял на себя хлопоты и ответственность по доставке туда и обратно экспонируемых предметов...».¹³ Комитет музея отправил на выставку предметы жителей (колонистов) дер. Верхний Суэтук (сохранились списки участников). Кроме того, многие предметы с выставки, по согласию экспонентов, были проданы.

В отчёте музея за 1896 год даётся подробное описание об участии в выставке: «Благодаря тёплому участию к Минусинскому музею заведующего Сибирским отделом выставки Сенатора П.П. Семёнова и его помощников, экспонаты Музея были размещены в павильоне Восточной Сибири систематично и наглядно – и декорированы с большим вкусом».¹⁴ Экспонаты были размещены в стеклянных витринах, на этажерках, полках, столах, из чучел птиц и зверей была выполнена живописная группа.

На выставке Минусинский музей представил 2111 единиц в 58 группах – сельское хозяйство, промышленность, промыслы, кустарное производство и ремёсла, археология: модели лодок, плотов, красильные растения, мука, крахмал, суррогаты чая, культурные полевые растения, растения Минусинской флоры, полезные ископаемые, коллекция соляной промышленности и другие экспонаты. «...Ко всем коллекциям был приложен объяснительный или дополняющий коллекции текст...».¹⁵

Н.М. Мартьянов впервые за 20 лет выехал из Минусинска. Поездка Мартьянова была совершена на средства и по инициативе Евдокии Петровны Кузнецовой, «...которая мотивировала своё предложение Комитету Музея следующими словами: «Высоко ценя заслуги Н.М.Мартьянова по учреждению Музея и желая воспользоваться его знаниями, трудолюбием и преданностью делу развития этого учреждения, я считаю со своей стороны весьма полезным для развития Минусинского музея поездку Н.М. Мартьянова в Россию и за границу с целью осмотра музеев, выставок, учреждений, поставивших себе задачей распространение полезных сведений и знаний...».¹⁶

В ходе этой поездки Н.М. Мартьянов принял участие в работе Нижегородской выставки, Рижского археологического съезда, побывал на Всероссийской и Рижской археологических выставках, в библиотеках ботанических садов и пр. Он посетил Петербург, Москву, Ригу, Варшаву, Киев, Батуми, Севастополь, Тифлис и др. европейские города. Побывал в Финляндии.

Чем же в итоге оказалась представлена Сибирь на выставке? Газета «Томский листок» писала: «...Экспонаты ...делятся на две категории: имеющие общий научный интерес и носящие исключительно промышленный характер – первые состоят из различных коллекций, собранных тремя местными музеями: Минусинским, Иркутским и Красноярским и представляют историю края и его естественные богатства, быт и промыслы инородцев и пр. Вторые представлены в виде собраний железных, гончарных, фарфоровых, меховых и др. изделий, составляющих собственность и результаты предприимчивости отдельных лиц, ...коллекции Минусинского музея оказались наилучшими, наиболее полными и превосходящими в неизмеримой степени всё, выставленное в помещении Восточной Сибири. ...Нельзя было придумать ничего лучшего, как перевезти сюда все коллекции этого музея и тогда обширный Енисейский край был представлен на выставке с невиданной ещё полнотой и обстоятельностью...».¹⁷

Выставку посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Горемыкин, отметивший, «...что выставка представляет современную промышленность края и выражает неотложную потребность развития её».¹⁸

Экспертная комиссия присудила 5318 различных наград: дипломов I-го разряда – 257, золотых

медалей – 370, дипломов II-го разряда – 407, серебряных медалей – 997, дипломов III-го разряда – 287, бронзовых медалей – 1237.

Дипломом I-го разряда и золотой медалью были награждены музея «За высокую научную ценность коллекций и просветительное их значение» и Н.М. Мартьянов «за составление образцовых коллекций по флоре Енисейской губернии и за продолжительные труды по организации и составлению коллекций Минусинского музея». М.А. Гусева была награждена бронзовой медалью. Н.М. Мартьянову поручалось вручить 20 благодарственных писем «...крестьянам Минусинского округа...», предоставившим экспонаты на выставку.¹⁹ По окончании работы выставки заведующий XIII отделом (Сибирским отделом) Вице-председатель ИРГО П.П. Семёнов направил в адрес участников благодарственные письма, такое письмо получил и Н.М.Мартьянов: «...Заканчивая свою деятельность по заведыванию Сибирским отделом Нижегородской Выставки, считаю приятным долгом сердечно поблагодарить Вас,... за то содействие, которое Вы мне оказали составлением и отправкой на выставку превосходных коллекций Минусинского музея, так полно и наглядно представивших посетителям Отдела природу этого края, историческое развитие и этнографию его обитателей. Экспертная комиссия, в трудах которой я не имел возможности принять участия, достойно оценила достоинство коллекций Минусинского музея и Ваши личные труды и заслуги по их составлению. Душевно поздравляю Вас и Минусинский музей с вполне заслуженной почётной наградой...».²⁰

Диплом Нижегородской выставки многие годы был представлен в экспозиции, как и диплом, полученный на Парижской выставке. К юбилейной дате Минусинский музей подготовил выставку «Представляя Сибирь», где экспонируются предметы с Нижегородской выставки 1896 года.

2016 г.

Примечания:

¹ Всероссийская художественно-промышленная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. СПб, 1896 г. – С.1.

² Там же. С.10.

³ Там же.

⁴ Там же. С.195.

⁵ Минусинский региональный краеведческий музей им.Н.М. Мартьянова (МКМ). ОФ 10878/7

⁶ Архив Минусинского регионального краеведческого музея им.Н.М. Мартьянова (АМКМ). Ф.1. О.2. Д.85. Л.4.

⁷ Там же.

⁸ МКМ. ОФ 10910/14.

⁹ МКМ. ОФ 10310/15.

¹⁰ Кон Ф.Я. Исторический очерк музея за 25 лет. Казань, 1902 г. – С.117.

¹¹ МКМ. ОФ 10910/9.

¹² Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1896 год. Минусинск, 1897. – С.9.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 9-10.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Там же. С.16.

¹⁷ Томский листок. 1896 г. – 15 августа, № 175. – С.2.

¹⁸ Восточное обозрение. 1896 г. – 5 июня, № 65. – С.1.

¹⁹ АМКМ. Ф.1. О.2. Д.85. Л.58.

²⁰ АМКМ. Ф.1. О.2. Д.85. Л.59-59об.

А.В. Иптышев,
с. Аскиз, Республика Хакасия

Произведения живописи художника П.М. Боргоякова из фондов Аскизского краеведческого музея им. Н.Ф. Катанова

8 сентября 2016 г. общественность Хакасии понесла тяжёлую утрату. В возрасте 84 лет ушёл из жизни Павел Михайлович Боргояков – художник-живописец, Член Союза художников России (1995 г.), «Народный мастер» (Чон узы) Республики Хакасия (1996 г.), Член Союза композиторов Республики Хакасия (1996 г.), Почётный гражданин Аскизского района (2001 г.).

Родился Павел Михайлович Боргояков 10 мая 1932 года в селе Сакеевка Аскизского района Хакасской автономной области в большой крестьянской семье. В раннем детстве остался сиротой. По воспоминаниям самого Павла Михайловича: в 1937 г. его отца репрессировали и расстреляли. Вскоре от болезни умерла мать. Оставшись сиротами, дети семьи Боргояковых разбрелись по людям. Много горя и голода выпала на долю Павла Михайловича. Жил он и в детском доме, и скитался по чужим людям. Затем вместе с братом и сестрой воспитывался у бабушки. Она заменила им отца и мать. Бабушка воспитала у юного Павла любовь к народному творчеству и родному краю. Павел был очень впечатлительным ребенком. Его завораживала красота природы. В воображении мальчика горы рисовались заколдованными героями сказок и преданий, на которые так щедра хакасская земля.

В возрасте восьми лет Павел увлёкся музыкой. По самоучителю игры на баяне он постиг основы музыки. Учителя общеобразовательной школы часто удивлялись разносторонним проявлениям таланта Павла. Уже тогда он увлекался пением, рисованием, сочинением стихов и рассказов.

Свой творческий путь он начал в 16 лет художником-оформителем. После окончания 10 классов вечерней школы рабочей молодёжи в с. Полтаково поступил в Абаканское музыкальное училище, которое окончил в 1975 году. Затем работал баянистом-аккомпаниатором в сельских клубах, учил детей музыке и рисованию в средних школах.

Павел Михайлович – самобытный художник. Специального художественного образования не получил. Первым серьёзным экзаменом для его творчества стала областная художественная выставка 1968 года, на которой Павел Боргояков получил звание лауреата. С тех пор он являлся постоянным участником традиционных областных, республиканских, краевых и международных художественных выставок.

С 1960-1970-х годов Павел Михайлович напряженно работал над повышением своего профессионального мастерства и неповторимого художественного стиля. Создавая полотна, он изучал национальный характер, стремился отразить изменения в образе жизни, быте своих земляков. В эти годы Павел Михайлович принимал участие во Всесоюзной выставке произведений самодеятельных художников в г. Москве (1975 г.), в Международной выставке народного творчества в г. Берлине (1977 г.).

Итогом признания заслуг П.М. Боргоякова в области живописи стал его приём в члены Союза художников России (1995 г.).

По данным к.п.н. Барановой Натальи Кирилловны, художником Павлом Михайловичем Боргояковым создано более 100 живописных полотен: 23 портрета, 15 натюрмортов, 8 жанровых и более 60 пейзажных работ.

Павел Михайлович активно сотрудничал с Аскизским краеведческим музеем им. Н.Ф. Катанова с момента его открытия в 1987 г. и до конца своей жизни. Был постоянным участником и почётным гостем музейных мероприятий. За время многолетнего плодотворного сотрудничества П.М. Боргояков передал в дар на постоянное хранение в фонды Аскизского краеведческого музея часть своих художественных работ.

Практически ежегодно проводились персональные художественные выставки Павла Михайло-

вича Боргоякова в выставочном зале Аскизского краеведческого музея имени Н.Ф. Катанова, часть художественных работ П.М. Боргоякова выставлено в постоянной экспозиции Аскизского музея.

В общей сложности, в фондах Аскизского краеведческого музея имени Н.Ф. Катанова хранится 11 единиц живописи художника Павла Михайловича Боргоякова: 7 картин в основном фонде музея и 4 – на временном хранении.

Особое важное место в художественном творчестве Павла Михайловича занимала тема, связанная с первым хакасским учёным, профессором, тюркологом Николаем Фёдоровичем Катановым.

Одной из первых работ П.М. Боргоякова, переданных в дар на постоянное хранение в фонды Аскизского краеведческого музея является картина «Н.Ф. Катанов среди родных». Холст. Масло. 1987 г. 133x102. На картине изображён первый хакасский учёный, профессор Н.Ф. Катанов среди своих родственников возле юрты в одном из хакасских аалов во время своего очередного приезда в родную Хакасию. Автор картины точно отобразил образ профессора Н.Ф. Катанова, изобразив его в профессорском мундире с наградами и родственников профессора, который, несмотря на своё положение и учёную степень посетил своих родных и близких людей, не забывал о своих корнях. По словам самого Павла Михайловича, первоначально на месте учёного, профессора Николая Фёдоровича Катанова был изображён Владимир Ильич Ленин (Ульянов), но советское партийное руководство, курирующее культуру, отчитало П.М. Боргоякова и отметило, что нельзя искажать исторические события, и то, что В.И. Ленин, находясь в сибирской ссылке, не посещал современную территорию Аскизского района Хакасии. В итоге, на картине был изображён Н.Ф. Катанов.

По мнению кандидата искусствоведения Майны Петровны Чебодаевой, «К портретам у Павла Михайловича Боргоякова особый подход: он передаёт в них не только внешнее сходство, но и психологизм – отображая характеры отдельных личностей, живописец ищет в них проявление общечеловеческого начала. Вместе с тем герои его портретных полотен – все люди Хакасии. Всё в них от родной земли, всё подлинное – от одежды и жестов до настроений и характеров. Характеристики героев даны предельно объективно: далёкие от классической красоты лица, обыденные одеяния, подчеркнута национальный типаж. И каждый типаж интересен своей неповторимостью внешности и судьбы. В своих портретах Боргояков не стремится к передаче настроения, главное для него индивидуальность, характер, воссоздаваемый в нерасторжимой слитности разнообразных качеств».

Портретное сходство отмечают посетители и в другой картине Павла Михайловича Боргоякова «Н.Ф. Катанов – Звезда мировой величины», Холст. Масло. 2008 г. 86x69. У портрета профессора Н.Ф. Катанова, написанного художником Боргояковым, удивительное сходство с прижизненными фотографиями Николая Фёдоровича Катанова. Автору картины удался типаж профессора, его глубокий и задумчивый взгляд о судьбе своего родного хакасского народа, новых научных изысканий. Гармонично изображён задний фон картины, на фоне многовековых курганов, белоснежных горных вершин – «тасхылов» и хакасских юрт. Автор попытался подчеркнуть неразрывную связь учёного Катанова и Хакасии с её замечательными пейзажами.

Картина П.М. Боргоякова «Автопортрет». Холст. Масло. 2012 г. 71x53. На данной картине Павел Михайлович написал свой портрет в молодом возрасте, изображён одетым в национальную хакасскую рубашку на фоне курганов, леса, гор и деревянной юрты.

Картина П.М. Боргоякова «Портрет Николая Ивановича Медведева». Двп. Масло. 1990 г. 73x57. Портрет Николая Ивановича Медведева показывает образ целеустремлённого, умного человека. Николай Иванович Медведев много сил отдал развитию Аскизского краеведческого музея им. Н.Ф. Катанова, был одним из первых его директоров. Он – отец Надежды Николаевны Медведевой – кандидата исторических наук. Картина находится на временном хранении в фондах Аскизского краеведческого музея.

Большую роль в своих картинах Павел Михайлович Боргояков отводил теме легенд и мифов хакасского народа. Одной из его известных, посвящённой мифологической теме является картина «Богатырь Ир Тохчин». 1992 г. Холст. Масло. 174x98. На картине изображён герой хакасского героического эпоса, богатырь Ир Тохчин на своём богатырском коне в момент преследования бе-

лой волчицы. Автору удалось в деталях передать композиционный смысл картины, момент напряжения и концентрации богатыря перед решающим выстрелом по убегающему хитрому и кровожадному врагу. Сама картина, по словам П.М. Боргоякова – это легенда о богатыре Ир Тохчине, рассказывает нам о появлении названий рек Хакасии. Однажды в округе появилась злая волчица, которая не щадила никого, резала скот и нападала на людей. Богатырь Ир Тохчин встал на защиту народа. В погоне за этой волчицей он семь раз объехал хакасскую землю, переплывался через бурные реки, переходил через высокие горы. Преследуя серую разбойницу, он долгое время не смыкал глаз своих, не давал отдыха своему любимому богатырскому коню. На седьмой день волчица устала и стала замедлять свой бег. Несмотря на усталость, она бежала дальше, спасаясь от метких стрел Ир Тохчина, к реке. Но на земле нет ничего крепкого – всё ломается, изнашивается, устаёт и теряет силы. Ир Тохчин, догоняя её, натянул тетиву лука и, пустив стрелу в сторону волчицы, проговорил:

- Если стрела заденет подошву задней ноги, то пусть река эта зовется Таштып,
- Если в горло, то реку Есь назову,
- Если в горло, то эту реку назову Тея,
- Если в ногу, то Аскиз реку назову,
- Если в бок, то Сыр реку назову,
- Если в голову, то Базой назову.

Богатырь Ир Тохчин догнал волчицу у развилки дерева. Хищница от безысходности бросилась в реку, норовя уйти от неминуемой гибели. Переплыв реку, она на другом берегу стала встряхиваться от воды, и в этот миг меткая стрела богатыря Ир Тохчина настигла её. Упала она бездыханная на берегу реки. Решил эту реку Ир Тохчин назвать Абаканом.

Теме шаманизма и традиционному мировоззрению хакасов у Павла Михайловича Боргоякова посвящено несколько художественных работ.

Картина «Тайих». 1992 г. ДВП. Масло. 82х71. На данной работе П.М. Боргоякова изображён момент камлания хакасского шамана во время жертвоприношения горным духам на родовой горе. Так, по сведениям профессора, д.и.н. В.Я. Бутанаева, у каждого хакасского рода была своя родовая гора. Один раз в три года сородичи под руководством шаманов совершали горные жертвоприношения – таг-тайыг – в честь своих родовых покровителей. Главная цель моления на горных жертвоприношениях – получить защиту у духов – хозяев родовых гор, от стихийных бедствий, укрепить жизненную силу рода и испросить благополучие для своего скота, основы богатства хакасов.

Художественная и историческая ценность данной работы заключена в том, что Павел Михайлович Боргояков подробно изобразил необходимую атрибутику шамана во время камлания и динамичность движения шамана во время совершения обряда, и сидящих вокруг костра представителей рода в традиционной хакасской одежде. Известным фактом является то, что на горных жертвоприношениях, так называемых тайихах, имели право присутствовать только мужчины, а женщинам было запрещено посещать подобные ритуально-обрядовые таинства.

Красочно написана картина Боргоякова «Священная берёза». 2001 г. ДВП. Масло. 5х48. Для хакасского народа священным деревом является берёза, которая считалась в традиционном мировоззрении хакасов «мировым деревом», крона которого олицетворяла Верхний мир, корни – Нижний, а ствол – Средний. В этом делении имеется глубокий смысл: познание добра и зла, света и тьмы, любви и ненависти, которые в течение жизни ощущал обитатель Среднего мира – Человек. Для хакасов берёза являлась символом перехода от весны к лету, символом смерти и воскрешения. Круговорота жизненного цикла.

Одним из ярких моментов сотрудничества художника Павла Михайловича Боргоякова и Аскизского краеведческого музея имени Н.Ф. Катанова явилось необычное оформление стен традиционной хакасской юрты посредством баннера с напечатанными оцифрованными изображениями художественных работ П.М. Боргоякова. Юрта была представлена на выездной выставке, посвящённой 90-летию юбилею Аскизского района на Сагайской поляне 12 июля 2014 г. На этом мероприятии юрта пользовалась неподдельным интересом и успехом у гостей праздника.

Любовь к искусству до конца жизни не оставляла талантливого и многогранного человека. В совместных планах сотрудников музея и П.М. Боргоякова была организация персональной художественной выставки и ряда мероприятий, посвящённых 85-летию со дня его рождения. Но судьба распорядилась иным образом. Павел Михайлович внёс весомый вклад в развитие живописного искусства Хакасии, и его художественные работы, переданные в Аскизский краеведческий музей имени Н.Ф. Катанова, являются важной частью фонда живописи Аскизского музея и останутся на вечном хранении.

2017 г.

Литература:

1. Баранова Н.К. Стоголосый мой чатхан (о жизни и творчестве Павла Михайловича Боргоякова). – г. Абакан, 2014 – 64 с.
2. Сокровища культуры Хакасии. – г. Москва, 2008 – 512 с.
3. Чебодаева М.П. Художники Хакасии. Биобиблиографический справочник. – г. Абакан, 2002 – 112 с.
4. Чебодаева М.П. Живопись Хакасии. Альбом – каталог. – г. Санкт-Петербург, 2008 – 240 с.

И.С. Керн,
г. Минусинск

Проблема долговременного хранения цифровых фотодокументов

Популяризация и внедрение новейших методов работы с информационными ресурсами, а также стремительное развитие компьютерных технологий создают условия, позволяющие оперативно и качественно модернизировать разного рода системы. Таким образом, становится вопрос долговременного хранения информации с перспективой последующего использования без потери и искажения данных, актуальность которой обоснована непрерывными изменениями в сфере ИТ.

Фотоматериалы по качественным и количественным показателям требуют больших объёмов занимаемой памяти в локально-вычислительной сети, пристального внимания с позиции сохранности графического цифрового фонда и применяемых превентивных мер в разрезе времени, выдвигая тем самым организацию хранения и обеспечения максимально возможного срока существования фотодокументов в машиночитаемом формате как проблему с обозначением потенциальных путей решения.

Локальный комплекс упредительных мер

Рассматривая предполагаемо возможные жизнеобеспечивающие меры в рамках вопроса, стоит провести разграничение с позиции локально применяемых мер, не требующих широкого механизированного вмешательства, и, собственно, универсального для множества автоматизированных систем хранения данных метода, как микрофильмирование.

В основе первого представленного подхода базируется традиционная система хранения цифровых фотодокументов в составе ПЭВМ и дежурных внешних модулей памяти, таких как оптические диски и переносные винчестеры, специфика комбинаций хранения, способов обеспечения контроля качества и форматирования единиц учёта.

Первоначальный этап – оптимальный графический формат данных.

Согласно сведениям, полученным в результате исследований цифровым архивом Университета Флориды (Соединенные Штаты Америки) в 2012 г., научным составом учреждения был выявлен перечень форматов растровых изображений, лучшим образом удовлетворяющих превентивным архивным принципам по обеспечению сохранности документов.

Итоги проведённых изысканий и анализов представлены в списке «Рекомендованных цифровых форматов, предназначенных для долгосрочного хранения цифровой информации», разработанных Университетом и ранжированных с позиции благонадёжности и долговечности существования.

Так, наиболее надежными форматами данных признаны форматы *.tif (без компрессии) и *.png. На следующей ступени по популярности расположились форматы *.bmp, *.jpg, *.tif (с проведенной компрессией), *.gif, характеризующиеся средней степенью надёжности хранения. Самыми низконадёжными форматами цифровой архив представил форматы *.sid, *.fpx, *.psd. Как правило, такие форматы данных для графических изображений, как *.psd, *.nef, *.raw не являются подходящими для базовых расширений имён файлов и выступают как исходные и рабочие варианты графической информации на стадии фиксации и обработки фотографических файлов.

Повествуя о внешних носителях информации, в качестве активных модулей памяти по хранению электронных фондов пользования всех форматов широко используется так называемый RAID-массив, степень применения которого оценивается как наиболее эффективная для надёжного хранения единиц учёта и передачи данных. Принцип действия системы массива основывается на совокупном сосуществовании локальных дисков под общим управлением главенствующего контроллера, вследствие чего сочетаемые и аккумулируемые материальные носители диагностируются компьютерной системой как единое целое и внедряются в локально-вычислительную сеть, создавая обособленный комплекс по хранению и обработке информации.

Далее безотлагательно применение комбинаций рекомендуемых пар электронных носителей информации (традиционно внешний и внутренний модули долговременной памяти). Как образцы для грамотной организации машиночитаемых хранилищ фотоматериалов, могут служить: сервер и CD-R, сервер и DVD-R; съёмный винчестер и CD-R, съёмный винчестер и DVD-R; СОМ-система и DVD-R/CD-R. Важно учитывать в том или ином сочетании форм хранения наличие оптических дисков с однократной записью информации, предупреждающей от дозаписи, фальсификации и удаления информации.

Особое место в системе обеспечения сохранности фотографического материала занимает ряд процедур: неоднократная репликация с целью продления срока жизни электронных фотодокументов; эмуляция, или имитация старой программной оболочки на новой операционной системе и оборудовании; миграция на другие технологические платформы (кроссплатформенность) как метод создания копий машиночитаемых фотодокументов в страховых и пользовательских компьютерных форматах; перезапись на новые цифровые носители данных по истечении срока службы единиц хранения по результатам проверки контроля качества внешних носителей архивных материалов.

Примечательно, что технический контроль физического состояния внешних носителей и воспроизводимости, читабельности информации должен сохранять периодичность проведения не реже одного раза в пять лет.

Метод периферийного хранения.

Опираясь на мировой опыт работ по информационному страхованию различных видов документации, показательно отражающий аналогичные работы в освоении новейших передовых технологий, примечательно остановиться на уникальной разработке микрофильмирования, в последние годы претерпевшего существенные изменения.

Внедрение данной методики в практику создания долговременно хранимых информационных ресурсов происходит повсеместно, и поскольку возможности долгосрочного хранения цифровых данных ограничены частой сменой поколений внешних носителей информации и поддерживающих их аппаратно-программных платформ, склонных к быстрому устареванию и исчезновению, в качестве принципиально нового аппаратного устройства выступает СОМ-система с поддержкой микрофильмов – аналоговых носителей – обладающих огромным потенциалом.

Создание СОМ-систем относится к началу 70-х годов XX в. позволившее производить интеграцию цифровых и аналоговых технологий в микрографии, что сделало возможным экспонирование электронной графической информации из ЭВМ на пленочные носители.

Весьма примечательно, что современные СОМ-устройства могут принимать большую часть распространенных графических форматов.

Практически инвариантной характеристикой для данного технологически независимого носителя является гарантированная неизменность и сохранность информационного ресурса во времени до 500 лет.

В качестве подтверждающего факта о качественной характеристике системы и внедрении её в общепринятые методики работы с хранимой цифровой информацией выступает принятый и введённый в действие в 2009 г. международный стандарт ISO 11506 «Архивирование электронных данных. Компьютерный вывод на микрофильм (COM) и запись на оптический диск (COLD)», закрепляющий стратегию долгосрочного архивного сохранения цифровой информации с помощью компьютерной записи на микрофильм.

Данного рода устройства нашли активное применение в ведущих странах мира, таких как США, Германия, Япония, Швеция, Франция, Великобритания. Известно, что в Германии реализуется с 2006 г. проект «Миллениум», резюме которого гласит: «микрофильм является носителем типа WORM», что означает «однократная запись, многократное считывание», а, значит, заведомо гарантирует высокий уровень защиты информации.

Важной характеризующей стороной применения микрофильмов становится снижение затрат на хранение, обоснованное устранением необходимости миграции и репликации данных.

В результате, чрезвычайная значимость данной технологии раскрывается в заявленной теоретической обоснованности и технологической реализуемости долгосрочного хранения на микрофильме любой графической информации с поддержкой и активным применением в зарубежной среде.

Таким образом, оценивая нынешнее положение долговременного хранения цифрового фотографического фонда, решение проблемы по данному вопросу находится в непосредственной зависимости от потенциальных возможностей заинтересованной стороны и имеет разного рода подходы, позволяющие отразить угрозу утраты данных.

Методика локально применяемых мер в виду грамотного форматирования данных для экономии занимаемых объёмов памяти, внедрения комбинированных пар носителей информации, а также своевременной миграции, репликации и эмуляции графической информации выступает оптимальным вариантом решения сложившейся проблемы без глобальных финансовых вложений в специализированное периферийное оборудование в образе микрофильмирования, набирающего популярность во всём мире в виду узкой специфики, направленной на эффект долговременного хранения цифровой информации.

2016 г.

Литература:

1. Инструкция по работе с электронными цифровыми фотодокументами, ОГУ «Государственный архив Ульяновской области», 2010. – 50 с.
2. *Ким Д.А.* Проблемы хранения и безопасности цифровой информации // Материалы в рамках 7-ой международной конференции «Central Asia-2013: Интернет и информационно-библиотечные ресурсы в науке, образовании, культуре и бизнесе». – Ташкент, 2013.
3. *Корнеев И.К.* Информационные технологии в работе с документами: учебное пособие. – М.: Проспект, 2015. – 297 с.
4. *Коханова И.О.* Оцифровка и микрофильмирование как средство сохранения документов // Вестник ХДАК. – 2010. – № 29. – С. 17.
5. *Кузнецов С.Л.* Организация хранения документов в электронной форме // Делопроизводство. – 2004. – № 4. – С. 47 – 50.
6. Леонтьева О.Г. Работа архивистов с электронными документами и технологиями: зарубежный опыт // Отечественные архивы. – 2000. – № 3. – С. 86.
7. Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом. – М.: ВНИИДАД, 2012. – 125 с.
Методические рекомендации по работе ЦАДЭНМ с документами на электронных носителях. – М.: ЦАДЭНМ, 2006. – 221 с.

8. Талалаев А.К., Евсеев В.В., Завалишин П.Е., Проскуряков Н.Е. Мировой опыт создания и хранения информационных ресурсов в современных условиях // Известия Тульского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 408 – 421.
9. Тихонов В.И. Организация архивного хранения электронных документов // Информационные технологии и электронные документы в контексте архивного хранения. Статьи различных лет. – М.: Издательство главного архивного управления Москвы, 2009. – С. 137 – 167.
10. Рекомендованные цифровые форматы, предназначенные для долгосрочного хранения цифровой информации [Электронный ресурс] // State University Library Services / Florida Virtual Campus. – Таллахасси, 2012. Режим доступа: <http://www.fclaweb.fcla.edu/uploads/recFormats.pdf/>

Г.Т. Харченко,
г. Минусинск

Литературное творчество Александра Кузьмина, первого окружного начальника г. Минусинска

Александр Кузьмич Кузьмин вошёл в историю Минусинска как первый окружной начальник, и, по отзывам современников, как деловой и отзывчивый человек, как знаток округа.

Родился А.К. Кузьмин в 1796 году, происходил из мелкопоместных дворян (имение – д. Симонова, Мещовского уезда Калужской губернии). В чине титулярного советника он был утверждён на должность Минусинского окружного начальника.

Александр Кузьмич приехал в Минусинск в 1827 году. «В этом маленьком городке, с двумястами домов, отдалённой от Москвы более 4 1/2 тысяч верст, прожил я не скучая, вместо трёх контрактных лет, целых восемь лет...»¹

Вопределённых кругах А. Кузьмин – Минусинский окружной начальник, слыл как «вольнолюбивый поэт». А в «Сибирской советской энциклопедии» (1931 г, т.2) отрекомендован как «писатель-дилетант», в других справочных источниках проходит информация «писатель-мемуарист».

Литературное творчество Александра Кузьмина малоизвестно широкому кругу современных читателей, т.к. практически его произведения не переиздавались.

В молодости он отличался либеральными взглядами. Не лишённый литературного дара, А. Кузьмин написал сатирическую поэму «Кот в аде», ещё до приезда в Сибирь. Он вспоминает: «Поэма «Кот в аде» была напечатана мною в 1821 году, особою книжкою и наделала много хлопот. Я переложил её в стихи, находясь в Казани, со старинного прозаического перевода г. Туманского, и по совету приятелей решился напечатать. Цензура Казанского университета, куда была представлена поэма для рецензирования, её не пропустила, но благодаря заступничеству влиятельного в то время ректора Казанского университета Солнцева, поэма вышла в свет в количестве 600 экз.»²

В Казани сохранились «Материалы цензурного комитета при Казанском Университете» и там есть «Дело о рассмотрении рукописи под заглавием «Кот в аде» (Казань. 1820 г. 6 л.) Содержит два прошения форшт-ревизора Кузьмина – с просьбой о рассмотрении его поэмы «Кот в аде» и о возвращении рукописи для переработки».

А. Кузьмин принимает активное участие в общественной и литературной жизни Енисейского края. Он вспоминал: «Впрочем, я провёл там [в Красноярске] 4 месяца... [до отъезда в Минусинск]. Всякий день обедал и ужинал у губернатора; там из нескольких человек составлялся особый круг домашнего знакомства: читали журналы, новые книги, рассуждали о политике, о литературе...»³ В своих воспоминаниях называет губернаторский дом местом общих сборов и оживлённых литературных дискуссий. Александр Кузьмин пишет: «В 1827 году в Красноярске состоялось литературное общество, в котором я был членом, и участвовал в «Енисейском Альманахе».⁴

В Минусинске для местного общества таким центром стала квартира окружного начальника

Кузьмина. Декабрист А. Беляев писал: «... у Александра Кузьмича вечером всегда собирались на бостон, беседу и ужин. Эти вечера всегда были очень приятны...».⁵

Он оставил после себя не только добрую память у минусинцев, но и «Записки». После возвращения из Сибири он написал в начале 1840-х годов свои воспоминания о своём жизненном пути в 2-х частях. «Из подлинных записок А.К. Кузьмина», в которых вторая часть в основном посвящена поездке в Сибирь и жизни в Минусинске. «Записки» содержат интересные сведения по этнографии, истории края, Красноярска, а также много любопытных деталей из минусинской жизни того времени. «Записки», посвящённые сибирскому периоду жизни, состоят из разделов: «Минусинск», «Минусинские инородцы», «Минусинские крестьяне», «Минусинские казаки», «Минусинские ссыльные». Здесь воспоминания перемешиваются с историческими данными, легендами (например: каким образом исчез смышлёный, многочисленный народ – племя Чуди), этнографическими данными о быте и конкретными примерами, диалогами....

Отрывки «Записок» были опубликованы в 1858 в русском журнале критики, современной истории и литературы «Атеней», выходившем ежемесячно с 1 января 1858 года по 1 мая 1859 года в Москве под редакцией Евгения Корша. Они были опубликованы под названием «Из подлинных записок А.К. К-на» и с тех пор не переиздавались. «Записки» А. Кузьмина – ценный материал для учёных и краеведов, они оживляют давно забытые образы и придают актуальность определённым историческим фактам.

Воспоминания окружного начальника о минусинских декабристах не вошли в «Записки», но позднее они были опубликованы в сборнике «Декабристы» (1926 г.) и с тех пор присутствуют практически в каждом издании о декабристах.

Отрывки «Записок», посвящённые Минусинску, были опубликованы в сокращённом варианте в местной газете «Искра Ильича» в 1988 году. Публикацию «Минусинск – моё создание» подготовил Владимир Алексеевич Ковалёв – директор Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. В.А. Ковалёв отмечает, что А. Кузьмин оставил «весьма ценные для нас «Записки». Рассчитываем, что минусинцам будет интересно прочитать, что писал о городе бывший окружной начальник»⁶. Позднее они не публиковались.

«Записки» читаются легко и с интересом. Они переносят читателя как бы в прошлое нашего края, помогают окунуться в атмосферу того времени и лучше понять жизнь декабристов в Минусинске» - писал краевед Михаил Злобин⁷.

Александр Кузьмич пишет в своих воспоминаниях: «Кроме письменных занятий по службе, я часто обозревал обширный свой округ, столь разнообразный как жителями, так и в топографическом отношении. Летом эти путешествия доставляли много наслаждения»⁸.

А. Кузьмину приходилось делать большое количество всевозможных записей, фиксируя непосредственные личные наблюдения и обследования, экскурсии и сбор всякого рода материалов. В последующем эти записи стали основой его воспоминаний «Из подлинных записок А.К. К-на».

Путешествуя по Минусинскому округу Александр Кузьмич, поражался живописным местам Минусинской котловины... «Однажды с губернатором Степановым мы провели там [место, где выходил Енисей из гор, называется воротами] целые сутки, снимая в камер-обскуру очаровательный вид шествия Енисея в Сибирское царство»⁹.

Свои впечатления о посещении хакасской курганной степи поэт Александр Кузьмич Кузьмин выразил в стихах:

*Я видел светлый Абакан
С его летучими волнами:
Какая из Сибирских стран
Обильна столько красотами? –
В тени акаций молодых,
В прохладе тополей ветвистых,
Он льёт струи в лугах душистых,
Среди ирисов голубых.¹⁰*

В 1828 году вышел «Енисейский Альманах на 1828 год» – это первый сибирский литературно-художественный сборник, изданный по инициативе губернатора А.П. Степанова. Альманах показал разнообразные художественные жанры литературно-краеведческого материала. На его страницах появились первые произведения, посвящённые Сибири и сибирякам. Среди авторов альманаха был и Александр Кузьмич Кузьмин – минусинский окружной начальник.

В Сибири он написал и опубликовал немало стихотворений и поэм, в т. ч. и поэму «Минусинский край». В поэзии его преобладают зарисовки сибирской природы и туземного быта. Стихотворения А. Кузьмина помещены в «Енисейском Альманахе» (1828) и в «Записках об Енисейской губ.» Пестова (1833). В первом опубликованы его стихи «Странник», «Блаженства», отрывки из поэмы «Минусинский край», отрывок из первого действия трагедии «Евпраксия или пример супружеской верности».

В стихотворении «Странник» А. Кузьмин создал образ человека, против воли оказавшегося в Сибири, и обращался к нему со словами сочувствия:

*Странник! в хижине смиренной
У обмерзшего окна,
Что грустишь уединенный
Чем душа твоя полна?¹¹*

В этом стихотворении А. Кузьмин делает намёк на декабристов и прямо говорит о том, что в Енисейской губернии они найдут доброе отношение к себе:

*Здесь в Сибири и изгнанник
Встретит добрые сердца...*

Сибири, её природе, древности, жизни кочевого народа посвящена поэма А.К. Кузьмина «Минусинский край». В ней автор не создаёт воображаемые картины, как это часто делали романтики, а описывает то, что не раз видел сам:

*Я видел мощный Енисей,
Где он стрелой летит из края...
Я видел древних письмена
На диких скалах Енисея...
Я видел древний ряд могил,
Им взор конца не находил...
Я видел светлый Абакан
С его летучими волнами...
Я видел юрты дикарей,
Разбросанные по долинам.¹²*

Обратите внимание, как здесь рефреном (строфа в определённом порядке повторяющееся) проходит: «Я видел...».

Если говорить о Кузьмине как изобразителе сибирского пейзажа, то следует отдать должное конкретности его наблюдений, верности деталей в описании природы. У него нет общепринятых рассуждений о том, что Сибирь – это только угрюмая, морозная земля, царство холода. Поэт рисует край разнообразный по своей природе и климату. Без всякой нарочитости предстают перед нами не только картины природы, но и зарисовки быта одного из народов Сибири:

*Я видел юрты дикарей,
Разбросанные по долинам,
Как сопки посреди степей,
Они крутятся вечным дымом;
Вблизи журчит в ручье вода;
Дворы татар – большое поле,
На коем в праздности и воле
Пасутся тучные стада¹³*

В поэме описаны ландшафт, быт, хозяйственная деятельность, коренного населения. Как просто он пишет...

*Жена подседа к огоньку,
Взяла осиновою стружку,
С которой – вместо табаку –
Ножом опилок наскоблела,
Наклала в трубку, закурила,
И удовольствием челом
С больными красными глазами,
Берёт иссохшими руками
У мужа чашечку с вином¹⁴.*

По мнению доктора филологических наук Б.А. Чмыхало, «это одно из первых литературных сообщений о наскальной живописи в Сибири».

*«Я видел древних письмена
На диких скалах Енисея
Таинственная старина,
Потомков поздних не жалея,
Проводит хитрые черты,
Для их гадательной мечты¹⁵.*

Поэма «Минусинский край» А. Кузьмина была определена как одно из лучших краеведческих произведений альманаха.

В последующие годы она неоднократно издавалась в различных источниках (например: газета «Енисейская мысль», за 1914 год, № 11 (публикация «Поэма загадочного поэта об Енисее и Абакане»), в сборнике «Избранное Красноярской поэзии XX века» (Красноярск, Буква, 2001) и др. источниках.

Александр Кузьмин, заканчивая свои записки, написал: «Мои доказательства любви к поэзии так слабы, что я перед музою снимаю шляпу и самым почтительным тоном говорю ей: «Я и до сих пор обожаю тебя, прекрасная дева Парнаса, но, не имея достаточных способностей, не лщцу себя надеждою заслужить когда либо твою одобрительную улыбку. Прости моё прегрешение за участие в «Енисейском альманахе»! – Ещё прости тягчайший грех моей юности «Кота в аде!»¹⁶

Сегодня стихи талантливого поэта, знатока своего края, Александра Кузьмича Кузьмина звучат как дань любви к истории и памяти народа, жившего на территории Минусинского округа, их читают в разных аудиториях, сравнивают с сегодняшним днём. А среди жителей Хакасии эта поэма до сих пор считается самым лучшим произведением.

2016 г.

Литература:

1. Аева М. «Вольнолюбивый поэт» и «неблагонадежный чиновник» Александр Кузьмич Кузьмин [Текст] / М. Аева // Отечество : краеведческий альманах / ГБУК РХ «НБ им. Н.Г. Доможакова». – Абакан, 2011. – Вып. I. – С. 117 – 124.
2. Злобин М. Кузьмин – первый начальник Минусинского округа [Текст] / М. Злобин // Искра Ильича. – 1994. – 6 апр., 7 апр., 13 апр.
3. Злобин М. Кузьмин А.К. – Минусинский окружной начальник : [Рукопись]. Минусинск. – 47 с.
4. Ковалёв В.А. «Минусинск – моё создание» [Текст] / В.Ковалёв // Искра Ильича. 1988. – 26 июля.
5. Кузьмин А. Странник; Блаженства; Минусинский край : [Текст] [стихи] ; Отрывок из первого акта действия трагедии: «Евпраксия, или Пример супружеской верности» / А. Кузьмин // Енисейский альманах на 1828 год / сост. И.Петров. – 2-е изд. Красноярск, 2008. – С. 65-68, 75, 81-85.
6. Кузьмин А. Из подлинных записок А.К. К-на [Текст] / А.К. К-н [Кузьмин] // Атений. – 1858. – №12. – С. 257-272; № 13. – С. 329- 336; №14. – С. 397-402.
7. Постнов Ю.С. Сибирь в поэзии декабристов [Текст] / Ю.С. Постнов. Новосибирск, 1976. – С. 12.

8. Романтизм в Сибири: традиции и особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.studsell.com/view/153495/>.

9. Чмыхало Б. «Дельно говорить о провинции своей...» [Текст] / Б. Чмыхало // Енисей. – 1978. – № 4. – С. 74-78.

Примечания:

¹ Кузьмин А. Из подлинных записок А.К. К-на // Атений. 1858. №12. – С. 261.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990.

⁶ Ковалёв В. А. Минусинск – моё создание // Искра Ильича. 1988. 16 июля.

⁷ Злобин М.В. Кузьмин А.К.

⁸ Кузьмин А. Из подлинных записок А.К. К-на. // Атений. 1858. №12. – С. 261.

⁹ Там же.

¹⁰ Кузьмин А. Минусинский край : [стихи] // Енисейский альманах на 1828 год / сост. И.Петров. 2-е изд. Красноярск, 2008. – С. 83-84.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кузьмин А. Из подлинных записок А.К. К-на. // Атений. 1858. №12. – С. 261.

Е.М. Лясковская,
г. Минусинск

Собрание Минусинской городской картинной галереи 1990-2017 гг.
(Новые поступления в художественный фонд Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова)

17 октября 1990 г. на основе Решения Исполнительного комитета Минусинского Совета народных депутатов было создано учреждение музейного типа «Минусинская городская картинная галерея».

С 1 августа 2017 г. в результате реорганизации Минусинская городская картинная галерея была присоединена к Минусинскому региональному краеведческому музею им. Н.М. Мартянова и стала отделом «Картинная галерея».

Собрание галереи, скомплектованное за 27 лет её существования, вошло в состав фондов музея. Основой этого собрания послужила коллекция картин, собранная инициатором создания галереи и её первым директором Василием Яковлевичем Крупским.

1990-е годы были годами активного комплектования фондов путём закупок при поддержке городских властей и предприятий Минусинска, спонсорской помощи, дарения. К 2000 году в Книгу поступлений было занесено 273 предмета, т.е. более половины – 54,2% нынешнего собрания.

С точки зрения хронологии почти половина всех произведений – 225 работ (44,6 %) относится к 1990-м годам, когда активно формировалась коллекция галереи, 104 работы (пятая часть коллекции) относятся к 1980-м годам, 21 ед. поступила в 1940-1960-е гг., 26 ед. – 1970-е гг., к началу 21 века (2000-е и 2010-е гг.) относится 108 ед. хранения (пятая часть коллекции).

Таким образом, собрание галереи представляет преимущественно изобразительное искусство последней трети 20 века и начала 21 века (443 ед. – 87,9%).

В коллекции хранятся работы 90 художников Минусинска, Красноярского края, Хакасии, Дагестана и других регионов России. Среди них произведения 12 красноярских художников. В первую очередь, по значимости и интересу других музеев, это работы Поздеева Андрея Геннадьевича

(1926-1998). В 1990-е годы поступило шесть его картин (дар Крупского и Капелько): 4 пейзажа и 2 натюрморта, выполненные в 1950-1970-х гг. («Городской пейзаж», «Зима», «Дивногорск», «Кактус», «Натюрморт с арбузами», «Этюд»).

Творчество народного художника РСФСР Бориса Рязова (1919-1994) представлено двумя работами. В том числе «Плоты» – одна из двух самых ранних в собрании галереи, датированных 1940 годом.

Также в собрании галереи хранятся картины и других красноярцев: заслуженного художника РФ Александра Клюева, членов Союза художников России Ольги Казаковой, Арсения Милованова, Александра Трифонова, Виталия Янова.

Последнее пополнение коллекции в 2017 году – 5 графических листов известного красноярского графика, члена Союза художников России, Николая Сальникова (1924-1982), основным направлением творчества которого было отражение жизни современной Сибири. Работы, подаренные его сыном, кроме художественного, имеют и краеведческое значение, т.к. изображают местные сёла («Тагарский совхоз», «Кривая», «Майна»).

Тесная географическая, историческая и культурная связь Хакасии и южных районов Красноярского края нашла отражение в коллекциях галереи.

Общее количество работ художников, проживавших и проживающих в Хакасии (ХАО И РХ) в собрании МГКГ насчитывает более 50 ед. хр. двенадцати авторов.

Наиболее полно представлено творчество заслуженного художника РФ Владимира Капелько (1937-2000). 26 живописных и графических работ мастера, созданные в 1960-1990-х годах в разных жанрах и стилях от реализма до авангардизма. Картины В.Ф. Капелько из собрания галереи востребованы для экспонирования, часто публикуются в печатных изданиях, в интернете.

Также в собрании галереи есть работы известных в Хакасии авторов Леонида Барановского, Тамары Ощепковой, Эры Севастьяновой, Игоря Сейфуллина, Григория Серебрякова, Натальи Хлебниковой.

В Уставе Минусинской городской картинной галереи было записано, что одним из направлений её деятельности является «хранение, изучение, выявление и представление произведений изобразительного искусства современных минусинских художников».

И большую часть собрания Минусинской галереи – 277 ед. хр. (54,7%) составляют работы минусинских художников: 29 авторов, в том числе и непрофессиональных художников.

Гордостью галереи являются 59 работ самого известного минусинского художника Сергея Бондина, члена Союза художников России. Сюжеты 16 его работ посвящены Минусинску. Он создал образ нашего города во все времена года, со всех сторон света, в разные исторические периоды («Зимний Минусинск», «Весна в Минусинске», «Лето 1995 года. Минусинск», «Осенняя дорога в Минусинск», «Протока ночью», «Вороны и воронки» и др.)

Всего в собрании галереи 31 пейзаж художника. В свойственной ему исполнительской манере он создаёт яркие и неповторимые образы природы Севера и Юга, сибирских, европейских городов. Цикл работ С.В. Бондина посвящён прошлому народов Сибири, в которых художник использует мотивы древних наскальных рисунков и символов и технику земляной живописи. В галерее представлен жанр натюрморта и интересные сюжетные композиции.

Особую роль в истории художественной культуры Минусинска сыграла Любовь Николаевна Пономарёва (1948-2006), член Союза художников РФ, преподаватель, директор и завуч Минусинской детской художественной школы. Многогранное творчество художницы в собрании Минусинской галереи представлено 35 живописными и графическими работами.

Вся жизнь Л.Н. Пономарёвой была связана с Минусинском, поэтому образ города присутствует почти во всех её работах и не только в пейзажах. В картинах «Утро» и «Большая птица – 2» она изображает над старым серым Минусинском белых птиц.

Одной из тем комплектования фондов галереи являлись портреты минусинцев, оставившим свой след в истории и культуре нашего города. Л.Н. Пономарёва создала целую серию таких портретов, 12 из них находятся в собрании галереи.

Это портреты основателя галереи В.Я. Крупского, директора Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова В.А. Ковалева, актёров городского театра А.А. Гордон и А.И. Ганчина, художников В.Ф. Капелько и С.В. Бондина, педагога и поэта Р. Гушул, 3 автопортрета – «Автопортрет», «Автопортрет в шляпе» и «Яблочный Спас».

Интересный и самобытный минусинский художник Александр Терентьев представлен в галерее 28 разножанровыми работами 1981-2013 годов. Это и портреты, и лирично-иронические сюжетные композиции.

На картине «Песня» изображены художники: Капелько – в головном уборе индейского вождя на коне с балалайкой в руках. Рядом художники Бондин и Ковригин с этюдниками. В хороводе с девушками – автор картины.

Отличительной составляющей собрания Минусинской галереи являются работы, выполненные в стиле «авангард».

Творчество Александра Миссинга, известного своими абстрактными произведениями, представлено 30 картинами. В основном, они выполнены в кон. 1980-х – пер. пол. 1990-х гг., когда художник активно работал и активно выставлялся в Минусинске, в Абакане, в Красноярске и в Москве.

Декоративность, фантастическое решение сюжета, умение в обычном видеть необычное отличает творчество Юрия Соскова, в галерее – 15 его работ.

Удивительное своей добротой и искренностью творчество Варвары Бондиной (1974-2013) представлено 9 живописными и графическими работами. В настоящее время идет обработка серии графических работ художницы, переданных в дар от издателей альбома «Под крылом Ангела».

38 живописных полотен и графических листов Владимира Тирона (1955-1993), бывшего директора ДХШ г. Минусинска, отражают его образно-символическое творчество. Более 20 работ – дар вдовы художника Ларисы Тирон, художницы и педагога ДХШ.

Пять лет назад началась формироваться коллекция картин Виталия Валькова. Он переехал в Минусинск из Тувы в 2010 г., стал активно заниматься творчеством. И теперь его знают по рисункам и акварелям все любители изобразительного искусства юга Красноярского края. В собрании галереи его 9 работ: пейзажи, натюрморты и портреты известных минусинцев: художника Сергея Бондина, писателя Владимира Топилина, поэтессы Галины Канкеевой, режиссёра Алексея Песегова.

В 1996 г. в Минусинской картинной галерее появилась коллекция произведений художников из Дагестана. 60 работ были подарены С.М. Михайловской. В этой коллекции представлено творчество 15 художников, в т.ч. Василия Колесникова, именем которого назван музей в г. Кизляре, Алексея Августовича, Гусейна Магомаева и др. Позднее она пополнилась работой заслуженного художника Дагестанской АССР Александры Марковской «Мужской портрет» (1940).

Больше всего (32 ед.) в дагестанской коллекции работ Галины Пшеницыной, члена Союза художников СССР, заслуженного деятеля искусств и народного художника Республики Дагестан – живопись, профессионально выполненные рисунки и этюды: пейзажи, портреты и натюрморты.

Таким образом, художественный фонд Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова музея пополнился собранием Минусинской картинной галереи из 504 ед. хранения, в том числе – живопись – 327, графика – 170, скульптура – 7.

Появилась возможность новых интересных выставочных проектов, искусствоведческих исследований.

2017 г.

Литература:

1. *Ляскова Е.М.* Собрание Минусинской городской картинной галереи: краткий обзор // Первые Рехловские чтения : сборник материалов научно-практ. конференции, посвящённой 40-летию создания Шушенской народной картинной галереи им. И.В. Рехлова (12 февраля 2010 г.). – Шушенское, 2010. – С. 49-52.

2. Ляковская Е.М. Творчество Сергея Бондина в собрании Минусинской городской картинной галереи // Вторые Рехловские чтения: сборник материалов научно-практ. искусствоведческой конференции. – Шушенское: КГБУК Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», 2012. – С.140-142.
3. Ляковская Е.М. Художники Хакасии в собрании Минусинской городской картинной галереи: краткий обзор // Жизнь, отданная искусству: сборник материалов I и II краеведческих чтений, посвящённых И.Н. Карачаковой за 2009 – 2010 гг. – Абакан: Журналист, 2011. – С. 115-118.
4. Минусинские художники (живопись) / авт. – сост. Л.И. Шумская, О.И. Миссинг. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2007. – 80 с.
5. Суворова Т.И. Минусинский авангард // Вторые Рехловские чтения : сборник материалов научно-практ. искусствоведческой конференции. – Шушенское: КГБУК Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», 2012. – С. 42-46

С.В. Махина,
г. Минусинск

Отчёты музеев кон. XIX – нач. XX вв. в собрании научной библиотеки музея им. Н.М. Мартянова

В 1877 году Николаем Михайловичем Мартяновым при содействии общественности был основан Минусинский музей. «В обязанности музея входило, распространение знаний через свои коллекции и печатные издания естественно-научного и технического направления».¹

Через год (1878) при музее открылась библиотека, в Уставе было прописано её название «Минусинская Общественная Библиотека». Фонд библиотеки формировался изданиями по истории, географии Сибири, России и зарубежных стран, естественным и техническим наукам, периодическими и продолжающимися изданиями.

Н.М. Мартянов на протяжении своей деятельности переписывался, обменивался изданиями с различными научными обществами, учёными, общественными деятелями.

Благодаря сотрудничеству, в Минусинский музей, поступали авторские статьи, журналы, отчёты музеев, научные труды обществ, как из Европейской части России, так зарубежных стран.

Многочисленные отчёты музеев России конца XIX-нач. XX вв. предоставляют информацию о научно-исследовательской работе, просветительской деятельности, истории возникновения музеев, каталоги книг библиотек, существующих при музеях, информацию о коллекциях и дарителях.

А.И. Кытманов, распорядитель Енисейского музея и библиотеки, писал о роли местных музеев в отчёте, изданном в 1886 году: «Местные музеи, как местные органы, имеют по отношению накопления научного материала большое преимущество и вероятно окажут науке, особенно изучению Сибири, услуги не меньше тех, которые приносили разные экспедиции, посещавшие Сибирь на короткое время».² Деятельность музеев, в том числе и деятельность Минусинского музея, становилась достоянием широкой научной и культурной общественности не только провинциального города Минусинска, но и всей России.

«По последним отчётам музей находился в отношениях, кроме обществ и учёных русских, с французскими, шведскими, немецкими, швейцарскими, итальянскими».³ Отчётами обменивались не только сибирские музеи, но и музеи России, в том числе очень известные и именитые:

- Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого в Санкт-Петербурге;
- Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III в Москве;
- Московский публичный и Румянцевский музей;
- Русский музей;
- Политехнический музей в Москве;
- Музей наглядных учебных пособий Курского губернского земства;

- Естественно-исторический музей Таврического губернского земства;
- Зоологический музей Императорской Академии наук;
- Самарский городской публичный музей и Зал Императора Александра II;
- Императорское Одесское общество истории и древностей;
- Городской Художественный и Исторический музей Нижнего Новгорода;
- Кавказский музей и Тифлисская публичная библиотека;
- Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей;
- Полтавский земский естественно-исторический музей;
- Пермский научно-промышленный музей;
- Туапсинский научно-промышленный музей;
- Ферганский областной публичный музей;
- Сарапульский музей уездного земства;
- Тобольский губернский музей;
- Амурский отдел общества изучения Сибири и улучшения быта;
- Нерчинский публичный музей и общественная библиотека;
- Красноярский городской музей;
- Енисейский общественный местный музей.

В отчётах указывалось, как активно комплектовались и множились музейные фонды, и формы их комплектования были разнообразны. Члены ИРГО проводили естественнонаучные, этнографические, археологические изыскания, о чём подробно описывалось в них: «Самыми значительными пожертвованиями книгами и другими изданиями в отчётном году поступили: из Императорского Московского Археологического Общества, Русского Географического Общества и Общества Археологии, Истории и Этнографии ...».⁴

Анализируя отчёты, можно сделать вывод, что к началу XX в. музеями были накоплены значительные коллекции и произошло увеличение музейных фондов как провинциальных музеев, так и известных столичных. Практически во всех музейных отчётах можно найти подробные данные об образовании музеев, финансовом положении, составе коллекций, характеристику сотрудников, информацию о посетителях и почётных гостях. Отражена в годовых отчётах музеев, в том числе и в отчётах Минусинского музея, исследовательская и издательская деятельность, участие в городских, региональных, всероссийских и международных выставках.

Отчёты Минусинского музея представлены многочисленными экземплярами в хорошей сохранности с 1891 г. по 1913 г., на основании этого можно сделать вывод о колоссальной издательской работе, которая велась в провинциальном музее.

«Издания Музея, вышедшие в 1900 г., были разосланы в количестве 150 экземпляров каждого названия в различные учреждения, общества, жертвователям и сотрудникам. По 25 экземпляров выдано авторам и по 10 отдано для продажи в книжный магазин Макушина. Кроме перечисленных экземпляров изданий Музея, в которых описаны его коллекции, в отчётном году напечатана ещё в Казани, в «Известиях Общества Археологии, Истории и Этнографии», статья профессора Айналлова и Н. Катанова – описание бронзового зеркала с арабской надписью, принадлежащего Музею: 15 оттисков этой статьи профессор Н.Ф. Катанов любезно выслал в Музей для продажи в пользу Музея»⁵. Минусинским музеем были изданы: описания коллекций музея – «Каталог и краткое описание Минусинского музея», в 2-х частях, 1881. В 1901 г. вышел второй каталог Н.М. Мартьянова «Краткое описание музея и перечень коллекций». Минусинский музей публикует юбилейные сборники «Десятилетие Минусинского музея 1877–1887 гг.»

Музеи, открывшиеся в исследуемый период, являлись порой единственными научными и просветительными учреждениями в провинциальных городах, о чём свидетельствуют многочисленные отчёты Минусинского музея, а также музеев европейской части России, Сибири и зарубежных музеев из фонда научной библиотеки Минусинского музея.

Немаловажную роль в становлении музейного дела России играли и научные общества. Большинство музеев в России, были созданы именно при научных обществах.

Многие отчёты – это книги с автографами авторов составителей и надписью, адресованной Минусинскому музею, библиотеке, и лично Н.М. Мартьянову.

Исследовательская работа по изучению отчётов музеев в собрании научной библиотеки Минусинского музея продолжается, для систематического каталога оформляются разделители с информацией об изданиях. Библиографический список изданий отчётов будет размещен на сайте Минусинского музея.

2017 г.

Примечания:

¹ Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея.

² Енисейский общественный местный музей и общественная публичная библиотека.

³ Клеменц Д. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни.

⁴ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1895 год.

⁵ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1900 год.

М.С. Неделина,
г. Минусинск

Новые формы работы музея им. Н.М. Мартьянова

Сегодня музеи всего мира для привлечения посетителей используют в своей научно-просветительной деятельности интерактивные формы работы.

Музей им. Н.М. Мартьянова уже не первый год развивает это направление. Экскурсоводы из личного опыта знают, что обычные обзорные и тематические экскурсии представляют небольшой интерес для современного человека, особенно для ребёнка или подростка (в большей степени, если это местный житель, который неоднократно бывал в музее). Одна из основных задач – разнообразить формы научно-просветительной работы и внедрять новинки. О нескольких новых формах работы и пойдёт речь далее.

В 2017 году научно-просветительным отделом Мартьяновского музея была разработана **игра-ходилка «Музейное путешествие»**. Многие помнят из своего детства настольные игры: игрок бросает кубик и делает ход. В «Музейном путешествии» выпавшая цифра указывает на порядковый номер и цвет поля на баннере. Мы выбрали четыре цвета, каждому соответствует определённая тема (например, красный – археология, зелёный – природа и т.д.)

Цель игры: ненавязчиво, без принуждения расширить кругозор участников игры по вопросам истории, природы, культуры Минусинской котловины с древнейших времён до современности. Отвечая на вопросы о музее, его коллекциях, известных личностях, игрок доходит до финиша и получает приз.

Принимать участие в игре может как один человек, так и несколько, возможна и командная игра. Игра является мобильной, поэтому её проведение возможно и вне музея. Игра-ходилка может быть приурочена к различным датам. Например, если это День Защитника Отечества, то составляются соответствующие вопросы и делятся на четыре подтемы. «Музейное путешествие» можно проводить как самостоятельный интерактив, так и после лекции, беседы, занятия в целях закрепления полученных о музее знаний.

Следующая новинка – **«Бумажный бум в библиотеке музея»** – тематическая экскурсия с опытами, которую разработала библиотекарь С.В. Махина; проводится для школьников и студентов.

В ходе «Бумажного бума» даётся информация о библиотеке музея, демонстрируются рукописные и печатные издания из фонда, рассказывается об истории появления бумаги, книгопечатания. В практической части проводятся опыты с бумагой. Вот некоторые из них:

«Живые цветы» – бумажные бутоны помещаются на поверхность воды, где их лепестки раскрываются, как настоящие;

«Сквозь отверстие в бумаге» – в бумажном листе формата А4 нужно вырезать такое отверстие, чтобы сквозь него смог пройти человек;

«Больше семи» – убедиться опытным путём, что сложить бумажный лист пополам больше семи раз невозможно.

Проведение таких опытов является новой составляющей мероприятия и пробуждает большой интерес и к библиотеке музея как хранилищу знаний, и к науке как таковой.

Множество положительных откликов у детей и преподавателей вызывает **квест «Енисейские номады»**. Цель мероприятия: познакомить школьников с культурой коренных жителей Минусинской котловины XIX в. – хакасов, используя поисковый метод.

Как проходит квест? Класс делится на три команды, которые соревнуются между собой. Баллы ведущий записывает на магнитную доску. По заданию ведущего участники занимаются самостоятельным поиском информации в экспозиции музея, что способствует более прочному усвоению новых знаний, выполняют разнообразные задания, которые расширяют кругозор и развивают логическое мышление. Погружение в заявленную тему формирует интерес и толерантное отношение к хакасской культуре. Также одним из плюсов данного квеста является работа с муляжами.

Пример заданий:

«Занятия и верования»: найти в экспозиции информацию и составить ответ в виде краткого рассказа:

Для первой команды: об основном занятии хакасов XIX в.

Для второй команды: об основной религии хакасов XIX в.

Для третьей команды: о ремёслах хакасов XIX в., развитию которых способствовало скотоводство.

«Муляжи»: каждой команде выдаётся муляж (аба-тёс, рубас, скребница). Участники должны предположить его назначение, а затем отыскать оригинал в витринах экспозиции и дать точный ответ.

Квест состоит из шести заданий. В финале подводятся итоги, награждаются победители, остальные получают поощрительные призы.

Преподаватели очень положительно отзываются об этом мероприятии, видя, как увлечённо и активно ребята участвуют в квесте.

В скором времени планируется разработать квест по археологии.

Проведение подобных мероприятий – это успешный опыт работы отдела по музейно-образовательной деятельности и туризму. Интерактивные мероприятия, безусловно, являются обязательными в современном музее, поэтому развитие данного направления будет продолжено.

2017 г.

И.Л. Решетникова,
г. Минусинск

Итоги реализации социокультурного образовательного проекта «Прозрачная экология» – музейное образовательное пространство»

В рамках года экологии Российской Федерации и реализации программы «Сохраним природу живой» в начале 2017 г. научным сотрудником Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова И.Л. Решетниковой был разработан социокультурный образовательный проект «Прозрачная экология» (далее проект). Его целью явилось создание образовательного пространства, посредством которого будет осуществляться формирование экологической культуры населения на основе музейных коллекций и исследований.

Задачи:

1. Разработка информационного содержания проекта (сценариев мероприятий, планов тематических занятий);
2. Привлечение потенциальной аудитории: продвижение через сайт музея и социальные сети, СМИ;
3. Создание выставки, посвящённой проблемам биологии и экологии;
4. Презентация проекта;
5. Проведение научно-просветительских мероприятий по специально разработанной программе;
6. Создание серии выставок, посвящённых экологическим проблемам региона.

Проект получил субсидирование через Министерство культуры Красноярского края и центра культурных инициатив на приобретение современного лабораторного оборудования для создания образовательного пространства, в котором посетители музея могли бы знакомиться с экологическими проблемами территории и искать пути их решения, получить первичные исследовательские навыки, проводить биологические и экологические эксперименты с применением биолого-экологического оборудования.

Актуальность создания интерактивного образовательного пространства в музее обусловлена тем, что интерактивные действия с реальными предметами и материалами в экспозиции, экспериментами, усиленными средствами мультимедиа, дают наибольший образовательный и воспитательный эффект и способствуют формированию новой экологической культуры в среде молодёжи.

В рамках реализации проекта проведена следующая работа: составлено техническое задание для приобретения оборудования. В результате 25 августа 2017 года заключён договор на его приобретение и поставку.

На основании рабочей программы «Эколого-биологическое просвещение в музее» был разработан цикл мероприятий. На вводном занятии «ПРЕКРАСНОЕ... ДАЛЁКО?» участники проекта в ходе экскурсии по экспозиции «Живая природа Сибири» и экскурсии с одноимённым названием занятия, а также фотовыставки «Экокризис 1990-х», знакомятся с природой юга Красноярского края. Получают информацию об экологических проблемах нашей территории и способах их решения. Определяются с тематикой научно-исследовательской деятельности. Лабораторно-практическое занятие с индивидуальным рабочим местом «ЗООПАРК В КАПЛЕ ВОДЫ» знакомит участников с микромиром живых организмов, обитающих в воде. Свойства воды школьники определяют в результате проведения лабораторных опытов под руководством руководителя проекта с применением прибора экологического контроля эквивизора.

О роли почвенных животных в природе и их разнообразии юные исследователи узнают на занятии «ЖИЗНЬ ПОД НОГАМИ». С помощью эколаборатории на интерактивном мероприятии «НЕВИДИМЫЙ УБИЙЦА» дети определяют радиационный фон и электромагнитное излучение, исследуют уровень загрязнения атмосферного воздуха, измеряют уровень углекислого газа в помещении. Какие превращения с пищей происходят в нашем организме, из каких веществ она состоит, и как они используются организмом, станет известно на лабораторно-практическом занятии «ПУТЬ ПИРОЖКА». Определить уровень нитратов и нитритов поможет современная эколаборатория. И в заключении участники проекта подводят итоги индивидуальных экологических исследований в рамках круглого стола «ПУТЕШЕСТВИЕ В НАУКУ ЭКОЛОГИЮ», где получают сертификат участника проекта.

По специализированной программе предусмотрен АБОНЕМЕНТ участника. Утверждён расчет стоимости.

Для информирования населения на сайте музея <http://музей-мартьянова.рф> размещена информация о проекте, руководителям образовательных учреждений по электронной почте разосланы информационные письма.

Напечатаны и размещены на информационных досках в школах города информационные листы, подарочные календари с информацией о проекте.

Разработан логотип проекта.

Для реализации проекта была подготовлена площадка в выставочном зале 3-го корпуса музея в экспозиции «Живая природа Сибири». Демонтированы витрины, смонтировано оборудование.

Были организованы экспедиционные сборы материала для исследования в ходе лабораторных занятий в рамках реализации проекта (биологических материалов: спилов коры деревьев, произрастающих на территории Минусинской котловины, почвы, воды из разных источников г. Минусинска и Минусинского района,), а также сбора фотоматериала для фотовыставок и экологической оценки нашей территории.

В рамках проекта создано выставочное пространство, предназначенное для выставок, посвящённых экологической тематике. В рамках проекта были подготовлены: выставка плакатов «Экологический кризис 1990 года», выставка-фотоконкурс «Во имя чистого будущего», фотовыставки «Лесная проказница», «ПРОнасекомых», «Большой маленький мир», «Вода – основа жизни», выставки «Прекрасное... Далеко?», «Невидимый убийца», «Отпечатки прошлого», «И сильным нужна забота», «Самое рогатое существо в мире» и др.

Передвижные фотовыставки «Прекрасное... Далеко?», «Невидимый убийца» и «Вода – основа жизни» активно использовались на мероприятиях в рамках проекта.

Во время цикла методических занятий состоялась презентация проекта, в которой приняли участие более 600 человек.

По состоянию на 10 декабря 2017 года количество одиночных посетителей составило 840 (запланировано 500). Общее количество участников по абонементу – 22 человека. Всего по проекту проведено 12 мероприятий (не учитывая подготовительную презентационную часть). Все участники проекта получили дипломы, сертификаты участников и подарочные календари.

Цели и задачи проекта достигнуты. В музее им. Н.М. Мартьянова в экспозиции «Живая природа Сибири» создано образовательное пространство, посредством которого осуществляется формирование экологической культуры населения на основе музейных коллекций и исследований.

2017 г.

Т.Ю. Сергиенко, Т.В. Силкина,
с. Туруханск

Из истории библиотек Туруханского края

Собственно говоря, административная единица Российской империи – «Туруханский край» была образована в 1858 году. В нём были выделены три участка: Верхне-Имбатский – от границ Анциферовской волости и Богучанского отделения до с. Монастырского (ныне с. Туруханск); Тазовский (сначала назывался Туруханским) – на запад до р. Таз и по р. Нижней Тунгуске; Дудинский – от с. Монастырского на север до Ледовитого океана и на восток до р. Анабары. На этой территории было отмечено 46 населённых пунктов – казённых станков, зимовий, 3 села и заштатного города Туруханск.

Многие из них вели свою историю с XVII в. – века промышленного и социокультурного освоения Приенисейской Сибири. С переселявшимися на туруханские земли служилыми, торговыми и промышленными людьми приходит новый «книжный», «грамотный» уклад.

Очагом просвещения на туруханских территориях становится Свято-Троицкий мужской монастырь, игумен которого иеромонах Тихон привёз с собой книги, положив тем самым начало формирования туруханской литературной традиции, ярким памятником которой является «Житие Василия Мангазейского» в различных списках. Драгоценною реликвией монастыря являлось, кроме того, большое Евангелие в серебряном переплёте с рельефными изображениями святых и орнаментами на лицевой стороне, подарок императрицы Анны Иоанновны (1740 г.), о чём упоминает Ф. Нансен в книге «В страну будущего». Первые книжные собрания на туруханской земле стали собираться при церквах и основанных при них школах. Создание одной из таких школ и

описано в документе, принадлежавшем К.Н. Кострову. Благодаря деятельности Томского гражданского губернатора Хвостова, в 1805 г. при Туруханском Троицком монастыре было открыто первое училище для распространения грамотности между инородцами. Учебные пособия доставляли монастырь и частные благотворители. Ученикам преподавалось чтение и письмо, читали, главным образом, по Псалтыри. С 1814 г. оставшиеся мальчики были переведены в Туруханск в церковно-приходскую школу, которая оставшись без финансирования, была через некоторое время закрыта.

В 1869 г., по инициативе М.К. Сидорова, пожертвовавшего 1000 рублей на деятельность школы, её работа возобновилась, но опять ненадолго. А Туруханский край с 1879 г. определяется в состав Енисейского уезда. В 1893 году его посещает енисейский губернатор, действительный статский советник Л.К. Теляковский и, благодаря его визиту, мы знаем, что в этот период в городе Туруханск существует церковно-приходская школа с интернатом, в который принимают для воспитания и обучения несколько мальчиков из инородцев. Не большое упоминание о ней есть в книге С. Елпатьевского «Окаянный город», где он называет журналы из книжного собрания «Современник» и «Отечественные записки». М. Венслов в своих «Заметках о Туруханском крае» от 05.04.1899 г. сообщает ещё об одной церковной школе в селе Монастырском в хорошем новом здании, выстроенном в 1897 году. В конце XIX в. каждый четвёртый в Туруханском крае являлся грамотным человеком.

В Верхнеимбатском приходе библиотека и архив содержались при храме Успения Божьей Матери, заложенном в 1719 г., дважды сгоравшем вместе с архивом, но к 1834 г. выстроенном заново из камня и сохранившем в библиотеке несколько старинных книг и грамот. В Кратком описании приходов Енисейской епархии они характеризуются следующим образом: 1) рукописная тетрадь – «Выписки молитв из требника Петра Могилы, напечатанного в граде Киеве»; 2) Служебник, изданный 1 января 1693 г.; 3) «Книга, глаголемая минея» (с сентября по ноябрь) священника Ивана Матвеевича Вырыпаева, подписанная им 27 августа 1725 г.; 4) 11 миней месячных за 1710 и 1711 гг.; 5) Псалтырь старинной печати и бумаги; 6) Устав, издания 1802 г.; 7) Книга поучений, издания 1783 г.; 8) Книга Деяний святых Апостолов, 1789 г.; 9) Псалтырь, 1763. Там же хранились императорские манифесты, синодальные указы с 1712 года. Из грамот и актов наиболее примечательны: Грамоты на построение церкви, от 06.10.1726 и 02.12.1844 гг.; Акт о принятии церкви от 01.09.1732 г.; Царская и Патриаршая грамота 1739 г. издания. При храме велась церковная летопись, начиная с 1862 года. Имеющуюся при церкви библиотеку автор «Краткого описания приходов Енисейской епархии» оценивает как солидную и содержательную, включающую в себя творения святых Отцов, поучения, настольные священно-церковно-служебные книги и периодические издания, столь популярные в Енисейской губернии – «Паломник» за 25 лет, «Кормчий», «Голос истины» и прочие. Тот же автор рассказывает и о церковно-приходской школе в селе Верхнеимбатском. «Помещение – собственное, выстроенное в 1902 г. на средства прихожан».

По данным Православной богословской энциклопедии, к 1904 г. на территории Енисейской епархии насчитывалось 203 церковно-приходские школы. Что касается Туруханского края, то к 1907 г., по официальным данным в крае «... существовали три школы: Туруханская городская – 6 мальчиков и 4 девочки, Туруханская миссионерская – 10 мальчиков и 8 девочек и Верхнеимбатская церковно-приходская – 5 мальчиков и 17 девочек. Всего обучались 21 мальчик и 29 девочек». А значит, как минимум, три пришкольных книжных собрания – библиотеки.

Увеличивает количество пришкольных книжных собраний Фритъоф Нансен, совершивший путешествие по Енисею в 1913 г.: «...Востротин рассказал нам, что несколько лет тому назад в туруханской округе существовало шесть школ ... Теперь же осталось всего две школы». Краткое описание приходов Енисейской епархии за 1916 г. подтверждает этот факт: «Теперь, в виду переноски города Туруханска на берег р. Енисея, храм остался на старом месте ... и вместе с храмом остались дома причта, школы и нескольких прихожан, а все учреждения оттуда выехали. ... Церковная школа помещается в доме Миссионерского общества, на содержание её отпускается от того общества 1306 рублей. В приходе имеется в селе Монастырском миссионерская церковно-приходская школа». И это на 1500 прихожан обоего пола.

Таким образом, в дореволюционный период именно церковно-приходская школа становится местом просвещения, приобретения знаний, при храме формируются книжные собрания. Но книга по-прежнему не доступна населению, она всегда чья-то: священника по долгу служения, ссыльного или школьного учителя. Изменения происходят после Февральской революции 1917 года.

Так, по решению Енисейского исполкома вся власть над Туруханским краем 7 марта 1917 г. переходит к комиссару Туруханского края Александру Александровичу Масленникову, по партийной принадлежности социал-демократу (большевику). Для управления краем был избран Общественный комитет Туруханского края, в состав которого вошли Яков Ефимович Боград (помощник комиссара), Клавдия Тимофеевна Новгородцева (Свердлова), Денис Петрович Долбешкин, местные жители: Петров, Комкин, Давыдов и другие.

О деятельности Общественного комитета сегодня мы имеем некоторое представление из воспоминаний и писем ссыльных, газетных публикаций, например в газете «Голос Сибири» от 13.04.1917 г. сообщалось: «Вечером (10 марта) ... первое собрание общественного комитета... Председатель комитета комиссар Масленников, обратившись к тунгусам с речью, пояснил им значение совершившейся перемены и пригласил их избрать и своего представителя в общественный комитет для отстаивания их интересов».

Из письма А.А. Масленникова И.Е. Бутузову от 13.03.1917 г.: «...Решено произвести перепись населения с.Монастырского и соседних станков, также учёт запасов хлеба (отдельно – ржаной, пшеничной и крупчатки), керосина, сахара, масла, ниток, сушек, бумазеи, ситца и др. Ваша задача – разрешение продовольственного вопроса и произвести те же переписи, что и мы. Комиссар края А.Масленников».

Члены общественного комитета, в состав которого вошёл и Д.П. Долбешкин, вели разъяснительную работу среди населения, совершали объезды станков от Монастырского до Дудинки на оленьих и собачьих упряжках, одновременно проводили ревизию хлебных и продовольственных запасов в крае. Из письма А.А. Масленникова в Соединенное исполнительное бюро Комитета общественной безопасности и Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, г. Красноярск: «...Предлагаю ... предписать казённой палате, чтобы она сложила числящиеся за инородческими родами недоимки по губернскому земскому сбору» (ГАКК. Ф.117. О.1. Ед.хр.282. Л.56.).

Новой властью был поставлен и вопрос об открытии двухклассного училища со специальным общежитием для учащихся и библиотеки с читальным залом.

О работе этой библиотеки можно судить из рукописи её основателя Клавдии Тимофеевны Новгородцевой (Свердловой). Она была написана 5 июля того же года перед отъездом Клавдии Тимофеевны из Туруханского края к мужу, Якову Михайловичу Свердлову (ГАКК. Ф.117. О.1. Ед.хр.1278. Л.1.):

«Библиотечная комиссия в лице К.Т. Новгородцевой, Е.П. Петровой, А. Миронского и нескольких граждан – членов комиссии 5 апреля приступила к организации народной библиотеки. Прежде всего, были разобраны поступившие в библиотеку книги, попорченные экземпляры отложены в особый сундук и хранятся в читальной комнате, годные к употреблению рассортированы на следующие отделы: беллетристика, детские книги, кооперативная литература, смешанный отдел, учебники и журналы за старые годы. Разобранные книги в алфавитном порядке внесены в каталог, занумерованы, размещены в порядке на полках. (Книги, поступившие во второй половине апреля, вносились в каталог в хронологическом порядке.) Ко дню сдачи состоялось беллетристики 142 номера, детских 33, кооперативных – 19, смешанных – 180, учебники не были переписаны, журналы за старые годы – 30 названий.

Выдача книг началась 9 апреля. Всего выдано мною и моими сотрудниками 70 названий 29 лицам.

Книги брались детьми школьного возраста, казаками, членами библиотечной комиссии и лицами, работающими в библиотеке».

25 мая А.А. Масленников передаёт управление Туруханским краем А.Я. Тугаринову, а в начале июня 1917 г. вместе с шестилетним сыном, и с последней группой политссыльных (К.Т. Нов-

городцева (Свердлова) с детьми, Я.Е. Боград, Д.П. Долбешкин) на пароходе «Лена» выезжает в Красноярск.

Библиотека остаётся на попечении местных жителей и меняющих своё название управленцев: 1919 – управляющий Туруханским краем, помощник управляющего Енисейским уездом по Туруханскому краю, уполномоченный по Туруханскому краю Енисейской губернской Земской управы, а с августа 1920 – председатель Туруханского Крайревкома.

По данным Г.Н. Тарасенкова, уже с 1924 г. функционирует изба-читальня в с. Туруханск. В 1926 г. открывается изба-читальня в с. Дудинском. Обе они находятся на бюджетном финансировании, но имеются ещё и 4 избы-читальни на бюджете населения. В 1927 г., 6 апреля, Постановлением ВЦИК к Туруханскому краю было присоединено Приангарье. Образованы волости: Верхне-Имбатская, Дудинская, Илимпейская, Монастырская, Тазовская, Хатангская. Количество библиотек на государственном бюджете выросло до трёх с открытием избы-читальни в с. Верхне-Имбатском, а одной на бюджете населения стало меньше. На три избы-читальни имелось 6476 книг, выписывалось 42 газеты и 59 различных журналов. На их содержание за три квартала 1928 г. истратили 12634 рубля, что, как отмечает Г.Н. Тарасенков, покрывалось суммами от постановки платных спектаклей и показа кинокартин. Тяга к знаниям была так велика, что молодёжь в складчину организовывала красные уголки, внося от 3 до 5 рублей с человека. Избы-читальни выписывали 42 газеты и 59 журналов, а красные уголки – 32 газеты и 21 журнал.

6 июня 1928 года – последний день существования Туруханского края.

Уже со следующего дня в Красноярском округе Сибирского края был утверждён Туруханский район в составе трёх туземных районов: Тазовского, Хатангского и Илимпейского и всех сельских советов и станков, составляющих упразднённые русские районы: Верхне-Имбатский, Дудинский и Монастырский. Начался новый этап в развитии библиотечного дела, тоже требующий своего исследования.

2017 г.

Литература:

1. *Елпатьевский С.Я.* Очерки Сибири. – Москва, 1893. – 205 с.
2. Енисейская губерния список населённых мест по сведениям 1859 года, СПб, 1864. – 118 с.
3. Список населённых пунктов Енисейской губернии с приложением списка русских поселений в Урянхайском крае. – Красноярск, 1911. – 422 с.
4. *Нансен Ф.* В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море: Авториз. пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. /Послесловие Г. Симкина. – Красноярск: Кн. изд-во, 1982. – 336 с., ил. и карт.
5. *Окулич И.* Отчёт Управляющего Государственными Имуществами Енисейской губернии по поездке летом 1908 года в Туруханский край. – Красноярск, 1908. – 19 с.
6. Описание Туруханского края. – Красноярск, 1894. – 42 с.
7. *Ромодановская Е.К.* Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Бахрушинские чтения 1973 года, Вып.2. – 1974. – С.34-41.
8. *Тарасенков Г.Н.* Туруханский край. – Красноярск, 1930. – 477 с.
9. *Третьяков П.И.* Туруханский край и его жители. – 1871. – 316 с.
10. Туруханский край // Краткое описание приходов Енисейской епархии. – Красноярск, 1916. – С.227-232.
11. Я здесь живу, и край мне этот дорог: альманах, посв. 85-летию Туруханского района / сост. Н.Е. Минкова, Т.Ю. Сергиенко, А.Г. Харевиц. – Туруханск, 2013. – 338 с. ил.
12. *Венслов М.* Заметка о Туруханском крае. – 18 с. (ККМ ОФ 7886/237)
13. Училище для инородческих детей при Туруханском Троицком монастыре // Черновые рукописи работы о народах Сибири. – С.71-78. (ГИМ ОПИ. Ф. 443).

Т.Ю. Сергиенко,
с. Туруханск

**Старообрядцы Туруханского района: совместный выставочный проект
архива УФСБ по Красноярскому краю, МКУК «Краеведческий музей Туруханского
района» и Сибирской студии независимого кино**

Туруханский район, самый большой по протяжённости вдоль реки Енисей район Красноярского края, образован в 1928 году. Его история неразрывно связана с историей освоения Туруханского Севера. Из года в год, из века в век в туруханские края направлялись люди различных социальных слоёв и районов России. В веке XX — эти места открыли для себя хранители древлеправославной веры, староверы или иначе — старообрядцы. Привыкшие за столетия гонений уходить в глухие и малонаселённые места, они нашли себе до середины века прибежище в глубине туруханской тайги и живут в Туруханском районе и сегодня.

При создании в районном центре краеведческого музея в 2003 г. перед сотрудниками среди многочисленных задач и тем, требующих изучения, открылась и тема «Старообрядцы в Туруханском районе». Накопление информации и материалов шло постепенно, готовилась первая выставка на основе личных коллекций жителей района, которая стала частью большого проекта «Туруханск православный», получившего финансирование через международный благотворительный фонд Серафима Саровского.

Как одна из подтем проекта, тема «Старообрядцы в Туруханском районе» была раскрыта, в основном, через документальные, информационные материалы, и представлено лишь несколько бытовых и религиозных предметов. Отдельным проектом она становится только в 2016 году.

Официально всё началось с апреля 2016 г., с письма на имя начальника Управления ФСБ по Красноярскому краю, в котором была озвучена просьба о возможности временного предоставления на выставку материалов дела «О разорении скитов по реке Дубчес» в связи с подготовкой в Краеведческом музее Туруханского района выставки «Старообрядцы в Туруханском районе». Концепция и примерный тематико-экспозиционный план выставки прилагались на 2 листах.

Цель выставки – «представление истории и современности старообрядцев, живущих в Туруханском районе Красноярского края».

Для этого предполагалось решить следующие задачи:

- 1) рассказать о древлеправославной религиозной традиции на примере представленных икон, лубочных картин, книг, распятий, крестов;
- 2) поведать о драматических событиях 50-х гг. XX в. в туруханской тайге посредством документов и свидетельств очевидцев;
- 3) представить уклад жизни современных старообрядцев – продолжателей культурных традиций русского народа из собранных музеем предметов быта и культуры.

Тематико-экспозиционный план выставки «Старообрядцы в Туруханском районе» был разработан для небольшой выставочной зоны, включавшей 2 витрины–шестигранника, книжную витрину и небольшое свободное пространство – 15 кв.м. зала сменных выставок музея.

Тема «Раскольники-старообрядцы. История переселения» раскрывалась подборкой книг из библиотеки музея и личных коллекций жителей с. Туруханск. Вот некоторые наименования: «Русское православие. Вехи истории», «Мир старообрядчества», «Старообрядцы Васюганья», «Старообрядчество в России» и ещё 12 книг, в том числе М. Перевозчикова о старообрядцах Красноярского края.

Тема «Древлеправославные религиозные традиции» характеризовалась благодаря демонстрации икон старообрядческого письма – «Николай Чудотворец», «Иоанн Богослов», «Усекновение главы Иоанна Предтечи», «Богородица. Умиление». Так же представлены были малый иконостас в киоте, поморское распятие с предстоящими, лестовка и погребальная лестовка, подручник, 3 креста нательных, книга из библиотеки Красноярской поморской общины «Духовные ответы

И.И. Зыкова», «Шестоднев», устав конца XIX века. Особый блок составили 7 старообрядческих картин-иллюстраций: «Распятие Христа», «Ангел-хранитель», «Страшный суд», «Пётр и Павел», «Библейский сюжет», «Исход», «Пожар».

Уклад жизни современных старообрядцев представляли предметы быта и культуры, полученные в результате экспедиции сотрудника МКУК «Краеведческий музей Туруханского района»:

- детская шелковая голубая рубашка с вышивкой по вороту,
- детская полотняная белая рубашка,
- детские шерстяные вязаные носки,
- девичий свадебный головной убор,
- девичий свадебный головной убор с лентой,
- девичий головной убор на косу
- девичье (женское) платье с пояском,
- женский моленный сарафан из полотна чёрного цвета,
- женский головной убор из ситца,
- женский головной убор из полотна,
- мужской моленный кафтан из полотна чёрного цвета,
- мужская праздничная рубаха из жёлтого шёлка с вышивкой,
- мужская свадебная рубаха из белого шёлка с вышивкой,
- мужской пояс плетённый из шерстяных нитей чёрного и бежевого цвета,
- лоскутный кружок на табурет,
- полотенце с вышивкой,
- фрагмент занавеси с вышивкой,
- скатерть из шерстяных нитей вязаная крючком,
- коврик плетённый из лент разноцветной плюшевой ткани,
- дорожка тканая с узором «цветок»,
- две корзины из соснового лыка,
- две корзины плетённых из берестяных лент,
- туса-матрёшки (3) из бересты и дерева, с тисненным штамповым рисунком,
- самопряха,
- веретено,
- ушат для солений,
- пест деревянный,
- лопата деревянная.

Тема «События 50-х годов XX века в Туруханской тайге» предполагалось рассмотреть благодаря документам, предоставляемым архивом УФСБ по Красноярскому краю и опубликованными свидетельствами очевидцев.

Согласно договору «О передаче на экспонирование в пользование на определённый срок предметов из архивного дела №О-1902 фонд 8», Управление по Красноярскому краю Федеральной службы безопасности Российской Федерации, в лице Заместителя начальника Управления А.С. Савченкова, передало на экспонирование в безвозмездное пользование на три месяца с момента передачи предметы, являющиеся частью архивного дела №О-1902 фонда 8.

МКУК «Краеведческий музей Туруханского района» обязался обеспечивать учёт, хранение, использование, а также систематическую проверку наличия переданных предметов, и предоставить доступ граждан к переданным предметам на выставке.

Договор вступал в силу с момента подписания сторонами и действовал до 25.12.2016 г., если стороны не продлят его.

На экспонирование в музей поступили следующие предметы: записи (береста); книжка (береста); конверт с записками (береста, бумага); «Дневник...», состоящий из трёх общих тетрадей (бумага, переплёт); рукописи (5 шт., бумага); четыре фотографии участников группирования сектантов-старообрядцев.

После транспортировки полученных материалов в с. Туруханск, начался процесс по созданию выставки. В это же лето в результате сотрудничества музея и Сибирской студии независимого кино в Вороговский сельсовет Туруханского района приехала съёмочная экспедиция (режиссёр Н. Бем) для создания документального фильма о старообрядцах Туруханского района. Фильм, созданный по результатам этой экспедиции, впоследствии демонстрировался для посетителей на выставке «Старообрядцы Туруханского района».

Открытие этой выставки состоялось при участии настоятеля Туруханского Свято-Троицкого монастыря иеромонаха Софрония, который рассказал о реформе патриарха Никона и последовавшем за ней расколе в русской православной церкви: «Они были преданы анафеме и подверглись жестоким репрессиям. Это вызвало массовую миграцию старообрядцев в малозаселённые места России. Они уходили на Север, в Сибирь, на Дальний Восток, но продолжали сохранять верность своей вере...». Затем собравшимся была предложена экскурсия по выставке, посвящённой старообрядцам и ныне живущим в Туруханском районе. Посетители с большим интересом знакомились с экспонатами, подолгу рассматривали необычные старинные предметы и уникальные, ценнейшие документы, которые предоставило Управление Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Красноярскому краю из фонда архивных уголовных дел на лиц, состоящих на оперативно-справочном учёте.

Событие, вследствие которого часть материалов наполнила дела государственного органа, было описано Афанасием Мурачёвым. Оно же легло в основу одного из образцов художественного наследия старообрядцев – на картине изображено, как людей, живших в скитах, солдаты на плотах везли на в с. Ворогово. Картина сопровождается стихотворением, посвящённом этому событию. После экскурсии вниманию собравшихся был предложен документальный фильм о современных старообрядцах, живущих в Туруханском районе (режиссёр Н. Бем), фильм произвёл огромное впечатление на зрителей – настолько необычным показался уклад современных старообрядцев.

Затем началась повседневная деятельность. Согласно отчёту, с 1 по 30 ноября было проведено семь тематических экскурсий для 49 посетителей, из них 15 посетителей до 18 лет. В этот же период было проведено 17 обзорных экскурсий для 33 посетителей. Индивидуальным посещением охвачено 178 граждан, из них 64 – до 18 лет.

16 декабря 2016 года начальнику Управления ФСБ по Красноярскому краю В.В. Трушеву было направлено письмо, в котором предложено: «...В связи с устойчивым интересом жителей района к открытой в Краеведческом музее Туруханского района совместной выставке «Старообрядцы в Туруханском районе», просим Вас рассмотреть возможность о продлении срока предоставления на выставку материалов до 15 февраля 2017 года». Выставка была благополучно продлена ещё на 3 месяца. Закипевшая работа нашла своё отражение в отчёте: «С 01.12. по 30.12.2016 г. проведено 8 тематических экскурсий для 106 посетителей, из них 78 до 18 лет; 3 обзорных экскурсий для 9 посетителей; индивидуальным посещением было охвачено 86 граждан, из них 46 до 18 лет.

С 10 января по 28 февраля 2017 года проведена 21 тематическая экскурсия для 195 посетителей, из них 179 до 18 лет; 11 обзорных экскурсий для 34 посетителей; индивидуальным посещением было охвачено 259 граждан, из них 187 до 18 лет».

Кроме того, исследовательским проектом «Старообрядцы в Туруханском районе» было охвачено три детских учреждения: Туруханская средняя школа №1, Начальная школа №4 и Центр детского творчества «Аист». Всего в проекте приняли участие 13 взрослых и 196 учащихся. При закрытии выставочного проекта прошло мероприятие, которое посетило свыше 15 человек. Проект освещался в районной газете «Маяк Севера».

Старообрядцы проживающие на территории Туруханского района в нескольких населённых пунктах, самый крупный из которых – село Сандакчес, а также в деревнях: Каменный, Индыгино, Андрюшкино, Захребетный, Чулково, Объединённый и Алинское. Старообрядцев можно встретить в Туруханске, в Верхнеимбатске, в Бору, в Ворогово. Они узнаются по своему внешнему виду и сдержанному поведению, в отличие от многих других, они хорошо знают не только русский язык, но и церковно-славянский.

Но, также, как и всех нас, их ведут по жизни знаменитые строки: «Когда одолеют тебя испытания, когда в непосильной устанешь борьбе и капля за каплей из чаши страдания, пить будешь упрёки, бросая судьбе. Не падай, борись, судьбе не злословь, есть Вера, Надежда, Любовь...».

2017 г.

Е.Ю. Сидорина,
г. Минусинск

Грантовый проект научной библиотеки музея им. Н.М. Мартьянова «Сибирская газета в цифровом формате (фонд М. Прохорова)»

В 2017 году научная библиотека музея им. Н.М. Мартьянова получила грант Благотворительного фонда культурных инициатив («Фонд Михаила Прохорова») в открытом благотворительном конкурсе «Новая роль библиотек в образовании» с проектом «Сибирская газета в цифровом формате». Научной библиотеке фондом было выделено 260500 руб., на которые приобретено: два компьютера, архивный оптический накопитель и микалентная (реставрационная) бумага.

Целью данного проекта было решение проблемы сохранности и доступности газетного фонда научной библиотеки музея для посетителей читального зала и посетителей сайта музея (www.музей-мартьянова.рф).

Газетный фонд – самый востребованный посетителями, и в настоящее время он насчитывает более 360 наименований.

В рамках проекта были оцифрованы сибирские газеты кон. XIX – нач. XX вв.:

- «Енисейские губернские ведомости» (1857, 1859 гг., г. Красноярск) – первая газета Енисейской губернии – 60 номеров;
- «Соха и молот» (1919-1920 гг., г. Минусинск) – 74 номера;
- «Телеграф и почта» (1906 г., г. Минусинск) – 5 номеров;
- «Товарищ» (1917-1918 гг., г. Минусинск) – 37 номеров;
- «Минусинский край» (1914, 1919 гг., г. Минусинск) – 90 номеров;
- «Свобода и труд» (1917-1918 гг., г. Минусинск) – 249 номера.

Перед оцифровкой газеты были подвергнуты чистке и мелкому ремонту микалентной (реставрационной) бумагой: укреплены по краям листы, заклеены образовавшиеся отверстия в бумаге. Затем газеты были собраны по номер, по наименованиям в годовые подшивки и упакованы в картонные коробки.

В течение ноября 2017 – февраля 2018 гг. проводилась обработка электронных версий для публикации на сайте музея и для работы с электронными версиями в читальном зале: перевод в формат «PDF», обрезка.

Оцифрованные газеты хранятся в двух версиях:

- «мастер-копии» (разрешение 600 dpi) – это электронная копия газеты, предназначенная для воссоздания максимально точной бумажной копии. Она используется для восстановления газеты в случае его утраты;
- «массив пользовательских (просмотровых) копий» (разрешение 300 dpi) – это электронная копия для удобного просмотра на компьютере в читальном зале научной библиотеки и для удалённого доступа на сайте музея (www.музей-мартьянова.рф). Пользовательская (просмотровая) копия изготавливается с мастер-копии.

«Мастер-копии» и «пользовательские копии» размещены в архивном оптическом накопителе.

В ноябре 2017 года на сайте музея была сделана вкладка с логотипом: «Фонд Михаила Прохорова. Грантовый проект «Сибирская газета в цифровом формате», где и размещены электронные версии сибирских газет кон. XIX – нач. XX веков.

Данный проект был представлен не только в средствах массовой информации (в газетах «Власть

труда», «Красноярский рабочий»; телеканал «Енисей-регион»), но и для сотрудников учреждений: Национальной библиотеки им. Н.Г. Доможакова, Национального архива Республики Хакасия, Научно-исследовательского института языка, литературы и истории Хакасии (г. Абакан).

После закрытия проекта в научной библиотеке музея продолжается работа по оцифровке изданий: из фонда редкой книги (книжных памятников).

2017 г.

Г.Т. Харченко,
г. Минусинск

Городские библиотеки Минусинска в 1930-1940-е годы

В связи с административно-территориальной реформой в СССР 1923-1929 годов, ликвидацией в 1930 г. округов, образованием в 1934 г. Красноярского края Минусинская Окружная Центральная библиотека была преобразована во взрослую городскую.

30 сентября 1930 года в газете «Власть труда» в рубрике «Город за день» опубликовано извещение «Слияние библиотек»: «Минусинская районная библиотека передана в центральную библиотеку».¹ Городская библиотека стала называться «Минусинская Городская Районная библиотека им. 10-летия Октября». Вывеска библиотеки, различные штампы, печати фиксировали изменения в её названии.

Изучая архивные материалы, статьи, заметки газеты «Власть труда» за 1930-е годы, обращаешь внимание, что авторы по-разному называли городскую библиотеку. В одних случаях это «городская библиотека», в других «районная библиотека» или «городская районная библиотека». И только когда начинаешь анализировать содержание архивных материалов, статей, понимаешь, что речь идет об одном и том же учреждении. Такое отношение к названию библиотеки призывает к внимательности использования данных материалов.

Название «Минусинская городская районная библиотека им. 10-летия Октября» просуществовало до 1942 года. 11 мая 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета г. Минусинск был выделен из состава Минусинского района и отнесён к категории городов краевого подчинения.

Районная Городская библиотека стала просто городской библиотекой г. Минусинска, но в некоторых документах можно встретить название «центральная библиотека».

Городская библиотека имела взрослое и детское отделение, при них имелись читальни. Практически с первых дней работы Окружной библиотеки в печати неоднократно поднимается вопрос об открытии самостоятельной детской библиотеки. Постепенно формировался книжный фонд детской литературы, подбирались помещения для детской библиотеки. Детская библиотека в г. Минусинске была открыта в 1931 году. Заведующей стала Анна Андреевна Рыбкина.

Детской библиотеке было присвоено имя КИМ (Коммунистический интернационал молодёжи). Библиотека расположилась по адресу ул. Ленина, 65. В фонде было всего 569 книг.

Вопрос о предоставлении Городской взрослой библиотеке другого помещения поднимался не один раз. С первых дней открытия библиотеки вопрос о новом помещении для неё рассматривался на различных уровнях: на секции Президиума Горсовета по народному образованию, на заседаниях президиума городского Совета.

Работники музея также неоднократно обращаются в Горсовет об освобождении музейного помещения, занятого Центральной библиотекой. В 1932 году А.В. Харчевников директор Госмузея им. Н. Мартыанова, обращается в Минусинский Городской Совет: «На основании указаний сектора науки Наркомпроса от 27.01 с.г. и распоряжения Предминрика т. Савельева от 25 марта с.г. просим не отказать в скорейшем времени произвести передачи музею, занимаемого Центральной библиотекой, каменного двухэтажного здания и всей усадьбы по Ленинской улице

№60». ² Президиум Городского Совета от 4 мая 1932 года постановил: «Возвратить дом Госмузею как неправильно изъятый ранее. Предложить Горкомхозу подыскать для Центральной библиотеки помещение не позднее 1 июня 1932 года». ³

В 1932 году в документах мы встречаем новый адрес библиотеки – ул. Ленина, 63. ⁴

1936 год: библиотеки (взрослая и детская) находятся по адресу площадь Щетинкина. В последующем библиотеки переезжают несколько раз, и в военные годы они оказываются в здании театра.

Публикация статьи «Районная библиотека в стороне от текущих хозяйственно-политических компаний» (1932 г.) подвергла резкой критике работу городской районной библиотеки в период проведения летне-осенних кампаний. «Из намеченных новых десяти передвижек в колхозы не было заброшено ни одной. Находящиеся в районе 13 старых передвижек спущены ещё в апреле, с тех пор не менялись и не контролировались на предмет использования. Рекомендательных списков к уборочной и хлебозаготовительной не спускалось... Выездов на места не было ни одного... В районе нет ни одной стационарной библиотеки и работы по развёртыванию их сети не было, хотя в плане намечалось организация семи библиотек... Состав передвижного фонда в 1932 году из-за отсутствия средств не пополнялся... Большим тормозом в работе за последний период была переброска библиотеки в другое здание, отнявшая у ней целый рабочий месяц. Сейчас есть опасения, что библиотеку будут перебрасывать в 3-е место...». Автор статьи отмечает, что «Работу районной библиотеки надо перестраивать основательно и приступить к этому сегодня-же...». ⁵

Работа городской районной библиотеки постепенно меняется. В статье Матвеева «Лучшую книгу колхозной деревне» отмечается, что изменилось в обслуживании села городской районной библиотекой. «Районная библиотека создала нынче 19 передвижных библиотечек... Особенно хорошо работают передвижки в Лугавском, где заведующий избой-читальней Печенкин П. добился того, что в 3-4 месяца колхозники прочитали больше 80 лучших книг: «Поднятая целина», «Мать» и других. Неплохо работает с передвижкой заведующий Кировской читальней тов. Савин. У него прочитано 90 книг, в том числе Эренбурга «Не переводя дыхания», Фурманова «Чапаев», Караваевой «Лесозавод», полное собрание сочинений Тургенева, «Анна Каренина» Толстого и другие. На посевную районная библиотека организует ещё 10 передвижек (преимущественно в Восточенской МТС). Эти библиотечки также комплектуются из лучшей литературы. Будут посланы книги: Островского «Как закалялась сталь» – 2 экземпляра, Шолохова «Поднятая целина» – 5 экземпляров, Шухова «Ненависть», Горького «Мать» – по 3 книги, «Чапаев» – две книги... Кроме того, посылаются сельскохозяйственная литература: в помощь трактористу, полеводу – бригадиру и так далее...». ⁶

Лозунг Городской районной библиотеки того времени «Лучшую книгу в село» подхватывают коллективы города, шефствующие над колхозами.

В 1934 году в стране была проведена «Всесоюзная библиотечная перепись на 1 октября 1934 года». Во время Всесоюзной библиотечной переписи в Минусинске было учтено 2 библиотеки:

- взрослая городская (ул. Ленина, 63), число работников – 5 человек, из них 2 бесплатных;
- детская библиотека (ул. Ленина, 65) 2 работника.

В минусинском архиве сохранились бланки переписи. ⁷ Бланки были двух видов. Форма №1 «Карточка на библиотеку» и Форма №2 «Карточка на лицо, ведущее библиотечную работу».

Согласно переписи, в библиотеке им. 10-летия Октября работали: Паршина Екатерина Алексеевна (19 лет, член ВЛКСМ, образование среднее, окончила 4-х месячные курсы, общий стаж библиотечной работы 5 лет, в данной библиотеке 4 года); Уставщикова Клавдия Васильевна (28 лет, б/п, 2 курса педтехникума, стаж библиотечной работы 1 год); Чупракова Зоя Ивановна (20 лет, член ВЛКСМ, образование среднее, стаж библиотечной работы 6 месяцев).

Число читателей во взрослой городской библиотеке в 1934 г. было 1099, книговыдача – 22600, книжный фонд – 6721 экз.

В 1935 году библиотеки г. Минусинска принимают активное участие во Всесоюзном конкурсе на лучшую библиотеку. Статья Матвеева «Конкурс на лучшую библиотеку» (Власть труда, 1936. –

10 окт.) знакомила читателей с задачами, которые поставили библиотеки, участвуя в конкурсе: «... расширить сеть библиотек-передвижек 10, организовать в районе вновь 4 сельских библиотеки, довести количество читателей в городской библиотеке с 717 до 3 тысяч, в детбиблиотеке с 300 до 1000, в музейной – с 470 до 1000. В остальных библиотеках повысить число читателей минимум на 30%. Пополнить книжные фонды в городской библиотеке с 6 тысяч томов до 10 тысяч, в детской с 1500 до 3000, совхозных с 1500 до 2500, в опорных библиотеках МТС с 1500 до 2500».⁸

В конце 1935 г. газета «Власть труда» писала: «Минусинский район в этом конкурсе выходит с неплохими показателями. Во всех библиотеках увеличился книжный фонд. В городских библиотеках теперь легче можно достать такие книги, как «Чапаев», «Поднятая целина», «Как закалялась сталь». Для читателей установлен жёсткий срок возврата книги – через 3 дня. Это намного увеличивает оборачиваемость книги. Передовыми в конкурсе идут библиотеки: общегородская, детская, музейная. В городской библиотеке организована комната отдыха, где имеются – шашки, шахматы, домино, бильярд».⁹

В апреле 1936 г. газета «Красноярский рабочий» публикует статью П. Германович «Хорошая библиотека», посвящённая работе Минусинской городской районной библиотеке «Минусинская районная библиотека в 1935 году увеличила книжные фонды с 11500 до 20 тысяч томов. Количество читателей выросло с 1180 человек до 4500 человек... организованы и регулярно работают 15 библиотек-передвижек... При поступлении новых книг мобилизовались все работники, в результате чего книги находились в обработке не более одного дня. В районе за последнее время организованы 3 новых библиотеки. Опыт работы Минусинской библиотеки нужно широко распространить по всем библиотекам края».¹⁰

В августе 1936 года газета «Власть труда» в статье «2300 читателей» отмечает, что «Больше всего читаются книги из художественной литературы: Соболев «Капитальный ремонт», Шолохов «Поднятая целина», Шухов «Ненависть», Ставский «Разбег», Серафимович «Железный поток» и так далее. Но количество книг недостаточное и полностью спрос читателей не удовлетворяет. Книг Н. Островского «Как закалялась сталь» библиотека имеет 40 экземпляров – не хватает».¹¹

В годы второй пятилетки городская районная библиотека связывает свою работу с политическими и народнохозяйственными задачами. В период зарождения и становления стахановского движения библиотека организует обслуживание стахановцев на дому. По заказам стахановцев книги доставлялись на квартиры.

«Власть труда» в статье «Что читают стахановцы» (1937 г.) пишет об организации обслуживания стахановцев на дому и что они читают. Библиотекари посещают на дому стахановцев из «Союзмуки», артели «Верёвочник», водочного и пивоваренного заводов и других.¹²

В 1937 г. организуются передвижки в артелях: «Швейпром», «Верёвочник», «Рекорд», в хирургической больнице. Газета «Власть труда» сообщала: «В 1938 году свыше 1800 трудящихся пользуются книгами в библиотеке».¹³

Заметка Т. Ивановой «В читальном зале» газеты «Власть труда» сообщала «Большой зал обставлен мягкой мебелью, на окнах цветы. В зале тихо, светло и уютно. На столах газеты, журналы. В шкафах книги: художественная и политическая литература, энциклопедии. За столами и на диванах сидят читающие. Рабочие, служащие, учащиеся, интеллигенция города ежедневно приходят в читальный зал городской библиотеки почитать свежие газеты, журналы, получить необходимую справку и т.д. Требования читателей возрастают...».¹⁴

Шла третья пятилетка, «Сталинская», так её называли. Минусинская библиотека заключает «Социалистический договор с Хакасской областной библиотекой на 1940 год».

Минусинская библиотека взяла обязательства: довести число читателей до конца года – 2200 чел.; число передвижек до 20; ввести алфавитный каталог; обслуживать литературой стахановцев на дому; вести работу с задолжниками; к концу года не иметь ни одного задолжника.

Большое внимание уделялось введению новых форм работы с книгой. Минусинская библиотека намечала провести два литературных вечера на различные темы, громкие читки-беседы. Эти формы работы с книгой охватывают читателей не только библиотеки, но и передвижек.

К началу 1940-х гг. фонд взрослой библиотеки насчитывал 11000, читателей 1310, общая книговыдача 32527, передвижек 10.¹⁵

В библиотеке к различным юбилейным датам оформлялись книжные выставки, рекомендательные списки литературы. «К 103 годовщине со дня смерти великого русского поэта А.С. Пушкина, исполняющейся 10 февраля, городская библиотека устраивает выставку произведений поэта и альбом фотодокументов из жизни поэта»¹⁶ сообщала газета «Власть труда» (9.02.1940).

9 апреля 1940 г. в газета «Власть труда» в статье Ел. Шимониной «К десятилетию со дня смерти великого русского поэта В.В. Маяковского» писала: «В районной библиотеке, заведующая тов. Рыбкина, готовится выставка произведений Маяковского и рекомендательные списки литературы. 7 апреля проводился семинар библиотекарей города и района, посвященный изучению жизни и творчества великого поэта»¹⁷.

Отличительной особенностью библиотек г. Минусинска в 1930-е – 1940-е годы являлось то, что они активно принимают участие во Всесоюзных библиотечных мероприятиях и добиваются успехов, начинают расширять формы библиотечных мероприятий: от простых книжных выставок до тематических вечеров, и они связывают свою работу с политическими и народнохозяйственными задачами города. Библиотека направляет свои усилия на повышение политической сознательности, расширение культурного кругозора трудящихся города.

2017 г.

Примечания:

¹ Слияние библиотек // Власть труда. – 1930. – 17 сент.

² МФ ГАКК. Ф.30. О.1. Д.85. Л.114.

³ МФ ГАКК. Ф.33. О.1. Д.85. Л.126.

⁴ МФ ГАКК. Ф.372. О.1. Д.70. Л.1.

⁵ А. Районная библиотека в стороне от текущих хозяйственно политических компаний / А. // Власть труда. – 1932. – 22 окт.

⁶ Матвеев. Лучшую книгу колхозной деревне / Матвеев // Власть труда. – 1936. – 10 апр.

⁷ МФ ГАКК. Ф.372. О.1. Д.60.

⁸ Матвеев. Конкурс на лучшую библиотеку / Матвеев // Власть труда, 1936. – 10 окт.

⁹ Германович П. Хорошая библиотека / П. Германович // Краснояр. рабочий. – 1936. – 9 апр.

¹⁰ Германович П. Хорошая библиотека / П. Германович // Краснояр. рабочий. – 1936. – 9 апр.

¹¹ Т. 2300 читателей / Т. // Власть труда. – 1936. – 24 сент.

¹² Т.Н. Что читают стахановцы / Т.Н. // Власть труда. – 1937. – 12 мая.

¹³ Минусинск сегодня: свыше 1650 читателей... // Власть труда. – 1938. – 6 авг.

¹⁴ Иванова Т. В читальном зале / Т. Иванова // Власть труда. – 1938. – 18 дек.

¹⁵ МФ ГАКК. Ф.372. О.1. Д.49. Л.96.

¹⁶ К 103 годовщине... // Власть труда. – 1940. – 9 февр.

¹⁷ Шамонина Ел. К десятилетию со дня смерти великого русского поэта В.В. Маяковского / Ел. Шамонина // Власть труда. – 1940. – 9 апр.

И.Н. Худякова,

г. Абакан, Республика Хакасия

Социокультурная проектная деятельность музея как средство актуализации историко-культурного наследия и расширения музейной аудитории

Одним из социокультурных институтов, призванных удовлетворять общественные и индивидуальные потребности, является музей. Занимаясь постоянным поиском новых форм культурно-образовательной работы, мы стремимся быть современными и интересными для посетителей. Практика популяризации историко-культурного наследия Республики Хакасия всё чаще находит своё воплощение в социокультурной проектной деятельности музея, успешно взаимодействуя с различными организациями культуры, образования, объединяя вокруг себя общественных, коммерческих и информационных партнёров.

С начала 2000-х годов сотрудники нашего музея занимаются проектной деятельностью. За эти

годы накоплен положительный опыт в реализации проектов, в частности, социокультурных, направленных на обеспечение доступности культурных благ детям из малообеспеченных и неблагополучных семей, детей-сирот и детей с ограниченными физическими возможностями здоровья, стремясь вовлечь их в современный культурный процесс, приобщить к историко-культурному наследию Хакасии.

Ярким примером музейного социокультурного партнёрского проекта стала профильная военно-патриотическая смена «Хакасия – земля российская» под эгидой Хакасского отделения Российского военно-исторического общества (далее – РВИО), которая впервые в Хакасии прошла в июле 2017 года. Смена была организована на базе Детского оздоровительного лагеря «Турист» в с. Чебаки Ширинского района на усадьбе золотопромышленника Иваницкого, построенной в середине XIX в. В проекте приняли участие 120 ребят в возрасте 7-17 лет из Республики Хакасия. Среди них были так называемые «трудные» подростки, дети из многодетных и малообеспеченных семей, воспитанники детских домов и школ-интернатов, дети-сироты, подростки, попавшие в трудную жизненную ситуацию.

Проведение смены стало возможной благодаря активному участию в проекте Министерства культуры РХ, Министерства образования РХ, МВД по РХ, Республиканского центра медицины катастроф, Национальной библиотеки им. Н.Г. Доможакова и др.

Готовясь к реализации проекта, сотрудники музея провели обучающий семинар для сотрудников лагеря, подготовили для них методические материалы по истории села Чебаки, хронологии Гражданской войны на юге Сибири и в Хакасии, истории Дома Иваницкого. Была разработана насыщенная и интересная программа.

Перед открытием смены сотрудники музея художественно оформили лагерь, создав атмосферу патриотического настроения: установили баннер с символикой РВИО, на лестничных маршах – календарь военно-исторических дат, плакаты с изображениями российских полководцев и флотоводцев, в лекционном зале – выставку «Во Славу Родины», патриотические плакаты, исторические справки. Также на средства РВИО были приобретены футболки с логотипом РВИО.

Программа лагеря состояла из трёх основных направлений. Первое – занятия по военной истории. На протяжении всей смены школьники изучали военную историю нашей страны и малой Родины – Хакасии, знакомились с государственными символами, военно-историческими датами России, героями Отечества. Сотрудниками музея были проведены лекции по истории енисейского казачества, гражданской войне на севере Хакасии; прошли музейные уроки: «Россия в Первой мировой войне», «Победы Российского флота»; работал передвижной выставочный проект «Во Славу Родины». Состоялись коллективные просмотры документальных и художественных фильмов с обсуждением: «Конец императора тайги» и «Последний год Беркута».

Второе направление – военно-прикладные занятия. Для физического развития были предусмотрены занятия по огневой, строевой, тактической, туристической подготовке, мастер-классы по боевым искусствам. Сотрудниками музея была проведена военно-историческая реконструкция «Богатыри средневековья» с мастер-классами по владению луком и холодным оружием.

Третье – историко-культурное направление. В течение смены у ребят была насыщенная культурно-образовательная программа, включавшая в себя встречи с писателями Хакасии (Геннадий Синельников, Вадим Южный, Юрий Черчинский). Основная тема их творчества – патриотизм. Работали образовательные площадки: историко-литературная панорама «В памяти. В сердце. В книге»; музейный урок «Топонимика района села Чебаки»; лекция «Археологические памятники севера Хакасии».

Также школьников знакомили с убранством хакасской юрты и традициями хакасского гостеприимства, с хакасским национальным костюмом и национальными играми, рассказывали легенды и предания хакасского народа. Был проведён мастер-класс по изготовлению женского нагрудного украшения «Поги».

Участники лагеря посетили памятник «Братская могила семидесяти партизан, расстрелянных и погибших в боях с колчаковским отрядом в марте 1919 года», организовав там субботник и возло-

жив цветы на могилу. Совершили восхождение на гору «Талкин ключ» к древнему памятнику изобразительного искусства таштыкской археологической культуры, где школьники познакомились с особым видом археологических памятников Хакасии – писаницами.

Положительным моментом смены является то, что реализованная программа способствовала развитию у участников важных жизненных и нравственных ценностей гражданина и патриота, подготовке подростков к защите Отечества, а также формированию здорового образа жизни подрастающего поколения. Отдалённость лагеря (230 км от г. Абакана) и отсутствие там сотовой связи создавали определённые трудности в реализации проекта, однако большинство из задуманного всё-таки удалось осуществить. Отчёт о работе смены в РХ был высоко оценён руководством РВИО, музеем было высказано пожелание продолжить эту работу на следующий год. Но, с учётом полученного опыта, мы планируем организовать вторую военно-патриотическую смену совместно с нашими партнерами уже на площадках музея.

Второй проект, способствующий актуализации и популяризации историко-культурного наследия Хакасии, а также расширению и активизации целевой аудитории музея в Интернет-пространстве, является видеопроjekt «Хакасия. Дети белой волчицы», ставший победителем I Всероссийского смотра-конкурса «Сохраняем культурное наследие Великой страны». Организатором конкурса выступил АНО «Молодёжные инициативы» при поддержке генерального партнёра Федерального проекта «Росшкола».

Конкурс проводился с целью сохранения и популяризации национального достояния народов России, а также стимулирования молодого поколения к изучению культуры страны. Конкурсными работами являлись видеоролики, рассказывающие о культуре и традициях народов России с исполнением национальных песен, танцев, поэтических произведений на русском или национальном языке участников.

Это был наш первый опыт в создании музейного видеоклипа – экранизированной легенды, где мы вместе с начинающими видеографами Никитой и Даниилом Кривенками в 5-минутном ролике постарались показать всё богатство хакасской культуры: представив зрителям национальные костюмы, хакасскую легенду и песню, традиции и обычаи хакасов, уголок этнографической экспозиции и новое здание музея. Кроме того, на сайте конкурса все заявившиеся участники представляли исторические справки о своей территории. В конкурсе приняли участие 80 коллективов из 45 регионов страны, а это более 970 человек.

Победители в номинациях определялись всероссийским голосованием, которое проходило с 17 по 21 апреля. За это время наш видеоролик посмотрели 2295 человек. Призовой фонд конкурса составлял 86 тысяч рублей и должен был быть разделён между участниками конкурса. Но кроме диплома, присланного по электронной почте, мы ничего не получили, вероятнее всего, как и остальные участники. Но несмотря на это, мы всё равно довольны, что приняли участие в этом конкурсе, благодаря которому имели возможность в виртуальном пространстве знакомить россиян с нашей республикой.

Интеграция и социализация детей с инвалидностью – ещё одна важная задача для современного музея.

После переезда музея в октябре 2017 г. в новое здание Республиканского музейно-выставочного центра у нас появилась возможность проводить крупные мероприятия с участием людей с особыми потребностями. Поэтому мы приняли решение участвовать 2 декабря во Всероссийской акции «Музей для всех! День инклюзии» в рамках Всероссийского проекта «Инклюзивный музей», организованного ИКОМ России.

Инклюзия – это процесс реального включения людей с инвалидностью в активную общественную жизнь, которая в одинаковой степени необходима для всех членов общества.

Цель проекта: способствовать изменению у окружающих восприятия людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Участвуя впервые в данной акции и не имея опыта работы с особенными детьми, мы пригласили в качестве партнёра Благотворительный фонд социальной поддержки населения «Кристалл»,

который работает в г. Абакане с 2014 г. и обладает большим опытом в организации культурно-досуговых программ и мероприятий для людей с ОВЗ.

Готовясь к проведению Дня инклюзии, необходимо было решить ещё одну очень важную задачу: подготовить коллектив музея к общению с людьми с особыми потребностями. Настоящей проблемой нашего общества является неспособность адекватно принимать людей с инвалидностью, но не потому, что мы этого не хотим, нас просто этому не учат.

Было проведено обучение сотрудников музея с привлечением специалистов по приёму и взаимодействию с посетителями, имеющих с инвалидность. Так, на первом занятии магистрант медико-психолого-социального института ХГУ им. Н.Ф. Катанова провёл среди сотрудников анонимное анкетирование для того, чтобы узнать, насколько наш коллектив готов к работе с людьми с особыми возможностями здоровья. Сотрудникам было предложено ответить на 12 вопросов. Результаты анкетирования показали, что сотрудники музея готовы к работе с людьми с ОВЗ; коллектив осознаёт необходимость помощи в социализации людей с ОВЗ; у большей части сотрудников не возникают сложности при взаимодействии с людьми с ОВЗ.

Приглашённый социальный педагог – специалист в сфере образования детей с ограниченными возможностями здоровья обучил сотрудников взаимодействию с посетителями с ОВЗ, рассказал о специфических особенностях, принципах коммуникации, взаимодействию, а также способах работы с детьми с нарушениями ментального развития.

Далее все сотрудники музея в течение недели на официальном сайте проекта «Инклюзивный музей» самостоятельно изучали тематические ролики и вебинары с участием экспертов, рекомендации по пониманию инвалидности и реализации инклюзивных программ в музеях. После этого было проведено тестирование сотрудников по проекту «Инклюзивный музей», с которыми практически все сотрудники справились.

2 декабря в Республиканском музейно-культурном центре в рамках Всероссийской акции «Музей для всех! День инклюзии» состоялось благотворительное мероприятие для людей с инвалидностью, их семей, друзей и всех желающих. На площадках музея работали всевозможные локация: концертная программа, шоу мыльных пузырей, рисование песком, различные мастер-классы, детская мультипликационная студия «Иткуль» и студия кулинарного творчества «Сливки». Свои награды в адаптивных видах спорта продемонстрировали спортсмены школы «Ирбис», студенты Хакасского колледжа профессиональных технологий и сервиса проводили различные мастер-классы, Национальная библиотека им. Доможакова представила игротеку «Вне сети». Работал шоколадный фонтан, фотозоны, демонстрировались добрые мультфильмы об особенных детках, во время акции были представлены собаки-поводыри. Работала зона фуд-корта от партнеров «ИП Зубарев» и фонда «Кристалл», где можно было бесплатно подкрепиться и попить прохладительные напитки от ООО «Альпина».

Сотрудники культурно-образовательного отдела музея проводили адаптированные экскурсии по залу «Древнее искусство Хакасии», которые заканчивались двумя мастер-классами: лепкой из пластилина и созданием копий наскальных рисунков.

Для проведения Дня инклюзии были привлечены волонтеры – студенты Медико-психолого-социального института ХГУ им. Н.Ф. Катанова и Политехнического колледжа, которые в ходе мероприятия помогали участникам мероприятия. Кроме того, они проводили анкетирование среди участников мероприятия. Впервые проводя данное мероприятие, мы понимали важность обратной связи с участниками. Для этого была разработана анкета, состоящая из 5 вопросов. В анкетировании приняли участие 100 человек. Анкетирование показало, что всем опрошенным понравилось на Дне инклюзии.

Мероприятие получилось масштабным, в нём приняли участие свыше 1500 человек. Более 20 партнеров было привлечено музеем и благотворительным фондом «Кристалл». Благодаря этому получился настоящий праздник, и дети, которые не всегда могут самостоятельно выйти из дома, получили массу положительных эмоций.

Всероссийская акция объединила по всей стране единомышленников, готовых к переменам и

продвижению социальной миссии культурных учреждений. Всего к акции присоединилось более 200 музеев. В том числе, и наши ближайшие соседи: Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, Музей-заповедник «Шушенское», Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова и др.

Таким образом, социокультурная миссия музея в современном мире очень важна. И, наряду с коммерческими мероприятиями, должны быть и абсолютно бесплатные, направленные на формирование активной гражданской позиции, утверждение общечеловеческих ценностей, вовлечение всех членов общества в единую социокультурную среду.

2017 г.

В.Г. Чернышёва
г. Минусинск

К вопросу об изучении музейных коллекций. История одного предмета

Долгое время в собрании Минусинского музея хранился предмет, этническая принадлежность которого стояла под большим вопросом – замшевые штаны (МКМ ОФ 1708), вышитые шёлком. В книге Е.К. Яковлева «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог этнографического отдела музея» (1900 г.) они значились в разделе «Иные инородцы» как замшевые шаровары.

В 2016 году, чтобы исправить эту несправедливость и восполнить ещё один пробел в изучении этнографической коллекции, было проведено небольшое исследование, которое увенчалось успехом.

Выяснилось, что этот элемент одежды не что иное как парадные мужские замшевые штаны для верховой езды называемые *шалбар*. Бытовали в среде кочевников-казахов в XVII – сер. XIX вв. Затем постепенно стали уходить из быта и в начале XX в. встречались довольно редко. Штаны, аналогичные по покрою с казахскими, также были широко распространены среди народов Средней Азии (узбеков, таджиков) и на Востоке, среди тюрко-монгольских народов Сибири. Автор предположил, что такие шаровары также бытовали и среди алтайских казахов, потомков многочисленных групп казахов Среднего Жуза – родовые подразделения кара-кереев (племени найманов), абак и ашемайлы (племени кереев),¹ которые долгое время кочевали по территории нынешних Казахстана, Горного Алтая и Китая, а затем осели в долине Кош-Агач. Вероятно, в Минусинский музей они попали именно с территории Алтая, поскольку в его коллекциях есть ряд предметов, привезённых из этого региона.

К сожалению, точного указания на источник поступления в музейных отчётах (печатных) не сохранилось, как и в рукописных каталогах за 1880-90-е годы. Удалось установить, что в первый год существования музея, в 1877 г., на приглашение Комитета музея к участию в его деятельности пожертвованиями и трудами жители Минусинска и «..иногородние ответили приношениями» и С.И. Гуляев (из Барнаула) прислал несколько предметов с Алтая.²

Степан Иванович Гуляев (с. Алейское, Томская губ., 28 июля 1806 – Барнаул, 14 мая 1888) – видный исследователь Алтая, историк, этнограф, фольклорист и изобретатель. В 1859 г. он был назначен советником отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления и переехал из Санкт-Петербурга в Барнаул. Николай Михайлович Мартьянов вёл переписку с Гуляевым довольно активную с 1874 по 1877 годы. В архиве сохранились как указания на это в «Журнале регистрации входящей и исходящей документации»,³ так и фактическое подтверждение письмами. Но и в них нет сведений о передаче в музей тех или иных предметов 1877 году. В этот период письма от С. Гуляева отсутствуют. Последнее из них было получено 30 октября 1887 года.⁴ Тем не менее, автор склоняется к мнению, что среди предметов, переданных в 1877 г. в музей Гуляев

вым, были и замшевые штаны – шалбар, которые в тот период ещё можно было встретить в быту казахов Горного Алтая. Поскольку точно установлено, что они попали в коллекцию до 1898 года.

Они довольно необычны: яркого терракотового цвета, с широким шагом, глухие в поясе, прямого покроя с ластовицей и разрезами внизу, что не стесняло движений при езде на лошади. В поясной рубец вставлен шнур для подвязывания. По краю штанины и боковые разрезы обшиты тканой цветной тесьмой.

Замшевые штаны украшены яркой вышивкой, выполненной тамбуром. Как известно, узоры, нанесённые на одежду, предметы быта, украшения, отражали мир, окружающий кочевника, передавал его чувство красоты, его образное мышление. Верхняя их часть не орнаментирована. Вышивка занимает среднюю и нижнюю часть шаровар. Элементы узора, расположенные в средней части, являются центром орнамента и представляют собой вписанную в два круга розетку цветка, выполненного очень реалистично, и обрамлённую вышивкой с изображением цветка с нераспустившимися бутонами. Эта композиция также заключена в незавершённый круг, за пределами которого лучеобразно расположен повторяющийся орнамент, напоминающий наконечник стрелы. В нём использованы четыре основных цвета: красный, голубой, зелёный и белый.

Как известно, круг – древнейший космогонический узор, являющийся символом солнца. Но так же кочевники представляли в форме круга степь, охватывающее её как целое, как реальность самого бытия с человеком в центре. Круг – символ жизни, вечности.⁵ Цветы можно трактовать и как солярный знак, символ солнца, и как цветущую бесконечную степь, символизирующую жизнь. Обрамляющие цветы – мировое древо. Бутоны, состоящие из двух фигур, – солярные знаки: расцвет и полумесяц – движение времени, смены времён года и т.д.

По контуру низа штанин и боковых разрезов расположен геометрический орнамент из треугольников, ромбов и четырёхлистников, вписанных в них. Опираясь на принятую расшифровку семантики отдельных элементов казахского орнамента, четырёхлистник – это орнамент торт кулак (крестовина), символизирующая четыре стороны света и содержащей пожелание: куда бы ты не держал путь – удачи тебе. Треугольник (ушбурыш) – символ трёхуровневого пространства, семантика которого прочитывается следующим образом: пусть будут чистыми небо, земля, вода, и жизнь человека продлится долго.⁶ Этот универсальный символ рассматривается многими народами как мировая гора, символ восхождения, благополучия, духовности. У казахов треугольная форма служит защитой от нечистой и злой силы.⁷

Бордюр, вышитый растительным орнаментом (из повторяющихся завитков), представляет собой тип орнамента муйиз – аркармуйиз (рога архара) или кошкар муийз (бараний рог). Знак кошкар муийз обозначают материальное благополучие скотовода. Интересно то, что в нижней части узор на правой штанине несколько отличается от левой. Вышивка на правой представляет собой два мировых дерева, выполненных в зелёном и красном цвете, увенчанные орнаментом «бараний рог», и разделённые между собой изображением вертикального столба с небольшими окружностями в чёрно-белом цвете. Этот орнамент напоминает мировое древо или столб, символизирующий верхний, средний и нижний мир. Как и форма, цвет орнамента является выражением определённых понятий и представлений. Например, синий цвет – символ неба, поклонения небу, водной и воздушной стихии, божества; красный – огня, солнца, начала жизни, здоровья, богатства; белый – истины, радости, счастья; жёлтый – знание, мудрость, разум, изобилие, золото, восход; чёрный – земли; зелёный – весна, молодость, плодородие, откровение, вода, дождь, трава, новая жизнь.⁸

Орнамент на левой композиционно построен аналогично и представляет собой также два мировых дерева, но без узора «бараний рог», и разделённые вертикальной вышивкой растительного орнамента, имеющей в верхней и нижней части изображение трилистника – уш жапырак.

Вся орнаментальная композиция имеет чёткое расположение: вверху, в центре – узоры-символы, обозначающие солярные знаки, солнце, небо. Далее изображения, символизирующие землю, жизнь – мировое древо, растительный орнамент, и внизу – охранительные – треугольники. Это ещё раз подтверждает, что традиционный казахский орнамент отражал мир, окружающий кочев-

ника, его мировоззрение и выполнял социальную роль, если в орнаменте использовали родовые знаки, тамгу и др., охранительные, благопожелательные.

2016 г.

Примечания:

¹ Этнополитическая ситуация на Уюке в XIX – XX столетиях // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Уюк) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов. – Новосибирск, 1994. – С. 187-192.

² Лукашевич О.А. 10-летие Минусинского музея 1877-1886 гг./ АМКМ. Ф.3. О.?. Д.44 – С.52.

³ АМКМ. Ф.1 О.2. Д.1.

⁴ МКМ ОФ 10721/7

⁵ Личман Е.Ю. Знаки – символы традиционного казахского искусства/Заочные электронные конференции. <http://econf.rae.ru/article/7500>

⁶ Личман Е.Ю. Знаки – символы традиционного казахского искусства/Заочные электронные конференции. <http://econf.rae.ru/article/7500>; Таниева Ж.К. Знаки и символы в традиционном и современном изобразительном искусстве Казахстана./ Бесплатная электронная библиотека / <http://avtoreferat.seluk.ru/at-iskusstvovedenie/18461-1-znaki-simvoli-tradicionnom-sovremennom-izobrazitelnom-iskusstve-kazahstana.ph>

⁷ Таниева Ж.К. Знаки и символы в традиционном и современном изобразительном искусстве Казахстана./ Бесплатная электронная библиотека / <http://avtoreferat.seluk.ru/at-iskusstvovedenie/18461-1-znaki-simvoli-tradicionnom-sovremennom-izobrazitelnom-iskusstve-kazahstana.ph>

⁸ Личман Е.Ю. Знаки – символы традиционного казахского искусства/Заочные электронные конференции. <http://econf.rae.ru/article/7500>; Таниева Ж. К. Знаки и символы в традиционном и современном изобразительном искусстве Казахстана./ Бесплатная электронная библиотека / <http://avtoreferat.seluk.ru/at-iskusstvovedenie/18461-1-znaki-simvoli-tradicionnom-sovremennom-izobrazitelnom-iskusstve-kazahstana.ph>; Асанова А.Е. Народный орнамент как источник этногенеза / Мир науки, культуры, образования. № 4(29). 2011. – С. 328.

А.В. Чернышов,
г. Минусинск

Выездные выставочные проекты Минусинского музея в 2017 году

В июне 2015 года, в связи с реставрацией и ремонтом второго корпуса музея им. Н.М. Мартянова, прекратил свою работу ряд экспозиций и выставочных проектов. Несмотря на закрытие половины выставочных площадей музея, общий план экспонирования и число музейных выставок остались прежними. Так, согласно годовым отчётам Муниципального бюджетного учреждения культуры (далее МБУК) «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова» за 2016 и 2017 гг., планы требовали создания 160 и 170 выставочных проектов.

Для выполнения годового плана было принято решение увеличить число внемузейных выставочных проектов. Поэтому в 2016 г. сотрудниками музея было организовано и проведено 69 таких выставок, от небольших фотовыставок до относительно крупных. Многие проекты были приурочены к памятным датам города и страны, а также в рамках патриотических мероприятий (Сталинградская битва, День Победы и так далее). Анализ деятельности выставочной работы 2016 года музея им. Н.М. Мартянова, показал, что наибольший интерес у аудитории вызывают мини-выставки, с экспонированием подлинных предметов основного и вспомогательного фонда музей им. Н.М. Мартянова.

Исходя из этого анализа, и пользуясь опытом мероприятий предыдущих лет, сотрудниками музея было принято решение о создании серии проектов на 2017 г., разной тематической направленности, в ходе которых можно было бы экспонировать предметы основного и вспомогательного фонда музея им. Н.М. Мартянова.

Основными задачами при их создании стали:

1. Квалифицированность и профессиональное ориентирование в выбранной теме автора и лектора – для достоверности ответов на задаваемые вопросы, которые зачастую задают профессионалы (историки);

2. Привлечение других научных сотрудников музея во время проведения самого проекта – для расширения методической базы сотрудников;

3. Общедоступная форма передачи материала – для расширения возрастных границ аудитории;
4. Создание проекта с учётом участия в нём людей с ограниченными возможностями.

Первым из них в феврале 2017 г. стал проект «Солдатский вещмешок», он включил в себя серию лекций, посвящённых событиям Великой Отечественной войны (в данном случае окончание Сталинградской битвы). Мероприятие проходило на базе школ города Минусинска, и было разделено на две части. Первая – это лекция, посвящённая событиям Великой Отечественной войны, вторая – интерактивное занятие на основе мини-выставки.

Из основного фонда музея были задействованы личные вещи участников войны: письма, зажигалки, портсигары, рисунки, бритвы, осколки. Из подлинного оружия – пулемёт системы Максим образца 1910 г. (с пропиленным стволом).

Были использованы так же новоделы – комплект обмундирования рядового Красной Армии образца 1940 г., портянки, сапоги и специально закупленный макет винтовки системы Мосина образца 1897 года.

В течение всего года было проведено 12 мероприятий в школах города Минусинска – то есть, 12 выездных выставок, с экспонированием на каждой 28 предметов из фондов с общим количеством посетителей выставок 534 человека.

Следующим стал проект «Афганистан. Как это было» и «По ту сторону границы», посвящённые участию минусинцев в вооружённом конфликте в Афганистане в 1979-1989 годах. Мероприятие было разделено по такому же принципу: первая часть лекция, второе – интерактивное занятие-выставка.

На сей раз, аудитория помимо знакомства с настоящей экипировкой воинов-интернационалистов, личными вещами пограничников, служивших в мотоманёвренных группах, могла пообщаться с участником Афганской войны.

Проект «Невидимый убийца», посвящённый аварии на Чернобыльской АЭС, проходил как на базе школ города, так и был востребован в южных районах Красноярского края.

Два последних из них за весь год дали музею 10 выездных выставок, с экспонированием на каждой 25 фондовских предметов и 400 посетителей выставок.

С 14 июня по 21 августа был реализован проект «Ребёнок в лесу», который был заявлен как экологический и проходил по просьбе КГАУ Социально-оздоровительный центр «Тесь». В данном проекте было организовано 3 мероприятия с интерактивными выставками: «Прекрасное? Далеко!» (экологические проблемы современности), «Оружие древних» (Археологическая коллекция оружия), «Наскальная живопись» (образцы петроглифов Минусинской котловины).

Выездные интерактивные занятия проводились на территории южных районов Красноярского края, в летних оздоровительных лагерях «Солнечный», «Солнечный-2», «Салют», «Заполярный».

В рамках этого проекта проведено 13 выездных выставок, с экспонированием на каждой от 10 до 20 фондовских предметов, и общим количеством посетителей 890 человек.

Подводя итог, можно отметить, что такая форма работы как внемузейные выставочные проекты является перспективной по не скольким критериям:

- расширяет возможность организации новых тематических мероприятий в рамках проекта и как следствие – методической базы сотрудников;
- популяризация музея и его коллекций;
- при грамотной организации проектов, позволяет заручиться долгосрочным сотрудничеством с организациями;
- в условиях большого экспозиционного плана музея, позволяет, минимальными усилиями, обеспечить выполнение значительной части выставочной нагрузки.

2017 г.

С.Ю. Чыргалан,
г. Кызыл, Республика Тыва

Фонд «Редкие книги» в Национальном музее имени Алдан-Маадыр Республики Тыва как исторический источник

Редкие книги интересны как «письменные источники, передающие деловую или научную информацию (документы, исследования учёных) и источники, появившиеся в результате эстетического освоения действительности (литературные произведения)».¹

Фонд «Редкие книги» – уникальная кладовая Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Был создан в 2011 г., до этого момента книги находились в научной библиотеке музея. На сегодняшний день в фонде хранятся 1050 письменных источников, квалифицированных как редкие книги. В коллекции представлены уникальные музейные предметы, хронологически охватывающие период с XVII до XXI века. Например, издания из конфискованного в советское время церковного имущества, в т.ч. печатные издания из библиотеки Туранской православной церкви. К числу особо ценных экземпляров русской печати относится первое печатное издание поучений Ефрема Сирина – учителя церкви в IV в., христианского богослова и поэта, которая была отпечатана в 1647 г. на Московском печатном дворе при царе Алексее Михайловиче и патриархе Иосифе. Также имеются издания Русского Императорского Географического Общества (позже Русского Географического Общества), относящиеся к 1855-1958 годам.

Среди всех материалов фонда выделяются книги, выпущенные в период суверенного государства – Тувинской Народной Республики. Данный период является временем, когда у коренного народа ТНР – тувинцев была создана национальная письменность. Двенадцать изученных нами книг и журналов из фонда «Редких книг» датируются 1931-1941 годами. Из них девять экспонируются в зале «История суверенного государства в Центре Азии». Они отражают историческую действительность данного периода.

По свидетельству Н.Ф. Катанова, до начала XX в. «у тувинцев был общенародный разговорный язык».² Данный факт, на наш взгляд, является результатом многовековой истории тувинского народа, сформированного как отдельный этнос лишь к XVIII в. и находящегося в разные периоды в составе разных государственных образований. Государства, в составе которых находились племена, жившие на территории Тувы, были одними из могущественных, развитых для своего времени: скифское государство, Тюркский каганат, государство енисейских кыргызов и т.д. В период господства Тюркского каганата (VI-VIII вв.) аристократическая верхушка племён, живших на территории Тувы, пользовалась рунической письменностью, созданной на основе согдийского алфавита.³ Об этом свидетельствуют многочисленные памятники древности, найденные в результате археологических раскопок.

С распространением буддизма в Туве со вт. пол. XVIII в. и в дальнейшем принятия его в качестве официальной религии 4 хурээ (буддийские храмы) становятся культурными центрами. Именно ламы, хуураки изучали старомонгольскую и тибетскую письменность.

С образованием суверенного государства (1921 г.), когда появилась необходимость в национальной письменности со вт. пол. 1920-х гг. началась разработка тувинского алфавита. В 1928 году подготовил свой проект письменности М. Лопсан-Чимит. Однако, алфавит, в основу которого лёг немецкий алфавит, вскоре раскритиковали.⁵ В окончательном виде тувинская национальная письменность была разработана учёными-лингвистами А.А. Пальмбахом, Е.Д. Поливановым, С.С. Лопсаном. Письменность была основана на латинице и введена декретом правительства ТНР от 28 июня 1930 г.⁶ Так, в ТНР с 1930-х гг. начинается работа по ликвидации безграмотности населения, был издан первый букварь, стали выпускаться книги, журналы, газеты, основанные на новом алфавите.

Все книги, изученные нами, кроме выпущенной в 1941 г., были написаны на основе латинизированного тувинского языка. Издавались, в основном, маленькими тиражами от 1000 до 5000 тыс.

экземпляров в книжном издательстве ТНР, которое было создано постановлением отдела пропаганды и агитации ЦК ТРНП и Совета Министров ТНР 28 июня 1930 года «О введении тувинской национальной письменности». ⁷ В переводе на русский язык издательство называлось «Место, где сочиняют книги в тувинской республике». Фраза значилась на обложках и титульных листах книг и брошюр, выпущенных в это время: «Тыва сонун ном согаадыг сегі».

Кроме местного издательства, книги печатались и в СССР. Например, «Тувинско-русский словарь» (ТЪВА-ORUSTUN TOJUL PIZII, 1933 г.) и журнал «Пионер» из фонда «Редкой книги» были выпущены в Центральном издательстве народов ССР в г. Москва.

В экспозиции, посвящённой истории Тувинской Народной Республики, имеются 11 разделов. Раздел «Образование ТНР» представляет, кроме печатей тувинского правительства, подлинника Конституции 1926 г., фотографий членов правительства ТНР и других экспонатов, журналы «TAR 18 сы оју» (18-ая годовщина ТНР) и «TAR sazaaһып kol medeezi» (Информационные новости правительства ТНР). Они были выпущены в Государственном книжном издательстве ТНР (г. Кызыл) в 1939 и 1942 годах. Таким образом, к концу 1930-х гг. книжное издательство было переименовано. В июне 1943 г. оно стало называться Тувинским объединённым государственным издательством (ТувОГИЗ). ⁸

По Конституции народа Танды-Тыва Улус 1926 года, ⁹ «ТНР была самостоятельным суверенным государством, в международных делах находилась под покровительством СССР». Тем не менее, СССР активно помогала ТНР и во внутренних делах. ТНР начинает развиваться по социалистическому пути. Об этом свидетельствуют, надписи и рисунки и содержание изученных журналов «18 годовщина Тувинской Народной Республики» и «Информационные новости правительства ТНР», журнал «Путь к знаниям» 1941 г. (Erttem oruu). Изображение в переплётных крышках журналов арага-знаменосца в национальном халате, держащего на руках красное знамя революции, где имеется оттиск герба ТНР, надписи «Пролетарии всех стран и угнетённые народы Востока, объединяйтесь!» (Pugy curttarһып proletarlary polgas Сооп суктын тарлатканныг, каттызнар!), нарисованный государственный герб Тувинской Народной Республики в 1935-1941 гг. в центре красных знамён, символизирующих революционную борьбу и т.д. Журнал «Задачи молодёжи» 1926 г., экспонирующийся в зале ТНР, является одним из изданий, выходящих в 1920-е годы.

Отдельную коллекцию в экспозиции составляют книги, которые являлись первыми национальными учебниками по тувинской письменности: «Новая буква Тывы» (ТЪВАНЪН САА УЗУУ, 1931 г.), «Правила тувинского языка», (ТЪВА УЗУКТУН ТУРУМУ, 1932 г.), Тувинско-русский словарь (ТЪВА-ORUSTUN TOJUL PIZII, 1933 г.), «Букварь для взрослого населения» (ULUQ ULUS KOOR YZYK, 1940 г.), учебник К. Чадамба «Букварь для учащихся начальных классов» (Эге школага ооренир ужук, 1941 г.). Последняя из перечисленных книг была написана на основе кириллицы. Надо отметить, что соответствующее решение о переходе письменности на русскую графическую основу было принято на XII съезде ТРНП в апреле 1941 года. ¹⁰

С образованием ТНР в республике развиваются все области: образование, медицина, культура, экономика и т.д. До образования ТНР вплоть до сер.1920-х гг. в ТНР научная медицина не была развита. Проникновение европейской медицины в ТНР происходит в конце 1920-х гг. В 1928 году в Туву приезжает медико-санитарная экспедиция Наркомздрава РСФСР, которая проработала на территории республики до 1933 года. К моменту приезда экспедиции, несмотря на то, что уже существовала областная больница с двумя отделениями (европейским и тибетским), ситуация по республике оставалась сложной. Распространёнными инфекционными болезнями в республике были корь, трахома, сифилис. В докладе начальника экспедиции И.Д. Руденко была дана характеристика здоровья тувинского населения того времени: 10-15 % поражённых сифилисом, 13% – глазными болезнями, очень высокая смертность особенно среди детей. ¹¹ Работа экспедиции велась по разным направлениям, одной из которых было пропаганда здорового образа жизни среди населения, санитарно-профилактическая, гигиеническая работа. Так, по рекомендации экспедиции стали выпускать брошюры, журналы, книги по медицине. В том числе книга из фонда «Редких книг» «Как защититься от сифилиса» (Pastan kancaar kamgallattһыргы) 1932 года выпуска, переве-

дённая с русского на тувинский язык Моховым. В издании в достаточно доступной для простых аратов форме дана информация о сифилисе, инструкция как защититься от него и что делать, если человек заболел.

Общественное развитие тувинского народа в 1920-1940-х гг. характеризовалась становлением и развитием суверенного государства. Начинается формирование многих социальных институтов, государственных систем, областей, в том числе медицины, образования, экономики и т.д. Одним из результатов культурно-образовательных преобразований тех лет являются книги, журналы, брошюры и т.д., в данный момент обладающей уникальной музейной ценностью, являющейся источником информации. Необходимо отметить, роль создания национальной письменности и организации издательского дела в дальнейшем развитии тувинского языка и литературы.

2017 г.

Примечания:

¹ Музееведение. Музеи исторического профиля: Учеб. пособие для вузов по спец. «История»/Под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. – М.: Высш.шк., 1988. – С.57.

² Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1971. – С.393.

³ История Тувы. В 3 т. – Т I. 3-е изд. / Под общ. ред. С.И.Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2015. – С.102.

⁴ История буддизма в Туве (втор. пол. VI – конец XX в.). URL: <http://www.kunpendelek.ru/> (дата обращения: 15.11.2017 г.)

⁵ История Тувы. В 3 т. – Т II. / Под общ. ред. В.А. Ламина. – Новосибирск: Наука, 2007. – С.265.

⁶ История Тувы. В 3 т. – Т II. / Под общ. ред. В.А. Ламина. – Новосибирск: Наука, 2007. – С.269-270.

⁷ Тувинское книжное издательство им. Ю.Ш. Кюнзегеша. URL: <http://www.tuvkniga.com/> (дата обращения: 17.11.2017 г.)

⁸ Там же.

⁹ Конституция ТНР. НМ РТ. Зал №1, 3 этаж, 1926 г.

¹⁰ История Тувы. В 3 т. – Т II. / Под общ. ред. В.А. Ламина. – Новосибирск: Наука, 2007. – С.271.

¹¹ Харунов Р.Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.) – Абакан: Издательство ООО «Журналист», 2009. – С.102.

Е.Ю. Шабаева,
г. Минусинск

Советские и российские киноактеры в Минусинске
(по материалам газеты «Власть труда»)

2016 год объявлен Годом Российского кино. В связи с этим научной библиотекой Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова были проведены различные мероприятия, кроме того, просмотрены публикации, выходявшие в свет в минусинской газете «Власть труда» («Искра Ильича») в период с 1960 по 2016 годы, с целью узнать, какие советские, российские актёры театра и кино посетили Минусинск. Не о каждом приезде, как оказалось, сообщалось в прессе, между тем как в фондах музея имеются фотографии с автографами актёров, а также книга почётных гостей и альбом «Наши гости», переданные из кинотеатра «Россия» на хранение в Минусинский краеведческий музей.

Просмотрев публикации в газете «Власть труда», можно отметить следующее: приезд киноактеров чаще всего приходился на 1960-80-е гг. И связано это, прежде всего, с тем, что в эти годы действовало краевое отделение пропаганды советского киноискусства, силами которого проводились лектории «Искусство кино», которые проходили в кинотеатре «Россия» (ныне «Альянс»), а также в Минусинском драматическом театре. Такие встречи духовно обогащали минусинских зрителей. Жители города стремились побывать на этих встречах и узнать больше об истории и современности советского кино.¹

В марте 1961 года в нашем городе побывал Борис Андреев, известный нам по фильмам «Два бойца» (роль – Саша с Уралмаша), «Сказание о земле Сибирской» (шофёр Яша), «Большая семья»

(Илья Журбин). Он встретился с нашим зрителем в драматическом театре, рассказал о себе, исполнил несколько сцен из кинокартин, поделился творческими планами.²

А в июне того же года в Минусинск приезжал Михаил Кузнецов, он также встречался с минусинцами в драматическом театре. Зритель знал его по фильмам: «Прости-прощай», «Марья-искусница», «Иван Грозный» и многие другие. На встрече же он выступил и как концертный исполнитель. «С первого же момента появления актёра на сцене между ним и зрителями установилась дружеская, сердечная связь – так понятно, так близко каждому сидящему в зале было то, о чём говорил со сцены актёр», сообщалось в газете «Власть труда».³

В 1970 году в кинотеатре «Россия», с 11 по 16 января, проводился Народный кинофестиваль, посвящённый 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. В эти дни в Минусинск приезжали известные кинорежиссёры и актёры: С. Герасимов, О. Жаков, М. Донской, Е. Фадеева, В. Дружинкин, Р. Нахапетов и др.⁴

В 1977-1978 годах в Минусинске побывали киноактёры В. Коренев, Л. Каневский, а также кинорежиссёры А. Зоркий, О. Палатнина. Встреча с заслуженной артисткой УССР Валерией Заклучной, которая состоялась 26 января 1978 года, произвела неизгладимое впечатление на зрителей: «Здесь было всё: внутренняя культура артистки, внешнее обаяние, изысканность и простота. Чудесный вечер! Встреча – задушевная. Непринуждённость, откровенность, вера нашей гостьи в то, что её понимают».⁵

В апреле 1980 года в гости к минусинцам приезжала актриса Наталья Крачковская. Она рассказала о своём творческом пути, о работе в кино. Её рассказ сопровождался фрагментами из сатирического киножурнала «Фитиль» и кинофильмов «Двенадцать стульев», «Иван Васильевич меняет профессию», «Суета сует». По завершении встречи зрители посмотрели кинокомедию «Не может быть», в которой снималась актриса.⁶

23 октября того же года на кинолектории выступала Заслуженная артистка РСФСР Светлана Светличная. Зрители с интересом её рассказ о работах над ролями в кинофильмах «Им покоряется небо», «Бриллиантовая рука», «Стряпуха», «Герой нашего времени», «Семнадцать мгновений весны». С особой теплотой она делилась воспоминаниями о мастерах советского кино, с которыми ей довелось работать вместе, о тех, у кого она училась основам актёрского мастерства. Во время встречи демонстрировались фрагменты из художественных фильмов с участием С. Светличной.⁷

В 1984 году в течение двух дней в нашем городе работала съёмочная группа кинематографистов ленинградской и польской студий. Здесь в Минусинске, а также в Шушенском и Ермаковском, продолжались съёмки фильма «Ян Проминский» (польский революционер, отбывал ссылку вместе с В.И. Лениным в Шушенском, 1898 г.). Фильм – о В.И. Ленине и его товарищах по сибирской ссылке. Съёмочная группа познакомилась с ленинскими местами в городе, побывала в музее им. Н.М. Мартыанова. Съёмки проходили в мемориальной комнате библиотеки, читальном зале Минусинского краеведческого музея, где в годы ссылки работал В.И. Ленин; а также в филиале музея «Дом-квартира В.В. Старкова и Г.М. Кржижановского». В этом фильме были заняты всего два актёра – Народный артист РСФСР Всеволод Сафонов, известный всем по фильмам «Белорусский вокзал», «Щит и меч», «Далеко на западе», и польский актер Хенрик Махалица (Henryk Machalica).⁸

«Минусинск удивил его дважды. До встречи со зрителями оставалось ещё полтора часа, и он с удовольствием пошёл побродить по старой части города, воспринимая крепкие деревянные срубы частных домов, вековую кирпичную кладку старинных зданий, стройный красавец собор, с чувством искренней ностальгии по русской старине... Потом, обводя взволнованным взглядом переполненный зал, он начнёт свой доверительный разговор с минусинцами не с заготовленных штампов, а о том, что лежит на сердце». «Главное оружие – сатира, что помогает бороться с негативными явлениями», – эти слова прозвучали на встрече актёра театра и кино, Народного артиста России Игоря Кашинцева. В город он приезжал в 1988 году. Зрители восторженно принимали его

рассказ о себе, его работе в сатирическом журнале «Фитиль», чтение рассказов М. Зощенко и с удовольствием посмотрели фрагменты из художественных фильмов с его участием.⁹

На протяжении следующих двух десятилетий газета не сообщала о приезде в Минусинск известных актёров. В 2008 году в печати вышла статья о Юрии Кузнецове (Заслуженный артист России), побывавшем в городе. Актёр запомнился по роли Мухомора в сериале «Улицы разбитых фонарей». «Приехал он по зову сердца в родные края, с которым связана судьба его родителей и дедов. Цель его визита в наш город – посещение музея им Н.М. Мартьянова, где узнал подробности о жизни предков». Родители артиста до 1943 года проживали в Минусинском районе, а затем переехали в Абакан, где в 1946 г. родился Юрий Кузнецов. Он и сейчас регулярно приезжает в Абакан, навестить свою маму.¹⁰

О том, что в Минусинске в 1984 году побывал Народный артист СССР Кирилл Лавров, мы узнали из публикации в газете только в 2016 году.¹¹

Из книги почётных гостей и альбома «Наши гости» кинотеатра «Россия» (теперь они хранятся в фондах Минусинского музея), мы узнали, что в 1980-90-е годы прошлого столетия в Минусинске побывали: Евгений Леонов-Гладышев (Народный артист России), Валерий Рыжаков (киноактёр), Всеволод Шиловский (Народный артист РСФСР), Николай Олялин (Народный артист УССР), Михаил Глузский (Народный артист СССР), Людмила Хитяева (Народная артистка РСФСР), Александр Панкратов-Чёрный (Народный артист России), Станислав Сададьский (Заслуженный артист РСФСР), Елена Цыплакова (Народная артистка России), Лариса Лужина (Народная артистка России), Лев Дуров (Народный артист СССР), Сергей Никоненко (Народный артист РСФСР) и др.¹²

Встречи знаменитых актёров кино были приняты в советское время. Проходили они, как правило, в рамках работы по пропаганде отечественного киноискусства, проводимой по всей стране. В живом общении с любимыми киноактёрами люди нуждались и на протяжении двух десятилетий, прошедших после распада СССР, нуждается и сейчас. И пусть меньшее число мастеров киноискусства в наши годы приезжает в Минусинск, кино по-прежнему осталось популярным.

2016 г.

Примечания:

¹ Альбом «Кинолекторий «Искусство кино». – Минусинск, 1978-1982. – (МКМ ОФ 9829/1).

² Борис Андреев в гостях у минусинцев [Текст] // Власть труда. – 1961. – 18 марта. – С. 2.

³ Релина, Н. Два концерта Михаила Кузнецова [Текст] / Н. Релина // Власть труда. – 1961. – 18 июня. – С. 2.

⁴ Кино [Текст] : [анонс «Народный кинофестиваль», посвящённый 100-летию со дня рождения В. И. Ленина] // Искра Ильича. – 1970. – 8 янв. – С. 4.

⁵ Литаш, Г. Чудесный вечер [Текст] : [встреча с Валерией Заклучной] / Г. Литаш // Власть труда. – 1978. – 1 фев. – С. 4.; У нас в гостях Вл. Корнев [Текст] // Искра Ильича. – 1977. – 15 янв. – С. 4.

⁶ Ситник, В. Актриса выступает в лектории [Текст] : [встреча с Натальей Крачковской] / В. Ситник // Искра Ильича. – 1980. – 1 мая. – С. 4.

⁷ Чуйкин, М. Встреча с актрисой [Текст] : [встреча со Светланой Светличной] // Искра Ильича. – 1980. – 25 окт. – С. 4.

⁸ Шадрин, И. Творческое содружество [Текст] : [в Минусинске снимался фильм «Ян Проминский», в главной роли Всеволод Сафонов] / И. Шадрин // Искра Ильича. – 1984. – 22 фев. – С. 4.

⁹ Корнюхина, С. О времени и о себе [Текст] : [встреча с Игорем Кашинцевым] / С. Корнюхина // Искра Ильича. – 1988. – 19 апр. – С. 4.

¹⁰ Канкеева, Г. Знаменитый «мент» в Минусинске [Текст] : [Заслуженный артист России Юрий Кузнецов посетил Минусинск] / Г. Канкеева. – Власть труда. – 2008. – 10 июля. – С. 2.

¹¹ Я видел Ленина! [Текст] : [о Кирилле Лаврове] // Власть труда. – 2016. – 31 марта. – С. 15.

¹² Альбом «Наши гости». – Минусинск, 1980-1999. – (МКМ ОФ 9829/3).

А.А. Юдин,
г. Новосибирск

**О некоторых источниках сибирского собрания М.Н. Тихомирова
в Государственной публичной научно-технической библиотеке
Сибирского отделения Российской Академии наук**

Коллекция древнерусских рукописей и старопечатных книг академика М.Н. Тихомирова, переданная учёным Сибирскому отделению Академии наук, закономерно привлекает к себе внимание исследователей. В её составе насчитывается 649 рукописных материалов и 96 печатных книжных памятников. Специалисты разных областей гуманитарного знания на материале отдельных книжных памятников, представленных в коллекции, разрабатывали собственные темы исследования. Однако собрание М.Н. Тихомирова уникально ещё и потому, что с появлением этой коллекции в Новосибирске можно говорить о возникновении археографической школы в Сибири. Тем не менее, такое уникальное явление, каким является Тихомировское собрание, нечасто становилось предметом изучения как таковое. Вероятно, огромное количество рукописей Тихомировской коллекции, которое пришлось бы рассмотреть исследователю при работе над изучением путей формирования коллекции академика, локализации отдельных книжных памятников до попадания в библиотеку учёного, делало решение этой задачи неподъёмным.

В 1980 г. Е.И. Дергачевой-Скоп была предпринята попытка определить «пути миграции книги до момента их появления в ... частной коллекции, которая вошла в собрание государственное».¹ На основе описи собрания коллекционера В.Ф. Груздева, рукописи которого были уступлены М.Н. Тихомирову, удалось выявить эти книжные памятники в количестве 198 единиц.² Тем не менее, определенно можно говорить, что выявлены не все груздевские рукописи в составе Тихомировского собрания, так как коллекционер уже после продажи части своего собрания М.Н. Тихомирову продолжал поставлять ему книжные памятники.³ По мнению В.И. Малышева, академиком было приобретено ещё более 50 рукописей у В.Ф. Груздева.⁴ На основании исследования Е.И. Дергачевой-Скоп, можно сделать вывод о том, что груздевское «вливание» в состав коллекции М.Н. Тихомирова составляет до трети всего собрания.

Уже отмечалось, что часть книг М.Н. Тихомиров получал «и от других лиц, в частности от М.С. Севастьянова».⁵ Действительно, некоторые рукописи имеют штампель «СОБСТВЕННОЕ/ СОБРАНИЕ/ СТАРОПЕЧАТНЫХ/ и/ РУКОПИСНЫХ КНИГ/ Стефана Фёдоровича/ СЕВАСТЬЯНОВА». Это штампель отца Михаила Стефановича Севастьянова, которому, судя по всему, книги достались по наследству. Есть также вероятность того, что М.С. Севастьянов продолжал использовать штампель отца уже после смерти родителя. К сожалению, в печатном описании собрания М.Н. Тихомирова нет упоминания о штампелях С.Ф. Севастьянова, хотя он проставлен на 13 рукописях и четырёх печатных книгах собрания.⁶ Вероятно, такая осторожность, проявленная сотрудниками М.Н. Тихомирова при описании его собрания,⁷ была вызвана той отрицательной репутацией, которую приобрёл М.С. Севастьянов после нескольких негативных публикаций в прессе о его собирательской деятельности и уголовного преследования.⁸ Ученики академика не могли бросить тень на М.Н. Тихомирова этим знакомством и тем более деловым партнёрством с уголовно преследуемым коллекционером. Хотя, надо признать, М.Н. Тихомиров приобретал книги у М.С. Севастьянова за деньги, а те книги, что имеют дарственные надписи последнего академику, немногочисленны в собрании. Также трудно поверить, что М.Н. Тихомиров разрабатывал «маршруты» археографических поисков М.С. Севастьянова или предпринимал деятельное участие в самих этих поисках. К чести академика следует сказать, что он сохранил эти книжные памятники в своей коллекции, они не были распылены по разным государственным и частным собраниям, как случилось это со многими книгами, принадлежавшими ранее М.С. Севастьянову.⁹

Маршруты археографических поисков М.С. Севастьянова были разнообразны. Он, как потомственный старообрядец, был вхож в общины Украины, Кавказа, Прибалтики, Поморья. Завоевы-

вая доверие староверов, М.С. Севастьянов приобретал у них книги. Так, часть книг, имеющих своим происхождением, судя по записям и штемпелям, старообрядческие библиотеки Украины, пришли в Тихомировское собрание от М.С. Севастьянова.¹⁰ Не отмеченными в описании собрания М.Н. Тихомирова оказались и встречающиеся в рукописях штемпели старообрядческих общин Прибалтики. На то, что М.С. Севастьянов мог быть поставщиком этих рукописей М.Н. Тихомирову, указывает найденное в одной из книг с таким штемпелем краткое описание конволюта, составленное М.Н. Тихомировым, с записью о том, что книга получена от М.С. Севастьянова.¹¹ Необходимо отметить, что М.С. Севастьянов сотрудничал со многими государственными организациями в деле продажи им рукописей и старопечатных книг частью из «собственного собрания С.Ф. Севастьянова», частью из новых приобретений. В своей деятельности он, конечно, мешал целенаправленному научному археографическому поиску, отчего и вызвал неудовольствие В.И. Малышева, который прямо указывал на нетерпимость сотрудничества М.С. Севастьянова с научными организациями. Тем не менее, государственные древлехранилища подчас нуждались в услугах предпринимателя, и шли на сотрудничество с ним в деле приобретения рукописных и печатных книг древнерусской традиции. Так, Институт истории СО АН СССР приобрёл большое количество рукописей и печатных книг у «частного археографа»,¹² есть книги М.С. Севастьянова в Библиотеке Академии наук Беларуси, в Текущем собрании ГПНТБ СО РАН, РГБ, библиотеке Кабардино-Балкарского университета, Национальной библиотеке Украины.¹³ На связь М.С. Севастьянова с книжностью старообрядцев Прибалтики указывают также записи и экслибрисы из этого региона на изданиях из Тихомировского¹⁴ и Текущего собраний ГПНТБ СО РАН. Так, книга из Текущего собрания¹⁵ была приобретена, судя по актам учёта, у М.С. Севастьянова и имеет также владельческий штемпель его отца. С одной стороны, можно предположить, что она попала ещё к отцу Севастьянова от прибалтийских староверов, хотя вероятнее всего то, что М.С. Севастьянов проставил штемпель отца на книге как более надёжный и не вызывающий вопросов провенанционный признак. На последнее может указывать ещё и то, что рукописные отметки, встречающиеся в этой книге и явно отсылающие её к прибалтийскому региону, попались нам в девяти рукописях Тихомировского собрания, но уже без сопровождения штемпеля отца М.С. Севастьянова.

На то, что часть книг собрания М.Н. Тихомирова ранее принадлежала старообрядческим общинам Прибалтики, есть указание в авторитетном справочнике Н.Ф. Бельчикова и Ю.К. Бегунова. Говоря о собрании рукописей Всероссийского совета старообрядцев поморского согласия, авторы ссылаются на статью В.И. Малышева, где дается краткая характеристика 15-ти рукописям, принадлежащим этой старообрядческой общине.¹⁶ При этом в справочнике можно найти информацию о том, что часть из этих книг на тот момент уже находились в собрании М.Н. Тихомирова.¹⁷ К сожалению, установить какие точно рукописи Совета старообрядцев находятся сейчас в Тихомировской коллекции не представляется возможным на данном этапе исследования. Упомянутые в тексте статьи рукописи либо не подходят по формальным признакам к содержащимся в собрании академика («Александрия (1901 г.) с 26 миниатюрами в красках, «Устав» Выговского общежития с портретом А. Денисова (1-я пол. XIX в.), Иконописный подлинник (XVII в.)»), либо сведения о них недостаточны, чтобы иметь представление о какой рукописи идёт речь («Сборник духовно-нравственного содержания с многочисленными миниатюрами в красках (нач. XVIII в.), Евангелие с заставками высоко художественной работы (XVI в.)»). Возможно, в собрании М.Н. Тихомирова оказались рукописи этой поморской общины, не упомянутые в статье В.И. Малышева. Он называет только пять рукописей из 15-ти. Однако следует сказать, что в этой же статье упомянуты и отдельные держатели книжности из старообрядцев Прибалтики, две книги одного из которых, П.Т. Стрелкова, находятся в собрании М.Н. Тихомирова (Тих. 325 и Тих. 407). Эти рукописи не упоминаются в статье В.И. Малышева, нет указания на то, что они из собрания рижского старообрядца и в печатном описании собрания М.Н. Тихомирова. В свою очередь Тих. 407 попало в старообрядческую библиотеку из библиотеки Новгородского музея во время Второй мировой войны.¹⁸

В статье В.И. Малышева обращает на себя внимание и частная коллекция сотрудника Государственного Эрмитажа Ф.М. Морозова. Дело в том, что научное описание собрания М.Н. Тихомирова было составлено всего на 500 рукописей, остальные 149 единиц хранения не вошли в печатный каталог. Среди последних, под номером 649 хранятся девять портретов старообрядческих деятелей Выговского общежития. В коллекции Ф.М. Морозова В.И. Малышевым в указанной статье также отмечены девять портретов со схожим описанием. Как предположил А.Ю. Бородихин, это те же самые миниатюры, хранящиеся сейчас в Тихомировском собрании. Кроме того, у ленинградского коллекционера по информации всё того же источника имелось десять древнерусских рукописей, названы из которых всего три: Сборник, содержащий «Звезду пресветлую», повести из «Великого Зеркала» и другие статьи, XVII в., Сборник юридический (1-я пол. XVIII в.) и «Рожевец духовный на лютеры и кальвины» (XVIII в.).¹⁹ Определённо можно говорить, что последняя из перечисленных рукописей, «Рожевец (!) духовный на лютеры и кальвины» находится сейчас в ГПНТБ СО РАН. Это рукопись из коллекции М.Н. Тихомирова под номером 611. Сборник со «Звездой пресветлой» также находится в собрании М.Н. Тихомирова. Однако, в его составе кроме этого сочинения, повестей из «Великого Зеркала» не находится: начальные листы рукописи занимает «Луцидариус», затем идут выписки из Домостроя, сочинение «Беседа отца с сыном о женской злобе», выписки из различных книг, в основном, посвящённые «арменской вере» и, наконец, «Звезда пресветлая».²⁰ Кроме того, эта рукопись пришла в собрание М.Н. Тихомирова от В.Ф. Груздева, значилась в коллекции последнего под номером 78.²¹ Тем не менее, нельзя исключать возможности приобретения её В.Ф. Груздевым у М.Ф. Морозова, так как среди коллекционеров было общепринятым явлением уступка рукописей друг другу, обмен на другие рукописи или иные предметы коллекционирования.²² Обнаружить Сборник юридический XVIII в. в собрании М.Н. Тихомирова лишь по такому наименованию пока не удалось. Возможно, речь идёт о рукописи Тих. 644, представляющей собой Сборник указов XVIII в. Информацию о том, что М.Н. Тихомиров всё-таки приобрёл рукописи и портреты выговцев у Ф.М. Морозова можно найти в письме академику от другого коллекционера-собираателя древнерусских рукописей Ф.А. Каликина. Последний, узнав о покупке от самого Ф.М. Морозова, предложил купить М.Н. Тихомирову рукописи и печатные книги из своей коллекции.²³ У Ф.А. Каликина рукописи приобретал и В.Ф. Груздев. Одна из рукописей Тихомировского собрания первоначально находилась у Ф.А. Каликина и пришла в собрание академика с груздевскими рукописями. Это уже упоминавшееся в литературе «Слово Григория Богослова о Маккавеех» XIV в.,²⁴ написанное на пергамене. Рукопись интересна ещё и тем, что была одно время в библиотеке известного археографа-любителя XIX в. А.И. Сулакадзева. Остались в рукописи и сведения о владении ею некоторое время Ф.А. Каликиным в виде расписки, приклеенной к нижнему форзацу: «Расписка. Продана мною нижеподписавшимся рукопись XIV века пергаментной(!) на 43-х листах в 2 столбца «Слово Григория Богослова о Маккавеех(!)» ценою за десять тысяч руб. (10000 руб.). Ф. Каликин. 13.XI.49 г.».

В.И. Малышев деятельно помогал в сборе материалов для коллекции М.Н. Тихомирова. Как следует из их переписки, сохранившейся в архиве академика,²⁵ В.И. Малышев познакомил его со многими коллекционерами старины. Благодаря В.И. Малышеву М.Н. Тихомиров приобрёл рукописи В.Ф. Груздева. О коллекции инженера-кораблестроителя С.Н. Быстрова В.И. Малышев писал в своей статье и даже дал список из 19-ти рукописей, принадлежащих коллекционеру.²⁶ В 1957 г. создатель Древлехранилища Пушкинского Дома знакомит М.Н. Тихомирова с С.Н. Быстровым, предупреждая академика, что этот коллекционер «плут, с ним надо говорить осторожно».²⁷ Говорить о том, приобрёл ли что-либо М.Н. Тихомиров у С.Н. Быстрова преждевременно. Тем не менее, из того списка рукописей коллекционера, что приводит в своей статье В.И. Малышев, одна, Летописец новгородский середины XVIII в., по своим формальным признакам может быть соотнесена с рукописью Тихомировского собрания № 21. Несмотря на то, что эта рукопись содержит список XVIII в. Соборного Уложения 1649 г., на корешке рукописи имеется тиснение с названием книги: «Новгородскій летописецъ», такое же название вписано на первом листе карандашом.

Кроме вышеназванных прежних владельцев книжных памятников, которые оказались сейчас в древлехранилище ГПНТБ СО РАН, можно назвать также коллекционеров-старообрядцев И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова, некоторые из их экслибрисов уже были отмечены в печатном описании собрания; П.А. Теплова, рукописи которого влились в собрание В.Ф. Груздева. Некоторые рукописи собрания М.Н. Тихомирова имеют штемпели старообрядческих епископов, общинных библиотек, а также собственных книжных собраний старообрядцев. Работа по локализации рукописей Тихомировского собрания продолжается.

2016 г.

Примечания:

¹ Дергачева-Скоп Е.И. Некоторые вопросы локализации рукописей. Коллекция В.Ф. Груздева в собрании М.Н. Тихомирова // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии: сб-к научн. трудов. – Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1981. – С. 37.

² Там же. С. 42.

³ Малышев В.И. Об одном важном источнике Тихомировского собрания (страничка воспоминаний) // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Л.: Наука, 1977. Т. 32. – С. 400.

⁴ Дергачева-Скоп Е.И. Некоторые вопросы локализации рукописей. Коллекция В.Ф. Груздева в собрании М.Н. Тихомирова // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии: сб-к научн. трудов. – Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1981. – С. 42.

⁵ Малышев В.И. Об одном важном источнике Тихомировского собрания (страничка воспоминаний) // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Л.: Наука, 1977. Т. 32. – С. 401.

⁶ Юдин А.А. К вопросу об источниках собрания рукописей и старопечатных книг академика М.Н. Тихомирова // Берковские чтения – 2015. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы III Международной научной конференции (Минск, 26–27 мая 2015 г.). – Минск-Москва: ЦНБ НАН Беларуси; Центр исследований книжной культуры ФГБУН НИЦ «Наука» РАН, 2015. – С. 622.

⁷ Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей / Отв. ред. Н.Н. Покровский. – М.: Наука, 1968. –

⁸ Малышев В.И. Оградить ценности от спекулянта! // Человек и закон. – М., 1974. № 2. – С. 49–50.

⁹ Губанова О.А. «Попечители древностей» – бывшие владельцы экземпляров кириллических изданий XVI в. (по материалам фондов ЦНБ НАН Беларуси) // Книга: Сибирь – Евразия: тр. I Междунар. науч. конгр. В 3 т. Т. 2. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2016. С. 22.

¹⁰ Юдин А.А. К вопросу об источниках собрания рукописей и старопечатных книг академика М.Н. Тихомирова // Берковские чтения – 2015. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы III Международной научной конференции (Минск, 26–27 мая 2015 г.). – Минск-Москва: ЦНБ НАН Беларуси; Центр исследований книжной культуры ФГБУН НИЦ «Наука» РАН, 2015. – С. 623.

¹¹ Юдин А.А. Неизвестные источники Тихомировского собрания ГПНТБ СО РАН // Библиосфера. – Новосибирск, 2016. № 4. – С. 84.

¹² Панич Т.В., Титова Л.В. Описание собрания рукописей ИИФиф СО АН СССР. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 128, 157–161, 163, 164, 185, 188, 189.

¹³ Титовец Е.И., Губанова О.А. Исследование кириллических изданий XVI – XVIII вв. в ЦНБ НАН Беларуси // Десятые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (12–14 мая 2015 г., Томск). – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. – С. 69; 15, 108.

¹⁴ Юдин А.А. Старопечатные книги собрания академика М.Н. Тихомирова: к вопросу о локализации источников поступления // Десятые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (12–14 мая 2015 г., Томск). – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. – С. 83–90.

¹⁵ Конволют изданий: Иоанн Златоуст. Беседы на Деяния апостолов. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 24.VIII.1624 и Андрей, архиеп. Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1625 (ГПНТБ СО РАН, ФК.1.115).

¹⁶ Малышев В.И. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. – С. 465.

¹⁷ Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей // сост. Н.Ф. Бельчиков, Ю.К. Бегунов, Н.П. Рождественский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 218. № 1927.

¹⁸ Юдин А.А. Неизвестные источники Тихомировского собрания ГПНТБ СО РАН // Библиосфера. – Новосибирск, 2016. № 4. – С. 85.

¹⁹ Малышев В.И. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. – С. 460.

²⁰ Титова Л.В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». Исследование и публикация текстов. – Новосибирск: Наука, 1987. – 10, С. 187

²¹ Дергачева-Скоп Е.И. Некоторые вопросы локализации рукописей. Коллекция В.Ф. Груздева в собрании М.Н. Тихомирова // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии: сб-к научн. трудов. – Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1981. – С. 56.

²² Малышев В.И. Об одном важном источнике Тихомировского собрания (страничка воспоминаний) // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Л.: Наука, 1977. Т. 32. – С. 396.

²³ Архив Российской Академии наук. Фонд М.Н. Тихомирова (ф. 693), О. 4. – № 262.

²⁴ Малышев В.И. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. – С. 457.

²⁵ Архив Российской Академии наук. Фонд М.Н. Тихомирова (ф. 693), О. 4. – № 369]

²⁶ Малышев В.И. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 10. – С. 452-453.

²⁷ Архив Российской Академии наук. Фонд М.Н. Тихомирова (ф. 693), О. 4. – № 369, д. 110

РАЗДЕЛ II. АРХЕОЛОГИЯ

Р.В. Давыдов,
г. Новосибирск

Ювелирный инструментарий средневековых кочевников Южной Сибири из фондов Минусинского краеведческого музея имени Н.М. Мартьянова

Исследование проведено в рамках научной деятельности ЛМИПИЕ НГУ

Ювелиры средневековых кочевых народов Южной Сибири владели разнообразными техниками художественной обработки чёрных металлов: штамповкой, чеканкой, гравировкой, резьбой, зернью и т.д. Для выполнения этих операций требовался соответствующий инструментарий, отдельные находки которого встречаются в археологических памятниках. При его идентификации в качестве орудий ювелиров возникает сложность, связанная с тем, что исследователи расходятся во мнениях относительно обособления мастеров работы с цветным металлом от кузнецов. Тесную связь этих двух групп ремесленников отмечала ещё Л.А. Евтюхова.¹ С.В. Киселёв также подчёркивал, что обработка драгоценных металлов велась в той же ремесленной среде, что и работа с железом, но более узким кругом специалистов.² В связи с этим интерес представляет самая крупная в Сибири коллекция кузнечного и ювелирного инструментария, хранящаяся в фондах Минусинского краеведческого музея, которая ранее всесторонне не изучалась.

Временные рамки рассматриваемой коллекции укладываются в период средневековья, начиная от позднеаташтыкского времени и заканчивая монгольским периодом (V-XV вв.). Поскольку принципиальная разница между наборами ювелирного инвентаря в данный промежуток времени не фиксируется, мы можем рассматривать орудия без разделения на хронологические группы.

В настоящее время исследователями проделана большая работа по характеристике ювелирного инструментария. В качестве примера можно привести публикацию М.А. Боуэр,³ составившей перечень инструментов монгольских ювелиров этнографического времени: напильники, молотки, чеканы, многофункциональные инструменты (молотки-напильники), пинцеты, наковаленки, ножницы по листовому металлу, сверла.

На территории Сибири в качестве универсальных орудий как ювелира, так и кузнеца отмечаются напильники разных размеров и форм. Они применялись для опиловки, шлифовки и заточки изделий.⁴ Также к инструментам ювелира относились небольшие по размеру и весу молоточки с маленькой ударной поверхностью. Подобные изделия найдены в ювелирной мастерской Шайгинского городища чжурчжэней XII в.⁵ Небольшой по размеру молоточек и миниатюрный чекан были обнаружены вместе с серебряной пластинкой на Гурьевском поселении, на Алтае.⁶ С.В. Киселёв предположил, что наиболее мелкие из представленных в коллекции Минусинского музея молотков использовались для ювелирного дела.⁷

Также исследователи традиционно относят к ювелирным инструментам молотки-напильники – многофункциональные орудия, характерные для ремесленников на территории Южной Сибири на протяжении всего периода Средневековья.⁸

К орудиям ювелира исследователи причисляют приспособления для фиксации обрабатываемого инструмента. Б.А. Колчин отмечает, что древнерусскими мастерами могли использоваться деревянные тиски,⁹ однако свидетельства применения аналогичных орудий южносибирскими ко-

чевниками отсутствуют. Очевидно, при пайке, обработке мелких предметов и т.д. мастера могли использовать пинцеты. Так, например, данные инструменты обнаружены на Шайгинском городище в ювелирной мастерской.¹⁰ Помимо этого, к основным категориям инструментария ювелиров относятся маленькие наковаленки, чаще всего с клиньями для установки в деревянную основу. Они также могли иметь отдельные морфологические особенности, необходимые для выполнения фигурнойковки. Данный тип орудий ювелира зафиксирован в археологических материалах Домонгольской Руси¹¹ и у чжурчжэней XII в.¹² Свидетельства использования кочевниками наковаленок, имеющих небольшие размеры, с клиньями для крепления в дереве, встречаются в этнографических сведениях и записках иностранных путешественников XVIII в., описывавших быт кочевых племён Южной Сибири.¹³ Они выступали в качестве части комплекса инструментария мобильной кузницы и могли использоваться как для ювелирных дел, так и для мелких работ с чёрными металлами.

Нами рассмотрена коллекция, состоящая из следующих категорий инструментов: молотки, напильники, молотки-напильники, пинцеты.

Молотки разных типов широко представлены в коллекции Минусинского музея. В качестве критериев определения их назначения (кузнечные/ювелирные) выделяются форма, размер и степень износа бойка. Поскольку кузнечная работа требует использования массивных молотков, ударная часть которых подвергается значительным нагрузкам, мы можем исключить крупные бойки, бойки с сильным износом ударной поверхности и молотки-зубила из состава ювелирных инструментов.

В частности, молотки-зубила (№№ 10037/70-72) нельзя отнести к ювелирным орудиям, поскольку зубила с наибольшей вероятностью использовались именно для работ с чёрным металлом (в крайнем случае – ими могли рубить проволоку). Также они имеют следы больших нагрузок – ударная сторона бойка сильно сплющена от ударов, а один боёк (№10037/72) треснул от нагрузок.

Другая группа молотков представлена экз. № 7840, имеющим Г-образную форму, крючок на обушке и обломанную рукоять. Морфологически его можно определить как инструмент для чеканки. Небольшой размер бойка (2 см.) указывает на использование изделия для мелких работ, что позволяет отнести данный молоток к категории ювелирных.

Самая крупная группа – молотки с двусторонними бойками и четырёхгранными рукоятями. Их назначение можно определить по размеру и форме бойка. Опираясь на эти показатели, к ювелирным молоткам можно отнести экз. № 7836 с прямоугольным сечением (0,5×1,5 см) бойка, имеющего длину 8 см.

Напильники являются универсальными инструментами, которые в средневековье могли использоваться как для ювелирных, так и для кузнечных дел. Потому выделить группу специализированных ювелирных напильников не представляется возможным. Можно лишь отметить, что условием использования напильника для ювелирных работ является мелкая перекрёстная насечка, позволяющая проводить тонкую обработку. Так экз. №7978 – напильник ланцетовидной формы с однорядной грубой насечкой, вряд ли мог бы использоваться как ювелирный. В отношении экз. № 7833 также можно заключить, что он не являлся инструментом ювелира ввиду очень широкой однорядной насечки – 1 зубчик на 1 мм.

Размер полотна также выступает критерием отнесения напильников к разряду ювелирных, однако маленькие инструменты могли входить в состав походного инвентаря кочевника, о чём свидетельствуют китайские источники.¹⁴ Потому говорить об их точном назначении без контекста находки сложно. Например, исходя из размеров, экз. № 8376, длиной 13 см, – пример напильника, который мог бы использоваться как орудие ювелира.

К ювелирному инструментарию исследователи традиционно относят универсальные орудия – молотки-напильники (молотки, рукояти которых оформлены в виде напильников). Критериями для отнесения молотка-напильника к ювелирным инструментам служат: размер и форма бойка, размер инструмента, характеристики полотна напильника. В фондах Минусинского музея они

представлены экз. №№ 7829-7831, 7835, 8221, 7838, 7839, 3412, 10037/74 и 75. При этом некоторые из них можно интерпретировать скорее как универсальный слесарный инструмент. По форме бойка они разделяются на три типологические группы: с Г – образным бойком; с двусторонним бойком, оба конца которого плоские; с двусторонним бойком, один конец которого сужен.

В коллекции Минусинского краеведческого музея содержится два молотка-напильника первой группы (№№ 7838 и 7839). Инструмент № 7838 имеет длину 21 см и плоское полотно напильника с несохранившейся насечкой. Полотно напильника № 7839, длиной 20 см, полукруглое в сечении, с мелкой перекрёстной насечкой. Бойки обоих инструментов имеют сплюснутую рабочую поверхность. Вероятно, данные изделия использовались для чеканки и другой тонкой ювелирной работы.

Вторая группа представлена 5 инструментами. 4 экз. – это небольшие орудия, с четырёхгранным полотном напильника с мелкой насечкой и маленьким молоточком без следов приплюснутости. Так экз. № 8221 достигает в длину 15,6 см. Он имеет боёк 2×1 см, маленькую рукоять (длиной 4 см) и напильник с прямоугольным, почти квадратным полотном и частой перекрёстной насечкой. Судя по всему, полотно напильника использовалось также в качестве рукояти. Данные молотки-напильники можно отнести к орудиям ювелира.

Пятый инструмент (№ 3418) морфологически близок к изделиям первой группы, но при этом несколько крупнее их. Он имеет длину 28 см, полукруглое полотно напильника с мелкой перекрёстной насечкой и двусторонний боёк, который сильно сплюснут с обеих сторон. Возможно, он использовался для грубой чеканки. Из-за следов сильных нагрузок его сложно отнести к ювелирным орудиям.

Третья группа (5 экз.), включает в себя молотки-напильники с двусторонним бойком, один конец которого сужен. Один из них – массивный инструмент с широким полотном напильника прямоугольной уплощенной формы и тяжёлым бойком со следами сработанности с обоих концов. Очевидно, он использовался для грубых работ.

Четыре других инструмента относятся к монгольскому времени. Они имеют длину от 23 до 31,5 см, длинную очень тонкую прямоугольную в сечении рукоять (толщиной 0,5 см при длине ок. 8 см) и широкое полотно напильника (1,5 – 2,3 см шириной) с закругленным концом (у одного инструмента конец заострён). На полотнах отчетливо видна частая перекрёстная насечка. Два бойка имеют форму прямоугольной трапеции, и два изогнуты. Учитывая размер и форму орудий, их следует отнести скорее к универсальным слесарным инструментам.

В литературе исследователями чаще всего рассматриваются гигиенические пинцеты, служащие для удаления волос. Однако изделия такой же формы, но больших размеров могли использоваться и для того, чтобы держать обрабатываемый предмет. К очевидным признакам ювелирного пинцета можно отнести: небольшую ширину губок, т.к. он нужен для мелких операций, наличие фиксирующего кольца, позволяющего закрепить предмет в пинцете (однако кольца не всегда сохраняются), прямой край концов. Как пример ювелирного пинцета можно рассматривать экз. № 7959. Он сравнительно узок, имеет фиксирующее кольцо. Концы орудия № 7946, напротив, широкие (2 см), с полукруглым острым краем, что затрудняет удержание предмета и мелкие манипуляции с ним. Также экз. № 7939 можно охарактеризовать как ювелирный, поскольку его губки имеют прямой край и узкий (1 см) конец. К ювелирным пинцетам также можно отнести инструмент № 8140 (изделие длиной 18 см в виде двух узких пластин, расходящихся от четырёхгранного стержня с двумя боковыми и одной верхней петлями).

Наковаленок в фондах Минусинского музея не обнаружено. Также весьма затруднительно выявить по морфологическому анализу среди собрания средневековых ножниц и свёрл те, которые могли бы использоваться для резки листового металла.

Таким образом, по результатам анализа инструментария из фондов Минусинского краеведческого музея выявлен набор орудий труда средневековых мастеров-ювелиров Южной Сибири. К ним отнесены молотки (с маленькими двусторонними бойками и Г-образными бойками для чеканки); напильники (небольшие, с мелкой перекрёстной насечкой); многофункциональные молотки-

напильники (сравнительно небольшие, с маленьким бойком молотка и мелкой насечкой напильников), в т.ч. с бойками для чеканки; пинцеты (узкие, с прямыми краями губок и фиксирующими кольцами).

2016 г.

Примечания:

- ¹ Евтوخова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: Совет. Хакассия, 1948. – С. 97.
- ² Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 574-575.
- ³ Boyer M. Mongol Jewellery: Researches on the Silver Jewellery Collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions Under the Leadership of Henning Haslund-Christensen 1936-37 and 1938-39. – København, 1952 (National museets skrifter, Ethnografisk Raekke, V). – С.166-168.
- ⁴ Зиняков Н.М. История чёрной металлургии и кузнечного ремесла Древнего Алтая. – Томск: Издательство Томского университета, 1988. – С. 94.
- ⁵ Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 107.
- ⁶ Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла Древнего Алтая. – Томск: Издательство Томского университета, 1988. – С. 95.
- ⁷ Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 576
- ⁸ Кызласов И.Л. К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Сб. Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы Всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г., г. Алма-Ата. – Алма-Ата: Наука, 1983. – С. 122.
- ⁹ Колчин Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 69.
- ¹⁰ Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 112.
- ¹¹ Колчин Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 58.
- ¹² Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). – Новосибирск: Наука, 1974. – Рис. 24.
- ¹³ Boyer M. Mongol Jewellery: Researches on the Silver Jewellery Collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions Under the Leadership of Henning Haslund-Christensen 1936-37 and 1938-39. – København, 1952 (National museets skrifter, Ethnografisk Raekke, V). – Рис. 166.
- ¹⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. Т. I. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 352.

А.С. Ершова,
г. Красноярск

История одного авантюриста из Сибири. (О В.И. Анучине)

Василий Иванович Анучин (1875-1941) – талантливый учёный-этнограф, краевед, писатель и авантюрист сыграл немаловажную роль в истории сибирского областничества.

Выходец из простой мещанской семьи, родился в с. Базаиха. В 1891 году он окончил Красноярское духовное училище, затем 4 класса Томской духовной семинарии. Обучаясь там, был библиотекарем и членом кружка взаимопомощи и саморазвития семинаристов. В связи с этим в конце 1896 г. на его квартире был произведён обыск, но жандармы ничего не нашли и вынуждены были отпустить Анучина. Из этого случая в своей жизни со временем он постарался извлечь политическую выгоду, написав в своей автобиографии, что будто бы он организовал в семинарии бунт и пострадал за это, будучи из неё исключённым. Якобы об этом факте узнал Ленин, находившийся весной 1897 г. в ссылке в Красноярске. По изложенной в автобиографии версии Василия Ивановича, Владимир Ильич заинтересовался молодым революционером, и у них состоялась личная встреча. С 1897 года Анучин начал учиться в Археологическом институте в Петербурге. За время учёбы он познакомился с известными учёными-этнографами Л.Я. Штейнбергом, В.В. Радловым, Д.А. Клеменцем, Г.Н. Потаниным. В.И. Анучин возглавлял Красноярское студенческое землячество, входившее в «Союз сибирских землячеств».

После окончания института Анучин пробует себя в роли писателя и меняет первую букву своей фамилии: вместо Онучина (его фамилия от рождения) становится Анучиным. С 1900 года стали

выходить в свет его литературные произведения: «Рассказы сибиряка» (1900), «Вечный скиталец» (1901), повесть «По горам, по лесам» (1903), «Сибирские сказки» (1903), а также этнографические очерки.

Анучин в то время уже являлся начинающим молодым учёным и в 1904 г. устроился работать в Красноярский подотдел Русского Географического Общества (РГО). Однако его дальнейшая научная карьера в РГО не сложилась. Отчасти это произошло из-за ссоры с председателем подотдела В.Ю. Григорьевым. В 1906 году собрание членов объединения вынуждено было снять Анучина с должности.

В 1905 году Василий Иванович стал одним из инициаторов и участников экспедиции в Туруханский край. Он выезжал туда каждое лето для изучения образа жизни енисейских остяков, но ему не удалось обработать собранные материалы. При этом Анучин, отказываясь передать их в Музей этнографии, часть из них продал за границу. Финансирования его экспедиций прекратилось в 1908 году. В 1916 году увидело свет произведение «В стране чёрных дней и белых ночей (Туруханский край)» В.И. Анучина, которое состояло из популярных рассказов этнографа о Туруханском крае, о его природе и коренных жителях.¹

В начале первой русской революции Анучин находился в Красноярске и в это время примкнул к эсерам, с октября 1906 г. по март 1907 г. издавал еженедельную газету «Красноярский дневник». Затем он решил выдвинуть свою кандидатуру от местной организации ПСР на выборах во вторую Государственную Думу, но потерпел поражение (за его кандидатуру было подано всего 70 голосов из двух тысяч голосовавших).² По сведениям местных жандармов, Василий Иванович выступал на собраниях местной интеллигенции и «пришёл к заключению, что все предлагаемые кандидаты не удовлетворяют своему назначению и единственным лицом, могущим явиться от г. Красноярска... – доктор Владимир Михайлович Крутовский».³

В 1910 году Анучин переехал в Петербург, а в 1911 г. – в Томск. В «Сибирских Афинах» главным источником доходов писателя были гонорары. Василий Иванович часто ездил с публичными лекциями по городам региона, где выступал с обзорными статьями по актуальным социальным вопросам в периодической печати. В своих публикациях он уверял, что Сибирь вступила в полосу индустриального развития, способствующую преодолению колониального статуса региона.⁴

2 марта 1917 года Василий Иванович был избран в состав руководящего органа новой власти – Комитета общественной безопасности (КОБ). Позже его назначили заместителем председателя губернского продовольственного комитета, депутатом Томского губернского народного собрания. Как вдруг 7 мая 1917 г. его «единомышленник» по областническому движению А.В. Адрианов в «Сибирской жизни» публикует разоблачительную статью «Кто такой Анучин».⁵ Все попытки Василия Ивановича защитить свою репутацию не увенчались успехом. Ряд претензий выдвинул против него и В.Е. Воложанин, обвиняя его в клевете, шантаже и недобросовестности.

Временно Анучин был отстранён от участия в общественно-политической жизни Томска. Но благодаря М.Б. Шатилову в 1918 г. он был избран председателем инородческого съезда в Улале (Горно-Алтайске), на котором доказывал необходимость образования автономного Каракорум-Алтайского округа. Также он предложил объединить саяно-алтайские народы (алтайцы, хакасы, тувинцы, монголы) в республику Ойрот; форум его поддержал. На заседании 12 марта 1918 г. съезд единогласно избрал В.И. Анучина каганом по делам республики Ойрот и поручил ему вести переговоры с представителями заинтересованных государств.⁶ Однако создать суверенное государство в центре Азии ему не удалось, и Василию Ивановичу пришлось вернуться в Томск. Там он приступил к работе в комитете по национальным делам Сибирской областной думы в качестве эксперта по этносам региона. Зимой 1919 года выступил с докладом по проблемам этнографического изучения края на съезде по организации Института исследования Сибири. У Анучина была идея о создании новой мировой религии на основе шаманизма, на эту тему он выпустил целый ряд брошюр. Им был сформулирован закон периодичности в народных движениях и составлена таблица социальных катаклизмов (движения, бунты, войны, революции и т. п.) с 1904 по 1916 гг. Анучин связал их с активностью солнца (появление на нём пятен) и установил периодичность пятен и на-

родных выступлений в пределах 11 лет 43 дней; правда «закон» сразу опровергли.⁷ В 1923 г. Анучина за контрреволюционную деятельность выслали на три года в Казань. В 1928 г. он присвоил себе звание профессора и отправился в Самарканд, где работал до конца жизни в педагогическом институте. В марте 1965 г. в журнале «Новый мир» появилась подробная разоблачительная публикация «История одной фальсификации» исследователя биографии Анучина Л.В. Азадовской, в которой она аргументировано доказала, что большинство писем Горького к Анучину явная подделка.

Личность Василия Ивановича неоднозначна, безусловно, его можно считать амбициозным деятелем-авантюристом с сомнительной репутацией. Однако к его персоне с течением времени интерес исследователей не пропадает. Ведь он проявил себя как крайне работоспособный литератор, журналист, учёный, этнограф и общественно-политический деятель. Жизнь и творчество В.И. Анучина ещё не достаточно изучены.

2016 г.

Примечания:

¹ Анучин В.И. В стране чёрных дней и белых ночей: (Туруханский край): Очерк. – Пг.: Изд. П.П. Сойкина, 1916. – 32 с.: ил., фото, карт. – (Знание для всех; 1916, № 8).

² Очерки истории Красноярской партийной организации [КПСС]. Красноярск, 1967. Т. 1. С. 120; Азадовская Л.В. В.И. Анучин в Сибири. Легенда и факты // Фольклор и литература Сибири. Вып. 3. Омск, 1976. – С. 151.

³ ГАКК. Ф.827. О.1. Д.261а. Л.17.

⁴ Анучин В. Сибирь и пути сообщения // Сиб. жизнь. 1912. 29 мая; Он же. Сибирь в её прошлом и настоящем // Новая Сибирь (Иркутск). 1912. 18 дек.; Он же. Сибирские вопросы (Экономические перспективы) // Сиб. жизнь. 1913. 12 июня; Он же. Сибирское областничество // Сиб. студент (Томск). 1915. № 1-2.

⁵ Адрианов А. Кто такой Анучин // Сиб. жизнь. 1917. 7 мая. – С.1.

⁶ Сушко А.В. Роль В.И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // Известия Алтайского государственного университета (Барнаул). 2008. – С.142-145.

⁷ Анучин В. Социальный закон (Закон периодичности в народных движениях). Томск, 1918. – С.7-8.

А.И. Кудрявцева,
г. Кызыл, Республика Тыва

Глиежи и окремнённые горелые породы – новый экзотический материал артефактов каменного века в Центрально-Тувинской котловине

В Центральной Туве, вдоль долины р. Улуг-Хем, на палеозойских осадочных и магматогенных образованиях наблюдается ряд синклинальных структур, выполненных осадочными, юрскими угленосными отложениями. В наиболее крупной из них находится Улуг-Хемский каменноугольный бассейн, имеющий площадь 3000 кв. километров. Он включает целую серию месторождений угля – Эрбекское, Элегестское, Чихачёвское, Каа-Хемское, Меджигейское. В 50 км западнее их, известно Ийи-Тальское месторождение (около 250 кв. км). Далее 100 км к западу находятся два угольных месторождения – Чаданское (6 кв. км) и Чангыз-Хадынское (10 кв. км), являющиеся частью этой же угленосной структуры.

Мощность юрских пород в мульдах достигает 1500 м. Они представлены песчаниками с прослоями алевролитов, аргиллитов и конгломератов; средняя юра содержат до 35 угольных пластов мощностью 0,1 м и более. Самый продуктивный из них – пласт Улуг – имеет мощность от 0,9 до 12 м в разных месторождениях – с ним связаны основные запасы из общих ресурсов угля Улуг-Хемского бассейна (14,2 млрд. т).

Во многих из перечисленных выше угольных месторождениях в разное время имело место горение углей. Пласт Улуг в северо-западной и юго-восточной и частях Улуг-Хемского бассейна выгорел на участках протяжённостью 2–5 км. На двух месторождениях – Элегестинском уголь горит сейчас, на Эрбекском и Чихачёвском горение продолжается уже более 50 лет.

Специальные исследования (силикатный анализ) горелых пород потухшего угольного пожара

произведено только на Ийи-Тальском месторождении. Здесь в 1971 году Тувинской ГРЭ глиежи и горелые породы юры (клинкеры), изучались на пригодность их в качестве активной минеральной добавки к цементной шихте. Выше угольного пласта, залегающего здесь под углом 16-26°, юрские вмещающие сероцветные песчаники и алевролиты под воздействием древнего пожара углей прокварцованы. Они также изменены в окраске – от светлых желтоватых, розоватых до кирпично-бурых. В зонах затухания пожара видны зоны «закалки» и проплавления (проявление пирометаморфизма). Горелики имеют мощность 5,5 м, прослеживаются на дневной поверхности (в зоне затухания пожара) в виде шлейфа осыпей гореликов, глиежей, брекчий, паралав, шлаков, пигментов и др., на расстоянии до 1 километра.

Нами проявление пирометаморфизма изучались на образцах, взятых Кудрявцевым В.И. в 2000 г., в шлейфе выхода затухшего пожара, на древних гореликах Чаданского и Чангыз-Хадынского месторождениях угля. В них были изучены особенности минералогии и химизма, структурно-текстурные особенности и петрографический состав.¹ Чангыз-Хадынское месторождение находится в 5 км южнее Чаданского, сложенное той же самой угленосной толщей; мощность угольного пласта его достигает 36 м. В западной части этого участка зафиксированы зоны частичного и полного выгорания подземных горизонтов угля. Если на Чаданском месторождении угольный пласт залегают выше уровня грунтовых вод, то на Чангыз-Хадыне значительная его часть находится ниже этого уровня. Само собой разумеется, что выгорания угольных пластов находятся в необходнённых его участках.

Общие особенности естественных угольных пожаров. Известно несколько причин воспламенения угольных пластов: экзогенный тип – в живой природе зажигание от молний и лесных пожаров; эндогенный тип – самовозгорание мелких пропластков угля при окислении пирита, встречающегося в углях, или взрывы угольной пыли. Имеет значение геоморфологический контроль – крутое понижение угольных горизонтов обеспечивает идеальные условия для естественного пожара. Эрозия вмещающих пород способствует доступу кислорода, поэтому угольные пласты закипаются в руслах речных долин, на крутых склонах, где нет перекрытий другими осадками.

На месторождениях Чаданском и Чангыз-Хадынском угольные пожары естественные, древние, потухшие давно, ещё в доисторический период.

Причины затухания подземных пожаров заслуживают специального рассмотрения. В данном случае, по-видимому, они связаны с повышением уровней грунтовых и наземных вод, когда угольные горизонты и вмещающие их породы оказались затопленными. Это могло быть в одну из эпох плейстоценовых оледенений или в эпоху последнего постсартанского межледниковья (12-8 тыс. лет назад).

Структура обожжённых пород. Явление горения или пожаров каустобиолитов, в том числе и угля, наблюдается на многих месторождениях во всём мире. Угольные пожары сопровождаются метаморфизмом или пирометаморфизмом (ругometamorphic – отожжённый, испечённый, расплавленный и подобный шлаку) вмещающих пород и угля. Горение (пожары) – комплекс самоускоренных экзотермических реакций окисления, температура этого процесса достигает нескольких тысяч градусов. Высокая температура, массовое перемещение пожара направлены главным образом, по границе ложа пласта углей и вверх к притоку кислорода, при этом со взрывом над пожаром образуются газовые вентили или трубы, в краевых зонах могут формироваться пещерки, провалы.

Термины «горелые камни» или горелики, глиежи охватывают все надугольные породы, которые были изменены, нагреваясь от огня (пожара) каустобиолитов. Степень их изменения переменна – от слабо обожжённой до полного расплавления. Наблюдают их во впадинах, они подобны «пещерам» или «туннелям», обожжённые породы формируют крышу над пожаром угля. Уменьшение объёма пород при нагревании до высокой температуры заканчивается формированием трещин, грандиозных образцов «краха», сваренных брекчий, содержащих фрагменты обожжённых и горелых пород. Иногда подобные брекчии цементируются расплавленными породами или паралавами, и сопровождаются общим прокварцеванием пород кровли. Характерной особенностью горелых

комплексов является присутствие подвертикальных расширенных (и пересекающихся) трещин, шириной в несколько метров, которые называют дымоходами.

Цвета горелых пород разные: преимущественно красновато-коричневые, буровато-чёрные, пятнистые, иногда зеленоватые, белые, светло-серые, фарфоровидные с прожилко-брекчиевидно-комковатой текстурой. Облик пород лавоподобный, пористый, стекловидный и типа паралав. Имеются оплавленные и натечные, глазуревые поверхности. Оплавление или остеклование наблюдается на поверхности отдельных обломков, несущих брекчиевидные, такситовые и пятнистые текстуры в сочетании с пористостью. Частично обожжённые породы встречаются вдоль различно ориентированных трещин, рассекающих угленосную толщу, особенно вблизи тектонических трещин и по направлению расплавления пород. Проявление обжига при температурах до нескольких тысяч градусов, наблюдается в виде покраснения пород и стенок обожжённых трещин; имеются различные цветные минеральные налёты. В том числе есть послойный обжиг: чередование, напоминающее флюидальное течение ориентированных розовато-коричневых кремнистых алевролитов, размером 2-3 до 5 см, с флюидальными потоками пористо-пузыристой кремнистой коричневаточёрной, стекловатой силикатной паралавы с включением обломочных частиц вмещающих алевролитов и изменённой породы. Размер пор и прожилков белого опала, прозрачного стекла с черными тенями и воздушными пузырями с включением в них твёрдой фазы, колеблется от долей до 3–5 мм 10 см и более. Комковатые светло-серые, розовые до коричневых цветов, тонкопористые разности паралав напоминают по внешнему облику и химизму кислые лавы.

Структуры «дымохода» или трубы мы наблюдали и сейчас, особенно зимой, на современном угольном пожаре в Туве – Эрбекском месторождении. В активных или старых вентилях в испечённой зоне расплавленные породы (паралавы) занимают немногие сантиметры. На поверхности и во впадинах, выше зоны подземного сгорания выходят газы, водные уплотнения и осаднения серы. Температуры горячего газоиспускания достигают 1000° С, в то время как породы крыши местами нагреваются до 1150-1200° С. Высокая температура, перемещённая вниз, затрагивает менее 1 м пород ложа угольного пласта.

Как показывают исследования, кайнозойская эра стала эпохой метаморфизма сгорания (пирометаморфизма) – пожаров каустобиолитов. Самый древний пожар (в Израиле) определяется миоценом – 16,5 млн лет.²

Артефакты из гореликов лога Тораалыг-Чер Тувинской котловины. В котловинах Тувы в эпоху плейстоцена, в постсартановское межледниковье широко расселились древние люди с известными для того времени памятниками каменного века – возраст их определяется как 35-40 тыс. лет. Зная внешний вид горелых пород и глиежей, изучая артефакты в Улуг-Хемской котловине, мы как специалисты-геологи, петрографы, впервые определили среди них изделия из гореликов и глиежей. Наиболее кремнистые из них окрашены от жёлтых, розовых до красных цветов, использовались древними людьми вместо кремнистых пород и микрокварцитов для изготовления каменных орудий. Такие артефакты локально нами встречены на десятках неолитических многослойных стоянках-поселениях с мастерскими на гореликах в Центрально-Тувинской котловине – лог Тараалыг-Чер.³ Артефакты из горелых, глиежей – пород с повышенной твёрдостью, обнаружены в следующих пунктах наблюдений в Центрально-Тувинской котловины. Они найдены вдоль трассы М-54 «Енисей», проходящей по низинным её участкам и юго-восточнее её – по логам и урочищам Чалама, Онгача 1, 2, 3, Улуг-Ажик – всего в 40 пунктах. Из них в 32-х пунктах с находками от 50 до 680 изделий отнесены нами к многослойным стоянкам-поселениям с каменными мастерскими на кварцитах, гореликах и глиежах. Находки от единичных до 4-х изделий из галек, отнесены нами к мустье – среднему палеолиту. В этих пунктах и стоянках с мастерскими с находками изделий из глиежей найдены и неолитические памятники – керамика, мотыги и зернотёрки, предметы из бронзы, железа, т.е. стоянки многослойные, долгоживущие – от среднего плейстоцена до неолита.

Находки каменных орудий, изготовленные из гореликов и глиежей, косвенно указывают на более древний возраст пожаров угля Улугхемского бассейна, чем неолитические поселения древних людей. Авторами предлагается изучение доисторических мест проявления угольных пожаров

(Чаданское, Чангыз-Хадынское, Ийи-Тальское месторождения углей) на возможность находок доказательств и признаков использования этих площадей пожаров для проживания и укрытий древними людьми в холодные периоды. Возможно, что к моменту расселения древних людей пожары указанных месторождений угля из-за высокой постледниковой обводнённости были местами погашены. Угольные пожары делятся до веков, использование их тепла и естественных укрытий, образующихся при активном горении подземных пластов угля, могли служить одной из причин и стимулов такого плотного расселения (в виде агломераций и многослойных стоянок) древних людей в местах проявления и затухания пожара в Тувинской котловине. Нужно заметить, что многие памятники из глиежей могли быть извлечены предыдущими археологами и, вероятно, из-за их недостаточной изученности были не диагностированы как глиежи и горелики, а относились к проявлению вулканизма – породам кислого и среднего состава.

Таким образом, практическое применение горелые породы в ЦТК находили ещё в каменном веке, в верхнем палеолите. Наиболее плотные, твёрдые (кремнеподобные), с раковистым изломом, разновидности горелых пород и секущие их, с рваными контактами прожики прозрачного опаловидного кремня, использовались древними людьми для получения микролитов. В Центрально-Тувинской котловине, на многих стоянках, нами впервые найдены нуклеусы из гореликов с прожилками. Из них изготавливались – отщеплялись микропластинки, служившие вкладышами составных орудий, а также скрёбла, проколы, стрелы и полуфабрикаты наконечников стрел. Найдки каменных орудий, изготовленных из гореликов, по типологии могут относиться к верхнему палеолиту-неолиту, косвенно указывают на предположительный, вероятно, синхронный возраст горения и угасания угольного пласта Каа-Хемского бассейна. По внешнему виду (без микроскопических изучений в шлифах), в полевых условиях горелики, глиежи, кремнистые аргиллиты и алевролиты (светлых окрасок, прозрачные с чёрными тенями и разводами), часто трудно отличить от некоторых разновидностей микрокварцитов кембрийского возраста – основного материала памятников каменного века Тувы.

2016 г.

Литература:

Кудрявцев В.И., Забелин В.И., Кудрявцева А.И., Ашак-оол А.Ч. Археологические памятники Центрально-Тувинской котловины и Северного Приубсунурия. Кызыл – 2016. ТувИКОПР СО РАН, 263 с.

Примечания:

¹ Кудрявцева А.И., Кудрявцев В.И. Горелые породы в каменноугольных толщах Тувы //Минералогия техногенеза – 2001: Сб. науч. тр. – Миасс: Изд-во ИМин УрО РАН, 2001. – С.213–218.

² Кудрявцева А.И., Сокол Э.В., Кудрявцев В.И., Котельников В.И. // Проявление пирометаморфизма в очагах подземных пожаров на угольных месторождениях Тувы // Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии. Геоэкология природной среды и общества. Вып. 9. – Кызыл: Изд-во ТувИКОПР СО РАН, 2007. – С. 143–154.

³ Кудрявцева А.И., Кудрявцев В.И. Горелые породы в каменноугольных толщах Тувы //Минералогия техногенеза – 2001: Сб. науч. тр. – Миасс: Изд-во ИМин УрО РАН, 2001. – С.213–218; Кудрявцев В.И., Кудрявцева А.И. Минералы и горные породы артефактов каменного века Тувы //Сб-к. Археоминералогия и ранняя история минералогии. СО РАН. Материалы Международного семинара. Сыктывкар, Республика Коми, Россия 30 мая – 4 июня. – Сыктывкар, 2005. – С. 28–29.

В.А. Куйдина,
г. Красноярск

Петроглифы горы Кедровой. Проблемы музеефикации

Гора Кедровая, или Кизех-тах является одним из первых известных археологических памятников наскального искусства древних народов северо-запада Минусинской котловины. Этот памятник является эталоном изобразительных традиций эпохи раннего железа, нашедших своё отраже-

ние в рисунках на скалах Южной Сибири. Ставший известным благодаря археологу Адрианову ещё в 1909 г., но по неизвестным нам причинам памятник был обделён вниманием исследователей.¹ Лишь в 1940 году было одно упоминание учёного Г.П. Сосновского о сцене терзания, эта была почти вся информация о писанице Кедровой.

Положение изменилось, когда в 1990-е, нач. 2000-х гг. стали проводиться экспедиции, посвящённые полному изучению петроглифов на горе Кедровой, их совершила группа учёных из Санкт-Петербурга. Уже тогда стало ясно, что часть памятника была потеряна или сильно испорчена. С целью постановки петроглифов на государственную охрану А.В. Субботиным в 1993 г. был составлен паспорт «Ораки. Петроглифы Кедровые-4». Но этого было недостаточно, чтобы реально оградить наскальные изображения от внешнего воздействия, как со стороны природы, так и человека. Необходимо было принять меры по музеефикации памятника. С этой целью участниками археологической экспедиции ИИМК РАН (В.А. Семёнов, М.Е. Килуновская, С.В. Красниенко, А.В. Субботин) был предложен проект «Охрана культурного наследия северо-западной части Минусинской котловины (петроглифы, изображения на плитах курганов)».² Данный проект был поддержан в рамках гранта Президента Российской Федерации, предполагавшего мероприятия, проводимые в области сохранения культурного наследия Российской Федерации.

Во время реализации проекта было проведено сплошное обследование территории Шарыповского и Ужурского района с целью фиксации памятников с петроглифами. По результатам работ были выпущены две монографии, но, несмотря на несомненную научную значимость проведённых работ, вопросы сохранения и музеефикации петроглифов не были решены.

Следующие шаги по музеефикации петроглифов северо-запада Минусинской котловины были сделаны в 2010-х годах. Согласно Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации (принята в 2009 г.) предполагалось до 2015 г. создать систему историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в субъектах РФ.³

Несмотря на проводимый комплекс мероприятий, направленных на музеефикацию памятников археологии вообще и наскальных рисунков, в частности, реальных действий в настоящее время, к сожалению, пока не наблюдается.

Летом 2014 и 2016 годов во время музейно-экскурсионной полевой практики студентами исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева проводились исследования петроглифов на горе Кедровой. Было проведено внешнее обследование памятников с целью выявления и определения современного состояния петроглифов.⁴

Гора Кедровая (абсолютная высота 490 м) сложена девонскими песчаниками, расположена в центре небольшой межгорной впадины, окружённой сравнительно высокими лесистыми кряжами к югу от озера Кедрового и в 3,5 км к северо-западу от деревни Ораки. В подножии горы расположены цепочки тагарских курганов. На писанице Кедровой петроглифы встречаются на протяжении 385 м, всего насчитывается 38 плоскостей, сгруппированных на двух участках, разделённых ложбиной шириной 199 метров. Участок 1 имеет длину 77 м, включает в себя 9 плоскостей. Длина участка 2 составляет 109 м и включает в себя 27 плоскостей (6 из которых находятся на упавших блоках). Плоскости обращены на юг и юго-восток, реже – на восток. Петроглифы выполнены в технике гравировки, точечной выбивки, иногда – с последующей шлифовкой.

Используя современные методы исследования и имеющиеся данные, нами было выявлено тридцать восемь плоскостей с петроглифами, среди которых были и новые наскальные изображения. На скале показаны сцены жертвоприношений, охоты на диких животных (олени, косули, козлы), множество фигур и другие древние рисунки.

Основная часть рисунков характерна для изобразительных традиций эпохи раннего железного века. Вместе с тем, изображения писаницы Кедровой весьма своеобразны, некоторым образом, даже выделяются из всего уже известного в Минусинской котловине.⁵ Вероятно, на писанице изображены сцены из реальной жизни, т.е. показаны повествовательные сюжеты, запечатлевшие знаменательные события. Вместе с тем, нельзя исключать и того, что в рисунках на скалах отражался

желаемый исход предстоящих мероприятий промыслового или военного характера. Петроглифы иллюстрируют некоторые темы мифов имевших широкое распространение в скифское время на всей территории Евразии.

По нашему мнению, петроглифы на горе Кедровой относится к своего рода святилищу эпохи раннего железа (II-I вв. до н.э.). Об этом свидетельствуют могильники тагарской культуры, расположенные у подножия горы Кедровой, насчитывающие более 100 насыпей и составляющие одно целое с петроглифами.

Следует обратить внимание на современное состояние петроглифов. В настоящее время памятник находится в крайне разрушенном состоянии: под влиянием естественных эрозийных процессов происходит растрескивание и отслаивание внешней корочки скальных поверхностей плит. Расслаивание песчаников происходит по горизонтали и вертикали, благодаря чему отрываются целые блоки от основного скального массива, на которых есть петроглифы, они сползают вниз по крутому склону горы.

Антропогенное воздействие, особенно прослеживается в форме вандализма. Многие плоскости покрыты современными надписями, которые перекрывают рисунки. Судя по датированным надписям, в последние годы наблюдается активизация посещения петроглифов неконтролируемыми группами посетителей.

Серьёзный урон древним памятникам наносит хозяйственная деятельность человека. Курганные группы, расположенные вдоль длинного склона горы Кедровая, опахиваются, что приводит к уничтожению ряда курганов, что может привести к частичному или полному исчезновению археологических объектов. В связи с чем необходимы неотложные меры по сохранению и музеефикации петроглифов. Являясь частью скальных массивов, они не могут быть изолированы от внешнего мира, что влияет на стратегию их сохранения. А именно: создание музея-заповедника, территория, которого должна включать не только скальные массивы с петроглифами, но и прилегающие к ним другие археологические объекты. В подножии горы Кедровая – курганные группы «Кедровая I-II».

Территория проектируемого музея-заповедника должна охватывать общую площадь 107 км² 750 м, составляющую по периметру около 9 км. Северо-восточная граница заповедника будет ограничиваться северным подножьем горы Кедровой, проходя вдоль южного берега о. Кедровое на расстоянии 2,8 километров. Юго-западная грань заповедной зоны должна проходить вдоль западной границы памятника «Ораки. Могильник курганный Кедровая – I». Курганы на памятнике вытянуты цепочкой с запада на восток и идут вдоль южного склона горы Кедровой на протяжении 1,5 км. Юго-восточная грань будет проходить вдоль южной границы территории памятника «Ораки. Могильник курганный Кедровая-2». Этот курганный могильник занимает весь длинный юго-восточный склон горы Кедровой, вблизи заболоченной поймы правого берега ручья Мартычуль на протяжении 3,5 километров. Северо-восточная часть заповедника должна ограничиваться восточной границей памятника «Ораки. Могильник курганный Кедровая-2» (Курганный группа «Кедровая – II») и составлять порядка 0,7 километра.

Создав музей-заповедник на данной территории, мы сохраним не только петроглифы, но и прилегающие археологические объекты, которые генетически и функционально связаны с наскальным искусством.

2016 г.

Литература:

1. *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.
2. *Семёнов Вл.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В.* Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – 104 с.
3. *Субботин А.В., Красниенко С.В., Килуновская М.Е., Семёнов Вл.А.* Изображения на плитах тагарских курганов. – СПб.: ИИМК РАН, 2003. – 121 с.

Примечания:

¹ Красниенко С.В., Субботин. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1997. – С. 9.

² Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края) / Вл. А. Семёнов, М.Е. Килуновская, С.В. Красниенко, А.В. Субботин. СПб.: ИИМК РАН, 2000.

³ Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников Российской Федерации. – М. 2009.

⁴ Куйдина В.А. Петроглифы на горе Кедровой // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных [Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей] / отв. ред. А.В. Константинов, И.И. Разгильдеева; Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 216.

⁵ Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и семантические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 47-74; Подольский Н.Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» // СА. 1973. №3. – С. 265-275.

М.А. Муршидова
г. Красноярск

Новые петроглифы на горе Кедровой

Минусинская котловина – большой древний межгорный прогиб, ограниченный с востока Восточным Саяном, с запада Кузнецким Алатау, с юга Западным Саяном, с севера – невысоким хребтом Арга. В настоящее время всю Минусинскую впадину делят на четыре самостоятельные котловины: Назаровскую, Чулымо-Енисейскую, Сыда-Ербинскую и собственно Минусинскую. Они тянутся цепочкой вдоль Енисея и отделены друг от друга невысокими поперечными хребтами. Назаровская отделена на севере от Западно-Сибирской равнины хребтом Арга, а на юге от Чулымо-Енисейской – Солгонским кряжем.¹ В северо-западную часть Минусинской впадины входит западный участок Назаровской котловины, где в предгорьях Кузнецкого Алатау на скальных массивах известны наскальные рисунки.

История изучения петроглифов на северо-западе Минусинской котловины начинается ещё в 1887 году, когда в районе улуса Ораки работала финская экспедиция И.Р. Аспелина. В книге, изданной в 1931 году Аппельгреном-Кивало по материалам экспедиции, сведений о наскальных рисунках на горе Кедровой нет. Но тем не менее, на плане Аппельгрена-Кивало гора Кедровая обозначена под названием Кизик-Даг, в подножии которой участниками экспедиции были обследованы курганы, скопированы рисунки на курганных камнях.² В 1909 году на писанице Кедровой побывал А.В. Адрианов, им было скопировано 62 изображения. В 1940 году Г.П. Сосновский переписал 18 фигур – 11 оленей, антилопу, трёх человек, всадника и 2 котла.³

В 1997, 1999 и 2000 годах экспедиции, посвящённые изучению петроглифов Каратага и горы Кедровой, совершила группа учёных из Санкт-Петербурга: Вл.А. Семёнов, М.Е. Килуновская, С.В. Красниенко, А.В. Субботин. На писанице Кедровой было выявлено 18 групп петроглифов, с 69 чёткими изображениями, другие сохранились плохо или являются нечёткими. В результате их данные в целом совпадают с данными А.В. Адрианова.⁴

Летом 2014 и 2016 годов во время проведения музейно-экскурсионной полевой практики студентами исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева было проведено внешнее обследование памятников с целью выявления и определения современного состояния петроглифов, также была проведена фотофиксация, топосъёмка и выборочная копировка наскальных рисунков. В результате работ были определены границы распространения петроглифов, уточнена информация об известных композициях и выявлены новые наскальные изображения. Всего в результате исследований были найдены и описаны 13 новых плоскостей. Также дополнено описание уже ранее встречаемых рисунков.

Целью этой работы является предоставление новой информации о петроглифах г. Кедровой.

Участок 1.

Плоскость 1 выявлена в 2014 г., скопирована в 2016 г. Находится в западной части участка. Плоскость длиной 1,4 м, вертикальная, ориентирована на ЮВ (аз. 65°). На её поверхности, на высоте 0,8 м от подножия выбиты фрагменты антропоморфных изображений, круг и другие знаки, значение которых сложно установить. Предварительно композиция датируется периодом существования тагарской культуры. Рисунки плохо просматриваются, перекрыты современными надписями и, возможно, потому не были зафиксированы предыдущими исследователями.

Плоскость 3 выявлена в 2014 г., расположена в 5 м к востоку от плоскости 2, на торце обвалившего каменного блока в подножие скалы. Плоскость длиной 0,7 м, ориентирована на ЮЮВ (аз. 75°). Выявлены следы выбивки. Плоскость обильно покрыта лишайниками, повреждена трещинами.

Плоскость 7 выявлена в 2014 г., находится в 13 м к СВ от плоскости 6, обращена на ЮВ (аз. 35°), длиной 1,2 м. Обнаружены следы хаотичной выбивки, трудно определимое изображение. Область рисунка обильно покрыта лишайниками и современными надписями.

Плоскость 8 выявлена в 2014 г., ориентирована на ЮВ (аз. 70°), длиной 0,5 м. Расположена у подножия, правее и ниже плоскости 7, на отдельном скальном блоке. На её поверхности найдены следы неясной выбивки.

Плоскость 9 выявлена в 2014 г., находится в 12 м к СВ от плоскости 8, обращена на ЮВ (аз. 38°), длиной 1,8 м. Обнаружены выбитые вертикальные линии, трудно распознаваемое изображение. Плоскость частично покрыта белым лишайником.

Участок 2.

Плоскость 1 выявлена в 2014 г., ориентирована на ЮЗ (аз. 150°), длиной 0,7 м. Расположена на скальном склоне у оврага. Обнаружены ранее неизвестные следы выбивки в виде пятен. Плоскость частично покрыта лишайниками.

Плоскость 5 выявлена в 2014 г., находится в 2,5 м к северу от плоскости 4. Плоскость длиной 0,9 м, ориентирована на юг (аз. 80°), расположена на выступающем каменном блоке скалистого фриза. Найдены следы выбивки, формирующей трудноопределимое изображение. Плоскость обильно покрыта белым лишайником.

Плоскость 6 выявлена в 2014 г., скопирована в 2016 г. Плоскость шириной 0,5 м обращена на восток (аз. 5°). В верхней правой части каменного блока прослеживается гравированное изображение лошади, сохранившееся фрагментарно. Прослеживается шея и головная часть лошади, увенчанная двумя ушками и задняя часть туловища с ногами. Задние конечности параллельные, согнуты в коленях, вынесены назад. В центральной части рисунка выявлены только вертикальные парные росчерки.

В нижней левой части плоскости найдено гравированное изображение фронтальной антропоморфной фигуры, которое располагается между вертикальными параллельными линиями. Над двумя крайними левыми линиями прослеживаются небольшие тонкие росчерки. Рисунки выполнены, по всей видимости, в Новое время или в период этнографической современности.

Плоскость 6/7 выявлена в 2014 г., скопирована в 2016 г. Плоскость шириной 1,03 м обращена на ЮВ (аз. 50°). Поверхность плоскости волнистая. Обнаружено фронтальное гравированное изображение человека в сапогах с каблуками, которое прослеживается фрагментарно. На месте головы выбито округлое пятно, шея не обозначена. Туловище показано двумя параллельными вертикальными линиями. Плечи широкие, руки вертикальные, опущены вниз (одна рука заканчивается четырёхпалой кистью, другая – прослеживается фрагментарно). Линия ног дополнена внешним контуром верхней одежды (брюки?), показана остроносая обувь на каблуках. Рисунок предположительно выполнен в Новое время.

Плоскость 7 выявлена в 2014 г., ориентирована на юг (аз. 90°), расположена в 2 м от основного массива на наклонно лежащем каменном блоке между плоскостями 6 и 8. Здесь найдены ранее неизвестные следы трудноопределимой выбивки.

Плоскость 8(a) (группа 13)⁵ находится в 3,4 м к северо-востоку от плоскости 7, размерами 1,0 x

1,8 м, ориентирована под разными углами на ЮВ (аз. 80,° 55°). Здесь обнаружена выбивка фигуры человека с неизвестными слева следами выбивки.

Плоскость 8(б) выявлена в 2016 г. Она имеет размеры 0,48 x 0, м. Здесь выявлена сцена поединка на шпагах. Персонажи облачены во фраки, на головах шляпы типа «цилиндр». Сцена сопровождается трудноопределимым текстом. Рисунки выполнены гравированными линиями и относятся к Новому времени. На плоскости обнаружено также много точек, выбоин, автографов жителей г. Москвы.

В ходе обследования подножия скалы были обнаружены каменные блоки с петроглифами. Один камень высотой 0,4 м и длиной 0,9 м. на боковой грани (плоскость 25), обращённой на запад, имеет следы точечной выбивки, которые формируют трудноопределимые образы.

Другой каменный блок расположен ниже. Его длина 2,1 м, высота 1,3 м. Рисунки выявлены на двух смежных гранях.

Плоскость 26 находится на боковой грани, обращённой на юз, аз (160). В нижней части грани (на высоте 0,2 м), у правого края выявлено схематичное линейное изображение зооморфной фигуры в позе внезапной остановки (косуля?), выполненное путём выбивки. У животного длинная высоко поднятая шея, на голове показана линия ушей, хвост обозначен коротким выступом. Животное обращено в левую сторону.

Плоскость 27 имеет ширину 0,5 м и высоту 0,2 м., перпендикулярна плоскости 26, обращена на юг (аз. 90°). Она расположена в нижней части плоскости на высоте 0,1 м от подножия камня. Правая часть повреждена выломами. На плоскости изображен тамбовидный знак, нанесённый точечной выбивкой. Знак имеет вид двух сходящихся дугообразных линий. Предположительно относится к эпохе Средневековья.(?)

Хотелось бы обратить внимание на плоскость 14 (группа 7),⁶ которая находится на участке 2, в 2 м к востоку от плоскости 13. Длинной плоскость 1,3 м, обращена на ЮВ (аз. 50°). Высота всего изображения 0,28 м, ширина 0,14 м. Эта группа выделяется по своему динамизму и образной насыщенности. Здесь просматриваются четыре фигуры животных, хищник на спине оленя, два изображения фигуры человека и лучника. Главное место в композиции занимает сюжет терзания (нападения хищника на оленя), достаточно редкий для наскального искусства Южной Сибири и Центральной Азии. У оленя длинная шея, ветвистые, откинутае назад рога, маленькая голова, передние конечности согнуты, подчеркнуты округлость бедра и крупа, что характерно для скифского звериного стиля. Между спиной и рогами оленя помещена фигура хищника (волка?). Показана морда с раскрытой пастью и оскаленными зубами, острое ухо. Конечности зверя четырёхпалые с огромными когтями, хвоста нет. Через туловище животного проходит глубоко вырезанная уже в наше время стрелка. Левее наблюдаются изображения трёх оленей. Два из них в одном ряду друг с другом, третий расположен ниже. Над крайним оленем верхнего ряда изображён лучник. С правой стороны от центрального изображения две круглоголовых антропоморфных фигуры. Стопы верхней фигуры направлены вправо, нижней влево. Все изображения выполнены крупной точечной выбивкой. Петроглифы обезображены современными, бытовыми надписями. Плоскость покрыта лишайниками.

Таким образом, в результате последних работ на писанице Кедровая выявлены новые петроглифы, которые дополняют информацию о писанице, расширяют её хронологические рамки до Нового времени и периода этнографической современности.

2016 г.

Литература:

1. Адрианов А.В. Отчёт по обследованию писаниц Минусинского края // ИРКИСВА, 1910. Сер. 1. № 10. – С.41–53.
2. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край) / С.В. Красниенко, А.В. Субботин. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 108 с.

Примечания:

¹ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея – Л.: Наука, 1986. – С. 3.

² Appelgren-Kivalo H. Alt-altaishe Kunstdenkmaler. Briefe und Bildmaterial von J.R.Aspelins Reisen in Sibirien und Mongolei 1887-1889 / H. Appelgren-Kivalo. – Helsingfors, 1931. Abb 2.

³ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея – Л.: Наука, 1986. – С. 161.

⁴ Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края) / Вл. А. Семёнов, М.Е. Килуновская, С.В. Красниенко, А.В. Субботин. – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – С.9-36.

⁵ Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края) / Вл. А. Семёнов, М.Е. Килуновская, С.В. Красниенко, А.В. Субботин. – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – С.16.

⁶ Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края) / Вл. А. Семёнов, М.Е. Килуновская, С.В. Красниенко, А.В. Субботин. – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – С.13.

И.Г. Рогова,

г. Кемерово

Тамги на раннесредневековых сосудах из Южной Сибири

Традиция нанесения тамгообразных изображений на различные бытовые предметы, в том числе сосуды, известна с древности. Например, большое количество металлических и керамических сосудов с тамгообразными знаками на внешней поверхности, на донышках с внутренней и внешней стороны, на ручках и т. д. обнаружено в памятниках среднесарматской культуры. Они датируются III в. до н. э. – III в. н. э. и распространены на территории от Днестра до Дона.¹

Известны тамги на сосудах, происходящих с территории Южной Сибири. Один из таких сосудов с серией тамг, нанесённых на стенки, Э.А. Новгородова отнесла к карасукской культуре.² Однако наиболее широкое распространение в этом регионе традиция нанесения тамг на сосуды получает в эпоху раннего средневековья.

Тюркоязычные народы наносили тамги как на керамические, так и на металлические сосуды. На данный момент металлических сосудов с тамгами, найденных на территории Южной Сибири, известно восемь, все они выполнены из драгоценных металлов – серебра или золота. Как правило, у таких сосудов знаки располагаются на донышке с внутренней или внешней стороны, занимая либо всю поверхность, либо какую-то его часть. В некоторых случаях тамгообразные знаки сопровождаются руническими надписями.

С территории Минусинской котловины происходит три металлических сосуда с тамгообразными знаками. Один из них ещё в 1726 г. был доставлен в Кунсткамеру,³ более подробные данные о месте его нахождения отсутствуют. П.М. Мелиоранский, изучавший нанесённые на дно этого сосуда тамгу и руническую надпись, отмечает, что знаки процарапаны не особо искусно.⁴ По его мнению, подобные тамги являются изображениями людей и называются «богатырскими». Точно датировать их он не может, но считает весьма древними, возможно, бытовавшими ещё у енисейских кыргызов.⁵ По мнению Н.Ф. Катанова, подобная тамга к 1901 г. использовалась племенем кобальцев, а также у бело-юсского рода качинцев Абаканской Управы. И.Л. Кызласов, изучая данный сосуд, предлагает собственный перевод надписи, означающей, благопожелание. По контексту руники он предполагает, что сосуд был поднесён на пиру молодому человеку, который становился полноправным членом общества. Все это допускало получение личной тамги. Исследователь отмечает, что на дне сосуда в конце рунической надписи присутствует ещё одна тамга, которая связана по смыслу с руникой.⁶

Ещё один серебряный сосуд с тамгами и руникой был найден С.А. Теплоуховым в Уйбатском чаатасе в 1928 г.⁷ И.Л. Кызласов выделяет несколько слоёв надписей на дне сосуда. Руническая надпись, по мнению исследователя, относится к раннему (нижнему) «слою». Поздний (верхний) «слой» представлен тамгообразными знаками.⁸

Золотой сосуд с тамгой и рунической надписью на дне был найден у с. Копёны в 1939 г. экспедицией под руководством С.В. Киселёва. Археолог считает, что надпись сделана на местном языке в VIII в. и принадлежит кыргызам.⁹ И.Л. Кызласов соглашается с датировкой С.В. Киселёва, но

считает, что тамга и руническая надпись были нанесены древнехакасским ювелиром, создателем кубка. Изображение тамги, по мнению И.Л. Кызласова, являлось показателем высокой ценности изделия и его принадлежности определённому владельцу.¹⁰

Четыре сосуда с тамгообразными знаками были найдены на территории Горного Алтая. Так, серебряный сосуд был обнаружен В.В. Радловым в 1865 г. при раскопках одного из курганов Катандинского могильника. П.М. Мелиоранский и Н.Ф. Катанов, изучавшие этот сосуд, не определяют хронологических рамок и этнической принадлежности тамги, нанесённой на его дно.¹¹ И.Л. Кызласов, позднее рассматривавший надпись и тамгу на этом сосуде, предположил, что они были нанесены разными людьми и разными инструментами.¹²

Ещё один серебряный сосуд с родовыми знаками и рунической надписью на дне был найден Саяно-Алтайской экспедицией под руководством С.В. Киселёва в 1935 г. при раскопках кургана 3 могильника Туэкта в Горном Алтае. И.Л. Кызласов, изучавший этот сосуд, выделяет два знака, которые вырезаны в центре дна один поверх другого. Исследователь отмечает, что скобообразный знак был нанесён раньше и сопоставляет его с подобными древнехакасскими тамгами, существовавшими в конце IX века. Все тамги, как и рунику, учёный датирует вт. пол. IX века.¹³ Археолог предполагает, что раннюю тамгу мог нанести первый владелец сосуда, последующий даритель или получатель дара. Следующую тамгу мог изобразить второй владелец или третий. И.Л. Кызласов приходит к выводу о том, что у данного сосуда сменилось 4 владельца, следовательно, он мог становиться предметом подношения. На внешней части дна, правее надписей, он выделяет ещё два самостоятельных знака: косой крест и фигуру в виде двухсторонней секиры. По мнению исследователя, нельзя с полной уверенностью утверждать о том, что эти символы являются тамгами.¹⁴ В этот же год экспедицией С.В. Киселёва при раскопках кургана 1 могильника Курай 4 был найден серебряный сосуд, который, как и в могильнике Туэкта, располагался около головы усопшего. На дне сосуда, в центре, изображены тамга и руническая надпись, а также крестообразные знаки, схожие со знаком на сосуде из могильника Туэкта.¹⁵

В.Д. Кубаревым во время раскопок в долине р. Юстыд в нач. 1970-х гг. был найден серебряный сосуд с выгравированными тамгами на дне, пополнивший серию подобных древнетюркских сосудов из Хакасии, Тувы и Алтая.¹⁶ На юстыдском сосуде есть две тамги: первая в виде буквы рунического алфавита, вторая – в виде фигурки козла. Вокруг изображения животного прослеживаются слабо различимые процарапанные линии, которые исследователь называет «знаки или тамги». Учёный приводит аналогии тамгообразному изображению козла с территории Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана, где этот знак был символом каганской власти орхонских тюрков и датирует его VIII–X вв. н. э.¹⁷ А.Д. Грач считает, что данный знак обозначал принадлежность человека к тюркскому каганату.¹⁸

На территории Кузнецкой котловины в 1988 г. в ходе раскопок экспедиции А.М. Илюшина было обнаружено три серебряных сосуда.¹⁹ Исследователи отмечают, что данные сосуды аналогичны тем, которые появляются в Южной Сибири в VII–VIII вв. Позднее один из сосудов, найденный в кургане 17 могильника Сапогово 2, на дне которого присутствуют шесть личных знаков и руническая надпись, изучал И.Л. Кызласов. По мнению исследователя, четыре из шести знаков свидетельствуют о передаче предмета внутри двух разных семейств. Также учёный по контексту надписи делает вывод, что при обряде наречения взрослого имени юноша наделялся гербовым знаком, получая личную пиршественную чашу.²⁰ И.Л. Кызласов отмечает сходство в предназначении сосуда из Сапогово 2 с поясными наконечниками, на которых присутствуют рунические надписи и которые также часто меняли хозяев.²¹ Сосуд из могильника Сапогово 2 поступил на хранение в музей КемГУ в 1990 г.²² На данный момент он представлен в экспозиции. К сожалению, сосуд поступил без дна, когда оно было утрачено и где находится неизвестно.

Подобные сосуды встречаются не только на территории Южной, но и Восточной Сибири. В 70-е гг. XX в. капитаном рыболовецкого судна на о. Муруйский (Иркутская обл.) были обнаружены шесть серебряных сосудов, два из которых в 2003 г. были переданы специалистам (остальные четыре утрачены).²³ На дне первого изделия изображены четыре тамгообразных знака, а на

дне второго в центре располагаются два тамгообразных изображения горных козлов и руническая надпись по кругу. По анализу тамгообразных изображений козлов, которые неоднократно встречаются в петроглифах Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана, исследователи приходят к выводу о центральноазиатском происхождении сосудов. Данные изделия, по их мнению, относятся к эпохе раннего средневековья и были доставлены на территорию Приангарья в качестве военного трофея, а затем спрятаны.²⁴ По нашему мнению, местом их изготовления может являться Южная Сибирь, откуда они впоследствии были вывезены.

Кроме того, тамгообразные изображения встречаются на керамических сосудах с вытянутым яйцевидным туловом и высоким развернутым вверх горлом, которые называют кыргызскими вазами. С.В. Киселёв датирует их VI–VIII вв. н. э. Исследователь считает, что техника изготовления данных ваз имеет свои особенности, но во многом была заимствована у южных народов с территории Китая и Монголии. Следовательно, между соседями, по мнению археолога, существовали тесные торговые и культурные связи. Данные вазы широко распространены на территории Минусинской котловины, также встречаются в Монголии. О тамгообразных знаках на вазах исследователь не упоминает,²⁵ тем не менее, на некоторых из них они присутствуют.

Подробно тамги на кыргызской керамической посуде изучали Л.Р. Кызласов и Г.Г. Король.²⁶ По данным исследователей известно более 20 сосудов культур чаатас и тюхтятской, на которых по сырой глине были нанесены тамгообразные знаки, расположенные на разных частях ваз. Все знаки исследователи объединяют в 8 групп: крестообразные изображения (из могильников Койбалы, Ташеба и станция Минусинск), с-образные (Койбалы, Ташеба), орнитоморфные знаки (сосуды из могильников Гришкин Лог, Копёны, Джесос, Михайловский) и др. Рассматривая знаки каждой группы, учёные приводят им широкие аналогии. Особое место среди памятников занимает найденная в кургане № 2 Уйбатского чаатаса китайская лаковая чашечка, сделанная из папье-маше. С наружной стороны на дне имеется резная тамга в виде буквы С. Исследователи также упоминают о сосуде из с. Тесь, в верхней части плечиков которого имеется процарапанное клеймо, напоминающее перевёрнутую омегу. Отдельное место в рассмотрении тамг занимают орнитоморфные знаки.

На территории Кемеровской области в ходе раскопок под руководством А.И. Мартынова и Г.С. Мартыновой в 1959–1968 гг. было обнаружено три «кыргызские вазы», на двух из которых присутствуют тамгообразные знаки. По мнению Г.С. Мартыновой, вазы не были изготовлены на месте обнаружения, а были завезены с территории Минусинской котловины.²⁷ На данный момент одна из ваз с тамгообразным знаком представлена в экспозиции Кемеровского областного краеведческого музея.

Ещё одна «кыргызская ваза» с тамгообразными изображениями была обнаружена сравнительно недавно в древнетюркском кургане могильника Маркелов Мыс 2 у головы погребённого. Знаки, нанесённые на верхнюю часть вазы, О.А. Митько определяет как орнитоморфные и крестообразные.²⁸

До настоящего времени вопрос о функциях тамг является дискуссионным. Например, Э.И. Соломоник и В.С. Драчук писали, что тамги использовали для клеймения скота, возможно особо ценного.²⁹ В.С. Ольховский отмечал, что к функциям знаков относили авторство, оберег, владение.³⁰ По мнению С.А. Яценко, у кавказских, тюркских и монгольских племён тамги несут функцию знака собственности клана на участки земли или ценные вещи³¹ и пр.

Таким образом, на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья встречаются как металлические, так и керамические сосуды с тамгообразными знаками. Металлических сосудов с тамгообразными знаками насчитывается всего десять (включая находки из Приангарья), тогда как «отмеченных» знаками «кыргызских ваз» известно больше двадцати. В отличие от серебряных и золотых сосудов, руника на них всегда отсутствует, а знак может располагаться на любой части изделия, не только на дне. По внешнему сходству металлических сосудов, а также присутствию знаков и руники, можно предположить, что они происходят из одной серии и, являясь образцами местного тюркского производства, сделаны, вероятно, разными мастерами. Не исключено, что

тамгообразные знаки, нанесённые на такие сосуды, могли указывать на принадлежность предмета определённому клану или владельцу, тогда как знаки на керамических сосудах обозначали место их производства или клеймо мастера. В связи с этим может оказаться продуктивным сопоставление тамг на раннесредневековых керамических и металлических сосудах с теми, что нанесены на скалах. В случае их идентичности можно обосновать выделение серии знаков эпохи раннего средневековья в петроглифах. Но делать это нужно с осторожностью, опираясь на представительные серии изображений, так как знаки, сложившиеся в раннее средневековье, могли быть заимствованы в более позднее время.

2016 г.

Литература:

1. Митько О.А. Семантика сосуда из тюркского погребения могильника Маркелов Мыс II // История и культура Востока Азии. – Том 2. – Новосибирск: 2002. – С. 127–134.

Примечания:

¹ Воронятов С.В. О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Днестром и Дунаем. – СПб: 2009. – 80-98 с.

² Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). – М.: Наука, 1989. – 384 с. – С. 270, 274

³ Два серебряных сосуда с енисейскими надписями // Записки восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества. – Т. XIV. – СПб: Типография императорской АН, 1901. – С. 18.

⁴ Там же. С.18.

⁵ Там же. С.18.

⁶ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 202.

⁷ Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: изд-во АН СССР, 1951 – С. 601.

⁸ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература, 1994. – С.301–304.

⁹ Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: изд-во АН СССР, 1951 – С. 602.

¹⁰ Кызласов И.Л. Рунические надписи на двух поясных наконечниках // Древности Алтая. – № 6. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 85.

¹¹ Мелиоранский П.М. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея // Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества. – Т. XV. Вып.1. – СПб: Типография императорской АН, 1903. – С. 34.

¹² Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература, 1994. – 328 с. – С. 202.

¹³ Кызласов И.Л. Рунические надписи на двух поясных наконечниках // Древности Алтая. – № 6. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 87.

¹⁴ Там же. С. 89

¹⁵ Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: изд-во АН СССР, 1951 – С. 536, 543, 547

¹⁶ Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск, 1979. – 120 с. – С. 135–160

¹⁷ Там же.

¹⁸ Грач А.Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // ТС 1972 года. – М: 1973. – С. 316–333.

¹⁹ Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: НГУ, 1992. – С.40.

²⁰ Кызласов И.Л. Рунические надписи на двух поясных наконечниках // Древности Алтая. – № 6. – Горно-Алтайск, 2001. – С.132–138.

²¹ Там же. С. 132–138.

²² Каталог... 2008. – С. 66-67.

²³ Николаев В.С., Кубарев К.В., Кустов М.С. Серебряные сосуды с острова Муруйский // Известия лабораторий древнейших технологий. – №6, 2008. – С.175-183

²⁴ Там же. С. 182

²⁵ Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: изд-во АН СССР, 1951 – С.588-590.

²⁶ Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: 1990. – 216 с.

²⁷ Мартынова Г.С. Таштыкские племена на Кие. – Красноярск: изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – С. 91

²⁸ Мартынова, 2002. С. 133.

²⁹ Соломоник Э.И. О таврении скота в Северном Причерноморье (по поводу некоторых загадочных знаков) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, С. 103-128. с. 210–218; Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 56

³⁰ Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Армавир. – М., 2001. – Вып. 7. – С. 107–108.

³¹ Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001, – С.8.

А.И. Августовский,
г. Абакан, Республика Хакасия

Мелкая каменная скульптура как элемент жертвоприношений

В работе «История одной святыни» Л.В. Ерёмин приводит собранные им исторические сведения о горном святилище, называемом Иней паары (Подножье Бабушки).¹

Для поиска мест, в которых проводились обряды с жертвоприношениями в виде мелких скульптур (скота Иней тас), из этой работы можно почерпнуть следующие сведения: Иней Паары является святилищем, объединяющим в себе два культурных значения – родовой святыни и покровителя скотоводства; горные жертвоприношения устраивались каждый год после 29 июня, есть их описание; предметом поклонения являлось, как само место – небольшая скала так и находящиеся в небольшой нише два камня, в частности плоский переносной камень, который называли старухой (Иней тас), хотя в нём трудно было признать изображение старухи.

У подножия Иней тас на небольшой площадке стояли небольшие фигурки «скот Иней тас», выполненные из речных галек. Скот Иней тас был «воплощением изыхов». Делая подношения в виде каменного «скота», люди осуществляли своеобразный обмен дарами, получая взамен душу будущего изыха (коня, быка, козла или барана), гарантию здоровья домашнего скота.

В своей работе Ерёмин приводит цитату из статьи Клеменца, она привлекает особое внимание: «...Вся площадка была заставлена фигурками, силившимися напомнить собою каких-то животных. Рядом с вещами, носившими на себе следы обделки, были и простые речные галки, обточенные водой».² Кроме того, приводится цитата из работы Белокобыльского Ю.Г. (по Г.Ф. Миллеру и И.Г. Гмелину): «...Они обратили внимание ещё на одну важную особенность памятника: путь от подножия горы к пещере был выстлан множеством речных галек различной формы и окраски, большей части которых будто бы намеренно придавалось сходство с конём или другим животным».³ Д.А. Клеменц, Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин свидетельствуют, что у подножия Иней тас, наряду с гальками, имеющими следы обработки, находились и обычные галки обточенные водой, без следов обработки!

Возникло предположение о том, что мелкая пластика, и необработанные человеком галки, как элемент жертвоприношений может присутствовать в местах нахождения малоизвестных менгиров – сходных по некоторым признакам с Иней тас. Традиционное расположение «мелкого скота» на поверхности почвы в определённой мере вселяло уверенность в возможности их находки у других менгиров.

Поиски дали определённые результаты. У менгира, находящегося в долине ручья Тостыг–чул (Аскизский район), вровень с поверхностью почвы, была обнаружена фигурка, напоминающая по виду овцу. Она изготовлена из песчаника серо-коричневого цвета, кроме того, найдена половина плоской, овально-конической формы гальки. Рядом находилось ещё несколько галек, в основном, плоских конической формы со сколом в нижней части и без сколов, а также скребок серо-зелёного цвета.

У другого менгира, лежащего на небольшом по площади возвышении, расположенном на первой речной террасе реки Ниня, на половине расстояния от ворот (р. Бейка) и менгиром Ах оба (Белый менгир),⁴ была найдена плоская речная галька светло-коричневого цвета, конической формы с нижним сколом, и небольшой кусочек глазированной керамики.

Галька и кусочек керамики, скорее всего, появились на поверхности почвы при устройстве норы сусликом или деятельности собаки решившей было устроить охоту на суслика, но по каким-то причинам бросившей это занятие.

Описания этих менгиров, в литературных источниках найти не удалось.

Обнаруженная каменная фигурка из светло-серо-коричневого песчаника своей формой напоминает овцу. Камень, из которого она сделана, имеет явные следы обработки достаточно тонким на конце ударным инструментом. Наиболее чётко следы от инструмента

просматриваются по контуру фигурки. Предполагается использование фигурки в положении стоя. Для этого её автор создал миниатюрные опоры треугольной формы, вершиной обращённые в низ. Нижняя часть опор находится в одной горизонтальной плоскости, этим создаётся устойчивость фигурки на почве. Размеры фигурки: длина – 60 мм, высота – 50 мм, толщина в передней части – 18-20 мм, в задней части – 36 мм. Расширение «тела» фигурки происходит тремя почти равными по протяжённости уступами, приблизительно с половины её длины, причём, только с правой её стороны.

При осмотре фигурки спереди, видно, что левая и правая плоскость «тела» фигурки, до её уширения, наклонена от вертикальной оси в правую сторону на 12 градусов. При такой форме «тела» центр тяжести фигурки смещён вверх, и она бы не могла находиться в вертикальном положении, однако, за счёт миниатюрных ног-опор и широкой задней части скульптура приобрела хорошую устойчивость. Поверхность фигуры – шероховатая. Вес составляет 97 гр.

Рядом с фигуркой находилась плоская галька треугольной формы с отколотым низом и тупой вершиной. Размеры: высота и ширина порядка 55 мм, наибольшая толщина у основания конуса – 19 мм. Цвет светло-коричневый с тонкими как волос сгруппированными в полосы прожилками тёмно-коричневого цвета. Через центр гальки в продольном направлении проходит почти с равными промежутками три таких полосы. В верхней конической части они прикрыты светлым серовато-зелёным налётом, менее прочным, чем материал гальки. Контур из налёта отдалённо напоминает голову человека, развёрнутую слегка влево и вниз, и на ней – четыре небольшие разной формы участочка без налёта. Два в виде точек – напоминают глаза, ниже обозначенный скобообразной линией (выпуклой частью вверх) – напоминает одновременно нос, совмещённый со ртом (не ярко выражены, как у ребёнка), с правой стороны – ухо. Создан лик человеком или это «фантазия природы» сказать сложно. Однако, можно предположить, что человек целенаправленно искал гальку нужной формы, увидел налёт на камне, установил, что он легко поддаётся обработке, отбил нижнюю часть гальки, наметил место нахождения частей лица и снял налёт в этих местах. В результате скола нижней части гальки, появилась опора позволяющая, с малыми усилиями, вертикально установить оставшуюся часть.

Следует отметить, что ближайшие отложения гальки находятся от менгира на расстоянии более чем в 8 км в русле реки Ниня. Вблизи от менгира не удалось найти и песчаник подобный тому, из которого было исполнена фигурка овцы.

Галька у менгира с левого берега реки Ниня плоская, треугольная, размеры: высота – 40мм, ширина – 45 мм, толщина порядка 14 мм. Цвет приглушенный светло-жёлтый с прожилками. Порода похожа на кварцит. У гальки явно выраженный скол в широкой части.

Обнаруженная фигурка животного и фигурки «изъятые» Д.А. Клеменцем, а также найденная В.К. Кулимеевой в районе Иней паары имеют заметное сходство. Особенно оно проявляется в силуэтах фигурок: в нижней его части (скобообразной формы), массивной задней части, в верхнем обводе. Кроме того, фигурки близки по размерам. Во всех случаях материалом, из которого выполнены скульптурки, служил песчаник: в виде гальки или в нашем случае кусок породы. Форма туловища изображённых животных подчёркивает их упитанность, проявляющуюся в массивном заде и загривке. Тучным был «скот» Иней тас. Найденная скульптура воспринимается как состоящая из нескольких квадратов. Нижняя часть скульптуры выглядит как плоскость в форме усечённого треугольника, выгнутого в массив «тела» фигурки. Грани фигурки слегка заовалены. Известные фигурки с Иней паары имеют плавные обводы и шлифованную поверхность. Наблюдается ярко выраженное отличие в технике исполнения скульптур.

Высока вероятность того, что найденная фигурка относится к «скоту Иней тас». Сам же менгир по наличию жертвоприношений, выполненных из камня, и очень далёкому сходству с обликом старухи – вроде бы сидящей в позе со скрещёнными ногами и сложенными на груди руками, держащими какой-то предмет, вполне укладывается в образ Иней тас. Нахождение возле менгира галек треугольной формы, принесённых, за более чем 8 км от их залегания, указывает на то, что они могут являться жертвоприношениями. Их антропоморфная форма могла восприниматься

людьми, как образы ребёнка или женский образ, а назначение – просить у святыни рождение ребёнка, здоровья для ребёнка и женщины. Отсечение у гальки нижней части с целью создания ей устойчивого положения, в позе стоя, размещение её у святыни, может рассматриваться, как испрашивание выздоровления и в определённых случаях восстановления способности ходить. Надо отметить, что обычай помещать игрушечные куклы у Иней тас сохранился до настоящего времени. Наглядный тому пример – различные фигурки, помещаемые людьми у изваяния Хуртуях тас. При этом люди произносят молитвы, обращённые к изваянию с просьбой о восстановлении здоровья, рождения ребёнка.

Найденные у двух менгиров гальки вызывают ассоциативное сходство с известными, гравированными гальками из Торжака.⁵

В определённой мере они схожи по материалу, форме гальки, цветовой гамме, характерному сколу, возможно созданному лику на одной из найденных галек, отнесённых Д.Г. Савиновым к Группе 1.⁶ В тоже время существенным отличием является отсутствие гравировки у обнаруженных галек.

Совпадает и назначение галек, найденных у менгиров, и галек из Торжака. Д.Г. Савинов отмечает: – «Всё свидетельствует о том, что изготовление галек с изображением являлось частью каких-то ритуальных действий, и период их функционирования определялся временем проведения соответствующих обрядов».⁷

Наглядным подтверждением широкого распространения культа Иней тас служит наличие большого количества менгиров носящих название Иней тас и их близкое нахождение. Так расстояние между Иней пары, менгиром с ручья Тостыг-чул и менгирами с левого берега реки Ниня составляет около 40 км и 50 км соответственно, а горой Иней тас (левый берег реки Ниня) порядка 45,5 км. Между двумя рассматриваемыми менгирами расстояние около 10 км. От менгира, расположенного на левом берегу реки Ниня, до горы Иней тас расстояние составляет 3,6 км. В нишах этой горы находились изваяние Хыргыс иней тас и скульптура «Медведя»⁸ (сейчас находится в МКМ, инвентарные номера №39, №60), а на расстоянии около 1 км от первого когда-то было изваяние Иней тас (находится в ХКМиК).

Обнаруженная фигурка животного и гальки с «антропоморфными формами» являются жертвоприношением. Изваяния, у которых они найдены по многим признакам можно отнести к почитаемым людьми Иней тас у которых проводились моления.

Можно утверждать о существовании у хакасов как минимум двух техник исполнения мелкой скульптуры и первичных исходных материалов используемых ими для изготовления мелкой пластики.

Нахождение галек схожих по ряду признаков с гравированными гальками Торжака позволяет выдвинуть версию наличия некой генетической связи между ними.

Проведение археологических изысканий у изваяния с ручья Тостыг чул позволило бы открыть скрываемые им тайны. На наличие их указывает сосредоточение вокруг менгира большого количество артефактов, относящихся к разным археологическим культурам (от неолита до средневековья).

2017 г.

Литература:

1. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакаско-Минусинского края. – Абакан: ХГУ им Н.Ф. Катанова, 1995. – 268 с. – С. 63.
2. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Издательство Хакаского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2003. – 260 с. – С.197.
3. Клеменц Д.А. Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение. 1884. – № 5. – С. 7-9.
4. Козьмин Н.Н. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. – Иркутск, 1916. – 27 с.

5. Кызласов Л.П. Таштыкские каменные изваяния с изображением людей. – КСИИМК, вып. 60, М-Л, 1955 г. – С.139-144.

Примечания:

¹ Ерёмин Л.В. История одной святыни // Ада чир-суу – Отечество: краеведч. Альманах. Абакан, 2013. Вып. 2. – С. 115.

² Клеменц Д.А. Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение. 1884. – № 12. – С.11.

³ Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в), Новосибирск: 1986. – С.25-26.

⁴ Августовский А.И. Святилища горы Иней тас на левобережье реки Ниня (Продолжение), Сборник материалов VI межрегиональных краеведческих чтений, посвящённых Леониду Романовичу Кызласову, 13-14 ноября 2016 г. – : Издательство «Перо», 2017. – С. 20, 25.

⁵ Савинов Д.Г. «Древнее поселение Хакасии Торгожак», С-Пб, 1996. – С.38-45.

⁶ Там же. С.39.

⁷ Там же.

⁸ Августовский А.И. Святилища горы Иней тас на левобережье реки Ниня (Продолжение), Сборник материалов VI межрегиональных краеведческих чтений, посвящённых Леониду Романовичу Кызласову, 13-14 ноября 2016 г. – М.: Издательство «Перо», 2017. – С.22.

**Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, В.М. Харевич,
О.А. Горельченкова, Е.Н. Кукса, г. Красноярск
В.А. Конохов, г. Минусинск**

**Археологические исследования в Южных районах Красноярского края:
к проблеме палеолита малых притоков Енисея**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-11-24601 е(р)

Целью разведочных работ 2017 г. в южных районах Красноярского края являлся поиск позднепалеолитических местонахождений на высоких уровнях террас долины Енисея и его притоков (Тубы, Ои, Кои, Теси, Шуши и др.). Установлено, что в результате воздействия катастрофических паводков сартанского времени, плейстоценовые отложения фрагментарно сохранились только на наиболее высоких гористых участках. Перспективными объектами изучения могут являться мезолитические (?) стоянки Казанцево I и Шалоболито I и позднепалеолитическая стоянка Притубинск I.

Учитывая большую глубину залегания позднеплейстоценовых отложений и слабую расчленённость рельефа, надо признать, что открытие новых палеолитических объектов в Южно-Минусинской котловине может иметь, преимущественно, случайный характер.

Опыт более чем полувековых исследований палеолита в зоне Красноярского водохранилища позволил выявить реперные признаки, указывающие на возможность обнаружения палеолитических стоянок по малым притокам Енисея в условиях искажённого ландшафта. Затопление поймы и нижних террас притоков, непрекращающаяся абразия береговых уступов привели к разрушению стоянок палеолита на высоких террасах и склонах речных долин. На этих уровнях обнаружены объекты позднекаргинского-раннесартанского, позднесартанского и раннеголоценового времени в заливах притоков Енисея: Дербины с Малтатом, Черёмушки, Бюзы, Ижуля, Огура, Сухашки и др. Это давало надежду экстраполировать данную ситуацию и на участки вне зоны затопления: как ниже плотины Красноярской ГЭС, так и в зоне выклинивания подпора водохранилища (реки Сыда, Туба, Шушь и Оя). Соответственно, продуктивной представляется идея заселённости высоких ярусов долин малых притоков и возможности открытия там серий археологических объектов позднеплейстоценового и раннеголоценового возраста. Тяготение наиболее поздних палеолитических стоянок к высоким уровням террас Енисея (выше 18 м) отмечал В.И. Громов.¹

Поиски стоянок позднего палеолита по правому берегу Енисея в южной части Красноярского края предпринимались неоднократно на протяжении конца XIX и всего XX в. При этом, находки невыразительных каменных предметов, датированных неолитом, были сделаны ещё И.Т. Савенковым, позже Г. Мергартом, Г.П. Сосновским, Э.Р. Рыгдылоном, П.Е. Чернявским, Н.В. Леонтьевым и др.²

В 1960-е гг., во время строительства Красноярской ГЭС, работы вдоль русла Енисея велись З.А. Абрамовой. На сегодняшний день бесспорно позднепалеолитическими в рамках афонтовской культуры являются сборы с местонахождений Потрошилово, Подсуханиха, Тагарский остров, Быстрая,³ однако, памятников с достоверно установленным позднепалеолитическим культурным слоем обнаружено не было.

В конце 1980-х годов на юге Красноярского края начались работы по паспортизации памятников археологии по правым притокам Енисея.⁴ На фоне немногочисленных сборов недатируемых каменных артефактов в осыпях логов в долинах рек Сыды и Тубы (окрестности пос. Краснотуранск, дер. Усть-Шушь, дер. Ильинка и др.), единственным достоверно палеолитическим памятником стала стоянка у дер. Притубинск I, открытая в 1988 г. А.А. Бокаревым и А.А. Смирновым и частично исследованная в 1989 г. А.А. Бокаревым и А.Л. Заикой.

В том же 1988 году А.Л. Заикой было открыто местонахождение Казанцево I по правому берегу р. Ои, небольшие раскопки которого были проведены в 1993 г.⁵ Значительно позднее, в 2016 г., при проведении спасательных работ в зоне строительства моста через Ою, было открыто поселение Казанцево II.⁶ Оба памятника были датированы ранним голоценом.

Летом 2017 года совместным отрядом ИАЭТ СО РАН и КГПУ им. В.П. Астафьева были проведены разведочные работы в долинах рек Ои, Кои, Шуши, Тубы (территория Краснотуранского, Курагинского, Минусинского и Шушенского районов Красноярского края), выполнены осмотры обнажений и выдувов в более чем 40 пунктах, заложено 23 шурфа и два разведочных раскопа.

В долинах рр. Ои, Кои, Лугавки с их притоками стабильно прослеживается однообразная стратиграфическая ситуация: дюнный покров, подстилаемый пойменным аллювием и коренными породами. Маломощные лессовидные плейстоценовые отложения отмечены только на «горах» – высоких скальных выходах девонского песчаника. Кости плейстоценовых животных нами не зафиксированы, информация о случайных находках, сделанных местными жителями, отсутствует. Единственной фаунистической находкой в слое лессовидной супеси стала целая первая фаланга *Cervus elaphus* (определение А.М. Клементьева) в районе стоянки Казанцево I. Можно предполагать, что высокие паводки р. Ои уничтожили более древние отложения, оставив их только в виде плотно задернованных участков на вершинах сильно выступающих скальных массивов.

Южнее р. Ои, в зоне малых правых притоков Енисея, плейстоценовые отложения в виде желтоватых пористых лессовидных супесей также зафиксированы только на высоких уровнях рельефа. В шурфах, заложенных у дер. Иджа и с. Субботино на отметках 380-400 м, мощность голоценовых отложений достигала 1,5-1,9 метров. Единственным свидетельством присутствия палеолита в этом районе является крупный ретушированный отщеп из мелкозернистого кварцита, снятый с большого нуклеуса с широким плоским фронтом и галечной ударной площадкой. Ретушь – от крутой до пологой – располагается по большей части периметра изделия. Предмет был найден на глубине 2,5 м при рытье погребка местным жителем. Район находки («Четвёртые дачи» у пос. Шушенское) располагается на отметке 280 м, что соответствует верхней пойме р. Енисей, в 5-7 м выше современного русла р. Шушь.

Близкая ситуация и в долине среднего течения р. Тубы. Позднеплейстоценовые отложения, в том числе лессовидные супеси, присутствуют на отдельных высоких участках, нередко на сходных гипсометрических уровнях (380-360 м) с пойменными отложениями (район дер. Ильинки). Отдельные находки крупной плейстоценовой фауны (бизон) известны в окрестностях сел Притубинск и Тесь, но достоверные палеолитические артефакты вместе с ними не обнаружены.

Единственным палеолитическим памятником Тубы остается стоянка Притубинск I,

расположенная на юго-восточной окраине пос. Притубинск на широкой террасовидной площадке (263-268 м по БС), спускающейся в северном направлении непосредственно к пойме Тесинской протоки р. Тубы. Превышение над поймой достигает 15-18 метров. Притыловой шов не выражен, покровные отложения эолово-делювиального генезиса перекрывают пойменный аллювий р. Туба, залегающий на скальном цоколе. С востока участок отделён от горы. Пещера глубоким логом Сосновый, который наследует разлому коренных отложений девонского песчаника.

Работы производились на двух участках, расположенных в 11 м друг от друга.

На южном участке (14 кв. м) непосредственно под дёрном, в серых супесях, содержится археологический материал поселения раннего железного века – средневековья (культурный слой I). На поверхности террасы выявлены 12 жилищных западин и каменные обкладки погребений.

В толще нижележащего слоя лёссовидных палево-серых супесей, на глубине около 80 и 120 см, зафиксировано два уровня залегания археологического материала палеолитического облика (II, III к.с.), нижний из которых маркируется отдельными линзами и рассеянными прослоями древесного угля.

Нижний (III) культурный слой, содержащий немногочисленные каменные предметы, целые и расколотые кости и рога *Rangifer tarandus*, *Capreolus pygargus* (?), зуб *Equus ferus* и крупный фрагмент позвоночника *Ovis/Capra* из семи позвонков выявлен на глубине 120-140 см. К верхнему (II) культурному слою отнесены обнаруженные в 40-60 см выше отдельные фрагменты костей и обломок пластины.

Непосредственно в нижнем культурном слое найдены концевой скребок с резцовым сколом, нанесённым с поперечного разлома орудия, боковой резец на массивной пластине и срединный резец на отщепе, заготовка крупного клиновидного нуклеуса, фрагменты пластин (9 экз.), отщепы и сколы (24 экз.).

Уникальной находкой является «мешочек» с каменными орудиями из микрокварцита. Десять предметов уложены плотно попарно в горизонтальном положении. Позже край «мешочка» был задет кротовиной, вследствие чего две нижние пары орудий сместились вниз. Комплекс предметов составляют пять концевых скребков на пластинах (два обломанных в зоне рукоятки), продольный обломок ножевидного орудия, массивный резец на односторонне обработанной заготовке, обломок крупного отщепа с краевой ретушью и два крупных отщепа с ровным прямым краем без визуальных следов сработанности.⁷

На северном участке (6 кв.м.) вскрыт фрагмент культурного слоя на крутом склоне. Культурный слой залегает непосредственно под тонким слоем дёрна в серых лёссовидных супесях, аналогичных г.с. 3 на участке 1. Вышележащая толща, видимо, денудирована склоновым смывом. Выявлен фрагмент очажного пятна диаметром 50 см с зольным заполнением и красноватым прокалом. Бесформенные обломки песчаника расположены за пределами пятна. На вскрытом участке собрано до 150 средних и мелких фрагментов расколотых рогов, рёбер и трубчатых костей *Capreolus pygargus* (?), *Rangifer tarandus* и *Ovis/Capra* (?). Найден фрагмент рога северного оленя с выбранной внутренней рыхлой тканью.

Коллекция каменного инвентаря насчитывает 400 предметов, в том числе клиновидные микронуклеусы (5 экз.), аморфный нуклеус на крупной гальке, чоппер-струг, концевые скребки на небольших отщепах (2 экз.), резцы на массивных сколах, в том числе с дополнительной подработкой (2 экз.), крупный первичный скол с мелкой краевой ретушью, обломки и заготовки изделий (14 экз.) Многочисленны целые и фрагментированные микропластины (38 экз.) и пластины (34 экз.). Среди сколов и отщепов (339 экз.) абсолютно преобладают чешуйки.

Безоговорочно соотнести фрагмент культурного слоя, выявленный на северном участке, с одним из культурных слоёв южного участка, невозможно главным образом из-за неинформативности верхнего (II) слоя.

В целом, стоянка Притубинск I располагает выразительной и достаточно представительной коллекцией каменного инвентаря, включающей скребки, резцы, в том числе комбинированные формы, ножевидные орудия, клиновидные нуклеусы и микронуклеусы, что позволяет отнести

стоянку к кокоревской археологической культуре. Об относительно позднем возрасте Притубинска I свидетельствуют находки костей косули. Достоверных же хронологических реперов, позволяющих датировать комплекс исключительно по каменному инвентарю, для каменной индустрии кокоревской культуры не установлено. В качестве относительно поздних элементов могут быть интерпретированы один из микронуклеусов и специфический набор резцов, включающий «атипичные» формы [16] – на разнообразных сколах, обломках орудий.

На сегодняшний день позднепалеолитическая стоянка Притубинск I – единственный памятник, расположенный в среднем течении крупного притока Енисея и единственное свидетельство того, что кокоревцы проникали далеко на восток от установленного исследованиями ареала – долины Среднего Енисея.

Таким образом, территория Южно-Минусинской впадины в позднем плейстоцене, безусловно, была заселена человеком, о чём свидетельствует стоянка Притубинск I и единичная находка из «Четвёртых дач». Однако неоднократные катастрофические паводки в конце плейстоцена, реальность которых представляется доказанной, привели к формированию «мощной толщи песчаных отложений субаквального характера, в том числе и на высоких гипсометрических уровнях»,⁸ уничтожив абсолютное большинство поселений человека и мест гибели плейстоценовых животных. Соответственно, экстраполировать ситуацию с памятниками палеолита на высоких уровнях в зоне Красноярского водохранилища на ситуацию в Южно-Минусинской впадине бесперспективно: в то время как максимальная высота уровня воды в Красноярском водохранилище составляет 242 м, высота плейстоценовых паводков на юге достигала 350 метров. Учитывая большую глубину залегания позднеплейстоценовых отложений и слабую расчленённость рельефа, надо признать, что открытие новых палеолитических объектов в Южно-Минусинской впадине может иметь, преимущественно, случайный характер. В то же время, если памятники палеолита в большинстве своём уничтожены, то памятники мезолита (?) могли сохраниться в более широком диапазоне высот.

2017 г.

Примечания:

¹ Громов В.И. К вопросу о возрасте сибирского палеолита // Доклады АН СССР. 1928. №10.

² Савенков И.Т. Каменный век в Минусинском крае. – Москва, 1896, 87 с.; Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия, М., Наука, 1986. – 296 с. – С. 38-58; Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л., 1991. – 158 с.

³ Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л., 1991. – 158 с.; Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. Труды ИИМК РАН, том II – С-Пб, 2000. – 230 с.

⁴ Томилова Е.А., Стасюк И.В., Сидоренко В.В., Макулов В.И. Исследования в Минусинском, Краснотуранском и Курагинском районах Красноярского края // Археологические открытия 1995 года – М.: Наука, 1996. – С.371-372; Томилова Е.А., Стасюк И.В., Дроздов Н.И., Макулов В.И., Заика А.Л., Акимов Е.В., Сидоренко В.В. Исследования в Новосёловском и Краснотуранском районах Красноярского края // Археологические открытия 1996 года. – М.: Изд-во ИА РАН, 1997. – С.364-365.; Стасюк И.В., Томилова Е.А., Сидоренко В.В. Археологические исследования в Красноярском крае (Курагинский и Новосёловский районы) // Археологические открытия 1996 года - М.: Изд-во ИА РАН, 1997. – С.353-355.; Томилова Е.А., Стасюк И.В. Работы в Краснотуранском районе Красноярского края // АО 1999 года. – М., Наука, 2001. – С.289-290; Макулов В.И., Дроздов Н.И., Томилова Е.А., Стасюк И.В., Заика А.Л., Чеха В.П. Итоги паспортизации археологических памятников Красноярского края // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвящённой 100-летию С.В. Киселёва – Минусинск, 2005. – С. 279-281.

⁵ Заика А.Л. К специфике местонахождения Казанцево-1 // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока (тезисы РАСК) – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С.16-18.

⁶ Веженко А.А. Отчёт по результатам проведения археологической разведки на участке трассы Р-257 «Енисей» в Шушенском и Ермаковском районах Красноярского края. Архив ИА РАН. 2016. – С. 34-49.

⁷ В настоящее время артефакты переданы для трасологического изучения в ИИМК РАН.

⁸ Аржанникова А.В., Аржанников С.Г., Акулова В.В., Данилова Ю.В., Данилов Б.С. О происхождении песчаных отложений в Южно-Минусинской котловине // Геология и геофизика, т. 55, №10, 2014. – С. 1495-1508.

Т.Г. Арнгольд, с. Идринское
А.Л. Заика, г. Красноярск

Археологические памятники в окрестностях с. Большой Телек

Идринский район расположен в северо-восточной части Хакасско-Минусинской котловины (Сыдо-Ербинская котловина) на границе лесостепной и таёжной зон. Главная водная артерия района – р. Сыда. В силу значительной удалённости района археологические исследования на его территории начались только в 20-х гг. XX века Г. Мергартом. В 1930-40 годы на территории района проводили разведки В.П. Левашова и В.А. Зырянов.

Археологические памятники в окрестностях с. Большой Телек обследовались в 1991 г. и 1996 г. археологическим отрядом Красноярского Центра по охране памятников под руководством В.Г. Буторина и А.Ю. Тарасова.¹ В окрестностях было зафиксировано 6 одиночных курганов (Большой Телек ОК-1-6), 6 курганных могильников (Большой Телек МК-1-6) и одно поселение (Большой Телек Поселение-1). Одиночный курган – 7, 8 впервые обследован в 2004 г. Отрядом по паспортизации памятников археологии ООО «Свод» под руководством А.Ю. Тарасова.² На памятнике проведена топографическая съёмка местности с определением географических координат, фотофиксация, определено техническое состояние.

Большой Телек. Поселение-1 расположено в 1,5 км ЗЮЗ с. Большой Телек, в низине, образованной руслом р. Большой Телек на овальном в плане останце правого берега. Северный, северо-восточный и северо-западный склоны останца выположены в пойму реки, покрыты луговой растительностью, южный - круто спускается к современному руслу и оканчивается обрывом высотой 1,5-2 м. С севера поселение закрыто скальными обнажениями коренного берега. На овальной в плане площадке поселения, в центральной и западной её части компактно расположены 4 жилищных западины в виде круглых в плане углублений диаметром 6-7 м и глубиной до 0,01 м. Поверхность западин задернована. В северной части поселения, на крутом склоне, дерновый слой которого нарушен прогоном скота, собран немногочисленный подъёмный материал – колотые кости коровы и барана, фрагменты тонкостенной неорнаментированной лощёной керамики. Из-за отсутствия информативных материалов памятник датируется I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Большой Телек. Одиночный курган-1 (Стела). Памятник впервые был обнаружен в 1957 г. краеведом А.Д. Гринь,³ давшей описание каменному изваянию, находившемуся в ограде кургана. На основании этого описания стела была включена Э.Б. Вадецкой в каталог каменных изваяний окуневской культуры под № 18.⁴ В 1991 г. памятник дважды обследовался археологическим отрядом Красноярского Центра по охране памятников и в 1993 г. отрядом по паспортизации памятников археологии Красноярского края Красноярского государственного педагогического университета. Одиночный курган-I расположен в 1 км ЮВ с. Большой Телек, в 1 км южнее р. Большой Телек на высоте 20 м от сентябрьского (1995 г.) уреза воды. Памятник находится на северном, распахиваемом пологом склоне безымянной возвышенности. В 0,5 км ВСВ кургана расположен могильник курганный Большой Телек-I. Курган представляет собой округлую в плане, куполообразную, задернованную насыпь диаметром 39 м, высотой 1,5 м. На поверхности насыпи прослеживаются следы квадратной в плане ограды размерами 32 м x 32 м, ориентированную сторонами по линиям С-Ю, З-В и разворотом в 15° против часовой стрелки. Ограда состоит из вертикально вкопанных угловых и простеночных камней высотой от 0,3 м до 1 метра. В центре насыпи фиксируются следы грабительской ямы в виде воронки с оплывшими краями диаметром 10 м и глубиной 1,4 метра.

В качестве СВ углового камня ограды создателями кургана использован обломок стелы окуневской культуры (видимые размеры 1,1 м x 0,65 м x 0,35 м). Личина выделена на узкой грани плиты, имеет яйцевидную форму. Показаны 3 глаза, поперечные полосы под глазами и ноздрями, «бычьи рога», сохранилась нижняя часть отходящего вверх вертикального отростка.⁵ Все линии выполнены выбивкой с последующей шлифовкой.

Большой Телек. Одиночный курган-2 расположен в 2 км к ЮЗ от с. Большой Телек и 3,5 км южнее р. Большой Телек на высоте 130 м от сентябрьского уреза воды. Памятник находится на вершине безымянной возвышенности, имеющей крутой северный и пологий южный склоны (южный склон распахивается). В 1 км к ССЗ от одиночного кургана-2 расположен могильник курганный Большой Телек-3. Курган представляет собой округлую в плане, куполообразную, уплощённую задернованную земляную насыпь диаметром 32 м и высотой 1,5 м. На поверхности насыпи прослеживаются следы квадратной в плане каменной ограды размерами 16 м x 16 м, ориентированной сторонами по линиям СЗ – ЮВ и ЮЗ – СВ.

Большой Телек. Одиночный курган-3 расположен в 2 км севернее с. Большой Телек и р. Большой Телек на высоте 90 м от сентябрьского уреза воды. Памятник находится на юго-западном склоне безымянной возвышенности, полого спускающейся к р. Большой Телек. В 2 км северо-западнее кургана расположен одиночный курган Большой Телек-4.

Курган представляет собой округлую в плане, куполообразную, уплощенную задернованную насыпь диаметром 35 м и высотой 2 метра. На поверхности насыпи прослеживаются следы квадратной в плане каменной ограды размерами 25 м x 25 м, ориентированной сторонами по линиям ССЗ-ЮЮВ и ЮЮЗ-ССВ. Ограда состоит из вертикально вкопанных угловых и простеночных камней высотой от 0,5 до 2 метров. С северо-восточной стороны курганная насыпь подрезана выборкой грунта, размываемой склоновыми процессами, в центре насыпи фиксируется след от грабительской ямы в виде воронки диаметром 8 м и глубиной до 2 м с оплывшими краями. Угловые и простеночные плиты ССЗ-ВСВ сторон ограды утрачены.

Большой Телек. Одиночный курган-4 находится в 4,3 км севернее с. Большой Телек на высоте 100 м от июньского уровня воды. Памятник находится на распахиваемой пологой вершине безымянной возвышенности на небольшом всхолмлении между двумя лесополосами. В 0,2 км южнее кургана проходит полевая дорога, ведущая на а/д Б. Телек–Идринское, в 2,3 км юго-юго-восточнее кургана расположен одиночный курган Большой Телек-3. Курган представляет собой округлую в плане, куполообразную, уплощенную земляную насыпь диаметром 20 м и высотой 0,7 м. Курганная насыпь распахивается.

Большой Телек. Одиночный курган-5 расположен в 2,3 км севернее с. Большой Телек и р. Большой Телек на высоте 100 м от июньского уровня воды. Памятник находится на распахиваемой пологой вершине безымянной возвышенности в 0,3 км западнее а/д Б. Телек – Идринское. В 0,08 км западнее кургана проходит лесополоса, в 0,17 км восточнее-северо-восточнее расположен могильник курганный Большой Телек-5.

Курган представляет собой округлую в плане, куполообразную, уплощенную задернованную земляную насыпь диаметром 26 м и высотой 2,3 м. На поверхности насыпи прослеживается северо-западная и юго-западная стенки квадратной в плане каменной ограды размерами 17 м x 17 м, ориентированной сторонами по линиям СЗ – ЮВ и СВ – ЮЗ. Ограда состоит из вертикально вкопанных угловых и простеночных камней высотой от 0,3 м до 1 м. Курган опахивается, в центре насыпи фиксируются следы 2-х грабительских ям в виде воронок с оплывшими краями, диаметром 4 м и 2 м, глубиной 2 м и 1 м соответственно.

Большой Телек. Одиночный курган-6 расположен в 3,1 км юго-западнее с. Большой Телек и в 3,5 км южнее р. Большой Телек на высоте 90 м от июньского уровня воды. Памятник находится на распахиваемом пологом восточном склоне безымянной возвышенности в 0,07 км северо-западнее а/д Б. Телек–Теплый Ключ. В 0,15 км юго-восточнее кургана расположен могильник курганный Большой Телек-4.

Курган представляет собой округлую в плане, куполообразную, уплощенную задернованную земляную насыпь диаметром 22 м и высотой 2 метра. На поверхности насыпи прослеживаются юго-западная и юго-восточная стенки квадратной в плане каменной ограды размерами 18 м x 14 м, ориентированной сторонами по линиям СЗ – ЮВ и СВ – ЮЗ. Ограда состоит из вертикально вкопанных угловых и простеночных камней высотой от 0,3 м до 1 метра. Курган опахивается, в

центре насыпи фиксируются следы 2-х грабительских ям в виде воронок с оплывшими краями, диаметром 2 м и 5 м, глубиной 0,6 м и 2,2 м соответственно.

Большой Телек. Одиночный курган-7 находится в 3,67 км к СВ от с. Большой Телек, в 1,7 км севернее р. Большой Телек на высоте 80 м от июньского уровня воды. Курган представляет собой овальную в плане, куполообразную, уплощенную задернованную земляную насыпь диаметром 26 м x 11 м и высотой до 2,0 м, расположенную на распахиваемой вершине водораздела р. Сыда и р. Большой Телек. В 1,69 км расположено Поселение Большой Телек-1.

На поверхности насыпи прослеживаются остатки ограды, состоящей из 3-х вертикально вкопанных угловых и простеночных камней высотой до 1,5 м. Полы насыпи кургана подрезаны распашкой. В центре насыпи свежая грабительская яма в виде канавы с крутыми бортами размерами 6 м x 2 м, глубиной до 1 метра.

Большой Телек. Одиночный курган-8 расположен в 5,4 км севернее с. Большой Телек, в 3 км к СВ от р. Большой Телек на высоте 50 м от июньского уровня воды. Курган представляет собой округлую в плане, куполообразную, уплощенную задернованную земляную насыпь диаметром 22 м, высотой до 1,8 м, расположенную на распахиваемом западном склоне сопки Варламовская. На поверхности насыпи прослеживается квадратная в плане ограда размерами 10 x 10 м, ориентированная по оси ССЗ – ЮЮВ. Ограда состоит из вертикально вкопанных угловых и простеночных камней высотой до 1,0 м. Полы насыпи кургана подрезаны распашкой. На поверхности насыпи фиксируется задернованное западение в виде воронки с оплывшими краями диаметром 3 м, глубиной до 1,0 метра.

Большой Телек. Могильник курганный-1 находится в 1,5 км восточнее с. Большой Телек, в 0,5 км южнее р. Большой Телек на высоте 25-30 м от сентябрьского уреза воды. В 0,5 км к ЗЮЗ от могильника находится одиночный курган Большой Телек.

Восемь курганов расположены цепью с ЮЮЗ на ССВ, находится на распахиваемой подошве безымянной возвышенности, С запада на восток могильник пересекает автодорога, ведущая в с. Большой Телек. Расстояние между курганами 15-30 м. Курганные насыпи земляные, округлой в плане формы. На поверхности насыпей курганов № 1, 3, 5-8 видны камни могильных оград, ориентированных сторонами по линиям ЮЮЗ-ССВ и ВСВ-ЗЮЗ. Высота кургана 1 м, диаметр 16 м.

Насыпи курганов № 1-4 задернованы, насыпи курганов № 5-8 распахиваются, насыпь кургана № 2 подрезана грунтовой дорогой, на поверхности курганной насыпи № 4 видны следы грабительской ямы в виде воронки с оплывшими краями диаметром 7 м и глубиной до 0,2 метра.

Большой Телек. Могильник курганный-2 расположен в 0,1 км к ЮВ от с. Большой Телек и в 1 км южнее р. Большой Телек на высоте 25-30 м от июньского уровня воды. Могильник состоит из 14-и округлых в плане, куполообразных, уплощенных земляных насыпей, расположенных без видимой системы (расстояние между курганами 16-98 м) на распахиваемом пологом северо-восточном склоне безымянной возвышенности, С юго-востока на северо-запад территорию могильника пересекает грунтовая дорога и линия ЛЭП. В 0,15 км северо-восточнее могильника расположен могильник курганный Большой Телек-6.

Насыпи курганов № 6,9-14 задернованы, опахируются, насыпи курганов № 1,7 распахиваются. В насыпи кургана № 2 фиксируются следы 2-х грабительских ям. В юго-западной части насыпи кургана № 1 – яма диаметром 4 м и глубиной 0,2 м. В центре насыпи кургана № 14 – яма диаметром 5 м и глубиной 0,4 метра.

Большой Телек. Могильник курганный-4 расположен в 3 км юго-западнее с. Большой Телек и в 3,5 км южнее р. Большой Телек на высоте 90 м от июньского уровня воды. Выявлены 4 округлые в плане, куполообразные насыпи с уплощенной вершиной, расположенные цепью с севера на юг (расстояние между насыпями 10-60 м). Находятся они на распахиваемом пологом западном склоне безымянной возвышенности в 0,06 км восточнее а/д Б.Телек–Теплый Ключ. В 1 км к ВЮВ от могильника расположен одиночный курган Большой Телек-2, в 0,15 км к СЗ – одиночный курган Большой Телек-6. На поверхности насыпей курганов видны камни могильных оград, ориентированных сторонами по линиям СЗ – ЮВ и ЮЗ – СВ. Курганы опахируются. В насыпи кургана № 1

фиксируются следы двух грабительских ям в виде воронок с оплывшими краями. В центре насыпи кургана № 2 – грабительская яма диаметром 3,5 м и глубиной 0,5 метра.

Большой Телек. Могильник курганный-5 находится в 2,5 км севернее с. Большой Телек и р. Большой Телек, на высоте 100 м от июньского уровня воды. Могильник, состоящий из 3-х округлых в плане, куполообразных, уплощенных земляных насыпей, образующих треугольник (расстояние между насыпями 60-70 м), находится на распахиваемой пологой вершине безымянной возвышенности в 0,09 км западнее а/д Большой Телек-Идринское.

В 0,17 км к ЗСС от могильника расположен одиночный курган Большой Телек-5. На поверхности насыпей курганов № 1, 3 видны камни могильных оград, ориентированных сторонами по линиям север-юг и запад-восток. Размеры насыпей: курган № 1 – диаметр 20 м, высота 2,2 м, курган № 2 – диаметр 25 м, высота 0,4 м, курган № 3 – диаметр 18 м, высота 1,5 м. Насыпи курганов № 1, 3 задернованы, опахиваются, насыпь кургана № 2 распахивается.

Большой Телек. Могильник курганный-6 расположен на юго-восточной окраине с. Большой Телек, у юго-западного угла ограждения пилорамы в 1 км южнее р. Большой Телек, на высоте 20 м от июньского уровня воды. Могильник состоит из 3-х округлых в плане, уплощенных земляных насыпей, расположенных цепью с ССЗ на ЮЮВ с обнаженными камнями кладок надмогильных сооружений. Расстояние между курганами 35-80 м. Размеры насыпей: курган № 1 – диаметр 11 м, высота 0,2 м, курган № 2 – диаметр 20 м, высота 0,4 м, курган № 3 диаметр 18 м, высота 0,4 м.

По внешним признакам памятники археологии относятся к тагарской культуре (VII-II вв. до н.э.). Стела датируется окуневской культурой (I пол. II тыс. л. – 13 в. до н.э.). Археологические памятники представляют интерес как погребальные памятники эпохи раннего железного века подтаёжной зоны юга Красноярского края. Поселение представляет интерес как хорошо сохранившийся комплекс эпохи железного века – средневековья, позволяющий реконструировать среду обитания кочевников подтаёжной зоны юга Красноярского края. Современное состояние памятников неудовлетворительное: курганы опахиваются, имеются следы грабительских ям. Все они нуждаются в реальной государственной охране.

2017 г.

Примечания:

¹ Буторин В.Г. Отчёт в ОПИ за 1991 г. // Архив ИА РАН. Р – I; Тарасов А.Ю. Отчёт в ОПИ за 1996 г. // Архив ИА РАН. Р – I.

² Тарасов А.Ю. О проведении археологических исследований в Красноярском крае в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р – I.

³ Письмо А.Д. Гринь «Находка каменного изваяния в Минусинской котловине» от 03.12.57 г. // Архив ИА РАН.

⁴ Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры / Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Ленинград: «Наука», 1980. – С. 86, табл. XLVI.

⁵ Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, Хакасское книжное издательство, 2006. – С.86, рис.30; Наскальное искусство Среднего Енисея / Аннинский Е.С., Заика А.Л., Ампилогов Б.А. Баранов М.В., Злота Ю.В., Коган К.А., Пургин В.А. – Железногорск: Изд-во «Платина». – 2007. – С. 198-199, рис. 186.

**А.Л. Заика, Т.К. Ермаков, А.В.Образцова, А.Ю. Халтаева, А.С. Вдовин,
С.П. Журавков, А.А. Трофимов, г. Красноярск
В.А. Конохов, г. Минусинск**

Петроглифы писаницы Берёзовой
(результаты исследований 2017 года)

Писаница Берёзовая расположена в Красноярском крае, в Курагинском районе на правом берегу р. Шушь (правобережного притока р. Туба) в 6,75 км СВ от центра д. Ильинка, в 2 км к ЮЗ от юго-западной окраины с. Шалоболоино, в верхней части восточного обрывистого, сложенного красным девонским песчаником склона горы Берёзовая.

Писаница была открыта в 1977 г. в ходе экспедиции КемГУ под руководством Б.Н. Пяткина и В.Ф. Капелько. Было выявлено 15 плоскостей, расположенных в центральной и южной частях писаницы. Эти плоскости были частично скопированы на папиросную, микалентную бумагу и другие копируемые материалы.¹

В начале 2000-х годов во время работ по паспортизации памятников археологии было выявлено ещё семь плоскостей в северной части писаницы. Данный объект получил имя «Ильинка. Петроглифы-3».² В ходе работ в июле-августе 2015 г. археологическим отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева выявили ещё 15 плоскостей с рисунками. Петроглифы были обнаружены на четырёх ярусах скальных обнажений в различных частях памятника, преимущественно в северной, южной и центральной частях скального массива. Копировка петроглифов была произведена на верхнем ярусе центральной части писаницы.³

В ходе работ, проведённых в 2016 году совместной экспедицией КГПУ им. В.П. Астафьева и ООО «Красноярская геоархеология», было выявлено 27 плоскостей верхнего яруса, определены границы памятника, произведена фотофиксация и топопривязка к местности зафиксированных петроглифов.

В 2017 году во время археологической практики исторического факультета КГПУ была уточнена известная информация, проведена фотофиксация, топосъёмка и копировка как обнаруженных ранее плоскостей с рисунками, так и новых петроглифов.

Рисунки выполнены в разных техниках. Встречаются факты выбивки, гравировки, часть изображений выполнено путём протира.

Весьма разнообразны сюжеты петроглифов. Присутствуют батальные сцены, сцены охоты, сюжеты культового характера, композиции с участием диких животных, группы людей. На одной из плоскостей выявлена руническая надпись.

Наиболее архаичными являются изображения на плоскостях 13, 22, 26 и 27. Представленные на них изображения животных выполнены в минусинском стиле. Так, на плоскости 27 представлено контурное изображение животного, выполненное путём выбивки. Животное обращено по диагонали вправо и вверх. На спине показан небольшой горб, предшествующий массивной короткой шее, которая оканчивается натуралистично выполненной головой.

Большинство изображений соответствуют тагарскому периоду (пл. 1, пл. 2, пл. 3, пл. 4, пл. 14, пл. 20, пл. 25). Среди них встречаются как сцены с участием людей (включая и батальные), так и с участием животных, выполненных в позе внезапной остановки. Все они выполнены в технике выбивки.

Наиболее интересна среди них плоскость 4, которая делится на два участка – 4а и 4б. На плоскости 4а представлена композиция с участием трёх копытных животных (лошади), показанных в позе внезапной остановки. Выполнены рисунки в технике выбивки. В нижней и верхней части центра плоскости нанесены многочисленные точечные удары ромбовидной формы.

Плоскость 4б расположена на 0,3 м выше плоскости 4а. В правом верхнем углу плоскости многочисленные гравированные линии. Обрисованный ими контур напоминает голову животного с развилкой рогов/ушей. В нижней части плоскости представлен фрагмент животного. Сохранилась передняя часть туловища с высоко поднятой шеей, голова животного показана с широко открытым ртом.

На плоскостях 8, 9, 18 и 23 представлены гравированные изображения преимущественно таштыкского времени. Среди них выделяются сцены с участием вооруженных людей (батальные сюжеты и охота), лошадей в позе летящего галопа и хищников (изображение медведя). В одной из композиций присутствует фронтальное изображение хищной птицы.

Наиболее поздними являются средневековые изображения на плоскостях 15, 16 и 17. А также изображение шаманов (плоскость 9е), которое может быть отнесено к этнографической современности.

Таким образом, скальные обнажения на горе Берёзовая использовались уже в неолитический период в качестве места для эпизодического творчества на северном участке писаницы. Затем

данный объект начал приобретать культовое значение для представителей тагарской культуры и в этом качестве стал популярным для носителей таштыкской изобразительной традиции. Центральным местом, видимо, для культовых действий, связанных с нанесением петроглифов, являлась искусственно отбортованная вертикальными плитами площадка в подножии протяжённого (около 10 м) скального фриза, где сосредоточены тагарские и таштыкские петроглифы (плоскости 9а,б,в,г,д,е,ж). Позднее объект, практически, не использовался и постепенно, по всей видимости, утратил своё культовое значение. Определённую ясность может внести расшифровка ранее не известной рунической надписи. Примечательно, что изображения, которые с полной уверенностью можно соотнести с культурами эпохи бронзы, на писанице пока не определены.

К сожалению, не все плоскости с рисунками, известные по дневниковым записям В.Ф. Капелько и Б.Н. Пяткина, к настоящему времени выявлены на территории памятника. Соответственно, дальнейшие исследования петроглифов на горе Берёзовой будут продолжены.

2017 г.

Примечания:

¹ Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., Капелько В.Ф. Археологическая экспедиция КГУ в 1977 г. Хакасский (Красноярский) отряд. Материалы разведок // Архив МАЭС КемГУ. – д. 780б.

² Заика А.Л., Дроздов Н.И., Стасюк И.В. Итоги разведочных работ на правом берегу Енисея // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 313-315.

³ Заика А.Л., Вдовин А.С., Конохов В.А., Стасюк И.В., Ключников Т.А. Результаты исследования объектов историко-культурного наследия на юге Красноярского края в 2015 г. // Сборник докладов и сообщений «Мартьяновские краеведческие чтения». Вып. IX. – Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартянова, 2016а. – С. 117-119.; Заика А.Л., Вдовин А.С., Советова О.С. Памятники наскального искусства на юге Красноярского края. Вопросы музеефикации. – Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2016б. – С. 151-156.

**А.Л. Заика, А.В. Образцова, А.Ю. Халтаева, Т.К. Ермаков, А.С. Вдовин,
С.П. Журавков, А.А. Трофимов, В.А. Артамонова, М.А. Муршидова, г. Красноярск
Т.А. Ключников, В.А. Конохов, г. Минусинск**

Енисейская писаница

(результаты исследований 2017 года)

Хакасско-Минусинская котловина чрезвычайно насыщена памятниками древнего наскального искусства. Несмотря на длительную историю их изучения, ряд объектов стали известны для науки сравнительно недавно. Исследования, например, Енисейской писаницы начинаются только с 70-х гг. XX века. Первым, кто обследовал данные петроглифы, был Н.В. Леонтьев (1974, 1977, 1980 гг.),¹ затем – И.Д. Русакова (1990, 2004 гг.).² Плоскости эпохи поздней бронзы изучались в 2006 г. О.В. Ковалёвой.³ В августе 2016 году была организована совместная экспедиция сотрудников КГПУ им. В.П. Астафьева и МРКМ им. Мартянова с целью сбора данных для постановки на учёт данного памятника археологического наследия. Были определены границы объекта, проведена индексация и выборочная фотосъёмка наскальных рисунков. В июле 2017 г. археологическим отрядом КГПУ им. Астафьева были произведены работы по фото – и топосъёмке, копировке петроглифов на всей площади памятника.

Енисейская писаница находится в Минусинском районе Красноярского края в долине р. Иня (левый приток р. Тубы), в 1,5 км к северо-востоку от с. Прихолмье и в 5 км к юго-западу от с. Тесь. Петроглифы находятся на южном склоне горы (абсолютная высота 550 м), сложенной девонскими песчаниками, на верхнем ярусе скальных обнажений, на высоте 50 м от подножия. «Юго-западные склоны горы разрушены во время каменоломных работ 1930-х г., в результате чего, вероятно, была уничтожена часть рисунков».⁴

Петроглифы встречаются на протяжении 0,4 км, зафиксированы на 56 плоскостях и террито-

риально дифференцируются на 2 участках: Енисейская писаница I (46 плоскостей) и Енисейская писаница II (10 плоскостей). Петроглифы на участке Енисейская писаница II расположены на двух ярусах. Практически все плоскости с наскальными рисунками вертикальные, кроме плоскости 7 (Енисейской писаницы II) она представляет собой упавший камень и практически горизонтальная. Основная часть рисунков выполнена в технике выбивки, реже – гравировки. Изображения в основном обращены на юг и юго-восток. В общей сложности зафиксировано 113 зооморфных изображений, 82 антропоморфных фигур, 16 всадников и 71 чашевидное углубление. Петроглифы охватывают широкие хронологические рамки, начиная с эпохи неолита и заканчивая этнографической современностью и Новым временем.

К минусинскому стилю неолитической изобразительной традиции можно отнести зооморфные фигуры на 2-х плоскостях Енисейской писаницы I. В центральной части плоскости 27б изображён контурный рисунок животного с характерными особенностями: грузный корпус, слабо выраженные вертикальные конечности, маленькая голова с вытянутой вперёд мордой и несколькими точками, выбитыми в линию вдоль рёбер. Подобный силуэтный рисунок, выполненный среднеточечной выбивкой, выявлен на плоскости 36б. Голова фигуры, к сожалению, отсутствует, по причине разрушений камня.

К окуневскому культурному хронологическому горизонту относятся контурные изображения голов двух быков на плоскости 12. Упоминание о них встречается в публикации Н.В. Леонтьева.⁵ К окуневскому этапу можно отнести 71 чашевидные лунки, глубиной до 1 см, которые сконцентрированы в восточной части Енисейской писаницы I (пл. 20, пл. 40б, пл. 40д, пл. 41в).

К эпохе поздней бронзы относится ряд изображений, которые можно разделить на стилистические группы. Линейная стилистическая группа петроглифов может сочетаться в одних композициях с изображениями условно-реалистического стиля.⁶ Изображения животных, зафиксированных на плоскости 40б Енисейской писаницы I, выполнены в линейном стиле – «от ушей до хвоста» изображения сконструированы из прямых линий, длинные прямые ноги с копытами-«шариками», маленькие уши, «сухая» голова на длинной шее. Зооморфные изображения на плоскостях 19а, 36б, 46, 40б Енисейской писаницы I имеют характерные для условно-реалистического стиля особенности – прогиб спины, выступ в районе лопатки (холка). Карасукский этап формирования изобразительной традиции эпохи поздней бронзы можно зафиксировать на плоскости 4а Енисейской писаницы II. На ней изображён силуэтный рисунок человека с очень широким торсом, который держит за хвост животное, выполненное в линейном стиле.

Большинство петроглифов соотносятся с эпохой раннего железного века. К изобразительной традиции тагарской культуры можно отнести ряд изображений оленей, имеющих общие отличительные черты для этого времени: поза внезапной остановки, заполнение туловища спиральями и завитками, ветвистые рога. «Но, несмотря на сходство, изображения оленей очень разные по технике выбивки, по манере исполнения, многие фигуры выглядят лишь пародией на высокохудожественные образцы скифо-сибирского звериного стиля».⁷ Помимо изображений оленей на Енисейской писанице выявлены и другие зооморфные фигуры, в том числе изображения скифских лошадей (пл. 12,23,40б).

Интересна композиция, зафиксированная на плоскости 1 (Енисейская писаница I). В левой части фриза расположены десять зооморфных фигур и один всадник. Центральное место занимают изображения двух оленей, козла (?) и, предположительно, лошади с всадником (часть фигуры отсутствует в связи с выломом скальных пород). Фигуры выполнены крупной, грубой выбивкой и обращены вправо. Все животные имеют отличительную особенность – дугообразный знак в передней части туловища, а лошадь с всадником – выделенную линию рта (узды?) и «подвязанный» хвост.

В отдельную группу можно отнести изображения оленей со специфическими чертами – животные с утолщёнными мордами и выделенной линией рта (пл. 1, 3, 5, 11, 25в Енисейской писаницы I). Некоторые енисейские изображения животных с утрированным ртом вызывают, по мнению О.С. Советовой, ассоциацию с масками-навершиями, знакомыми нам по пазырыкским материалам.⁸

Композиции с изображениями людей, относящихся к изобразительной традиции тагарской культуры, очень многообразны. Некоторые изображения представлены фантастическими образами с двумя или тремя выступами на месте головы, возможно, в своеобразных головных уборах (уши, косички?) (пл. 14 Енисейская писаница I). Подобные своеобразные наголовья (уши, косички?) зафиксированы у бегущих воинов с чеканами в руках (пл. 19в Енисейской писаницы I). Батальные сцены не единичны: на плоскости 12 Енисейской писаницы I выявлена сцена приёма захвата воином волос противника. Силуэтные фигуры всадников зафиксированы в сценах охоты на волка (пл. 27а, пл. 44).

В правой нижней части плоскости 40б Енисейской писаницы I выявлена антропоморфная фигура, датируемая средневековьем. Она перекрывает животное, в качестве головы фигуры человека автор использует одно из чашевидных углублений. Чашевидные лунки отличаются по степени загара, можно предположить, что некоторые лунки обновлялись. К средневековой изобразительной традиции также можно соотнести рисунок решётки, выполненный гравированной линией (пл. 42 Енисейской писаницы I).

К этнографической современности можно соотнести антропоморфное изображение с бубном (шаман?) (пл. 27б Енисейской писаницы I). В непосредственной близости с фигурой шамана находится ещё одно антропоморфное изображение с бубном, у которого бубен обновлён более свежей выбивкой, либо добавлен позже (пл. 27в Енисейской писаницы I). Изображение шеи и головы лошади, выполненное гравированной линией (пл. 2 Енисейской писаницы I) датируется Новым временем.

Енисейская писаница, как объект историко-культурного наследия представляет интерес не только своими культурно-хронологическими параметрами, но и чрезвычайным разнообразием изобразительного материала, что предоставляет возможность проследить различные направления в развитии искусства в тот или иной период. Например, своеобразие зооморфных изображений эпохи раннего железа может свидетельствовать о пребывании в данной местности носителей разных художественных школ на определённых этапах развития скифо-сибирского звериного стиля. Более того, Енисейская писаница, по всей видимости, являлась культовым, священным местом по ряду признаков. Нельзя не учитывать специфику сюжетов, например: священная, космическая охота и идея возрождения животных (появление дня на смену ночи).⁹ На одной из плоскостей изображён всадник с луком, несколько зооморфных изображений, в том числе олениха и её детёныш. Изображения чашевидных углублений, сконцентрированные в гроте на восточной окраине Енисейской писаницы I, могли нести культовую функцию во время проведения ритуалов, связанных с жертвоприношениями, а сам грот мог служить святилищем. Не случайны также на писанице изображения шаманов с бубнами. Культовая значимость объекта подтверждается обширными древними могильными комплексами в подножии скального массива.

Писаница требует дальнейших исследований с целью уточнения полученной информации, конкретизации культурно-хронологической атрибуции наскальных рисунков, определения характера и степени их разрушений, разработки мер по сохранению петроглифов и их музеефикации.

2017 г.

Примечания:

¹ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с. – С. 164

² Леонтьев Н.В., Русакова И.Д. Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской. – Вестник САИПИ. – 2003-2004. – Вып. 6-7. – С. 34-41.

³ Ковалёва О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 158 с. – С. 81

⁴ Леонтьев Н.В., Русакова И.Д. Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской. – Вестник САИПИ. – 2003-2004. – Вып. 6-7. – С. 34-41.

⁵ Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры – Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2006. – 236 с., рис 19. С. 37

⁶ Ковалёва О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 158 с., с. 34

⁷ Леонтьев Н.В., Русакова И.Д. Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской. – Вестник САИПИ. – 2003-2004. – Вып. 6-7. – С. 34-41.

⁸ Советова О. С. Наскальное искусство как источник по истории материальной и духовной культуры населения бассейна Среднего Енисея в эпоху раннего железного века. – Кемерово, 2007. – 440 с. – С. 164

⁹ Там же. С. 162

А.Л. Заика, В.Е. Матвеев

г. Красноярск

Новые петроглифы севера Среднего Енисея. «Дивногорский камень. Петроглиф-1»

Южная часть Среднего Енисея, охватывающая обширную территорию Минусинской котловины «от Саян и выше г. Красноярска», отличается насыщенностью археологических памятников, в том числе и петроглифов, имеет почти 300-летнюю историю научного изучения.¹ Север среднеенисейского региона, простирающийся до устья р. Ангары, напротив, не достаточно изучен, и, возможно поэтому, уступает южным территориям в количестве известных древних объектов. Соответственно, каждый новый факт открытия здесь археологического памятника наскального искусства приобретает особую актуальность, учитывая, что уже известные единичны и не отличаются масштабностью.

В сентябре 2017 года во время проведения экологической акции на правом берегу р. Енисей, в черте города Дивногорска на прибрежном валуне семьёй Колякиных (п. Солонцы) были случайно обнаружены петроглифы. С информацией о находке они обратились к сотруднику КККМ И.К. Гаврилову, который поделился ей с одним из авторов статьи. В феврале 2018 года совместно с авторами открытия был произведён первичный осмотр объекта.

Объект представляет собой валун подтреугольной в плане формы, размерами 1,45x1,3x0,52 м, сложенный метаморфическими породами. Расположен он на высоте 1,5 м от зимнего уровня воды, на покрытом смешанным лесом берегу, в 9 метрах от уреза воды. Рисунки нанесены на горизонтальной плоскости верхней уплощенной грани валуна, поверхность которого очень пориста и покрыта мхами.

В северо-западной части плоскости расположено символическое изображение в виде концентрических кругов с ямкой в центре (13,5x13,5 см). Рисунок перекрывает прерывистые линейные следы выбивки. В 24 и 34 см юго-восточнее, обнаружено чашевидное углубление и дугообразная линия (рис. 1-1). Все рисунки нанесены путём выбивки с последующей шлифовкой.

Первичный осмотр объекта показал, что петроглифы не могли быть выполнены в период исторической современности. Вместе с тем, рельефные рисунки, тем более, выполненные на отдельно лежащем камне – явление не характерное для данной местности. Ближайшие наскальные изображения были известны выше по Енисею (Бирюсинская писаница) и ниже – в 16 км от устья р. Маны (правый приток Енисея).² Но все эти рисунки фигуративного характера (зоо- и антропоморфные фигуры) и выполнены они были в другой технике: путём нанесения красящего пигмента (охра) на вертикальную плоскость скалы. Соответственно, чтобы дать на предварительном уровне версии о культурно-хронологической принадлежности выявленных петроглифов, следует обратиться к стилистическому анализу петроглифов.

Ограничив себя поиском аналогий на территории, прилегающей к Енисею и его притокам, мы можем наблюдать следующую картину. Случаи использования символики в виде концентрических кругов, встречаются нам среди археологических находок в фондах Енисейского краеведческого музея. Коллекция бронзовых изделий, состоящая из дисковидной личины, двух орнаментированных пластин, а также двух зеркал «скифского» типа поступила туда в кон. XIX – нач. XX вв., а место их обнаружения, судя по всему, можно ограничить территорией Енисейского уезда и Нижнего Приангарья.^{3,4} На интересующих нас, отлитых из бронзы крестообразных пластинах, композиционным центром выступают концентрические круги (рис. 1-2,3). Помимо знаковой символики на

изделиях изображены копытные животные с сегментовидным туловищем. Данная стилистическая особенность характерна для наскальных изображений Южной и Западной Сибири, датированных ранним железным веком.

Среди памятников наскальной живописи ближайшие аналогии известны в южной части Среднего Енисея – Минусинской котловине. Концентрические окружности, также нанесённые выбивкой с последующей шлифовкой, встречаются на камне из урочища Кизань, Ширинском камне, камне могильной ограды кургана близ пос. Борец^{5,6,7,8,9} (рис. 1-5,6,7). Часть исследователей первобытного искусства на основании анализа стилистических и сюжетных особенностей, а также прямых аналогий среди археологических материалов и отдельных элементов композиции, от-

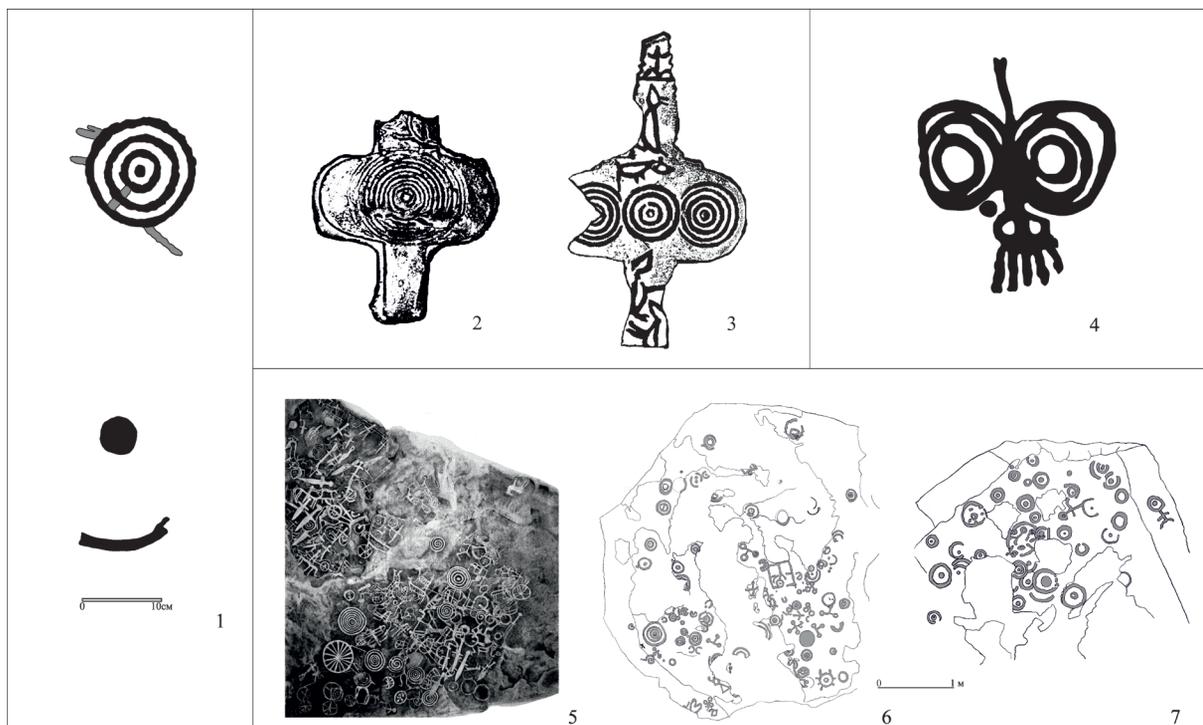

Рис. 1. Знаковая символика Среднего Енисея. 1 - Дивногорский камень. Петроглиф-1 (г. Дивногорск); 2, 3 - Изделия из бронзы (по А. Л. Заике, П. В. Ломанову); 4 - Петроглиф писаницы «Ивашкин ключ» (по А. Л. Заике); 5 - Камень урочища Кизань (по Е. С. Анненскому); 6 - Ширинский камень (по А. Л. Заике); 7 - Камень могильной ограды кургана в окрестностях п. Борце (По А. Л. Заике).

носят изображения на камне из урочища Кизань к карасукской культуре (эпоха поздней бронзы). Датировка рисунков Ширинского камня, а также камня из ограды кургана у пос. Борце, на данный момент пока остаётся дискуссионной.

Помимо вышеперечисленного, вызывает интерес антропоморфная личина «каменского типа», выполненная охрой, в оформлении которой также используются характерные концентрические круги (рис. 1-4). Датирован рисунок эпохой позднего неолита – ранней бронзы.¹⁰

Отсюда следует, что символический образ в виде концентрических кругов в древнем искусстве Среднего Енисея прослеживается на протяжении достаточно длительного периода, охватывающего неолит, бронзовый и ранний железный век. Беря во внимание различные размеры и материалы носителей рисунков, их назначение и способ нанесения изображений, безусловно, наиболее близкими к петроглифам, обнаруженным у г. Дивногорска, являются археологические памятники Минусинской котловины. Вопрос относительно датировки и культурной принадлежности, рисунков данного типа, на наш взгляд, остаётся открытым, а сам факт обнаружения новых петроглифов на хорошо изученной периферии Красноярска, открывает новые перспективы исследования наскальной живописи севера Среднего Енисея.

2017 г.

Примечания:

- ¹ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея – Л.: Изд-во «Наука», 1986. – С. 179.
- ² Заика А.Л. История исследования манских писаниц // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 2; КГПУ. – Красноярск, 2006. – С. 128-149.
- ³ Гришин Ю.С. О некоторых медно-бронзовых изделиях эпохи бронзы и раннего железного века со среднего Енисея // КСИА–вып. 184 –1984. – С. 50-52.
- ⁴ Заика А.Л., Ломанов П.В. Художественная металлопластика и петроглифы Нижнего Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. - Выпуск 4: Сборник научных трудов. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – С. 121-126.
- ⁵ Anninsky E. S., Zaika A. L., Ampilogov B. A., Baranov M. V., Zlotya U. V., Kogan K. A., Purgin V. A. Cave art of the Middle Enisey. – Zeleznogorsk, Krasnoyarsk region. Nonprofit institution “Fund “In remembrance of Reshetnev” 2007. – 224 p.
- ⁶ Заика А.Л., Коваленко Г.Д. Космическая символика петроглифов на озере Шири//Астроархеология – естественно научный инструмент познания протонауки астральных религий жречества древних культур Хакасии. Сборник науч. статей. – Красноярск: изд-во «Город», 2009. – С. 159-165.
- ⁷ Заика А.Л., Коваленко Г.Д., Журавков С.П., Березовский А.П. Знаковая символика в петроглифах на оз. Шири // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. V. –Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – С. 54-58.
- ⁸ Пяткин Б.Н. Камень с рисунками в Урочище Кизань (Гора Оглахты) // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. – С. 116-128.
- ⁹ Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности средне енисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 47-74.
- ¹⁰ Заика А.Л. Результаты исследования культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири, РАЭСК XXXIX, часть 2. – Чита, 1999. – С. 11-16.

А.Л. Заика, А.А. Трофимов, А.С. Вдовин,
г. Красноярск

Писаница Учум

(результаты исследования 2016 г.)

В 2016 году археологическим отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева были продолжены исследования писаницы Учум, начатые в 2015 году.^{1,2} Памятник находится в 2,7 км к ЮЗ от центра п. Златоруновск Ужурского района Красноярского края, в 1,8 км к СВ от восточного берега оз. Учум, на южных склонах горы Писаная.

Скала сложена девонскими песчаниками. В ходе работ были выявлены рисунки на трёх участках скалы (№ 2, 3, 4). Обнаружены новые плоскости с рисунками, выполненными в технике выбивки и гравировки. Выявлены изображения животных, антропоморфных фигур, тамбовидных знаков.

Участок 2 находится на верхнем ярусе скальных обнажений в центральной части обследованной территории скальных обнажений. Выявлено три плоскости на одном фризе. Длина его 5,2 м и высота 1,7 м, обращён на юг. Верхняя часть фриза пострадала от трещин.

Плоскость 1а расположена в центре в верхней части плоскости над трещиной на высоте 0,9 м от подножия. Изображения повреждены вследствие отслоения верхней корочки скальных пород. В левой части плоскости битреугольная фигура (тамбовидный знак?), правее – две параллельные изогнутые линии (возможно часть ног животного?). Рисунки выполнены путём выбивки.

Плоскость 1б длина её 1 м и высота 1 м. Расположена на 0,4 м ниже и правее плоскости 1(а) у нижней кромки скального фриза на высоте 0,4 м от подножия скалы. Выявлено изображение битреугольной фигуры с закруглёнными углами (тамбовидный знак?). Рисунок выполнен путём выбивки.

Плоскость 1в расположена в правой нижней части фриза на расстоянии 1,2 м от плоскости 1 (б) на высоте 0,9 м от подножия. Выявлена фронтальная антропоморфная фигура, выполненная гравированными линиями. Рядом с ней угадывается фрагмент ног копытного животного (лошадь?).

Участок 3. Расположен в 600 м к востоку от участка 2. На участке выявлено две плоскости с петроглифами.

Плоскость 1 (0,85 м х 0,34 м) обращена на ЮЗ. Неясные гравированные линии выявлены в центральной и правой частях плоскости. В левой части находится фрагмент изображения задней части лошади, показаны ноги, хвост. Целостность изображения нарушена вследствие разрушения скальной поверхности.

Плоскость 2 (2,5 м х 0,34 м) на высоте 0,5 м от подножия обращена на юг. Плоскость с гравированными рисунками разделена на три фрагмента трещинами. В левой части: две фигуры, каждая из которых состоит из трёх линий, исходящих из общей точки вниз (тамбовидные знаки?), между ними – две параллельные линии, правее – две сходящиеся дуги и решётка без внешнего контура. В центре плоскости: две фигуры копытных животных, косая линия, прямой крест и знак в виде «трезубца». В правой части: животное, древовидный знак, полукруглый контур с развилкой справа.

Животные выполнены в одной стилистической манере и обозначают лошадь.

Участок 4. Располагается между участками 2 и 3 (472 м к востоку от участка 2 и 111 м к ЮЗ от участка 3) в нижней центральной части обследованной территории скальных обнажений. Выявлено пять плоскостей, расположенных по обе стороны ложбины. Протяжённость участка с запада на восток составляет 31 м.

Плоскость 1 (0,54 м х 0,32 м). На плоскости выявлены антропоморфные фигуры, присутствуют изображения стрел и сложносоставного лука (рис. 2, 2). Рисунки выполнены тонкими гравированными линиями. Фигуры людей выявлены фрагментарно: левая фигура, по всей видимости, показана в фас, остальные – в профиль и ориентированы в правую сторону. Правая фигура поражена двумя стрелами с оперением. У нижней стрелы показан наконечник подтреугольной формы.

Плоскость 2 (0,18 м х 0,42 м). Выявлена фронтальная антропоморфная фигура, выполненная тонкими гравированными линиями. Туловище подтреугольной формы (узкая талия, широкие плечи). Шея выделена, но контур головы плохо обозначен. На голове две небольшие расходящиеся в стороны линии. Ноги широко расставлены в стороны. В правой руке показан предмет в виде стержня с развилкой на конце (левая рука отсутствует).

Плоскость 3 (0,46 м х 0,27 м) расположена на 0,5 м выше плоскости 2. Выявлено изображение битреугольной фигуры с острыми углами в наклонном в левую сторону положении (тамбовидный знак?). Рисунок выполнен глубокими резными линиями (рис. 2, 3). Верхнюю часть фигуры пересекают более тонкие изогнутые линии.

Плоскость 4 (0,61 м х 0,24 м). Рисунки зафиксированы в левой и правой части плоскости на расстоянии 0,5 м друг от друга (плоскости 4а, б). На плоскости 4а чётко показано схематичное изображение всадника верхом на коне, ориентированного в правую сторону. Рисунок выполнен тонкими гравированными линиями. Изображение повреждено горизонтальными трещинами. На плоскости 4б выявлено линейное изображение животного, обращённого в правую сторону. Рисунок предельно схематичный. Слева от него прочерчена изогнутая линия.

Плоскость 5 (0,5 м х 0,58 м) расположена по правую сторону ложбины на отдельном каменном блоке, на высоте 0,8 м от подножия. Выявлены две контурные фигуры копытных животных, выполненных в технике гравировки (рис. 2, 1). Животные расположены друг над другом, показаны в движении в правую сторону. Туловище верхнего животного вытянутое, подпрямоугольной формы. Шея прямая, высоко поднята вверх, заканчивается головой, которая сохранилось не полностью. Венчают голову пламевидные отростки (грива, рога?), шею пересекает прямой росчерк (стрела?). Задние конечности, широко расставлены в стороны, сохранились фрагментарно (до уровня колен), передние ноги согнуты в коленях: одна вынесена вперёд, другая более короткая, сильно подогнута под туловище. У животного хорошо обозначены передние копыта и короткий хвост. К передней ноге животного снизу примыкает вертикальная, изогнутая на конце линия (стрела?).

Нижнее животное меньших размеров, но показано более реалистично. Судя по экстерьеру и форме рогов животного, угадывается косуля. Её шею пересекает прямой росчерк (стрела?).

Судя по стилистическим особенностям, иконографии и сюжетным характеристикам изображений, выявленные петроглифы на оз. Учум сравнительно позднего времени.

Собственно к таштыкской культуре следует отнести рисунки животных на участках № 3 (пл. 1), № 4 (пл. 5), композицию на плоскости 1 участка № 4.

К эпохе средневековья относятся многочисленные тамговидные знаки, среди которых следует отметить битреугольные символы. Ареал битреугольных тамговидных знаков охватывает в основном Алтай, Табаргадай и всё Семиречье, известны отдельные находки в предгорьях Каратау. Такие знаки, возможно, использовались средневековыми кочевниками для обозначений территорий. Кроме того, есть немало изображений подобных знаков в виде тавра на лошадях, например, в петроглифах Ешкиольмесе.³ Соответственно, битреугольные знаки, найденные на горе Учум, расширяют область их распространения. Гравированные изображения лошадей на плоскости 2 участка № 3 также характерны для эпохи средневековья. К позднему средневековью следует отнести схематичные рисунки на участке № 4.

Таким образом, в результате проведённой работы в 2016 г. на писанице Учум были выявлены новые петроглифы. По сюжетным и стилистическим признакам рисунки датируются от эпохи раннего железного века до этнографической современности. Памятник требует дальнейших исследований и проведения мероприятий по его сохранению и музеефикации.

2017 г.

Примечания:

¹ Заика А.Л., Вдовин А.С., Конохов В.А. Результаты исследования писаниц на юге Красноярского края в 2015 году // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 104-108.

² Пшегорский И.С., Трофимов А.А. Петроглифы Ужурского района Красноярского края (результаты исследований 2015 г.) // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 230-231.

³ Рогожинский А.Е. Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 53-63.

**А.Л. Заика, А.А. Трофимов, А.Ю. Халтаева, Т.К. Ермаков, М.А. Муршидова,
В.А. Артамонова, А.В. Образцова, г. Красноярск**

Писаница Учум

(результаты исследования 2017 г.)

В 2015-2016 годах археологическим отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева были обнаружены и исследованы новые плоскости на горе у оз. Учум. Выявлены изображения животных, антропоморфных фигур, тамговидных знаков.¹

Проводя исследования в июле 2017 г. на юго-восточных склонах западной оконечности скальных обнажений у оз. Учум участниками отряда были обнаружены новые рисунки на трёх участках (№ 5, 6, 7) нижнего яруса скалы. В результате работ было выявлено шесть плоскостей с петроглифами, выполненными в технике выбивки и гравировки. Проведены работы по топосъёмке памятника, фотофиксации петроглифов, их копированию и определению современного состояния наскальных рисунков.

Писаница Учум расположена на северо-западе Минусинской котловины на северном берегу оз. Учум на южных склонах горы Писаная (Плетнёва) в 2,7 км к юго-западу от центра п. Златоруновск (здание краеведческого музея) в Ужурском районе Красноярском крае.

Участок 5 протяжённостью 20 м. На участке выявлены три плоскости.

Плоскость 1 вертикальная под небольшим отрицательным углом (-10°) обращена на ВСВ (аз. 165°). Длина её 0,6 м, ширина 0,5 м, находится на высоте 0,5 м от подножия.

В правой части плоскости глубокой гравированной линией изображён лук и пересекающие его две параллельные линии. Рядом изображены два фрагмента, похожих на оперение стрелы. В этой

же части плоскости изображены три подобных друг другу фигуры, состоящих из нескольких линий, пересекающихся в одной точке.

В верхней части плоскости прослеживается фрагментарное выгравированное изображение двух конечностей. Правее присутствует изображение копытного животного. Туловище его вытянутой формы, передние конечности отсутствуют, задние сохранились фрагментарно (отсутствует нижняя часть ног). Шея поднята вверх, поперёк неё проходит трещина. Морда вытянута, частично сохранились рога. Ниже его изображена фигура лошади, на её спине прослеживается, предположительно, антропоморфная фигура (всадник?). Туловище животного пересекают две вертикальные линии. Задние конечности широко расставлены в стороны. Передняя одна нога вытянута вперёд, вторая подогнута под туловище. В нижней части конечностей чётко выделены копыта. Показан длинный широкий хвост. Голова и большая часть шеи не сохранилось. В основании шеи присутствует элемент конской сбруи (?) в виде четырёх дугообразных линий, соединенных между собой (так называемые «лопасти»).

Плоскость 2а вертикальная, под небольшим отрицательным углом (-9°) обращена на ЮВ (аз. 245°). Длина её 0,5 м, ширина 0,2 м, высота от подножия 0,45 м.

В правой части плоскости изображена зооморфная фигура, выполненная в технике гравировки. Туловище животного вытянутой подпрямоугольной формы. Шея короткая, поднята вверх, заканчивается небольшой головой. Передние и задние ноги вынесены вперёд. Хвост не обозначен.

В левой части плоскости в технике гравировки изображён лучник, который одной рукой держит сложносоставной лук, а другая рука, согнутая в локте, отнесена назад (натягивает тетиву?), прижимает к затылку. За спиной лучника показан прямоугольный щит во весь его рост. На бедре воина изображён прямоугольный колчан. У лучника ярко выражена выступающая нижняя часть лица, характерная для антропоморфных персонажей в петроглифах таштыкской эпохи.

Лучник обращён вправо, в сторону животного, соответственно, данную композицию можно трактовать как сцену охоты.

Плоскость 2б вертикальная, на высоте от подножия 0,9 м под небольшим отрицательным углом (-9°) обращена на ЮВ (аз. 245°). Длина её 0,4 м, ширина 0,3 м. Плоскость находится ниже на 0,3 м от плоскости 2а. На плоскости путём гравировки изображены ноги, возможно, копытного животного. Одна нога вынесена немного вперёд, вторая слегка согнутая в коленной части – назад. Ниже изображена гравированная диагональная линия.

Участок 6 протяжённостью порядка 12 м, находится на расстоянии 670 м к ЮЗ от участка 5 (аз. 223°). На участке была выявлена одна плоскость с петроглифами.

Плоскость 1. вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 230°). Длина её 0,5 м, ширина 0,25 м, высота от подножия 1,8 м. На плоскости изображены гравировкой вертикальная и дугообразная линии, пересекающиеся на верхних концах между собой, на каждой из них имеется по четыре изогнутых боковых ответвления (ветвистые рога?). Ниже выявлены две изогнутых гравированных линии, возможно – это не законченные фрагменты шеи и головы животного. Большая часть плоскости повреждена трещинами.

Участок 7 протяжённостью 15 м находится на расстоянии 195 метров к ЗЮЗ от участка 6 (аз. 258°). На участке было найдено две плоскости, расположенные на одном широком фризе скальных обнажений.

Плоскость 1а вертикальная, на высоте 1,5 м от подножия скального фриза под небольшим отрицательным углом (-5°) обращена на ЮВ (аз. 230°). Длина её 1,7 м, ширина 0,3 м. Плоскость разделена на два фрагмента небольшой трещиной.

Длина левого фрагмента 0,9 м. Изображены три копытных животных, два из которых обращены в правую сторону, показаны в позе внезапной остановки. Туловища обоих животных подпрямоугольной формы, шеи слегка приподняты вверх. У первой фигуры имеются небольшие отростки на голове, напоминающие рога или уши животного. У второй фигуры присутствуют большие ветвистые рога. А третье животное, наоборот, обращено в левую сторону, выполнено одной контурной линией. Туловище очерчено плавными линиями, шея прямая, поднята вверх. Голова небольшая, с

узкой притуплённой мордочкой. Имеется очертание остроконечного уха, рога отсутствуют. Удлиненные конечности слегка согнуты в коленях, опущены вниз (каждая пара конечностей показана одним контуром). У нижнего левого края фрагмента плоскости, изображены две разные по размеру параллельные линии.

Длина правого участка плоскости составляет 0,8 м. В левой его части так же имеется изображение одного копытного животного. Фигура обращена в левую сторону, туловище подпрямоугольной формы, задние конечности отсутствуют, передние ноги подогнуты. Шея длинная, вытянута вверх, заканчивается головой с двумя короткими отростками рогов.

Плоскость 1б вертикальная, на высоте 1,65 м от подножия скалы под небольшим отрицательным углом (-5°) обращена на ЮВ (аз. 230°). Её длина составляет 0,5 м, а ширина 0,3 м. Плоскость располагается выше плоскости 1а на 0,15 м.

На плоскости мелкой редкой точечной неглубокой выбивкой выполнены в ряд две разных по размеру зооморфных фигуры, ориентированные в левую сторону. Животные показаны в статичной позе, выполнены в схожей манере: шея и туловище одинаковой ширины (как и расстояние между ног), их контур разомкнут вертикальными конечностями. Левое животное имеет узкое длинное туловище, длинную шею. Голова небольшая с немного вытянутой узкой мордой и невысоким крутым лбом. У него также прослеживаются очертания вертикального уха и поднятого дугой хвоста. У животного отображены все четыре конечности. Вторая фигура сохранилась фрагментарно: узкое туловище, часть шеи, задние ноги. Большая часть плоскости покрыта горизонтальными трещинами и выбоинами на скальной поверхности.

Вопросы хронологии и культурной принадлежности. К наиболее ранним относятся изображения на плоскости 1 (1 фрагмент) седьмого участка писаницы, которые, предположительно, можно отнести к переходному тагаро-таштыкскому периоду. В пользу этого говорит то, что животные изображены в позе внезапной остановки, что характерно для тагарского искусства, однако, техника исполнения (гравировка) была популярна в петроглифах таштыкской культуры. Вместе с тем, не исключено, что они могли быть нанесены и в более позднее время (раннее средневековье).

На плоскостях 1 и 2 (а, б) пятого участка писаницы присутствуют изображения, которые предположительно можно датировать таштыкским временем. Изображение лошади на плоскости 1 аналогично изображениям трёх коней с такими же «лопастями», вырезанных на деревянных планках из могильника Тепсей III (склеп 1). «Лопастии» – это трёхчастные фигуры в виде соединённых «скоб», расположенных обычно на шее животного. Они являются одной из специфических опознавательных черт таштыкского времени. Подобный резной рисунок коня также представлен в одной из таштыкских композиций Шалаболинской писаницы.² Лучник со щитом на плоскости 2а имеет сходство с изображением воинов на деревянных планках из могильника Тепсей III в склепе 1.³ На трёх тепсейских миниатюрах показаны крупные, почти в рост человека щиты обобщенно прямоугольной формы.⁴ Изображения щитов на планках связаны только с пешими воинами: одни из них стреляют из луков, другие взнуздывают коней.⁵ На писанице Суханиха I есть многофигурная композиция, где помимо обычного вооружения – луков, наконечников стрел, также есть выбитые силуэтные изображения прямоугольных во весь рост человека щитов. Эту сцену, предположительно, исследователи относят к хунно-сяньбийскому времени.⁶ Однако в наскальном искусстве подобное резное изображение, где воин изображён в полном боевом снаряжении и с большим прямоугольным щитом, встречается крайне редко.

На плоскости 2б, где изображены, по всей видимости, ноги животного, судя по характерной постановке конечностей, данный фрагмент рисунка также можно отнести к таштыкскому времени.

К эпохе Средневековья и этнографической современности можно отнести изображения на участках 6 и 7.

Таким образом, в результате работ 2017 г. на писанице Учум были выявлены и изучены новые петроглифы. По сюжетным и стилистическим признакам рисунки можно датировать переходным тагаро-таштыкским и, собственно, таштыкским временем, средневековьем и этнографической со-

временностью. Памятник требует дальнейших исследований и проведения мероприятий по его сохранению и музеефикации.

2017 г.

Примечания:

¹ Пшегорский И.С., Трофимов А.А. Петроглифы Ужурского района Красноярского края (результаты исследований 2015 г.) // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 230-231; Заика А.Л., Вдовин А.С., Конохов В.А. Результаты исследования писаниц на юге Красноярского края в 2015 году // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 104-108.

² Панкова С.В. «Фигуры-лопасти» на таштыкских изображениях лошадей. Тропой тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет. – Кемерово, 2008. – С. 106-107.

³ Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. // СПб: «Петербургское востоковедение». – 1999. – 440 с. стр. 113, рис. 60

⁴ Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89-146, рис. 59-1; 61-1

⁵ Панкова С.В. «Фигуры-лопасти» на таштыкских изображениях лошадей. Тропой тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет. – Кемерово, 2008. – с. 124

⁶ Миклашевич Е.А., Панкова С.В., Мухарева А.Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. X. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 72-111, с. 98. Панкова, 2011. – С. 124-125.

**А.Л. Заика, В.А. Артамонова, А.В. Образцова, Т.К. Ермаков, А.С. Вдовин,
А.А. Трофимов, М.А. Муршидова г. Красноярск
В.А. Конохов, г. Минусинск**

Пойловская писаница

(предварительные итоги исследований 2015-17 годов)

В 2015-2017 годах сотрудниками и студентами исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева были проведены исследования объектов историко-культурного наследия Минусинской котловины, в ходе которых были получены сведения о наскальных рисунках в окрестностях с. Пойлово Курагинского района. На памятнике проведены работы по снятию горизонтального контура скальных обнажений, фотофиксации петроглифов и копировки наскальных изображений.¹

Писаница расположена в 3 км от села Пойлово на правом берегу р. Туба, на верхних ярусах западной части скального массива «Пятая гора». В ходе осмотра скальных выходов выявлено несколько ярусов, на которых расположено порядка 23-х плоскостей с рисунками, выполненных в технике выбивки, реже – гравировки. Длина участка с плоскостями верхнего яруса составляет 15 м, они расположены на 4-х уровнях, охватывающих площадь скальных обнажений высотой 6 м. Протяжённость нижнего яруса – 145 м, где на двух участках, разделённых мощной осыпью, выявлена большая часть петроглифов.

Петроглифы нижнего яруса

Плоскость 1 длиной 2 м находится на западной окраине писаницы, обращена на ЗЮЗ (аз. 165°). Рисунки выполнены в технике выбивки и сосредоточены в левой верхней части плоскости. Изображены три силуэтные фигуры копытных животных, обращённых в левую сторону. Животные показаны в статичной позе. Изображения предварительно можно датировать эпохой средневековья.

Плоскость 2 длиной 2,9 м, обращена на ЗЮЗ (аз. 175°). В центральной части выявлены четыре фигуры копытных животных. Два верхних изображения силуэтные, нижние – контурные. Головы обращены вправо. Присутствует также фронтальная антропоморфная фигура, выбитая поверх нижнего животного. Изображения сохранились фрагментарно вследствие осыпания скальных по-

род. Рисунки разновременные, могут относиться к эпохе неолита и бронзы. Поверх древних рисунков нанесены выбивкой и краской современные надписи.

Плоскость 3 длиной 2,5 м, под небольшим отрицательным наклоном обращена на юг (аз. 90°). На ней находятся несколько трудноразличимых выбитых изображений, также в центральной части плоскости выявлено контурное изображение копытного животного, выполненного в технике гравировки. Данный рисунок может соответствовать эпохе средневековья.

Плоскость 4 длиной 1,9 м, имеет небольшой положительный наклон, обращена на ВЮВ (аз. 195°). В верхней части представлены два изображения: верблюд и всадник, которые следуют друг за другом. Головы их обращены вправо, выполнены они в технике выбивки. Ниже имеется фронтальная антропоморфная фигура, выполненная в технике выбивки. Часть плоскости утеряна, ниже утерянной части изображена другая фронтальная антропоморфная фигура. Изображения можно отнести к эпохе средневековья.

Плоскость 5 находится под навесом, длина её 0,5 м, обращена на юг (аз. 70°). В центральной части плоскости имеются три фронтальные антропоморфные фигуры, расположенные в ряд. Изображения выполнены в технике выбивки, их можно отнести к эпохе средневековья.

Плоскость 6 имеет небольшой положительный наклон и находится под навесом, выше которого распложены плоскости 7, 9. *Плоскость* длиной 1,5 м, обращена на ЮЗ (аз. 135°). Изображения расположены в правой части плоскости, представлены три фронтальные антропоморфные фигуры, расположенные в ряд, выполненные в технике выбивки. Правая фигура заметно крупнее двух других. Изображения предположительно можно отнести к эпохе раннего железного века-средневековья.

Плоскость 7 находится под навесом и имеет небольшой отрицательный наклон. Длина её 1,1 м, обращена она на юг (аз. 95°). На плоскости выявлены многочисленные антропоморфные изображения и фигуры животных. Представлена композиция из трёх контурных изображений животных, два из них изображены в статичной позиции, голова верхнего направлена вправо, голова нижнего – влево. Голова скачущего животного обращена вправо. Также в композиции представлены три фронтальные антропоморфные фигуры, расположенные в ряд. Правая фигура изображена с луком и стрелой, поражающей скачущее животное. Также присутствуют многочисленные знаки (не менее четырёх). Все изображения выполнены в технике выбивки, некоторые из них имеют следы более позднего прочерчивания.

В нижней части плоскости представлены два силуэтных изображения рогатых животных, головы которых обращены влево, выполнены они выбивкой. Предположительно изображения датируются эпохой средневековья.

Плоскость 8 смежная с плоскостью 7, но имеет значительный отрицательный наклон, вогнутая. Длина её 1,2 м, обращена она на запад (аз. 180°). На плоскости представлены четыре фронтальные антропоморфные фигуры, стоящие в один ряд, выше присутствуют изображения ещё двух антропоморфных фигур. Все они выполнены в технике выбивки. Над левой фигурой нижнего ряда имеется выбивка в виде правильного прямого креста. Изображения занимают правую часть плоскости. Их можно отнести также к эпохе средневековья.

Плоскость 9 длиной 1,2 м, обращена на юг (аз. 95°), вогнутая. Зафиксированы три контурных изображения животных, выполненных редкой точечной выбивкой. Фигуры обращены в правую сторону, следуют друг за другом на подъём. Изображения в значительной степени утрачены, вследствие разрушения поверхности плоскости. Рисунки выполнены в традициях, характерных для минусинского стиля. Предположительно изображения относятся к эпохе неолита.

Плоскость 10 длиной 1,75 м, под небольшим отрицательным наклоном обращена на ЗЮЗ (аз. 155°). *Плоскость* сильно пострадала от осыпания внешней скальной корочки. В нижней правой части камня сохранился фрагмент выбитого рисунка в виде скобочки, которая могла моделировать голову копытного животного, ориентированного в правую сторону. Датировка рисунка не ясна.

Плоскость 11 смежная с плоскостью 10, длиной 4,2 м, под небольшим отрицательным наклоном обращена на ЮВ (аз. 60°). *Плоскость* по всей площади сильно пострадала от осыпания внеш-

ней скальной корочки. В центральной части камня сохранились фрагменты выбитых контурно фигур копытных животных, ориентированных в правую сторону. Предварительно рисунки можно датировать эпохой неолита – ранней бронзы.

Плоскость 12 длиной 1,3 м, обращена на ЮЗ (аз.135°). В нижней части плоскости, в нише, присутствует изображение лошади, выполненное неглубокой точечной редкой выбивкой. Голова животного повернута в левую сторону. Датировка изображения затруднена.

Плоскость 13 длиной 1,4 м обращена на ЮЗ (аз. 143°). На плоскости выявлена антропоморфная фигура, выполненная выбивкой. Датировка изображения затруднена.

Плоскость 14 длиной 0,42 м обращена на (аз 69°). На плоскости присутствуют следы неясной выбивки.

Плоскость 15 длиной 2,9 м обращена на ЮВ (аз 56°). Имеется частично сохранившееся изображение подтреугольной фигуры. Выполнено в технике выбивки. Датировка не ясна.

Петроглифы верхнего яруса

Плоскость 1 расположена на первом уровне нижнего яруса. На плоскости присутствует одиночное изображение зооморфной фигуры, обращённой в правую сторону. Изображение животного выполнено в технике выбивки. Датировка не ясна.

Плоскость 2А на плоскости присутствуют два, частично сохранившихся, изображения зооморфных фигур. У одной из фигур (предположительно верблюд) отсутствует голова, изображение выполнено в технике выбивки. У расположенного ниже гравированного изображения животного, напротив, сохранились голова, шея и передние конечности. В низу плоскости с левой стороны присутствует два парных росчерка, также выполненных в технике гравировки. Предварительно изображения можно отнести к эпохе средневековья.

Плоскость 2Б. Рисунки сохранились частично, сосредоточены в верхней части плоскости. Все они выполнены в технике гравировки. Изображения датируются эпохой средневековья.

Плоскость 3. На плоскости присутствует большое количество трудноопределимых изображений, выполненных в технике гравировки. В левой части плоскости имеются выгравированные линии, в верхней центральной части плоскости наблюдается частично сохранившийся контур неопределённого животного. Рядом с ним сохранилась орнитоморфная фигура. Правее нанесены тонкие линии, пересекающие трудноопределимое изображение. Все рисунки данной композиции, можно отнести к эпохе средневековья.

Плоскость 4 заполнена выгравированными изображениями. В нижней части плоскости можно выявить частично сохранившееся фронтальное изображение копытного животного, обращённого вправо. У животного имеются длинные рога, вытянутая шея, основание которой выделено тремя тонкими гравированными линиями, и туловище. Конечности не сохранились. Левее находится контурный фрагмент лезвия оружия (меч, кинжал?). В верхней части плоскости зафиксировано большое количество тонких линий, возможно, фрагментарно обрисовывающих контур копытных животных (ноги, часть туловища). Изображения можно датировать эпохой средневековья.

Плоскость 5А. На плоскости нанесены изображения зооморфных фигур и росчерки. Рисунки выполнены в технике гравировки, сохранены частично. Изображения можно отнести к эпохе средневековья.

Плоскость 5Б. В центре плоскости находится выгравированное профильное изображение барана. У него короткие загнутые рога, чётко выделенная морда, поджарое туловище. Хвост отсутствует, конечности не обозначены. Внутри туловища животного заполнено тонкими гравированными линиями. Животное обращено вправо. Левее имеется фрагмент головы зооморфной фигуры и трудноопределимое изображение. Датируются петроглифы эпохой средневековья.

Плоскость 6. Присутствует зооморфная фигура копытного животного, обращённая в левую сторону. Круп животного отсутствует. Изображение выполнено в технике выбивки и относится, возможно, к средневековью.

Несмотря на скромные размеры писаницы, наскальные рисунки охватывают широкий временной диапазон. Наиболее ранние изображения представлены плохо сохранившимися фигурами ко-

пытных животных (маралы?), выполненными в «минусинском» стиле. Они могут быть датированы эпохой неолита. Более поздние рисунки эпохи ранней бронзы сохранились фрагментарно и зафиксированы на двух плоскостях, где изображены зоо- и антропоморфные фигуры. Среди фигур животных узнаваемые образы оленя, быка. Встречаются также трудно определимые зооморфные фигуры. Явно выраженные карасукские рисунки и петроглифы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, не зафиксированы. Вместе с тем, одно крупное изображение лошади, выполненное редкой неглубокой точечной выбивкой, можно соотнести с таштыкской изобразительной традицией.

Основной комплекс петроглифов соответствует эпохе средневековья и представлен линейными антропоморфными фигурами, контурными изображениями животных, тамбовидными знаками, которые сконцентрированы в центральной части писаницы нижнего яруса скальных обнажений. Плоскости верхнего яруса скалы заполнены гравированными, реже – выбитыми фигурами животных, иногда встречаются антропоморфные образы, изображения деталей вооружения. Данные рисунки предварительно датированы периодом этнографической современности, Новым временем.

Помимо описанных плоскостей, петроглифы встречаются на других участках скалы. Визуально просматриваются изображения лошадей, оленей и других животных, антропоморфных фигур, которые требуют дальнейших исследований.² Таким образом, выявленные изображения охватывают период от эпохи неолита до Нового времени, что свидетельствует о широких межкультурных связях древнего населения данного локального региона. Также необходимо отметить современное аварийное состояние данного местонахождения, что требует разработки охранных мероприятий в целях защиты петроглифов от пагубного воздействия со стороны природы и человека.³ Сама писаница отличается своеобразием и требует дальнейших научных исследований, а также необходимых мероприятий по консервации и реставрации разрушающихся наскальных рисунков.

2017 г.

Примечания:

¹ Заика А.Л., Пшегорский И.С., Вдовин А.С. Пойловская писаница (предварительное сообщение) // Сборник докладов и сообщений «Мартьяновские краеведческие чтения». Вып. IX. – Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартьянова, 2016. – С.119-121.

² Заика А.Л., Вдовин А.С., Конохов В.А. Результаты исследования писаниц на юге Красноярского края в 2015 году // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции / под ред. В.В. Боброва – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С.104

³ Заика А.Л., Вдовин А.С., Советова О.С. Памятники наскального искусства на юге Красноярского края. Вопросы музеефикации // Сборник материалов V межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. 19-20 ноября 2015 года. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2016. – С.51-156.

А.В. Иптышев,
с. Аскиз

Об итогах археологической разведки в Ширинском районе Республики Хакасия в 2016 году

В сентябре-октябре 2016 г. отдельная группа Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН производила археологическую разведку в лесостепной зоне левого берега реки Туимка в районе посёлка Туим Ширинского района Республики Хакасия.

Осенью 2015 года от местного жителя, учителя средней общеобразовательной школы с. Шира Ширинского района А.И. Межекова поступила информация о находках археологической керамики, металлургических шлаков и железного ножа в двух широких логах к западу и СЗ от с. Туим Ширинского района. А.И. Межеков имеет стаж археологических работ в разных археологических экспедициях более 5 лет, поэтому эти сведения были приняты как очень достоверные и принято решение о проведении в полевом сезоне 2016 г. археологической разведки в указанном районе.

В рамках разработки научной темы №101 «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация» Отдела охранной археологии ИИМК РАН (руководитель Н.Ф. Соловьёва) и плановой темы Иптышева А.В. на 2016 г. «Современное состояние археологических памятников Южной Сибири: выявление и анализ динамики разрушения» было запрошено и получено в Министерстве культуры РФ разрешение «Открытый Лист» №1816 от 20.09.2016 г. на право производства археологических полевых работ (разведок) в Ширинском районе Республики Хакасия.

Для организации работ была сформирована отдельная группа Саянской археологической экспедиции под руководством держателя разрешения «Открытый лист», лаборанта Отдела охранной археологии ИИМК РАН А.В. Иптышева. В состав группы вошли сотрудники с многолетним стажем полевых работ. Данная группа выдвинулась в Ширинский район и произвела рекогносцировочные археологические работы.

Следует отметить, что изучение памятников археологии в Чулымо-Енисейской котловине имеет давнюю историю. Первым исследователем, обратившим своё внимание на этот район, был С.А. Теплоухов. Именно здесь расположен знаменитый микрорайон Батени, где им, начиная с 1920 г., проводились планомерные раскопки многочисленных археологических памятников. В общей сложности было исследовано несколько сотен погребений (например: андроновской культуры – Ярки II (раскопки начаты А.П. Ермолаевым в 1913 г.), Батеневская протока, Пристань; карасукской – Ярки I, Карасук I, Первомайское I, Подгорное Озеро I, Солонечный Лог и других эпох). Именно С.А. Теплоухов, на основании своих работ, выделил основные археологические культуры и сформировал единую хронологическую шкалу. Несколько позднее (1926-1928 гг.) на севере котловины проводил свои исследования Г.П. Сосновский, изучавший андроновские, карасукские и тагарские памятники в районе посёлка Орак и озера Варча.

После этого в работах наметился определённый перерыв в связи со смещением интереса исследователей (С.В. Киселёв, А.Н. Липский, В.П. Левашёва и др.) в относительно более южные районы (Сыдо-Ербинскую и Минусинские котловины). Новый пик исследовательской работы связан с началом функционирования Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР. Учитывая её специфику: исследование памятников в зоне затопления Красноярской ГЭС, Чулымо-Енисейская котловина стала одним из важнейших полигонов. Были исследованы десятки могильников вдоль берега Енисея. Раскопкам подверглись более сотни курганов андроновской культуры (Сухое Озеро I и I-а, Орак I, Солёноозёрная I, III, IV, Пристань, Новосёлово, Новая Чёрная II, III, Ярки I-II и др.), около тысячи карасукской (Сухое Озеро II, Варча I, Карасук I, Барсучиха I, Ярки I, Солёноозёрная IV и др.), примерно столько же курганов, относящихся к разным этапам тагарской культуры (Черновой Лог I, Гришкин Лог I, Барсучиха V, Подгорное Озеро и многие другие). Отдельно следует отметить выделение, как самостоятельного явления, окуневской культуры. Первоначально этот вопрос был поставлен М.Н. Комаровой, но только в результате раскопок Красноярской экспедицией (Г.А. Максименковым) крупнейшего окуневского некрополя Черновая VII, было предложено выделять самостоятельную окуневскую культуру. Всего экспедицией было изучено более 20 курганов этого времени.

Наиболее полный перечень археологических памятников, раскопки которых проводились до 1984 г., представлен в сводной работе Э.Б. Вадецкой «Археологические памятники в степях Среднего Енисея».¹

В дальнейшем, по окончании работ Красноярской экспедиции, работы в Чулымо-Енисейской котловине проводились эпизодически и не составляют сколько-нибудь заметного объёма (Мара, Чазы, Ефремкино, Тюрим, Знаменка, Жемчужный и другие). В составе всех этих могильников исследовано минимальное количество курганов, что не позволяет их сравнивать с итогами работ С.А. Теплоухова и Красноярской экспедиции.

В 1984-1985 годах Л.Р. Кызласовым и И.Л. Кызласовым в 7 км к северу от пос. Туим у автомобильной дороги Туим-Шира был раскопан курган окуневской культуры Туим-Кольцо (иначе известный как Туимский кромлех).

В 2011-2012 годах отрядом экспедиции ХакНИИЯЛИ под руководством П.Б. Амзаракова производились раскопки металлургического комплекса Трошкино-Июс в окрестностях с. Трошкино Ширинского района.

В 2012 году отрядом экспедиции ХакНИИЯЛИ под руководством к.и.н. О.В. Ковалёвой производились раскопки поселения Чёрное Озеро на берегу одноименного озера в Ширинском районе.

С 2007 по 2016 годы на северном берегу оз. Итколь отрядами экспедиций Эрмитажа и ИИМК РАН производились раскопки могильников Итколь-1, Итколь-2 и поселения Итколь-3.

Таким образом, исследования памятников археологии в Чулымо-Енисейской котловине в определённые периоды велись очень интенсивно и оставили заметный след в изучении истории всего региона.

Район предполагаемой археологической разведки представляет собой границу степей и залесенных восточных отрогов Кузнецкого Алатау.

Первым участком разведочных работ стало устье широкого лога, выходящего в долину р. Туимка в 2 км к СЗ от пос. ТуимШиринского района.

Дно широкого лога (ширина в устье – 500 м.) представляет собой выположенную незалесенную поверхность, плавно понижающуюся и расширяющуюся с ЗСЗ на ВСВ. Южный борт лога представляет невысокую, поросшую смешанным лесом (основные породы – береза и лиственница) локальную возвышенность. Северный борт представлен отрогами невысокой безымянной, преимущественно безлесой, локальной возвышенности с выходами скальной породы. Дно лога частично заболочено локальными родниками и бессточными ручьями.

В южной части устья лога расположена относительно ровная террасовидная площадка выположенной полы северного склона локальной возвышенности. В её западной части расположен заболоченный участок локального бессточного родника. С запада на восток, через центральную часть площадки проходит двойная линия противопожарной опашки, шириной от 1 до 1,5 метров и глубиной от 0,2 до 0,5 метра.

При осмотре траншей противопожарной опашки был зафиксирован подъёмный археологический материал, представленный многочисленными находками остеологического материала, находками фрагментов керамических сосудов (преимущественно, лощеных, неорнаментированных), двух железных ножей (один из которых был ранее найден местным жителем А.И. Межековым), фрагмента литейной формы, фрагмента железной крицы.

По устной информации от местного жителя, полученной на этапе подготовки полевых работ, при осмотре этих траншей осенью 2015 года было обнаружено существенно большее количество археологического материала, т.к. траншеи были свежие. В 2016 году траншеи сильно заросли травой и вследствие этого было обнаружено не столь большое количество материала. Тем не менее, его широкая планиграфическая распространённость демонстрирует наличие на площадке единого культурного слоя.

Выявленный материал датируется таштыкской культурой (I-V вв. н.э.) и культурой енисейских кыргызов (VI-XIII вв. н.э.).

Стратиграфическая ситуация памятника фиксировалась в бортах траншей противопожарной опашки и представлена следующими слоями:

1. Слой современной задернованной подзолистой почвы. Мощность слоя 15-25 см.
2. Слой плотного суглинка желтоватого цвета. Видимая мощность 20 см.

Археологический материал фиксируется в центральной и нижней части слоя №2.

Дислокация памятника, с точки зрения местных природно-климатических условий и его топографического расположения, практически идеальна – ровная сухая террасовидная площадка, прикрытая с запада и юга (в степной и лесостепной части Минусинской котловине доминирующая роза ветров – с запада) локальной возвышенностью, наличие вплотную с запада родника (возможно древнего ручья), выход лога в широкую долину р. Туимка – всё это объясняет наличие здесь достаточно обширного поселения.

Исходя из дислокации археологического материала в траншеях противопожарной опашки, пере-

секающей всю относительно ровную поверхность террасовидной площадки, его характера и мощности, выявленный памятник определен как археологическое поселение. Его границы с запада на восток определены по распространению подъёмного материала в траншеях, северные и южные границы определены по топографическому принципу. Площадь памятника – 64594,34 кв. метра.

С учётом существующей номенклатуры памятников в регионе, выявленному памятнику присвоено название Выявленный объект культурного (археологического) наследия «Поселение Туим-Алатау-1».

Вторым участком разведочных работ стало устье широкого лога, выходящего в долину р. Туимка в 1,5 км к западу от пос. Туим Ширинского района.

Дно широкого лога (ширина в устье – 700 м) представляет собой выположенную частично залесенную поверхность, плавно понижающуюся и расширяющуюся с ЗЮЗ на ВСВ. Лог по бортам обрамлён системой залесенных локальных возвышенностей отрогов Кузнецкого Алатау. В северной части устья лога расположено неглубокое, частично пересыхающее безымянное озеро размерами 0,4х0,2 километра.

На западном берегу озера лога расположена относительно ровная террасовидная площадка выположенной полы ЮЗ склона локальной возвышенности. Площадка обрамлена локальными всхолмлениями с СВ и ЮЗ стороны. С ЮВ ограничена береговой линией озера, с СЗ стороны – основанием ЮЗ склона возвышенности.

Площадка сплошь перекрыта системой параллельных траншей лесопосадок шириной 0,5-1 м и глубиной 0,2-0,4 метра.

При осмотре траншей лесопосадок был зафиксирован подъёмный археологический материал, представленный многочисленными находками остеологического материала, находками фрагментов керамических сосудов. Выявленный материал датируется в хронологическом диапазоне от таштыкской культуры (I-V вв. н.э.) до культуры енисейских кыргызов (VI-XIII вв. н.э.).

Стратиграфическая ситуация памятника фиксировалась в бортах траншей противопожарной опашки и представлена следующими слоями:

1. Слой современной задернованной подзолистой почвы. Мощность слоя 15-25 см.
2. Слой плотного суглинка желтоватого цвета. Видимая мощность 20 см.

Археологический материал фиксируется в центральной и нижней части слоя №2.

Дислокация памятника, с точки зрения местных природно-климатических условий и его топографического расположения, практически идеальна – ровная сухая террасовидная площадка, прикрытая с СЗ (в степной и лесостепной части Минусинской котловине доминирующая роза ветров – с запада) локальной возвышенностью, расположение на берегу озера (возможно, в древности, проточного), выход лога в широкую долину р. Туимка – всё это объясняет наличие здесь памятника поселенческого характера.

Исходя из дислокации археологического материала в траншеях лесопосадки, покрывающих всю относительно ровную поверхность террасовидной площадки, его характера и мощности, выявленный памятник определен как археологическая стоянка. Его границы определены по распространению подъёмного материала в траншеях. Площадь памятника – 10008,25 кв. метров.

С учётом существующей номенклатуры памятников в регионе, выявленному памятнику присвоено название «Стоянка Туим-Алатау-2».

Таким образом, в результате археологической разведки в лесостепной зоне левого берега реки Туимка в районе посёлка Туим Ширинского района Республики Хакасия, была обследована площадь устьев двух широких логов с запада и СЗ от пос. Туим (всего 50 га).

Была проверена информация, полученная от местного жителя, учителя средней общеобразовательной школы с. Шири Ширинского района А.И. Межекова о наличии в траншеях опашки археологического материала. Полученная информация подтвердилась, вследствие чего было выявлено и описано два ранее неизвестных объектов культурного (археологического) наследия: Поселение Туим-Алатау-1 и Стоянка Туим-Алатау-2. Информация о их выявлении была направлена в орган охраны объектов культурного наследия по Республике Хакасия.

Всего в ходе археологической разведки было найдено 32 единицы археологического материала, из них – 28 фрагментов орнаментированной и неорнаментированной керамики, 2 железных ножа и 1 фрагмент керамической литейной формы с двумя газоотводными отверстиями по краям и 1 фрагмент кирпичного слитка.

2017 г.

Примечания:

¹ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

В.А. Куйдина,
г. Красноярск

Петроглифы горы Кедровой. Вопросы интерпретации и хронологии изображений

Большинство сюжетов писаницы на горе Кедровой соотносятся с тагарской культурой эпохи раннего железа. В истории археологии тагарскую культуру традиционно принято считать VIII/VII – III вв. до н.э. и как раз в этот временной период петроглифы развиваются как «скифо-сибирский звериный стиль». Это в свою очередь приводит к расширению временных границ исследования из-за включения тесинского этапа II – I вв. н. э.

Опираясь на данные материалов исследования прошлых лет, видно, что на тесинском этапе в бассейне Среднего Енисея происходят сложные процессы становления культуры, связанные с появлением новых племенных союзов, заимствуя всё полезное от соседей, и не ломая своих сложившихся веками тагарских традиций. Изменения того времени хорошо видны в наскальном искусстве. В искусстве на протяжении ещё достаточно продолжительного времени шло «угасание» классического стиля, с одной стороны, с другой – не без его участия формировался новый, таштыкский стиль, судя по изображениям, в которых сочетаются признаки классического тагарского и нового таштыкского. При этом появляются особые группы рисунков, выделяемые по аналогиям с изображениями, обнаруженными в тесинских погребальных памятниках. На основании этого тесинский этап не может быть исключён из истории развития наскального искусства Среднеевропейского региона эпохи раннего железного века, являясь его логическим продолжением.¹

По мнению ряда исследователей, наскальное святилище на горе Кедровой является монокультурным. По нашему мнению, святилище могло использоваться и в более позднее время. На это указывают случаи палимпсеста, факты подновления изображений, а также сами сюжеты петроглифов. Поэтому петроглифы можно разделить на несколько хронологических пластов.

Среди изображений животных преобладают олени. Для определения датировки их создания, следует выявить стилистику нанесения петроглифов. Изображения оленей несут определённые своеобразные черты, характерные для скифского наскального искусства северной части Минусинской котловины. Фигуры оленей исполнены в типичной для этого памятника манере: у них длинная, вытянутая вверх шея с маленькой головой и приострѐнной мордой, большие древовидные рога расположены вдоль спины (пл. 2, 14, 19, 23 на уч. 2). Также распространена поза «внезапной остановки», силуэтным выполнением.²

Почти в каждой композиции петроглифов горы Кедровой присутствуют фигуры людей, они занимают важное место в изобразительных стандартах тагарской культуры. Антропологические фигуры обладают рядом признаков, в том числе схематичностью передачи, часто показаны анфас и различаются по положению рук: подняты вверх, поставлены на поясе, у кого-то одна рука поднята вверх, другая на поясе, а ступни развернуты в направлении движения. Для эпохи скифского времени не характерны изображения людей в одежде (только головные уборы). Например, фигуры людей изображаются с характерным «султаном» на голове или убором типа шляпки с небольшими полями. Также характерно наличие оружия. Оружие и головные уборы достаточно

узнаваемы, и выполнены достаточно искусно, что придаёт большую убедительность при обосновании датировки.

Некоторые изображения представлены фантастическими образами с двумя или тремя выступами на месте головы (уши?), с большими пальцами рук и увеличенными стопами (пл. 2 на уч. 1, пл. 9 на уч. 2). Среди человеческих фигур можно выделить всадников, изображённых в профиль и фигуру лучника, которые являются участниками батальных сцен.

Явным образцом тагарского искусства является изображение котлов. В сюжетах котлы встречаются в многофигурных композициях. Обычно изображения котлов представлены с двумя петлевыми ручками, которые снабжены характерными выступами (по три на каждой) (пл. 13 на уч. 2). У одного котла показан поддон на плоской подставке (пл. 12 на уч. 2), другой имеет прямоугольный контур тулова сосуда (пл. 15 на уч. 2).³

Эпохе средневековья может соответствовать относительно реалистические изображения антропоморфных фигур, схематичные изображения животных, выполненных в односложном геометрическом стиле. Туловища животных, обычно изображаются в виде буквы «П»: изображается прямая ровная спина, которая обрисована двумя параллельными линиями, четыре или две вертикальные черточки обозначают ноги. Примером такого стиля может послужить петроглиф всадника, стоящего на спине животного (пл. 10 на уч. 2).

В Новое время появилась сцена поединка на (шпагах?) с участием двух персонажей, у которых головные уборы напоминают шляпы-цилиндры (пл. 8, уч. 2).

Этнографические рисунки представлены гравированными изображениями. Рисунки сопровождались изображением элементов одежды, уделялось внимание головным уборам, подвескам на поясе и т. д. Встречаются сцены охоты с луками, с ружьями на сошках. Можно обратить внимание на изображения лошади и человека в обуви «на каблуках» расположенных на плоскости 6 во втором участке, а также контурную фигуру оленя (пл. 11 на уч. 2).

Интерпретация сюжетов и образов. По мнению ряда исследователей, петроглифы на горе Кедровой является святилищем эпохи раннего железа. Об этом свидетельствуют могильники тагарской культуры, расположенные у подножия горы Кедровой, насчитывающие более 100 насыпей, составляют одно целое с петроглифами. «Вершины горы и обрамляющий её декорированный скальный фриз находились в наивысшей точке сакрализованного пространства, где происходили тризны и жертвоприношения духам погребённых здесь предков».⁴

В петроглифическом комплексе горы Кедровой, также можно обратить внимание на сами наскальные рисунки. Например, среди них особенно выделяется плоскость 14 на уч. № 2 своей динамикой и сюжетным наполнением. Центральную часть сюжета занимает сцена терзания (охота), что является довольно редким сюжетом в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии. В сцене терзания на горе Кедровой, изображается олень, который обладает всеми характерными чертами для скифского «звериного стиля», на которого нападает хищник. В этой композиции присутствуют ещё три оленя, они находятся сзади, и лучник, стоящий на рогах одного из животного.

Подобная сцена – это своего рода символ борьбы старого и нового, как непосредственный процесс самой жизни. Так у разных народностей сцена охоты на оленя, перевоплощается и мифологизируется в культ солнца и плодородия, как ежегодное шествие солнца по кругу.

Следующая сцена охоты, более растянута и прослеживается на двух плоскостях 17, 18, уч. № 2. В композиции присутствует антропоморфный образ некоего «героя», героя эпоса, широко распространённого в скифское время на всей территории Евразии. Такой персонаж часто является однотипным в различных батальных сценах. Здесь он изображён на рогах оленя с занесённым вверх оружием, как правило, пешие войны вооружены чеканами. Возможно, воин играет роль того, кто загоняет оленя в ловушку (облавной охоты?). На смежной плоскости сюжет насыщен семью многофигурными фигурами оленей. Внизу плоскости изображен всадник, мчащийся на встречу животным.⁵

Если отталкиваться от этнографических источников, отражающих культуру кочевых народов Среднего Енисея. Получается, что именно во время загонной конной охоты на копытных жи-

вотных, преследованием занимались конные охотники, при этом оттачивалась тактика ведения коллективного боя, совершенствовалось мастерство управления лошадей и точность стрельбы из лука.

Другой сюжет, который преобладает на писанице – изображения сосудов скифского типа, он объединяет три плоскости 12, 13 уч. № 2 и т. д. В композиции пл. 13 представлен небольшой молодой олень (косуля), изображённый в классическом стиле, в позе внезапной остановки, плавных очертаний. По противоположным сторонам от оленя расположены котлы на поддоне, один из которых с плетевидными ручками. Тоже самое можно сказать и про котел на плоскости 12, но с некоторыми отличиями. Здесь под котлом изображена фигура оленя с четырьмя ногами, что неестественно для горы Кедровой. Возможно, добавление ног происходило в позднее время. Котлы являются наиболее частым и характерным изображением скифского искусства. Сами сосуды, играли ключевую роль в совершении тех или иных обрядов, как ёмкости для приготовления ритуальной пищи, потребление которых являлось неотъемлемой частью ритуальной церемонии, магических действий.

В петроглифах тагарского искусства ещё долго сохранялся «звериный» стиль, но постепенно он уступает динамичным образам боевого всадника-кочевника. Начинает развиваться культ коня, верный спутника воина, например в пл. 9 уч. № 2.⁶

По всей видимости, на писанице изображены сцены из реальной жизни, т.е. показаны повествовательные сюжеты, запечатлевшие знаменательные события. Вместе с тем, нельзя исключить и того, что в рисунках на скалах отражался желаемый исход предстоящих мероприятий промыслового или военного характера, а также иллюстрирование мифов, имевших широкое распространение в скифское время на всей территории Евразии. Изображения писаницы Кедровой весьма своеобразны, некоторым образом даже выделяются из всего уже известного в Минусинской котловине. Также исследования показали, что наскальные рисунки на горе Кедровой, охватывают широкий временной интервал от энеолита – эпохи бронзы до этнографической современности. Таким образом, благодаря приведённым выше методам анализа наскального искусства, нам удалось получить больше представлений о петроглифах в Минусинской котловине.

2017 г.

Литература:

1. Советова О.С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 33-54.
2. Сосновский Г.П. Писаница на горе Кизех-Тух. // КСИИМК. Вып. 6. 1940. – С. 58.
3. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России // М.: «Алтейа». 2005. – С. 472.

Примечания:

¹ Советова О.С., Миклашевич Е. А. Хронологические и семантические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. – С. 47-74.

² Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск, 2005. – С. 29.

³ Там же.

⁴ Куйдина В.А. Петроглифы на горе Кедровой // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных [Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей] / отв. ред. А.В. Константинов, И.И. Разгильдеева; Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 216.

⁵ Семёнов Вл.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края) / – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – С.19.

⁶ Заика А.Л. Наскальное искусство Приенисейской Сибири (общая характеристика) // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Т.1. – Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2009 – С. 82-88.

О.А. Митько,
г. Новосибирск

Могильник Большой Телек – новый кыргызский памятник на правобережье Енисея

**Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности
(проект 1.4539.2017/8.9)*

В августе 2017 года Красноярским археологическим отрядом проводился поиск средневековых памятников в Идринском районе Красноярского края. Работ были инициированы краевой Службой по государственной охране объектов культурного наследия, куда поступили сведения о находках местными жителями в окрестностях районного центра различных артефактов, относящихся к периоду средневековья. Знакомство с научной литературой показало, что ранее в Идринском районе были обнаружены памятники, относящиеся к различным историческим этапам, начиная с эпохи бронзы (окуневская культура). Однако в сводке средневековых памятников, подготовленной И. Л. Кызласовым, содержится упоминание всего лишь о нескольких случайных находках.¹

По сообщениям различных находчиков установить точные места нахождения археологических предметов не удалось. При проведении разведочных маршрутов основное внимание было обращено на левобережную часть р. Сыды и правобережье впадающей в неё р. Телек. Большая часть равнинных участков междуречья этих рек интенсивно распахивалась ещё с начала прошлого века. Уплотненные вершины окрестных возвышенностей, занятые остепнёнными лугами, также использовались в качестве сенокосных угодий.

Средневековый могильник, получивший название Большой Телек был обнаружен на одном из высоких увалов правого берега р. Телек, расположенного к северо-востоку от одноимённого села. Какие-либо визуально наблюдаемые искусственные сооружения на его относительно ровной поверхности отмечены не были. Центральная часть увала поросла травой, среди которой выделялись лишь отдельные обнажения коренных пород. В такой ситуации выбор мест для проверочных раскопов носил интуитивный и, в большей степени, случайный характер.

Раскоп 1 (площадь 12 м²) был заложен в восточной части увала и охватывал пространство между двумя грядами выхода коренных пород. Коренные породы и участки щебнистой почвы подстилали очень тонкий, всего 5-7 см, дерновый слой. Все находки были сделаны непосредственно под дёрном, на уровне границы дернового и щебнистого слоя. В ряде случаев артефакты фиксировались в корневых переплетениях растительности. Кальцинированные кости, относящиеся к погребению, совершённого по обряду трупосожжения на стороне, были зафиксированы по всей площади раскопа, однако их общий вес был очень незначителен, всего 11 гр.

Погребальный инвентарь, также не составлял компактного скопления, его расположение носило бессистемный характер. Всего было обнаружено 20 железных изделий со следами термического воздействия. Это четыре плоских разнотипных наконечника стрел; изогнутая накладка прямоугольной формы с сердцевидными фигурами на концах; кольчатые удила; накладки на ремень различной формы; две небольшие пряжки с овальными рамками; четыре мелких гвоздика с выпуклыми грибовидными шляпками; кресало и игла.

Две последние находки стоит отметить особо. Кресало имеет С-овидную форму с прямоугольным лезвием, ударная часть покрыта параллельными насечками. В Южной Сибири кресало с подобной технико-типологической особенностью обнаружено впервые. Аналогии ему встречены лишь на Дальнем Востоке на Шайгинском городище, относящемся к чжурчженской культуре.²

Длина квадратной в сечении иглы 4 см. Диаметр ушка менее 1 мм и не ясно, каким инструментом оно просверлено (или пробито?). Возможно, уникальное для кузнечного производства того времени, стальное изделие было изготовлено местным мастером. Соблюсти необходимый температурный режим, чтобы не «пережечь» в горне миниатюрное изделие и провести закалку крайне сложно. Из исторических источников известно, что на этой территории ко времени появления русского

населения иголки были «дефицитным» товаром, поскольку к XVIII местные мастера утратили технологию их изготовления.³

Площадь второго раскопа составила 4 кв. метра. Какие-либо признаки погребального сооружения на поверхности современной почвы также не прослеживались. В центральной части раскопа, сразу под дёрном был найден фрагмент верхней челюсти человека и две крупные колотые кости животного, без следов огня. Поверх одной из костей лежали две коррозированные железные накладки от поясной гарнитуры.

Как и в первом раскопе кальцинированных костей собрано не много (51 гр.), и они также не составляли компактного скопления. Аналогичным образом располагался и сопроводительный инвентарь, рассыпанный по всей площади раскопа. Всего в раскопе 2 было найдено 89 предметов: наконечники стрел (плоские и четырёхгранные, бронебойные), колчаные крюки, пряжки и поясные украшения, скобовидное кресало, нож, напильник, тесло, пара удил с эсовидными псалиями, распределители ремней, металлические принадлежности сбруи и седла. Все они изготовлены из железа методом кузнечнойковки, со следами пребывания на погребальном костре.

Помимо находок, обнаруженных в ходе раскопок, в коллекцию могильника следует включить и археологические предметы, переданные одним из жителей с. Большой Телек, которые он в течение ряда лет находил на площади могильника. Большая часть из них представляет собой сильно коррозированные железные пластины. Определить их функциональную принадлежность представляется затруднительным. Гораздо лучшую сохранность имеют железные удила, две пары стремян и палаш, свёрнутый в кольцо со следами пребывания на погребальном костре.

Сопроводительный инвентарь имеет многочисленные аналогии среди археологических комплексов позднего этапа аскизской культуры (XIII-XIV вв.).⁴ Это позволяет отнести погребения из раскопов 1 и 2 к этому же времени и, так же как в степной левобережной части Среднего Енисея, сожжение тел умерших совершалось на стороне. Связь обнаруженного в раскопе 1 вместе с кальцинированными костями фрагмента лицевой части черепа без следов воздействия огня не находит своего объяснения. При этом собранные с погребального костра кальцинированные кости помещали непосредственно на поверхность земли и над ними не сооружали курганных насыпей. Помимо захоронений могильника Большой Телек эта специфическая особенность фиксируется в лесостепной и подтаёжной зоне к северу от Красноярска, а также на Ангаре.

Подобные погребальные памятники включены исследователями в красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов. Д.Г. Савинов определил период его существования с конца X – начала XI по XIII-XIV вв. и отнёс к нему Ладейский комплекс, одиночные захоронения в Большемуртинском районе, у с. Миндерла и на р. Кан, высказав при этом предположение о миграции кыргызов с территории Тувы в Красноярскую лесостепь. По его мнению, границы расселения кыргызов в это время доходили до места слияния Ангары и Енисея, где находился упоминаемый Рашид ад-Дином город Кикас.⁵ В последние годы география распространения безкурганых погребений с трупосожжениями существенно расширилась. Два подобных захоронения были открыты на могильнике Монашка, расположенном на левом берегу р. Кача под Красноярском.⁶

Безкурганная традиция прослеживается с позднего этапа таштыкской культуры. Так, все три погребения могильника Боровое, датированные серединой I тыс. н. э., не имели на поверхности почвы видимых признаков и располагались на глубине от 10 до 30-35 см.⁷ Погребение 1 на могильнике СТИ было совершено в яме глубиной 15-30 см. Сожжения на обоих могильниках производились на стороне, по результатам радиоуглеродного датирования они отнесены к переходному периоду от позднего железного века к средневековью (680 ± 20 лет).⁸

На средневековых памятниках Приангарья, также не фиксируются надмогильные каменные сооружения. Подобные захоронения открыты на островах Отика и Сосновый-Савинский.⁹

На стоянке Усть-Кова было исследовано 14 погребений, совершённых по обряду трупосожжения. Они представляли собой линзы овальной и округлой форм с мощностью заполнения 10-15 см и богатым набором предметов погребального инвентаря. Судя по приведённым в публикации данным, на поверхности погребения отмечены не были.¹⁰

Схожий характер носило погребение на стоянке Чадобец, где было открыто скопление кальцинированных костей, сопровождавшихся набором погребального инвентаря тюхтятского облика.¹¹

Три погребения по обряду трупосожжения на могильнике Усть-Тасеева, датированные XII-XIV вв. были обнаружены на глубине 15 см от уровня дневной поверхности.¹²

Памятники с аналогичными особенностями погребального устройства выявлены и в Южном Приангарье, где известно четыре погребения, выделенных в долоновскую группу захоронений конца I тыс. н. э.¹³

Самая северо-восточная точка распространения безкурганых погребений с кремациями отмечена на левом берегу р. Ангары на стоянке Окуневка, где был обнаружен погребённый железный клад.¹⁴ По мнению А.В. Харинского, традиция безкурганых погребений не является привнесённым на Ангару из Минусинской котловины, а связан с традициями местного населения.¹⁵

По поводу этнокультурной принадлежности безкурганых погребений с кремациями не существует единого мнения. Их связывают с кыргызами, «предками качинцев», «тюркоязычными тубинцами», «сойотами-самодийцами». Очевидно, что доказательная база различных точек зрения во многом зависит от фонда археологических источников, для которого погребения могильника Большой Телек могут стать существенным дополнением.

2017 г.

Примечания:

¹ Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X-XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с. – С. 76, 77, 79

² Ходзевич Л.П., Шавкунов Э.В. Классификация и датировка дальневосточных кресал // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – С. 110

³ Катанов Н.Ф. Хакасский фольклор (из книги «Образцы народной литературы тюркских племен»). – Абакан: Хакаское книжное изд-во, 1963. – 162 с. – С. 146

⁴ Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X-XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

⁵ Савинов Д.Г. Красноярско-Канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1989. – С.144-149.

⁶ Скобелев С.Г., Митько О.А. Погребения по обряду трупосожжения на реке Кача под Красноярском и их место в культурной традиции средневекового населения Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – Т. 6. – Вып. 3. Археология и этнография. – 2007. – С. 212-220.

⁷ Фокин С.М. Новые данные о средневековом могильнике Боровое // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археол.-этногр. конф. студентов и молодых учёных, посвящ. 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. – Т. 2. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет, 2006. – С. 75-77.

⁸ Мандрыка П.В., Макаров Н.П. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н. э. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – С. 68-84. – С. 71, 80

⁹ Привалихин В.И. О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н. э. // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского университета, 1993. – С. 101-103.

¹⁰ Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. – Серия: Археология и этнография. – № 3. – 1996. – С. 39-46.

¹¹ Леонтьев В.П. К вопросу о проникновении тюркоязычных компонентов в Северное Приангарье // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1985. – С.135-137.

¹² Лысенко Д.И., Гревцов Ю.А. Предварительные данные о погребальных обрядах памятника Усть-Тасеева эпохи средневековья // Истоки, формирование и развитие евразийской политкультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: Материалы I (XLV) Российской (с международным участием) археол. и этногр. конф. студентов и молодых ученых (РАЭСК-XLV). – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радан», 2005. – С. 259-260.

¹³ Николаев В.С., Дзюбас С.А., Белоненко В.В. Средневековые погребения по обряду кремации на территории Приангарья // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и исследование. – Вып. 2. – Иркутск: Изд-во ЦСН, 2002. – С. 85-100.

¹⁴ Терентьев П. О., Глушенко М. А. Новые следы енисейских кыргызов на Средней Ангаре // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докладов V (L) археолого-этнографической экспедиции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 347

¹⁵ Харинский А.В. Захоронения по обряду кремации конца I тыс. н. э. из Южного Приангарья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. – С. 220-226.

М.А. Муршидова,
г. Красноярск

Образ хищника в скифо-сибирском искусстве севера Минусинской котловины

Скифо-сибирский звериный стиль – особая манера исполнения изображений животных, широко представленная в культурах позднего бронзового и раннего железного века евразийских степей, включая и территорию Хакасско-Минусинской котловины. Появление здесь этого стиля связано с памятниками каменоложского этапа карасукской культуры (X-VIII вв. до н.э.), его расцвет с тагарской культурой (VIII-VII–III-II вв. до н.э.). Этот стиль представлен изображениями на скалах (петроглифы) и находками в погребениях.

Правильное понимание роли образов животных, определивших художественную и семантическую основу искусства, можно считать фундаментом в решении многих вопросов. Зооморфные образы скифо-сибирского звериного стиля можно условно разделить на 4 группы: птицы, травоядные, хищники и фантастические существа.¹ Нельзя не обратить внимание на то, что разделение этих групп в эпоху раннего железного века осознавалось достаточно чётко и отображало существующую у кочевников классификацию животного мира. Стоит отметить, что среди изображений наиболее часто в скифо-сибирском искусстве встречается образ хищника, что обусловлено его важной ролью в ритуальных, мифологических представлениях кочевых народов. Они считали, что произведения звериного стиля имели магические функции, наделяя людей быстротой, силой, ловкостью – качествами, присущими изображённому животным.

В енисейских петроглифах определяется два вида хищных животных: представители местной фауны (волки, медведи, кабаны) и неопределённые существа с чертами хищников.² Иконографические особенности этих изображений, независимо от времени и места их нахождения, достаточно определены: поджарое туловище, вытянутая вперёд оскаленная морда (иногда с длинным высунутым языком), когтистые лапы, часто показаны взъерошенная шерсть (туловище животного покрыто прямыми поперечными или изогнутыми вихровыми линиями, имитирующими шкуру тигра, пантеры), торчащие уши и другие дополнительные детали на туловище животного. По своей видовой принадлежности данные изображения больше всего напоминают волка или крупную собаку, но иногда (особенно в восточных районах) в них проступают черты медведя и в более поздних образцах – кошачьего хищника.³

Во второй половине II тыс. до н.э. образ фантастического хищника – один из ведущих в искусстве населения окуневской культуры Минусинской котловины. Явно один и тот же персонаж представлен здесь в самых разных видах изобразительной деятельности – на каменных изваяниях, плитах, в мелкой пластике и в петроглифах.⁴ Традиции окуневского времени прослеживаются и в дальнейшем развитии скифо-сибирского искусства, но и намечаются новые тенденции.

Как уже упоминалось, своего расцвета скифо-сибирский звериный стиль достиг в период существования тагарской культуры. Сюжеты с хищниками в это время были распространены в наскальном искусстве достаточно широко. Как правило, в петроглифах хищник занимает там доминирующее положение. Довольно редко, но всё же присутствуют, и одиночные изображения. Среди сюжетов можно выделить: противостояние, преследование травоядных, «шествие хищников» и редкий для наскального искусства Южной Сибири и Центральной Азии сюжет терзания.

Сцены нападения хищника на копытного животного в Европейской Скифии предположительно появляются в V в. до н.э. и заимствуются из искусства греко-персидского мира, но в Центральной Азии данные композиции известны в таком раннем комплексе, как Ушкийн-увер в Монголии. Датировка оленных камней Ушкийн-увера варьирует от конца II тыс. до н.э. до первой трети I тыс. до н.э.⁵

На территории севера Минусинской котловины данный сюжет присутствует среди изображений на горе Кедровой, расположенной в Шарыповском районе Красноярского края.

Плоскость 14, с этой композицией, находится на участке 2. Обращена она на ЮВ (аз. 50).⁶ Здесь

просматриваются четыре фигуры животных, хищник на спине оленя, два изображения фигуры человека и лучника. Эта группа выделяется по своему динамизму и образной насыщенности. Главное место в композиции занимает сюжет терзания (нападения хищника на оленя). У оленя длинная шея, ветвистые, откиннутые назад рога, маленькая голова, передние конечности согнуты, подчёркнута округлость бедра и крупа, что характерно для скифского звериного стиля. Между спиной и рогами оленя помещена фигура хищника. У него показана морда с раскрытой пастью и оскаленными зубами, острое ухо. Конечности зверя четырёхпалые с огромными когтями, хвоста нет.

Подобный хищник известен среди рисунков на Тепсее (он изображён один, но с оскаленной пастью, без хвоста). Также с изображением на горе Кедровой можно сопоставить изображение хищника на камне улуса Морозова на реке Сыр в Минусинской котловине.⁷

Изображение сцены терзания в скифском искусстве воплощает представления людей о космогоническом акте творения и дуалистической борьбе противоположных сил природы – света с тьмой, жизни со смертью. Копытное животное ассоциировалось в верованиях с культом солнца, умирающего и воскрешающего божества. Хищники же, принимающие облик медведя, волка или фантастического существа, подобные демонам подземного царства, загоняют и терзают его.

Сравнительно недавно на севере Минусинской котловины (писаница Анаш в Новосёловском районе Красноярского края) была обнаружена многофигурная композиция с участием фантастических хищников.⁸ У них акцентировано выражены когтистые лапы, оскаленные пасти, грузные туловища, которые внутри заполнены ажурными завитками, а также пламевидные «отростки», в виде крыльев на спинах, и длинные свисающие хвосты. Композиция сохранена не полностью, но по сохранившимся изображениям можно сделать вывод, что это образец сцены «шестивия» зверей.

Аналог подобной композиции присутствует в рисунках на саркофаге из второго Башадарского кургана, там можно наблюдать шествие тигров. Этот мотив был достаточно распространён в творчестве скифов, не только в изобразительном искусстве, но и, например, в декоративно-прикладном (украшение оружия).⁹

Неподдельный интерес представляют изображения хищников на писанице Абакано-Перевоз, которая расположена южнее. Здесь изображены весьма необычные звери: длинноногое существо с открытой пастью и когтистыми лапами, медведеподобный зверь и хищник с длинными когтями. Они доминируют над изображёнными в этой сцене копытными.¹⁰ Хотелось бы обратить внимание на стилизованный образ хищника, у которого, как и у животных на писанице Анаш, подчеркнута выражен на спине пламевидный отросток.

На известной Шалаболинской писанице немало различных изображений хищников. Присутствуют как одиночные образы хищных зверей, так и сюжетные композиции. Среди представителей местной фауны, особое место занимает медведь, являющийся наиболее часто изображаемым персонажем среди зверей. Помимо медведя можно увидеть волков, лис. Встречаются и изображения фантастических хищников, среди которых привлекает внимание синкретический образ, выполненный в скифо-сибирских изобразительных традициях. Данный персонаж сочетает в себе признаки, характерные для волка, медведя и, возможно, кошачьего хищника и вписан в многофигурную композицию.

Данная композиция находится на верхнем ярусе скальных обнажений писаницы на плоскости 1 участка 2а на высоте 37 м от уреза воды, обращена на юг.¹¹ Основную часть плоскости занимают крупные фигуры маралов. Хищник противостоит копытным, но в отличие от композиции на горе Кедровой, помещён под ними в нижней части плоскости.¹²

Серия хищников представлена на писанице Бычиха в устье р. Сыды. Среди них присутствует контурная фигура животного, в котором ряд исследователей видит образ кабана.¹³ Однако по своим стилистическим и иконографическим особенностям это изображение схоже с изображением зверя с Шалаболинской писаницы. Для обоих животных характерны оскаленные удлинённые пасти, поджарое туловище, короткие хвосты. Образ хищника с Бычихи, скорее всего, сочетает в себе черты нескольких животных, среди которых доминируют признаки волка, нежели кабана (в пользу последнего может указывать отсутствие когтей).

Изображения на всех этих писаницах имеют немалое сходство с предметами искусства на соседних территориях. Образы хищников (особенно, кошачьих), многочисленны в предметах мелкой пластики и торовтики из курганов Южной Сибири (саглынская культура Тувы, пазырыкская культура Алтая), сакских курганов Казахстана.

Из тувинских материалов можно упомянуть золотые бляхи с изображением идущего кошачьего хищника из могильника Куйлуг-Хем, бронзовые фигурки из курганов Саглы-Бажи-II, Дужерлиг-Ховузу-I, Даган-Тели-I (также V-IVв. до н.э.). Много сходных черт можно найти и в изображениях золотых «огрызающихся» тигров из кургана Иссык.¹⁴ На западе найдены бляшки с изображениями обращенного вправо хищника, на которых зверь показан с опущенной головой, широко раскрытой пастью и крупными когтями на лапах. Подобные этому изображения встречаются в погребениях скифских курганов Причерноморья. Все эти находки датируют V-IVв. до н.э.

Влияние скифо-сибирского звериного стиля по-разному отобразилось на разных писаницах севера Минусинской котловины. Некоторые изображения буквально дублируют, например, алтайскую изобразительную традицию (анашские звери), другие же, возможно более поздние, имеют самобытные черты (меняются характерные позы и даже образы).

Петроглифы скифского времени, несмотря на очевидное сходство, не были однообразными. В каждом регионе «скифского мира» существовала своя изобразительная культура, передававшая взгляды и воззрения этносов, проживавших на данной территории.

Таким образом, открытия последних лет на севере Минусинской котловины существенно дополнили коллекцию изображений хищных животных, найденных на территории Южной Сибири.

2017 г.

Примечания:

¹ Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 12.

² Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во Инс-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 50.

³ Савинов Д.Г. Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М.И. Артамонова) // Проблемы археологии. – 1998. – Вып.4. – С. 155-156.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Семёнов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой. – СПб.: Изд-во Инс-та истории материальной культуры РАН, 2000. – С. 19.

⁶ Куйдина В.А. Петроглифы на горе Кедровой. // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 216.

⁷ Сосновский Г.П. Писаница на горе Кизех-Тух // КСИИМК. – М.; Л., 1940. – С. 58.

⁸ Заика А.Л. Новые петроглифы Енисея // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 97-101.

⁹ Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во Инс-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 140 с., с. 55

¹⁰ Русакова И.Д. Мифологические сюжеты петроглифического комплекса Абакано-Перевоз // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 2000. – Т.2. – С. 94-97.

¹¹ Заика А.Л. Шалаболинская писаница. Учетная карта. 2010 г. // Архив лаборатории археологии. О.0057, Д. 001. табл. 51-53

¹² Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с. рис. 130

¹³ Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во Инс-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 140 с., рис. 22, Б

¹⁴ Акишев К.А. Курган Иссык: (Искусство саков Казахстана). – Алма-Ата, 1978. – 132 с. Рис 8,19, с. 32, 35, 39.

М.А. Муршидова, А.Л. Заика
г. Красноярск

Образ хищника в наскальном искусстве древних культур Среднего Енисея

Территория, выделенная как территория Среднего Енисея, с давних пор заселена людьми. Свой отпечаток здесь оставили множество народов, когда-либо живших на этой земле. Культура каждого из них нашла своё отражение в наскальном искусстве, мелкой пластике. Культуры сменяли друг друга, менялись образные традиции, создавались новые памятники, отличные от предшествующих. Однако между некоторыми культурами, несмотря на временное различие, наблюдается сходство.

Наиболее известные памятники искусства на данной территории оставили после себя окуневская и тагарская культуры.

Окуневская культура – археологическая культура первой половины 2-го тыс. до н.э. (эпоха бронзы). Впервые могильник этой культуры был раскопан в 1928 году С.А. Теплоуховым. Долгое время, она не выделялась, как отдельная, её причисляли либо к позднеафанасьевской, либо к раннеандроновской.

Интерес к окуневским памятникам постоянно растёт. Особое значение приобретают вопросы происхождения и хронологии окуневской культуры, а также сам феномен появления у окуневцев столь развитого изобразительного творчества. Все большее признание получает точка зрения ряда исследователей на то, что окуневская культура, как минимум двухкомпонентна,¹ и что формирование её происходило на местной основе, но при значительном влиянии мигрантов из Передней Азии.² Возможно, именно, переднеазиатское влияние добавило уже существующей на территории Среднего Енисея культуре, новые необычные образы животных, не характерных для местной фауны.

Синкретический образ фантастического хищника был распространён чрезвычайно широко и представлен разнообразием форм: известны его скульптурные изображения; составной частью он входит в композиции некоторых изваяний; рисунки хищника выгравированы на плитах, найденных в погребениях, выбиты и нарисованы на скалах. Появление этого персонажа в искусстве окуневцев, как считают некоторые исследователи, знаменует собой начальный период его развития.³

Одним из самых известных является изображение фантастического зверя, найденное на плите из могильника Черновая VIII.⁴ Это изображение фактически является каноном в изобразительных традициях окуневцев. Оно сочетает в себе все характерные для этого образа черты: медвежья морда (окуневцы брали облик медведя за основу) с длинным змеиным языком, поджарое волчье туловище, закинутый на спину хвост и длинные «птичьи» ноги со шпорами и когтями.

Само изображение выполнено в «скелетном» стиле. На крупе животного изображён крест. Сложно определить, несёт ли он символическое, сакральное значение или просто дополняет «скелетную» форму.

Те же особенности отличают и открытые позднее изображения на плитах из могильника Есино IX и Бырганов I.⁵ Фигура из Есино IX ко всем выше перечисленным чертам, обладает ещё и рогами быка. Сочетание тел разных животных из разных миров: подземного, наземного, воздушного (быки, медведи, птицы и пр.), наделяет это синкретическое существо качествами, присущими обитателям этих миров. Можно предположить, что этот зверь либо воплощение угрозы мирозданию, либо его хранитель или даже создатель, некое божество.

Этих существ изображали как одиночно, так и в композициях, где они играют роль мифологического чудовища, пожирающего (а, возможно, и изрыгающего?) светила, выполненные в форме солярных знаков. По иконографическим особенностям изображения фантастических существ окуневского времени можно разделить на три группы:⁶

1. Животные с бычьим туловищем, толстыми птичьими лапами и медвежьей головой;⁷

2. Животные с поджарым туловищем, длинными, раскинутыми в движении птичьими ногами и медвежьей головой;

3. Зооморфные существа (или ряженые?), показанные в сидящем положении, либо стоящими, но наклоненными вперед.⁸

Хотелось бы отметить то, что образ медведя – наиболее часто встречаемый компонент этих собираемых существ. Это показывает, что местная культурная традиция, почитающая медведя, как прародителя (анималистические воззрения), хозяина земли и подземного мира оказала существенное влияние на формирование окуневской культуры в той же степени, как и пришедшая сюда из Передней Азии культура.

Помимо фантастических зверей, в окуневской культуре встречаются и изображения реально существующих животных, в том числе и хищников. Например, на переиспользованной стеле, найденной у с. Копены присутствует композиция своеобразного «шестврия» зверей. На стеле изображены медведи, лисы и копытные животные, выстроенные горизонтальными рядами в определённом порядке.⁹

В окуневском искусстве довольно популярно изображение змей. Зачастую они изображались на стелах вместе с солнцеподобными ликами, от головы которых отходят своеобразные линии-лучи. Существует несколько версий такого композиционного построения: змея символизирует собой пожирателя солнца; змея и солнцеподобное божество символизируют собой своеобразный календарь, связанный с солнечными циклами; змея – оружие окуневского божества – стрела, копьё. Подобные изображения найдены на стеле из улуса Анхакова.

В мелкой пластике образ змеи представлен на костяном «жезле» из могилы «шамана» могильника Черновая VIII,¹⁰ где одна из змей поедает (порождает?) другую.

Во времена следующих культур, образ хищника, в том числе фантастического, перестаёт быть ведущим в изобразительном искусстве вплоть до времени возникновения тагарской культуры.

В эпоху тагарской культуры широкое распространение получил скифо-сибирский звериный стиль.

Скифо-сибирский звериный стиль – особая манера исполнения изображений животных, широко представленная в культурах позднего бронзового и раннего железного века евразийских степей, включая и территорию Хакасско-Минусинской котловины. Появление здесь этого стиля связано с памятниками каменоложского этапа карасукской культуры (X-VIII вв. до н.э.), его расцвет с тагарской культурой (VIII-VII – III-II вв. до н.э.). Этот стиль представлен изображениями на скалах (петроглифы) и находками в погребениях.

Среди зооморфных образов, так же как и в окуневском искусстве, особое место здесь отводится хищникам. Это обусловлено их важной ролью в ритуальных, мифологических представлениях кочевых народов. Они считали, что произведения звериного стиля имели магические функции, наделяя людей быстротой, силой, ловкостью – качествами, присущими изображённому животному.

В енисейских петроглифах определяется два вида хищных животных: представители местной фауны (волки, медведи, кабаны) и неопределённые существа с чертами хищников.¹¹ Иконографические особенности этих изображений, независимо от времени и места их нахождения, достаточно определённы: поджарое туловище, вытянутая вперёд оскаленная морда (иногда с длинным высунутым языком), когтистые лапы, часто показаны взъерошенная шерсть (туловище животного покрыто прямыми поперечными или изогнутыми вихровыми линиями, имитирующими шкуру тигра, пантеры), торчащие уши и другие дополнительные детали на туловище животного. По своей видовой принадлежности данные изображения больше всего напоминают волка или крупную собаку, но иногда (особенно в восточных районах) в них проступают черты медведя и в более поздних образцах – кошачьего хищника.¹²

Также как и в окуневской традиции, в скифо-сибирском зверином стиле хищники изображаются в композициях, встречаются и одиночные изображения (но значительно реже). Чаще всего их изображают с копытными, где зверь занимает доминирующее положение. Так воплощаются представления людей о космогоническом акте творения и дуалистической борьбе противоположных

сил природы – света с тьмой, жизни со смертью. Копытное животное ассоциировалось в верованиях с культом солнца, умирающего и воскрешающего божества. Хищники же, принимающие облик медведя, волка или фантастического существа, подобные демонам подземного царства, загоняют и растерзывают его. Этот сценарий аналогичен окуневским композициям на стелах, где фантастический зверь или змей пожирают светила.

Невозможно не заметить сходства между культурами и в самих образах. Стоит обратить внимание на изображение зверя на Шалаболинской писанице, датируемое окуневским временем¹³ и хищников, сравнительно недавно найденных на писанице Абакано-Перевоз.¹⁴ Сходство определяется манерой показа зверей шагающих на длинных ногах с когтями, наличием хвоста и клыкастой «медвежьей» морды.

На упомянутой выше Шалаболинской писанице представлен ещё один синкретический образ, выполненный в скифо-сибирских изобразительных традициях. Данный персонаж сочетает в себе признаки, характерные для волка, медведя и, возможно, кошачьего хищника и вписан в многофигурную композицию.

Можно сделать вывод, что в обеих культурах изображали похожих животных, представителей местной фауны. Особое место занимало изображение медведя, почитание которого, как божества осталось в верованиях коренных народов Сибири и по сей день.

Стоит обратить внимание на то, что в наскальном творчестве появляется образ кабана (конечно в меньшей степени, чем медведя). Кабаны морды отличаются «торчащим» носом, будто приподнятым вверх. Такие хищники встречаются на г. Кедровой, Бычихе. Данные изображения можно отнести к тагарскому времени. Однако похожие рисунки, с чертами кабана, были и в окуневской культуре. «Сидящая» фигура, изображённая на писанице «Третий лог», имеет приподнятые нос, клыкастую пасть, что указывает на ещё одно сходство окуневской и тагарской культур.

По одной из теорий происхождения скифо-сибирского звериного стиля, своими корнями он восходит к переднеазиатскому искусству.¹⁵ Если рассматривать эту теорию, как достоверную, то можно предположить, что окуневская и тагарская культуры имеют общие корни, что объясняет некоторые сходства в формировании образов. А возможно тагарское искусство, отчасти, формировалось на основе уже существовавшей до этого времени окуневской культуры.

2017 г.

Примечания:

¹ Савинов Д.Г., Подольский М.Л. Две окуневские плиты из ограды тагарского кургана (могильник Есино IX) // Проблемы изучения окуневской культуры: Тезисы докладов конференции. СПб., 1995. С. 2-3

² Пяткин Б.Н. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тезисы докладов областной научной конференции. Омск, 1987. С. 79-82

³ Студзицкая С.В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. — СПб: «Петро-РИФ», 1997. — С. 251-262.

⁴ Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. Памятники окуневской культуры. — Л., 1980. — С. 3

⁵ Савинов Д.Г., Подольский М.Л. Две окуневские плиты из ограды тагарского кургана (могильник Есино IX) // Проблемы изучения окуневской культуры: Тезисы докладов конференции. СПб., 1995. рис. 1; Пяткин Г.Н., Курочкин Б.Н. Новое изображение зверя-божества окуневской культуры // Древнее искусство Азии. Петроглифы. — Кемерово, 1995. рис. 1;

⁶ Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры — Абакан: Хакасское книжное издание, 2006. — С. 65

⁷ Там же, рис. 216, 219. С. 192, 194

⁸ Студзицкая С.В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. — СПб: «Петро-РИФ», 1997. — С. 251-262. табл. II, рис. 2, 3, С. 260

⁹ Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. — Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2010. — С. 64

¹⁰ Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. Памятники окуневской культуры. — Л., 1980. — С. 24, табл. XXIII, 1

¹¹ Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: (сюжеты и образы). — Новосибирск: Изд-во Инс-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. — С. 50

¹² Савинов Д.Г. Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М.И. Артамонова) // Проблемы археологии. — 1998. — Вып.4. — С. 155-156

¹³ Студзицкая С.В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. — СПб: «Петро-РИФ», 1997. — С. 251-262, табл. I-6

¹⁴ Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: (сюжеты и образы). — Новосибирск: Изд-во Инс-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. — 140 с. табл. 12, рис. 5

¹⁵ Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства // Советская археология. — М: Изд-во Академии наук СССР, 1968. — Вып. 4. — С. 27

И.Г. Рогова,
г. Кемерово

Тамгообразные знаки в контексте рунических надписей на скалах, курганных камнях, стелах и изваяниях Среднего Енисея

Тамгообразные знаки широко распространены в петроглифах бассейна Среднего Енисея и встречаются на скалах, курганных камнях, стелах и изваяниях. Не всегда можно однозначно определить хронологическую атрибуцию отдельных знаков. Тем не менее, композиционный анализ, цвет патины, наличие палимпсестов, техника выполнения изображений в некоторых случаях позволяют соотнести знаки собственности с определёнными хронологическими периодами: от тагарской эпохи до нового и новейшего времени. Кроме того, атрибуции тамг способствуют рунические надписи, при условии, что родовые знаки включены в состав таких текстов или расположены вблизи них.

Случаи нанесения вместе с руническими текстами тамгообразных изображений известны не только в петроглифах, но и на предметах из закрытых комплексов, например, донцах раннесредневековых металлических сосудов. Однако, в отличие от знаков, выполненных на предметах и, зачастую, соотносимых со временем бытования вещи, тамгам на скальных поверхностях, запечатлённым в контексте надписей, до середины XX в. редко придавали значение. В последние десятилетия ситуация изменилась и специалисты всё чаще обращаются к тамгообразным изображениям, зафиксированным в составе рунических повествований.¹

Прежде всего, тамгообразные знаки в контексте рунических надписей известны на курганных камнях, стелах и изваяниях бассейна Среднего Енисея. По мнению исследователей, значительная часть сопровождаемых тамгами текстов являются эпитафиями.² Игорь Валентинович Кормушин, обращаясь к тамгам в составе четырёх эпитафийных текстов, разделяет их на два типа.³ Первый тип представлен тамгой в виде окружности, из нижней части которой под углом отходят прямые линии. Такие тамги нанесены на две стелы из г. Саяногорска – Означенное I (Е-25) и Означенное II (Е-104),⁴ и на одну из центральной Хакасии (Абакан, Е-48).⁵ Ко второму типу он относит тамгу в виде двух параллельных волнообразных линий, соединённых окружностью, на стеле из Койбальской степи (Оя, Е-27). Тюрколог отмечает, что во всех случаях родовые знаки расположены ниже надписей, а в трёх эпитафиях упоминаются титулы или имена умерших («Чекюнг», «Озат», «Бынг Ачук»). По мнению Л.Р. Кызласова, и тамги, и имена в составе рунических повествований могли принадлежать покойным.⁶ Похожие знаки также встречаются на других памятниках бассейна Среднего Енисея: курганном камне тагарского могильника близ д. Абакано-Перевоз,⁷ горе Тепсей,⁸ Анашинской писанице и др.

В одной из эпитафийных надписей на тугутюпской плите (Е-120) в переводе, выполненным Дмитрием Дмитриевичем Васильевым, присутствует слово «тамга». При этом изображение самого родового знака отсутствует. По мнению специалиста, упоминание тамги в тексте свидетельствует о передаче тамговладельцем перед смертью своего родового знака сородичам. Д.Д. Васильев считает, что для территории Минусинской котловины такие надписи не характерны, хотя часто встречаются в Монголии. Стоит отметить, что в переводах данной надписи других исследователей слово «тамга» отсутствует.⁹

По сравнению со Средним Енисеем, на памятниках Верхнего Енисея тамгообразные знаки в контексте эпитафий более многочисленны.¹⁰ Первый опыт анализа родовых знаков в составе эпитафийных текстов на стелах Тувы принадлежит Л.Р. Кызласову, который в качестве аналогий привлекает знаки на скальных поверхностях Среднего Енисея.¹¹ На основании подмеченного сходства тувинских и хакасских тамгообразных изображений он выделяет шесть групп тамг знатных хакасских родов. Внутри каждой группы археолог показывает взаимосвязанное видоизменение главной тамги и её территориальное распространение, а также датирует знаки эпохой раннего средневековья. Три «начальных» тамги с территории Верхнего Енисея исследователь сопоставляет с именами людей, упоминаемыми в эпитафиях («Учин-Кулюг-Тириг», «Чигши бег», «Йола»).

Рунические тексты и тамги нередко наносились на изваяния эпохи бронзы. Например, родовой знак в виде двух параллельных волнообразных линий, соединенных отрезком, выполнен в нижней части окуневского изваяния из Аскизского района Республики Хакасия (в настоящее время находится в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова). На основе анализа данной рунической надписи и тамги Юрий Николаевич Есин и Такаши Осава соотносят родовой знак с енисейскими кыргызами, датируя его эпохой раннего средневековья.¹²

Тамгообразные знаки включены в состав не только эпитафий, но и текстов иного характера, к которым исследователи относят межевые, посетительские (т.е. содержащие личное имя), молитвенные и др.¹³ Например, на курганном камне могильника Уйбат IV (Е-33) знак чашевидной формы сопровождает межевую надпись. Еще одна тамга расположена рядом с руническим повествованием на одном из курганных камней могильника Туран III (Ю-11).

Чашеобразный знак на кресте и посетительская надпись выполнены на изваянии из междуречья Ербы и Теси (Е-37).¹⁴ При переводе рунической надписи, нанесённой на заднюю грань, специалисты указывают четыре имени собственных, которые могли принадлежать людям, наносившим рунический текст «в ходе неведомого нам обряда». Тамгообразный знак, выполненный на боковой грани изваяния, возможно, был оставлен пятым участником этого действия. Исследователи датируют тамгу серединой X в. и соотносят со временем написания текста. Стоит отметить, что ещё А.В. Адриановым в 1904 г. такой же родовой знак был зафиксирован на камне, лежащим рядом с изваянием.

Гораздо чаще **тамгообразные знаки в контексте рунических надписей встречаются на памятниках наскального искусства бассейна Среднего Енисея.**¹⁵ Сергей Григорьевич Кляшторный, при изучении надписей на плоскостях Тепсея и Турана,¹⁶ выделяет 5 типов родовых знаков. Одна из этих тамг идентична знаку на стеле из Койбальской степи (Оя, Е-27), упомянутой выше.

Неоднократно обращается к тамгам, включённым в состав рунических надписей, И.Л. Кызласов,¹⁷ описывая, например, родовой знак с плоскости на горе Куня¹⁸ или тамгу в виде круга «с усами» на скале Крест-Хай около деревни Фыркал (Е-137). По мнению археолога, «фыркальская» тамга сопровождает манихейскую надпись и используется автором в качестве подписи.¹⁹ Территория распространения подобных знаков охватывает правобережье и левобережье Белого Июса, где И.Л. Кызласовым было собрано 13 схожих тамг. На основе их типологического анализа он прослеживает видоизменение первоначального знака и датирует «фыркальскую» тамгу, как и руническую надпись, концом IX в.²⁰ Этому выводу не противоречит мнение Д.Д. Васильева, считающего, что данный рунический текст удостоверяет право собственности на зимнюю стоянку, которое подтверждает тамга владельца, занимающая главное место в тексте.

На памятниках наскального искусства Среднего Енисея известны случаи, когда тамгообразные знаки и рунические надписи, расположенные на одних плоскостях, явно были нанесены независимо друг от друга, хотя и в пределах одной эпохи. Так, на Сулекской писанице представлено 4 рунических текста (Е-39) и несколько одиночных родовых знаков. По мнению Эрдемта Ринчиновича Рыгдылона, которого поддерживает И.Л. Кызласов, надписи носят религиозный характер, а личные знаки были оставлены паломниками в эпоху средневековья.²¹

Таким образом, рунические надписи на скалах, стелах, изваяниях и курганных камнях бассейна Среднего Енисея сопровождалась тамгообразными знаками целенаправленно. Единая техника нанесения, цвет патины, стратиграфический анализ позволяют соотносить все вышеупомянутые тамги со временем распространения рунической письменности, период использования которой на Среднем Енисее одними исследователями определяется в пределах VIII–IX вв.,²² другие расширяют его верхнюю границу до X в.²³ В отдельных случаях тамги в контексте рунических надписей удаётся сопоставлять с именами собственными, упомянутыми в эпитафиях. Одни и те же тамгообразные знаки в составе рунических надписей встречаются как на скалах, так и стелах различных районов Среднего Енисея, что может свидетельствовать о родственных связях тамговладельцев, а многочисленные аналогии на памятниках Тувы – о масштабах миграций в этот период.

2017 г.

Примечания:

¹ Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. – М.: Наука, 1997. – С.33; Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири // Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. – С.319–325.

² Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. – М.: Наука, 1997. – С.7.

³ Там же.

⁴ Там же. С.33.

⁵ Там же. С.44.

⁶ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1960. – № 3. – С.93–120.

⁷ Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской писаницы // Советская археология. – 1965. – №3. – С.38–49. рис.7.

⁸ Там же; Sher, 1995, figure 25.11, 36.8

⁹ Кызласов И.Л. Тугутупская стела с древнехакасской эпитафией // СТ. – М., 1979. №5 – С.92; Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. – М.: Наука, 1997. – С. 132; Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 34 с.

¹⁰ Кызласов И.Л. Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. – М.: «Восточная литература» РАН, 1994. – С.181.

¹¹ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1960. – № 3. – С.105.

¹² Амелин С. Послание из глубины веков [Электронный ресурс] // Хакасия (ежедневное республиканское издание). URL: <http://oldgazeta19.ru/news/61656> (Дата обращения: 6.12.2017).

¹³ Кызласов И.Л. Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. – М.: «Восточная литература» РАН, 1994. – С.181

¹⁴ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности // Российская археология. – 1994. – №1. – рис. 1, с. 37.

¹⁵ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей / И.Л. Кызласов. – М.: Восточная литература, 1994. – С.181; Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири // Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. – С.319–325.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кызласов, И.Л. Рунические письменности евразийских степей / И.Л. Кызласов. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 181

¹⁸ Кызласов, И.Л. Рунические письменности евразийских степей / И.Л. Кызласов. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 81.

¹⁹ Кызласов И.Л. Фыркальская руническая надпись и её тамга // Ежегодник института Саяно-Алтайской тюркологии Хакасского университета. –Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова –Выпуск IV. – 2000. – рис. 24.

²⁰ Там же, рис. 2–4

²¹ Кызласов, И. Л. Рунические письменности евразийских степей / И.Л. Кызласов. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 188.

²² Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. – М.: Наука, 1997. – С. 83

²³ Кызласов, И. Л. Рунические письменности евразийских степей / И.Л. Кызласов. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 118.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ СИБИРИ

Е.В. Болонкина,
г. Красноярск

Основные тенденции в эволюции социально-экономического статуса казачества Енисейской губернии во второй четверти XIX века

При рассмотрении вопроса о социальной сущности казачества Енисейской губернии на протяжении втор. четв. XIX в. важно учитывать не только сословно-правовой статус, но и социально-экономический аспект этой проблемы. К началу XIX в., по справедливому мнению Г.Ф. Быкони, на территории восточносибирского региона одновременно существовали две разновидности государственного феодализма – казённое крепостничество и черносошный феодализм, а также корпоративно-феодалный (смешанный) уклад в сферах общественного производства, обмена и распределения.¹

Казачество принимало самое активное участие в экономической жизни края. Начиная с XVII в. казачество участвовало в хозяйственном освоении Сибири. В начале XIX в. правительство проявляло всё большую заинтересованность в создании в Сибири относительно дешёвой военно-полицейской силы в лице казаков. Несмотря на то, что правительство постоянно повышало размеры казачьего довольствия, его не хватало для нормального существования казаков. Поэтому им приходилось искать дополнительные средства, как и другим группам неподатного населения Приенисейского края.

Существенную роль в определении социальной сущности казаков Енисейской губернии сыграло издание в 1822 г. «Устава о сибирских городских казаках» и в 1851 г. «Положения об Иркутском и Енисейском конных казачьих полках». В этих документах были определены размеры жалования служилого сословия, а также нормы земельных наделов «для хлебопашества и скотоводства» относительно городских казаков. Служилому населению, по словам А.С. Зуева, земля отводилась в Сибири на правах условного держания за службу или выплату натурального оброка. Земля у служилых могла находиться в длительном и наследственном держании. Однако иногда практиковалась и купля-продажа условной земли. Такие сделки оформлялись местными властями и не имели юридической силы, поскольку служилый человек держал землю властью данной ему государством – верховным собственником земли. Иногда казакам удавалось захватить землю, не учтённую фиском. Они пытались закрепить эти земельные держания «владельческими» указами.

С «неслужебных» участков держатель должен был выплачивать поземельную ренту – «выдельный хлеб», в размере 1/5 урожая. При выходе служилого человека в отставку его земля облагалась «пятинным выделом». Натуральный оброк выплачивался со всей земли и неслужащими казачьи детьми. Обычно рентой облагалась не вся земля, находившаяся в держании, а только реальные посеиы. По мнению А.С. Зуева, условное землевладение служилого сословия было по характеру близко к землевладению лично свободных сибирских земледельцев – крестьян, посадских, разночинцев.² Дополнительно с 1822 по 1851 гг. размеры годового жалования казаков Енисейского полка были увеличены правительством примерно в 1,5 раза (см. табл. 1, 2).

Таблица 1. Размеры жалованья казаков Енисейского полка по Уставу (1822 г.)³

Чины	Денежное жалованье, руб. сер.	Провиант, пудов		Овёс, четверти, четверики гарнцы	За поставку сена, руб.	На ковку лошадей, руб.
		Мука	Крупа			
Атаман	114,2	43,5	4,5	13,1	8,4	4
Сотник (5 чел.)	77	21,75	2,25	9,6,6	6,3	3
Хорунжий (5 чел.)	68,5	21,75	2,25	9,6,6	6,3	3
Пятидесятник (18 чел.)	10,2	21,75	2,25	6,4,4	4,2	2
Мл. урядник (28 чел.)	3,5	21,75	2,25	6,4,4	4,2	2
Писарь (7 чел.)	6,8	21,75	2,25	3,2,2	2,1	1
Рядовые (500 чел.)	1,7	21,75	2,25	3,2,2	2,1	1

Таблица 2 Размеры жалованья казаков Енисейского конного полка по Положению (1851 г.)⁴

Чины	Численность	Жалованье, руб. сер.
Полковой командир и войсковой старшина	1	280,20
Сотенный командир (есаул)	6	88,80
Полковой адъютант (сотник)	1	88,80
Хорунжие	12	71,55
Старший урядник	24	10,65
Младший урядник	24	4,20
Приказные	24	3,45
Казаки	750	3,45

Однако, несмотря на скромные размеры жалованья, по сравнению с гражданскими чиновниками, этот источник дохода на протяжении исследуемого периода оставался единственным для существования многих городских казаков, так как доля участия казачества в сельскохозяйственном производстве и торгово-промышленной сфере была невелика и не удовлетворяла всех потребностей служилых.

Вопрос о наделении казаков землей с целью сокращения их прямого казённого содержания по «Уставу» 1822 г. и «Положению» 1851 г. решался следующим образом. Каждому служилому городскому казаку по «Уставу» полагалось «для хлебопашества и скотоводства 15 дес.». Предусматривалось, что во владении казакам оставались земли, ранее отведённые вместо «выдачи провианта натурою», и земли, «расчищенные казаками от лесов и осушенные из болот». Пожалованные за службу земельные участки также сохранялись за казаками. Отставные городские казаки и неслужилые казачьи дети по «Уставу» не получили никаких земельных участков. В 1824 г. данные правила были распространены и на станичных казаков.⁵ Но в станицах земельные участки отводились и на отставных, и на казачьих детей. На пограничных казаков положения Устава не распространялись. На служащих казаков и их детей полагалось по 6 дес., а на отставных казаков – по 15 дес. В земельный казачий надел должны были войти все виды угодий – пахотные, сенокосные, лесные места, а также выгоны для скота. Казачьи наделы не облагались никакими платежами в казну, и владение ими не влекло за собой лишения части жалованья. Станичным казакам, которые составляли особые поселения или же проживали компактными группами в одном населённом пункте вместе с крестьянами, отводились земли также целиком на всех казаков. Те же станичные казаки, которые были рассеяны мелкими группами по крестьянским селениям, получали наделы по «узаконенной пропорции» из земельных дач тех крестьянских обществ, на территории которых проживали. Эти наделы могли отводиться как целиком на всех казаков, так и индивидуально каждому

дворохозяину. Подобная практика наделения земель станичных казаков не позволяет определить общую площадь их земельных наделов и посевов.

Новый этап в экономическом положении енисейского казачества начался после издания в 1851 г. «Положения об Иркутском и Енисейском конных казачьих полках», по которому определялись новые нормы землеустройства. Чины полков не имели права продавать отведённые им земли, которые навсегда оставались принадлежностью полков. Также запрещалось на землях полков водворяться людям, не принадлежащим казачьему сословию. Мера поземельного довольствия определялась для офицера в 60 дес., для казака – в 30 дес. В тех местах, где было недостаточно способной к хлебопашеству и скотоводству земли и где «из-за сурового климата земледелие и скотоводство были невозможны», отводились выгодные и удобные места для рыбной ловли и пушного промысла. По «Положению» 1851 г. казакам предоставлялось право «пользоваться всеми промыслами, каждому месту свойственными». В местах, «где коренные жители без всякого разделения участков пользуются равным правом промысла», казаки, разделяя с ними это право, не должны были «стеснять коренных жителей и не присваивать участки», принадлежавшие издавна инородцам.⁶

До вт. четв. XIX в. учёт скота в хозяйствах служилых людей практически не вёлся, так как обеспеченность им никак не влияла на размер казачьего жалованья, а сам скот не облагался никаким оброком. Поэтому определить, сколько скота было у станичных казаков, проживавших вместе с крестьянами, невозможно. Это связано с тем, что подсчёт скота земским ведомством вёлся по населённым пунктам без сословной принадлежности скотовладельцев. «Устав» 1822 г. специально не рассматривал вопросы казачьего скотоводства, зато вводил новое расписание строевым лошадям. Полковому атаману полагалось иметь 4 лошади, офицеру – 3, уряднику – 2, рядовому казаку – 1. В такой же пропорции казаки наделялись сенокосными паями из расчёта, что один пай равнялся 5 десятинам земли.⁷ Были увеличены нормы поземельного довольствия, включающего в себя сенные покосы и скотский выпуск, что позволило казакам содержать собственное поголовье скота. Тем более что экстенсивное скотоводство (отгонное, пастбищное) не требовало больших людских и материальных ресурсов. В 1863 г. во владении казачьего полка числилось 6,9 % разного рода земельных угодий от общей площади земли в губернии.⁸

Содержание хозяйственной деятельности служилых людей во многом зависело от природно-климатических условий тех мест, где они служили. В Туруханском крае, где земледелие было практически не развито, рядовые казаки, как и местное население, занимались рыболовством и промыслами. Рыболовные угодья по «Уставу» 1822 г. были отведены в безоброчное пользование казачьим сотням. Угодья раздавались с «торгов» в оброчное содержание всем желающим. Казаки же при этом не имели никаких преимуществ. У основной массы казаков не хватало материальных средств, чтобы приобретать «рыболовные статьи», поэтому, в основном, они находились в пользовании купечества, мещан, крестьян и «инородцев». Звероловством казаки занимались в тех местах, которые были бедны сенокосными и пахотными угодьями. Служилые люди, как и русские крестьяне, добывали зайцев, горностаев, лисиц и белок. Добытую пушнину казаки сбывали купцам перекупщикам.

Говоря об участии казаков в торговле и промышленности во вт. четв. XIX в., важно отметить, что этот вопрос специально не рассматривался в законодательных проектах 1822, 1851 гг. Хотя по «Уставу» 1822 г. городским казакам разрешалось, «имея свои собственные дома в городе, пользоваться всеми видами промышленности, жителям оного предоставляемым». Станичным же казакам дозволялось «пользоваться всеми промыслами, не исключая и мелочной торговли».⁹ По «Положению» 1851 г. за казаками подтверждались все эти права. По данному документу казакам предоставлялось право заниматься «мелочной торговлей как между собою, так с коренными жителями», а также они получали право мены.

Однако, судя по архивным материалам, относящимся ко вт. четв. XIX в., казаки не слишком активно использовали предоставленные им торгово-промышленные права. Так, в 1858 г. в Красноярске осуществляли торговлю по билетам Енисейского казачьего полка только два человека –

Г. Молотилин и И. Хилков. Они торговали съестными припасами, сахаром, чаем и другими купеческими товарами.¹⁰

Ремесло у казачества существовало в небольших размерах. Они выделывали кожу, войлок, изготавливали верёвки, нитки, свечи и т.п. Готовые изделия поставлялись на нужды самой казачьей команды.

Иногда казачество Енисейского полка занималось извозным промыслом на Московско-Сибирском тракте, а также на золотых промыслах губернии. Но это занятие требовало длительных отлучек, и поэтому не все казаки могли позволить себе длительное время заниматься извозом. Лишь состоятельные казачьи офицеры могли нанимать работников и брать на откуп извоз.¹¹

Таким образом, в социально-экономическом плане в среде казачества существовал разрыв в положении казачьих старшин и основной массы служилого сословия, который проявлялся в более ущербном правовом и экономическом состоянии последних. Единственным источником существования для многих городских казаков становилось государственное жалование, так как торгово-промышленная и сельскохозяйственная деятельность казаков была очень скромных размеров. В целом казачество Енисейской губернии являлось специфическим социальным слоем, находящимся между управленческой властной верхушкой и трудовыми низами. Подобного рода тенденция характерна для феодального общества.

2016 г.

Примечания:

¹ Быконя Г.Ф. Формирование и особенности сословно-социального статуса военно-бюрократического дворянства Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в.: дисс. в виде науч. доклада д-ра ист.наук. – Иркутск, 2002. – С.67–68.

² Зуев А.С. Некоторые методологические аспекты изучения землевладения в Сибири // Методологические проблемы изучения истории Сибири. – Новосибирск, 1988. – С.98.

³ Устав о сибирских городских казаках. //Учреждение для управления Сибирской губернией. – СПб., 1822. – С.33–34.

⁴ Положение об Иркутском и Енисейском конных казачьих полках. – СПб., 1851. – С.14.

⁵ Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во вт. четв. XVIII – пер. пол. XIX вв. – Новосибирск: НГУ, 1994. – С.131–132.

⁶ Положение об Иркутском и Енисейском конных казачьих полках. – СПб., 1851. – С.8.

⁷ Устав о сибирских городских казаках//Учреждение для управление губернией. – СПб., 1822. – С.33–36.

⁸ Андюсов Б.Е. Сибирское краеведение: Учебное пособие. Красноярск: РИО КГПУ, 1998. – С.16.

⁹ Положение об Иркутском и Енисейском конных казачьих полках. – СПб., 1851. – С.19, 25.

¹⁰ КГКУ ГАКК (Красноярское государственное казённое учреждение «Государственный архив Красноярского края») Ф.160. Оп.1. Д.211. Л.153.

¹¹ Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во вт. четв. XVIII – пер. пол. XIX вв. – Новосибирск: НГУ, 1994. – С.158.

А.В. Генералов,
г. Минусинск

Белые формирования Енисейской губернии
(на примере 30-го Чернореченского стрелкового полка)

Тема Гражданской войны является одной из актуальных тем в историографии XX века. Её изучение проявляется не только интересом к боевым действиям на фронтах, но и к политике и идеологиям противоборствующих сторон. Своеобразная проблема изучения Гражданской войны заключается в том, что в советской историографии, исследованиям по проигравшей стороне конфликта не придавали особого значения, хоть и для полноценного понятия происходивших в те времена исторических процессов этого недостаточно. Чтобы дать подробный анализ прошедших событий, необходимо исследовать не только «красную» сторону конфликта.

В современной историографии уделено внимание белому движению. В некоторых трудах можно увидеть восхваление «белых» и принижение «красных», несмотря на то, что историк должен быть беспристрастным. В данное время трудно судить о действиях и поступках людей, воевавших по обе стороны, и ставить общие клейма хотя бы потому, что окружающая действительность в

1910-20-х гг. была совершенно иной, нежели наш современный мир. Как бы мы поступали в тех условиях – сложно предположить.

Объектом исследования являются белые части, сформированные в годы Гражданской войны на территории Енисейской губернии. Перед исследователем стояли следующие задачи – изучить вопросы формирования частей; комплектования личным составом; социальный статус и политические убеждения нижних чинов и офицеров; оснащённость униформой, снаряжением, вооружением; участие в боевых действиях; и судьбы военнослужащих после Гражданской войны.

Предметом исследования был выбран 30-й Сибирский Чернореченский стрелковый полк – один из четырёх полков 8-й Сибирской стрелковой дивизии, имеющий, в отличие от остальных частей, интересную боевую судьбу. Хронологические рамки исследования охватили период с начала 1919 г. (формирование Сибирских стрелковых дивизий) до кон. 1919 – нач. 1920 гг. (отступление Сибирской армии с Восточного фронта и её гибель в результате Красноярской операции). Территориальные рамки не ограничиваются Енисейской губернией (место формирования и первоначальной дислокации 30-го Чернореченского полка), они также затрагивают территорию Сибири и Урала (полк вёл боевые действия в Курганской области и участвовал в Великом Сибирском походе от Кургана до Красноярска).

1919 г. был решающим на фронтах Гражданской войны. Советское государство и белое командование приняли меры, объявив тотальный призыв в армию. В связи с массовой мобилизацией населения Сибири 23 марта 1919 г. были сформированы пять новых дивизий (для колчаковской армии – *ред.*) – 8-я, 11-я, 12-я, 13-я, 14-я Сибирские стрелковые дивизии. Данные дивизии должны были стать основной ударной силой на Восточном фронте. 8-я Сибирская стрелковая дивизия со штабом в Красноярске включала в себя 29-й Ачинский, 30-й Чернореченский (дислокация – г. Ачинск), 31-й Красноярский (г. Красноярск) и 32-й Канский (г. Канск) стрелковые полки, а также 8-й Сибирский артиллерийский дивизион, 8-й Сибирский инженерный дивизион и Егерский батальон. Личный состав дивизии был набран по мобилизации, проходившей в мае-июне 1919 г. на территории Енисейской губернии. Большой приток новобранцев дал Минусинский уезд. Под мобилизацию в дивизию попадали молодые люди 1897-1900 гг. рождения, по состоянию на август 1919 г. 30-й Чернореченский полк насчитывал 896 штыков в 8 стрелковых ротах, нестроевую команду и 33 офицера. Основная масса призывников была из крестьян – землепашцев, ремесленников и чернорабочих, большей частью неграмотных. Крестьяне были необучены военному делу и времени на полноценное обучение у них не было, лишь немногие имели боевой опыт (в частности, стрелок 30-го Сибирского полка Григорий Потылицын из деревни Корякова участвовал в Первой мировой войне). Не лучше обстояло и с офицерами. Большой процент кадровых офицеров царской армии остался в европейской части России, и командирские должности занимали офицеры военного времени. Офицер военного времени – обычно солдат, заслуживший своей храбростью офицерский чин, но в Енисейской губернии это зачастую были мобилизованные крестьяне и мещане, имеющие образование на уровне гимназии или реального училища, либо чиновники, служащие, учителя. Не имеющие реального боевого опыта, эти люди в своей массе не отличались подготовкой от нижних чинов. Для примера, офицер 30-го Чернореченского полка Эзерский Анатолий Николаевич был призван по мобилизации в марте 1919 г. и с 25 мая по 15 июня находился на краткосрочных офицерских курсах в Екатеринбурге, где получил чин подпоручика.

После укомплектования 8-я Сибирская стрелковая дивизия к августу 1919 г. должна была отправиться в полном составе на Восточный фронт. На обучение и боевое слаживание частей дивизии отводили июнь и июль 1919 года. Однако 30 июля 1919 г. в Красноярске произошло восстание городского гарнизона, эпицентром которого стал 31-й Красноярский стрелковый полк. После его подавления было принято решение оставить 8-ю Сибирскую стрелковую дивизию в Енисейской губернии, бросив её боеспособные силы на борьбу с партизанами, а на фронт отправить лишь один 30-й Чернореченский стрелковый полк. На вооружении полка к моменту отправки были 3 станковых пулемёта Кольта и 8 ручных пулемётов Льюиса. Оставался открытым вопрос с униформой полка. Вновь сформированные сибирские дивизии получили форму и снаряжение британ-

ского образца – суконная униформа цвета хаки и брезентовое снаряжение обр. 1908 г., но, по всей видимости, в 8-й Сибирской стрелковой дивизии преобладала форма русского образца. Об этом косвенно свидетельствуют документы из архива г. Минусинска о трофейном обмундировании и снаряжении, взятых Красной армией на складах Красноярска и Иркутска. В описи имущества фигурирует форма и снаряжение старого русского образца – гимнастёрки, фуражки, шинели, папахи, поясные ремни, кожаные патронные сумки, патронташи, фляги, котелки. В работе московского историка Н.А. Кузнецова «Морские стрелки адмирала А.В. Колчака в Сибири 1918-1920» указывается русская форма и снаряжение для Бригады морских стрелков, поступившее из Красноярска в апреле 1919 года. Однако и не исключён процент британской униформы в Енисейской губернии – это подтверждают археологические находки британских форменных пуговиц и снаряжения.

Прибыв на фронт в середине августа 1919 г., 30-й Чернореченский полк был определён в Уфимскую группу войск под командованием генерал-майора Войцеховского. Полк занимал позиции севернее железной дороги у города Кургана, от излучины реки Тобол у деревни Козьмино до деревни Меньшиково (ныне Нижнетобольное). По соседству с полком стояла 13-я Сибирская стрелковая дивизия, сформированная в Новониколаевске (ныне Новосибирск – *ред.*). Готовилась Тобольская наступательная операция Восточного фронта. 23 августа 1919 года полк впервые вступил в бой. 12-я Уральская дивизия была брошена в наступление для ликвидации противника, прорвавшегося на станцию Лебяжье. 30-му Чернореченскому полку предписывалось находиться в резерве в деревнях Якунино и Нижнеглубокая, выделив несколько рот в поддержку атаки. 47-й Тагильский полк к тому времени уже атаковал станцию с тыла, две роты 30-го Чернореченского полка с пулемётом атаковали станцию с фланга со стороны деревни Черешково. Ещё один батальон полка занял деревню Верхнеглубокая. Подошедший белый бронепоезд «Кондор» открыл дружелюбный огонь по 47-му Тагильскому полку, атака была провалена. К вечеру 24 августа 1919 г., красный 239-й Курский полк отбросил арьергард 30-го Чернореченского полка и занял с боём деревню Верхнеглубокая. 25 августа 1919 г. полк атакует занятое красными село Островное, однако после контратаки конной разведки 240-го Тверского полка красных отступает с позиций, теряя личный состав убитыми и пленными. После неудачного боя за Островное командир полка полковник Фёдоров не исполняет приказ командира 12-й Уральской дивизии генерал-майора Р.К. Бангерского о наступлении, оправдываясь большими потерями полка и усталостью бойцов. Полк уменьшился до 550 штыков, но не только за счёт убитых и раненых, а в основном – отставших и сдавшихся в плен.

4 сентября 1919 г. белые части Уфимской группы войск всеми силами переходят в наступление. 30-й Чернореченский полк, заняв с боём деревни Троицкая, Русаковская и Петухово, 11 сентября 1919 г. выходит на позиции перед селом Могильное, занятом красным 241-м Крестьянским полком. Подход к селу проходил через множество озёр, и в силу этого быстро атаковать без потерь было невозможно. После людских потерь 30-й Чернореченский полк отошёл от села. 12 сентября 1919 г. командир полка полковник Фёдоров за нерешительность и нарушение приказа был снят с должности и отдан под суд, командование полком принимает капитан Четырбин.

16 сентября 1919 г. атака на село Могильное была повторена силами трёх полков. Могильное было захвачено, но успех закреплён не был, и белые отошли. Стрелок 5-й роты Николай Панков из села Черемшанка Имисской волости в ходе этого боя был ранен и отправлен в Новониколаевск. В ходе неудачных боев за Могильное полк уменьшился до 357 штыков и был отведён на отдых в деревню Чистое.

19 сентября 1919 г. Уфимская группа войск предприняла наступление на участке 27-й дивизии РККА. Заняв с боём село Дубровное, 30-й Чернореченский полк 22 сентября 1919 г. выдвигается для атаки на село Высоково. Атака была неудачной из-за того, что у приданных полку двух артиллерийских батарей оказались бракованные снаряды. Простояв на позициях у Высоково до 26 сентября 1919 г., полк, насчитывающий около 150 штыков, был отведён на станцию Лебяжье. К этому времени относятся воспоминания генерал-лейтенанта К.В. Сахарова: «Полк выведен в резерв на три дня, чтобы дать людям время отдохнуть, поспать, помыться в бане, сменить бельё. Пополнили ряды полка, чем могли, что набрали сами из выздоровевших, из 46 добровольцев, да

из армейских офицерских школ. И через три дня, полк получил приказ снова идти на позицию, чтобы дать возможность отдыха другой части. 30-й полк выстроен в каре около станции Лебяжья; посередине стоит аналой, и священник в потёртой золотой ризе служит панихиду по воинам, павшим в сентябрьских боях. Затем я обхожу ряды полка, разговариваю с офицерами и стрелками. Большинство из них одеты в летнее. Редко, редко сереют пятнами суконные шинели. – Да и те достали от комиссаров, когда гнали большевиков к Тоболу, – докладывает командир полка. А вот стоит стрелок в летней рубаше, с полным походным снаряжением, но на место штанов спускается вниз простой грубый мешок, надетый как юбка. Старые брюки его износились, новых не достал, а прикрыть наготу нужно было. Вот он взял и надел мешок, один из тех, в которых возят хлеб и муку. И ещё несколько таких же фигур виднелось в рядах славного, геройского полка. Больно было смотреть – эти люди шли безропотно и охотно на боевую службу, в передовую линию, где приходилось круглые сутки, под дождём и на ветру, при утренних заморозках быть на посту».

В течение октября 1919 г. белые силы Уфимской группы войск переходят к оборонительным позиционным боям и несут большие потери. 30-й Чернореченский полк, как устойчивая часть, постоянно участвует в боях, несмотря на то, что его численность меньше батальона. Армия деморализована и, постепенно переставая существовать как полноценная военная машина, оставляет фронт. Так начинается отступление белых армий Восточного фронта, известное как Великий Сибирский Ледяной поход. 30-й Чернореченский полк отходит к Петропавловску (стрелок 5-й роты Степан Жилкин из села Тигрицкое участвует в боях за город), после взятия города «красными» отходит дальше на восток. При отступлении пришлось оставлять своих раненых на занятых «красными» территориях. Раненый Фёдор Мартынов из села Берёзовка Курагинской волости был взят в плен в декабре 1919 г. в городе Курган. В Щегловской тайге (современная Кемеровская область) отступающая Белая армия подвергается нападениям красных партизан (здесь сдаются в плен партизанам стрелки 30-го Чернореченского полка Герасим Мясников из Успенки и Андрей Баяндин из Петропавловки). Окончательно полк перестаёт существовать в ходе Красноярской операции (известной также как Красноярская катастрофа). В районе Ачинск–Ужур–Красноярск большое количество белых солдат сдаётся в плен наступающей Красной армии и сибирским партизанам.

Дальнейшую судьбу сдавшихся в плен белых солдат можно узнать по советским документам 1920-х годов. Мобилизованные солдаты и офицеры привлекались к исправительным работам, а также шли на службу в Красную армию и на работу в советские учреждения. Военнопленные из Минусинского уезда отправлялись работать на Черногорские угольные копи, рудники «Юлия» и «Коммунар». Последний командир 30-го Чернореченского полка, капитан Сальников Павел Степанович работал в 1-м Красноярском концлагере для военнопленных и был освобождён в 1923 году. По архивным материалам, бывшие солдаты 8-й Сибирской стрелковой дивизии не подвергались репрессиям 1930-х гг. и принимали участие в Великой Отечественной войне. На фронтах войны были убиты бывшие солдаты 30-го Чернореченского полка Герасим Мясников, Василий Ярусов, Пимен Щелкунов, Григорий Потылицин. В силу возраста этих уже пожилых людей привлекали к службе в штабах и во вспомогательных подразделениях, однако служившие в обозе Тимофей Баранов (1256-й стрелковый полк) и Лаврентий Суворов (1066-й стрелковый полк), за боевые подвиги на передовой были удостоены медалей «За Отвагу». А бывший белый стрелок Коржев Прокопий Васильевич из деревни Моисеевка, с 1942 г. – старший сержант 845 стрелкового полка, командир миномётного расчёта, был награждён двумя медалями «За отвагу». Выходя из окружения, он вынес при этом на себе 81-мм миномёт и раненого солдата.

2016 г.

Источники и литература:

1. МКУ «Архив города Минусинска».Ф.Р-1. О.1. Д.41.
2. МКУ «Архив города Минусинска».Ф.Р-8. О.1. Д.74.
3. МКУ «Архив города Минусинска». Ф.Р-25. О.1. Д.313.
4. МКУ «Архив города Минусинска». Ф.Р-191. О.1. Д.22.

5. ЦАМО. Ф.33. О.690155. Д.1565.
6. ЦАМО. Ф.33. О.717037. Д.2150.
7. *Винокуров О.А.* Битва на Тоболе: 1919 год в Курганской области [Текст] / О.А. Винокуров – Курган, издательство «Шумиха», 2013. – 272 с.
8. Восточный фронт адмирала Колчака [Текст] – М., Центрполиграф, 2004. – 651 с.
9. *Крылов А.Б.* Сибирские полки на германском фронте в годы Первой мировой войны [Текст] / А.Б. Крылов – М., Книжный мир, 2014. – 416 с.
10. *Кузнецов Н.А., Петров А.А.* Морские стрелки адмирала Д.В. Колчака в Сибири 1918-1920 / Н.А. Кузнецов, А.А. Петров // Старый Цейхгауз. – 2012. – № 46. С. 56-67.
11. *Мармышев А.В., Елисеенко А.Г.* Гражданская война в Енисейской губернии [Текст] / А.В. Мармышев, А.Г. Елисеенко – Красноярск: издательство ООО «Версо», 2008. – 416 с.
12. *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири [Текст] / П.А. Новиков – М., Центрполиграф, 2005. – 415 с.
13. *Цветков В.Ж.* Генерал Дитерихс [Текст] / В.Ж. Цветков – М., Посев, 2004. – 31 с.

Ч.А.-С. Монгуш,
г. Кызыл, Республика Тыва

История письменности тувинцев

Создание тувинской письменности занимает важное место в истории Тувы. В собраниях тувинского музея хранятся уникальные музейные коллекции, свидетельствующие о том, какие формы письменности были в тувинской культуре, начиная с памятников с древнетюркским руническим письмом и заканчивая документами на латинизированном алфавите.

Как известно, предки тувинцев в VI–VIII вв. создали свою руническую письменность. Язык тюркоязычных племён периода Тюркского каганата (VI – VIII вв.), дошедший до нас в памятниках древнетюркской рунической письменности, послужил той основой, на которой впоследствии сформировался тувинский язык. По мнению тюркологов, из всех тюркских языков, именно в тувинском языке в наибольшей степени сохранились особенности древнетюркского языка, зафиксированного в орхоно-енисейских письменных памятниках.¹

Древнетюркской рунической письменностью владела не только элита, но и некоторая часть рядовых кочевников.²

В коллекции стелария тувинского музея особое место занимают стелы с рунической письменностью енисейского варианта, датируемые VIII–XI вв. Памятники с енисейскими надписями в основном были обнаружены в центральных, южных и западных районах Тувы. Вертикальные стелы с надписями ставили при поминальных сооружениях самых выдающихся полководцев, прославленных многочисленными победами,³ имеются и одиночные стелы.⁴ Они являются надгробными эпитафиями–обращениями наиболее прославленных представителей знати – каганов, военачальников – к своим соплеменникам. В них говорится об их военных и государственных заслугах,⁵ о быстротечности жизни, скорби по поводу разлуки с близкими, обращения к богам и т.д.

В данных надписях употребление и значение многих слов с незначительными изменениями сохранились во многих современных тюркских языках, в том числе и тувинском. К ним относятся названия этносов, местностей и некоторые слова: «солнце» (кун – хүн), «синее небо» (кок тенгри – көк дээр), «звезда» (йылдыс – сылдыс), «земля» (йер – чер), «вода» (суб – суг), «сын» (огул – оглу), «царь» (каган – хан), «отделился» (адырылтым), названия порядковых цифр: один, два, три, пять, девять и т.д. (бир, ики – ийи, үш, беш, токуз – тос) и многие др. Имеются названия божеств: Кок тенгри – синее небо, Йер-су – дух земли и воды, т.е. земной поверхности, и Умай – покровительница детей и плодородия.⁶

Как считают некоторые исследователи, по уровню выразительности знаки рунического письма

напоминают петроглифы.⁷ Уйгуры в период VIII-IX вв. имели ту же письменность, основанную на орхонском алфавите.⁸

Древнетюркская руническая письменность была известна и древним кыргызам (IX-XI вв.).

Со времени завоевания Тувы монгольскими племенами в XIII в. предки тувинцев знакомятся со старомонгольской и тибетской грамотой. Среди них появляются собственные писцы (тув. бижээчи). К XVIII в., периоду господства маньчжурской империи Китая, часть тувинцев владела этими грамотами. Старомонгольской письменностью пользовались в Туве вплоть до начала XX в. Грамоту знали чиновники, феодалы и ламы. Письмом пользовались в делопроизводстве, в личной и официальной переписке.⁹ В экспозиции тувинского музея имеются коллекции государственного значения – это Конституция Тувинской Народной Республики 1926 г. и печати на старомонгольской письменности. В то же время также на этой письменности выпускались газеты и журналы.

В начале 1920-х гг. на территории Тувы буддийские монастыри (тув. хурээ) являлись центрами просвещения науки и культуры. Многие семьи отдавали своих 5-6 летних детей-мальчишек в монастыри для получения образования. В них изучались тибетский язык, алхимия, поэтика, ботаника, фармакология, анатомия, медицина, философия. В хурээ создавались богатейшие библиотеки со светскими и буддийскими книгами и рукописями, печаталась религиозная литература.

Некоторые образованные люди, входившие в состав первых членов правительства Тувинской Народной Республики – руководители, так и канцелярские работники, являлись выходцами из ламской среды. Так, основатель тувинской государственности Монгуш Буян-Бадыргы (1892-1932) был учеником известного монгольского ламы Оксала Уржута.¹⁰ М. Буян-Бадыргы помимо родного языка знал русский, монгольский, тибетский, китайский языки.

Среди образованных лам были и писцы, которые переписывали религиозные тексты – сутры на тибетском и монгольском языке. В экспозиции музея представлены самые распространённые сутры, которые имелись почти во всех семьях и читались при всех жизненных обстоятельствах – для предотвращения болезни и несчастья, для умножения скота и богатства и т.д. Например, сутра «Чадамба» на старомонгольской и тибетской письменностях. После её прочтения устраняются все неблагоприятные обстоятельства. Кроме этого в экспозиции представлены деревянные матрицы для печатания текстов сутр на тибетском языке.

В начале 1920-х гг., с основанием Тувинской Народной Республики (1921 г.), правительством Тувы неоднократно поднимался вопрос о создании национальной письменности, о повышении культурно-образовательного уровня коренного населения, поскольку государственное образование по охвату обучением seriously уступало монастырскому.¹¹ Руководство республики неоднократно обращалось за помощью к советским учёным, одновременно поручили разработать письменность настоятелю Верхне-Чаданского монастыря Монгушу Лопсан-Чимиту (1888-1940). Он был образованным человеком, прошедшим обучение в Монголии и Тибете, владел монгольским, китайским, латинским, немецким, английским языками. М. Лопсан-Чимит разработал алфавит на основе немецкой графики. Но его проект советские специалисты оценивали критично, о её трудном и сложном звуковом строе. По этой причине, а также по политическим мотивам, так как он был служителем культа – лама, этот алфавит на VIII съезде Тувинской Народно-Революционной Партии (1929 г.) был отвергнут, и принято решение обратиться за помощью к советским специалистам.

В 1929 году по заказу руководства Тувы профессор Н.Н. Поппе разработал и представил проект тувинской письменности, созданный на основе единого новотюркского алфавита. Но, несмотря на его достоинства, этот алфавит был отклонён.

Образуется лингвистическая комиссия при НИАНКП (Научно-исследовательская ассоциация национальных и колониальных проблем) для создания алфавита, правил орфографии и букваря. В разработке письменности участвовали А.А. Пальмбах, С.Е. Малов, Н.Ф. Яковлев, Н.Н. Поппе. Комиссии помогали также студенты тувинцы, обучавшиеся в то время в Москве. В апреле 1930 г. на совещании по разработке тувинского алфавита и орфографии в НИАНКП новотюркский латинизированный алфавит принимается как основа тувинской письменности. В начале июня 1930 года в

Тува прибыла научная экспедиция НИАНКП. 28 июня 1930 г. декретом правительства Тувинской Народной Республики была введена письменность на основе новотюркского латинизированного алфавита.¹²

Некоторое время пользовался латинизированный новотюркский алфавит. На этом алфавите выпускались книги, учебники, газеты, журналы, агитационные плакаты периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., которых тоже можно увидеть в экспозиционных залах тувинского музея. Со второй половины 1930-х гг., начался массовый перевод письменности народов СССР с латинской на русскую графическую основу. Их примеру последовала и Тува. В апреле 1941 г. XII съезд Тувинской Народно-Революционной Партии принял соответствующее решение. Подготовка проекта новой письменности осуществлялась комиссией по языку и письменности при Совете Министров Тувинской Народной Республики, членами которой являлись А.М. Белек-Баир, С.С. Лопсан, Л.Б. Чадамба, А.М. Чымба, а руководил этой работой А.А. Пальмбах. Перевод тувинской письменности на русскую графическую основу завершился в 1945 г., с вхождением Тувы в состав СССР (1944 г.).¹³ С тех пор тувинский народ полноправно имеет свою письменность, алфавит из 36 букв с национальными буквами ө,н,ү.

Таким образом, создание тувинской письменности положило начало дальнейшего культурного и исторического развития тувинского народа.

2016 г.

Примечания:

¹ История Тувы. В 2 т. – Том I. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. Ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – с. 109-110.

² История Тувы. В 2 т. – Том I. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. Ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – с. 149.

³ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. Издательство Московского университета. М., 1969. – с. 44.

⁴ Там же. С.114.

⁵ История Тувы. В 2 т. –Том I. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. Ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – с. 102.

⁶ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. Издательство Московского университета. М., 1969. – с. 49.

⁷ Будегечи Т. Художественное наследие тувинцев. М., 1995. – с. 125.

⁸ История Тувы. В 2 т. – Том I. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. Ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – с.131.

⁹ Будегечи Т. Художественное наследие тувинцев. М., 1995. – с. 126.

¹⁰ История Тувы: В 3 т. – Т.II / Под общ. Ред. В.А. Ламина. – Новосибирск: Наука, 2007. – с.243.

¹¹ Там же. С.246.

¹² Там же. С.270.

¹³ История Тувы. В 2 т. – Том I. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. Ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – с. 271.

В.А. Паршуков, г. Ульяновск
А.Н. Тимофеев, г. Красноярск

Судьбы Енисейских казаков – выпускников Читинского военного училища

Созданное в годы Гражданской войны Читинское военное училище (ЧВУ, первоначально – Читинская военная школа) выпустило сотни офицеров. Среди них были и уроженцы Енисейской губернии. Имеются лишь отдельные работы, посвящённые выпускникам – «читинцам» из Енисейской губернии,¹ судьбы других енисейских казаков, выпускников ЧВУ, ещё не исследовались. Данная работа является попыткой проследить судьбы некоторых казаков на основе архивных документов.

Енисейское казачье войско (ЕКВ), образованное в мае 1917 г., имело незначительное количество офицеров – казаков по происхождению. В строевых частях ЕКВ офицерами служили преимущественно так называемые приписные казаки, вступившие в войско в 1917 – 1918 годах.

О том, что войску нужны свои офицеры, выходцы из енисейских казаков, говорилось на 5-м

Большом Круге ЕКВ (Енисейского казачьего войска). Практика показала, что не знающие кавалерийского дела приписные казаки не всегда пользовались авторитетом у енисейских казаков, и от этого страдала дисциплина. Офицеры из приписных казаков не могли навести порядок в подразделениях, и например, 5-я казачья сотня 1-го Енисейского казачьего полка была расформирована «за пьянство и дебоши казаков». Кроме того, казачьи сотни, несли потери в боях. Так под Енисейском, при подавлении восстания, погибло сразу несколько офицеров.

Чтобы восполнить недостаток в офицерах, хорунжим В.И. Розановым был направлен на утверждение командованием наградной список на казаков 1-го Енисейского казачьего полка Власова, Серебренникова, Каргополова, Скобеева и Катцина, представленных к чину прапорщика за боевые заслуги,² но этого было недостаточно. По распоряжению атамана войска А.Н. Тялшинского, свыше десятка казаков были командированы в различные военные училища: Оренбургское казачье военное училище (переведённое в г. Иркутск), Иркутское военное училище, Морское военное училище во Владивостоке, Читинское атамана Семёнова военное училище.

Согласно приказу по 1-му Енисейскому казачьему полку, десять казаков было отправлено в ЧВУ: «Ниже поименованных казаков, командированных в г. Читу в Читинскую офицерскую школу, полагать в названной командировке. Исключить их с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 31 мая с.г., зачислив на кормовое довольствие с того же числа по 10 июня. Лошадей их исключить с фуражного довольствия с 10 июня с.г., согласно отметке в списке...».³ Все они отправлены из Красноярска в Читу со своими строевыми конями (пр. № 211 от 1.06.1919) и позже были зачислены в казачью сотню ЧВУ:⁴

Таблица 1.⁵

ФИО	Дата и место рождения	Чин/звание и команда
Байкалов Николай Николаевич	9.08.1897, Енисейская губ.	Старший урядник 2-й сотни
Байкалов Яков ?	Енисейская губ.	Казак «команды молодых»
Зонов Александр ?	?	«
Ковригин Александр Павлович	14.11.1900, г. Красноярск	Младший урядник учебной команды
Плотников Виктор ?	?	Старший урядник писарской команды,
Стародубцев Лев ?	?	Казак 1-й сотни
Стрижнев Иван ?	?	Казак писарской команды
Суховский Вениамин Павлович	16.03.1898, с. Заледеевское Енисейской губ.	Казак учебной команды
Тольский Александр Андреевич	25.08.1898, г. Минусинск	Казак учебной команды с 8.08.1917
Юшков Афанасий Гаврилович	17.01.1895, Енисейская губерния	Младший писарь писарской команды

БАЙКАЛОВ Николай Николаевич (9.08.1897 – 1968). Выпускник ЧВУ. Сотник. Состоял в группе енисейских казаков-джигитов, гастролировавших по Юго-Восточной Азии. Проживал в Шанхае, в картотеке шанхайской полиции указана его профессия – музыкант. В Австралии работал на сборе сахарного тростника в Квинсленде. Похоронен в Брисбене, на кладбище Маунт Граватт (Mount Gravatt). Жена: Байкалова (ур. Кореневская) Капитолина (ок.1897 – 1992). Дети: Николай и Надежда.⁶

КОВРИГИН Александр Павлович (14.11.1900-?). В 1918 году окончил 1-ю губернскую гимназию в г. Томске, где проживал с родителями.

С началом формирования 1-го Енисейского казачьего полка в июне 1918 года поступил в него добровольцем. Вместе с полком участвовал в 1918 г. в боях на Восточном фронте под Читой, в подавлении Минусинского крестьянского восстания, освобождении г. Енисейска в 1919 г. и других операциях против партизан в Енисейской губернии. В одном из боёв получил ранение в грудь. Был награждён Георгиевским крестом 4 ст.

В 1919 г. поступил в Читинское военное училище, по окончании которого в 1920 г. был произведён в чин хорунжего. Назначение получил в свой 1-й Енисейский казачий полк, где занимал должность начальника команды связи. В 1921 г. откомандирован в Омский полк, в его составе участвовал в Хабаровском походе, командуя 6-й и 7-й ротами. С 1922 г. назначен взводным офицером конного эскадрона Омского полка, который в составе частей 2-го Сибирского корпуса вёл бои в Приморье.

После эвакуации в октябре 1922 г. через станцию Пограничная вместе с остатками Белой армии прибыл в Маньчжурию, работал на лесной концессии братьев Поповых, а с 1924 по 1932 гг. служил старшим ремонтным рабочим на станции Мацяохэ КВЖД. В 1934 г. поступил на службу полицейским в железнодорожную полицию на ст. Мулин, а с 1935 г. служил агентом уголовного розыска сначала на ст. Хайлин, а затем в г. Харбине. На 1935 г. – не женат. Изучал японский язык.

В эмиграции состоял в различных общественных организациях: в Комитете помощи русским беженцам, был членом бюро по делам русских эмигрантов в Союзе бывших воспитанников Читинского атамана Семёнова военного училища, а также в Союзе военных на Дальнем Востоке.⁷

СУХОВСКИЙ Вениамин Павлович (англ. V.P.Souhovsky; 16.03.1898, с. Заледеевское–после 1945). Русский, православный, из семьи священника, настоятеля (1918) Вознесенской церкви г. Минусинска. Учился в железнодорожном училище на ст. Клюквенная Енисейской губ. (1910-1911), обучался в Красноярской губернской гимназии (1911-1913 гг. в 1, 2 классах),⁸ окончил Минусинское реальное училище (1918) и Читинское военное училище (1920).

В 1917 году состоял в подпольной офицерской организации, готовившей антисоветский переворот и превратившейся позже в белый отряд, который до прихода воинских частей нёс в городе гарнизонную и полицейскую службу. Был старшим пятёрки, и – непродолжительное время – председателем Союза учащихся. Из-за своего резко отрицательного отношения к Советской власти с поста председателя был смещён по требованию Совета депутатов.

С 9.06.1918 года вступил на военную службу добровольцем на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в Енисейский казачий полк. В учебной команде с 30.08.1918 по 30.02.1919, с 9.06.1918 г. – в армии Сибирского правительства, в кавалерии. 26.04.1919 года, вернувшись в полк из 3-хмесячного отпуска по болезни, был прикомандирован ко 2-й сотне, находящейся в городе Минусинске.⁹ С ней же 25 мая 1919 г. он прибыл в Красноярск.¹⁰ С 1.5.1919 – юнкер, позже ст. портупей-юнкер ЧВУ, которое окончил по 1-му разряду. На 7.09.1920 – в чине хорунжего (старшинство с 7.9.1919). Офицер (производство на ст. Даурия) с 1.9.1919 г. по 1.3.1921 г. Назначен в Отдельную Енисейскую Казачью бригаду, во 2-й полк (на 18.09.1920, мл. офицер), в составе которой находился до её расформирования. После эвакуации из Забайкалья в Приморье, назначен командиром пластунской сотни, которой командовал с 1.3.1921 г. по 30.10.1922 г. Временно командовал дивизионом (20.09. – 20.11.1921). Был легко ранен в поясницу и вследствие контузии имел пониженный слух. За боевые отличия награждён Георгиевским крестом 4 и 3 ст.

В Маньчжурию прибыл из Приморья с отступающей армией 30.10.1922 в г. Хуньчунь. Проживая в г. Яньцзи, был на случайных заработках, пока не поступил на службу в японское консульство кучером (1.3.1924 – 15.3.1929).

Овладел японским разговорным языком, отчасти – китайским и корейским. С 1929 г. – в Харбине. Здесь вступил в церковный брак с Любимовой В.А., окончил школу шоферов (27.07.1929) и тракторные курсы. Два месяца работал швейцаром в банке «Таотаку». С 1.11.1929 по 1.06.1936 – шофёр в японском консульстве (Ванцин). С 15.06. по 15.09.1936 – слесарь в механической мастерской католической миссии г. Яньань. С августа 1943 г. служил на копиях МУ АО. Состоял членом Дальневосточного союза военных в Маньчжурской империи (с 17.04.1935), Общества воспитанников ЧВУ, местного японского благотворительного общества. Родственники: отец Суховский Павел Архипович (1878 – после 1933), жена Варвара Андреевна (урожд. Любимова, 10.12.1900 – ?).¹¹

ТОЛЬСКИЙ Александр Андреевич (25.08.1898 – 1(?)5.1942, г. Харбин). Православный. Обучался в Красноярской губернской гимназии. На военную службу поступил 08.08.1917 г. в Минусинске, в команду молодых енисейских казаков. Окончил ЧВУ (30.8.1920), служил в 1-м Ени-

сейском казачьем полку (хорунжий), сотником – в Енисейской казачьей бригаде. В Маньчжурию прибыл с отступающей армией ген. Дитерихса из Приморья через военный лагерь в Гиринае (1922; ныне Цилинь). В Харбине работал в различных частных предприятиях, на КВЖД – в коммерческих подразделениях конторщиком, заведовал транспортной частью на ст. Аньда, в обувном магазине фабрики «Слава», приказчиком в обувном отделе фирмы «Чурин», заведовал отделением фирмы Чурин в Синьцзяне. Окончил коммерческие курсы, освоил японский и китайский языки в объёме, необходимом для коммерческой торговли обувью. Состоял членом Всероссийской фашистской партии, членом Общества бывших воспитанников ЧВУ, Енисейского казачьего войска и Союза служащих торговых промышленников. В Мукдене подавал заявление о желании вступить в советское подданство (1926), но получил отказ (1927). Умер от туберкулеза лёгких. Отпевание усопшего состоялось в церкви при Доме Милосердия 3.5.1942 г. Адреса проживания в г. Харбине: Модягоу, ул. Батальонная, 8, кв. 3; Административный бульвар, 15, кв. 2. Родственники: жена Мария Генриховна (урожд. Менинг. ок. 1907–до 1942, г. Харбин), единственный сын Игорь (?..11.1926-?), тёща – Антонина Генриховна Менинг (ок. 1884-?).¹²

ЮШКОВ Афанасий Гаврилович (17.01.1895–1970, г. Сан-Франциско, США). Уроженец Енисейской губернии. Во время Гражданской войны служил в 1-ом Енисейском казачьем полку. После окончания ЧВУ – командир сотни в Енисейской казачьей бригаде.

Проживая в Харбине, состоял во взводе джигитов под командованием полковника Г.К. Бологова. Джигитовка на харбинском ипподроме в 1923 году прошла с большим успехом. «Харбинцев приятно поразила молодцеватость джигитов, – офицеров и казаков, – а их невиданные ещё в Харбине трюки завоевали настолько горячие симпатии любителей конского спорта, что сразу нашёлся предприниматель, хозяин цирка Изако, пожелавший продолжить это дело».¹³ После заключения договора, гастролировал в составе группы казаков-джигитов по Китаю в городах Пекин, Нанкин, Шанхай, а затем в Японии, Сингапуре и на Филиппинских островах.

Окончив гастроли, Юшков в 1924 г. остался на постоянное жительство в Шанхае. После образования там Енисейской станицы, был избран её атаманом. Имея высокий авторитет среди казаков, сплачивая их вокруг себя, из года в год переизбирался на должность станичного атамана.¹⁴ В непростых условиях эмиграции он многое делал для станичников. В числе беженцев из Китая проживал (1949-1951) на острове Тубабао (Республика Филиппины), откуда вместе с женой Надеждой Антоновной эмигрировал в США и проживал в Сан-Франциско. Подробности эвакуации, пребывания на острове и условия эмиграции можно найти в книге Т.В. Таболиной.¹⁵

Енисейские казаки, окончившие ЧВУ, высоко несли звание офицера, и, сохраняя верность своему училищу, состояли в Обществе бывших воспитанников читинского атамана Семёнова военного училища, издавали журнал «Подчасок», «Читинец», «Информационный бюллетень». Объединение имело свой нагрудный знак.¹⁶

Авторы благодарят архивистов ГАХК и особенно Л.А. Кривченко за методическую помощь и научное консультирование, П.С. Татаринова и А.П. Ивачева (оба г. Сидней, Австралия) – за сведения о Байкалове, Н.В. Калабину (г. Красноярск) – за уточнение китайских названий населённых пунктов.

2016 г.

Примечания:

¹ Тимофеев А.Н. Два бойца из отряда Э. Фрейберга (реконструкция биографий) // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. – Красноярск, 2010 – с. 60-62; Тимофеев А.Н. Тимофеев Яков Яковлевич. Реконструкция биографии // Гражданская война на Востоке России. Материалы всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12-13 ноября 2014 года). – Омск, 2015. – С. 167-170. См. также Тимофеев А.Н. Добровольец Яков Тимофеев (реконструкция биографии). // Пятые архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, 18 ноября 2014 г. – Хабаровск, 2015 – с. 397-404.

² Российский Государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 39940. О.1. Д. 290. л. 57.

³ РГВА. Ф. 39515. О.1. Д. 9. Л. 136.

⁴ РГВА. Ф. 40214. О.1. Д. 448. Л. 6-6 об.

⁵ РГВА. Ф. 39515. О.1. Д. 9. Л. 136-136 об.

⁶ Татаринов П.С. Частное сообщение от 4.01.2017. Личный архив Тимофеева А.Н.

⁷ Государственный архив Хабаровского края (далее ГАХК). Ф. Р-830. О.3. Д. 21217. Л. 1-29.

⁸ Государственный архив Красноярского края. Ф. 348. О.1. Д. 359. Л. 2, 69.

⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-149. О.1. Д. 26. Л. 159.

¹⁰ РГВА. Ф. 39515. О.1. Д. 9. Л. 130, 130 об.

¹¹ ГАХК. Ф. Р-830. О.3. Д. 46079. Л. 1-46.

¹² ГАХК. Ф. Р-830. О.3. Д. 47543. Л. 1-14.

¹³ Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков. – Харбин, 1940. - с. 169.

¹⁴ Родимый край. – Париж, 1929, № 5. – С. 29.

¹⁵ Таболина Т.В. Русский дом на Тубабао. –М.: ДАРЪ, 2016. – 192 с. ;цв. ил.

¹⁶ Буяков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь, Харбин, Хуньчунь, Цинанфу, Шанхай), 1921-1949 гг. : материалы к справочнику. – Владивосток : Русский Остров, 2005. – С. 68-71, 82-84.

Е.В. Прищепа,

г. Абакан, Республика Хакасия

Обряды выбора места для постройки жилища и их значение у народов Хакасско-Минусинского края в XVIII-XX веках

Важное значение в традиционной культуре хакасского и русского старожильского населения Хакасско-Минусинского края (современная территория Республики Хакасия и южных районов Красноярского края, далее – ХМК) имели обряды, связанные с выбором места для постройки жилища. Значение правильного выбора места для жилища велико, в этом прослеживается принятие жизненно важного решения для человека, его семьи. В пространственном размещении жилища прослеживается акт божественного творения, человек, имитируя данное священнодействие, повторяет деяние бога. Постройка жилища отражает акт Мироздания, поэтому жилище несёт в себе нечто священное.¹

Известно, что основным видом традиционного жилища русского старожильского населения ХМК в XVIII-XX вв. была трёхкамерная связь, восходящая к жилищу русских Сибири XVII века.² Основой дома старожила – избы, была клеть – четырёхугольный сруб с высокой крышей на самцах («по-амбарному»). Крыша была дощатой, как и полы в доме. Расположение окон было высоким, обязательно возводили подклет. Хозяйственное помещение дома, где жила семья и стояла русская печь, готовилась пища, называлась «избой» (или: изба – первая комната в доме или кухня). В целом термин «изба» в ХМК обозначал бревенчатый дом из одной комнаты. Парадное помещение – это горница. Горница часто имела перегородку. Горница и изба разделялись сенями. Сени строили тёплые. Вход в дом шёл через крыльцо с окнами без стёкол галерейного типа. Его обшивали тёсом. Окна горницы выходили на двор, а избы на улицу.³

В истории развития и эволюции традиционного постоянного жилища хакасов – переносной юрты можно выделить несколько ключевых этапов. До кон. XIX в. основным распространённым типом жилища хакасов была переносная юрта. К кон. XIX в. ещё в некоторых ведомствах и улусах в незначительном количестве сохранялись переносные юрты, которые уже были нежилые и находились в ветхом состоянии. В связи с переходом на осёдлый образ жизни появляется более прочная и устойчивая непереносная юрта («тосиб»).⁴ Её соседствование в это время в осёдлых улусах с бревенчатыми избами и срубными деревянными юртами становится нормой. Срубная юрта («кирткениб») являлась самым распространённым летним жилищем хакасов в кон. XIX – нач. XX вв.⁵ Вариантами зимних жилищ хакасов были землянки («чир тура»)⁶ и наиболее распространённые «соол», деревянная однокамерная избушка, с земляным или деревянным полом, с плоской или двускатной крышей, небольшими окнами.

Срубные дома русского типа стали появляться у хакасов под влиянием русской старожильской культуры с сер. XVIII в.⁷ В кон. XIX – нач. XX вв. срубная изба становится основным типом зимнего жилища.

Важное значение для русских старожилов имел выбор места постройки дома. Для этого использовали продуцирующие обряды, имеющие целью способствовать установлению и созданию неких позитивных условий для человека. Будущее место для постройки жилища, согласно ритуальной ценности русских, должно отличаться благонадёжностью и быть счастливым.⁸ Поэтому, старожилы региона практиковали обряд бросания хлебов. В предполагаемом месте постройки дома бросали хлеба, если они лягут комлем вниз и в границах нужного места, то считали место подходящим для постройки.

Коренное население региона перед постройкой нового дома использовали аналогичный обряд выбора места для строительства с помощью хлеба. Когда это место было уже определено, то на ночь в это место клали пенёк, если в него заползал паук – к счастью, если жук – плохо.⁹

Более простой способ выбора места заключается в следующем: домохозяин на предполагаемом месте строительства жилища подбрасывал монету и замечал, если упадёт орлом, то это являлось предзнаменованием хорошей жизни, если решка – то это трактовалось как плохая примета.¹⁰ Общим моментом при постройке избы, как хакасами, так и русскими явилась закладка монет, например, у русских старожилов – под первое бревно избы дома («кладник») или под матицу, с целью способствования обеспеченной жизни домохозяев. Монеты эти предназначались для хозяина дома – «суседки» (мифологический персонаж, заимствованный хакасами из русской старожильческой мифологии).¹¹ Деньги под матицей у коренного населения служили для выкупа у духов земли или хозяйки земли места под строительство.¹² В.А. Бурнаков, справедливо отмечает, что воззрения на матицу у хакасов формировались под сильным влиянием восточнославянских традиций.¹³ Если выражать эту мысль более точно, то воззрения на матицу формировались под влиянием русских старожильческих строительных традиций.

Особое внимание у коренных жителей отводилось обряду новоселья, обильному угощению и произношению благопожеланий – алгыс. В традиционной культуре хакасов новоселье в новой юрте и после постройки дома, это есть продолжение традиции: «не будут справлять новоселье, на них станут обижаться родители» или можно навлечь гнев хозяина горы, где рубили лес или реки, где брали камни для постройки дома». ¹⁴ В настоящее время забываются традиционные обращения к хозяевам гор и рек, при угощении стало использоваться много хлебных изделий по обычаю русских.¹⁵ Общей после постройки дома стала традиция новоселья, имеющая различные вариации в культуре русских старожилов.¹⁶

При выборе места для нового жилья кроме рациональных соображений русские старожилы руководствовались также народными поверьями. Так, считалось, что нельзя строить дом на месте, где в прошлом стояла баня, на месте ворот, где проходила дорога, на «расстанье» (перекрёстке дорог).¹⁷ Ритуальная ценность данных мест характеризовалась как «нечистых» и поэтому неблагонадёжных для постройки. Данные строительные запреты характерны для восточнославянской традиции.¹⁸

Таким образом, одним из результатов взаимовлияний в традиционных культурах народов ХМК стало: общее значение обрядов при выборе места для постройки жилища. Данная особенность обусловлена сходными условиями проживания, переходом коренного населения на осёдлый образ жизни и распространение в их материальной культуре нового типа жилищ – изб. В ритуально-символическом аспекте, отмеченные нами обряды, претерпели ряд изменений религиозного содержания и практического характера.

2016 г.

Примечания:

¹ Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. – С.40.

² Верник А.А. Традиционная культура русских старожилов Хакаско-Минусинского края (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. – С.62.

³ Пейзын Г. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии (из путевого журнала 1857 г.) // Живая старина. – СПб., 1903. – Вып. 3. С.310-312.

⁴ Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982. – С.12-15.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С.31

⁷ Там же. С.33.

⁸ Русская изба / Сост. Д.А. Баранов [и др.]. – СПб., 1999. – С.8.

⁹ Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. – С.60.

¹⁰ Бурнаков В.А. Жилище в традиционных верованиях и обрядности хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т.10, вып.7: Археология и этнография. – С.316.

¹¹ Прищепа Е.В. Мифологические и магические представления чалдонов Хакасско-Минусинского края. – 2-е изд., испр. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, Хакас. фил., 2011. – 200 с; Бурнаков В.А. Жилище в традиционных верованиях и обрядности хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т.10, вып.7: Археология и этнография. – С.318.

¹² Бурнаков В.А. Жилище в традиционных верованиях и обрядности хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т.10, вып.7: Археология и этнография. – С.316.

¹³ Там же. С.318.

¹⁴ Там же. С.318-319.

¹⁵ Там же. С.321

¹⁶ Прищепа Е.В. Мифологические и магические представления чалдонов Хакасско-Минусинского края. – 2-е изд., испр. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, Хакас. фил., 2011. – С. 57-62.

¹⁷ Там же. С.37.

¹⁸ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – С. 314.

М.М. Федотова,
г. Красноярск

25-летие Красноярского отдела Русского Географического общества

7 февраля 1926 г. в г. Красноярске, в здании Дворца труда, расположенного в пер. Диктатуры (ныне ул. Диктатуры Пролетариата), в 18 часов 00 минут было открыто торжественное заседание, посвящённое 25-летию научной деятельности Красноярского отделения РГО. Согласно протоколу, на заседании присутствовало свыше 60 человек членов КОРГО и гостей.¹ Председательствующим был В.А. Смирнов, который торжественной речью и открывал данное мероприятие.

Д.Е. Лаппо, выступавший после председателя, начал свой доклад следующими словами: «Товарищи, всякий раз, когда поднимается вопрос о русской общественности, у каждого невольно всплывает тяжёлое воспоминание о тех жестоких условиях, в которых создавалась и протекала русская общественность в эпоху ушедшего в вечность царизма».²

У истоков создания КОРГО стояли такие лица, как К.И. Горощенко, Н.М. Мартьянов, А.В. Адрианов, А.А. Ярилов, Р.И. Шнейдер, Г.М. Шатц, А.Ф. Духович, В.Ю. Григорьев, П.И. Рачковский, И.А. Ицин, Н.А. Шепетковский, В.М. Крутовский, С.В. Востротин, А.И. Кытманов, И.С. Иконников, И.С. Шаховский, Я.Л. Гинцбург, многие из них сотрудничали с Минусинским музеем.

Д.Е. Лаппо отмечал, что публичные заседания и доклады КОРГО сразу привлекли внимание общественности. И хотя в первые месяцы своего существования КОРГО смогло набрать в свои ряды не более 60 человек, из них активными можно было считать только 30%, остальные 70% активного участия в деле общества не принимали, но участвовали в написании заметок или сборе материалов. А связь общества с русскими и заграничными организациями, вовлечение в научную работу политических ссыльных, привело к известности провинциального общества за границей.

Далее слово было предоставлено Н.С. Фёдорову, который отметил, что за 25 лет своего существования, количество членов КОРГО существенно менялось. Чаще всего это было связано с политическими событиями, происходившими в стране. Так, в период с 1901 по 1905 гг. количество членов общества заметно увеличилось (конкретную численность установить не удалось, данные приводятся из доклада Н.С. Фёдорова). С 1905 г. вследствие революционных событий происходило уменьшение количества членов общества, которые вновь начинают увеличиваться только с 1912 г.

В 1913 году проводилась перерегистрация членов общества, в результате чего, их численность вновь уменьшилась. Но в 1919 г. их число вновь выросло, и в 1920 г. насчитывало 100 человек, это объясняется тем, что в этот период времени из-за революционных событий в провинциальные города мигрируют жители центральных городов Европейской России, в том числе и иностранные учёные. В 1923 г. число членов общества было также велико, что объяснялось более льготными условиями вступления в КОРГО.

Н.С. Фёдоров отмечал, что правительственная субсидия за время существования КОРГО выражалась в среднем всего в размере 1000 руб., ассигнования городского управления возрастали с каждым годом и за 25 лет составили 55 800 руб. Кроме того имелись и иные поступления денежных средств, которые в основном представляли пожертвования. Так, в 1901 г. они составляли 190 руб., в 1903 г. – 1962 руб., 1904 г. – 1558 руб., 1905 г. – 1793 руб., 1906 г. – 1264 руб., 1907 г. – 910 руб., 1908 г. – 1338 руб., 1909 г. – 356 руб., 1910 г. – 1217 руб., 1911 г. – 1970 руб., 1913 г. – 723 руб., 1915 г. – 1245 руб., в период с 1916 по 1918 гг. – 72 руб., 1923 г. от Главнауки в период с 1 октября по 1 января были получены денежные средства в размере 87 руб., 1924 г. от Главнауки – 1087 руб., иных поступлений – 78 руб., 1925 г. от Главнауки – 1274 руб., иных поступлений – 133 руб. Таким образом, даже в годы больших политических волнений в КОРГО продолжали поступать денежные средства, а с 1924 г. его деятельность получило признание в Главнауке.

За время своего существования КОРГО провёл масштабные экспедиции по изучению края и собрал разнообразные коллекции. Первая экспедиция состоялась в 1901 г. под руководством М.Е. Киборта в долину р. Тубы в Минусинский и Красноярские уезды для собирания зоологических коллекций в целом и орнитологических в частности. Д.Е. Козлов проделал работу по сбору естественно-исторических материалов. Его коллекция насчитывала до 20 предметов. Крутовским была собрана коллекция насекомых, насчитывавшая до 3000 экземпляров.

1902 г. – экспедиция Ошуркова в Западный Саян и Западную часть хребта Танну-Ола, в область верхнего течения Кантегира, Оны, Кемчика, где были собраны геологические, ботанические, этнографические коллекции, а также произвели детальное описание географии этой части территории. Материалы экспедиции стали первыми результатами, которые были опубликованы красноярским подотделом.

В этом же году А.В. Адриановым у с. Сухобузимского была проделана работа по выяснению условий находки мамонта. При содействии Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории установили сейсмическую станцию. Ф.Я. Кон начал экспедиции по исследованию Усинского края.

1903 г. – была получена материальная поддержка для экспедиции Ф.Я. Кона, начатой в 1902 году. Произведены две поездки П.Е. Островским. Первая – от Туруханска до устья Енисея и по р. Курейке до графитных приисков по хребту Хету. В этих поездках были собраны и исследованы материалы, и записаны в физико-географическом отношении. Осуществлена экспедиция В.В. Анучиным в с. Сухобузимское для ознакомления с церковным архивом и для сбора материалов по истории края и исследованию местного наречия.

В 1904 году В.И. Анучин совершил ряд поездок по Красноярскому уезду для обследования церковных архивов. Также им была собрана небольшая коллекция по древней живописи. Колмагоров собрал подобные описания двух деревень – Кетской и Луконовой. Он составил общее описание Еланской, Маклаковской, Казаченской, Анциферовской, Пинчугской и Кежемской волостей и подворные карточки названных селений.

1905 г. – А.А. Яковлевым произведено орнитологическое обследование Красноярского уезда. Собранные им коллекции птиц составили к 1907 г. 3000 экземпляров. К.А. Масленников произвёл статистико-экономическое обследование селений Туруханского края. А.Я. Тугаринов совершил ряд экскурсий в пределах Красноярского уезда с целью подбора коллекций для музея.

1906 г. – произведена поездка А.Я. Тугаринова в Туруханский край до устья Енисея для собирания коллекций для музея. Из 4-5 месяцев, два из них были проведены в дороге.

1908 г. – КОРГО выделило средства на поездку в Минусинский уезд Бартенеза для собирания

материала по стрекозам. Покровский собрал материал статистического характера о тунгусах в г. Енисейске.

1909 г. – А.Я. Тугаринов побывал в командировке в Минусинском уезде в южной его части для сбора материала для музея. Кроме того, были посещены святые места и совершен сплав по р. Чулым до г. Ачинска. Собрано до 300 экземпляров птиц.

1910 г. – А.Я. Тугариновым проведена командировка специально для сбора фабрично-заводской промышленности, в результате чего это привнесло новые коллекции для музея. Организованы фенологические исследования.

1911 г. – совершена экспедиция А.П. Ермолаевым в Приангарский край с целью сбора коллекций и материалов по этнографии и для ознакомления с церковными архивами (через Тайшет и Туру). Экспедиция А.П. Ермолаева в д. Ишимку Ачинского уезда для выяснения места и условий находки археологической коллекции. А.Я. Тугаринов и Н.С. Фёдоров продолжили сбор фенологических наблюдений.

1912 г. – А.Я. Тугаринов, В.И. Тугаринова, В.П. Ермолаев совершили экспедицию в верховье р. Маны. В результате этой поездки были собраны разнообразные предметы и коллекции, характеризующие район. Впервые получены сведения о характере высокогорных областей.

1913 г. – А.Я. Тугаринов, В.И. Тугаринова побывали в области Саян и Урянхия для обследования долины Верхнего течения Енисея. Собран большой материал географического характера, ботанические и зоологические коллекции, а также коллекции горных пород. А.П. Ермолаев произвёл археологические исследования в Абаканской степи и окрестностях озера Шира. А.Я. Тугаринов и Н.С. Фёдоров произвели сбор фенологических наблюдений.

1914 г. А.Я. Тугаринов и С.М. Сергеев совершили поездку в район строящейся железной дороги для осмотра курганов и приобретения археологических предметов, найденных при земляных работах. А.П. Ермолаев – в юго-западную часть Енисейского уезда в район р. Кеми и Кети. Помимо общих географических сведений им был собран материал по этнографии и фольклору.

1915 г. – А.Я. Тугаринов, В.И. Маклашевская, В.И. Ермолаев, В.И. Тугаринова осуществили вторую поездку в Урянхайский край для физико-географического и этнографического исследования края.

1916 г. – А.Я. Тугаринов, В.И. Тугаринова, И.Я. Володин произвели поездку в Туруханский край и на остров Диксон для пополнения коллекции севера, изучения горного барана и сбора коллекций по фауне Енисейского побережья Ледовитого океана. А.П. Ермолаев и Н.С. Фёдоров в период с 1915 по 1919 гг. произвели наблюдения над климатом и природой, изучили экономику и жизнь нашего края.

1917-1918 гг. – А.Я. Тугаринов и З.В. Евсеева произвели сбор этнографического материала в Туруханском крае.

1919 г. – А.Я. Тугаринов, З.В. Евсеева произвели сбор лекарственных растений для губернского земства в Минусинском и Красноярском уездах.

1923-1924 гг. – состоялась небольшая экспедиция А.Я. Тугаринова в район Боджойских пещер по р. Мане, давшая интересные палеонтологические материалы; выяснение районов распространения лессовых отложений в районе г. Красноярска. Геологическое обследование берегов р. Енисея геологом А.Н. Соболевым от Минусинска до Красноярска и отдельные поездки в области этнографии М.В. Красножёновой и М.Д. Соловьёвой. В это же время продолжались археологические исследования Афонтовой горы близ г. Красноярска археологами Ауэрбахом, Громовым, Сосновским.

1924-1925 гг. – экспедиция А.Я. Тугаринова совместно с членами КОРГО Кудрявцевым и Юдиной по выяснению состояния аборигенов края – племени камасинцев. Получены ценные материалы по исчезающей народности. Произведены научные экскурсии в округу г. Красноярска. Продолжились раскопки Афонтовой горы близ г. Красноярска археологами Ауэрбахом, Громовым, Сосновским.³

Наряду с необходимой научной работой, КОРГО участвовало в политических и общественных

движениях. В частности, оно принимало участие в работе местных комитетов по составлению проектов земского самоуправления Сибири. В 1905 г. общество приняло участие по организации лекций по политической экономии и государственному краю. Было произведено районирование Сибирского края (деление губерний на районы).

За время нахождения Приенисейского музея в ведении КОРГО (1902-1919 гг.) его коллекции существенно увеличились. Так, коллекции геологии с 27 экз. в 1902 г. увеличились до 1291 экз. в 1915 г., и до 22060 экз. в 1919 г.; коллекция ботаники возросла с 1 экз. в 1902 г., до 306 экз. в 1915 г., до 23302 экз. в 1919 г.; коллекции:

геологии с 32 экз. в 1902 г. до 161 экз. в 1915 г. и 4214 экз. в 1919 г.;

палеонтологии – с 8 экз. в 1902 г. до 67 экз. в 1915 г., до 1171 экз. в 1919 г.

почвоведения – с 0 экз. в 1902 г. до 3 экз. в 1916 г., до 129 экз. в 1919 г.;

археологии – с 378 экз. в 1902 г. до 4100 экз. в 1915 г., до 4195 экз. в 1919 г.

антропологии – с 0 экз. в 1902 г. до 18 экз. в 1915 г., до 267 экз. в 1919 г.;

нумизматики – с 76 экз. в 1902 г. до 170 экз. в 1915 г., до 1859 экз. в 1919 г.;

этнографии – с 0 экз. в 1902 г. до 177 экз. в 1915 г., до 289 экз. в 1919 г.

сельского хозяйства и промышленности – с 0 экз. в 1902 г. до 22 экз. в 1915 г., до 120 экз. в 1919 г.

Рост коллекции Красноярского подотдела поставил на повестку дня вопрос о месте хранения быстро растущей коллекции. Решение данного вопроса послужило включением Красноярского подотдела в структуру РГО.

По окончании конференции председательствующий зачитал ряд приветствий от центральных научных учреждений и организаций. Среди них были приветствия от Главнауки, Московского зоопарка, Государственной центральной книжной палаты, от Совета общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, от Центрального бюро краеведения и других. Поступили также поздравления от частных лиц. Например, Тугаринов прислал поздравление следующего содержания: «Желаю новых сил, новых достижений на благо края».⁴

От Общества городского объединения ученических краеведных организаций: «Привет нашему Географическому обществу от молодых краеведов... Мы, молодые краеведы твердо уверены, что в будущем работа общества будет ещё шире, ещё плодотворнее, ещё интенсивнее и через общества краеведения будет развиваться в массах, будут создаваться новые силы для более глубокого изучения нашего края. Еще раз привет Географическому обществу. Привет и каждому члену в отдельности».⁵

Появившаяся статья в газете «Красноярский рабочий» от 9 февраля 1926 г. отмечала ценность всех этих научных изысканий «не только в том, что они дают определённые, строго проверенные данные, а ещё и в том, что данные эти во многих случаях совершенно новы и носят характер крупнейших открытий. Результаты научных экспедиций за весь 25-летний период имеют определённую научную физиономию в виде серьёзных трудов, единственных в Сибири».⁶

2016 г.

Примечания:

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.1380. О.1. Д.59. Л.1.

² Там же.

³ Там же. Л. 3-5.

⁴ Там же. Л. 78.

⁵ Там же. Л. 82.

⁶ Неизвестный автор. Юбилей Музея им. Мартьянова // Красноярский рабочий. – 09.02.1926. – № 31. – С. 4.

А.П. Шекшеев,
г. Абакан, Республика Хакасия

Красные партизаны на Енисее: социально-политический облик

Отсутствие массовых документальных источников и наличие политической ангажированности оказывали существенное влияние на освещение социально-политического состава, направленности и характера так называемого партизанского движения в Сибири. Первые обращения очевидцев и исследователей представляли его в качестве стихийного леворадикального движения, далёкого от коммунистической идеологии. Между тем с конца 1920-х гг. стало утверждаться мнение о том, что партизаны находились под прямым руководством большевистских партийных организаций, испытывали сильное влияние городского рабочего движения и воевали за восстановление советской власти. Напротив, появившаяся в конце XX столетия возможность более широкого и свободного изучения прошлого позволила историкам сделать выводы о стихийности партизанского движения и влиянии на его политическую сущность анархистов и эсеров.

Наиболее объективную и содержательную характеристику партизанского движения в Сибири создали историки Н.С. Ларьков и В.И. Шишкин, которые показали, что партизанское движение развивалось под сильным и противоречивым воздействием элементов стихийности и организованности и, будучи преимущественно крестьянским, обрело социально-политическую неоднородность и различные идейно-политические устремления участников.¹

Ярким примером крестьянских выступлений 1918-1919 гг. против власти антибольшевистских правительств являлись события на территории Енисейской губернии. Во время начавшейся Гражданской войны они подстрекались и поддерживались внешними политическими силами. Во исполнение решений сибирских конференций РКП(б) 1918 г. о подготовке населения к массовой вооружённой борьбе за восстановление советской власти в тыловые районы забрасывались большевистские агенты, которые не только осуществляли агитационную деятельность, но и снабжали потенциальных противников белой власти денежными средствами. К примеру, командование Иркутского военного округа знало о том, что «главари» тасеевских и степнобаджейских повстанцев находятся «в связи с Советской Россией и получают отсюда хорошо инструктированных агитаторов и денежную помощь».² Поддержка и влияние подпольщиков существенно ощущались в отрядах степнобаджейских, перовских и североачинских партизан в начале их существования, а также в отрядах Н.М. Копылова, И.М. Зубова-Буркова, действовавших под Красноярском и Боготолом. В целом же для партизанского движения участие в нём городского подполья можно характеризовать как слабое и эпизодическое.³

Между тем в деревне сразу же после антибольшевистского переворота 1918 г. возникли и существовали группы лиц, настроенных против существующей власти. Её представители на местах почти сразу отказались от преследования рядовых красногвардейцев. Часть из них, пройдя фильтрацию, пополнила формирующиеся части Сибирской армии, другая, – отпущенная из заключения по домам и враждебно настроенная, тут же скрылась в глухих местностях. Только на территории Заманья находились до 600 бывших красногвардейцев.⁴

Начиная с августа 1918 г., в деревне всё более заметным становилось недовольство политикой новой власти. Объявленная указом Временного Сибирского правительства от 31 июля того же года мобилизация в армию вызвала сопротивление крестьян. Находясь в тисках бюджетного дефицита, правительство объявило сбор государственного налога и недоимок. Деревня же, не знавшая поземельных налогов, отменённых советским декретом о земле, ответила на эту акцию саботажем их уплаты. Взаимоотношения между властями и крестьянством ещё более усугублялись борьбой правоохранительных и акцизных органов с нарушениями винной монополии. Внутридеревенское «брожение» усиливалось и тем, что местные чиновники, следуя либерально-демократической традиции, зачастую отказывались удовлетворять «незаконные» прошения сельских обществ об исключении из них односельчан, склонных к антиобщественной деятельности, и тем самым, по-

ощряя вседозволенность, создавали почву для усиления преступности, которая всё больше приобретала антиправительственную направленность.

Осенью 1918 г. на севере Канского уезда активно проявляли недовольство новой властью крестьяне девяти волостей, тяготеющих к тасеевской и денисовской группам большевиков. В южной части уезда подобные лица концентрировались вокруг инициативных жителей с. Перово. Группы и лица, настроенные подобным же образом, имелись также в Рыбинской, Унерской, Агинской, Тальской и Ирбейской волостях. Заманье Красноярского уезда с центром в с. Степной Баджей являлось ещё одним очагом правительственной оппозиции. В Ачинском уезде группы недовольных крестьян находились в семи-восьми волостях, а также в с. Красновка и Нагорное. Имелись они и под ст. Боготол и в семи волостях Минусинского уезда.⁵

Наряду с общими для Сибири факторами, антиправительственное поведение крестьян в Енисейской губернии определялось её географическими, демографическими и хозяйственными особенностями. Государственная политика, смягчая напряжённость обстановки в европейских районах страны, способствовала не только освоению сибирских территорий, но и избыточному насыщению их лицами, осуждёнными за революционную и уголовную деятельность, а также крестьянами-переселенцами.

Накануне 1917 г. Енисейская губерния стала пристанищем всех категорий ссыльнопоселенцев. Только политических ссыльных здесь насчитывалось 1,6 тыс. человек, почти наполовину состоявших из лиц нерусской национальности – евреев, поляков, немцев и пр. Некоторые из них в 1917 г. вернулись в Центральную Россию, другие же, обзаведясь семьями и служебным положением, оказывали своё воздействие на местное крестьянство. Благодаря их деятельности регион, по образному замечанию одного из современных авторов, оказался не просто уставшим от Первой мировой войны, но и более подогретым протестными идеями.⁶

Более высоким среди местного крестьянства являлось и представительство переселенцев. С разорением Малороссии и Прибалтийского края происходил сильный приток беженцев – украинцев и латышей, которые селились отдельными посёлками в Красноярском и Канском уездах и сохраняли не только традиционные для себя формы хозяйствования, но и обостренные отношения с властью и окружающим миром. С 1893 по 1917 г. в Енисейскую губернию прибыли 410 тыс. переселенцев, из них в 1906-1914 гг. – 248 тыс., или 1/10 часть всех сибирских мигрантов.⁷ Продолжавшееся размещение на её территории даже в 1918-1919 гг. 3 тыс. таких семей повысило удельный вес переселенцев в деревенском населении губернии до 58,6%.⁸

Некоторые переселенцы уже выбились из бедноты. К примеру, «разношёрстное» крестьянство (белорусы, латыши и эстонцы) Заманья с этой целью успешно использовало государственные субсидии, винокурение и редкое тогда выращивание в собственном подворье на продажу ягодных культур. Зажиточность тасеевских «богатеев-большевиков», накупивших скот и инвентарь, бросалась в глаза так, что кооператоры решили изыскать у них средства на строительство мастерской. Но когда состоявшийся в декабре 1918 г. сход сделал раскладку податей, то выяснилось, что крестьяне, «избалованные большевиками», платить их не хотят.⁹

В других же местах водворение переселенцев порождало антагонистические отношения между ними и старожилами, порой, как заметил очевидец, более острые, чем внутригрупповые «классовые» противоречия.¹⁰ «Беспокойной» для властей категорией являлись самовольные переселенцы, не приписанные к обществу и не имевшие соответствующего статуса и земельного надела. Многие из переселенцев обживали труднодоступные зимой местности, подтаёжные или отрезанные от мира горами и реками. Такая обособленность их существования, удалённость от административных центров делали бывших новосёлов более независимыми в быту и отношениях с властью. Некоторые из них уже с лета 1918 г. высказывали просоветские настроения.

Состав мятежников был пёстрым: по сведениям белой контрразведки, они состояли из убеждённых «большевиков», бывших фронтовиков, уголовных преступников, дезертиров, таёжных охотников и даже интеллигенции. К примеру, в с. Степной Баджей участниками выступления в ночь на 2 декабря 1918 г. являлись 30 человек, в частности бывшие политические ссыльные,

советские служащие, а затем крестьяне. Первыми тасеевскими повстанцами стали лица, бежавшие от мобилизации в Сибирскую армию, и представители местного политического бомонда. Фронтовиками были и первые перовские партизаны. Им оказывала поддержку группа интеллигенции. В подтаёжных селениях на границе Енисейской и Иркутской губернии готовили крестьян к выступлению находившиеся там в качестве бывших ссыльных большевики, эсеры и анархисты. Только в Тайшете их насчитывалось до 30 человек. Под воздействием пропагандистской деятельности политических ссыльных основным костяком начавшегося неожиданно восстания стали в прошлом фронтовики и лица, дезертировавшие из Сибирской армии. Группа бывших фронтвиков и скрывавшийся от властей в прошлом участник революционных событий в ночь на 16 февраля 1919 г. захватили волостную управу в с. Кучерово Канского уезда.¹¹

С образованием новой власти и партизанских отрядов мятеж, случалось, выливался в открытый грабёж населения. Какая-то часть крестьян, судя по газетной информации, относилась к повстанцам крайне отрицательно. В некоторых селениях мирный переход власти к мятежникам сопровождался ненужными жестокостями и гибелью должностных лиц. Повстанцев привлекало имущество не только деревенских соседей, но и населения целых промышленных районов, к примеру, Южно-Енисейского горного округа. Подстрекали их на грабежи руководители тасеевских партизан, которые одно время даже вынашивали планы захвата Удережских приисков. В свою очередь, воодушевлённые занятием г. Енисейска в феврале 1919 г. и сколотившие отряд из 500 местных партизан, бродивших по Южной тайге, енисейские большевики решили перехватить эту инициативу и поживиться золотодобычей. Несмотря на человеческие потери, уничтожение запасов продовольствия, зимовий, мостов и телеграфной связи, охранявшие драги на Центральном Удерее милиционеры и рабочие-оборонцы отбивали налёты партизан, пытавшихся, терроризируя население, устроить приискам грабежи и погромы.¹²

Прежде всего, районами восстаний, согласно сообщениям очевидцев, становились переселенческие селения, заселённые часто нерусским населением, отличавшимся общественной активностью. Так, среди абанских мятежников было много поселенцев-поляков, отказавшихся от мобилизации в армию. Главными участниками выступления, например, в Заманье являлись, согласно воспоминаниям современников, латыши. На январь 1919 г. партизаны состояли здесь на 60% из представителей этой национальности, 30 – уголовных элементов и 10 – дезертиров. Согласно газетной информации, в рядах повстанцев даже после отступления из Степного Баджея встречались мадьяры, латыши и немцы.¹³

Инициаторами Минусинского восстания в ноябре 1918 г. стали жители крупных селений – Дубенского и др., которые целиком или с преобладанием были заселены переселенцами. Вспыхнувшее стихийно в переселенческих районах северной части Ачинского уезда повстанчество состояло в основном из бедноты. Повстанческие отряды в Канском и Красноярском уездах были бедняцкими, а в Степно-Баджейском районе – бедняцко-средняцкими. В Тальской волости Канского уезда, сообщала контрразведка, собралось до 500 вооружённых новосёлов, которые пустились грабить старожильческое население. Опорной базой действовавшего под Красноярском отряда Н.М. Копылова являлась д. Малиновка, заселённая переселенцами из Тамбовской и Воронежской губерний.¹⁴ По свидетельству современного историка, общим фактором, характерным для большинства территорий, охваченных партизанским движением, являлось наличие значительной доли переселенцев.¹⁵

Как правило, побуждаемые распространяемыми слухами о победах Красной армии собирались съезды крестьянских представителей или сходы жителей, которые, объявив о поддержке восстания, формировали органы военной и гражданской власти, а вместе с ними и отряды. Под воздействием успехов повстанцев и общих настроений с соседями поголовно и легко, как отмечали очевидцы, уходили в партизаны молодые крестьяне. Добровольцы, к примеру, составляли костяк Северо-Канской партизанской армии.¹⁶ Активным проводником идеи крестьянского восстания являлась учительница Вершино-Рыбинского училища В.А. Малышева. Осуществляя антиправительственную агитацию,

она вскоре командовала отрядом из ста крестьян, которые 28 января 1919 г. разграбили агинское общество потребителей, угнали лошадей и взяли заложников.¹⁷

Но это «добровольчество» порой скрывало насильственные меры мятежников по отношению к часто политически индифферентному крестьянству. Так было, например, в Фаначетской волости Канского уезда, где по воспоминаниям вернувшегося с фронта «убежденным большевиком» Т.Н. Жгуна, большевиков в волости не наблюдалось, зато имелось «крепкое эсеровское ядро», состоявшее из начальника почтовой конторы и учителей. Согласно его наблюдениям, большинство населения представляло середняков, которые не проявляли интереса к политическим событиям и жили по принципу «Не тронь меня». Объединив нашедшихся единомышленников, Жгун выступил против мобилизации в Сибирскую армию. Отряд, в котором его избрали начальником штаба, оборудовал милицию и наладил связь с тасеевскими повстанцами. Однако сход, созванный с выступлением правительственного отряда, отказался формировать дополнительные силы. Тогда один из повстанцев направил дуло револьвера на одного из уважаемых домохозяев и заставил его, а следом и др. участников собрания голосовать за создание ещё одного отряда. Пополнившись свежими силами, партизаны уничтожили наступавших солдат, а Жгун стал волостным комиссаром и председателем Фаначетского совдепа.¹⁸

Повстанцы пополнялись и посредством мобилизаций. Так, в ответ на угрозу белых применить против повстанцев боевые газы повстанческие власти 18 марта 1919 г. объявили о мобилизации всех мужчин Степно-Баджейского района в возрасте от 18 до 45 лет. Такую же форму пополнения использовали и отдельные отряды. К примеру, 29 марта 1919 г., вернувшись в с. Кучерово, около ста повстанцев объявили мобилизацию четырёх возрастов и набрали в свой отряд 210 человек. В середине апреля они заняли с. Соколовское и мобилизовали ещё 200 крестьян. В соответствии с объявлением штаба от 16 апреля того же года проводилась мобилизация пяти возрастов населения Шиткинского района. Осенью 1919 г. по мобилизации, поддержанной сходами, ряды партизан пополнили минусинские фронтовики, состоявшие из представителей всех слоёв крестьянства.¹⁹

Формируемое посредством добровольчества и мобилизации лицами, которые, объединяясь, стремились к удовлетворению собственных интересов, партизанское движение сопровождалось созданием советов и с самого начала носило общекрестьянский характер. Так, возникшее в Шиткинском районе повстанчество официально называлось крестьянским и не возглавлялось какой-либо из политических партий, а в его руководящем составе были представлены все слои деревенского населения. Начальником штаба был избран крестьянин с. Нижняя Заимка Конторской волости Е.Г. Кочергин, заместителем – беспартийный служащий Ф.М. Чайковский, начальником всех партизанских отрядов – житель того же села К.М. Москвитин.

Нередко деревня выступала всем «миром», независимо от имущественного положения крестьян. Минусинским восстанием были охвачены, по разным оценкам, от 13 до 19 волостей. На 16-17 ноября 1918 г., когда повстанческие «армии» под командованием С.В. Кульчицкого и В.И. Ощепкова появились под Минусинском, в их рядах насчитывалось 10 тыс. человек. Повстанцы и мобилизованные ими крестьяне представляли все слои деревенского населения.²⁰ В Канском уезде в небольшие группы повстанцев после поражения белых влились до полутора тысяч середняков. В январе 1919 г. Главный штаб Крестьянской армии в Степном Баджее, обращаясь с призывом к населению о пополнении своих рядов, называл повстанцев «крестьянами Красноярского, Канского и Минусинского уездов», которые организовались «для завоевания себе свободы и права на самостоятельную жизнь» или «взялись за оружие для свержения господства капитала и его прислужника изверга Колчака».²¹

События на Енисее подтверждают вывод авторов специальной хрестоматии о возможностях зажиточного крестьянства к длительному сопротивлению.²² Вместе с другими обстоятельствами недовольство крепких хозяйственных мужиков вызывало отсутствие полноценной реализации плодов их труда. Начиная с дореволюционного времени, нахождение губернии в центре Сибири не позволяло им иметь желаемый вывоз хлебной продукции за её пределы. Полученные в 1917-1918

гг. высокие урожаи хлеба оставались в крестьянских хозяйствах, что уменьшало их доходы. «На хлеб спроса нет, вывоз его ограничен, – писал очевидец. – Крестьяне продают его за бесценок, а в неурожайные годы сами покупают его по большой цене».²³

Возникновение противоречий экономического свойства могло стать ещё одним толчком для распространения протестных настроений, а следом и повстанчества. «Наиболее богатые хлебом и скотом районы с несомненным уклоном в сторону товарности, – по наблюдениям современников, – представляли собой и наиболее благоприятные очаги партизанского движения».²⁴

На юге Канского уезда повстанчество быстро охватило и деревенское середнячество. В северных же его волостях, благодаря влиянию сосредоточенного здесь ссыльного элемента и наличию большого массива ожидающих раздела частновладельческих земель, оно сразу стало развиваться на более широкой социальной основе, что оказалось неожиданным для правительственной администрации. Согласно утверждению признанного вождя местного повстанчества, основная масса тасеевских партизан являлась в прошлом середняками, достаток которых был намного выше по сравнению, к примеру, с североачинскими повстанцами, состоявшими из переселенцев. Средняками и кулаками были и многие шиткинские партизаны. Так, из с. Нижне-Заимского Конторской волости, состоявшего из 300 дворов старожилов, партизанить ушли около 100 человек. Фронтвиком, происходившим из зажиточной крестьянской семьи, был первый их командующий Е.Г. Кочергин (М.И. Туровников).²⁵

Позднее влияние на состав партизан оказывали и репрессии правительственных войск. Случалось, участники Минусинского восстания бежали от них в тайгу, скрывались или, напротив, выдавались властям сельскими обществами. Но в Заманском и Тасеевском районах, где с приходом белых распространился повсеместный террор, имело место бегство в партизаны крестьян целыми деревнями.²⁶

Участие в повстанчестве бедноты делало его более ожесточённым, а середнячества и зажиточного крестьянства расширяло масштабы этого явления, но зачастую обуславливало местный характер боевых действий. Случалось, наличие или, напротив, отсутствие имущества и скота определяли стойкость партизан при защите собственных селений и длительность их сопротивления наступавшему противнику в целом. Потерпев поражение, многие из них разбежались и, не желая покидать родные места, отсиживались и вновь собирались в отряды. Например, после оставления Степного Баджея численность партизан сократилась с 3,5 до 1,3 тыс. человек.²⁷

Напротив, когда партизаны добивались боевых успехов, то их части пополнялись крестьянами занятых районов, тем самым увеличивая прослойку бойцов, состоявшую из середняков и зажиточных.

Имели место случаи, когда партизанские отряды комплектовались за счёт военнослужащих правительственных войск. К примеру, в конце января 1919 г. на сторону партизан перешёл следовавший в Ачинск отряд в составе 60 солдат Рыбинского гарнизона, который затем пополнил Тальский полк.²⁸ Более широкие масштабы это явление приобрело осенью 1919 г., когда на сторону партизан стали переходить целые части белой армии.

Повстанцами становились и рабочие. Находившийся в д. Парной Ачинского уезда отряд М.Х. Перевалова пополнился 40 приисковыми рабочими. Ядро отряда И.М. Зубова-Буркова составляли боготольские и красноярские рабочие-железнодорожники. Более высокой была роль рабочих в партизанских отрядах Заманья. В некоторых из них они находились в командном составе. Но в основном рабочие здесь также использовались для работы в мастерских. Уже в январе 1919 г. была создана Центральная мастерская, которой заведовал рабочий и большевик Д.Г. Смоленский. В ней трудились 150 рабочих. С началом широких боевых действий мастерские были переведены ближе к фронту и располагались в с. Рыбном и Агинском. Одной из них руководил в прошлом питерский рабочий Д.А. Кротов. Коллектив в составе 10 рабочих ремонтировал оружие, набивал патроны порохом собственного приготовления, вручную готовил капсулы и отливал разрывные пули. Когда же партизанская армия отдыхала в Минусинске, то при ней был организован целый ряд мастерских и заводов, снабжавших бойцов одеждой и продовольствием собственного производства.²⁹

Несколько больше было рабочих среди северокавказских партизан. Здесь был сформирован из рабочих Южно-Енисейских приисков батальон под названием Таёжного рабочего отряда. Представители рабочих, вроде в прошлом питерского рабочего и председателя Военно-революционного трибунала Пантелеева, находились и на руководящих постах «Тасеевской республики».³⁰

В результате на территории Енисейской губернии сформировалось несколько очагов партизанского движения. В южной части Канского и в Заманском районе Красноярского уездов существовал партизанский район, в который входили 14 волостей с населением 100 тыс. человек и вооружённые силы под командованием А.Д. Кравченко. На севере Ачинского уезда были сосредоточены до тысячи повстанцев, возглавляемых П.Е. Щетинкиным, а на юге – 250 вооружённых крестьян во главе с М.Х. Переваловым. В середине апреля 1919 г. отряд Щетинкина численностью от 300 до 600 человек соединился с армией Кравченко. Численность сформированных Манского, Канского, Тальского и Североачинского полков с декабря 1918 г. по апрель 1919 г. выросла с 2-3 до 5-6 тыс. человек, вооружённых 10 пулемётами.

Другим крупным очагом стал район с. Тасеево на северо-востоке Канского уезда. Здесь в конце декабря 1918 г. были восстановлены советы и избрана военно-революционная власть, руководимая большевиком В.Г. Яковенко. В январе 1919 г. возник так называемый Тасеевский (Северо-Канский) партизанский фронт, численность бойцов которого к лету составила около 2 тыс. человек. С конца февраля того же года образовались Бирюсинский, Конторский, Старо-Акульшетский, Гоголевский и «лесных братьев» отряды во главе с И.А. Бич-Таёжным, Н.А. Бурловым, Е.Г. Кочергиным, П.Д. Кривоуцким, К.М. и Я.М. Москвитинными и др. Сложился так называемый Шиткинский фронт в пределах ряда волостей Канского (Енисейская губерния) и Нижне-Удинского (Иркутская) уездов. К концу марта он насчитывал около 1,5 тыс. бойцов.

Осенью 1919 г. в партизанские части, совершившие под командованием Кравченко и Щетинкина переход в Минусинск, влилось около тысячи, а с занятием ими енисейского правобережья – 10 тыс. местных повстанцев. К декабрю партизанская армия составляла 15-22 тыс. человек и имела 5 орудий и 153 пулемёта. В это же время части Северо-Канского фронта насчитывали от 8 до 10 тыс. бойцов добровольческого и нестроевого состава при 15 орудиях и 170 пулеметах.³¹

Для управления партизанскими районами создавались так называемые «республики». В начале марта 1919 г. в д. Умбаж прошёл 1-й армейский съезд, на котором было официально провозглашено создание Степно-Баджейской советской республики и избраны руководящие органы партизанской армии: главнокомандующий, Главный штаб, главный политический и административно-хозяйственный орган армии – Армейский совет, главный армейский трибунал, а также высший орган республики – Объединённый совет рабочих, крестьян и партизан. 25 апреля 1919 г. в с. Вершино-Рыбное открылся 1-й съезд представителей советов Канского, Красноярского и Ачинского уездов с участием армейских делегатов. Съезд обсудил важнейшие вопросы внутренней жизни «республики», в т.ч. аграрный, продовольственный, финансовый, о самоуправлении, о текущем моменте, принял Устав о наказаниях и постановление по текущему моменту, в котором заявил о продолжении борьбы за советскую власть. В Степном Баджее находились госпиталь, мастерские, издавалась газета «Крестьянская правда». Продовольствие партизаны получали за счёт самообложения крестьян, которое вводилось постановлениями местных советов. Армия, служащие учреждений и лица, не имевшие собственного хозяйства, получали паёк. Из военнопленных был создан дисциплинарный батальон, используемый на сельскохозяйственных работах.

Существовавшая с января 1919 г. Тасеевская «республика» охватывала территорию 11 волостей с населением 85 тыс. человек. Являвшийся высшим военным и гражданским органом власти, Тасеевский военно-революционный штаб (ВРШ) весной 1919 г. в связи с расширением повстанческой территории был переименован в районный, а в августе – упразднён. Вместо него на состоявшемся 8-10 августа того же года в с. Шекотурово был создан Армейский совет в составе П.А. Астафьева, Ф.Я. Бабкина, Н.М. Буды (командующий), Т. Витюкова, Ф.Н. Лобова, Е.К. Рудакова и В.Г. Яковенко (председатель). Отряды были заменены шестью пехотными и кавалерийскими полками. 15-24 ноября 1919 г. в д. Бакчет был проведён ещё один съезд армейских депутатов, на котором для

руководства местными советами была учреждена должность специального комиссара, с целью решения экономических вопросов и борьбы с преступностью создан совет народного хозяйства, военно-революционный трибунал и народные суды. На территории партизанского района стали действовать Устав о дисциплине, запрещении азартных, денежных игр и мародёрства, Трудовой кодекс и выпускалась газета «Военные известия». В боевых условиях был национализирован Троицкий солеваренный завод, налажена работа мельниц. Совнархоз определял места, сроки, условия сева и уборки хлеба. Помощь малообеспеченным крестьянам, бездомным старикам, сиротам и беженцам оказывал отдел призрения.

Объявленная на волостном съезде в феврале 1919 г., Кучеровская республика охватывала сравнительно небольшую территорию 24 селений с населением в 9,5 тыс. человек. Но решения избранного на съезде партизанского штаба, в который входили Т.И. Мордвинов, Т.Н. и Н.Н. Пугачёвы и ещё четверо членов, поддерживались населением сначала 28, а затем ещё 17 селений. Кроме штаба, в компетенцию которого входило рассмотрение не только военных, но и гражданских вопросов, был создан агитационно-политический отдел.³²

Однако сведения о наличии «республик» были почерпнуты из воспоминаний самих бывших партизан. Некоторые краеведы, ссылаясь на отсутствие архивных документов, уже подвергли сомнению существование, например, Тасеевской «республики».³³

Активными участниками повстанчества являлись большевики. Ещё до начала восстания в некоторых селениях, к примеру, Шиткинского района они жили легально и поддерживались сходами крестьян. В Степно-Баджейской волости насчитывалось до 20 ячеек, членами которых являлись около 250 большевиков и сочувствующих. Губернское руководство располагало сведениями, что «... большевики ещё с лета прошлого года укрепились главным образом в деревне, куда они ушли, скрываясь от преследований контрреволюционного режима, и организуют восстания».³⁴ Такими инициаторами создания партизанских отрядов в Ачинском и Красноярском уездах стали члены подпольного комитета Е.Т. Марутко, В.А. Уланов и Н.М. Копылов. В Тальской волости Канского уезда бывший рабочий и красногвардеец Н.Д. Рожков организовал военно-революционный комитет, имевший связь с губернским и уездным городами. Маклаковских и североканских партизан возглавляли большевики Ф.Я. Бабкин, Н.М. Буда, И.А. Вашкорин, В.И. Кренц, Т.Н. Пугачёв и В.Г. Яковенко. В Заманье председателем армейского Совета был большевик С.К. Сургуладзе. Большевиками являлись такие руководители партизан как М.В. Александров, С.Т. Баталов, И.Г. и Ф.Г. Боганы, В.О. Гусев, К.А. Егоров, Н.П. Курченко, К.П. Пуляев (Лидин), М.Т. Савицкий и В.А. Уланов и др.

Между тем, хотя власти и называли сопротивлявшихся их политике и восставших крестьян «большевиками», на самом деле членов РКП(б) среди партизан Степного Баджея было немного. В отрядах не существовало приёма в партию и официально зарегистрированной и оформленной по уставу организации. Только, когда партизанские части пришли в Минусинск, то они, насчитывая по одним данным 17, а по другим – 50 человек, решились на создание своего комитета. Данная инициатива вызвала возражения со стороны членов Главного штаба и прежде всего командующего А.Д. Кравченко. Заявив, что создание партийных организаций может нарушить беспартийность их движения, принцип народовластия и таит в себе опасность межпартийных разногласий, вредных в условиях военного времени, он запретил «легализацию» большевиков. Возмущённые большевики договорились не распускать свою организацию. Вместе с тем, многие партизанские вожди (А.Т. Иванов, А.Д. Кравченко, Я.Ф. Ксендзов, К.М. Логвинов, А.М. Марченко, П.П. Петров, С.Е. Сухо-рослов, Г.В. Шаклеин, В.Г. Шпагин, П.Е. Щетинкин и др.), боровшиеся с колчаковским режимом, оформили членство в РКП(б) только в 1920 г.³⁵

В Шиткинском районе большевиков до восстания насчитывалось не более 10 человек. Но в начале восстания трое из них стали начальниками отрядов, двое – служили в политотделе фронта, по одному – в следственной комиссии, продовольственном комитете и оружейной мастерской. На армейском съезде 12 июля 1919 г. в ВРШ из трёх человек были избраны два большевика, один из них – начальником штаба. К концу деятельности этого органа в его составе из пяти членов четверо

являлись большевиками. В декабре 1919 г. в с. Шелаево состоялось организационное собрание шиткинских коммунистов, но полного создания партийной организации не произошло. Активными большевиками здесь являлись П.Л. Бельницкий, И.А. Бич (Таёжный), М.П. Богданович (Волгин), А.К. Кепул (Кудрявый), П.Д. Криволицкий, А.В. Соколов, В.И. Швайндеецкий (Шагов) и др.³⁶

Более крупную и организованную прослойку представляли большевики среди тасеевских партизан. В сентябре 1919 г. при штабе был создан комитет по организации большевистских ячеек. Однако партизаны высказались против этого мероприятия, заявив о своей поголовной принадлежности к большевикам. Поэтому комитет смог учесть лишь 100 членов РКП(б). С организацией ряда ячеек состоявшееся в октябре 1919 г. общее собрание большевиков избрало партком. В результате численность их здесь увеличилась до 200 человек. Но некоторые партизанские командиры (И.З. Нижегородов, Е.К. Рудаков и др.) также вступили в РКП(б) лишь с победой советской власти.³⁷

Вероятно, к руководству партизанским движением стремились и др. политические силы. Белая контрразведка считала, что «восстание в Енисейской и Иркутской губерниях организовано и поддерживается социалистами-революционерами».³⁸ Под эсеровским лозунгом борьбы за власть Учредительного собрания осуществлял первые мобилизации ачинских крестьян в партизаны Щетинкин. Согласно воспоминаниям одного из участников, с целью усиления эсеровского влияния на тасеевских и шиткинских повстанцев в районах их деятельности некоторое время находился уполномоченный Сибирского центра ПСР Бондарь.³⁹

Повстанчество эсеров и их влияние на крестьянство имело очагово-неустойчивый характер. Наряду с большевистским, эсеровское течение распространилось, например, среди шиткинских партизан. Его представителем являлся начитанный и авторитетный среди старожилов ниже-займский крестьянин И.А. Кочергин, избранный населением членом районного совета. В Тайшете с целью борьбы за Учредительное собрание якобы существовала и примкнула к повстанчеству эсеро-меньшевистская группа «Единство», находились эсеры и в рядах Конторского «летучего» отряда. После колчаковского переворота в с. Тасеево бежали пятеро-шестеро эсеров, в частности, бывший земский деятель из Перми штабс-капитан Сперанский (или Стронский), прапорщики Виноградов, Витюков, Самарчук и Филиппов. К ним примкнул и местный социалист-революционер П.Ф. Халчевский. Там же появился перебежчик, офицер и член ПСР Ф.Н. Лобов, проводивший среди партизан идею народовластия и беспартийности их движения.

Наряду с «правыми» эсерами и более умеренными эсерами-центристами, в рядах партизан находились и «левые» эсеры, которые, выступая активными сторонниками Советской власти, имели большое влияние на крестьян. Их группы и лица имелись в Шиткинском и Перовском районах. Сильная, хотя и не сведённая в организацию, группа «левых» эсеров находилась в армии Кравченко и Щетинкина. Не был лишён эсеровских взглядов и сам её командующий. По мнению шиткинских большевиков, Степной Баджей являлся партизанским гнездом, где «верховодили эсеры и меньшевики», выступавшие за беспартийный характер своего движения. Представители действовавшего в с. Перово «Союза левых народников» П.П. Петров и А. Низовцев входили в руководящий состав партизанских органов.⁴⁰

Ещё одной политической силой, якобы, по мнению историков, искавшей возможность воздействовать на крестьянство, являлись анархисты. Однако участие их в партизанском движении на Енисее не было значительным. Возглавляемый анархистом С. Дерюжкиным партизанский отряд образовался в Шиткинском районе и в мае 1919 г. участвовал в боях за Тайшет. Возникший там же «летучий» отряд в составе анархистов и под командованием их товарища по партии Я.Ю. Пепула занимался грабежами населения и, проявив нестойкость, отступил из с. Попово. Ещё один отряд из 20 «лесных братьев» во главе с бывшим ссыльным анархистом или «почитателем анархизма» А. Басурманиным (Сашко) действовал летом 1919 г.

Подобные группы анархистов за мародёрство и оппозицию к товарищам быстро ликвидировались. Так, действовавшие в районе Тегульдета, т.е. на стыке Енисейской и Томской губерний, и отметившиеся грабежами и насилием над населением, 15 партизан «анархистско-бандитского типа» были разогнаны другим партизанским отрядом, а двое вожаков – расстреляны.⁴¹

Присущая повстанчеству стихия возникла не под влиянием анархистов, как считают некоторые учёные, а скорее исходила из его крестьянской сути. По мнению одного из авторов, подобные события, правда, в других местностях, были обусловлены не только очевидными экономическими или политическими интересами, но и прорывом на поверхность глубоко архаичных форм народного сознания, определённых представлений о «воле», социальной справедливости, воинской доблести и т. п.⁴²

«Анархическая натура» была характерна многим партизанским вожакам, а склонность к разбою и грабительству – рядовым повстанцам. Но от этого они становились «анархистами» только в глазах современников-большевиков, будущих авторов воспоминаний и доносов в партийные органы. Некоторые из «анархистов», вероятно, лишь считались таковыми и членами партии не были оформлены. Так, человеком с «анархическим уклоном» называли очевидцы начальника Кучеровского «летучего рабоче-крестьянского» отряда Мордвинова, известного под кличкой «Тигр». При этом он заявлял о своей приверженности народной власти в лице советов, а характер партизанского движения определял как социалистический.⁴³

Вероятно, находившиеся в повстанчестве большевики, эсеры и анархисты не оказывали на него руководящего воздействия, но они придавали борьбе своих товарищей более организованные формы. Зачастую присутствие членов и сторонников различных политических партий не сопровождалось идейно-политической борьбой среди партизан и крестьянства. Так, в Шиткинском районе, несмотря на организацию в охваченных восстанием селениях советских органов и выдвижение большевиками лозунга «Вся власть советам», в партизанской среде распространённым являлся и лозунг социалистов-революционеров – «К Учредительному собранию без буржуев и кадетов». С антисоветской резолюцией выступали на партизанском съезде 2 мая 1919 г. в с. Шиткино представители Конторского отряда. Накануне созыва «гражданской конференции», намеченной на 13 мая, политотдел широко пропагандировал среди крестьян эсеровский и большевистский лозунги. Первый из них набирал даже больше сторонников. Но, если социалисты-революционеры опирались на деревенское тыловое население, то большевики – на представительство партизанских отрядов, которое решительно заявило, что будет бороться только за власть советов. В результате большая часть делегатов, за исключением делегатов четырёх отрядов, отстаивающих предоставление власти Учредительному собранию, все же встала на позиции большевиков. Из 36 участников конференции 25 проголосовали за резолюцию, в которой говорилось: «Двухгодичный опыт русской революции учит, что в борьбе трудящихся против буржуазии наилучшей государственной властью является власть самих трудящихся, организованная в советы. Всякая другая власть, под каким бы лозунгом она не выступала, в конечном счёте является организацией буржуазии против трудящихся». На конференции был избран Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а для содержания отрядов, военных и гражданских учреждений введён натуральный налог, носивший классовый характер.

Однако деятельность оперировавших в тылу продовольственных отрядов, насильственная мобилизация вызвали недовольство населения и вместе с боевыми потерями ослабили ряды партизан. Поэтому, когда 25 мая 1919 г. части 2-го Ставропольского полка и 3-й чехословацкой дивизии, используя боевые газы, двинулись в наступление, партизанам пришлось оставить ряд сёл и расходиться. Во время отступления в тайгу шиткинские партизаны ликвидировали ВРШ фронта и Совет. Лишь в июле они образовали два отряда и избрали начальником штаба бывшего ссыльного и большевика М.П. Богдановича (Волгина). 12 июля 1919 г. состоялся съезд представителей отрядов, на котором они просили командование забыть распри, наблюдаемые среди них. Одновременно в Приангарье, где существовали в качестве заслона отряды Я.Ю. Пепула и Ф.А. Антонова, которые грабили население и предлагали своих командиров в качестве вождей партизанского движения, был командирован Н.А. Бурлов, сумевший встать во главе партизан Приангарья.

Отстояв независимость от Северо-Канского фронта, шиткинские партизаны были вынуждены ещё раз разбираться с деятельностью эсеров и анархистов в своих рядах уже в декабре 1919 г. «Заговорщики», находившиеся в качестве заключённых тюрьмы ВРШ, поставили задачу ском-

прометировать советскую власть перед трудящимися. С этой целью группа, руководимая Громывым и Шканиным, объявила голодовку и разослала письма к партизанам и местному населению с призывом ликвидировать штаб и освободить борцов «за народное дело». Рассмотрев это дело, полевой суд приговорил данных лиц к расстрелу. Состоявшийся следом VI съезд представителей Шиткинского фронта постановил не отступать от лозунгов, выдвинутых РКП(б), и избрал Военно-революционный Совет в составе большевиков М.П. Богдановича (Волгина), П.Л. Бельницкого, В.И. Швайнцецкого, И.Е. Швырева и П.Д. Криволицкого. Председателем его и командующим были оставлены Богданович и Машуков⁴⁴.

Как свидетельствовал очевидец, влияние эсеров чувствовалось и в Тасеевском районе, однако серьёзного воздействия на партизан они не имели⁴⁵. Попытки «правых» социалистов-революционеров возглавить восстание натолкнулись здесь на быструю и жёсткую реакцию со стороны их политических оппонентов – большевиков, стоявших во главе движения. По доносу шестеро «заговорщиков» подверглись аресту, из них четверо – расстрелу. В целом же с декабря 1918 и до середины февраля 1919 г. большевиками были уничтожены четыре «заговора».⁴⁶

Согласно наблюдениям современника, в недрах самого движения, несмотря на всю революционность и даже героизм, проявленные партизанами, «скрывались элементы разложения и стихийности, которые, – как писал современник, – могли захлестнуть и опрокинуть всю партизанскую армию...».⁴⁷ Не давая развиваться этому процессу, тасеевские большевики решительно расправились с повстанцами из Шеломковского отряда, которые, отказавшись подчиняться Главному штабу, выдвинули лозунг «Воюй и живи в своё удовольствие». Переодевшись в форму белых, они разъезжали по деревням, изымали налоги деньгами и самогоном, а доставленные под караулом в с. Тасеево, сначала воспротивились аресту своих вожаков. Когда же в неразберихе один из них погиб, то прочие, напившись, высказались за убийство Яковенко, но были арестованы, судимы и частью расстреляны.

Тасеевцам пришлось налаживать дисциплину и среди апанских партизан. Командиры Абанского и Долгомостовского отрядов Витюков и Апанович решили самостоятельно наступать на с. Абан. Несмотря на указанную тасеевцами нецелесообразность этой операции, они по очереди входили в это селение и самовольно его оставляли, не предупредив об этом товарищей. По др. версии, заняв село, партизаны начали пьянствовать, не выставили охрану и при внезапном появлении белых понесли неоправданно большие потери. Были убиты и тяжело ранены 32 человека, в т.ч. два командира роты. Апанцам было объявлено, что за неподчинение распоряжениям штаба, к ним будут относиться как к белым. Командированным товарищам было приказано лиц, возбуждавших неповиновение, направлять в с. Тасеево в распоряжение штаба.⁴⁸

Сложными были отношения и в руководстве партизанским движением, к примеру, между членами Главного штаба Шиткинского фронта и начальником Конторского отряда И.А. Бичом (Таёжным), которого одни из них ошибочно относили к эсерам-максималистам, а другие – к большевикам. Последний требовал устранения из его состава некоторых из них, которые как раз и были эсерами, а также настаивал на передислокации этого органа на передний край борьбы. Когда же партизаны под натиском противника начали отступать, то он склонил их руководство к принятию решения о разделении имевшихся сил на небольшие отряды по их местонахождению и оперированию по своему усмотрению. И хотя члены штаба в конечном итоге проголосовали за централизацию командования и концентрацию партизан в с. Шиткино, как опорном пункте, часть отрядов была уже сориентирована на выполнение ранее принятой установки и разошлась по своим селениям. Ядром нового фронта стали партизаны, вернувшиеся из Ангарского похода.⁴⁹

Группы оппозиционеров, агитировавших за «демократизацию» управления партизанскими частями, возникали и среди большевистского руководства Северо-Канского фронта. Впервые они проявили себя на совещании комсостава 29 апреля 1919 г. Однако их выступления не были поддержаны большинством командиров. Вторично оппозиционные настроения среди партизан возникли при отступлении из с. Тасеево на р. Ону. Тогда в панике некоторые из них стали высказываться о необходимости разделения на отдельные и мелкие отряды, способные лишь к набегам. Ликвида-

торские настроения были пресечены появившимся приказом командования, посредством которого лица, распространявшие провокационные распоряжения без указания их авторства, подлежали расстрелу. Одновременно возникший из-за потери спорных приказов конфликт между главкомом Ф.А. Астафьевым и отдельными командирами штаб тут же разрешил, заменив его Н.М. Будой.

Новая группа лиц, критически относившихся к деятельности штаба, появилась накануне I-го армейского съезда в августе 1919 г. Его участники избрали Армейский совет под председательством В.Г. Яковенко, но в его состав представителями от самостоятельных фронтов вошли и некоторые оппозиционеры. На II-м армейском съезде (ноябрь 1919 г.) обвиняемый своими противниками в незаконных расстрелах анархистствующих повстанцев Яковенко при избрании в совет получил гораздо меньше голосов. Но за него проголосовали 27 партизанских командиров, что и обеспечило ему место в этом органе⁵⁰.

Несколько по-иному складывались отношения между представителями различных политических партий в армии Кравченко и Щетинкина. Находясь в боях, они не имели возможностей для проявления разногласий и чаще всего подчинялись настроениям партизанских масс. Как правило, партизаны объясняли крестьянам, что они восстали против Колчака для создания «власти трудового крестьянства, которое составляет большую часть населения». Крестьянский характер движения подчеркивался даже тем, что армия называлась «Крестьянской», а Объединённый совет – органом прежде всего крестьянских депутатов⁵¹.

Однако партизанская армия здесь состояла из полков, созданных по территориальному принципу из повстанцев со своими вождями и местными интересами. Судя по воспоминаниям бывших партизан, среди них существовали Баджейская (Кравченко), Перовская (Александров, Петров) и Большеулуйская (Щетинкин, Уланов) группы, которые отличались «идеологическими уклонами». Так, Баджейская и Большеулуйская группы были настроены действовать сугубо в русле большевистских установок. Но, если первая выступала за гибкую тактику по отношению к крестьянству, то вторая – считала необходимым применение террора ко всему цензовому населению. Перовской же группе были свойственны левоэсеровские убеждения с отстаиванием идеи общекрестьянских советов.

Наконец, существовали отдельные и длительное время независимые от общего руководства отряды, действия которых определялись болезненным честолюбием вожаков. Сугубо информационный характер имели, к примеру, отношения между повстанческим Главным штабом и командованием так называемой «Стальной дивизии», состоявшей из агинских партизан⁵².

Партизан связывала общая ненависть к противнику. В то же время, например, раздражённые проявлением «первенства и келейности» со стороны заманцев, перовцы, как утверждал П.П. Петров, сохраняли антагонистические отношения с ними вплоть до конца движения⁵³.

Среди повстанческих вожаков находились такие лица, как бывший прапорщик и командир Манского полка К.П. Пуляев (Лидин), кандидатуру которого партизаны предлагали в командующие, или в прошлом фельдфебель-фронтовик и командир Канского полка М.В. Александров, авторитет которого среди восставших крестьян вначале был самым высоким. Но из-за разных обстоятельств с конца января 1919 г., когда совещание представителей партизанских отрядов утвердило состав армейского Совета и соответствующих органов формирующихся полков, главкомом Крестьянской армии был избран А.Д. Кравченко. Этот выбор обострил отношения между Кравченко и вожаками канских повстанцев. Но после самоубийства Александрова, совершённого в пьяном виде после неудачной военной операции, и поражения Пуляева, названного в одном из документов «заполошным и терявшимся» в сложной обстановке, серьёзных соперников у Кравченко на посту главкома больше не оказалось.

Между тем на состоявшемся после оставления партизанами Заманья Чрезвычайном армейском съезде ему пришлось выслушать упрёки в безынициативности и отсутствии желания непосредственно участвовать в боевых действиях. Дело доходило до того, что по итогам голосования членов Армейского совета, Главного штаба и представителей частей, Кравченко снимался с должности командующего.⁵⁴

В Урянхай партизанские части пришли в состоянии «полураспада». Посланные в разведку партизаны Манского полка, нацепив знаки другой части, занялись мародёрством и пьяные изнасиловали женщину, что вызвало возмущение крестьян и сослуживцев, приговоривших виновных к расстрелу. Среди партизан распространялись слухи о том, что члены делегации, занятые переговорами с монголами, якобы сбежали с ценностями. Заметными стали их критические высказывания в адрес командования, допустившего во время недавнего похода ошибочные и необъяснимые действия. Ситуация всё более обретала признаки бунта: арестовав известных русских деятелей, некоторые партизаны требовали немедленной над ними расправы. Воспротивившись этому, Армейский совет и партизаны Канского и Манского полков заявили о необходимости судебного разбирательства. В конечном итоге армейский суд оправдал этих лиц. Но подозрения в предательстве партизанских частей, сформированных из крестьян определённых местностей, а также разногласия относительно дальнейшего следования армии чуть не привели её к расколу по территориальному или полковому принципу.⁵⁵

Возможность разобраться с сущностью своего движения, наконец, появилась у повстанцев с занятием ими Минусинска и енисейского правобережья, а его необходимость диктовалась пополнением частей минусинскими обывателями и бывшими фронтовиками, а также тем, что большинство партизан, по их собственному признанию, не знало целей борьбы.⁵⁶ Начавшаяся в связи с этим идейно-политическая борьба проходила не столько между представителями ПСР и РКП(б), как считают до сих пор историки, сколько партизанских руководителей с минусинскими большевиками. Причём, имевшиеся среди партизанского командования большевики и немногочисленные социал-демократы (меньшевики), например, член президиума армейского Совета А.К. Грюнберг (Загайный), соблюдали нейтралитет или оказывали поддержку своим товарищам по оружию.

Инициаторами конфликта были местные большевики, встретившие партизан в Минусинске митингом, организация которого вызвала недовольство общественности. Некоторые из них тут же развернули агитационную работу среди партизан, а члены большевистского комитета (В.Г. Солдатов, А.К. Добрых), стремясь легализовать свою организацию, пытались склонить на свою сторону отдельных командиров.⁵⁷ Отвечая на такую встречу и утверждая лозунг «Вся власть крестьянам и рабочим в лице их советов», Главный штаб в своём обращении к населению Минусинского уезда был вынужден заявить: «Мы крестьяне Канского, Красноярского, Ачинского уездов не принадлежим ни к одной из партий. Мы не большевики – как нас окрестили буржуазные газеты... Наша борьба не партийная, мы не большевики и не эсеры, хотя в наших рядах находятся и те, и другие, но наша борьба чисто классовая, то есть труда и капитала». В то же время представители левозэсеровского течения, возглавив редакцию газеты «Соха и молот» и отстаивая лозунги борьбы за «равенство, братство и свободу всех людей», успешно агитировали за беспартийность своего движения. В статье А. Низовцева (Вредного) «Кто мы?» было заявлено: «Отрицаем диктатуру пролетариата, вся власть трудовому народу в лице Советов, отрешиваемся от всякой партийности... Советы не выражают диктатуру пролетариата, а выразители воли всего трудового народа».⁵⁸

С приходом партизан в Минусинске наметились группы лиц из членов Объединённого совета во главе с Солдатовым, Главного штаба и Армейского совета с Кравченко, Сургуладзе, Улановым и Щетинкиным, Военно-следственной комиссии с Хруцким, а также командиров полков, которые периодически конфликтовали между собой, укоряя друг друга в самовольстве. К примеру, имели место обвинения председателя Армейского совета в адрес бойцов одного из полков, якобы ограбивших кассу этого органа. Возмущение главкома и членов Главного штаба вызвало поведение командования Тальского полка, требовавшего после неудачного поиска и длительного нахождения на позициях отвода своей части в тыл и при этом угрожавшего её самороспуском. Наконец, оправдывая реквизиции имущества населения своими бойцами, как вынужденные, Щетинкин выступал против организации этого мероприятия в рамках всей партизанской армии.⁵⁹

Состоявшийся VI армейский съезд по докладу П.П. Петрова принял специальную «Декларацию». В ней отвергалась диктатура пролетариата, содержались требования свободы слова и пе-

чати, собраний и союзов, права избирать в советы по четырёхчленной формуле (всеобщие, равные, прямые и тайные), а также призыв к созданию единого социалистического фронта борьбы с колчаковщиной. С другой стороны, в «Декларации» заявлялось, что партизанская армия борется за восстановление советов. Более того, агитационно-редакционная секция дополнила её большевистской концовкой: «Никакой другой власти, кроме власти Российской Социалистической Федеративной Советской республики, Крестьянская армия не признаёт и на всякую другую власть будет смотреть как на узурпатора народных прав и будет бороться с ней силой оружия». Данным документом объявлялись равенство всех наций, равноправие женщин, отделение церкви от государства, соблюдение восьмичасового рабочего дня, рабочего контроля над производством, введение подоходно-прогрессивного налога и социализации земли. «Декларация» не призывала к восстановлению Учредительного собрания и лишь настаивала на политической независимости партизанского движения. Её содержание свидетельствовало о крестьянском и просоветском характере этой борьбы.

Несмотря на то, что съезд признал власть РСФСР и переименовал Крестьянскую армию в Крестьянско-рабочую, он закончился бурными прениями и обвинениями партизанского руководства в «военной диктатуре». После съезда отдельные большевики заявили о своих принципиальных разногласиях с этим документом. Главком Кравченко был вынужден предупредить большевистскую оппозицию: «У нас свобода слова, но если вы нашу программу будете называть эсеровской, то [мы объявим] комендантский час, ... а агитаторов будем расстреливать». 4 декабря 1919 г. в Минусинске и уезде было введено осадное положение. Одновременно Кравченко, ознакомившись с «Заявлением группы офицеров», которые предлагали объединить силы против белых и красных и выступить за признание власти Учредительного собрания, отказался от сотрудничества с эсеро-земской оппозицией Колчаку.⁶⁰

Однако обвинения большевиков, адресованные Кравченко и выражавшиеся в его стремлении к насаждению собственного вождизма, не были беспочвенными. На IX Минусинском уездном крестьянском съезде (декабрь 1919 г.) между ним и делегатами, предложившими продать населению для пополнения бюджета советских органов спиртное, произведённое местными заводами, разгорелся новый конфликт.⁶¹ В то же время съезд признал присутствие и необходимость очищения партизанской армии от «нежелательного элемента, который вошёл туда ... лишь из-за личных выгод и своими действиями кладёт чёрное пятно на чистую идею Крестьянской армии».⁶²

Войдя под Красноярском в контакт с Красной армией, некоторые партизанские вожаки выражали недовольство распространением среди бойцов большевистских настроений, дисциплины и безоговорочным подчинением новому командованию. Вернувшись в Минусинск, отдельные члены комсостава организовали очередной партизанский съезд, на котором обвинили большевиков в диктате и тем самым способствовали распространению в уезде самосудов и грабежей. Состоявшийся в январе 1920 г. в Красноярске VII армейский съезд в очередной раз указал главкому Кравченко на его неправильное и «диктаторское» отношение к партизанским выдвиженцам.⁶³

Боязнь очередной «махновщины» заставила большевиков расформировать созданную из партизан дивизию и отслеживать силами чекистов их поведение. С 22 февраля по 18 марта 1920 г. в Ачинске и Назарово комиссиями особого отдела ВЧК при 5-й армии, проверявшими их состав, были выявлены 10 «тёмных» личностей.⁶⁴

Объясняя такое отношение к партизанам, Енисейское губернское бюро ЦК РКП(б) 27 апреля 1920 г. заявило о том, что существование их отрядов, в которых было много «кулацких элементов, шкурников и уголовников», являлось «кратковременным, они не представляли классовой силы, которая была бы нашим и естественным союзником...».⁶⁵

Таким образом, партизанское движение на Енисее было сложным социально-политическим явлением, типичным для Гражданской войны в условиях Сибири. Как и повсюду, оно, при слабости политического влияния извне, имело общекрестьянский, очаговый характер и чаще всего было направлено на восстановление всесословных и демократических советов. Вследствие незначительности среди партизан рабочих и представителей различных политических партий их

выступления характеризовались обилием местных поводов, групповой борьбой за собственные интересы и нередко криминальной окраской. Зачастую партизанское движение являло собой борьбу крестьян за самостоятельное решение своей судьбы и было проявлением той стихии, к которой для достижения власти обращались все политические силы. Подчиняя себе верхи, заметными в повстанческой среде были настроения «стихийного большевизма» или стихийного и бессознательного протеста против любых форм неравенства, который с его разрушительностью оказался близким крестьянству на уровне его менталитета.

2016 г.

Примечания:

¹ Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. ст. – Вып. 4. – Новосибирск, 2013. – С.76-114.

² Партизанское движение в Сибири. – Т.1. Приенисейский край. – М.; Л., 1925. – С.101, 103.

³ Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). – Абакан, 2007. – С.98.

⁴ Партизанское движение в Сибири. – Т.1. – С.42.

⁵ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. – Красноярск, 1972. – С.81-87, 89-93; он же. Сельское революционное подполье Сибири в 1918-1919 гг. // Социально-политическое развитие советской сибирской деревни. – Новосибирск, 1980. – С.85-87.

⁶ Миханев А. Зеркало революции // Аргументы и факты. – 2016. – № 44. – С.31.

⁷ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. – М., 1966. – С.151; Ильиных В.А. Столыпинская программа аграрного освоения Сибири // Экономическое развитие Сибири: мат-лы Сибирского исторического форума. – Красноярск, 2016. – С.151.

⁸ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.33; Партизанское движение в Сибири. – Т. 1. – С.6.

⁹ Свободная Сибирь. – 1918. – 5 декабря; 1919. – 4, 29 января; Партизанское движение в Сибири. – Т. 1. – С.37, 109.

¹⁰ Земельный вопрос в Сибири. – М., 1919. – С.4-5.

¹¹ Петров П. Партизанское движение в Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917-1920). – Омск, 1920. – С.119; он же. Перовские красные партизаны (начало движения) // Сибирские огни. – 1935. – Кн. 1. – С.132; Дубина И.Д. Партизанское движение в Восточной Сибири. 1918-1920. – Иркутск, 1967. – С.27; Иванов Г. Тасеевская республика. 1918-1920 гг. – Красноярск, 1969. – С.22, 33, 37, 39; Попов Г.Н. Партизаны Заманья. – Красноярск, 1974. – С.18-20, 25-26, 30-32; Лифантьев А.Н. Очерки о шиткинских партизанах (Записки краеведа). – Красноярск, 1974. – С.25; Яковенко В.Г. Записки партизана. – Красноярск, 1988. – С.36, 40-41.

¹² Свободная Сибирь. – 1919. – 17 января, 30 января, 18 марта; Труд. – 1919. – 25 января; Попов Г.Н. Партизаны Заманья. – С.37, 44, 61; Фомичев М.В. О связях Тасеевской республики с партизанским движением в Абанском районе (волости) [Электронный ресурс]. – URL: <http://aban1919.narod.ru/books/conf88/Fomichev.htm>; Киселев Л. Смертельное столкновение. История расследования [Электронный ресурс]. – URL: <http://proza.ru/2009/04/20/751>; он же. Ложь и правда об Удерейском дражном флоте... [Электронный ресурс]. – URL: <http://proza.ru/2012/04/03/808>.

¹³ Будберг А. Дневник белогвардейца. Воспоминания. Мемуары. – Минск; М., 2001. – С.63; Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. – Пгг., 1923. – С.134-135; Партизанское движение в Сибири. – Т.1. – С.28; Минусинский край. – 1919. – 29 июня; Ссылные поляки и их потомки на Земле Абанской [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/16/Petrovyh/0.htm>.

¹⁴ Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. – 1926. – № 2 (49). – С.27, 30, 33; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.180, 188; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.5а. О.1. Д.80. Л.58, 65; Д.200. Л.22.

¹⁵ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М., 2005. – С.207.

¹⁶ Дубина И.Д. Партизанское движение в Восточной Сибири. – С.138.

¹⁷ Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. – Абакан, 2006. – С.429.

¹⁸ Фонды КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей» (ФКККМ). В/ф 3293/2. Л.1-3.

¹⁹ Партизанское движение в Сибири. – Т.1. – С.41; Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. – М.–Л., 1926. – С.265; Лифантьев А.Н. Очерки о шиткинских партизанах // ФКККМ. В/ф 8486/15. Л.6; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.180; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.64. О.2. Д.35. Л.1; Ф.42. О.6. Д.427. Л.38.

²⁰ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.102.

²¹ Партизанское движение в Сибири. – Т.1. – С.46-47; Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири... – С.29.

²² См.: Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин; Под ред. А.В. Гордона. – М., 1992. – С.299, 301.

²³ Козьмин Н.Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии. – Красноярск, 1917. – С.15.

²⁴ Жизнь Сибири. – 1924. – № 7-9 (23-25). – С.167; Эльцин В. Крестьянское движение... – С.5, 10; Абов А. Партизанское движение в Сибири. – Новосибирск, 1932. – С.19.

²⁵ Эльцин В. Крестьянское движение... – С.30, 34-35; Яковенко В.Г. Записки партизана. – С.40-41, 142; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.182-183, 185; Лифантьев А.Н. Очерки о шиткинских партизанах. – С.17; ФКККМ. В/ф 8486/15. Л.89, 93.

²⁶ Дубина И.Д. Партизанское движение в Восточной Сибири. – С.138; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.131.

- ²⁷ Годы огневые: Сб. воспоминаний. – Красноярск, 1962. – С.271; Шекшеев А.П. Саянский поход енисейских красных партизан // Халгин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции: Мат-лы междунар. науч. конф., 23 мая 2014 г. – Иркутск, 2014. – С.212.
- ²⁸ Свободная Сибирь. – 1919. – 13 февраля; Попов Г.Н. Партизаны Заманья. – С.61.
- ²⁹ Зарубин. Сибирские партизаны в 1919-1920 гг. В отряде тов. Кравченко // Пролетарская революция. – 1925. – № 3 (38). – С.245, 248; Перевалов М. Таежные партизаны. – М., 1933. – С.38, 58; Рогозин. Партизаны Степного Баджея. – М., 1926. – С. 53; Попов Г.Н. Партизаны Заманья. – С.75, 77; ГАНО. Ф.5а. О.1. Д.102. Л.13-15.
- ³⁰ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.186.
- ³¹ Рогозин. Партизаны Степного Баджея. – С.199; Дубина И.Д. Партизанское движение в Восточной Сибири. – С.138; Шекшеев А.П. Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918-1932 гг. // Вопросы истории. – 2006. – № 2. – С.105-107; Ларьков Н.С. Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири (ИЭС). К-Р. – Новосибирск, 2009. – С.580; Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири... – С.85, 93; Селезнёв Е.С., Селезнёва Т.А. Дело № 0969 (Кривоуццкий П.Д. Шиткинские партизаны) [Электронный ресурс]. – URL: <http://taishet.ru/История/sel3.html>.
- ³² Шишкин В.И. Степно-Баджейская (Заманская) республика // ИЭС. С-Я. – С.187-188; он же. Тасеевская (Северо-Канская) партизанская республика // Там же. – С.230-231; Демидович А.П. Мятёжное Кучерово; Филимонова Д. Была ли Тасеевская республика властью? [Электронный ресурс]. – URL: http://zemlyakiaban.ucoz.ru...byla...taseevskaja_respublika...
- ³³ Новиков Н.Я. Привет из Абана. – Красноярск, 2010. – С.77-78.
- ³⁴ Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918 - 1920 гг.). – М., 1962. – С.149; Селезнёв Е.С., Селезнёва Т.А. Дело № 0969; Дубина И.Д. Партизанское движение в Восточной Сибири. – С.18, 21.
- ³⁵ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.197; Попов Г.Н. Партизаны Заманья. – С. 64-66; ГАНО. Ф.5а. О.6. Д.270а. Л.92, 133-134, 142; Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова (ФМРКМ). О.4. Д.177. Л.87.
- ³⁶ Селезнёв Е.С., Селезнёва Т.А. Дело № 0969.
- ³⁷ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.199; Яковенко В.Г. Записки партизана. – С.103-104.
- ³⁸ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.136.
- ³⁹ Партизанское движение в Сибири. – Т.1. – С.115; ФКККМ. Д. Записка В.Г. Солдатова по вопросу о неправильном освещении истории гражданской борьбы со стороны группы лиц, работающих в Красноярском крае. 20 мая 1968 г.
- ⁴⁰ Яковенко В.Г. Записки партизана. – С.45, 104, 152; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.201; Штырбул А.А. Левые эсеры в партизанско-повстанческом движении Сибири периода колчаковщины (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) // Гражданская война в России: Мат-лы Всерос. заоч. науч. конф. – СПб., 1998. – С.96; ГАКК. Ф.42. О.10. Д.101. Л.6-7; Селезнёв Е.С., Селезнёва Т.А. Дело № 0969; ФКККМ. Д. Записка В.Г. Солдатова...
- ⁴¹ Яковенко В.Г. Записки партизана. – С. 76; Рогозин. Партизаны Степного Баджея. – С.182; Иванов Г. Тасеевская республика. – С.39; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. – Омск, 1996. – Ч.1. – С.176; Ч.2. – С.30, 37, 40, 52; ГАКК. Ф.42. О.10. Д.101. Л.4.
- ⁴² Голованов В. Нестор Махно. – М., 2013. – С.21.
- ⁴³ Лифантьев А.Н. Очерки о шиткинских партизанах // ФКККМ. В/ф 8486/15. Л.5, 10.
- ⁴⁴ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.201, 203; Селезнёв Е.С., Селезнёва Т.А. Дело № 0969; ФКККМ. В/ф 8486/15; Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири... – С.104, 230-231.
- ⁴⁵ Иванов Г. Тасеевская республика. – С.65.
- ⁴⁶ Яковенко В.Г. Записки партизана. – С.46.
- ⁴⁷ Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны. – С.268.
- ⁴⁸ Яковенко В.Г. Записки партизана. – С.47-48, 107; ГАКК. Ф.42. О.10. Д.101. Л.6; Фомичёв М.В. О связях Тасеевской республики...
- ⁴⁹ Селезнёв Е.С., Селезнёва Т.А. Дело № 0969; ФКККМ. В/ф 8594 (25-31).
- ⁵⁰ Яковенко В.Г. Записки партизана. – С.64-65, 106-110; ГАКК. Ф.42. О.10. Д.101. Л.29, 35, 49.
- ⁵¹ Рогозин. Партизаны Степного Баджея. – С.6, 195-196; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.190.
- ⁵² Рогозин. Партизаны Степного Баджея. – С.193-195; Попов Г.Н. Партизаны Заманья. – С.62; ГАКК. Ф.64. О.5. Д.531. Л.34.
- ⁵³ ГАКК. Ф.64. О. 5. Д. 531. Л.11.
- ⁵⁴ Петров П. Перовские красные партизаны... – С.142-143, 151; ГАКК. Ф.64. О.5. Д.531. Л.20, 37,45; Соха и молот. – 1919. – 7 октября; ФКККМ. В/ф 9166/14. Л.1; О/ф 11913/18. Д.10414; В/ф 9260/8.
- ⁵⁵ Рогозин. Партизаны Степного Баджея. – С.153; Петров П. Партизаны в Урянхайском крае (Воспоминания участника) // Сибирские огни. – 1927. – № 4. – С.170; Годы огневые. – С.192; ГАНО. Ф.5а. О.1. Д.297. Л.30; О.6. Д.270а. Л.88, 92.
- ⁵⁶ Соха и молот. – 1919. – 26 ноября.
- ⁵⁷ ГАНО. Ф.5а. О.6. Д.270а. Л.135, 142.
- ⁵⁸ Соха и молот. – 1919. – 18 октября, 1 ноября; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.196.
- ⁵⁹ Соха и молот. – 1919. – 26, 28 октября.
- ⁶⁰ Там же. – 30 ноября; Рогозин. Партизаны Степного Баджея. – С. 182; Попов Г.Н. Партизаны Заманья. – С.183-184; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С.189-190, 192-194; ГАКК. Ф.64. Оп.1. Д.618. Л.2, 4, 6, 9; ГАНО. Ф.5а. О.6. Д.270а. Л.142-143, 146-147, 149, 152-153, 265.

⁶¹ ГАНО. Ф.5а. О.6. Д.270а. Л.160.

⁶² ФМРКМ. О.4. Д.219. Л.3.

⁶³ ГАКК. Ф.64. О.11. Д.618. Л.29; Д.642. Л.174; ФМРКМ. О.4. Д.177. Л.87, 89, 98, 104.

⁶⁴ ГАКК. Ф.64. О.11. Д.642. Л.158-159.

⁶⁵ ГАНО. Ф.П.-1. О.2. Д.33. Л.1.

Е.С. Аккожанова,
с. Жана-Аул, Республика Алтай

Прошлое и настоящее в сосуществовании обычаев и традиции казахов Кош-Агачского района

Россия – поистине уникальная страна, которая наряду с высокоразвитой современной культурой бережно хранит традиции всех народов, глубоко уходящие корнями не только в православие, в мусульманство, но и в язычество. Россияне продолжают отмечать все народные праздники, в том числе и языческие, верят в многочисленные народные приметы и предания.

Алтай не зря называют этнографическим музеем под открытым небом. Современная этническая структура Юго-Восточного Алтая представлена теленгитами, имеющими статус малого народа Республики Алтай, чуйскими казахами, алтайцами, русскими и другими народами.

В настоящее время здесь мирно сосуществуют православное христианство, буддизм, шаманизм и ислам. Чуйская степь является центром ислама в Республике Алтай. Каждая этническая группа населения характеризуется своим социально психологическим, этнокультурным обликом и собственной моделью адаптации к природно-климатическим условиям региона. Теленгиты и казахи максимально сохранили свои традиции, обычаи, обряды, язык, духовно-нравственные и экологические ценности. Этнический колорит присутствует в повседневной жизни, в материальной и духовной культуре.

В 1884 году после подписания Чугучакского договора и установления границ между Россией и Китаем Чуйскую степь стали заселять казахи из Восточного Казахстана. В отношении крестьянского начальника 3-го участка Бийского уезда Томскому губернскому управлению о землеустройстве и организации управления киргизов (казахов) из Семипалатинской области и Китая от 28 июля 1903 г. написано: «Со времени переселения киргиз этих из пределов Китая и принятия ими русского подданства образ жизни их не изменился, кочуют они совместно с инородцами 2-ой Чуйской волости...».¹

Действительно, и в наше время образ жизни казахов особо не изменился, разве что не кочуют, кроме пастухов отгонных пастбищ. Живут осёдло в сёлах, но все семьи имеют в личном хозяйстве большое поголовье скота и это позволяет им в условиях высокогорья и места, приравненного к районам крайнего Севера, жить безбедно и соблюдать все обычаи и традиции своего народа.

Традиционные поселения казахов располагаются в сёлах Кош-Агач, Жана-Аул, Тобелер, Теленгит-Сартогой и Ташанта. Для этого народа характерен высокий уровень национального самосознания, сохранения культуры, традиции и языка.

Кош-Агачские казахи сохраняют память о местах исхода, и одновременно осознают единство и самобытность народов Алтая. И в наши дни теленгиты, русские и казахи Южного Алтая соблюдают все религиозные обряды и традиции своих народов. Многолюдными праздниками отмечают Чага-байрам, Масленица и Наурыз.

Богатейшая культура казахского народа сохранила множество традиций и обычаев, почитаемых и передаваемых из поколения в поколение на протяжении многих веков. В частности многие традиции и обычаи уходят корнями в тенгрианство, языческие представления об устройстве мира, существовавшие до принятия ислама. В то же время они тесно переплетаются с мусульманскими обычаями. Таким образом, в казахской культуре образовался симбиоз обрядов и традиций, которые удивительно гармонично сочетают и дополняют друг друга, пронизывая все этапы жизни

человека: свадьба, период беременности и родов, замужество и воспитание детей на разных этапах развития, а также обычаи гостеприимства, устройство праздников и поминок, погребения и поминальный обряд.

Культура народа не может существовать без традиции. А что такое – традиция? Традиция (от латинского traditio – передача) – элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определённых обществах и социальных группах в течение длительного времени. Территориально традиции могут охватывать значительные пространства, включающие целые страны и континенты, национальные и профессиональные образования, но могут принадлежать и отдельным компактно проживающим группам и даже минимальной ячейке – семье.

«Традиционное казахское общество встречало каждого новорождённого как своё будущее. На огромных степных просторах плотность населения была небольшой, в условиях экстенсивного кочевого хозяйства огромную роль играло количество рабочих рук в хозяйстве. Основным способом передачи традиций была устная культура: миф, эпос, богатырские сказания, исторические предания, родословные. Поэтому была высока ценность каждого носителя традиции. Всё это определило антропоцентризм кочевой культуры, бережное отношение к человеку, личности. Каждый этап его жизни отмечался трапезой, в которой принимала участие вся кочевая община»,² «Общественная жизнь киргизов (казахов) развита, но сводится к угощению, и поездкам, и увеселениям; различные семейные события и праздники сопровождаются всегда угощением целого аула и даже ближайших...» – удивлённо пишет русский этнограф, автор ряда статей, посвящённых казахам, Седельников Александр Никитич.³

Казахские традиции и обычаи не появились в одночасье, все они накапливались столетиями. Некоторые традиции и обряды за долгий период времени немного трансформировались под современные, но основная их суть осталась неизменной. И в наши дни многие обычаи и традиции казахов сохранились в Кош-Агачском районе.

Самым основным в жизни казаха является семья. Уважение к старшим людям прививается с пелёнок – недопустимым считается спор со старшим – это традиционное уважительное и почтительное отношение к старшему поколению прививается вместе «с молоком матери», к тому же – это уважение к мудрости и почитание предков. В казахском народе принято считать своим долгом знать всех своих предков до седьмого колена. Поэтому, когда встречаются два незнакомых казаха или молодые девушка и парень, то сначала приветствуют друг друга, знакомятся и спрашивают какого они рода, так они лучше узнают друг друга, и если даже возникла симпатия и чувство, молодые понимают, продолжать им отношения или нет. Это значит, молодые из одного рода не могут создать семью, «...подлинный смысл этого мы понимаем только теперь, когда генетическая наука раскрыла его сущность».⁴ Эта традиция исходит из тенгрианства. Согласно древним верованиям, у человека есть душа, которая не нуждается в физической пище, но пищей для него является дух предков – Аруах. Если человек совершает дурной поступок, предаёт честное имя своих предков, то он тем самым оскорбляет духов Аруахов, а значит и Тенгри. Поэтому человек чётко осознавал, что его деяния будут отражаться на семи последующих его поколениях. А если человек прожил достойную уважения жизнь, то духи будут благосклонны к его потомкам. Отсюда своеобразным способом познания для казахского народа становится его родословные – т.е. познание жизни и истории происходит через генеалогическое древо – шежире. «Шежире» – в переводе означает «дерево». Дерево имеет корни, уходящие в глубь земли, разветвлённое сплетение веток с листьями. Так и казахские роды и семьи сплетены между собой прочно. Каждый казах считает своим долгом разделить радость или горе, поддержать морально и материально, будь это похороны или свадьба. И потому на свадьбах и похоронах чуйских казахов так многолюдно, так как в народе сильна взаимопомощь в любых ситуациях, и это сохранилось с ранних времён. Вот как пишет об этом этнограф и композитор Затаевич А.В.: «Пением сопровождается у них всякое семейное событие: и свадьба, и предшествующие ей церемонии, и похороны, и поминки, и встречи гостей...»

После смерти родственника, каждая семья чуйских казахов старается соблюсти все поминальные обычаи и по-мусульмански, и по старому обычаю: это поминальный плач – «жоктау» до 40 дней и на годовщине, обряд – «тул илу» – развешивание одежд у кровати умершего. В старину на юрте вешали чёрный лоскуток, где ещё не прошла годовщина поминок по усопшему, приезжие по этому знаку узнавали, что здесь, кто-то умер, и произносили соболезнования родственникам. О том, как отмечали поминки в XIX веке, пишет русский художник-этнограф В.Н. Плотников: «Хотя поминки у всех киргиз (казахов) и делаются по их средствам, но в общем, можно сказать, что на это тратят они немалую часть своего благосостояния, особенно богатые и мало-мальски известные люди...»

И сейчас в XXI веке почти ничто не изменилось в жизни казахов, всё также проводят все поминальные обряды, расходуя немало средств и забывая большое количество скота. Нужно отметить, что в настоящее время против старых обычаев выступают муллы, но народ воспринимает это болезненно.

Другой отличительной чертой казахского народа является гостеприимство. Английский путешественник, живописец Аткинсон (Томас-Вильям), который провёл около семи лет в казахских степях, писал: «...из Аягоза мы продолжали путь по степям, где всюду пасся скот, и через два часа достигли аула Сырдака, богатого бая, встретившего нас с большим почётом. На чистой траве для нас поставили юрту, на полу которой расстелили бухарские ковры. Слуги принесли чай с урюком и изюмом – неплохая замена хлебу. Пока мы пили чай, забили барана; вскоре на деревянном блюде подали куски варёного мяса с рисом». Другой шведский путешественник Гедин Свен писал: «Я жил между ними 4 месяца и, хотя был тут единственным европейцем, не испытывал бремени одиночества, так как они проявляли по отношению ко мне неизменную дружбу и гостеприимство. Они с удовольствием делили мою скитальческую жизнь; некоторые сопровождали меня во всякую погоду и участвовали во всех странствиях по ледникам и восхождениях на горы».

И в старину, и сейчас, если появился друг не из числа своего народа, то этим гордились перед остальными, называя друга «тамыр» в буквальном переводе «вена», что означает породнившийся, и затем этого друга можно было увидеть на всех дастарханах данного казаха.

Обычай гостеприимства – это обычай «конакасы» (конак – гость, ас-угощение). По обычаю казах обязан встретить гостя с почётом, угостить его – знак щедрости. Всё самое вкусное казахи хранили и хранят сейчас для гостей. Гости делили на три вида: «арнаиконак» – специально приглашённый, «кудайыконак» – случайный путник, значит посланный богом, «кыдырмаконак» – нежданный гость. Поэтому и в настоящее время гостеприимство широко распространено в Кош-Агачском районе, и для этого казашки заготавливают продуктов впрок, чтобы дастархан был всегда полным.

Обычаев гостеприимства много:

– обычай «Шашу» – осыпание сладостями и монетами, так встречают долгожданных гостей, невестку в первый раз, казахи верят, что сладости и монеты приносят благополучие и удачу. В наше время «шашу» приносят на свадьбу, «шилдеhana» – дастархан по случаю 40 дней от рождения новорождённого и на другие праздники, как взаимопомощь и поддержка.

– обычай «Атмингизипшапан жабу» – это самый высокий почёт дорогому гостю или уважаемому человеку, свату дарить коня или накидывать на плечи шапан.

– обычай «Бата» – это благословение (словесное пожелание) перед едой, перед дальней дорогой, испытаниями, благодарностью за угощение, за гостеприимство, за помощь и молодым на свадьбе. Благословение произносит самый старший из присутствующих. «Воспитательный смысл данного обряда, заключается в том, что напутствующее слово уважаемого человека облагораживало молодого человека, придавало ему бодрость духа, хорошее настроение и вселяло надежду в осуществлении его жизненной цели».⁵

– обычай «Ерулик» – угощение вновь прибывшим соседям-новосёлам, приглашают к себе в гости на дастархан, чтобы они быстро привыкли к новой среде.

– обычай «Коримдик» – это подарок, которую дают за увиденного впервые новорождённого, молодую невестку, а в наше время за новый дом, квартиру или за новую машину.

– обычай «Жылу» – это материальная и финансовая помощь людям, пережившим стихийные бедствия, несчастья (пожар, наводнения).

И в наши дни сохраняются социально-бытовые обряды, и традиции, связанные с различными событиями в семьях: шилдехана (рождение ребёнка), бесикке салу (укладывание в колыбель), тусаукесер (обрезание пут в возрасте 1 года), новые обряды: тилашар (букв. открывание языка, когда ребёнок пошёл в школу), мектепбитуру (окончание школы), свадебные и поминальные обряды. «Сами кош-агачты замечают, что расходы на различные обряды с каждым годом увеличиваются. Некоторые уже берут кредиты, чтобы справить свадьбу... Курултай несколько раз принимал решение уменьшить расходы на свадьбу и похороны...» – замечено О.Б. Наумовой и Е.И. Лариной.⁶

Вся жизнь казаха пронизана народными обычаями, церемониями и праздниками. «Таким образом, – отмечает Диваев А.А., – обычаи и обряды, проводимые ...имели в первую очередь воспитательный эффект, который выражался в соблюдении моральной этики, нравственной чистоты, уважения к старшим, соблюдения законов общества».⁷

2017 г.

Примечания:

¹ Марков В.И, Мартынова Г.Д., Шарабура Л.Н. В составе Томской губернии – Горно-Алтайск, 2004 – С. 48.

² Е. Хасангалиев, К. Мырзалиев – Атамекен – Астана, 2002 стр.127.

³ Седельников А.Н., Затаевич А.А., Плотников В.Н., Гедин Свен. Девяти томный популярный справочник Казахи т. 6-7 – Алматы, 1998 – С.184, 201, 242, 258,259).

⁴ Арыкова М., Девяти томный популярный справочник Казахи, т-6 – Алматы, 1998 с.229

⁵ Калыбекова А. Народная мудрость казахов о воспитании – Алматы, 2011 – Диваев А.А. – С. 141,

⁶ Ларина Е.И., Наумова О.Б. Сквозь модернизацию //Традиции современных казахов России – Нестор-История М, 2016 – С. 52

⁷ Калыбекова А. Народная мудрость казахов о воспитании – Алматы, 2011 – Диваев А.А. – С. 141.

В.Я. Бутанаев, И.И. Бутанаева,
г. Абакан, Республика Хакасия

Хакасский женский нагрудник «пого» и культ богини Умай

Среди хакасских женских украшений, созданных вышивкой бисером, кораллом и перламутром, невольно привлекают внимание своим великолепием и необычным, загадочным видом нагрудники, называемые «пого». Они представляют национальную особенность одеяния хакасок.

Среди некоторых тюркских народов имеются женские нагрудные украшения, однако они отличаются и по своей форме, и по названию, и по назначению от хакасских «пого». Например, на Саяно-Алтае своеобразный четырёхугольный нагрудник «тёштёк» встречается в костюме телеутских женщин. Он нашивался на передний разрез праздничного платья в виде украшения. Вырезанные из бересты или картона два равновеликих параллелограмма обычно нашиваются на ситцевую подкладку тёмного цвета. Поверх бересты или картона пришивают яркое сукно, чаще – красного цвета. На сукно пришивается широкий золотой или серебряный галун (в настоящее время – парча). По внешней стороне галун обшивается узкой полоской чёрного сатина, обмотанного по спирали золотой нитью. На свободное внутреннее поле сукна пришивают квадратной формы украшения. «Тёштёк» хранили отдельно от платья. Когда нужно было надевать праздничную одежду, его несколькими стежками прикрепляли к вороту.¹ Специфическим элементом казахской девичьей одежды были нагрудники «онгир», надеваемые поверх платья. Казахский нагрудник «онгир» представлял прямоугольник с пришитыми сверху тесёмками. Он закрывал платье спереди почти до талии. Из-под него виднелись воротник платья и верхняя часть планки разреза, украшенная вышивкой.

Нагрудник был праздничным элементом одежды. Делали его из плотной ткани красного цвета (бархата, сукна) и на подкладке. Вышивали шёлком и канителью. По краям обрамляли шёлковой лентой и позументом с бахромой, к которым нередко пришивали монеты и пуговицы ювелирной работы. Вышивку располагали в центре и по краям. Нагрудник «онгир» входил в свадебный наряд невесты.² Башкирские нагрудные украшения «селтэр» были массивной удлинённой формы. Они вышивались кораллами, поверх которых прикреплялись крупные монеты. Заканчивались нагрудники «селтэр» коралловой бахромой с монетами. Их могли одевать как женщины, так и невесты на свадьбу.³

Хонгорские нагрудники «пого», согласно народным традициям, являлись обязательным атрибутом свадебного наряда свахи. Сплошь расшитый бисером, кораллами и перламутром ритуальный свадебный нагрудник «пого», представляет венец декора традиционного искусства вышивки подобными материалами. Прекрасное украшение «пого» в свою очередь, диктует свои законы. Так, например, свахой не может быть вдова, незамужняя, или бездетная женщина, она не имела право надевать его. Таким образом, «пого» носили только семейные женщины и обязательно свахи во время свадьбы, и без него нет настоящей свадьбы в Хонгорае. Девушкам и невестам на свадьбу носить «пого» запрещалось.

В письменных источниках сведения о нагрудных украшениях хонгорских женщин впервые упоминаются в XVIII веке. Так, например, в 1771-1772 гг. территорию Хонгорая посетила академическая экспедиция П.С. Палласа и И.Г. Георги. Собранный материал был опубликован ими в книгах: «Путешествие по разным провинциям Российского государства» и «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». При описании традиционной одежды исследователи отмечают в числе женских украшений – нагрудник.⁴ Позже, в XIX в. статистическим комитетом Енисейской губернии была организована экспедиция с целью изучения быта и хозяйственного строя местных жителей. Результаты экспедиции, материалы по традиционной культуре и экономическому положению хакасов были опубликованы в книге А.А. Кузнецовой, П.Е. Кулакова «Минусинские и ачинские инородцы», в которой даётся более подробное описание хонгорского нагрудного украшения «пого». А.А. Кузнецова пишет: «На свадьбах грудь свахи (замужней женщины) украшается поверх свадебной шубы и безрукавки (сигедэк) особым нагрудником (пого), форма которого напоминает детский нагрудник. Пого вырезается из куска дублёной кожи и сплошь унизывается в виде симметричного узора крупными и мелкими перламутровыми пуговицами, небольшими кораллами, раковинами, крупным бисером, разноцветными бусами и различными камнями, между которыми нередко встречаются зёрна недорогого жемчуга. По внешней стороне края пого украшаются бахромой из бисера, похожею на низ русского кокошника; завязывается пого вокруг шеи при помощи лент, пришитых к верхним концам его. Пого по преимуществу качинское украшение, но существует и у других инородческих племён Минусинского округа; у кызыльцев оно встречалось ещё лет 40 т.н. и несколько отличалось от качинского своей щитовидной формой, в настоящее же время отходит в область преданий. Стоит пого от 50 до 150 руб.»⁵ Наличие нагрудных украшений хонгорских женщин упоминает Е.К. Яковлев в своей работе «Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея».⁶ В XX в. комплексным изучением хакасской одежды и нагрудников, в том числе, занималась этнограф Ю.А. Шибаева. Она отмечала, что нагрудник «пого представлял собой закруглённый кусок плотной ткани или кожи размером, примерно 30х30 см, с лицевой стороны покрытый тканью, чаще всего бархатом, и сплошь богато зашитый разноцветными бусами (нинчи), кораллами (шуру или морчан), монетами (манета), серебряными и золотыми бляхами, украшенный аграфами, а также круглыми перламутровыми пуговицами, что вместе составляло определённый красочный орнамент».⁷ В 1978 г. Хакасию посетила московская экспедиция, изучавшая художественные ремёсла хакасов, под руководством Ю.В. Максимова. Им были опубликованы статьи, где даются описания хакасских нагрудников «пого».⁸ В настоящее время изучением искусства вышивки бисером и перламутром занимаются искусствовед И.К. Кидиекова и этнограф В.Я. Бутанаев.⁹

В этимологическом плане термин «пого» первоначально обозначал зоб на шее, а затем в пере-

носном значении стал употребляться как украшение на шее. Аналогичный термин «букав» встречается в туркменском языке, где это слово также обозначает и ключицу у шеи, и женское серебряное украшение, надеваемое на шею.¹⁰

В героическом эпосе хонгорцев, созданных ещё во времена государства Хонгорай (XIV – XVII вв.), описывается свадебный наряд, в состав которого обязательно входили шапка свахи «тюльгу пёрик» (т.е. лисья шапка), свадебная шуба «идектиг тон» и нагрудник «пого», изготовленный из серебра и золота, светящийся на груди богатырских дев, словно солнце и луна. Например: «золотое пого блестит под луной, серебряное пого сверкает на солнце»; «очень красива Пичен-Арыг, нагрудник её, сделанный из серебра, под лучами солнца сверкает».¹¹

Изготовление нагрудника «пого» является делом трудоёмким. Сначала надо выкроить основу, которая называется «чабаа». В XIX – начале XX вв. основу, как правило, изготавливали из проклеенных клейстером, сделанным из ржаной муки, трёх или четырёх слоёв хлопчатобумажной или холстяной ткани. Толщина должна быть такой, чтобы иголка с ниткой свободно проходили сквозь заготовку. В более ранние времена её выкраивали из куска кожи. Об этом свидетельствует сам термин «чабаа», обозначающий в некоторых диалектах кожу и даже шкуру пушных зверей. Например: «челе чабаазы» (чул.) соболиная шкурка; «сарбах намаазы» (бельт.) шкурка белки; «изер чабаазы» дублёная кожа, пришиваемая ремнями на поверхности деревянного седла. Твердая основа «чабаа» употреблялась также при шитье мундирного воротника, тульи свадебной шапки «тюльгу пёрик» и т.д. Например: «сегедек чабаазы» твёрдая матерчатая основа женской безрукавки сегедека (которая украшается радужной вышивкой «чеек»); «чеек салджан чабаа» основа для радужной вышивки «чеек» на свадебной шубе «идектиг-тон».

Нами были исследованы более 50 «пого», находящихся в Хакасском и в Минусинском музеях, а также в частных коллекциях. Размеры традиционной основы «чабаа» в среднем равнялись: высота вместе с верхними «рожками» 30 см, ширина 30 см, длина проёма между «рожек» 12 см, или высота вместе с «рожками» – 25 см, ширина – 25 см, длина проёма между «рожек» – 10 см.¹² С лицевой стороны «пого» обтягивали сукном, плисом или чёрным бархатом, с изнанки обшивали ситцем или даже шёлком. На лицевой поверхности суровыми нитками нашивались перламутровые пластины, пуговицы, бисер, коралл, бляшки, раковины каури и т.д.

По своей форме и орнаменту нагрудник «пого» выполнялся по строгим канонам. Форма нагрудника напоминает полумесяц, повёрнутый двумя закруглёнными рожками вверх. Главные узоры образуются из крупных перламутровых круглых, иногда квадратных, пластин «тана». Круглые перламутровые пластины «тана» были размером от 3 см до 9 см. Они носят следующие названия: «тас тана» крупный перламутр, «тана харагы» небольшая пластина (букв. глаза перламутра), «тана палазы» маленькая перламутровая пуговица (букв. дитя перламутра), «сын тана» настоящий перламутр (с одним отверстием посередине и узорчатый), «арган тана» искусственный перламутр (с двумя или четырьмя отверстиями). По всей видимости, в древние времена перламутр привозили в Хонгорай из Китая и Монголии, ибо термин «тана» монгольского происхождения.¹³

Для создания основного узора мастерицы сначала на лицевой стороне в центре подготовленной основы симметрично пришивали три крупные перламутровые пластины «тана» с одним отверстием посередине, которые закрепляются красной коралловой бусиной к основе. Крупные пластины «тана» создают основную композицию орнамента «пого». Они образовывали равносторонний треугольник, расположенный основанием вверх. С двух сторон от центральных перламутровых пластин на «рожках» нагрудника нашиваются по одной или по две перламутровые пластины «тана» меньших размеров. Они создают видимость ушей или даже крыльев. На некоторых нагрудниках над двумя центральными перламутровыми пластинами фиксируется пуговица, вероятно представляющая третий «глаз». По всей видимости, это «всевидающее око».

Каждая «тана» сначала вокруг обшивается одним рядом красными коралловыми бусинами. Затем следом вокруг нашиваются белые небольшие пуговицы «марха» с четырьмя дырочками для пришивания. Средний или центральный круг вышивался обычно из розового бисера, два верхних из голубого, а нижние из белого. Их окаймляют три ряда красного бисера. Иногда бисер череду-

ется – три белых, затем два красных и т.д. Получается узор из разноцветных бисерных кругов «теерпек хоос», в центре каждого круга большая перламутровая пластина «тана». В них заложен магический смысл, они читаются как глаза, нос, рот и уши или крылья антропоморфной личины. Все эти детали подчёркивают силу «пого» как оберега.

Каждая рукодельница сообразно своему эстетическому вкусу, представлению о красоте и гармонии выбирает цвета, орнаментальные элементы и создаёт традиционное и в тоже время своё неповторимое произведение декоративно-прикладного искусства.

В XIX в. в орнаментальную композицию «пого» активно включались серебряные реже – золотые монеты и блестящие серебряные бляшки, называемые «чылтыр», которые заменяли круглые перламутровые пластины. В строго симметричной круговой композиции нашивались бляшки круглой формы «теерпек чылтыр» или продолговатые «сёёлбек чылтыр» с кораллом или полудрагоценным камнем посередине. Затем они обшивались бисерными низками вкруговую.

В XX веке перламутровые пластины «тана» часто стали заменяться круглыми большими пуговицами, называемыми «марха». Согласно представлениям хонгорцев, пуговицы сосредотачивают в себе счастье человека, к ним притягивается его жизненная сила «хут». Термин «марха» имеет чисто хакасское происхождение и в других языках неизвестен.

Крупный бисер, используемый при вышивке нагрудника, носит название «чимджеске», а мелкий – «нинджи». Оба названия восходят к древнетюркскому термину «уенçй», который был заимствован из китайского языка. По всей вероятности, бисер и жемчуг завозился на Саяно-Алтай из Китая.

Бисерные низки изготавливались из мелких коралловых бусин. Коралл – это минерал, рождённый в южных морях, имеющий красный, розовый или беловатый цвета и называемый в хонгорском языке «суру». Данное название имеет монгольское происхождение (шур) и, по всей видимости, завозился в Хонгорай из Китая и Монголии.

Коралловые бусины используются для фиксации перламутровых пластин «тана», на единственное отверстие которых накладывается соответствующего размера бусина и пришивается. Мелкими коралловыми бусами обшиваются вкруговую перламутровые пластины «тана», из них же могут вышиваться различные орнаментальные фигуры. Кораллы стоили очень дорого. Одна большая коралловая бусина, идущая на изготовление женских сережек (сурлыг ызырга), равнялась цене одного вола или два настоящих коралла равнялись стоимости одной кобылицы. Настоящие кораллы (сын суру) имели беловатый цвет с алыми крапинками, а искусственный (арган суру) был мягким и имел красный цвет. В XIX в. их привозили татарские купцы из Китая и Туркестана.

Иногда, как один из элементов заполнения основы нагрудного украшения «пого» использовались раковины каури, называемые на Саяно-Алтае «чыланмас» (букв. змеиная головка). Согласно мифологии они были получены хонгорцами от горных духов – хозяев, от брака с которыми были рождены их предки. Раковина каури применяется как оберег с глубокой древности у многих народов. По традиционным представлениям хакасов раковина каури является защитой ребёнка, к ней притягивается его жизненная сила «хут». Они пришиваются под воротничком детской одежды, на носках башмачков, на капюшонах костюмчиков и т.д. На лицевой поверхности «пого» они составляют узоры в виде треугольников, четырёхугольных лепестков и даже пятиугольных звездочек.

Необычайная яркость и красочность материала требуют от мастерицы большого художественного вкуса. Узор, заполняющий пространство между перламутровыми пуговицами «тана», состоит из разноцветных бисерных кругов, заключённых друг в друга и расположенных между ними замкнутых симметричных фигур.

Орнамент на лицевой поверхности «пого» вышивался цветным бисером в виде трёхлистника «азыр», в виде миндаля под названием «пуурек» и в виде сердечка под названием «червей». Первые два элемента являются основными в хонгорской вышивке и представляют излюбленный мотив национального орнамента. Особенно чисто хонгорским представляется элемент под названием «пуурек» (букв. анатомическая почка), сопровождающий все хакасские вышивки. Он служит отличительным показателем хонгорского орнамента. Третий узор «червей», судя по названию (от

русского названия игровой масти «черви»), более позднего происхождения. Все узоры выполнялись бисером красного, синего и зелёного цветов.

После нанесения узора делается окантовка изделия из маленьких жемчужных пуговиц, которые с внешней стороны обшиваются янтарно-жёлтыми коралловыми бусами. Обрамляется нагрудник «пого» из одного или двух рядов пришитых белых жемчужных пуговиц, под названием «узумджюк».

Затем, по краю борта нагрудника прикрепляются серебряные цепочки «самзылга» в виде подвешенных корзиночек, идущих вдоль края, или нашиваются кисточки «силбирге» из бисера. На концах бисерные кисточки «силбирге» украшаются мелкими серебряными монетками «тенге».¹⁴ Серебряная монета «тенге» достоинством в один рубль в старом быту широко употреблялась в качестве женских украшений.

После завершения работы обратную сторону «пого» обтягивают ситцем или шёлком. Сверху к закруглённым концам пришивают ленту, при помощи которой «пого» надевали на шею. Таким образом, нагрудник плотно ложился на грудь. Носить нагрудник полагалось поверх праздничной шубы «идектиг тон» и надетую на неё безрукавку «сегедек».

По традиции, «пого» готовили женщины в приданое своим дочерям до свадьбы. Для его изготовления годами копили деньги на покупку кораллов, самоцветов, перламутра, серебряных монет. Нагрудник относится к одному из дорогостоящих украшений. В XIX в. «пого», унизанный моржанами (кораллами) и жемчугом, стоил 150 руб. В то время стоимость коня оценивалась в 20-30 руб.¹⁵

Технология изготовления «пого» имеет богатое культурное многовековое наследие. Женщины знали и развивали эту технологию тысячелетиями и передавали своим дочерям. Очевидно, мастерицы уже не могли знать символику, которую они закладывают в своё творение, однако, строго соблюдая, каноны, переданные им предшественницами, чётко передавали генетический код изделия. В каждом доме должно было быть своё «пого». Когда-нибудь настанет час, и оно понадобится. В глубокую древность уходит этот обычай. В столь глубокую, что корни его давно стёрлись в людской памяти.

В настоящее время нагрудник «пого» получил широкое распространение. Хонгорские женщины теперь надевают его не только на свадьбу, но и на любой праздник. Нагрудник «пого» сейчас носится не только поверх халатов и шубы, но и на платьях.

В советское время «пого» в основном хранился в сундуках и в музейных коллекциях, как атрибут предыдущих исторических времён хакасов. Позже в 70-ые гг. XX в. становится модным справлять свадьбу по хакасским обычаям и свадебный нагрудник «пого» снова украшает костюм свахи. Сейчас бытование его переживает новое возрождение. В настоящее время существует смешанная форма бытования: аутентичная, стилизованная и сценическая. Есть мастерицы, как, например, Е.Г. Чаптыкова, которые изготавливают «пого» по традиционным канонам. Также очень много мастериц, которые делают стилизованные нагрудники. Стилизованное «пого» бывает среднего размера, но меньше чем традиционное или совсем маленькое. Их продают как сувениры и носят как обыкновенное украшение. И материал современного «пого» не такой дорогой как у традиционного, в основном это бисер, стеклярус, простые белые пуговицы, стразы и прочее.

Хакасское традиционное украшение «пого» дошло к нам из глубины веков. При сравнительном анализе орнаментального рисунка женских нагрудников можно обнаружить удивительное сходство с личинами древних каменных изваяний, изображающих богиню плодородия. На некоторых каменных статуях, как например, «Улуг Хургуях Тас» (Великая каменная старуха), относящихся к окуневской культуре (II тыс. до н. э.), имеются точно такие же нагрудники и даже головные уборы, напоминающие шапку свахи «тюльгу пёрик».¹⁶

Древний культ богини плодородия, праматери, хранительницы душ человеческого потомства передавался из поколения в поколение. Во времена существования Кыргызского государства (VI-XII вв.) богиня плодородия была известна под названием Умай. Культ богини Умай был распространён во всех древнетюркских государствах, поэтому её имя встречается в древнетюркских

рунических надписях.¹⁷ Почитание этой богини также занимает важное место в религиозных представлениях енисейских кыргызов – предков хакасов.

Использование «пого» в качестве обязательного свадебного наряда свахи, несомненно, связано с почитанием древнетюркской богини Умай, дарующей молодожёнам души детей. Богиня деторождения Умай благословит с груди свахи ещё один брачный союз и станет добрым спутником и хранителем благополучия ещё одной хонгорской семьи.

Богиню Умай почтительно величают: «Умай ине» – мать Умай, «Умай идже» – матушка Умай, «Умай хадын» – госпожа Умай, «Умай идже сайгот» – знатная мать Умай, «Умай идже хайрахан» – владыка мать Умай, «Пай идже» – святая мать, «Пай хадын» – святая госпожа. Как отмечают учёные, устоявшегося, канонического облика богини не существует. Однако в обязательном порядке присутствуют такие элементы, как подчёркнуто женский облик (идже, ине – мать) и крылья за плечами.¹⁸ Согласно хонгорской мифологии богиня Умай представлялась полной златоглавой старушкой, имеющей пышные волосы, обладающей широкими крыльями и которая может превращаться в белую птицу. Она невидима людям и постоянно находится на небе среди белых облаков, откуда следит за рождением детей и оберегает их от несчастий.

Место зарождения богини Умай находилось на мифической горе Сумеру среди вечно цветущих деревьев, где не вянут зелёные травы и не замерзают текущие реки. Там вещает золотая кукушка величиной с конскую голову, сидящая на вершине золотистенной священной берёзы. Последняя растёт на берегу мифического Молочного озера «Суттиг коль». Сама богиня Умай считается в Хонгорае рождённой из молочной пены озера Суттиг коль (ах тамырдан чайалган). В некоторых молитвах её представляют рождённой от верховного божества Белого Ульгёня.¹⁹

На Саяно-Алтае считалось, что если младенец упадёт, то ему не будет слишком больно, ибо мать Умай его «поддержит». Если во сне малыш улыбается, то, значит, богиня с ним играет, если вздрагивает и плачет – то она его пугает. Подобные проделки, называемые «забавы матери Умай», требуют убаживания её со стороны людей. Необходимо было произнести заклинание «хурай, хурай», т.е. помилуй и спаси, а рот ребёнка смазать маслом со словами «Умай идже чалхазын» – т.е. пусть оближет мать Умай. Физическое развитие ребёнка происходит под влиянием богини Умай, поэтому на крепыша говорят: «умайыбысхан» – т.е. получил помощь Умай.

По верованиям хонгорцев, богиня Умай была хранительницей детских душ, которые находились у неё в «храме» – в горе Умай тасхыл, расположенной в верхнем течении Енисея среди Саянских хребтов (по-русски – гора Амай напротив г. Саяногорска). Умай тасхыл (г. Амай) располагается по правому берегу р. Енисей напротив посёлка Майна. Сама гора высотой 805 м над уровнем моря находится в северной части хребтов Западного Саяна. Отличается своей правильной, похожей на женскую грудь, треугольной формой. Хорошо выделяется визуально. Часто над ней лежит облачность. Последний факт, считает исследователь С. Скобелев, важен в связи с тем, что согласно представлениям хакасов, богиня Умай может находиться среди белых облаков.²⁰

При первой беременности женщин в Хонгорае изготавливали фетиш богини Умай, который носил название «умай тёсь». Он служил в качестве оберега для беременных и охранял дитя в чреве матери, чтобы злые силы «айна» не причинили им вреда. Фетиш изготавливался из берёзового дерева в виде куклы величиной в короткую пядь (12 см), с волосами, сделанными из льна или конопли. Фетиш стоял в изголовье кровати беременной женщины. После рождения ребёнка, на каждое новолуние фетиш кормили. Приготовив сметанную кашу «потха», посадив фетиш рядом с колыбелью, прислонив лучок со стрелой к кукле «умай тёсь». Затем три ложки каши брызгают фетишу, три раза в огонь. В дальнейшем этот фетиш хранился в шкатулке (умайлыг абдыра), которая находилась высоко на полке. В этой же шкатулке находились пуповина ребёнка, первые срезанные волосы ребёнка «умай чачы», лучок со стрелой, лакированная красная чашечка и ложечка для кормления богини.

Когда женщина страдала бесплодием, то проводили обряд «умай тартханы» (букв. притягивание Умай), с участием сильного шамана, обладавшего чистыми духами-помощниками.

Камлание для обретения материнства совершалось в ночь белого полнолуния, т.е. на четырёх-

надцатый день нового месяца. Для выполнения обряда «умай тартханы» хозяевам требовалось привезти молодую трёхлетнюю берёзку вместе с корнями. Вносили её через дымовое отверстие юрты и помещали на мужской половине в углу между средними (ортын параан) и головными (пас параан) мебельными секциями. Под берёзку стелили белую кошму, на которой устанавливали маленький столик. На него ставили деревянную красную чашечку. Шаман наливал в деревянную чашечку специально приготовленное молоко, надоенное от белой коровы непорочной девушкой, и, для стерильности, закрывал его белой тряпицей.

Во время камлания богине Умай, к ветвям ритуальной берёзки, помещаемой в юрту, привязывали семь или девять нагрудников «пого», коралловые серьги и специально приготовленный фетиш «хуруг умай» (букв. сухая Умай). Фетиш состоял из трёх полуметровых шнуров с разными символами. Один шнур делался из серебряной мишурной нити «ах алтын», другой – из синей (или зелёной) шёлковой нити «кёк чибек» и третий – из белой (или красной) кручёной шёлковой нити «ах чибек». К свободным концам серебряной нити привязывалась серебряная монета «тенге», служащая выкупом. На конце синего (или зелёного) шнура прикреплялась бронзовая самодельная пуговица «хола марха», являющаяся сердцем фетиша. На красную (или белую) нить подвешивалась раковина каури (чыланмас), куда притягивается душа ребёнка. По представлению тюрков Хонгорая, фетиш «хуруг умай» и нагрудник «пого» притягивают к себе внимание богини Умай, которая якобы в образе белой птицы прилетает и садится на ветвь священной берёзки рядом с ними. Во время моления, шаманы обращаясь к богине Умай, произносили: «тогыс пого толыглыгзынг» – ты имеешь выкуп из девяти нагрудников «пого».²¹ Пищей богине Умай служил горячий пар «оорпус», поднимавшийся от жертвенных мясных даров.

Шаман в своём походе достигал «храма» Умай тасхыл, где находились души детей, он кланялся богине и произносил следующие слова: «Мать Умай – Святая мать! Ты защитница пасущегося скота! Ты душа черноголового (т. е. хонгорского) народа! Ради того, чтобы не прервалось животворное семя, ради того, чтобы не кончилось потомство, испытывая большую нужду, прося безвинную душу, я пришёл к тебе, госпожа мать Умай!».²² Получив искомую жизненную силу ребёнка, шаман возвращался назад. После возвращения из «храма» «Умай тасхыл», кам совершал завершающее действие под названием «умай урарга» – т.е. вливать душу младенца. Шаман опускал в молоко привязанные к фетишу «хуруг умай» раковину каури и бронзовую пуговицу со словами: «Ты имеешь душу в виде белой раковины каури, ты имеешь подарок в виде бронзовой пуговицы». Опущенные предметы якобы притягивали душу и указывали дорогу богине Умай, которая, по верованиям хакасов, посылала в молоко кровь и плоть ребёнка. В заключении женщина брала в рот раковину каури от фетиша «хуруг умай» и медленно выпивала молоко из чашки. Считалось, что таким образом душа ребёнка вместе с молоком попадала в чрево женщины, после чего последняя становилась беременной.

Итак, хакасское нагрудное украшение «пого» имеет очень древнее происхождение. Его смысловая нагрузка, так называемый генетический код, удивительным образом дошёл до нашего поколения. Поэтому в настоящее время значение и символику орнаментальных узоров «пого» сложно расшифровать. Однако в результате данного исследования выявляется, что орнаментальный узор «пого» есть стилизованное изображение лика богини Умай. Значит, надевание женского нагрудника «пого» на свадьбу было связано с культом богини Умай. По-прежнему, древнее нагрудное украшение остаётся символом могущественной богини плодородия, дарующей души детей, здоровью беременным женщинам, благополучие и процветание человеческому потомству. В тюркском мире, вероятно, нет такого другого народа, у которого имелось бы подобное украшение, связанное с культом богини Умай.

Таким образом, нагрудное украшение «пого» – часть уникального наследия, полученное хакасами из глубины веков, сочетающий в себе функции: этническую (маркирующую), социально-знаковую, сакральную и эстетическую.

2017 г.

Примечания:

- ¹ Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – перв. четв. XX в.: историко-этнографическое исследование. М., 1983. С. 148 – 149.
- ² Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда XIX – нач. XX в. Алма-Ата, 1964. С. 96 – 97.
- ³ Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет. Уфа, 2006. С. 7.
- ⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. ч.2.кн.2; 1788. ч.3. кн.1., с. 460-461; Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. с. 257
- ⁵ Кузнецова А.А., Кулаков Н.Е. Минусинские и ачинские инородцы (Материалы для изучения). Красноярск, 1898. с. 171-172.
- ⁶ Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. С. 26.
- ⁷ Шибаева Ю.А. Одежда хакасов. Сталинабад, 1959. С. 71.
- ⁸ Максимов Г.В. Народные художественные ремесла Хакасской автономной области. // Сельскому учителю о народных художественных промыслах Сибири и Дальнего Востока. М. 1983. с. 183 – 199. С. 191 – 193.
- ⁹ Кидиекова И.К. Орнамент хакасов. В. 1-2. Абакан, 1997. С. 46 – 48.; Бутанаев. 2015., с. 120- 123.
- ¹⁰ Туркменско-русский словарь. (ТРС.) М., 1968. С.118.
- ¹¹ Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. – С. 48; Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988. – с. 284-285.
- ¹² ХНКМ. КП-7071, КП-5545.
- ¹³ Монгольско-русский словарь. (МРС) М., 1957. С.389.
- ¹⁴ Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь (ХРИЭС). Абакан, 1999. С. 107,113,166.
- ¹⁵ Кузнецова А.А., Кулаков Н.Е. Минусинские и ачинские инородцы (Материалы для изучения). Красноярск, 1898. С. 208, 209. ; ХНКМ. КП 3938
- ¹⁶ Липский А.Н. Енисейские изваяния. Абакан,1970, с. 6; Бутанаев, 2015, с. 120-121
- ¹⁷ Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных. //Тюркологический сборник.1972. М., 1973. С. 265 – 286.
- ¹⁸ Скобелев С.Г. Гора и храм Умай на Енисее. // Жусуп Баласагындын «Куттуу билими» – X-XI кылымдардагы борбордук азиядагы мусулм андык кайра жаралуунун кузгусу. Бишкек, 2016. с.351 -354.
- ¹⁹ Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно – Алтая. Абакан, 2003. с.236, 240
- ²⁰ Скобелев С.Г. Гора и храм Умай на Енисее. // Жусуп Баласагындын «Куттуу билими» – X-XI кылымдардагы борбордук азиядагы мусулм андык кайра жаралуунун кузгусу. Бишкек, 2016. с. 351-354.
- ²¹ Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь (ХРИЭС). Абакан, 1999. С.148.
- ²² Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан, 2006. С. 148.

М.В. Гавриленко,
г. Новосибирск

Большой этнографический диктант как часть культурно-просветительской работы в военном вузе

Этнографический диктант – первая Всероссийская культурно-просветительская акция, цель которой – лучше оценить этнографическую грамотность россиян, их знания о народах, проживающих в стране. Организаторами диктанта являются Федеральное агентство по делам национальностей, Министерство национальной политики Удмуртской Республики, автономная некоммерческая организация «Ассамблея народов Удмуртии» при поддержке Института этнологии и антропологии Российской академии наук и Общероссийской общественной организации «Ассоциация антропологов и этнологов России», Ассоциация молодёжных национально-культурных объединений Удмуртской Республики «Вместе». Мероприятие во многом схоже с Тотальным диктантом, но форма заданий будет напоминать обычный ЕГЭ. Участники диктанта получают одинаковые по уровню сложности тестовые задания, которые включают 30 вопросов, посвящённых культуре, традициям и языкам народов России. Общая сумма баллов, которую можно набрать за правильное выполнение всех заданий – 100. В 2017 г. этнодиктант написали на 1500 площадках во всех 85 регионах России, а также в Азербайджане, Армении, Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Абхазии и Южной Осетии. Адреса российских площадок с контактами кураторов опубликованы на сайте мероприятия. Больше всего площадок открылось в Удмуртии и в Красноярском крае – 210 и 137

соответственно. Акция состоялась накануне Дня народного единства, 3 ноября. Написать диктант могли все желающие из России и зарубежных стран, владеющие русским языком. Для этого нужно было обратиться на любую площадку вне зависимости от места жительства или в зарубежное представительство Россотрудничества. Участникам предстояло ответить на 30 вопросов: 20 – общие для всех, 10 – региональные, уникальные для каждого субъекта. Диктант позволил оценить уровень этнографической грамотности населения, их знания о российских народах, и привлечёт внимание к этнографии как науке. Впервые эта акция по всей стране состоялась 4 октября 2016 г. Первоначальный вариант диктанта был достаточно сложным, и эксперты рекомендовали, в частности, сократить число специфических терминов в вопросах. В Новосибирске в 2017 г. было 10 площадок для проведения диктанта: Новосибирский государственный университет, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирская государственная областная научная библиотека, Дом национальных культур им. Г.Д. Заволокина, Городской межнациональный центр, Центр «Молодёжный» Кировского района г. Новосибирска. Количество участников составило 800-900 человек. 3 ноября 2017 г. в НВИ ВНГ РФ в диктанте приняли участие 72 курсанта 1 и 2 курсов факультета «Правовое обеспечение национальной безопасности» в возрасте от 17 до 24 лет. Следует также отметить, что среди курсантов, принявших участие в диктанте, были представители более 20 национальностей, проживающих на территории Российской Федерации. В целом в НВИ ВНГ РФ обучаются представители 47 национальностей. В связи с этим, весьма интересным кажется проанализировать статистику ответов на определённые вопросы.

Анализ результатов показал, что большинство курсантов правильно ответили на вопросы, связанные с Конституцией Российской Федерации, административным делением России, так как эти знания связаны с их будущей профессией. Практически все участники диктанта ошиблись, отвечая на вопросы, связанные с национальной одеждой народов РФ, различными элементами материальной культуры, вероисповеданием.

Итоги диктанта ярко продемонстрировали, что вопросам изучения истории и традиций народов России необходимо уделять повышенное внимание. Целью этой акции является, по словам руководителя Федерального агентства по делам национальностей, И.В. Барина, «чтобы после этой акции у жителей России появилось желание изучать свои корни, традиции своих предков, узнавать больше о тех, кто живёт рядом. Потому что знание является основой для взаимного уважения и согласия между людьми разных национальностей».¹ Как показал анализ результатов и беседа с участниками о впечатлениях после написания диктанта, данная акция способствует пробуждению интереса к культурам других народов и национальным традициям. По словам регионального координатора проекта в г. Новосибирске, заведующей отделом этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения И.В. Октябрьской: «Незнание рождает фобии, фобии оборачиваются страхом, страх формирует образ враждебного «чужого». Задача этнографии в том, чтобы сделать «чужих» своими».²

Такого рода культурно-просветительские акции очень важны для эффективной воспитательной и патриотической работы в военном вузе, где обучаются и служат представители множества национальностей. Они способствуют формированию межэтнической толерантности и гармонизации межэтнических отношений в воинском коллективе.

2017 г.

Примечания:

¹ <http://miretno.ru/> (дата обращения 30.09.17.).

² <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/report.asp?id=768469> (дата обращения 29.09.17.).

В.В. Ермилова,
г. Минусинск

Н.М. Мартьянов – основатель музеев Сибири

Николай Михайлович Мартьянов родился 27 июля (15 июля по ст. стилю) 1844 г. в Виленской губернии (ныне Западная Белоруссия). Провизор, выпускник Московского университета, Мартьянов с 1874 г. стал не только первым аптекарем Минусинского округа. Он стал тем человеком, кто открыл в 1877 г. первый местный публичный музей в Енисейской губернии. Николай Михайлович сумел найти единомышленников и энтузиастов в деле создания общественного музея в различных кругах населения Минусинского округа: среди интеллигенции, политических ссыльных, купечества, ремесленников и крестьян.

Во второй половине XIX века в Российской империи зародилось движение представителей прогрессивной общественности среди учителей, чиновников, служащих различных комитетов по изучению истории, культуры и быта коренных народов страны. Началось всё с любительского интереса к старине родного края и собирания уникальных и редких предметов, в том числе, и находок при археологических раскопках курганов.

Однако не все начинания любителей старины оканчивались организацией музеев. Чаще всего музеи не выдерживали испытания временем, трудностей их содержания на общественных началах. Бывший минусинский политический ссыльный И.П. Белоконский писал в «Северном Вестнике» за 1891 год, что захолустный сибирский городок стал известным всему миру благодаря музею. Автор спросил: «Отчего бы не сделать этого с каждым уездным городом?» А на полях издания неизвестный читатель подписал: «Сделать возможно, но только нужно иметь в каждом уездном городе Н.М. Мартьянова».

Минусинский музей стал родоначальником целой сети местных музеев в городах Восточной Сибири: Енисейске (1883), Ачинске (1887), Якутске. Об этом свидетельствуют многочисленные письма жителей Сибири Н.М. Мартьянову, хранящиеся в научном архиве Минусинского краеведческого музея. Что волновало сподвижников Мартьянова, о чём писали ему более ста лет тому назад?

Один из таких корреспондентов – Александр Игнатьевич Кытманов из Енисейска – в 1883 г. писал Н.М. Мартьянову, что он был очень рад, узнав об его желании познакомиться и вести переписку. Кытманов слышал о Мартьянове как об опытном специалисте в деле создания музея. Он послал Минусинскому музею небольшой гербарий местной флоры, собранный им самим.¹

1 октября 1883 г. Енисейский музей был открыт для посетителей. В его коллекциях насчитывалось уже более 3000 предметов, в т.ч. коллекции растений, подаренных Николаем Михайловичем, и собранных также самим Кытмановым (всего 1000 ед.).²

В письме Кытманов делился с Мартьяновым планами размещения экспонатов, сетовал на небольшое количество посетителей Енисейского музея.³ В 1884 г. при Енисейском музее была открыта общественная библиотека, в которую Мартьянов посылал регулярно отчеты по Минусинскому музею и описание его коллекций.⁴

В марте 1887 г. был открыт общественный музей с библиотекой и в Ачинске. Его основатель Дмитрий Семенович Каргополов писал Н.М. Мартьянову, что музей – дело новое и просил прислать ему положение о библиотеке, устав и каталог Минусинской библиотеки.⁵ Каргополов интересовался также порядком приобретения книг для библиотеки и в следующем письме благодарил Н.М. Мартьянова: «Буду следовать Вашим драгоценным для меня советам».⁶

В том же 1887 г. к Н.М. Мартьянову обратился с вопросами по созданию Якутского музея Андрей Иннокентьевич Попов, секретарь статистического комитета. Он был поставлен в затруднительное положение при составлении программы сборов предметов для музея и просил выслать ему программы по отделам антропологии, этнографии, археологии и естественной истории. Надеясь на компетентность и отзывчивость Мартьянова, он обратился за помощью именно к нему.⁷

И Николай Михайлович незамедлительно откликнулся на просьбу далекого якутского коллеги, по-слав ему несколько программ и все издания Минусинского музея, что были в наличии. Мартьянов предложил также: «Если Якутская библиотека слишком небогата для приобретения и составления библиографического указателя, то я охотно возьмусь за составление для Вас такого указателя специальной музейной литературы, как это было сделано мною для Енисейского музея».⁸

С предложением, сделанным Н.М. Мартьяновым, с благодарностью согласился А.И. Попов, заметив при этом: «Вы поймете, в какой тайге мы, якутяне, живем, где слово «музей» ново, доселе весьма немногими слыхано. Руководствуясь книжным материалом, полученным от Вас, я составил краткую программу по собиранию предметов для музея. Вы были столь обязательны предупредить мое намерение просить Вас о составлении библиографического указателя Якутской области. Комитет музея Вам очень признателен».⁹

Благодаря помощи Н.М. Мартьянова Якутский музей был открыт в 1887 г.

Красноярский краевой краеведческий музей ведёт свою историю с 1889 г. Его создатель – Иннокентий Алексеевич Матвеев – ещё в 1887 г. писал Н.М. Мартьянову о зарождении нового музея в Енисейской губернии. Он просил Н.М. Мартьянова так же, как его коллеги по музейному делу, советов по составлению устава и определения задач музея. И.А. Матвеев поблагодарил Мартьянова за предложенную Красноярскому музею коллекцию и приложил в письме 100 рублей за помощь в описании коллекций.¹⁰

12 февраля 1889 г. учредители Красноярского музея с глубоким уважением к Н.М. Мартьянову, основателю первого местного сибирского музея, сообщили телеграммой об открытии своего музея и библиотеки.¹¹

К дню рождения Н. М. Мартьянова Минусинский краеведческий музей подготовил выставку малоизвестных писем основателей ряда сибирских музеев. Несомненно, что новая выставка вызвала интерес к истории зарождения музеев в Сибири XIX века.

В планах Мартьяновского музея предполагается подготовка к реставрации и последующему открытию нового филиала – Музея уездной медицины и аптечного дела. Он расположится в мемориальном доме по ул. Мартьянова, 14. Напомним, что этот дом – объект культурного и исторического наследия, в нём жил основатель музея Н.М. Мартьянов с семьёй. В доме располагалась также сама аптека, управляла которой с 1918 г. после смерти родителей дочь Нина Николаевна Мартьянова.

Примечания:

¹ МКМ ОФ 10566-15. Письмо А.И. Кытманова Н.М. Мартьянову. Енисейск, 1883 г.

² МКМ ОФ 10566-18. Письмо А.И. Кытманова Н.М. Мартьянову. Енисейск, 1883 г.

³ МКМ ОФ 10566-19. Письмо А.И. Кытманова Н.М. Мартьянову. Енисейск, 1883 г.

⁴ МКМ ОФ 10819-21. Письмо А.И. Кытманова Н.М. Мартьянову. Енисейск, 13.05.1891 г.; МКМ ОФ 10614-12. Письмо А.И. Кытманова Н.М. Мартьянову. Енисейск, 1884 г.

⁵ МКМ ОФ 10692-9. Письмо Д.С. Каргополова Н.М. Мартьянову. Ачинск, 25.03.1887 г.

⁶ МКМ ОФ 10692-10. Письмо Д.С. Каргополова Н.М. Мартьянову. Ачинск, 6.05.1887 г.; МКМ ОФ 10722-4. Письмо Д.С. Каргополова Н.М. Мартьянову. Ачинск, 19.11.1887 г.

⁷ МКМ ОФ 10723-4. Письмо А.И. Попова Н.М. Мартьянову. Якутск, 12.10.1887 г.

⁸ МКМ ОФ 10730-10. Письмо Н.М. Мартьянова А.И. Попову. Минусинск, 1887 г.

⁹ МКМ ОФ 10743-7. Письмо А.И. Попова Н.М. Мартьянову. Якутск, 12.02.1888 г.

¹⁰ МКМ ОФ 10742-3. Письмо И.А. Матвеева Н.М. Мартьянову. Красноярск, 1887 г.

¹¹ МКМ ОФ 10786-1. Телеграмма учредителей Красноярского музея Н.М. Мартьянову. Красноярск, 12.02.1889 г.

В.С.Кан,
г. Кызыл, Республика Тыва

Особенности источниковой базы исследований по истории СМИ Республики Тыва

История любого народа будет неполной без анализа средств массовой информации, которые отражают важнейшие вехи в развитии общества, и, в то же время, инициируют социальные преобразования.

Не являются исключением тувинцы – малочисленный народ, создавший при поддержке СССР в 1921 г. Тувинскую Народную Республику (ТНР), вошедший в состав СССР позже других (1944 г.). Первой была создана пресса – в 1924 г. После введения тувинской национальной письменности в 1930 г. быстро распространялась грамотность среди населения, шло становление книжной печати. В 1936 г. вышли местные радиопередачи, в 1966 г. – передачи Кызылской студии телевидения.

Самые ранние публикации о газетах Тувы вышли в 1926 г. – заметки сотрудника газеты «Правда» Ф.М. Пудалова, командированного в Тувинскую Народную Республику. Он описал процесс создания первых газет, содержание вышедших газет и журналов.^{1,2} Из научных работ первой вышла монография Е.Т. Тановой по истории становления и развития периодики (1979 г.). В ней содержатся воспоминания участников, выпускавших первые газеты и радиопередачи, а также список периодических изданий ТНР.³ Труд якутского учёного О.Д. Якимова богат теоретическими обобщениями – выявлены закономерности становления и развития периодической печати Сибири и Дальнего Востока.⁴ Работы Ю.Б. Костяковой⁵ и автора^{6,7} содержат новые исторические факты и источники по теме исследования. Значение данных публикаций в том, что они содержат источниковедческие сведения.

Помимо научных работ, в последние годы вышли публикации со справочными сведениями о газетах и журналах. В статье У.Б. Нурзат описаны периодические издания ТНР в составе книжного фонда научной библиотеки Национального музея РТ (130 экземпляров, в основном, журналы).⁸ Тувинским институтом гуманитарных исследований опубликован указатель журналов, вышедших в ТНР с 1926 по 1944 гг.⁹

Интересная и своеобразная история тувинских СМИ изучена ещё недостаточно. Задача поиска, систематизации и описания источников остается актуальной – для облегчения работы исследователей, подготовки новых публикаций и трудов. В данной статье описываются источники по истории тувинских СМИ: степень их информативности, места хранения, состояние сохранности, а также предложены меры по вовлечению их в научный оборот.

Становление и развитие тувинских СМИ отражают многие виды источников. Нами были изучены газеты, журналы, радио- и телепрограммы; законодательные акты; документы партии; делопроизводственные документы; воспоминания участников событий, журналистов; фотографии. Их анализ позволил выделить следующие особенности. Во-первых, *источники по истории тувинских СМИ представлены на разных языках*. Делопроизводственные и иные документы, газеты и журналы в ТНР до 1930 г. выходили на старомонгольском языке (фактически – до 1933 г.), до 1941 г. – на тувинском языке на латинизированной основе (фактически – до 1943 г.), с 1944 г. – на русском языке. Для перевода документов на старомонгольском и тувинском языках латинизированным шрифтом требуется привлечение квалифицированного специалиста.

Во-вторых, *разрозненное и фрагментарное местоположение источников*. Больше всего источников отложилось в Государственном архиве Республики Тыва, архиве филиала Всероссийской телерадиовещательной компании «Россия» Государственной телерадиовещательной компании «Тыва» и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве.

Кроме того, источники обнаружены в Архиве внешней политики РФ (по периоду Тувинской Народной Республики), Государственном архиве РФ (по советскому периоду) и Российском ар-

хиве кинофото документов (фильмы о ТНР). Известно, что источники по Туве имеются также в фондах архивов в Новосибирске, в Иркутске, в Красноярске – их ещё предстоит изучить.

Периодические издания хранятся в газетных фондах Российской Государственной библиотеки (РГБ), Государственного архива Республики Тыва (ГАРТ), Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр (НМРТ), в Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (НА ТИГПИ).

Фрагментарное местоположение газет и журналов связано с тем, что комплектация коллекций печатных изданий началась только 8 апреля 1942 г., когда было принято постановление об обязательном экземпляре всех печатных изданий ТНР для государственной библиотеки им. А.С. Пушкина. Подшивка газет, которой, к примеру, располагает Научный архив ТИГПИ, поступила из частной коллекции. В ней подшиты номера газеты «Танну-Тувагийн унэн» – 1926, № 1, 2 (фрагмент), «Тувагийн унэн» – 1927-1928, № 3-9, 12, 13, 17, 18, «Унен» – 1929, № 19, 21, 24, 28, 32. По причине малого числа и ветхости, доступ исследователей к этим изданиям ограничен, применимы качественные виды анализа.

Подшивка газет «Красный пахарь» (1924-1930 гг.) хранится в газетном фонде ГАРТ и РГБ. Первый номер газеты от 24 июля 1924 г. и первый цветной номер от 1 мая 1925 г. представлены в постоянной экспозиции «Культурное развитие ТНР» в НМРТ.¹⁰

В НА ТИГПИ и НМРТ хранятся журналы «Хувисгалт Ард» («Революционный арат»), «Залуудчудин зорилго» («Задачи молодёжи»), информационный бюллетень «ТАР Министрлеринин човулелинин бюллетени (кол медээзи)» («Известия Совета Министров ТНР»), «Аревэ» («Ревсомолец»), «Революстуг арат» («Революционный арат»), «Революстуг интернационализм дээш» («За революционный интернационализм»), детский журнал «Пионер», «Революстун херели» («Заря революции»), «Эртем оруу» («Путь науки»), «Новая Тува» и др.

Газеты и журналы, выходявшие с 1930 по 1944 гг., доступны в газетном фонде ГАРТ, библиотеке ТИГПИ, НМРТ и Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина. Это газеты «Тыва араттын шыны» («Правда тувинского арата») за 1930 г., «Шын» («Правда»), за 1930-1944 гг., «Реванэ шыны» («Ревсомольская правда») за 1933-1936 гг. – «Аревэ шыны» («Правда Тувинского революционного союза молодёжи») за 1936-1941 гг., «Хостуг арат» («Свободный арат») за 1936-1943 гг., газета «Новый путь» (1931-1932 гг.) – «Вперёд» (1932-1942 гг.) – «Тувинская правда» (1942-1944 гг.), районная газета «Лениннин оруу» («Путь Ленина») за 1942-1943 гг.

В-третьих, неравномерная степень сохранности источников по истории СМИ. Источники по периоду Тувинской Народной Республики (1924-1944 гг.) сохранились слабо, советскому (1944-1991 гг.) – достаточно хорошо, с 1991 г. по настоящее время – выборочно.

Из фонда периодических изданий ТНР (1924-1944 гг.) объективно худшим является состояние сохранности газет и журналов. В первую очередь, это касается немногочисленных газет и журналов на монгольском языке (1925-1929 гг.), что связано с фактором времени и многократным обращением к ним исследователей. Допуск к этим источникам в последние годы является ограниченным. Если в ближайшем будущем не перевести их в другой формат (электронный, микрофильм), то они могут быть утрачены. Для уменьшения исследовательской нагрузки желательно также перевести эти издания с монгольского (1926-1929 гг.) и тувинского языка (1930-1944 гг.) на русский.

Газеты на старомонгольском языке, а также первые газеты на родном языке, многие из которых содержали фотографии, публикации, упоминания имён «врагов народа» были уничтожены или испорчены в годы политических репрессий по Указанию III Пленума ЦК ТНРП в 1938 г.⁷ Тем самым была ликвидирована часть национального газетного и книжного фонда Тувы.

Предстоит ещё найти оригинальные образцы газет «Эрх чолоот Танну-Тува», «Кооперас оруу», «Тувинский горняк» и «Физкультура и спорт», а также журнала «В помощь учителю» на тувинском языке. Сведения об их выпуске обнаружены только в архивных документах и монографиях.

Более полно и лучше сохранилась периодическая печать советского периода (1944-1985 гг.). Тува, как автономная область, а с 1961 г. автономная республика РСФСР отправляла в партийные органы, центральные и местные в библиотеки обязательные экземпляры газет и журналов.

Плохо сохранились радиопередачи с момента их выхода – 1936 г. и до 1960-х гг., а также телепрограммы 1960-1970-х гг. В Государственном архиве РТ и архиве ГТРК «Тыва» не удалось найти документы ведомственного органа – областного радиокомитета (1945-1948 гг.). Плохо также задокументированы периоды подготовки открытия Кызылской телестудии (вт. пол. 1960-х гг.), деятельности Госкомитета по телевидению и радиовещанию при Совете Министров Тувинской АССР (1985-1992 гг.) и Государственной телерадиовещательной компании Республики Тува (1992-2004 гг.).

Наконец, идеологизированность большей части источников. Прежде всего, это относится к документам партии (письма, протоколы, отчёты, инструкции, местные распоряжения, постановления, выписки), которые хранятся в фондах бывших партийных архивов – РГАСПИ и Центре архивной документации партий и общественных объединений ГАРТ. К извлечённой из партийных документов информации нужно относиться с известной долей критики. В ней представлены не столько реальные, сколько планируемые идеологами партии показатели.

Для усиления вовлечения источников по истории тувинских СМИ в научный оборот мы предлагаем ряд мер. Во-первых, *подготовить и издать сборник источников «Народная летопись тувинской журналистики» с наиболее ценными и интересными из них (архивные документы, материалы из газет и журналов, воспоминания ветеранов и др.)*.

Во-вторых, *составить единый каталог (указатель), в том числе – газет и журналов, радио- и телепрограмм (в печатном и электронном виде), в первую очередь, периода Тувинской Народной Республики*. Созданный каталог разместить в читальных залах архивов и библиотек научных, образовательных и культурных учреждений республики.

В-третьих, *перевести источники в электронный формат, что позволит создать единую электронную базу по истории тувинских СМИ*.

Работа по систематизации, оцифровке и публикации источников достаточно трудоёмкая и затратная. Требуется единый координирующий орган, помощь властей и заинтересованных организаций, создание благоприятных материально-технических и организационных условий (помещение, широкоформатный сканер и принтер, специальные программы и т.д.), целенаправленное участие специалистов-энтузиастов.

2017 г.

Примечания:

¹ Пудалов Ф.М. Газета зарубежной крестьянской колонии // Красная печать. 1926, №1-2. – С.92-95.

² Пудалов Ф.М. Первая национальная газета в Танну-Туве (История ее рождения) // Красная печать. – 1926, № 1-2. – С. 43-45.

³ Танова Е.Т. Периодическая печать Тувы (1924-1944 гг.). – Кызыл, 1979; Она же. История возникновения и развития периодической печати Тувы. – Кызыл, 2006.

⁴ Якимов О.Д. Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: от возникновения до наших дней. – Новосибирск, 2000.

⁵ Костякова Ю.Б. Становление и развитие системы массового радиовещания в национальных районах Южной Сибири (1928-1961 гг.). Дисс...канд. ист. наук. – Абакан. 2007.

⁶ Кан В.С. Становление и развитие газетной периодики Тувы (1921-1985 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Омск, 2007.

⁷ Кан В.С. Говорит и показывает Кызыл. История тувинского радио и телевидения. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2016.

⁸ Нурзат У.Б. Периодические издания Тувинской Народной Республики в составе книжного фонда научной библиотеки Национального музея Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение, использование. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию основания Национального музея Республики Тыва. В 2-х частях. Часть 2. – Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009. – С.163-165.

⁹ Журналы Тувинской Народной Республики (1926-1944 гг.): Указатель публикаций. К 90-летию провозглашения ТНР (1921). Кызыл. 2011.

¹⁰ Нурзат У.Б. Периодические издания Тувинской Народной Республики в составе книжного фонда научной библиотеки Национального музея Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение, использование. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию основания Национального музея Республики Тыва. В 2-х частях. Часть 2. – Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009. – С.164.

¹¹ Государственный архив Республики Тыва (ГАРТ). Ф.136. О.1. Д.2. Л.30.

В.А. Паршуков,
г. Ульяновск

Дружины самообороны казаков в Минусинском уезде

Несмотря на то, что о Гражданской войне в Енисейской губернии и в частности – в Минусинском уезде, выпущено немало книг, опубликовано большое количество статей и воспоминаний, данная тема, до настоящего времени, не была предметом исследований учёных и краеведов.

В связи с тем, что в конце 1918 г. произошло антиправительственное восстание крестьян Минусинского уезда, для его подавления в Иркутске был сформирован экспедиционный отряд под командованием генерал-майора И.Ф. Шильникова, дополненный по прибытию в Минусинск, местными частями.

В станицы Таштыпскую и Монокскую Войсковым управлением Енисейского казачьего войска (ЕКВ) был «послан офицер Ананий Шахматов чтобы организовать эти станицы к случаю сильного наступления противника». Выяснив ситуацию на месте, Шахматов организовал мобилизацию и отправку на помощь Минусинску из Таштыпа 40 станичных казаков. Из Монокской и Арбатской станиц казаки остались на месте, так как «им угрожали крестьяне Иудинской и Бейской волостей».¹

В Минусинске «вместо растерянных отцов города власть в свои руки взял войсковой старшина Енисейского казачьего войска Сидоров. По его требованию была объявлена мобилизация благонадёжных граждан».²

Чтобы защитить станицы от «грабительских банд» к генералу Шильникову стали обращаться представители казачьих станиц с просьбой разрешить организацию дружин с правом носить оружие. На таком обращении председателя Таштыпской волостной земской управы А.Я. Добрачева и управляющего Абаканским железодельным заводом Д.Ю. Зеберга генерал-майор Шильников поставил визу: «начальнику района на распоряжение». А председатель войскового управления Енисейского казачьего войска С.А. Шахматов предоставил генералу И.Ф. Шильникову «список станиц со сведениями о количестве потребного для них оружия». Например, в станицу Таштыпскую требовалось 50 винтовок и 80 шашек, а в Монокскую – 25 винтовок и 50 шашек.³

19 февраля на вечернем, закрытом от гостей заседании, делегаты 5-го Большого круга ЕКВ, проходившего в г. Минусинске с 15 по 21 февраля 1919 г., обсуждали вопрос о создании станичных самоохранных дружин. Член войскового управления А.Г. Шахматов зачитал инструкцию, которая затрагивала вопросы организации дружин и согласования совместных действий казачьих станиц. Выслушав инструкцию, делегаты вынесли следующее секретное постановление: «Все казаки, способные носить оружие, входят в состав станичных дружин и организуются, согласно секретной инструкции. Станичные Атаманы ведут непосредственное наблюдение за обучением дружин и подчиняются Войсковому Атаману. Войсковой Атаман или, по его поручению, помощники его, должны периодически производить инспекторские смотры дружинам и сведения, об их результатах отмечать в приказах по войску».⁴

После принятия на Большом круге решения о создании станичных дружин и обеспечении их оружием, в станицы стали выдаваться вооружение и боеприпасы из арсеналов 1-го Енисейского казачьего полка. Как правило, выдаваемое дружинникам оружие, было иностранного производства или устаревшие однозарядные винтовки Бердана.⁵

1 апреля 1919 г. вышел приказ по Енисейскому казачьему войску, в котором сказано: «Всем станичным атаманам принять к точному неукоснительному исполнению протокол 5-го Большого круга о создании дружин самообороны с приложением списка дружинников».⁶ В станицах стали создавать дружины и выбирать их руководителей. Так в станице Соляноозёрной начальником дружины был избран Алексей Степанович Потылицын, а его помощником Тихон Денисович Рассказчиков. В станице Имекской начальником дружины стал Павел Кириллович Псарев, а заместителем – Лев Гаврилович Борзов.⁷ Казаки станицы Бузуновской начальником дружины и его заместителем из-

брали соответственно Афанасия Ивановича Бузунова и Михаила Иосифовича Бузунова, а в станице Минусинской – вахмистра Ивана Григорьевича Баранова и казака Петра Дмитриевича Шипицина.⁸

Избранных во главе дружинников должностных лиц, утверждал Атаман ЕКВ приказом по войску. Так в приказе от 15 апреля 1919 г. сказано: «Избранного станичным сходом Таштыпской станицы вахмистра Иннокентия Гордеевича Шахматова и старшего урядника Николая Васильевича Шахматова утверждаю в должностях: первого начальником станичной самоохраной дружины, а второго – его помощником.⁹

Начальник Минусинского военного района подполковник Романенко объявил благодарность казакам станицы Суэтульской, которыми «под командованием станичного атамана Решетникова и начальника самоохраной дружины Шадрина, по собственной инициативе была произведена разведка и поимка скрывавшихся в тайге главарей ноябрьского мятежа, причём один из них был убит».¹⁰ Спустя месяц при поимке казаками той же станицы «антигосударственного преступника» погиб казак Иван Феофанович Глубоков.¹¹

Заслуги Минусинского станичного атамана младшего урядника Василия Прокопьевича Пупкова были отмечены в приказе по войску: «за проявленную энергичную деятельность в организации боевой станичной дружины» он был произведён в старшие урядники. С 13 июля 1919 г. атаманом Минусинской станицы был утверждён, избранный станичниками на эту должность казак Федос Прокопьевич Солдатов.¹²

1 апреля 1919 г. на основании предписания начальника Минусинского военного района вышел приказ по ЕКВ, согласно которого «для ликвидации антигосударственного движения в Минусинском уезде» были мобилизованы не только дружинники, но и «все казаки способные носить оружие в возрасте от 18 до 60 лет» станиц Бузуновской, Алтайской, Минусинской.¹³ В других станицах было мобилизовано только определённое количество казаков: в Каратузской – 25, Суэтульской – 40, Саянской – 45. Станичные казаки вошли в состав правительственных войск, действующих в Минусинском уезде. Офицер 1-го Енисейского казачьего полка хорунжий Ошаров был назначен во главе отряда казаков станицы Алтайской, которым было приказано выполнить рейд по уезду и соединиться с отрядом хорунжего Мариева. Во время боя у деревни Ново-Троицкой, при преследовании алтайскими казаками партизанского отряда красных, была утеряна 3-х линейная винтовка, которая приказом по ЕКВ была исключена из описи оружия войска и Алтайской дружины.¹⁴

В апреле в связи с возвращением в город и Минусинский уезд «воинских частей, командированных туда для ликвидации банды Щетинкина», мобилизованные казаки дружинники станиц Каратузской, Саянской, Суэтульской, Алтайской, Таштыпской, Арбатской, Минусинской, Монокской и Имекской были распущены по домам.¹⁵

Имелись случаи невыполнения должностными лицами казачьих станиц своих обязанностей, так, саянский станичный атаман рапортом от 19 мая 1919 г. донёс, что «начальник станичной самоохраной дружины Илья Васильевич Солдатов неоднократно замечен в пьянстве и бездеятельности к прямым своим обязанностям...». Приказом по войску урядник Солдатов был разжалован в рядовые и отстранён от руководства дружиной. Вместо него, станичники избрали начальником дружины, младшего урядника Василия Петровича Соловьёва.¹⁶

По приказу Атамана Енисейского казачьего войска проводились осмотры станичных дружин. Прапорщик Бажин рапортом от 19 мая 1919 г. донёс, что при осмотре Каратузской и Суэтульской станиц обнаружено следующее: «в станице Каратузской в дружине состоит 160 казаков, из них 80 конных, из пеших дружинников сёдла имеют только 30 человек. Винтовок итальянских 30 шт., 2 – из которых, являются неисправными. Бердан 4-х линейных имеется 12 шт., 3-х линейных винтовок 21 шт., боевых припасов к итальянским винтовкам 1350 шт., к 4-х линейным берданам – 200 шт., и к 3-х линейным винтовкам – 170 шт.

В Суэтульской дружине состоит 104 казака, из них конных 72 и пеших – 32 казака. Винтовок: 3-х линейных 43 шт., бердан 4-х линейных – 7 шт., 4-х линейных винчестеров 2 шт., итальянских

винтовок – 5 шт. Боевых припасов к 3-х линейным винтовкам 250 шт., к 4-х линейным берданам 500 шт., к итальянским винтовкам 500 шт.

Кроме того, в обеих станицах не ведутся строевые занятия, вследствие чего дружинники не знают строя, а так же не знают сборки и разборки винтовок. В обеих станицах нет принадлежностей для чистки винтовок, вазелину для смазки, а так же шомполов у некоторых винтовок». ¹⁷

В связи с таким положением дел в станицах, Атаман войска А.Н. Тялшинский приказал: «Каратузскому и Суэтузскому станичным атаманам установить строевые занятия с казаками один раз в неделю, начальникам дружин выработать расписание занятий, в которое обязательно включить разборку и сборку винтовки. Об исполнении мне донести». ¹⁸

В одном из приказов по ЕКВ было предписано «всем станичным и поселковым атаманам, начальникам дружин при исполнении служебных обязанностей носить присвоенную форму». ¹⁹

В июне 1919 г. из станичных казаков был сформирован так называемый Енисейский 1-й резервный полк. Приказом по ЕКВ было предписано «всем мобилизованным казакам-дружинникам надеть жёлтую повязку на левый рукав» с надписью «Е 1 р.п.». Заблаговременно изготовленные повязки необходимо было получить в Войсковом управлении в городе Минусинске. ²⁰

«Для ликвидации банды Щетинкина,двигающейся на Минусинск», в резервный полк мобилизовали 92 казака из станиц Таштыпской и Илекской, 170 человек – из Каратузской и Суэтузской, 105 человек из Арбатской и Монокской, 75 казаков из станиц Алтайской и Саянской.

Каратузским и Суэтузским казакам необходимо было немедленно прибыть в конном строю и при полном вооружении в село Курагино, в распоряжение подпоручика Занина. В марте 1919 г., тридцатилетний Иван Игнатьевич Занин был принят в казаки станицы Минусинской. В казачье сословие зачислены были его жена тридцатидвухлетняя Серафима Михайловна и двенадцатилетняя дочь Августа. ²¹

Мобилизованные казаки-дружинники из станиц Таштыпской, Илекской, Монокской и Арбатской прибыли в Минусинск, где командование ими принял есаул Фролов. Командовать дружинниками Саянской станицы, было приказано прапорщику Луткову, а Алтайской станицы – сотнику Ворошилову. ²²

Как вспоминали очевидцы, в Таштыпе была сформирована казачья дружина из стариков и молодых казаков. В неё вступили все, кто способен был носить оружие. По улицам станицы разъезжали старые и молодые казаки, обучаясь военному делу. Боясь приближения красных партизан, «в конце ноября уже можно было наблюдать, как зажиточные казачьи семьи грузили на подводы своё добро и уезжали в таёжные пади. То, что не вмещалось, прятали в потайные места или сдавали на хранение соседям». ²³

Многие казаки станичных дружин самообороны, из которых был сформирован Енисейский 1-й резервный полк, отличились в боях с красными партизанами, за что были отмечены наградами. Казаки-дружинники Усольцев Михаил и младший урядник Юшков Илья были награждены Георгиевскими крестами 4 степени. Такой же награды был удостоен казак дружины Квашнин Степан, за то, что «под сильным ружейным и пулемётным огнём противника исполняя приказания начальника, восстановил связь с соседней частью для совместного наступления». ²⁴

После выхода в сентябре 1919 г. приказа о мобилизации казаков-енисейцев срока службы с 1900 по 1913, 1920 и 1921 гг., многие станичные казаки-дружинники были призваны на службу во вновь формируемый 2-й Енисейский казачий полк. В составе Отдельной Енисейской казачьей бригады под командованием генерал-майора А.И. Феофилова, они совершили Великий Сибирский ледяной поход, воевали под Читой, на Дальнем Востоке и спустя некоторое время оказались в эмиграции в Китае. Бывший начальник Каратузской дружины самообороны вахмистр Георгий Ульянович Юшков «за боевые отличия и ледяной поход произведён в прапорщики», а затем в Приморье приказом Атамана Семёнова получил чин сотника. В эмиграции он вместе с женой и сыном проживал в Харбине. ²⁵

Таким образом, вопрос о создании самоохранных станичных дружин енисейских казаков возник после Минусинского крестьянского восстания в конце 1918 г., когда восставшими были аре-

стованы и даже убиты казаки в некоторых станицах Минусинского уезда. На первоначальном этапе станичные казаки, способные носить оружие стихийно образовывали дружины для защиты своих станиц и практически не имели оружия. После решения, принятого на казачьем круге, во всех станицах были созданы дружины самообороны, избраны начальники дружин и их заместители, решён вопрос обеспечения дружинников оружием. Казаки-дружинники не только защищали свои станицы, но и выполняли рейды по уезду для защиты города Минусинска и других населённых пунктов от нападения на них красных партизан.

Несмотря на успехи станичных дружин в борьбе против повстанцев и партизан, общая военно-политическая обстановка на внутреннем фронте в Енисейской губернии складывалась не в пользу правительственных войск. Большая часть дружинников была мобилизована во вновь формируемый 2-й Енисейский казачий полк и на пополнение в 1-й Енисейский казачий полк, а с уходом Белых войск из Минусинского уезда, станичные дружины енисейских казаков прекратили своё существование.

2017 г.

Примечания:

¹ РГВА. Ф. 39515. О.1. Д.283. л. 35

² Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. – С. 88

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф Р-149. О.1. Д.26. Л.51-53.

⁴ Протоколы 5-го Большого Круга Енисейского казачьего войска. 15-21 февраля 1919 г. в г. Минусинске. Красноярск, 1919. – С. 52.

⁵ Российский Государственный Военный архив (РГВА). Ф.39515. О.1. Д.9. Л.161.

⁶ ГАРФ. Ф.Р-149. О.1. Д.26. Л.105.

⁷ Там же. Л.102, 104об.

⁸ Там же. Л.160, 166

⁹ Там же. Л.164.

¹⁰ Там же. Л.104об.

¹¹ Там же. Л.155.

¹² Там же. Л.159об., 307об.

¹³ Там же. Л.162.

¹⁴ Там же. Л.164, 166об., 167.

¹⁵ Там же. Л.164об.

¹⁶ Там же. Л.168.

¹⁷ Там же. Л.178об.

¹⁸ Там же. Л.178об.

¹⁹ Там же. Л.168об.

²⁰ Там же. Л.250.

²¹ Там же. Л.103, 238.

²² Там же. Л.238об.

²³ Потанин А.К. Краткий очерк истории села Таштып. Б.и. - С.9.

²⁴ ГАРФ. Ф.Р-149. О.1. Д.26. Л.292.

²⁵ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.55668. Л.1-6об.

У.В. Светачева,
г. Минусинск

**Итоги этнографических экспедиций
Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова 2015-2017 гг.**

Этнографические экспедиции – важный источник комплектования музейного фонда. В 2015 – 2017 гг. экспедиционная деятельность Минусинского краеведческого музея им.Н.М. Мартьянова была возобновлена. В настоящее время прошли три этнографические экспедиции. Их целями стали изучение истории возникновения и застройки поселений, изучение строительных традиций населения, организации пространства усадьбы, изучение народного быта перв. пол. XX в., сбор артефактов материальной культуры местного населения XIX – XX вв., в том числе элементов декора жилища, наличников.

Экспедиция 2015 г. была посвящена исследованию поселений, образованных выходцами с южнорусских территорий Российской империи (украинцами). В ходе экспедиции были обследованы сёла Кавказское, Ново-Троицкое и Николо-Петровка Минусинского района, Алексеевка и Новопокровка Курагинского района, деревни Моисеевка, Ново-Ивановка, Краснотуранского района.

В 2016 г. прошли работы в населённых пунктах Идринского района бассейна р. Сыда: сёла Никольское, Новотроицкое, Екатериновка, деревни Еленинск, Васильевка, Зезезино, Мензот, собрана информация по ныне исчезнувшим деревням Силкино и Тоболка. Значительная часть данных поселений образована «киселёвскими» переселенцами из Пермско-Вятского региона.

В 2017 г. работы велись также в Идринском районе, населённых пунктах белорусского происхождения. Маршрут экспедиции включал в себя следующие населённые пункты: село Романовка, деревни Иннокентьевка, Королёвка Идринского района. Также прошёл сбор информации о ныне исчезнувших деревнях Вознесенка, Николаевка. 15 августа был совершён выезд в д. Александровка и с. Мёрзлая Салба Краснотуранского района.

Для работы была выбрана форма краткосрочной маршрутной экспедиции.

Перед экспедицией подготовили вопросники, за основу которых были взяты вопросники, использовавшиеся в фольклорной и этнолингвистической экспедиции РГГУ (программа-вопросник №9 «Строительство»¹), вопросники, разработанные В.А. Липинской, опубликованные в учебно-методическом пособии, подготовленном преподавателями Омского государственного университета,² вопросники А.Ю. Майничевой, используемые в экспедиционных работах сотрудников ИАЭТ СО РАН и вопросник ст.н.с. научно-фондового отдела Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыянова Е.В. Леонтьева.

Во время обследования населённых пунктов применялись такие методы, как интервью (личная беседа с использованием вопросника), фотофиксация построек и отдельных элементов, а также общих видов поселений, в том числе проходило фотокопирование материалов информантов. Нас интересовали, прежде всего, традиции домостроительства, использовался приём выборочного обследования.³ Опросы проходили, прежде всего, среди старожилов поселений. Также проводились беседы с местными краеведами.

В 2015-2016 г. произведена фотосъёмка строений посещённых населённых пунктов, главным образом, датируемых кон. XIX – пер. пол. XX вв., общего вида населённого пункта, кладбищ, моленных мест.

В фонд музея поступило 55 предметов: строительные инструменты (пилы лучковые и поперечная, фуганки), сельскохозяйственные орудия (веялка, хомут), мебель, санки для возки воды, посуда (чугунок), орудия прядения и ткачества (прялки, детали ткацкого станка), одежда (моленный сарафан, платье, шаль), полотенца, дорожки, наволочки, нитки и т.д. Также было собрано 8 наличников, которые вошли в каталог наличников Минусинского музея (ведётся в электронном варианте).

Получена информация об истории населённых пунктов, традициях домостроительства. Результаты были опубликованы в журнале «Гуманитарные науки в Сибири»,⁴ газете «Минусинский край» и на сайте музея.

Собрана информация об аспектах народной жизни середины XX в., например, об обработке льна, о производстве домотканых холстов и одежде, о быте сер. XX в. В послевоенное время одежду делали сами, выращивали и обрабатывали лён, технология была записана в 2016-2017 гг.

Во время экспедиции 2015 г. в д. Новопокровка Курагинского района были записаны песни.

Также собрана информация о старообрядческом населении. В обследованном регионе Идринского района старообрядцы проживали в с. Екатериновке, в д. Тоболке и Силкино и на заимке Расусим. Староверческое население в указанных деревнях было неоднородным. В одной деревне могли проживать представители разных толков. В настоящее время они проживают в с. Екатериновка, также в д. Иннокентьевке, куда в нач. XXI в. переселилась группа староверов из Курагинского района, д. Рошинская.

В ряде населённых пунктов была собрана информация об исчезнувших вследствие укрупнения колхозов деревнях, шла фотофиксация памятников архитектуры и её отдельных элементов.

По итогам экспедиции 2015 г. были подготовлены две выставки: «Новые поступления» (2015 г.), «Осколки уходящей культуры» (2017 г.).

Нужно отметить, что информантов, которые могут рассказать о дореволюционной истории, практически не осталось. Самый ранний год рождения информантов – 1924 г. Большой пласт информации об истории поселений, традиционной культуре оказался утерян, и необходимо продолжить экспедиционные работы по обследованию поселений Минусинского уезда, пока есть возможность застать в живых представителей старшего поколения. Недостающий материал можно попытаться найти в городском и в сельских архивах. Дополнение экспедиционных материалов данными архивов, сопоставление с материалами экспедиции 2009 года даст основу для более детального научного изучения региона.

2017 г.

Примечания:

¹ Программа-вопросник Фольклорной и этнолингвистической экспедиции РГГУ. IX. Строительство. [электронный ресурс] // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/exped.htm>: (дата обращения: 21. 09. 2011).

² Вопросы и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик. Омск, 2002.

³ Громов Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966. – С. 14.

⁴ Светачева У.В. Традиция домостроения южнорусских переселенцев (экспедиция Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2016. №2. С. 54-57; Светачева У.В. Домостроительные традиции русского населения минусинского округа во вт. пол. XIX – нач. XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. №2. Новосибирск, 2017. С. 77-82.

А.А. Терскова,
г. Красноярск

Врачи города Енисейска и Енисейского уезда во втор. пол. XIX – нач. XX веков

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-11-24008

Город Енисейск был уездным городом, расположенным в удалении как от губернского центра, так и от железнодорожного сообщения, поэтому медицинское обслуживание в городе было развито незначительно. В городе была единственная городская больница на 45 мест Приказа общественного призрения, которой руководил смотритель больницы, обслуживали врач и фельдшер. Она была открыта в городе с 1810 г. и располагалась в собственном каменном здании.¹ Попечитель городской больницы в 60-е гг. XIX в. был Потомственный почётный гражданин, золотопромышленник Алексей Сафронович Баландин.

К концу XIX в. в городе появилась тюремная больница для арестантов на 26 коек и для оказания неотложной медицинской помощи, городская амбулаторная лечебница, в которой приём вели ежедневно с 10 утра до часа дня, кроме двенадцатых праздников. При лечебнице была открыта аптека, и выдавали бесплатно лекарства для бедняков.² Располагалась лечебница в доме Дуракова по Успенской улице. Заведовал ею городской врач из ссыльных поляков А.О. Пиотровский. На её содержание городской управой отпускалось 1200 рублей в год, труд врача был бесплатным. В 1899 г. на третий год работы у лечебницы появилось собственное здание.³ Большая роль в открытии лечебницы принадлежала купцам С.В. Востротину и С.Н. Скорнякову.

Отсутствие квалифицированной медицинской помощи в городе особенно ощущалось в периоды эпидемий дифтерита, скарлатины и холеры. Должности врачей и среднего медицинского персонала (фельдшеров и лекарей) часто были вакантны, несмотря на то, что городской врач

получал жалованье 1300 рублей в год, сельский врач 1400 рублей, а Туруханский врач 1700 рублей в год.⁴

С.В. Востротин в своих воспоминаниях писал, что в городе было много ссыльных врачей, к которым население обращалось за помощью, среди них были В.С. Лебедев, С.В. Мартынов и С.Я. Елпатьевский, отбывавшие ссылку в Енисейске в 1880-е годы.⁵ Более 20 лет должность окружного и городского врача занимал Большанин Платон Павлович, начавший службу с лета 1863 года. Городской врач не только вёл приём в больнице, но также должен был следить за санитарной обстановкой в городе, противодействовать эпидемиям, проводить в необходимых случаях судебно-медицинскую экспертизу и осматривать детей в учебных заведениях. Среди врачей г. Енисейска в 70-е годы упоминается врач городской больницы, не имеющий чина, лекарь Василий Дмитриевич Жилин.⁶ В 90-е годы XIX в. в городе и округе работали врачи из ссыльных поляков: не имеющий чина Антоневиц Константин Павлович и надворный советник Пиотровский Антон Осипович. Среди врачей городской больницы в начале XX в. упоминается Дмитрий Фёдорович Олюнин. Он также вёл приём арестантов в тюремной больнице.⁷

Всю жизнь трудился на благо города коллежский советник, лекарь Вицин (Вицын) Алексей Иванович, работающий в должности врача с 1863 г.⁸ Он упоминается в Памятных книжках Енисейской губернии как окружной врач в 90-е годы XIX в. Кроме обязанностей окружного врача, Алексей Иванович также исполнял должность сельского врача и Туруханского, поэтому часто отлучался из города. О нём А.И. Кытманов писал, что окружной врач А.И. Вицин увлёкся золотодобычей, арендовал прииск у В. Базилевского. Он сильно издержался от этого мероприятия и вынужден был продать аптеку, которую он открыл в своём доме в 1872 г.⁹

Ещё об одном враче в своих воспоминаниях пишет А.Л. Яворский. Это Александр Алексеевич Станкеев, который долгое время работал окружным врачом, а в начале XX в. вёл приём в городской больнице Енисейска.¹⁰ О нём у горожан остались самые добрые воспоминания. Яворский вспоминал, что А.А. Станкеева все в городе очень любили, к нему ходили за советом, он никому не отказывал и даже давал медикаменты, хотя сам жил в большой бедности. Как-то А. Станкеева ограбили, утащив у него самовар. Укравшего избили подельники, узнав о том, кого он ограбил. Самовар вернули, а врач отправился лечить избитого вора.¹¹ А. Станкеев был избран в 1906 г. выборщиком в Государственную Думу вместе с С.В. Востротиним. С. Востротин представлял партию кадетов, а А. Станкеев – народных социалистов.¹² В 1908 г. Александра Алексеевича арестовали. После ареста он не мог более исполнять обязанности гласного в Енисейской думе и участвовать в работе различных городских комиссий. Он перевёлся в Новониколаевск главным санитарным врачом, где вскоре и умер.¹³

Ещё одного лекаря-подвижника долго помнили в Енисейске. Васильев Юлий Николаевич, воспитанник Томского университета, приехал в Енисейск, узнав, что в городскую лечебницу требуется врач. Юлий Николаевич заведовал городской платной лечебницей, открытой в городе в 1896 г., прослужив на этой должности 15 лет. К нему больные шли не только в лечебницу, но и на дом. В 1908 г. в период реакции он был арестован за слишком радикальные политические взгляды. Умер Ю.Н. Васильев в феврале 1911 г. в возрасте 42 лет. На его похоронах присутствовало более двух тысяч человек. Ему на памятник горожане собрали по подписным листам более 300 рублей.¹⁴ На Абалаковском кладбище была поставлена плита с надписью: «Врачу-человеку от благодарных граждан города Енисейска».¹⁵

В 1898 г. во время не прекращающихся эпидемий скарлатины, дифтерита, тифа большую популярность в городе приобрёл частнопрактикующий врач Алексей Васильевич Цветаев, который был отличным специалистом, неплохим поэтом и недурно переводил с французского и играл в любительских спектаклях. Так о нём писал М.П. Миндаровский. А.В. Цветаев всегда навещал больных и вознаграждения не требовал.¹⁶

В Енисейском уезде тоже полагалось иметь одного врача на врачебном участке, объединяющим несколько деревень. Сельские врачи появились в регионе с 1883 г. Они должны были посещать населённые пункты участков, осматривать заболевших, направлять сведения о заболеваниях в

полицию и в случае эпидемии организовать лечение в сельской местности. Проблема заключалась в том, что врачебные округа имели значительную протяжённость, и врач редко посещал деревни. В случае эпидемий, когда работы у врача становилось много, ему в помощь из города отправляли младший медицинский персонал – лекарей или фельдшеров.

В 90-е годы XIX в. Енисейский уезд был разделён на три врачебных участка, на каждый из которых приходился только один фельдшер. Окружной врач был один на весь уезд. Ситуация улучшилась только в начале XX в. – на врачебном участке полагался один врач и два фельдшера. Количество медицинского персонала в округе возросло. По данным Памятной книжки Енисейской губернии на 1890 г. в селе Казачинском был фельдшер Казаков Иван, в Назимовском – Ушаков Михаил, в Чадобском – Савенков Роман.¹⁷ Однако на 1897 г. врачи окружных врачебных участков не указаны.¹⁸

Государство, нуждаясь в квалифицированных медиках, всё же не особенно ценило их работу. Вместе с тем, в период эпидемий каждый медицинский работник был на вес золота, особенно в уезде. Показательно дело лекарского ученика фельдшера Антона Станкевича. В Туруханском крае в Дудинском районе бушевала эпидемия натуральной оспы в конце 1873 г. Окружной Туруханский врач А. Шавров не справлялся с болезнью и вовремя не делал донесения полиции и Врачебной управе. Было принято решение ему в помощь 18 января 1874 г. отправить лекарского ученика, фельдшера Антона Н. Станкевича, а в феврале Енисейского окружного врача Вицина Алексея Ивановича.¹⁹ Ситуация была очень сложной.

Станкевич получил деньги на проезд, суточные от Енисейской казённой палаты, медикаменты на сумму 35 рублей 17,5 копеек от Енисейской вольной аптеки. Отдельно был выслан оспенный материал в Туруханский край, так как везти его фельдшеру было очень долго.

Болезнь началась в августе 1873 г., а доложили о ней только в ноябре.²⁰ Из рапорта А.Н. Станкевича видно, что справиться с эпидемией удалось только к концу декабря 1874 г.²¹ Командировка лекаря Станкевича длилась с 1 марта 1874 г. по 13 апреля 1875 г. По возвращению из неё, он просил вернуть ему истраченные из личных сбережений деньги 88 рублей 77 копеек. За него ходатайствовал перед Врачебной управой енисейский городской врач Большанин Платон Павлович. Врачи объясняли чиновникам, что выданных на командировку денег не хватило, так как путь составлял из Енисейска до Дудинки 1084 версты. Также требовалось заложить лишнюю подводку для того, чтобы перевозить припасы, согреться в дороге самому. Станкевичу приходилось вновь и вновь разъяснять и просить Енисейское Казначейство вернуть ему деньги, подкрепляя свои просьбы разными справками. Последний документ с просьбой вернуть израсходованные средства относится к 29 сентября 1880 г. «Намереваясь оставить коронную службу, вследствие крайне расстроенного моего здоровья, я желал бы покончить свои расчёты с казною, почему покорнейше прошу Енисейскую врачебную управу возобновить своё ходатайство о скорейшем удовлетворении меня деньгами по счёту представленному мною за командировку в Туруханский край».²¹ Вероятно, средства так и не были возвращены фельдшеру.

В нач. XX в. медицинского персонала в городе стало значительно больше, особенно фельдшеров. Сказывались стремление молодёжи получить медицинское образование, как самое необходимое населению, а также работа красноярской фельдшерской школы при Обществе врачей, которая в начале века выпускала до 50 человек в год. В 1903 г. в Енисейской губернии 60 врачей, в г. Енисейске 4 врача и 3 ветеринара.²³ До этого долгое время место ветеринарного врача в городе было вакантно.

Ещё одна особенность нач. XX в. – это появление женщин-врачей. В Памятной книжке Енисейской губернии за 1915 г. читаем: «Врач городской больницы (он же председатель Городской думы) Иван Григорьевич Корнь. Фельдшера: Крыловский Николай Николаевич и Иоак. Григорьевич Александров» (они занимали эти должности уже более пяти лет). «В городской лечебнице женщина-врач Евгения Марковна Абрамович. На участке Енисейского уезда врач Николай Иванович Плетнев, фельдшера-женщины Агрипина Алексеевна Попова и Анна Васильевна Чернова. Второй участок возглавляет врач Липа Мордуховна Мильштейн, фельдшера Григорий Осипович Варыгин и Анна Викторовна Тихонова. На третьем участке нет врача. Фельдшера Март.

Ян. Бауман, Фёдор Осипович Варыгин и Авкс. Тимофеевич Берцун».²⁴ Женщины составляли почти половину медицинского персонала в городе и уезде. Нет сомнений, что значительное число женщин среди медицинских работников, говорит о популярности этой профессии и об увеличении социальной роли женщины.

Врач – это одна из самых достойнейших профессий. Значимость и ценность врачей в уездном Енисейске нач. XX в. была велика. Врачи города были активными общественными деятелями, участвовали в работе органов городского самоуправления, представляли интеллектуальную элиту города, принимали активное участие в работе политических партий нач. XX в. С благодарностью и признательностью вспоминают их нелёгкий труд в своих воспоминаниях енисейцы.

2017 г.

Примечания:

¹ Отчёты Енисейской городской больницы за 1875 г. // ГАКК. Ф.612. О.1. Д.61. Л.15.

² Памятная книжка Енисейской губернии на 1897 г. с адрес-календарём, составленная по 1 января 1898 г. – Красноярск: Енис. губ. тип. – С.32.

³ Миндаровский М.П. Мои записки и воспоминания. 1881 – 1916 г. Машинописный вариант. Из фондов ЕКМ. 1925. – С.97.

⁴ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594 – 1893 гг. [предисл. В.Г. Дацышен, отв. ред. Л.П. Бердников]. – Красноярск: СФУ, 2016. – XXXVI, С.582.

⁵ Востротин С.В. Воспоминания. Енисейск. Томск. Казань. Маш. справка. // Архив РАН. Ф. 529. О.1. Д.8. 155 л.

⁶ Списки чиновников Енисейской губернии // ГАКК. Ф.595. О.1. Д.324. Л.45

⁷ Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. – Красноярск: Енис. губ. электро – тип., 1915. – С.68.

⁸ Памятная книжка Енисейской губернии на 1897 г. с адрес-календарем, составленная по 1 января 1898 г. – Красноярск: Енис. губ. тип. – С.38

⁹ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594 – 1893 гг. [предисл. В.Г. Дацышен, отв. ред. Л.П. Бердников]. – Красноярск: СФУ, 2016. – XXXVI, С. 526.

¹⁰ Памятная книжка Енисейской губернии на 1897 г. с адрес-календарём, составленная по 1 января 1898 г. – Красноярск: Енис. губ. тип. – С. 46.

¹¹ Яворский А.Л. Воспоминания А.Л. Яворского о детских годах жизни в Енисейске. 1898. // ГАКК. Ф.Р-2120. О.1. Д. 27. Л.102.

¹² Миндаровский М.П. Мои записки и воспоминания. 1881–1916 г. Машинописный вариант. Из фондов ЕКМ. 1925. – С.144.

¹³ Там же. С.170.

¹⁴ Там же. С.199.

¹⁵ Малыгина А. Город Енисейск: историко-краеведческий очерк. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1957. – С.52.

¹⁶ Миндаровский М.П. Мои записки и воспоминания. 1881 – 1916 г. Машинописный вариант. Из фондов ЕКМ. 1925. – С.74-75.

¹⁷ Памятная книжка Енисейской губернии за 1890 г. с адрес-календарём. – Отд.2 – Красноярск: Енис. губ. тип., 1889. – С.46.

¹⁸ Памятная книжка Енисейской губернии на 1897 г. с адрес-календарём, составленная по 1 января 1898 г. – Красноярск: Енис. губ. тип. – 146 с.

¹⁹ Рапорты и донесения окружных врачей об эпидемических заболеваниях в Енисейской губернии за 1873 г. и о мерах борьбы с ними // ГАКК. Ф.612. О.1. Д.37. Л.55

²⁰ Там же. Л.53.

²¹ Там же. Л.71.

²² Там же. Л.120.

²³ Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г. – Красноярск: Енис. губ. тип., 1903. – С.100.

²⁴ Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. – Красноярск: Енис. губ. электро – тип., 1915. – С.50.

И.Г. Фёдоров,
г. Дивногорск

Монастыри Приенисейской Сибири в годы революций 1917 года и Гражданской войны

Октябрьская революция 1917 года, приведшая к власти советское правительство, ознаменовала невиданные досель в истории России гонения, направленные на полное уничтожение православной Церкви. Разрушению подвергались храмы, часовни и монастыри, тотальному истреблению священнослужители, церковнослужители и монахи.

Притеснения монастырей новая власть начала буквально с первого дня, с принятия знаменитого Декрета «О земле», 26 октября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов. Согласно Декрету «все земли ...монастырские, церковные, со всем их живым и мёртвым инвентарём, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных Комитетов и уездных Советов Крестьянских депутатов, впредь до Учредительного Собрания». 1 ноября 1917 г. выходит постановление о создании Народного комиссариата государственного призрения и его местных отделов. Комиссариат предлагает Совету народных комиссаров 30 ноября 1917 г. рассмотреть вопрос «О передаче монастырей в ведомство государственного призрения».¹

Первым монастырём, подвергшимся гонениям, стала Александро-Невская лавра, 13 января 1918 года. Спустя 10 дней в российских газетах был опубликован «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Этот декрет, более известный как декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», по словам В.А. Цыпина «не только озаменовал разрыв многовекового союза Церкви и государства, но и явился юридическим прикрытием для гонения на Церковь». В декрете, в частности, говорилось о том, что «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют».² И, несмотря на то, что специального декрета об упразднении монастырей советское правительство не принимало, уже в первые годы советской власти, на территории России были почти полностью уничтожены и монастыри и монашество. Узаконениями для этого служили действия, направленные на пресечение «антисоветской деятельности» монашествующих и национализацию монастырских земель и имуществ.

В данной статье мы рассмотрим изменения в жизни насельников и насельниц монастырей Енисейской губернии после Октябрьской революции, вплоть до полного упразднения монастырей Советской властью в 1920 году.

Всего, в рассматриваемый период, на территории Енисейской епархии было учреждено 8 православных обителей: Енисейский Спасский мужской монастырь 3-го класса, Енисейский Иверский девичий монастырь 3-го класса, Туруханский Троицкий женский монастырь 3-го класса, Красноярский Успенский общежительный мужской монастырь, Красноярский Знаменский общежительный женский монастырь, Красноярский Знаменский общежительный мужской скит, Минусинский Покровский общежительный женский монастырь, Ачинский Скорбященский общежительный женский монастырь. Все они, кроме Ачинского Скорбященского общежительного женского монастыря, были действующими.

Пожалуй, наиболее сложным этот период стал для Туруханского Троицкого монастыря 3-го класса. В 1915 г. монастырь из мужского был преобразован в женский. Насельницами монастыря, большей частью, были монахини-беженки из Юго-Западной Малороссии, оккупированной немецкими войсками. Управительницей монастыря Святейший Синод утвердил монахиню Агнию, с возведением её в сан игуменьи.³

Сёстры монастыря, а всего их было 6, не пользовались уважением и сочувствием местных жителей. При первой возможности, после Октябрьской революции, крестьяне Монастырского села отобрали у Туруханского монастыря последние промысловые уголья. Вот как об этом писала в Енисейскую консисторию игуменья Агния: «Монастырские пески рыбной ловли за 1918 г. не дали никакого дохода. Потому что при государственном перевороте крестьяне взяли силу и был созван крестьянский Съезд в село Монастырское со всего Туруханского края, которым и постановили: Монастырские пески обратить в пользование крестьян...».⁴ Бедственное положение усиливалось тем, что в монастыре не было никаких запасов. По словам игуменьи Агнии «хозяйство я приняла небольшое и тоже запущенное. Монастырь, представлял, из себя, запущенное общежитие: храм запущен и прокоптивший, во внутри его белили и привели в надлежащий порядок чистоты. Большой братский корпус был крайне запущен и грязный, его выбелили и привели в порядок. В 1918 г. всё страшно вздорожало, а у монастыря никакого запаса не было, да и заготовлять было не на что, средств нет».⁵ Пожертвований в 1918 г. в монастырь не поступило, средств на содержание от государства уже не выделялось, братские доходы от молебнов, панихид и проскомидий были

небольшие, «даже скудные». Чтобы как-то прокормиться, продали почти весь скот, оставили только две лошади и три коровы. На одежду и обувь монахиням денег уже не было. В феврале 1919 г. игуменья Агния взывала к епископу Енисейскому и Красноярскому Назарию: «Я, 64-летняя старика, слабею силами и падаю духом при виде бедственного положения обители. Святой Владыко, окажите обители помощь».⁶

Отметим, что после того, как в апреле 1918 г. священник Туруханского Троицкого женского монастыря Павел Митякин был перемещён к церкви села Назимовского, Енисейского уезда, необходимые монастырю службы проводил игумен Серапион, практически бесплатно.⁷

В августе 1919 г. рясофорные послушницы: Стефанида Буга, Анна Степанова, Павлина Матузова – т.е. половина насельниц, покинули обитель. В монастыре остались только игуменья Агния, монахиня Рафаила, занимающая место псаломщика и рясофорная послушница Гула.

С установлением в Енисейской губернии советской власти в 1920 г. монастырь был упразднён. Национализация имущества монастыря состоялась 18 мая 1920 года. Как отметили в своей статье красноярские историки А.С. Вдовин, Н.П. Макаров и И.Е. Бобрик, «при передаче имущества Монастырской общине верующих была составлена опись церковных предметов, а также архивных дел, книг, газет и журналов. Согласно этой описи, книжное собрание Туруханского монастыря представляло огромную историческую ценность, поскольку там хранились редкие книги, например, такие, как «Камень веры» Стефана Яворского (с автографом), Острожская Библия 1581 г., обзорная работа тобольского архиепископа Варлаама о городах Сибири за 1791 г. и др.».⁸ Игумен Агафангел (Дайнеко), ныне епископ Норильский и Туруханский, в своей книге пишет о том, что монастырская церковь в 1920-е гг. ещё продолжала действовать. В частности, в ней совершал службу святитель Лука (Войно-Ясенецкий), отбывавший в Туруханске свою первую ссылку в 1924-1925 гг. В 1930 году Троицкий храм бывшего Туруханского монастыря окончательно закрыли.⁹

Что касается монастырей города Енисейска, то после Октябрьской революции, с установлением в Енисейской губернии советской власти, Спасский мужской монастырь претерпел многие лишения и в 1920 г. был официально упразднён. В 1922 г. состоялось изъятие ценностей из церкви бывшего Спасского монастыря: «14 июня представитель Енисейской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей с двумя десятками вооружённой силы в Спасском мужском монастыре изъяли 117 килограмм серебра». Енисейский Иверский девичий монастырь, также как и Спасский мужской претерпел многие лишения, и в 1920 году был официально упразднён.

Судьбу енисейских монастырей разделили и монастыри Красноярска. Весной 1919 г., с благословения Енисейского Епархиального Совета, братии Красноярского Успенского мужского монастыря и Красноярского Знаменского мужского Скита соединились в одно братство с помещением его в Знаменском Скиту. В 1920 г., с окончательным установлением в Красноярске советской власти, постройки монастыря были переданы детдому, который, вскоре, преобразовали в 1-ю показательную школу-коммуны. По последнему списку братии Знаменского скита от 10 марта 1920 г., там проживали 44 человека.¹⁰ 28 июня 1921 г. постановлением президиума Енисейского губисполкома монастырская церковь была закрыта, а монахи выселены из обители.¹¹

Красноярский Знаменский общежительный женский монастырь после Октябрьской революции, как и большинство религиозных учреждений, подвергся гонениям и притеснению со стороны новой власти. Так, соединённый губернский исполнительный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов разрешил Знаменскому заводскому комитету занять свободные помещения Знаменского женского монастыря. В 1920 г. монастырь был закрыт, но сёстрами была создана артель «Общий труд». Кстати, благодаря иеромонаху Пахомию, проживавшему в Красноярском Знаменском женском монастыре с 1920 г., и принявшим в 1922 г. обновление из-за угрозы закрытия там церкви, позволило сёстрам Знаменского монастыря сохранить строй монастырской жизни в артели «Общий труд» вплоть, до 1925 года.¹²

Самым молодым монастырём Енисейской епархии был Минусинский Покровский общежительный женский монастырь. Епископ Енисейский и Красноярский Назарий, в мае 1918 г., посетивший Покровский монастырь отметил, что «в монастыре имеются две небольшие избышки, и

заканчивается постройкой небольшой храм. Небольшая монастырская община (25 душ) трудится над возделыванием огорода и ведёт полевое хозяйство на 40 десятинах отведённой земли довольно неудобной. Монастырю помогают пока два благодетеля своими жертвами, и только благодаря их жертвам монастырь и может продолжать своё существование».¹³

Спустя год, 12 мая 1919 г. Епископ Енисейский и Красноярский Назарий освятил в Покровской обители деревянный храм в честь преподобного Серафима Саровского-чудотворца. Церковь была деревянная на каменном фундаменте, с крыльцом и колокольней, железной крышей, окрашенной в зелёный цвет. В длину с алтарём церковь была 18 метров, в ширину – 6 с половиной метра, в высоту – 35 с половиной метра. С трёх сторон она была обшита тёсом и окрашена в жёлтый цвет. В церкви было 2 двери, 10 окон с двумя рамами, на окнах железные решётки. Стены внутри были оштукатурены и побелены известью. Полы покрашены. Имелись три печи «контрамарки» и 1 плита. В церкви находилась сторожка из одной комнаты. На колокольне было 2 колокола по 1 пуду веса каждый.

В 1920 г., после упразднения Покровского монастыря, как удалось выявить сотруднику Мартьяновского музея Г.Р. Хазану: «на его месте сёстры образовали сельскохозяйственную производственную артель, под руководством Аграфены Ивановны Семёновой, бывшей экономом монастыря. Религиозные обряды отправляла 70-летняя бывшая игуменья Мавра (в миру Татьяна Абрамовна Прямосудова, крестьянская дочь-девица Пензенского уезда) и минусинский священник Берсенёв. В 1927 г. артель ликвидировали, а на месте бывшего Покровского монастыря организовали детскую колонию».¹⁴

Что касается Ачинского Скорбященского общежительного женского монастыря, то после установления Советской власти на территории Енисейской губернии, вопрос о строительстве Ачинского Скорбященского общежительного женского монастыря, больше не рассматривался.

Таким образом, все монастыри Енисейской епархии в 1920 г. были официально упразднены. Тем не менее, многие монахи и монахини проживали на территории бывших монастырей в 1920-е гг., вплоть до полного их преобразования в различные государственные учреждения.

2017 г.

Примечания:

¹ Малашин Г.В. «Третий путь» Дмитрия Неровецкого: Материалы к житию священномученика Дмитрия Неровецкого (Апанского) и к истории Красноярской митрополии: Историко-публицистические очерки. – Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2017. – С.78.

² Цыпин В.А. История Русской церкви. 1917-1997. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – С.49.

³ Фёдоров И.Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. – Красноярск: Поликом, 2017. – С.55-56.

⁴ ГАКК. Ф.594 (Туруханский Свято-Троицкий монастырь). О.1. Д.249 (Условия на аренду монастырских лугов, зданий. Трудовые соглашения монастыря с ссыльно-поселенцами и крестьянами на ремонт монастырских зданий, крыш, поставку леса и другие работы. Черновики ведомостей о приходе, расходе и остатке денежных сумм за 1905, 1914, 1915 гг. Ведомость о монастыре за 1918 год). Л.1

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л.2.

⁷ Там же.

⁸ Бобрик И.Е., Вдовин А.С., Макаров Н.П. Судьба северных церковных архивов Енисейской губернии в 1920-1921 гг. // Северные Архивы и Экспедиции. – 2017. – № 2. – С.11

⁹ Агафангел игумен (Дайнеко). Свято-Троицкий Туруханский монастырь. 350 лет служения. – М.: Институт экономических стратегий, 2010. – С.114-119.

¹⁰ ГАКК. Ф.904 (Енисейская губернская земская управа). О.1. Д.459 (Список братии Знаменского Скита на 10 марта 1920 г.) Л.33-33об.

¹¹ Кочетов Д.Б. Красноярский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. XXXVIII / Под общей ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. – С.468

¹² Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в перв. тр. XX в. (1900-1930-е гг.). – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – С.56

¹³ Фёдоров И.Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. – Красноярск: Поликом, 2017. – С.96.

¹⁴ Хазан Г.Р. Минусинский Покровский женский монастырь. Страницы истории // Мартьяновские краеведческие чтения (1999-2002). Вып. 2. – Абакан: ООО «Фирма «Март», 2003. – С.203.

М.М. Федотова,
г. Красноярск

Научно-исследовательская деятельность секции естественных производительных сил Красноярского отделения РГО

В декабре 1926 г. в Новосибирске прошёл первый Сибирский краевой научно-исследовательских съезд, на котором было принято решение об оформлении работы деятельности Общества изучения Сибири на новых началах, которое выражалось в установлении регулярных взаимоотношений с научными организациями, как объединённых обществом, так и находящихся вне его.

Одной из целей проведённого съезда было усиление темпов по изучению производительных сил Сибири и в рационализации использования уже исследованных естественных ресурсов в соответствии с интересами развития народного хозяйства. Научно-исследовательская деятельность была обусловлена задачами коренной реконструкции народного хозяйства на более совершенной технической базе, чтобы была возможность обеспечить страну своим собственным сырьём и производством.

Предполагалось, что достижение высоких результатов возможно только в том случае, если «строительство в своём осуществлении будет опираться на выводы и положения, подкреплённые научно-исследовательскими материалами как технического, так и экономического порядка. Научно-исследовательская мысль должна... активно работать в двух направлениях: с одной стороны, по пути расширения... знаний о наших естественных производительных силах и тем самым выявления таких доселе, может быть, неведомых нам возможностей, которые в процессе перспективного планирования могут поставить на очередь совершенно новые проблемы; с другой, в части использования уже выявленных естественных ресурсов научно-исследовательская мысль должна дать по возможности исчерпывающие данные для построения более верном фундаменте соответствующих плановых положений... вместе с тем такая постановка вопроса обязывает научные организации от разрозненной научно-исследовательской работы, ведущейся от случая к случаю как по их собственной инициативе, так и по отдельным, нередко случайным ведомственным заданиям, перейти к планомерной, систематической работе, тесно увязанной с перспективными предположениями в области культурно-хозяйственного строительства края и генеральными линиями развития народного хозяйства».^{1,2}

В том же 1926 г. в Красноярском отделении РГО был поставлен вопрос об организации секции естественных производительных сил. Главным инициатором этого предложения выступил В.П. Косованов, который 21 декабря 1926 г. на заседании КОРГО, где присутствовали М.В. Красножёнова, В.А. Смирнов, М.И. Пальмин, В.А. Плётнёв, П.И. Тюрин, С.В. Сергеев, В.А. Саввиных, В.П. Смирнов, М.И. Пальмин, высказал мнение о необходимости учёта всех естественных богатств края с целью их дальнейшего рационального использования: «Пропадает масса богатства, не принося никому никакой пользы. Поэтому необходимо спешить с учётом. И сейчас многие учреждения и лица работают над учётом естественных богатств, но работа эта не объединена».³

По его мнению главной задачей секции должен быть учёт всех естественных богатств края и выработка методов рационального использования. Кроме того, в этой секции должны были быть организованы тематические подсекции: недр, лесная, показных дикорастущих растений и др. Предполагаемая работа должна была быть построена на тесном взаимодействии секции с промышленными объектами края.

В работе секции изначально было намечено четыре момента: а) учёт и систематизация имеющихся сведений о естественных богатствах края, б) новые поиски, обследования и изучения этих богатств, в) выработка рациональных методов пользования и г) проведение этих методов в жизнь.⁴

Предполагалось, что секция естественных производительных сил совместно с секцией охраны природы в первое время займётся учётом наиболее ценных полезных ископаемых на основании

имеющегося архивного и литературного материалов. Итогом их работы должен был стать составленный справочник-картотека.⁵

С целью получения более полных сведений научно-исследовательского характера о полезных ископаемых, находящихся на территории Приенисейского края, совет Красноярского отделения РГО избрал 34 члена общества, проживавших в разных районах края.

Немного позднее, в план летних работ была включена комплексная экспедиция на Енисейский кряж – это горный хребет, который протягивается по правому берегу р. Енисей от устья до Ангары. В этом районе предполагалось найти полезные ископаемые, а западный склон кряжа представлял для географического общества интерес в качестве колонизационного фонда.

На расширенном заседании совета, проходившего 18 января 1927 г. был заслушан доклад инженера Давыдова «О малых полезных ископаемых в Приенисейском крае». Во время его выступления был сделан акцент на открытие фарфорофаянсовой промышленности, изготовлении футировочных материалов и постройки механизированного стеколделательного завода-гиганта. По его мнению, для этого в крае имеются все необходимые залежи полезных ископаемых: белые и тёмные глины, кварциты, кварцевый песок, полевые шпаты, мергеля, мраморы, доломиты, гипс, известняки и магнезиты.⁶

В.П. Косованов в полном объёме занялся исследованием архивных документов, посвящённых истории горного дела в крае в XVII в. Однако он столкнулся с тем, что материалы по этой теме было не много, о чём на расширенном заседании 1 февраля 1927 г. им был сделан доклад на тему «О горной промышленности в Приенисейском крае в XVII в.». В.П. Косованов отмечал, что основная инициатива в горном промысле в тот исторический период, главным образом принадлежала частным лицам. Проводившиеся экспедиции снаряжались государством в поисках драгоценных металлов и не имели практических результатов.⁷

Помимо теоретической работы, секция естественных производительных сил Красноярского отделения РГО занималась и практическими вопросами. Почти сразу после организации секции стали поступать заказы о проведении определённых научно-исследовательских работ. Так, уже в феврале 1927 г. в секцию поступил заказ от управления треста «Енисейзолото» на проведение учёта золотых ресурсов Приенисейского края. Секция, откликнувшись на предложение, сообщила в управление о своём согласии при условии, что за работу будет уплачена сумма в размере 3005 рублей.⁸

Одним из положительных моментов в приоритетном направлении изучения производительных сил Приенисейского края являлось организация краевого печатного органа с созданием отдельного научного печатного издания, в котором бы издавались труды членов секций, работавших в указанном направлении. Однако в связи с тем, что на организацию отдельного печатного издания требовалось большое количество времени, Бюро Сибкрайплана взяло на себя руководство над рубрикой «Краеведение» в журнале «Жизнь Сибири», объём которой увеличивался до 1,5 печатных листов в месяц. Предполагалось, что в данной рубрике будут издаваться небольшие статьи методологического и организационного характера по вопросам плановой и научно-исследовательской работы, научно-исследовательской хроники и хроники плановых органов, а также текущей библиографией по сибиреведению.⁹

Другим положительным моментом являлась плановость и постановка экспедиционной деятельности под контроль краевых органов, в обязанность которых входил учёт и согласование всех экспедиций. Н.К. Ауэрбах отмечал, что «места очень сочувственно отнеслись к нашим новым мероприятиям по урегулированию экспедиционной деятельности, что места сами обратили внимание на дело исследования вообще и на планирование этого дела в окружном масштабе в частности. Целый ряд окружных плановых комиссий, не останавливавшихся на вопросах организации работы по изучению производительных сил округа, теперь вплотную и практически подошли к разрешению этого вопроса. Особенно заметны в этом отношении решения Бийской и Кузнецкой окружных комиссий, вступивших на правильный путь создания местного краеведческого общества и укрепления его работы. Плановые комиссии рассматривают планы научных экспедиций. Например, ...Красноярский окрплан слушает предварительную информацию съёмочно-изыска-

тельной партии Комсеверпути и попутно отмечает множественность экспедиций, направляемых в Туруханский край различными учреждениями. Красноярский окрплан совершенно правильно подчёркивает необходимость взаимной увязки и согласования работ этих экспедиций, нередко дублирующих работы и не использующих местные исследовательские материалы».¹⁰

Отметим, что в первые годы своего существования секция естественных производительных сил Красноярского отделения РГО постоянно сталкивалась с некоторыми проблемами, которые выражались в слабой изученности Приенисейского края, а также в малой развитой сети научно-исследовательских институтов и учреждений, что также замедляло работу секции. Но, несмотря на это, план работ, намеченный на первую пятилетку, в большей своей части был выполнен.

На вторую пятилетку, 1933-1937 гг., секцией были сохранены предыдущие задачи, такие как планомерное развитие краеведческой сети на территории 20 районов, изучение национальных районов Севера (Тунгусского и Хатангского районов), изучение районов среднего Енисея. Но были поставлены и иные задачи.

Так, в 1933 г. планировалось произвести комплексную экспедицию по геологическое изучение с выявлением месторождений полезных ископаемых в районе Атамановского кряжа, такие же работы предполагалось провести в районе Мано-Енисейского водохранилища (от устья р. Маны до р. Большая Дербина и от р. Большая Дербина до р. Сисим), выявление и учёт всех минеральных ресурсов в районе, шурфование и буровые работы на промышленных новостройках. Общая стоимость работ была оценена в 21 000 рублей.¹¹

На 1934 г. планировалось провести комплексную экспедицию по геологическому изучению с детальным выявлением полезных ископаемых Чулымо-Енисейского водоразделения (от железной дороги до р. Бирюсы, от р. Бирюсы до д. Езагаш, от д. Езагаш до Караульного острога), выявление и учёт всех минеральных ресурсов района, шурфовые и буровые работы на промышленных новостройках, поисково-разведочные работы на отдельных месторождениях полезных ископаемых. Общая стоимость работ была оценена в 25 000 рублей.¹²

На 1935 г. было запланировано проведение комплексной экспедиции по геологическому изучению с детальным выявлением месторождений полезных ископаемых территории западной части района (к северу от железной дороги и на запад до границы с Западно-Сибирским краем), выявление и учёт всех минеральных ресурсов района, шурфовые и буровые работы на промышленных новостройках, поисково-разведочные работы на отдельных месторождениях полезных ископаемых. Общая стоимость работ была оценена в 22 000 рублей.¹³

На 1936 г. были запланированы поисково-разведочные работы на отдельных месторождениях полезных ископаемых, работы по выявлению и учёту всех минеральных ресурсов района, проведение шурфовых и буровых работ на новостройках промышленности и сельского хозяйства. Общая стоимость работ была оценена в 22 000 рублей.¹⁴

На 1937 г. были запланированы поисково-разведочные работы на отдельных месторождениях полезных ископаемых, шурфовые и буровые работы по заданиям сельского хозяйства и промышленности, работы по учёту минеральных ресурсов района. Общая стоимость работ была оценена в 110 500 рублей.¹⁵

Таким образом, можно сделать вывод, что монополизация науки центром в конце 1920-х – 1930-х гг. имела свои и положительные результаты и значительно ускорила процесс работы многочисленных учреждений и организаций, ведущих всестороннее изучение Сибири. Но чем сильнее общественные научные организации начинали вовлекаться в процесс социалистического строительства, тем больше их деятельность приобретала бюрократический характер, научные общества всё больше зависели от власти. Поэтому интерес к естественным производительным богатствам края в скором времени стал обусловлен не столько научными, сколько экономическими и политическими проблемами, что фактически свело на нет инициативу на местах, тем самым приведя к свертыванию или даже ликвидации краеведческих организаций к концу 1930-х гг.

2017 г.

Примечания:

¹ Краснов Г. Задачи и роль Общества изучения Сибири и её производительных сил, как научно-исследовательской организации // Жизнь Сибири. 1928. № 2 (63). – С. 72.

² Там же.

³ ГАКК. Ф.1380. О.1. Д.71. Л.24.

⁴ Смирнов Б. В Красноярском отделе Географического общества // Жизнь Сибири. 1927. № 2 (51). – С. 124.

⁵ Там же.

⁶ Смирнов Б. В Красноярском отделе Географического общества // Жизнь Сибири. 1927. № 2 (51). – С. 124.

⁷ Там же.

⁸ ГАКК. Ф.1380. О.1. Д.84. Л.30.

⁹ Там же. Л.31.

¹⁰ Ауэрбах Н. Ещё об учёте и согласовании экспедиций в Сибкрае // Жизнь Сибири. Новосибирск. 1928. № 7 (68). – С.111.

¹¹ ГАКК. Ф.1380. О.1. Д.208. Л.11.

¹² Там же. Л.11-11 об.

¹³ ГАКК. Ф.1380. О.1. Д.208. Л.11об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

А.П. Шекшеев,

г. Абакан, Республика Хакасия

Антибольшевистский переворот на юге Енисейской губернии (июнь 1918 года)

Обращаясь к освещению событий июня 1918 г., которые привели к падению первой Советской власти, большевики возлагали вину на иностранную интервенцию и внутреннюю контрреволюцию.¹ Советские историки предложили более широкий спектр мотивов и называли в качестве таковых колебания крестьянина-середняка, оторванность деревенской бедноты от городских пролетариев, а более всего – военное вмешательство интервентов.² Некоторые современные исследователи считали, что переворот являлся не столько результатом вооружённого выступления внутренней контрреволюции, сколько следствием воздействия внешних антисоветских сил.³ Вместе с тем в отечественной историографии обозначилась ещё одна точка зрения, согласно которой причины заключались в самой деятельности большевиков.⁴

Сама её ликвидация применительно к югу Енисейской губернии рассматривалась на страницах ряда публикаций, которые содержат утверждения сомнительного характера. К примеру, одно из них рассказывает о том, что упразднение здесь советской власти включало только меры сугубо мирного характера.⁵ Другое – ограничено только изложением хроники «контрреволюционного» переворота, которую автор воспроизвёл сугубо по известным и политизированным источникам.⁶ Наконец, указанная монография⁷ не претендовала на полноту и глубокое освещение этой темы.

Важным и обойдённым исследователями документом, освещающим мотивы данного явления, явился отчёт ликвидационной комиссии Минусинского совдепа от 22 сентября 1918 г., подписанный её председателем Д.И. Ветровым. Она назвала персональный состав совета, рассмотрела их деятельность, указав при этом на ряд любопытных фактов. Оказалось, например, что до III уездного крестьянского съезда, якобы выступившего за переход власти к советам, исполком Минусинского совдепа принимал решения в поддержку декретов ленинского Совнаркома с перевесом всего лишь в один голос (четверо против трёх членов). А первым, начиная с декабря 1917 г., взносом в бюджет этого органа явился штраф, внесённый на его счёт буфетчицей и старшинами городского клуба за обнаруженные у них вино и самогон, которые после конфискации из помещения исполкома исчезли.

При наличии в уезде 300 тыс. крестьян и 15 тыс. городского населения местный совдеп состоял из 40 делегатов от сельского и 80 – городского населения. Крестьянские депутаты оказались в меньшинстве и под контролем численно растущего коммунистического большинства. Секция их представителей образовалась только 24 марта 1918 г., т.е. после четырёх месяцев деятельности

этого органа. Объединённый исполком состоял из 38 депутатов и служащих, среди которых, по мнению комиссии, находились лица «с не совсем чистой совестью и безупречным прошлым». Члены совдепа были озабочены собственным материальным положением: 12 апреля 1918 г. пленарное заседание совета, утвердив декрет о пайках семьям красногвардейцев, повысило депутатское жалование, но 30 апреля было вынуждено распространить выплату денежного оклада только на депутатов – рабочих, служащих в отделах, на кооптированных членов и секретарей.⁸ Назревал конфликт между крестьянскими депутатами и основной массой членов совета.

Ликвидационная комиссия заявила, что власть в городе и уезде с конца 1917 г. перешла к лицам, не имевшим опыта руководящей работы и решения социально-экономических вопросов. Будучи на словах самостоятельными, они в основном выполняли директивы центра. В результате деятельность совета носила разрушительный характер и способствовала «растлению умов лиц малокультурных и неграмотных». Объединённый исполком, не считаясь с необходимостью разделения властных функций, выступал в качестве законодательного, исполнительного и судебного органа одновременно. Минусинские большевики путём организации советов на местах пытались распространить свою власть на уезд. С этой целью с 8 марта 1918 г. действовал специальный отдел исполкома. Однако волостные и сельские советы были созданы лишь в 32 селениях.

Объявив о национализации промышленных и сельскохозяйственных предприятий, совет не смог наладить их производственную деятельность. Голословным оказалось и заявление большевиков о том, что только власть советов может справиться с продовольственной разрухой. После некоторых попыток решить этот вопрос, продовольственная комиссия была вынуждена констатировать, что крестьяне не испытывают особого желания продавать свой скот, а для получения хлеба необходимо посылать в деревни «карательные» отряды.

Приступая к финансовым реформам, совет признавался, что среди его членов и служащих нет ни одного банковского специалиста. На ряде заседаний исполком, отмечая отсутствие поступления подоходного налога из деревень, сетовал, что не знает как с этим явлением бороться. В целях объединения деятельности банковских учреждений его финотдел пытался провести их национализацию. Но из-за отсутствия необходимых специалистов она не состоялась. Не справился финотдел и с задачей отыскания источников денежных средств для исполкома, расходы которого всё увеличивались. Поэтому ему пришлось прибегнуть к штрафам и контрибуциям, взимаемым, как правило, с состоятельных граждан. В результате такой финансовой политики в казначействе стал ощущаться недостаток денежных знаков.

Негативную оценку ликвидационная комиссия выставила и деятельности отдела народного образования. Его служащие закрывали учебные учреждения и вели борьбу с учителями, стоящими на «антисоветской платформе». Их усилиями в Минусинске были открыты советские школы, вскоре ликвидированные из-за отсутствия учащихся.⁹

Весной 1918 г. Минусинский уезд находился в состоянии финансового и экономического кризиса. В телеграмме, направленной 1 апреля в адрес СНК РСФСР, местные большевики сообщали, что они уже четыре месяца обходятся собственными денежными средствами, которые истощались. В результате закрываются школы, больные в лечебных учреждениях голодают, солдатки от истощения умирают, а неокрепшие советы прекращают работу. Для улучшения ситуации совдеп просил прислать минусинскому казначейству 5 млн руб.¹⁰ В телеграмме от 3 апреля он же в связи с тем, что останавливаются промышленные и сельскохозяйственные работы, а золото рудников «уходит», умолял ВЦИК «оказать хотя бы какую-нибудь помощь».¹¹ 13 апреля минусинцы информировали СНК о большом недостатке продовольствия и наличии более 3 тыс. безработных.¹²

В этой ситуации большевики были вынуждены ужесточить свои отношения с крестьянством. Декретами ВЦИК от 9 мая, ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. в стране была объявлена продовольственная диктатура. Но Енисейская губерния помочь Центру продовольствием могла лишь выкачав хлеб в Канском и Минусинском уездах. Неслучайно большевики заявляли: «Без минусинского хлеба мы не провоюем и одной недели».¹³

С целью выяснения наличия и организации заготовок хлеба губернский исполком послал в

Минусинский уезд делегацию, состоявшую из Я.Е. Богграда, А.П. Лебедевой и Н.Н. Демидова. С приездом её в Минусинск 20 мая 1918 г. состоялось чрезвычайное пленарное заседание совдепа, участники которого решили реквизировать у «кулаков» и немедленно отправить в Красноярск 40 тыс. пудов хлеба. Встретив сопротивление со стороны уездной продовольственной управы, которая сочла, что население уезда недостаточно снабжено продовольствием, с агитационными целями разъехались по деревням депутаты крестьянской секции. 24 мая Демидов и Лебедева отчитывались о проделанной работе на пленарном заседании Красноярского Совета. Выслушав их, оно предложило губернскому исполкому напрячь все силы, чтобы вывезти из Минусинска как можно большее количество хлеба и отправить его в голодающие губернии.¹⁴

Сравнительно зажиточные минусинские крестьяне, возмущённые «произволом и грабежами советской власти», своё недовольство деятельностью местного совдепа заявили организованно, «всем миром». Открывшийся 1 июня 1918 г., VI уездный крестьянский съезд, несмотря на то, что на него были допущены делегаты с правом решающего голоса по одному от сельских и по два – три от рабочих советов, оказался более крестьянским и критически настроенным к деятельности совдепа. Он высказался за включение в состав его участников ранее избранных горожанами представителей бывшей городской думы, пригласил членов упразднённой земской управы, избрал председателем новосёловского «кулака» Некрасова, членами президиума бывших торговца и прапорщика Ковригина и Пшеничникова. Съезд сразу же выступил за признание власти Учредительного собрания. После чего члены совета в сопровождении 50 делегатов покинули его.

Оставшиеся 220 делегатов потребовали от совдепа отчёта в расходовании денежных сумм. В свою очередь, пленарное заседание совета постановило отчитываться лишь перед членами левой части съезда, а в ночь на 4 июня совдеповцы, заслушав сообщение известного большевика-«гастролёра» Я.Е. Богграда о положении в Сибири, создали Военно-революционный штаб (ВРШ). Опираясь на Красную гвардию, он 5 июня распустил данный съезд и арестовал его руководителей.

Разъехавшись по домам, делегаты рассказали о нанесённой им обиде, что вызвало осуждение в деревнях. Так, собрание жителей Моторской волости, заслушав доклад своих представителей, сочло, что Минусинский совет «не пожелал идти навстречу желаниям трудового народа», а его действия были «в корне недопустимыми». Исполнительное бюро съезда обратилось с воззванием к крестьянам: «Ваш съезд разогнан штыками Красной гвардии. Делегаты опорочены как сборище кулаков, мироедов и спекулянтов. Они потребовали от большевистских воротил уезда отчёта. Встретили издевательство. Разоряли в течение 7 месяцев уезд, нечего сказать в оправдание. Не желали расставаться с властью. Их оружие штыки и бессовестная ложь. Лгут, что члены Совета не были допущены на съезд: им было представлено право решающего голоса, за исключением вопросов, где они должны были дать отчёт. Лгут, что мы объединились с городской контрреволюцией. Пригласили для участия в съезде рабочих и интеллигенцию города... Минусинские большевики незаконно арестуют неугодных участников съезда и членов партии социалистов-революционеров, закрыли для нас все типографии, приостановили издание небольшевистской газеты «Знамя труда». Шлите на 8 июня на VII съезд лучших своих избранных в Минусинск, давайте им наказания на переизбрание Минусинского Совета».

Назначив созвать новый крестьянский съезд, Минусинский совет 10 июня решил ВРШ не ликвидировать, военному отделу провести мобилизацию в Красную армию, публику на съезд допускать лишь по карточкам, которые прежде всего выдавались членам профсоюзов. 15 июня была объявлена регистрация бывших офицеров, а ВРШ решил за контрреволюционную агитацию и распространение слухов привлекать виновных к строжайшей ответственности.¹⁵

Минусинское крестьянство, расценив разгон съезда как покушение на свои права, широко откликнулось на призыв отправлять в город для защиты делегатов нового съезда вооружённые отряды. К этому времени продовольственные заготовки, осуществляемые в Минусинском уезде агентами и членами губернского исполкома, вызывали у населения казачьих станиц и старожильческих сёл крайнюю неприязнь. В с. Большая Иня она выплеснулась в самосуд со смертельным исходом, которому местные заправилы подвергли на время вернувшегося с заготовительных работ

большевика Шаповалова. Посланная исполкомом и сопровождаемая красногвардейским отрядом следственная комиссия не смогла выполнить свою задачу.¹⁶

Согласно известному в историографии сценарию, антибольшевистский переворот начинался так. Войдя в с. Шалаболино, отряд, состоявший из 20 красногвардейцев, заставил местных жителей сдавать хлеб по твёрдым ценам и взял с них контрибуцию. Известие о чешском мятеже стало толчком к открытому антибольшевистскому выступлению и организации отряда в 800 человек, которые разгромили совет и расстреляли 12 большевиков. Вслед за шалаболинцами поднялись казаки. Вскоре почти весь уезд оказался в руках повстанцев, которые к 19 июня окружили Минусинск.¹⁷

Данную хронику событий подтверждает и публикация очевидца. Однако информация в ней отличается объёмом и деталями, что и оправдывает её пересказ. Население выбирало делегатов на новый съезд по одному от 100 хозяйств, а вместе с ними вооружённое сопровождение на каждого по 3-5 лиц. Попытки большевистских агитаторов провести на съезд свою креатуру провалились. Жители с. Ермаковское, Тигрицкое, Восточенское, Лугавское и Казанцево, заявив, что они «сами знают, кого им выбирать и без указчиков», их просто прогнали. В с. Шалаболино, откуда агитаторы бежали, не дожидаясь схода, общество разоружило появившегося следом красногвардейца. С целью наведения порядка туда из Минусинска был послан отряд из 24 красногвардейцев с пулемётом. Ожидая его прибытие, шалаболинцы провели военные учения, вырыли окопы. Однако жители деревень, находившихся на пути следования этого отряда, вооружённых людей не пропустили.

Появление красногвардейцев в мирных селениях послужило сигналом к мобилизации, которой по решению сходов подверглось мужское население от 18 до 60 лет. В отряды брали по одному человеку от 10 дворов. В с. Шалаболино и Бея состоялись районные совещания представителей от волостей. Крестьянам Знаменской волости, на территории которой мобилизация проходила вяло, было заявлено, что они в будущем могут лишиться права участвовать в выборах в Учредительное собрание. В с. Абаканском из жителей Абаканской, Белоярской, Беллыкской и Салбинской волостей был сформирован отряд в 150 человек под командованием местного прапорщика. К 19 июня с. Шалаболино стало повстанческим лагерем, откуда крестьянские дружинники двинулись на Минусинск и расположились в 6 верстах от него в д. Самодуровке (Малой Минусе). Абаканский отряд, захватив пароходы, высадился в д. Потрошилово. В конном строю и на подводах прибыли к Минусинску казаки.¹⁸

Город был окружён крестьянско-казачьими дружинами, состоявшими из 5-7 тыс. повстанцев, в т.ч. 1-1,5 тыс. станичников.¹⁹ В дальнейшем защитники советской власти признавались, что в июне 1918 г. она здесь была свергнута при участии всего крестьянства.²⁰ Но имелось ещё одно, умалчиваемое советской историографией, обстоятельство, которое определяло массовое участие крестьян в их походе на город. В одном из источников сообщалось, что за крестьянской «армией», подступившей к Минусинску, следовали тысячи порожних подвод и толпы мужиков и женщин, жаждавших его разграбления.²¹ Крестьянско-казачьими дружинами командовал штаб или ВРШ во главе с социалистом-революционером М.А. Добрицким, бывшими офицерами И.И. Заниным, Г.М. Прохоровым, Г.М. Тудояковым и Топорковым.

19 июня в Минусинске состоялся митинг, на котором выступавшие большевики подверглись открытому издевательству. К открытию VII Чрезвычайного уездного крестьянского съезда (8 (21) – 16 (29) июня 1918 г.) ситуация для большевиков ещё более осложнилась. Вооружённые силы их были ослаблены посылкой сначала 60, затем 80 красногвардейцев с оружием для защиты Красноярска и составляли всего лишь 200 человек.²² 21 июня для занятия Минусинска из Ачинска выступил 2-й Томский Сибирский стрелковый полк, который только 26 июня, с известием о падении советской власти в данном регионе, был отозван в Красноярск.²³

В ночь и утром 21 июня казаки в конном строю атаковали красногвардейские казармы и ВРШ, заседавший в помещении исполкома. Но обе попытки войти в город оказались из-за отсутствия связи между дружинами неудачными и закончились потерями: погиб командовавший одной из повстанческих групп бывший офицер и учитель И.Г. Кушнарёв, труп которого красногвардейцы

изуродовали, прапорщик Лукьянов, рядовой Иванов, ранения получили четверо – пятеро красногвардейцев, один из которых – в прошлом прапорщик И.Ф. Колеватов – впоследствии скончался. В тот же день власти объявили город на осадном положении и приказали тюремной администрации при повторном нападении дружинников расстреливать заключённых.²⁴

На съезд съехались зажиточные крестьяне из пригородных селений. Некоторые из них самовольно объявили себя представителями крестьянства. Так, из с. Кривенского вместо положенных трёх делегатов приехали 34, в основном состоятельных крестьян. Делегаты съезжались с 20 июня и останавливались в клубе Вольно-пожарного общества. Они отвергли предложение совдепа о выделении каждому селению по одному решающему голосу.²⁵

Организаторы съезда с самого начала отмежевались от Минусинского совета. Ещё 19 июня Исполнительное бюро съезда заявило о необходимости передачи власти от совдепа к съезду, затем к Временному совету народных депутатов и, наконец, к избранному всем населением уездному народному собранию.²⁶ Съезд при наличии 250 делегатов и отсутствии кворума начался 21 июня. Но в дальнейшем на нём было уже зафиксировано 700 делегатов.²⁷ Открытие съезда осуществил председатель совдепа К.Е. Трегубенков, но его товарищи в состав президиума не вошли. Председателем этого форума был избран скрывавшийся от ареста аскизский социалист-революционер П.В. Силин.

Однако в связи с тем, что в город съехалось большое количество крестьян, оставшееся время первого дня ушло на переговоры между президиумом съезда и исполкомом совета, который, наконец, декларировал неприкосновенность личности делегатов. Съезд объявил себя единственным правомочным хозяином уезда, постановления которого должны были выполняться всеми учреждениями и населением. В связи с тем, что совдеп не позволил опубликовать материалы предшествующего съезда, делегаты потребовали передать в их распоряжение типографию, а также обязать газету «Известия» воздержаться от критики их действий. Члены совета были обязаны не покидать заседаний съезда.

В ночь на 22 июня штаб крестьянско-казачьих дружин предъявил Минусинскому ВРШ ультиматум о разоружении Красной гвардии, тут же отвергнутый большевиками. Узнав об этом, делегаты потребовали подчинения от обеих сторон. При этом делегация, направленная в повстанческий штаб, была красногвардейцем Станишевским обстреляна, за что ему пришлось просить извинения у делегатов. Заслушав телеграмму от Ачинского уездного комиссариата, в которой сообщалось об установлении на территории Сибири власти антибольшевистского правительства, съезд постановил вступить с Ачинском и Красноярском в телеграфные переговоры. На съезде были оглашены постановления штабов дружин и Красной гвардии. Дружинники писали: «Мы, крестьяне Минусинского уезда, ... заявляем, что признаём... единственным правдивым органом VII крестьянский съезд, которому немедленно должна быть передана власть кучки оборванцев, называемых рабоче-крестьянским правительством... Требуем, чтобы Красная гвардия немедленно была разоружена...». Красногвардейцы же, объясняя своё поведение зависимостью от совета, сообщили, что отказываются выполнять решения съезда.

Важное значение для исхода борьбы имело телеграфирование губернским комиссаром Вл.М. Крутовским сообщения о повсеместном падении Советской власти и требования от Красной гвардии сложения оружия и от исполкома совета передачи власти уездному комиссариату. Выступавшие с мест представители крестьянства заявили, что, если совдеп не подчинится съезду, то население уполномочило их объявить ему о «твёрдом решении народа встать на защиту своей власти с оружием в руках». Подобные заявления позволили съезду предъявить совету ультиматум: подчиниться его воле, разоружиться и снять в городе осадное положение. 22 июня совет, пытаясь оттянуть время, объявил о своём отказе подчиниться и сдавать власть. Он предложил съезду приступить к переизбору уездного и местных советов. Такой ответ не удовлетворил участников съезда. Они сочли, что он не разрешает конфликт мирным путём, и приняли резолюцию, которой всю ответственность за исход дальнейших событий возложили на совет и Красную гвардию.

Следующий день начался с внесения на съезд заявления совдепа о его переизбрании и с заслушивания участниками сообщения ВРШ об убийстве дружинниками члена совета Ф.А. Гера-

симова. Тогда же члены крестьянской секции совета выразили желание призвать своих бывших товарищей к повинению и просили допустить их к участию в работе съезда. Но его участники приняли резолюцию о прекращении всяческих переговоров с советом и вручении судьбы города в руки дружинников.

Настойчивость и непреклонность требований собравшихся крестьян, военное превосходство антибольшевистских сил, а главное падение советской власти по всей Сибири определили исход событий. Допущенное после унижительной процедуры на заседание съезда руководство совета 23 июня под крики радости и выражения всяческих эмоций со стороны крестьянских делегатов приняло их ультиматум о подчинении совдепа съезду и немедленном разоружении красногвардейцев. Для проведения в жизнь своих постановлений съезд избрал Временную распорядительную комиссию в составе военного подотдела, ведавшего разоружением красногвардейцев, охраной города и особой финансово-контрольной комиссии, занимавшейся учётом ценностей.²⁸

К полудню 24 июня дружинники заняли уездную тюрьму и освободили 49 заключённых, в т.ч. бывшего офицера А.Р. Менара, комиссара Урянхайского края А.А. Турчанинова и др. Получив телеграмму с рудника «Юлия», участники съезда санкционировали арест большевика Богграда. Утром 25 июня закончилась сдача оружия. От красногвардейцев были приняты три пулемёта, 269 винтовок, 14 гранат, 7 шашек и др. Одновременно началось восстановление самоуправления: городской думе и уездной земской управе было предложено приступить к исполнению своих обязанностей.

В тот же день делегаты организованно встречали входившие в город крестьянско-казачьи дружины. На Субботней площади по случаю свержения советской власти был отслужен молебен, к дружинникам с речами обратились председатель съезда П.В. Силин, председатель ВРШ дружин П.Н. Тарелкин, а также кооптированный в состав делегатов представитель кооперации И.П. Бедро. С целью прокормления повстанцев, помещённых для проживания в помещения реального училища, домов Пашенных, Архипова и в казармах, правление Учительского союза организовало сбор пожертвований. Учительницы на них покупали дружинникам табак, крупы, картофель, огурцы и пр. Была организована подписка и на памятник погибшим. К тому же повстанцев снабжали продуктами и из деревень. К вечеру, после создания съездом управления военными делами, дружинники были распущены по домам. Для охраны порядка в городе был оставлен отряд из 150 пеших и 50 конных казаков.²⁹

Многие из повстанцев оказались разочарованными таким исходом. Во время богослужения один из крестьян говорил: «Я представитель Малой Минусы, шёл я с оружием в руках прогонять большевиков, но когда мы это сделали, у нас ночью офицеры и казаки оружие отобрали, а дубинки бросили сами, я думаю, что надо это расследовать».³⁰ Эту жалобу крестьянина советские авторы использовали для того, чтобы обелить якобы обманутое эсерами, участвовавшее в антибольшевистском мятеже крестьянство и показать начавшееся размежевание между ним и явными контрреволюционерами. На самом деле она свидетельствует лишь о том, что новая власть, разоружив крестьян, помешала росту среди них погромных и грабительских настроений, чем бывшие дружинники и были недовольны.

Однако обыски и грабежи населения «белозелёными» повстанцами всё же имели место. Сразу же после низложения советской власти началось задержание её руководящих работников. Прямо на улицах города с папками и делами были арестованы такие большевики как А.И. Плотников, Н.П. Непомнящий и ещё двое-трое членов совдепа, его служащие, а следом и бывший председатель промышленного отдела Г.Ф. Волков. Вскоре аресту подверглись члены совдепа К. Адосинская, И. Бузулаев, К. Гидлевский, З. Гушик, Г. Карпов, К. Липинская, И. Сафьянов, К. Трегубенков, Е. Фаерман, Р. Харью, судья Д. Бояринцев, председатель рудничного совета «Юлия» В. Воронов, председатель военно-революционного отдела И. Корсак, комиссар тюрьмы Н. Кратюк, секретарь красногвардейского ВРШ Г. Лебедев, редактор газеты «Известия» М. Сафьянов, 16 вольнонаёмных служащих совета, 75 красногвардейцев, служащие сельсоветов и др.³¹ Их делами занялась специально созданная следственная комиссия.

Вошедшие в город, дружинники, согласно сообщению очевидца, не допустили окончательного расхищения большевиками денежных средств. При обыске членов совдепа и ВРШ были обнаружены припрятанные денежные суммы.³² Среди лиц, подвергнутых в Минусинске аресту, оказались бывшие члены Ачинского совдепа, бежавшие с подложными документами и денежными суммами, а также те, кто ранее был замечен в финансовых махинациях. Так, хозяйственный агент Ачминдора просил следственную комиссию и комиссариат не освобождать содержащихся в минусинской тюрьме абаканских совдепчиков, виновных в растрате материалов, принадлежавших железной дороге на сумму свыше 200 тыс. руб.³³ Но в целом, забегаая вперед, скажем, что проведенное 28 июня новыми властями освидетельствование казначейства показало полный порядок и сохранность находившихся там ценностей и вкладов.³⁴

Утреннее заседание съезда 26 июня началось с информации о беспорядках в городе и принятии делегатами постановления, позволявшего проводить обыски бывших советских служащих сугубо по разрешению ВРШ дружин. В тот же день съезд избрал уездный комиссариат, состоявший из социалистов-революционеров: в него от крестьян вошли П.В. Силин, К.С.Гуров (председатель) и П.А. Рыжков, от городского населения – П.Н. Тарелкин, от хакасов – С.Д. Майнагашев и от казаков – П.И. Мосин.

Заявив о поддержке власти Временного Сибирского правительства, съезд по принятию ряда решений опередил вышестоящих управленцев. Так, его участники отменили советские судебные установления, предоставили промышленникам и торговцам полную свободу действий под контролем государства и с уплатой налогов, а также высказались за всемерную поддержку кооперации. Для разрешения земельных противоречий они восстановили специальный комитет, а переселение крестьян из России объявили «чисто сибирским вопросом». Учитывая продовольственную ситуацию, представители крестьян запретили вывоз запасов хлеба, собранного в ссыпных пунктах вблизи голодающих волостей, и спирта за пределы уезда без их согласия, выступили за внедрение и выплату населением только прогрессивно-подходящего налога и, наконец, поручили земской управе возобновить деятельность продовольственного комитета. Для управления военными делами съезд избрал начальников гарнизона и ВРШ.

Между тем вскоре между победителями начались разногласия. Крестьянские делегаты были раздражены напоминанием о необходимости внесения недоимок. Прения вызвал вопрос о восстановлении судебно-следственных органов. Дискуссия разгорелась и при обсуждении призыва населения в армию. Несмотря на объявленную правительством мобилизацию офицеров, окончательное решение о ней крестьянские делегаты постановили передать в компетенцию следующего съезда. Лишь 29 июня в результате появления уполномоченного правительства атамана А.А. Сотникова, сообщившего о необходимости формирования Сибирской Добровольческой армии, была принята поправка к резолюции, разрешавшая мобилизацию офицерства и казачества на добровольных началах.³⁵

Выполняя её, к 6 июля служить в гарнизоне города записались 100 добровольцев, а к 11-му – мобилизация охватила уже более 200 человек, в т. ч. 163 офицера. 12 июля из Минусинска в Красноярск для пополнения 1-го Енисейского стрелкового полка парходом были доставлены 60-70 добровольцев, бывших юнкеров и офицеров, которые оказались зачисленными в пехоту, разведку и артиллерию. В тот же день в Красноярск в торжественной обстановке были отправлены 13 мобилизованных юнкеров, 24 добровольца, а 16-го – конная казачья сотня, 50 пеших станичников, 6 офицеров, 8 военных чиновников, летчик и врач.³⁶

С окончанием работы съезда новая власть в Минусинске занялась непосредственным упразднением совдепа и судьбой местных большевиков. Созданные комиссии по ревизии его отделов передали свои заключения в земскую управу. Для составления общего обзора деятельности совета 19 июля был создан в составе представителей от городского и уездного самоуправлений, комиссариата и следственной комиссии ещё один орган.³⁷

Рассмотрев поведение своих гласных, городская дума исключила из своего состава 12 большевиков. Новая власть осудила практикующуюся в тюрьме стрельбу часовыми по каждому вы-

глянувшему арестанту, в результате чего один из них погиб. 16, 20 и 30 июля были отправлены под конвоем пароходами в Красноярск и Ачинск около 50 заключённых. 7 августа в Минусинске было снято военное положение, и по постановлению следственной комиссии без поручительства и на поруки общества и частных лиц свободу получили 120 бывших членов совета и красногвардейцев. При этом аресты бывших членов совета имели место в июле и в августе. В д. Салба был, к примеру, задержан скрывшийся ещё до переворота и направлявшийся в Усинский край комиссар кожевенной промышленности, а в прошлом каторжник Орлов. У него были отобраны ценные вещи, деньги. На руднике «Юлия» был арестован «знаменитый разбойник» Дзюрда, шайка которого уживалась с местным советом.³⁸

Следствие по делу минусинских большевиков всё более увязывалось с ликвидацией совета. 22 августа совещание в лице П.Н. Тарелкина, председателя уездной земской управы Е.Д. Доброва и пр. продлило полномочия следственной комиссии, перевело в её состав ликвидационную комиссию и назначило председателем объединённого органа Р.П. Троицкого и его товарищем Д.И. Ветрова. На следующий день доклады «ликвидаторов» о деятельности советской власти были заслушаны на уездном земском собрании.³⁹

Одновременно власть продолжала реорганизовываться. К 3 июля в уездный комиссариат были выдвинуты К.И. Хруцкий и вновь П.И. Мосин, а к 6 июля начальником гарнизона стал прибывший из Красноярска полковник Иванов. Его распоряжением вместо сложившего свои полномочия ВРШ образовались должности помощника начальника гарнизона и коменданта города, на которые были соответственно назначены Г.М. Тудояков и М.А. Добрицкий. Должность начальника тюрьмы получил в прошлом начальник Ревельского домзака Ю.А. Фейвер. Созданная городская милиция состояла из 25, конная и ночная охрана – из 40 человек. В июле-августе начальником милиции были Ф.П. Солдатов, А.И. Соколов и Р.И. Зефирин. Затем были назначены начальники милиции на местах и упразднены должности минусинского воинского начальника и коменданта г. Минусинска. Наконец, 7 августа 1918 г. соответственно с реорганизацией структуры комиссариата его покинули К.С. Гуров, П.А. Рыжков и П.И. Мосин. Постановлением Временного Сибирского правительства от 19 сентября того же года уездным комиссаром вновь был назначен П.Н. Тарелкин, а его помощниками – П.В. Силин и С.Д. Майнагашев.⁴⁰

Новая власть распространялась по уезду. Например, её с восторгом приняло население Моторской волости. В д. Лыткино Лугавской волости сход проголосовал за упразднение совета и создание земской управы. С приветствием власти Временного Сибирского правительства, за созыв земства и Учредительного собрания выступил сход в с. Тигрицком. Крестьяне решили внести земские сборы и налоги 1917 г. Но, например, жители с. Беллык высказались против свержения власти большевиков. Следом за установлением земства возвращались прежние отношения с промышленниками. Так, денационализации подверглись Черногорские Копи и добыча соли на Форпосте.⁴¹

Следовательно, события, имевшие место на юге Енисейской губернии в июне 1918 г., подтверждают версию современных исследователей о несостоятельности политики большевиков и кризисе государственной власти, которые привели к краху их первое правление. В отличие от других регионов Сибири, главной силой, совершившей здесь антибольшевистский переворот, явилось крестьянство. Проходил он в ожесточённой борьбе между крестьянским представительством в лице делегатов съезда и дружинников, с одной стороны, членов совета и красногвардейцев, с другой, и совмещал действия разного характера. В результате переворота к власти пришли в основном социалисты-революционеры, которые так и не освоили революционный опыт 1917 г.

Примечания:

¹ Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917 – 1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. – М.-Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИС, 1934. – С.5-6.

² Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. – Красноярск: Краснояр. госпединститут, 1972. – С.63-64,70; Гушин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917 – 1937 гг.). – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. – С.90, 98

³ Телицын В.Л. К истории организации антисоветского вооружённого сопротивления в Сибири (декабрь 1917 – май

- 1918 гг.) // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – с. 125; Ларьков Н.С. Антибольшевистское сопротивление в Сибири: проблемы периодизации // История Белой Сибири: Тез. третьей науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С.139-142.
- ⁴ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. – М.: Русское книгоиздательское товарищество – История, 1997. – С.63, 195.
- ⁵ Никитин А.Н. Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями. – М.: Моск. ин-т МВД РФ, 1997. – С.23.
- ⁶ Сагалаков Э.А. VII Чрезвычайный съезд крестьян Минусинского уезда // Мартьяновские чтения (1989 – 1999 гг.): Сб. докл. и ст. – Минусинск, 1999. – С.116 – 119.
- ⁷ Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). – Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. – С.77-83.
- ⁸ Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова (ФМРКМ). Оп.1. Д.543. Л.6, 13, 15, 27; Воля Сибири. – 1918. – 11 июля; Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917 – 1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. – М.-Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИС, 1934. – С.228-229.
- ⁹ ФМРКМ. О.1. Д.543. Л.26-27, 32-33.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р.-393. О.2. Д.38. Л.61.
- ¹¹ Там же. Ф.Р.-1235. О.93. Д.308. Л.1.
- ¹² Там же. Ф. Р.-130. О.2. Д.613. Л.4.
- ¹³ Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917-1918 гг. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1973. – С. 178.
- ¹⁴ Красноярский рабочий. – 1918. – 28 мая; Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов исполкома и отделов: Сб. док-в. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1960. – С.471, 527.
- ¹⁵ Воля Сибири. – 1918. – 3, 11 июля; Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф.258. О.1. Д.52. Л.3; Ф.42. О.3. Д.391. Л.2; Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска» (МКУГМ «АГМ»). Ф.4. О.1. Д.27. Л.91; Д.3. Л.56-57, 59.
- ¹⁶ Фонды КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей» (ФКККМ). О/ф 12005/3. Д.9688. Л.3-7.
- ¹⁷ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. – Красноярск: Краснояр. госпединститут, 1972. – с.72
- ¹⁸ Воля Сибири. – 1918. – 3 июля.
- ¹⁹ Народный голос. – 1919. – 31 (18) декабря. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. – Красноярск: Краснояр. госпединститут, 1972. – С.72.
- ²⁰ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания. Материалы. Документы. – Птрг.: Изд-во «Былое», 1923. – С.38.
- ²¹ Сибирские записки. – 1919. – Вып. 2. С.90
- ²² Воля Сибири. – 1918. – 3 июля.
- ²³ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. – С.286-287.
- ²⁴ Воля Сибири. – 1918. – 3 июля; Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917-1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. – М.-Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИС, 1934. – С.186; Сагалаков Э.А. VII Чрезвычайный съезд крестьян Минусинского уезда // Мартьяновские чтения (1989 – 1999 гг.): Сб. докл. и ст. – Минусинск, 1999. – С.116 – 119.
- ²⁵ Воля Сибири. – 1918. – 3 июля. – 3 июля. Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). – Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. – С.78.
- ²⁶ Сагалаков Э.А. VII Чрезвычайный съезд крестьян Минусинского уезда // Мартьяновские чтения (1989-1999 гг.): Сб. докл. и ст. – Минусинск, 1999. – С.116-119.
- ²⁷ Воля Сибири. – 1918. – 3 июля. – 3, 7 июля.
- ²⁸ Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917-1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. – М.-Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИС, 1934. – 295 с.
- ²⁹ с. 187-196; Сагалаков Э.А. VII Чрезвычайный съезд крестьян Минусинского уезда // Мартьяновские чтения (1989 – 1999 гг.): Сб. докл. и ст. – Минусинск, 1999. – С. 116 – 119; Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). – Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. – 160 с. С. 79-81.
- ³⁰ МКУГМ «АГМ». Ф.4. О.1. Д.17. Л. 9-12; Труд. – 1918. – 7, 17 июля.
- ³¹ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. – Красноярск: Краснояр. госпединститут, 1972. – С.74-75.
- ³² Труд. – 1918. – 5, 14, 18 июля.
- ³³ Там же – 5 июля. Сибирские записки. – 1918.– № 2-3. с.107.
- ³⁴ Там же. – 27 июля.
- ³⁵ Там же. – 3 июля.
- ³⁶ МКУГМ «АГМ». Ф.4. О.1. Д.17. Л.12, 14-21. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917-1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. – М.-Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИС, 1934. – С.200-203.
- ³⁷ Труд. – 1918. – 6, 11, 14, 17 июля, 1 августа.
- ³⁸ Там же. – 24 июля.
- ³⁹ Там же. – 6, 11, 17, 18, 27 июля, 1, 7, 8 августа; ФКККМ. О/ф 6023/1. Д.3815. Л.53.
- ⁴⁰ Труд. – 1918. – 27, 28 августа.
- ⁴¹ Там же. – 3, 6, 11, 12, 14, 19, 27 июля, 9, 14 августа; Воля Сибири. – 1918. – 10 июля.
- ⁴² Труд. – 1918. – 6, 12, 17 июля.

А.П. Шекшеев,
г. Абакан, Республика Хакасия

Октябрь 1917 года на Енисее: хроника борьбы политических сил

Распространённым в определённых кругах российского общества и объясняющим октябрьские события 1917 г. является сообщение о том, что ленинская партия пришла к управлению государством вынужденно, в ситуации, когда другие политические силы оказались не в состоянии осуществлять властную функцию. Освещая, к примеру, приход к власти большевиков в Енисейской губернии, историки, как правило, односторонне показывали его восприятие различными слоями общества, забывая поведать о поведении служилого населения в городах.

Согласно свидетельствам представителей советской власти, историков и краеведов, Красноярск в 1917 г. являлся оплотом большевизма в Восточной Сибири, и смена политического режима здесь прошла «безболезненно».¹ В то же время в среде современных авторов появилось сомнение в правильности высказанного мнения.² А один из них счёл, что даже при доминировании большевиков в политической жизни губернского города реально советская власть здесь утвердилась не 29 октября 1917 г., когда местный совет принял соответствующую декларацию, а 21 ноября – с роспуском Комитета общественной безопасности.³ Вероятно, ситуация в действительности являлась сложной и определялась многообразием поведения людей, что, в свою очередь, и определяет актуальность выбора данной темы.

Усиление во власти красноярских большевиков началось с отзыва своих представителей из властных органов, победы на выборах в Красноярскую городскую думу, а также с ликвидации мятежа местных корниловцев. 19 августа 1917 г. объединённое совещание представителей губернских советов, городской думы, окружного бюро советов Восточной Сибири и воинских частей отстранило от должности начальника гарнизона подполковника С.С. Толстова,⁴ после чего влияние большевиков в гарнизоне стало «расти с каждым днём». С августа и до октября 1917 г. численность большевиков в Красноярске выросла с 3 до 4 тыс. человек.^{5,6}

16 сентября в Красноярске состоялось совещание под председательством краевого комиссара Временного правительства А.Н. Крутлюкова, встревоженного отношениями между местной властью и общественными организациями. На нём губернский комиссар Вл.М. Крутовский указал на конфликт с исполкомом совета, который перестал считаться с существующими законами и постановлениями. Обвиняя его в безынициативности, выступавший следом представитель совдепа заявил о вынужденном характере осуществляемых им «революционных мероприятий». По городу распространился слух о самоубийстве главы Временного правительства А.Ф. Керенского.⁷ К этому времени власть в Красноярске, по мнению советского автора, уже перешла к губернскому исполкому, а Крутовский лишь получал жалование.⁸ Однако осуществляемые в городе аресты, обыски и реквизиции приняли столь массовый и незаконный характер, что 27 сентября губернский комиссар прекратил деятельность и распустил объединённый комитет по борьбе с контрреволюцией.⁹

Осенью того же года солдатские массы усилили свою поддержку выступлениям рабочих, а советы стали отказываться от сотрудничества с военными властями. Из-за недостатка продовольствия в Красноярске начались погромы, ограбления винных складов и захват хлебных грузов. 23 октября для спасения населения от подобных эксцессов Крутовским было созвано совещание представителей различных организаций. Большевиками было заявлено, что грозящая революции анархия возникает и растёт согласно правительственным приказам. Резолюция, принятая совещанием, гласила о том, что погромы порождены отсутствием продуктов и беспорядками в области их распределения, а ответственность за них ложится на правительство, которое ведёт пагубную продовольственную политику. Но создание особого органа для борьбы с анархией было признано ненужным.¹⁰

Получив телеграмму с известием о воцарении в Петрограде советской власти, участники общего партийного собрания, проходившего 27 октября в железнодорожной школе, решили объявить Крутовскому о том, что его функции закончились. Собравшись на экстренное заседание

и, вероятно, не обладая полной информацией, члены Соединённого губернского исполкома и Красноярского совета, прежде всего, решали вопросы военного характера: образовали военный штаб, решили увеличить Красную гвардию и выдать ей из гарнизонных запасов 700 винтовок и 21 тыс. патронов. В первую очередь большевики установили надзор за телеграфом. Первой о своём переходе на сторону большевиков объявила 1-я рота 30-го полка, которой было поручено охранять их местонахождение. 28 октября выступающие на митинге в исполкоме высказались за переход власти к советам и обсудили вопрос «О практических мерах осуществления власти на месте». Было решено установить связи с сибирскими городами и Центросибирью, усилить контроль за войсками и телеграфом, не допускать совещания у губернского комиссара, а также занять караулами банки и общественные учреждения^{11,12}

Между тем в тот же день у губернского комиссара состоялось совещание представителей общественных организаций, которые по его предложению обсудили необходимость создания специального комитета. Заседание городской думы, проходившее 28 октября в присутствии 300 вызванных социал-демократической фракцией солдат и рабочих, быстро превратилось в митинг, на котором большевики призвали присутствующих поддержать переход власти к советам. Несмотря на то, что городская дума отказалась посылать своих представителей, созданный 29 октября Енисейский губернский комитет объединённых общественных организаций призвал население к спокойствию, общественные учреждения и предприятия к выполнению своих обязанностей, а затем в виде протеста против захвата власти совдепом назначил всеобщую забастовку.^{13,14}

В ночь и утром 29 октября 1917 г. солдаты 10-й роты 15-го Сибирского стрелкового запасного полка во главе с младшими офицерами С.Г. Лазо, А.А. Поздняковым и М.И. Соловьёвым, а также отряд из 70 военнопленных мадьяр под командой капитана Г. Хорвата и лейтенанта Ш. Сабо выставили караулы в губернском управлении, государственном банке, типографии, казначействе и на железнодорожной станции. 29 октября Соединённый исполком сообщил начальнику гарнизона полковнику Г.Х. Ауэ, что он на основании постановления II Всероссийского съезда советов берёт власть в свои руки. Тогда же губернскому комиссару объявили об «удалении» с места службы, а 30-го – расклеили объявления исполкома о переходе власти в его руки и об упразднении самой должности губернского комиссара.^{15,16}

Большевики закрыли выпуск некоторых периодических изданий, что позволило местным кадетам назвать современный государственный строй «не правовым, не социалистическим, а просто хулиганским». Те же газеты, что выходили, отказывались публиковать воззвания прежней власти.^{17,18}

Реакция общественности на эти события была сугубо отрицательной. Выступая против большевистского переворота, правозащитный исполком губернского Совета крестьянских депутатов отозвал своих представителей из Соединённого губернского исполкома. Тем самым правые эсеры, по мнению большевиков, нарушили соглашение об объединении советов.¹⁹

В свою очередь, состоявшееся 30 октября собрание представителей служащих государственных учреждений объявило о забастовке. Служащие казначейства отклонили требование в выдаче денежных смет, с которым явился комиссар с группой солдат, а в типографии препятствовали по распоряжению бывшего губернского комиссара печатанию бюллетеней ревкома. Начальник тюрьмы назвал прибытие исполкомовского комиссара излишним. Сильнее всего сказывалось на состоянии дел, несмотря на уговоры властей, прекращение работы губернского управления и кредитных учреждений, которые ведали пайками, выдаваемыми солдатам, солдаткам, беженцам и военнопленным, а также врачебным делом. В тот же день Соединённый губернский исполком решил всех забастовщиков-чиновников, пользующихся отсрочками, призвать в армию.²⁰

Одновременно солдаты приступили к выяснению политического облика своих командиров и лиц, не признавших новую власть, стали удалять от должности. 30 октября участники объединённого заседания полковых, ротных комитетов и солдатской секции Красноярского Совета доложили, что 14, 15 и 30-й полки, 717-я дружина готовы поддерживать советскую власть. Собрание постановило передать власть советам и просило губернский исполком упразднить

офицерский состав, несогласный с этим решением. Вскоре Крутовский сообщил в Петроград о том, что гарнизон в городе находится «в руках прапорщика Лазо».²¹

Митинг, состоявшийся 31 октября в собрании 14-го полка и собравший 800-900 солдат и казаков, проголосовал за резолюцию, предложенную большевистским пропагандистом Я.Е. Боградом, приветствовал победу революции в Петрограде и выступил в поддержку советской власти. 1 ноября толпа численностью от одной до двух тысяч участников, собравшись в гарнизонном театре, после пятичасового митинга и под шумные протесты некоторых выступавших приняла резолюцию, выдвинутую С.Г. Лазо, о переходе власти к советам.²²

На следующий день исполнительное бюро и строевая комиссия солдатской секции Красноярского Совета совместно с полковыми комитетами и командирами частей постановили приказы по 6-й Сибирской стрелковой запасной бригаде подписывать президиумами солдатской секции и полковых комитетов.²³ 2 ноября Соединённый губернский исполком преобразовал Енисейское губернское управление в Енисейский губернский народный комиссариат в составе большевиков И.И. Белопольского, В.Н. Яковлева, А.Г. Перенсона и левого эсера Н.В. Мазурина, который тут же своим приказом потребовал от органов общественного самоуправления и земских управ выполнять его требования и приказания.²⁴

Принимая меры к налаживанию деятельности комиссариата, его руководители издали приказ об увольнении всего штата прежних служащих, подлежащих немедленному зачислению на военную службу, и наборе новых работников. Но на предложение бывшему руководству управления сдать дела оно не явилось и унесло с собой печати, бумаги и ключи, что создало трудности в налаживании работы. 2 ноября Енисейский губернский комитет объединённых общественных организаций, состоявший из представителей земских учреждений, союзов кооперации и служащих, а также Енисейского казачьего войска, объявил себя также губернской властью.^{25,26}

Меры по слову сопротивления принимали и большевики. 3 ноября в канцелярию управления бригады, где проходило собрание писарей гарнизона, осудивших захват ими власти, явились Лазо и 12 вооружённых солдат. Писари были разогнаны, а в учреждении был выставлен караул. Исполкомом было принято решение об аресте начальника гарнизона, но затем его под подписку оставили на свободе. Командиром бригады был назначен лояльный к большевикам подполковник Я.К. Сулаквелидзе. В ночь на 5 ноября в Красноярск из Томска для закрепления победы прибыл отряд с артиллерией. Следом обыску и аресту подверглись 12 губернских чиновников, в частности Вл.М. Крутовский, его помощник Л.Е. Козлов, Востоков, Доброхотов, Ивановский, Игошин и Любецкий (или Лебецкий).²⁷

Такие меры новой власти вызвали среди красноярской общественности протестные настроения. 5 ноября с заявлением о незаконности ареста чиновников и с требованием их освобождения в исполком обратился прокурор Красноярского окружного суда, а 6-го – с осуждением арестов выступила губернская земская управа. Протестовали против «попрания демократии» и сложили с себя обязанности некоторые члены городской управы. Но заключённые свободу так и не получили.²⁸ В результате предательства служащего губернской продовольственной управы, открывшего доступ к делам и совершившего донос на своих коллег, все они были арестованы. Вскоре прекратили забастовку служащие почтово-телеграфного ведомства, которым большевики угрожали мобилизацией в армию. Но 7 ноября в неё вступил коллектив городского общественного банка. Протестовали против захвата власти большевиками служащие-контролеры правления Ачинско-Минусинской железной дороги. В целом по Красноярску бастовали работники 36 учреждений.²⁹

Как свидетельствовала советская историография, советская власть была установлена в уездных городах – 29-30 октября в Канске и Ачинске, 10 ноября – в Минусинске, 17-го – в Енисейске.³⁰ Однако и здесь большевики пришли к власти не без определённых сложностей. В Ачинске, где большевики, начиная с августа, прибирали власть в свои руки, ещё 27 октября бывший учитель и глава городской думы П.Ф. Усанин распространял листовку, призывавшую сплотиться вокруг Временного правительства, за что вскоре подвергся аресту. 29 октября состоялось собрание

комитета по борьбе с контрреволюцией, на котором присутствовали представители от 33 организаций. Оно осудило выступление большевиков и избрало президиум комитета спасения революции. Экстренное заседание городской думы, призвав до созыва Учредительного собрания поддерживать власть Временного правительства, избрало в состав комитета Ф.К. Афанасьева, П.А. Ильина, В.В. Острикова, К.Т. Сайлотова и предоставило в нём три места солдатам.³¹

Однако общее собрание солдат, созванное в тот же день, приветствовало установление советской власти, а группа из 20 человек во главе с председателем совдепа П.О. Саросеком захватила почту, телеграф, банк, сберкассу и казначейство. Инициированное совдепом 31 октября в городской думе собрание её 40 гласных, 478 представителей от воинских частей, организаций и учреждений упразднило земскую управу, передало власть совдепу, создав в нём солдатскую секцию. 1 ноября уездный совет рабочих и солдатских депутатов образовал для защиты завоеваний революции и сохранения порядка ВРШ, революционный суд и солдатскую боевую дружину. Организованный следом городской думой саботаж местного чиновничества был путём компромиссных решений ликвидирован. Затем и сама дума оказалась распущенной.³²

Получив известие об октябрьском перевороте, канские меньшевики и эсеры повели усиленную агитацию против него и за расформирование гарнизона. Но большевики и левые эсеры создали ВРК с военной организацией фронтовиков, который добился роспуска военнослужащих и передачи ему оружия.³³

В Минусинске, куда известие о свержении Временного правительства пришло 28 октября 1917 г., состоялось экстренное заседание городской думы, которое вылилось в митинг. Представители совдепа доказывали необходимость передачи власти советам рабочих и солдатских депутатов. 31 октября из-за попыток совдепа вторгнуться в жизнь общественных, правительственных организаций они приостановили свою деятельность. 1 ноября совдеп учредил Временный исполком при советах для борьбы с контрреволюционной анархией и осуществления контроля над правительственными учреждениями, торгово-промышленными предприятиями. Состоявшееся 2 ноября заседание городской думы отказалось посылать в состав комитета своего представителя, а уездный комиссар выпустил воззвание, в котором высказался против применения насилия и за власть Учредительного собрания.

Продолжая захватывать власть, исполком совдепа 8 ноября заявил о сложении власти уездным комиссаром, а 13-го – отстранил от должности якобы за контрреволюционную деятельность начальника милиции. Должностные лица подчинились силе, при этом бывший начальник милиции подвергся аресту, избиению и издевательствам солдатской толпы. Собравшись 11 и 16 ноября, гласные городской думы протестовали против насилия над должностными лицами и сочли, что объявленное совдепом взятие власти есть её узурпация, насилие над волей крестьянства и отказались от её признания. Вскоре Минусинская группа социалистов-революционеров отозвала своих представителей из совета рабочих и солдатских депутатов.³⁴

Переход власти к совету в Енисейске начался с его перевыборов, которые позволили создать исполком, исключительно состоявший из большевиков. Объявив декрет Совнаркома об уничтожении чинов и сословий, он оповестил население о взятии власти. Местный гарнизон подвергся расформированию. Красногвардейцы пустились с обысками и выемками имущества по обывательским квартирам. Суд и сыскная часть милиции перешли под контроль большевистского ревтрибунала. Постепенно совдеп подчинил себе все органы власти и общественные организации, исключая только союзы учителей и потребкооперации.³⁵

В самом Красноярске 10 ноября состоялось заседание городской думы, которое вывело из своего состава бастовавших социалистов-революционеров и назначило выборы новых членов. Её глава Я.Ф. Дубровинский, доложивший о переговорах со стачечным комитетом забастовщиков, был вынужден объяснять присутствующим, что аресты чиновников производились, т. к. на квартирах их были обнаружены казённые ручки, карандаши и бумага, Крутовского же задержали не как кандидата в члены Учредительного собрания, а в качестве человека, руководившего забастовкой госслужащих. По предложению фракции большевиков была принята резолюция об освобождении

Крутовского из тюрьмы. Пришлось голове объяснять и причины появления в Красноярске и демонстрации большевиками пушек, доставленных из Томска.

Острое обсуждение среди собравшихся вызвал приказ народного комиссариата о потере отстранёнными от службы чиновниками права на отсрочку от воинской службы, который он предписывал общественным самоуправлениям строго исполнять, угрожая карами за неисполнение. Признанный юридически неграмотным, этот приказ комиссариатом тут же был объявлен ошибочным и недействительным. Но фракция социалистов-революционеров, так и не признавшая власти этого органа («что это за комиссары, которые издают приказы, чтобы назавтра за них приносить извинение?»), заявила протест против поведения головы, обвинившего их в «злобности».³⁶

Между тем под влиянием сложившейся ситуации противоборствующие стороны пришли к компромиссу. 10 ноября был ликвидирован Енисейский губернский комитет объединённых общественных организаций. В ночь на 12 ноября арестованные чиновники были освобождены и амнистированы. Со своей стороны, отвечая на освобождение и обещание властей оставить бастующих на местах, состоявшееся на следующий день собрание делегатов от коллективов государственных и частных учреждений решило прекратить протестную деятельность.^{37,38}

Пользуясь плодами своей победы, большевики продолжили укрепление своей власти. Так, на втором объединённом заседании губернского Соединённого исполкома и губернского исполкома крестьянских депутатов, состоявшемся 11 или 13 ноября, политические противники в последний раз обсуждали вопрос о создании совместного органа власти. Представитель крестьянского исполкома Н.В. Фомин выступил за непризнание центральной власти и организацию нового органа управления, нейтрального от политической борьбы и состоявшего из представительства двух исполкомов, союзов железнодорожников, почтово-телеграфных, судебных служащих, Центрального бюро профсоюзов, товарищества кооператоров, губернской управы, городской думы и правления казачьего войска. Однако предпринятая правыми эсерами попытка достигнуть соглашения и организовать новый орган власти с включением в него на паритетных началах обоих исполкомов, а также представителей от общественных организаций была большевиками отвергнута. Представители Соединённого исполкома, сославшись на присоединение к нему некоторых крестьянских делегатов, назвали требование, высказанное Фоминым, «несоответствующим настроениям крестьянской массы». После того как они заявили о том, что непризнание центральной власти ставит красноярских управленцев в обособленное положение, представители крестьянского исполкома оставили заседание.³⁹ Созданный Соединённый губернский исполком второго состава состоял из членов губернского исполкома совета рабочих, солдатских депутатов, представителей Канского уездного совета крестьянских депутатов и районного совета крестьянских депутатов пяти волостей Красноярского уезда.

Случившийся так называемый «кризис» с народным комиссариатом из-за неудачного опубликования известного приказа и повлекший подачу заявлений об увольнении от его членов, был ликвидирован: исполком просто их не принял. 13 ноября Соединённый ГИК постановил восстановить полномочия прежних членов народного комиссариата. Но большевики решили всё же наказать своего политического противника: с 15 ноября губернский комиссариат прекратил выплату жалования вышедшим на свободу служащим, а городская дума 18-го – постановила освободить квартиры бывших забастовщиков от постоя рабочих, но направила туда для проживания эвакуированных беженцев.⁴⁰

Вместе с тем вовлечённые в политику солдаты таили в себе угрозу дальнейшей дестабилизации обстановки. Они по-своему пытались решить вопрос с демобилизацией, объявленной 10 ноября 1917 г. декретом СНК. 26 ноября солдатский митинг в Красноярске принял решение о «разъезде всех товарищей-фронтовиков по домам» независимо от сроков призыва. Совет был вынужден принять резолюцию, в которой говорилось, что исполнение постановления солдатского митинга «было бы равносильно гибели революции», призвал солдат «нести безропотно свои обязанности вплоть до правильной демобилизации армии, заключения мира и успешного завершения революции».

Затем началось глумление солдат над командным составом: 11 декабря 1917 г. вышел приказ о разоружении офицеров, а с 1 января 1918 г. им прекратили выплачивать жалование, лица, неизбранные в частях на должности, переводились на солдатский паёк. Офицеры, увольнявшиеся по возрасту, лишались права на пенсию. С 13 декабря у всех, кто приходил в исполком, солдаты срезали погоны, петлички с георгиевскими лентами. Солдаты перестали признавать дисциплину, самовольно покидали посты, отказывались заступать в караул.⁴¹

Таким образом, переход к советской власти, совершённый в октябре 1917 г. в столице, затем повторился по всей стране, втянув в свою орбиту множество людей. Воцарение в Красноярске и городах Енисейской губернии советского режима происходило не только как следствие слабого руководства со стороны органов прежней власти, нарастания не решавшихся проблем и усиления влияния большевистской партии, но и стало результатом манипулирования ею сознанием обывательских масс, использования демагогии и грубой воинской силы. Главной его ударной силой здесь были солдаты. Ощущая поддержку центра и будучи хорошо организованными, местные радикалы быстро сломали нерешительное и слабое сопротивление демократических слоёв общества. Советская власть в городах региона утверждалась насильственным путём.

Примечания:

¹ Абов А. Октябрь в Восточной Сибири. Отрывки воспоминаний // Сибирские огни. – 1924. – № 4. – с. 119; Мармышев А.В., Елисеев А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. - Красноярск: Изд-во ООО «Версо», 2008. – С.17.

² Айдаров К.А. Революционные события 1917-1918 гг. в Восточной Сибири по воспоминаниям современников // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: Мат-лы Всеросс. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Дулова (26-27 марта 2010 г.). - Иркутск: Изд-во Вост.-Сиб. гос. акад. образ., 2010. – С. 63.

³ Шиловский М.В. Почему Красноярск в 1917 году стал сибирским Кронштадтом? // 1917 год в российской и мировой истории: Мат-лы междунар. науч. конф. (Красноярск, 14-15 нояб. 2007 г.). – Красноярск: Изд-во «Красноярский писатель», 2007. – С.244.

⁴ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – С.113-114.

⁵ Красноярский рабочий. – 1917. – 1 августа.

⁶ Шейнфельд М.Б. Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в первый период Советской власти в Сибири (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Томск, 1954. – С.4.

⁷ Голос народа. – 1917. – 19 сентября.

⁸ Бугаев Д.А. На службе милицейской. – Кн. 1. Ч. 1. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1993. – С.79.

⁹ Там же. – 29 сентября.

¹⁰ Бугаев Д.А. На службе милицейской. – Кн. 1. Ч. 1. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1993. – С.79-80.

¹¹ Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф.258. О.1. Д.31. Л.22.

¹² Бугаев Д.А. На службе милицейской. – Кн. 1. Ч. 1. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1993. – С.81-82; Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов советов, пленумов, исполкома, отделов): Сб. док-в. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1960. – 582 с. С. 229; Забытая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. – Красноярск: Изд-во «Поликор», 2014. – С.275-276.

¹³ Голос народа. – 1917. – 31 октября, 1 ноября; ГА КК. Ф.258. О.1. Д.31. Л.17.

¹⁴ Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов советов, пленумов, исполкома, отделов): Сб. док-в. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1960. – С.517; Забытая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. – Красноярск: Изд-во «Поликор», 2014. – С.276.

¹⁵ ГА КК. Ф.258. О.1. Д.31. Л.22; Красноярский рабочий. – 1917. – 9 ноября.

¹⁶ Бугаев Д.А. На службе милицейской. – Кн. 1. Ч. 1. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1993. – С.82; Забытая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. – Красноярск: Изд-во «Поликор», 2014. – С.276; Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов советов, пленумов, исполкома, отделов): Сб. док-в. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1960. – С.243.

¹⁷ Аргументы и факты. – 2016. – № 44.

¹⁸ Забытая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. – Красноярск: Изд-во «Поликор», 2014. – С.278.

¹⁹ Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов советов, пленумов, исполкома, отделов): Сб. док-в. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1960. – С.516.

²⁰ Голос народа. – 1917. – 1, 2 ноября.

²¹ Известия Енисейского губернского народного комиссариата. – 1918. – 7 января; Красноярский рабочий. - 1917. – 31 октября.

²² Красноярский рабочий. – 1917. – 3, 4 ноября.

²³ Известия Енисейского губернского народного комиссариата. – 1917. – 14 ноября.

²⁴ Бугаев Д.А. На службе милицейской. – Кн. 1. Ч. 1. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1993. – С.93; Забытая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. – Красноярск: Изд-во «Поликор», 2014. – С.277.

- ²⁵ Красноярский рабочий. – 1917. – 9 ноября.
- ²⁶ Абов А. Октябрь в Восточной Сибири. Отрывки воспоминаний // Сибирские огни. – 1924. – № 4. – С.119
- ²⁷ Голос народа. – 1917. – 7, 15 ноября.
- ²⁸ Там же. – 8 ноября; Красноярский рабочий. – 1917. – 9 ноября; ГА КК. Ф.258. О.1. Д.39. Л.224, 253.
- ²⁹ Красноярский рабочий. – 1917. – 14 ноября; Голос народа. – 1917. – 9, 10 ноября.
- ³⁰ Шейнфельд М.Б. Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в первый период Советской власти в Сибири (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Томск, 1954. – С.6.
- ³¹ Голос народа. – 1917. – 2, 15 ноября.
- ³² Известия Енисейского губернского народного комиссариата. – 1917. – 19 ноября; ГА КК. Ф.П.-42. О.6. Д. 780а. Л.1-3.
- ³³ Айдаров К.А. Революционные события 1917-1918 гг. в Восточной Сибири по воспоминаниям современников // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: Мат-лы Всеросс. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Дулова (26-27 марта 2010 г.). – Иркутск: Изд-во Вост.-Сиб. гос. акад. образ., 2010. – С. 26-27
- ³⁴ Свобода и труд. – 1917. – 4, 5, 7, 12, 13, 14, 19, 26 ноября.
- ³⁵ Миндаровский М. Революционные дни в Енисейске // Сибирские записки. – Красноярск, 1919. – № 6. – С. 65-67.
- ³⁶ Красноярский рабочий. – 1917. – 14 ноября; Голос народа. – 1917. – 16, 17 ноября.
- ³⁷ Голос народа. – 1917. – 14 ноября.
- ³⁸ Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов советов, пленумов, исполкома, отделов): Сб. док-в. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1960. – С.517.
- ³⁹ Красноярский рабочий. – 1917. – 17 ноября.
- ⁴⁰ Известия Енисейского губернского народного комиссариата. – 1917. – 15 ноября; Красноярский рабочий. – 1917. – 17 ноября; Голос народа. – 1917. – 15, 17, 21 ноября.
- ⁴¹ Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть.– Томск: Изд-во ТГУ, 1995. – С.46-47, 52, 55, 57-58, 62, 71, 79, 86

РАЗДЕЛ IV. КРАЕВЕДЕНИЕ

Л.И. Белоусова,
г. Абакан, Республика Хакасия

Страницы истории образования Хакасского уездного (окружного) центра – города Хакасска

В разных документах 1925-1931 годов можно встретить название будущего Абакана: с. Усть-Абаканское, п. Усть-Абаканск, п. Усть-Абакан, г. Хакасск. В публикациях по истории Абакана говорится, что в 1925-1931 годы Абакан назывался Хакасском. П.И. Каралькин поясняет «узаконенного названия города не было». Но это не совсем так. Разные названия можно объяснить тем, что в эти годы с. Усть-Абаканское, посёлок при станции Абакан и новый г. Хакасск были разными территориями. Существовала чёткая определённость в названиях этих районов будущего Абакана. Определимся с этими названиями, как они возникли и почему в те годы существовали одновременно.

1. Названия п. Усть-Абаканск (посёлок) и п. Усть-Абакан относились к старому селу Усть-Абаканское, которое находилось на берегу Абакана и в 1923 г. было определено уездным центром.

2. Новый посёлок при станции Абакан – возник во время строительства Ачинско-Минусинской железной дороги.

3. г. Хакасск в 1925-26 гг. – новый уездный центр, который собирались строить в районе Аскыровской пристани.

г. Хакасск в 1926-31 гг. – уездный центр, стали строить в районе современных улиц Ленина, Советская, Шевченко. Были возведены электростанция, пожарное депо, окружной исполком, Госбанк и первые двухэтажные деревянные дома.

Поэтому в документах разных организаций, в зависимости, где они находились, были разные адреса. Например, если артель «Красная Хакасия» и спортивное общество «Динамо» находились в с. Усть-Абаканское, то был указан адрес села. Если артель «Кузнец» находилась на станции, то в отчёте указывалось – станция Абакан. С 1926-1927 годов г. Хакасском стали называть район нового строительства. Это деление на территории сохранялось даже в начале 1930-х годов.

Большое значение для развития села Усть-Абаканское имело определение его в 1923 году уездным, а затем окружным центром. Село Усть-Абаканское, ставшее центром Хакасского уезда, не было готово для выполнения новых функций. Был образован уездный исполком, созданы отделы: финансовый, земельный, местного хозяйства, народного образования, здравоохранения, соцобеспечения и другие. Появилось много новых организаций. И всем требовались помещения, а зданий для размещения учреждений не хватало. На 01.04.1925 г. в ведении Хакасского отдела местного хозяйства в с. Усть-Абаканское находилось всего 14 домов, 8 из них предоставили под учреждения, 5 – под квартиры служащим, 1 помещение сдали в аренду.¹ Поэтому учреждения приходилось размещать в обыкновенных жилых домах. Хозяева вынуждены были ютиться в одной комнате или на кухне. Также требовалось жильё для работников. Приходилось бронировать квартиры для сотрудников уездного исполкома и его отделов в ближайших улусах и в посёлке Согра. Уездный исполком неоднократно обращался в «Ачминдор» с просьбой изыскать свободные помещения для размещения учреждений и сотрудников на ст. Абакан.

В 1925 г. появилась идея строительства нового уездного центра Новой Хакасии. Как один из вариантов, город должен был располагаться на землях Усть-Абаканского района, с центром в улусе Аскыровка – территории современного п. Усть-Абакан до горы Куны на левом берегу р. Енисей. Он

должен был занять Хакасское опытное поле (сегодня с. Зелёное), земли с/х артели им. Калинина (с. Калинино) и с. Расцвет.² В то время там, на берегу Енисея находилась Аскыровская пристань.

В марте 1925 г. на II уездном съезде Советов рассматривали вопрос о г. Хакасске. Из доклада председателя исполкома Е.И. Итыгина: «Вопрос о местопределении нашего уездного центра тесно связан с достройкой Ачинско-Минусинской железной дороги (было бы вернее дорогу именовать Хакасской), с местом строительства моста через реку Енисей. В настоящее время уже приступают к обследованию профиля железной дороги и моста через реку Енисей по II варианту, ниже Аскыровской пристани. Если этот вариант станет окончательным, то место нахождения нашего будущего уездного города Хакасска будет на левом берегу Енисея, вблизи горы Куня. Твердый грунт почвы, близость великой судоходной реки и соседство рабочего каменноугольного района – говорят за то, что будущий центр окажется в самых выгодных условиях. Узел железнодорожного и водного путей гарантирует развитие города».

Съезд поручил уездному исполкому: «В течение лета выяснить вопрос окончательно, где заложить будущий город Хакасск, его планировку. Провести подготовительную работу о привлечении средств. Приветствовать, если этим местом окажется берег р. Енисей, ниже Аскыровской пристани, вблизи горы Куня. Смету по постройке города решили одобрить. Окончательное решение о местонахождении будущего центра будет определено следующим съездом».³ Это место считали удобным, так как от Черногорских копей до Аскыровской пристани в 1908 г. В. Баландина построила узкоколейную железную дорогу. По ней возили уголь на пристань, загружали на баржи и отправляли дальше в Красноярск.

Строительство железной дороги «Ачинск-Абакан» приближалось к концу, но где будет построен мост, не определили, ещё проводили изыскания, о чём писали в газете «Власть труда»: «В июне 1925 года для изыскательских работ по постройке моста через реку Енисей прибыл инженер Кульчинский со штатом техников. Он приступил к изысканиям по варианту постройки моста между деревней Быстрой и селом Комарковым. Предполагались и другие переходы. Так что только конец изыскательских работ и подсчёт стоимости сооружения даст возможность окончательно определить место постройки моста».⁴

Когда изыскательские работы закончили и посчитали стоимость, то проект моста между деревней Быстрой и селом Комарково отвергли, как дорогостоящий. «Изыскания пути от Усть-Абаканска до Минусинска проводились ещё в 1907 и 1916 гг., но результаты этой работы не удовлетворяли строителей дороги, требовали разъяснения. В 1925 г. изыскательские работы инженером Кульчинским проведены полностью. Был исследован весь путь до Минусинска. Длина этого пути – 25 вёрст. На этом протяжении необходимо построить три моста: через Енисей – 225 саженей, через Абакан – 150 саженей и через Минусинскую протоку – 50 саженей.

Было предложение построить один мост, который бы заменил все три (между деревней Быстрой и селом Комарково). Для этого нужен мост в 500 саженей. Проект такого моста был категорически отвергнут Уполнаркомом пути, как дорогостоящий. Стоимость линии от Усть-Абаканска до Минусинска определяется в 8-10 миллионов рублей. Сейчас составляется проект на строительство линии Усть-Абаканск-Минусинск, который будет передан на утверждение центра».⁵

Село Усть-Абаканское в 1926-1927 годах

По поводу размещения уездного центра и строительства нового города были разные мнения. Например, заведующий окружным статистическим бюро Е. Филимонов в статье выразил сомнения в возможности построения уездного центра на месте старого села Усть-Абаканского.

«Местными властями возбуждено ходатайство об отпуске средств на строительство города. Но даже при благоприятном разрешении вопроса не могут быть построены ранее осени 1926 года. Служащим придётся почти два года находиться в ужасных жилищных условиях. Здесь до сего времени не создалось значительного экономического центра. Да и вряд ли когда-нибудь создастся в силу географического положения, малочисленности населения и мизерной продукции. Постройка города в намеченном месте будет исторической ошибкой, в чём можно убедиться, взглянув на

карту Енисейской губернии, не говоря уже о статистическом материале. Поэтому практичнее было бы перенести уездные учреждения Хакасии в соседний Минусинск до постройки города». ⁶

В связи с отсутствием условий для размещения уездного аппарата и квартир для сотрудников ставился вопрос о целесообразности пребывания центра в с. Усть-Абаканское. Хакасия издавна экономически тяготела к Минусинску. Из-за отсутствия помещений в с. Усть-Абаканское и ближайших селениях некоторые организации размещали в Минусинске. Абаканское педучилище 3 года находилось в Минусинске, газета «Советская Хакасия», в первые годы, печаталась в Минусинской типографии. Также здесь находилось агентство Госстраха.

В качестве альтернативы для уездного центра предлагался г. Минусинск. Е. Филимонов выдвигал интересные предложения: «Вопрос о резиденции окружных учреждений является для Хакасии самым большим вопросом. Квартирный кризис не даёт учреждениям привлечь соответствующих сотрудников, что отражается на работе аппарата. Единственным выходом из создавшегося положения будет перенесение резиденции в г. Минусинск. Это даст некоторые преимущества, так как в Минусинске помимо квартир, имеются хорошо оборудованные почтово-телеграфная связь и пароходное сообщение, чего нет в Усть-Абаканске. Для удобства управления и создания экономической базы необходимо: часть Минусинска прикрепить к Хакасии. С отмежеванием его нижней части по Итальянскую улицу (сейчас Оборона) с передачей коммунальных домов и промышленных предприятий этой части города. С оставлением в общем пользовании убойного пункта, кладбища и дома заключения и с отмежеванием острова Тагарского в половинном размере ...». ⁷

На I окружном съезде Советов (4.11.1925 г.) председатель Г. Итыгин ставил вопрос о статусе с. Усть-Абаканское. Он говорил, что «только с переводом Усть-Абаканска на городское положение можно выправить положение уездного центра, может появиться частная инициатива к постройке в нашем центре жилой площади». То есть с ростом строительства будет расти население села, что приведёт к появлению в нём новых артелей и ремесленных производств. Почему председатель окружного исполкома Г. Итыгин стремился к строительству нового города Хакаска, промышленного и экономического центра, можно понять, представив каким было село Усть-Абаканское в то время. В газете «Власть труда» в 1927 г. село Усть-Абаканское описывалось так: «Ничего отрадного – убожество. Масса жалких полуразвалившихся хижин с выбитыми во многих из них стёклами, перемешались с более приличными домами крестьянского типа. Две лавки Потребобщества, на берегу – кооперативный киоск. Несколько спекулянтских лавчонок (бойко и дорого торгующих), с десятков балаганов на местном рынке и, пожалуй, ... всё. На площади небольшая, готовая каждую минуту рухнуть от старости, церковь. Напротив – окружное «ДЕПО» пожарной команды. «ДЕПО» – наспех сколоченный небольшой балаган. «Окрстатотдел» – красуется на одной из лачуг. В единственной комнатке, сплошь загромождённой столами и стульями, – душно. Среди табачного дыма мелькают десятки озабоченных лиц сотрудников, низко склонившихся над столами. В углу заведующий отделом Е. Филимонов. «Как вы работаете в этой хибарке? – спрашиваю я. «Что же поделаешь, – безнадежно отвечает он. – Не мы одни, везде так». ⁸

Место строительства нового г. Хакаска

Два года не могли определиться, где же будет окружной центр. Из доклада зав. отдела местного хозяйства от 8 декабря 1926 г.: «При проектировании здания под электростанцию избрать место силами ОМХ я не могу, для этого требуется знать – где будет город». ⁹ В декабре 1926 г. на 5 Пленуме окружного исполкома Г. Итыгин снова поднимает вопрос о переводе с. Усть-Абаканское на «тип городского посёлка», но разрешения от Крайисполкома не последовало. Для того чтобы село стало городским посёлком, требовалось развитие в нём промышленного производства. В селе же в то время было, в основном, незначительное мелкокустарное производство, которым занимались частные лица. Так в 1924 г. в селе кустарным производством занимались в 6 хозяйствах, ещё был небольшой Кожевенный завод по выделке овчин. При существующем составе населения села Усть-Абаканское (преобладало сельское) на городское положение центр перевести не могли. Для

этого должно быть определённое соотношение населения, занятого в промышленном производстве и сельском хозяйстве.

Строительство будущего окружного города Хакаска в районе Аскыровской пристани было связано с большими материальными затратами. Своих средств не было, а централизованное финансирование было небольшим. К тому же, для строительства нового г. Хакаска в намеченном месте требовалось время. Следует отметить, что численность населения стремительно увеличивалась. В 1926 г. в посёлке ст. Абакан проживало уже 1649 человек, в с. Усть-Абаканское – 1461 человек. В конце 1926 г. приняли решение: строить город на территории, между селом Усть-Абаканское и посёлком станции Абакан (в районе современных улиц Ленина, Советская, Шевченко). Здесь была ровная и сухая возвышенность, недоступная разливам рек Абакана и Енисея. В документах отдела землеустройства за 1926 год имеется решение «По отводу городской черты для города Хакаска на площади 3000 десятин», это – 3277,5 га.¹⁰

И уже в 1927 г. началось строительство нового города. В газете «Власть труда» корреспондент описывал это так: «На станции я приятно был поражён массой новых построек на самой станции и на отведённой земле под город Хакасск. Здесь как будто бы кипит в каком-то горячем котле строительства. Строится целый ряд новых зданий под окружные учреждения, под общежитие рабочих и служащих, под новую мощную электростанцию, депо для пожарников и т. д. и т. д.».¹¹ Также приступили к строительству жилых двухэтажных деревянных домов на ул. Октябрьской (Ленина). Практически продолжили застраивать посёлок станции Абакан восточнее.

4 октября 1929 г. на заседании Комиссии по проработке вопросов районирования Сибкрайисполкома (в Новосибирске) было рассмотрено ходатайство Хакасского окружного исполкома «О преобразовании с. Усть-Абаканское и посёлка при станции Абакан в город Хакасск».

«Принимая во внимание быстрый рост населения села Усть-Абаканского, его окружное значение, ближайшие перспективы промышленного и экономического развития, наличия свободных земель для черты будущего города, а также соответствия с законом числа его жителей и процента населения, занятого сельским хозяйством, считать целесообразным преобразование с. Усть-Абаканское и посёлка при станции Абакан в город с присвоением ему наименования Хакасск».¹²

17 декабря 1929 г. в Хакасский Окрисполком был представлен доклад «Об утверждении городской черты г. Хакаска». К нему прилагался Проектный план участка городской черты г. Хакаска, составленный Окружным земельным управлением. На нём видим чёткое разграничение местности будущего Абакана: в центре плана выделена полоса отчуждения Ачинско-Минусинской железной дороги. Севернее полосы отчуждения расположен посёлок станции Абакан, на юге-востоке отмечено село Усть-Абаканск.

В связи с этим в документах тех лет существует разница в названии города в разные годы: В 1925-1926 гг. Хакасск – это новый уездный центр, который хотели построить в районе Аскыровской пристани. Позже здесь построили промышленные предприятия, в т.ч. Аскыровский кирпичный завод. В 1931 г. между Аскыровской пристанью и улусом Подкунинским был введён в эксплуатацию лесопильный завод (позже лесозавод, затем Усть-Абаканский лесокombинат). Завод снабжал строительными материалами не только Абакан, но поставлял лесоматериалы новостройкам края и всей Сибири. При заводе был образован посёлок «Лесозавод», который потом переименовали в посёлок Усть-Абакан.

Хакасск 1927-1930 годов – так называли город, который начали строить между селом Усть-Абаканское и посёлком на станции Абакан. При дальнейшем строительстве село Усть-Абаканское, город Хакасск и посёлок станции Абакан сливаются. 30 апреля 1931 г. село Усть-Абаканское преобразовано в город, которому присвоено наименование Абакан.

2017 г.

Примечания:

¹ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-1. О.1 Д.15. Л.1

² Тотышев С. М. К истории формирования территории г. Абакана. Абакан литературный № 4, 2001 г. Стр. 13-15.

³ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-1. О.1. Д.5. Л.119.

⁴ Власть труда. № 135. 20.06.1925 г.

⁵ Изыскания линии Абаканск-Минусинск. Власть труда. 1925 г.

⁶ Филимонов Е. Нужды Хакасии. Советская Сибирь. 15.05.25 г.

⁷ Филимонов Е. Нужды Хакасии. Красноярский рабочий. 5.07.25 г.

⁸ Маслов. Умиравший Усть-Абаканск. / Власть труда, № 199. 2.09.1927 г.

⁹ РГНИУ «ХакНИИЯЛИ». П. Каралькин. История г. Абакана. И-3. О.1. Д.339. Л.42,47.

¹⁰ РГНИУ «ХакНИИЯЛИ». П. Каралькин. История г. Абакана. И-3. О.1. Д.339. Л.42,47.

¹¹ Маслов. Рождается новый центр Хакасс. Власть труда, № 199. 2.09.1927 г.

¹² ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-16. О.1. Д.73. Л.7-10.

А.П. Борисова,
г. Красноярск

Несколько штрихов к Первой мировой войне

*Довольно с нас великих войн,
наступило время великого мира.*

О.Бальзак

В повседневной суете, занятые борьбой за выживание, мы подчас забываем о том, какую трагедию помимо Великой Отечественной пережила страна в годы Первой мировой войны. Наш долг сегодня помнить об этих событиях, они коснулись и наших семей, и нашего края.

Хотя Енисейская губерния была территорией глубокого тыла, война сильно ухудшила экономическое и политическое положение края, изменив привычный уклад жизни его жителей. Отправленных на фронт мужчин у станков и в поле заменяли женщины и подростки, проводилась мобилизация скота и продовольствия, снизился уровень потребления, а цены на предметы первой необходимости резко повысились.

Только в 1914 г. лучших лошадей для армии было отобрано около 5 тысяч. Перевозили их на плотах и баржах со всех уездов, далее перегоняли собственным ходом по тракту. В Красноярске, например, было создано 11 пунктов приёма лошадей.

С первого дня войны был введён «сухой закон», за самогонварение введено наказание до 5 лет тюрьмы.

В августе 1915 г. Госдума приняла решение о необходимости сократить потребление мяса населением. 1 августа аналогичное постановление приняла Красноярская городская дума, в результате которого были введены ограничения по убою скота, продаже. Началась массовая фальсификация продуктов питания, из продажи исчезли чай и сахар, случались даже «голодные бунты». В 1916 г. появились продуктовые карточки. Из-за неурожая в 1917 г. введены карточки и на хлеб, сократились нормы выдачи муки, выросли цены на дрова с 5 руб. за сажень в мае 1914 г. до 40 руб. в декабре 1917 г. Известны факты вырубки деревьев в городе на дрова.

Тяжким бременем на жителей городов и сёл Енисейской губернии ложилась необходимость в годы войны принимать и оказывать помощь больным и раненым воинам, детям-сиротам, а также семьям, члены которых были мобилизованы на фронт.

Когда немецкие армии прорвали русскую оборону и вторглись в пределы Империи, волны беженцев без средств к существованию устремились на восток. О сложнейшем положении в г. Красноярске свидетельствует телеграмма городского головы, направленная в Москву в октябре 1915 г.: «...беженцы прибывают ежедневно, город переполнен войсками и военнопленными, свободных помещений нет...». По этому же поводу епископ Никон писал: «Волна беженцев докатилась и до нашей епархии. Для нас – пастырей церкви – новая забота: организовать беженцам помощь жилищем, одеждой, питанием. Сохраните и поддержите силы наших пострадавших соотечественников; примите их у себя и в приходах ваших с любовью! Дайте им возможность наладить свою жизнь

в новых местах и непривычных условиях».¹ К сентябрю 1915 года только в Красноярске было зарегистрировано около пяти тысяч беженцев. Разместили их по всем районам, к декабрю 1915 г., например, в Минусинске проживали 68 человек, в уезде – 150.

В созданный Комитет помощи беженцам входил и комитет труда. Мигранту выдавался беженский билет и регистрационная карточка, служившая удостоверением личности. Беженец получал ежедневное пособие – 15 копеек или билет на бесплатный обед в столовой Синельниковского благотворительного общества, две недели получал бесплатное питание и один месяц бесплатное жильё. Предлагали работу. Трёхразовый отказ от работы приводил к потере пособий. Продовольственная помощь выдавалась до первой зарплаты. В Красноярске в Доме просвещения была организована школа для детей беженцев.

Кроме беженцев, раненых и детей-сирот у власти и населения была ещё одна головная боль – военнопленные. Только в лагере военного городка в Красноярске находилось более 2,5 тыс. человек. Их тоже надо было содержать, охранять, организовывать.

Уже с началом войны появились эпидемии, в том числе тиф, дети болели коклюшем, дизентерией, увеличилось количество больных туберкулёзом, венерическими заболеваниями, возросло количество алкогольных отравлений. В 1915 году только от тифа умерло более 1500 военнопленных, не выдерживали наш суровый климат пленные турки, умирали от туберкулёза.

Из «Постановления Крестьянского съезда уполномоченных от волостных и сельских собраний Минусинского уезда, г. Минусинск, 11–18 мая 1917 г.» виден масштаб проблем того периода. Рассматривался продовольственный вопрос, борьба с самогоноварением, финансово-податный вопрос, о дорожной и гоньбовой повинностях, об уездных земских собраниях и комитетах, о милиции и многих других, *в том числе вопрос об отношении к войне*. «Ввиду того, что настоящая война начата правительствами помимо желания широких слоёв трудящихся воюющих стран и ведётся в целях завоевания рынков, захвата земель и порабощения народов, Съезд высказывается за скорейшее окончание братоубийственной войны. Считаем невозможным заключение сепаратного мира. Мир должен быть заключён на самоопределении народов и без захватов и контрибуций. Съезд считает вредным всякое ослабление мощи нашей армии и призывает всех трудящихся к защите нашей свободы от всяких посягательств как изнутри, так и извне».

К вопросу по борьбе с самогоноварением. «В Минусинском уезде пьянство, тайное винокурение и сбыт самогона принимает угрожающие размеры. Борьба с этим злом необходима, когда дорог каждый пуд, идущий на винокурение, столь необходим как для прокорма многомиллионной армии, так и для голодающего населения значительной территории нашего отечества. Съезд постановил предложить уездным комиссиям по борьбе с самогоноварением особое постановление: лиц, употребляющих самогонку, занимающихся винокурением и её сбытом будут подвергаться тюремному заключению от 1 года до 3-х лет, штрафами до 300 рублей, принудительными работами. Просим всех делегатов по возвращению их на свои места немедленно объявить о решении Съезда, а также поручить Уездному комитету общественной безопасности напечатать листовки данного постановления».

Резолюция по продовольственному вопросу. Разруху в деле продовольствия населения и армии, созданную изменниками нашего народа, необходимо теперь самому же народу и решать с напряжением всех сил. Порядок в продовольственном деле может быть обеспечен только при условии: правильного учёта по всей стране предметов товаров продовольственного и производственно-промышленного потребления; распределения всех товаров по карточной системе, основанной на правильном учёте населения по одному образцу, с неременным условием одинаковости норм для всех групп населения.

Съезд призывает всех братьев-крестьян везти хлеб в сыпные общественные и государственные пункты.

Для увеличения продуктивности с/х труда надо предоставить продовольственным комитетам труд военнопленных, труд не принудительный, по справедливой оценке, распределив силы сообразно с тем, кто чем раньше занимался на своей родине.

Признать желательным, чтобы все учащиеся, могущие приложить свои силы в сельском хозяйстве, организовались в трудовые артели и шли на летние полевые работы в деревню.

Высказать пожелания, чтобы лица, освобождённые от несения военной службы, не только работали в своём хозяйстве, но и пришли бы в распоряжение продовольственных волостных комитетов.

О продовольственных пайках семьям, призванных на войну. Съезд постановил пособия выдавать всем без исключения, даже и трудоспособным родителям призывников, при достижении 50-летнего возраста. Брачным и гражданским жёнам, если они не жили с мужьями-призывниками более года – пайки не выдавать. Солдатским детям выдавать его и в случае раздельного жительства матери.

Паёк оценивается до 5 руб. как в деревне, так и в городе.

Семья, не имеющая своего жилища, получает квартирное пособие в размере 2-х руб. в месяц, как в деревне, так и в городе.

Студенты, обучающиеся в учебном заведении и не получающие стипендии, пользуются на получение пособия до окончания учёбы или окончания войны.

Семьи солдат, возвратившиеся с военной службы по болезни, получают продовольственный паёк, а сами солдаты получают его после медицинского освидетельствования в Минусинске на предмет их трудоспособности для назначения пенсии.²

Случай с призывниками. В 1915 году Первая мировая война продолжалась, по волостям губернии объявили о призыве ратников на воинскую службу. Призывники должны были прибыть в Ачинск.

Телеграмма городскому голове г. Ачинска: «Разместить ратников казарменным порядком, размещение по обывательским квартирам недопустимо, и выдайте ратникам кормовые из остатка губернатора».

Ещё телеграмма Енисейскому губернатору Гололобову Якову Григорьевичу: «Доношу Вашему Превосходительству, что намечавшиеся ранее для ратников ополчения городские казармы ныне заняты военнопленными, ими же заняты часть казарм военного ведомства, а остальные – нижними чинами 13 Сибирского стрелкового запасного батальона и новобранцами призыва 1914 года. А других обширных помещений, кои бы были пригодны для размещения ополченцев нет ни у города, ни у жителей. Высшее училище тоже занято ратниками в числе 500 человек».

Далее вышел указ об ограничении числа призывников, но на места по волостям указ опоздал, ратники были уже в пути.

Из телеграммы: «Ожидается скопление более 3 тысяч Минусинских призывников излишков, подлежащих возвращению. На случай ожидаемых беспорядков необходимо командировать 350 казаков. Исправник Герасимов».

Из телеграммы: «При отмене призыва ратники (3 тыс. человек) должны были возвращаться по домам самостоятельно за 400 вёрст. Ачинский Военный начальник не обязан снабжать их на обратный путь ни кормовыми, ни проездными деньгами, ни отправлять их за счёт военного ведомства на нанятых подводах. Не предусмотрено никаких авансов, нет в законе никаких указаний отправки в обратный путь, излишне вызванных. И, тем не менее, 3-хтысячная партия в зимнее время без кормовых и способа передвижения окажется брошенной на произвол судьбы. Я не беру на себя смелость касаться вопроса, лежит ли их отправление на обязанности Воинского начальника или нет, но при неизбежном предъявлении требований с их стороны – полиция не будет иметь возможности дать какого-либо ответа. В предупреждение могущих беспорядков я просил бы присылки дополнительного количества казаков. Например, во время мобилизации в 1914 г. в г. Ачинске для постоянных патрулей находилась целая рота 29 полка, однако же когда запасные нижние чины атаквали казённый винный склад, то пришлось вызывать вторую роту и лишь этой силой оградить склад от погрома. Необходимость усиленного наряда казаков объясняется следующими обстоятельствами: казённый винный склад, в коем ныне хранится свежённое со всего уезда вино, следует считать беззащитным. Ратники со всего Минусинского уезда благодаря

своей многочисленности не только требовали и забирали съестные продукты, не платя за таковые владельцам, но даже насильственно заставляли резать для себя коров, овец, свиней, нанося при этом массу оскорблений жителям, цинично относясь к женщинам. Эти явления имели место как в мобилизацию 1914 года, так и во время мобилизации на войну с Японией. Ратники Минусинского уезда, попадая в сёла чужого уезда, изошряются в хулиганских поступках. Этим Ачинский уезд находится в исключительном положении по сравнению с другими уездами.

Уездный исправник Герасимов, 1915 год, 15 января»³.

Как ратники добирались до своих домов, документы умалчивают.

2016 г.

Примечания:

¹ Постановление Крестьянского съезда, Минусинск, 11 – 18 мая 1917 года.

² Г.Малашин / Красноярская епархия РПЦ:1861 – 2011 гг. С. 250.

³ ГАКК.Ф.595. О.47. Д.39.

А.Е. Калюга,

пгт. Курагино, Курагинский район

Наследство князя Кураги

Согласно Списку населённых мест Сибирского края, изданного в 1926 г. статистическим отделом Сибирского краевого исполнительного комитета, в 1626 г. на реке Тубе – правом притоке Енисея, образованной при слиянии горных рек Казыра, Кизира и Амыла, берущих своё начало на юго-западных склонах Восточного Саяна, возникло село Курагино.¹

В ту далёкую пору территорию Притубинья населяли коренные жители-тубинцы. Жили они в деревянных юртах в улусах, занимались скотоводством, звероловством и рыболовством. Все тубинцы были хорошие стрелки из луков, некоторые же имели огнестрельное оружие – китайские фитильные ружья и русские винтовки. Многие из них умели делать порох, свинец добывали в соседних горах, выплавляя его из руды самым первобытным способом.

Описываемый народ входил в аймак (княжество), состоявший из нескольких родов, имеющих своего родоначальника (князя).

В начале XVIII в. Тубинским княжеством правил Курага. Для того чтобы оградить свою территорию от набегов более агрессивных племён и их непомерных грабительских поборов, решил он с соседними княжествами встать под защиту более сильного государства.

В 1709 г. князь Курага подписал соглашение о добровольном вступлении Тубинского княжества в состав России. Резиденция Кураги стало называться селением Курагинским.²

По воспоминаниям потомка Кураги, праправнука Михаила, записанных крестьянином-опытником Ф.Ф. Девятовым в кон. XIX в., Курага был просветителем края.

«По приглашению воеводы г. Енисейска князя М.И. Римского-Корсакова Курага неоднократно ездил на лошадиные бега, где брал первые призы и был замечен воеводою. Князь пригласил к себе Курагу, угостил его и спросил: кто он и откуда? Курага ответил, что он русский подданный. Тогда князь стал ему как русскому подданному, советовать принять русскую православно-христианскую веру. Курага, не отказываясь принять христианство, сказал, что он один на это согласиться не может, а съездит домой и там посоветуется с женой, родными и со всем родом. Князь, отпустив его с подарками, взял слово, что Курага на будущий год приедет с женой и другими родственниками. Курага так и сделал. На другой год он привёл с собой и семь бегунцов, из которых четыре взяли призы, а взявшего первый приз, Курага подарил князю.

Спустя короткое время, 14 ноября, Курага, его жена и сын приняли святое крещение, при котором Курага был наречён Филиппом, а жена его Феодорой. Восприемником Кураги был сам князь Михаил Игнатьевич Римский-Корсаков, вот почему Курага именовался Филиппом Михайловичем

Курагиным. На реке Тубе, близ своего улуса, он избрал место и начал строить деревянную церковь, которая и была освещена во имя Архистратига Михаила. Князь М.И. Римский-Корсаков пожертвовал деньги на постройку и, вообще принимал в этом деле не малое участие. Церковь была первая в Минусинском крае, а раньше её самой южной на Енисее была только церковь в селе Караульном Остроге. Время освещения выстроенной Курагой церкви можно приблизительно отнести к 1724 году».

Вспоминал Михаил и то, как его предок Курага помог правительству в разведке полезных ископаемых (руды свинца), на залежах которых стало бустраиваться Ирбинский железодобывающий завод. Как вёл борьбу с «каторгой» – людьми с вырванными ноздрями, с чёрным пятном на лбу и с волчьим аппетитом, угонявших из стад овец, баранов, телят и крупный скот, и даже воровавших у инородцев девиц, которых брали себе в жёны.

У себя в семье Курага приютил и вырастил брошенного сойонцами ребёнка, которого назвал Жибины-сирота и дал ему фамилию Жибинов.³

После присоединения Тубинского княжества к России селение Курагинское стало постепенно заселяться русскими переселенцами. Коренные жители принимали православную веру и составляли значительную часть жителей селения.

В середине XVIII в. был образован православный приход. Позднее – воздвигнута каменная церковь, которая простояла до 30-х гг. XX века.

В 1834 г. село Курагинское стало центром Курагинской волости, выделившейся из Тесинской волости.

С 1836 г. Курагинское становится местом ссылки. На проживание в нём были пожизненно определены политссылные декабристы А.И. Тютчев и Н.О. Мозгалевский. В кон. XIX – нач. XX вв. отбывали ссылку социал-демократы В.К. Курнатовский, Е.Д. Стасова, Н.П. и О.Б. Лепешинские. В честь них названы улицы Курагино.⁴

Политссылные оказали значительное влияние на местных жителей и уклад их жизни: учили детей грамоте, занимались медициной, селекцией – выращивали новые сорта пшеницы и других культур.

История сохранила сведения и о курагинском крестьянине-опытнике Ф.Ф. Девятове. На своей заимке в 6 верстах от с. Курагино с 1877 г. он занимался выведением новых сортов пшеницы, льна, конопли, горчицы, акклиматизировал озимую пшеницу, разводил йоркширских свиней, улучшенную породу крупнорогатого скота. Начиная с 1882 г., он со своей метеостанции посылал в Российскую академию сведения о погоде.

Отличаясь прогрессивными взглядами, Фёдор Фёдорович активно сотрудничал с Минусинским музеем, много выступал в сибирской печати о нуждах и положении крестьянства. Его рукопись о состоянии сельского хозяйства в Минусинском округе хранится в музее им. Н.М. Мартьянова.

В 1867 г. в Курагино была открыта церковно-приходская школа, в которой первым учителем был И.Е. Павин. Рядом в здании организовали избу-читальню и в ней – библиотеку с книжным фондом до 100 экземпляров. В избе-читальне со зрительным залом в 100 мест ставились спектакли, в которых активное участие принимали учителя и общественность села, под руководством И.Е. Павина. Их силами были поставлены пьесы: Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, А.П. Чехова и др.

В 1870 г. был открыт частный фельдшерско-акушерский пункт, в 1898 г. – первая больница в Курагино по ул. Береговая (позже ул. Лепешинских). Со дня основания больницы в ней работала в качестве фельдшера и сёстры-сиделки жена политссылного О.Б. Лепешинская, проживавшая с семьёй в мансарде этого дома. После её отъезда работу медика осуществляла жена политссылного А.М. Старкова-Розенберг – родная сестра Г.М. Кржижановского.⁵

В 1879 г. в селе было открыто Курагинское одноклассное сельское приходское училище, которое в начале XX в. было преобразовано в двухклассное училище Министерства просвещения.⁶

С 1894 г. в с. Курагинском начало действовать Сыдинское лесничество.

Активно развивалась торговля. Широко известны были магазины: Макаркиных, Мясниковых, Ходовых, Василевских, Носовых, позднее: Пашенных, Базаркиных, Rogozinskiх и др. Основным

ассортиментом торговых точек были товары первой необходимости, сельскохозяйственные товары и продукты, самогонные и водочные напитки.

В 1919 г. в селе Курагино был образован сельский Совет. В 1924 г. село Курагино стало центром Курагинского района. Все районные мероприятия проводились в Курагино. Это и районные съезды Советов, пленумы и районные собрания партийцев, районные собрания общественных организаций.

Образованные районные службы, осуществляли свою работу в первую очередь на территории районного центра: управление 3-го района милиции (предшественник – РОВД, дата образования 1919 г.), ЗАГС (дата образования – 1920 г.), народный суд (дата образования – февраль 1924 г.), нарследователь (предшественник прокуратуры – 1924 г.), районный архив (дата образования – 1926 г.) и др.⁷

В начале 20-х годов XX в. в селе Курагино было семь улиц, название которых отражало их местонахождение: самая главная называлась Большая (позже переименованная в ул. Партизанскую), Береговая (позже переименованная в ул. Лепешинских), Ново-Базарная (позже переименованная в ул. Комсомольскую).

Не смотря на перипетии истории, жизнь курагинцев шла своим чередом. В основном они занимались земледелием и скотоводством, рыболовством и кустарным промыслом. Благо для этого были все условия: заливные луга, пашни, река, богатая рыбой.

По воспоминаниям краеведа Г.К. Артемьева славился своим изобилием базар, где по воскресеньям колхозники со всего района продавали сельхозпродукцию и приобретали предметы первой необходимости. Даже улица, которая вела к нему называлась Базарная.

«В 30-х годах XX века на базаре отмечалось изобилие, и цены были очень низкими. Колхозники везли мясо, свежую рыбу: хариус, ленок, таймень, масло сливочное, растительное и пихтовое, картофель, зерно, паровой деготь и др. Таёжники привозили и изделия кустарного промысла: деревянную посуду, бочки, кадки, лагуны, туески, корзины, а также мёд, орехи и кедровые шишки. Орехов привозили помногу мешков, даже целыми возами и продавали прямо с подвод, отмеряя большим ковшом по 50 копеек за такую меру. На базаре можно было приобрести валенки-самокатки разных фасонов и расцветок, сапоги, изделия швейного производства из бывших в употреблении материалов, так как был недостаток в товарах промышленного производства».⁸

Наиболее бурно село развивалось в советский период. Открывались новые предприятия, строились учреждения социальной сферы. В октябре 1923 г. в с.Курагино была организована пожарная часть, 1926 г. – государственная метеостанция, в 1928 г. открыта аптека, в 1930 г. – Курагинский сыпной пункт, в 1931 г. – Государственный банк, в 1932 г. – первая транспортная контора и Курагинская средняя образцовая школа № 1, в 1933 г. – Курагинский лесхоз и образована газета «Тубинский колхозник», в 1935 г. – контрольно-семенная лаборатория, в 1936 г. – нефтебаза, в 1939 г. – Курагинский районный военный комиссариат.

В 1933 г. был образован при райисполкоме дорожный отдел, который явился предшественником дорожных организаций: ПДУ-1025, ДЭУ-511, ПДУ-2418, ДРСУ-9, конторы которых располагались в Курагино.

В 1930-х годах на территории села был образован и крупный колхоз «Коминтерн». По воспоминаниям старожилов он состоял из трёх крупных бригад, каждая из которых трудилась на отведённых ей полях, в животноводческих помещениях. В 1961 г. колхоз вошёл в состав Курагинского молсовхоза.⁹

Первый самолёт ПО-2 приземлился в Курагино в 1936 году. Позже был построен аэродром, с которого осуществлялись полёты по маршруту «Абакан-Курагино-Артёмовск», а также «Красноярск-Курагино».

В 1938 г. начал свою работу в с. Курагино Дом пионеров. В 1953 г. было принято в эксплуатацию каменное здание головного маслозавода. В 1961 г. образованы бюро технической инвентаризации и филиал СПТУ-61 по подготовке кадров для сельского хозяйства.

В 1946 г. в п. Курагино была образована линейно-эксплуатационная контора Управления по освоению и эксплуатации малых рек Красноярского края, которая взяла под свой контроль движение катеров, газоходов, барж по реке Тубе и работу парома.

Решением Красноярского крайисполкома от 14.06.1961 № 389 село Курагино было отнесено к категории рабочих посёлков. При этом в подчинении Курагинского поссовета остался посёлок Ойха, образованный в начале 30-х гг. XX в. из переехавших раскулаченных и лишённых крова жителей районного центра. В народе его так и называли «копай-город» или «выселок Ойха», так как первые поселенцы жили в землянках и хижинах.¹⁰

По землям территории посёлка Курагино в кон. 50-х – нач. 60-х гг. XX в. была проложена железная дорога Абакан-Тайшет – «трасса мужества», которая дала жизнь станции Курагино и железнодорожным предприятиям: ПМС-181, ШЧ, ПЧ и др.

С 1 марта 1963 г. начала самостоятельную работу в п. Курагино санэпидстанция, образованная на базе одноимённого отделения райбольницы. В 1963 г. была открыта музыкальная школа, а в 1966 г. – Курагинская средняя школа № 3. В августе 1964 г. был запущен в эксплуатацию щебёночный завод Министерства путей сообщения, в декабре 1968 г. – Районные электрические сети (РЭС-5).

Посёлок Курагино имеет отношение и к строительству железных рудников, находящихся на территории района. В 1968 г. образованная Дирекция строящихся Краснокаменского и Ирбинского рудников находилась на ст. Курагино, и даже рассматривался вариант строительства дробильно-обогатительной фабрики в районе ныне действующего щебзавода с образованием нового посёлка. Но жизнь распорядилась иначе, и этому проекту не суждено было сбыться.¹¹

Культурная и спортивная жизнь посёлка не отставала от производственной. В 1964 г. начал свою работу краеведческий музей при Курагинской восьмилетней школе, позднее реорганизованный в районный. В центре посёлка выстроен новый Дом культуры. В 1985 г. был торжественно открыт реконструированный районный парк «им. 40-летия Победы». Образованы детская спортивная школа и клуб моржей «Льдинка», клуб по военно-патриотическому воспитанию «Патриот» и др.

Внесли свою лепту в развитие Курагино и общественные организации: Совет ветеранов, женский Совет, ДОСААФ, Общество инвалидов, Общество слепых, ДСО «Урожай», Общественный совет и др.

В 90-х годах прошлого века образовались новые учреждения краевого и федерального подчинения: Налоговая инспекция, Федеральное казначейство, Пенсионный фонд, Курагинский центр занятости и др. С 3 сентября 1993 г. начала регулярно выходить в эфир муниципальная телепрограмма, также стали издаваться печатные газеты: «Аргументы успеха Курагино», «Курьер».

К чести курагинцев, ни одна улица в связи с уходом в небытие социалистической системы в конце XX в. не была переименована. Даже памятник В.И. Ленину был отреставрирован и перенесён на новый постамент в районный парк. Это наглядный пример бережного отношения к истории своей малой Родины.

С начала 2000-го г. активизировалось строительство предприятий малого бизнеса: магазины, кафе, пекарни, автозаправочные станции не только оказывают услуги курагинцам, но и радуют своим эстетичным оформлением. В этот же период был воздвигнут православный храм Сошествия Святого Духа на апостолов, где проводятся службы.

Курагино сегодня является центром муниципального образования. Это населённый пункт с развитой сетью предприятий и учреждений промышленности, сельского хозяйства, культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты. В нём, с 01.01.2014 г. являющегося посёлком городского типа, проживает около 15 тыс. человек.

Промышленность посёлка представлена Курагинским филиалом ГП КК «ДРСУ-10», Курагинский щебёночный завод – филиал ОАО «Первая нерудная компания». С перспективой строительства железной дороги «Курагино-Кызыл» открываются новые возможности в реализации производственного потенциала.

На территории муниципального образования действует ФГУП «Курагинское» со статусом племзавода, в котором трудится более 225 человек.

Развита предпринимательская деятельность, специалисты которой активно осваивают новые сферы оказания услуг: юридических и медицинских, связи, ремонта и строительства.

Сеть социально-просветительных учреждений посёлка представлена центром социального обслуживания населения, центральными районными библиотеками взрослой и детской, районным Домом культуры и Домом культуры ст. Курагино, в которых работают коллективы художественной самодеятельности и народного творчества.

В системе образования Курагино действуют: 3 средних школы, Дом детского творчества, школа искусств, Районный ресурсный центр, оздоровительно-образовательный центр здорового образа жизни, 5 дошкольных образовательных учреждений.

Центром здравоохранения является районная больница, новое здание которой введено в эксплуатацию в 2016 г. из расчёта на 600 посещений в две смены.

Всё большую популярность и значимость приобретает Курагинский краеведческий музей и районный архив, специалисты которых приоритетным направлением избрали изучение истории малой Родины, сохранение опыта и традиций, накопленных земляками.

Самым ценным богатством земли Курагинской являются её граждане – ветераны войны и труда, заслуженные работники различных отраслей и социальной сферы, почётные граждане п. Курагино: М.П. Чубарова, Н.А. Зыков, А.И. Миляева и В.Г. Ануфриенко. Их авторитет и жизненный опыт являются опорой для нынешнего и будущих поколений.

Благодарные курагинцы не забыли родоначальника своего посёлка. Ежегодно с 2010 г. в посёлке в августе проводится праздник День посёлка и в его рамках Арт-фестиваль «Курага». За 5 лет гостями фестиваля стали известные музыкальные коллективы зарубежья и регионов России, исполнители мирового уровня. В дни фестиваля проводятся различные конкурсы и мастер-классы, собирающие на своих площадках тысячи поклонников хорошей музыки и мастеров различных жанров, прикладного искусства.

В основу символики фестиваля был помещён портрет Кураги, написанный художником-курагинцем В.Г. Ануфриенко.

О Курагине и красавице Тубе сложено поэтами немало песен и стихов, написаны книги, которые содержат подробную информацию об истории и достопримечательностях славного своим прошлым и настоящим посёлка Курагино.

2016 г.

Примечания:

¹ МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова». Библиотечный фонд. Список населённых мест Сибирского края. Новосибирск.1929. – С.34.

² Курагинский районный архив. Ф.Р-141.О.1. Д.120. Л.6.

³ Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края. Дореволюционный газетный фонд. «Справочный листок» № 6 от 11.02.1890 г.

⁴ Курагинский районный архив. Ф.Р-197. О.5. Д.1.ЛЛ.16-17.

⁵ Там же. Ф.Р-141.О.1. Д.120. Л.55.

⁶ Минусинский городской архив. Ф.30. О.1. Д.84. Л.9.

⁷ Курагинский районный архив. Ф.Р-1. О.1. Д.63. Л.17.

⁸ Там же. Ф.Р-197. О.5. Д.1. ЛЛ.37-41.

⁹ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.826. Л.152.

¹⁰ Государственный архив Красноярского края. Ф.Р-1386. О.1. Д.2035. ЛЛ.132-133.

¹¹ Курагинский районный архив. Ф.Р-1. О.1. Д.836. ЛЛ.71.81.

А.А. Куприянов,
с. Аскиз, Республика Хакасия

Из истории школы в селе Аскиз в конце XIX – начале XX вв.

Одним из важных приобретений хакасов от русских является грамотность. На протяжении долгих лет письменности у хакасов не было. Феномен школы среди хакасского населения появляется только во вт. пол. XIX века. В Аскизе ещё в 50-х гг. XIX в. поднимали вопрос об открытии школы, ввиду отсутствия средств и учителя этот вопрос оставался неразрешённым.

В конце 60-х гг. аскизский священник Н. Орфеев вновь поднял вопрос об открытии школы. В марте 1868 г. он написал в Степную думу соединённых разнородных племён специальное письмо и вёл переговоры с Минусинским окружным исправником. Вот что он писал в своём письме: «Так как в настоящее время для благополучия жизни человеческой создана необходимость распространения грамотности в верноподданных нашего монарха, а инородцы ведомства Сагайской степной думы, все почти люди безграмотные и я со своей стороны неоднократно внушал им словесно о необходимом заведении в селе Аскыс сельского училища, а как сказанное на словах скоро забывается, то я, предлагая Степной думе письменно, надеюсь, что предложение моё не останется напрасным относительно столь благоучреждения для детей своих. Причём прошу позаботиться составлением о сём приговора в двух экземплярах. Один из них представить Окружному Исправнику, а другой мне».¹ Через некоторое время вопрос с помещением решился. Красноярский золотопромышленник – Пётр Иванович Кузнецов, имевший резиденцию в Аскизе, пожертвовал одно из своих зданий с библиотекой для открытия школы.² В Аскизском лицее-интернате хранится копия дарственной записи П.И. Кузнецова из фонда ХАКНИИЯЛи.

Родовые старосты на заседании Степной думы от 30 июня 1868 г. приняли постановление об открытии в с. Аскизе сельской школы. На том же заседании были намечены сметы расходов на содержание школы. Ими предусматривалось установить годовое жалованье учителю 200 руб., сторожу 40 руб., на отопление и освещение школы 30 руб., на выписку книг 25 руб., и на ремонт дома под школу 15 руб., всего 310 рублей.³ Первое занятие в Аскизской инородческом сельском приходском училище состоялось 10 января 1869 года. Училище было размещено в общественном доме священника Аскизской церкви, так как в пожертвованном доме для училища купцом Кузнецовым квартировал сам священник. Приказом директора училищ енисейской губернии в качестве первого учителя Аскизской школы был назначен Ефим Семёнович Катанов, который хорошо владел хакасским и русским языками. В первые дни в училище обучалось 6 учащихся: 4 хакаса, один русский мальчик – Пушкарёв, и одна девочка, дочь приказного – Байкалова. Главными целями обучения инородцев являлись: внедрение религиозно нравственного образования, утверждение православной веры, ознакомление с русским языком. Весной 1870 года училище переезжает в дом Кузнецова, в нём уже училось 19 мальчиков. Именно в этом училище обучались грамоте такие люди как: будущий учёный с мировым именем Николай Фёдорович Катанов, Степан Дмитриевич Майнагашев – политик, этнограф, Прасковья Гедемин-Тюдешева – первая хакасская революционерка.

Позднее, из отчёта 1877 г. школы видно, что смета на расходы оставалась прежняя, но учителю выплачивалось в год 300 руб., законоучителю (священнику) 80 рублей. Деньги на содержание школы и учителей собирали с населения, сбором занималась Степная дума. Из архивных данных известно, что на протяжении тридцати лет учителем в школе работал русский учитель Никифор Потёмкин. Он был одним из первых учителей Хакасии, который знакомил детей с произведениями русской классики.

В фонде Аскизского краеведческого музея им. Н.Ф. Катанова под номером КП 3586 имеется чёрно-белая фотография «Старая школа села Аскиз», сделанная в 30-е гг. XX века. На ней изображено бревенчатое одноэтажное вытянутой формы с четырёхскатной крышей здание школы. На лицевой (парадной) стороне дома 8 окон, на торцевой стене четыре окна. На парадной стороне

крыльцо с входной дверью. Над крыльцом висит звезда и портрет (предположительно И.В. Сталина). Вдоль здания деревянный забор. У забора стоят 15 детей. На здании вывешен транспарант с надписью «Подпиской на заём укрепление обороны СССР ещё больше укрепим мощь нашей непобедимой и родной Красной Армии». На оборотной стороне фотографии надписи синей пастой в левой части «1907 год Потёмкин Никифор Тимофеевич Я учитель.....»⁴

Из надписи на обратной стороне фотографии можно сделать вывод, что здание школы было построено в 1907 году. По воспоминаниям жителей села Аскиз данный дом находился в историческом центре села на берегу реки Аскиз. По диагонали от места расположения Аскизской церкви Петра и Павла. Сегодня на этом месте, напротив Администрации Аскизского района, располагается стенд с фотографиями почётных жителей района.

Количество учеников школы непрерывно увеличивалось. В 1912-1913 учебном году обучалось 138 детей, в 1916-1917 – 156 учащихся. На основе русской графики в 1924 г. была создана хакасская письменность, в числе первых создателей которой были бывшие ученики Аскизской школы М.Г. Торосов и К.К. Самрин. В 1926 г. были изданы первые хакассские учебники, авторами которых стали К.С. Тодышев, А.Г. Казанков и К.К. Самрин, они были выпускниками 1910 года.⁵

С приходом советской власти начинается новый виток в истории образования появляются такие понятия как, комсомолы и пионеры. Ведётся активная работа по образовательной деятельности разных слоёв населения. Ещё много выдающихся имён внесут вклад в историю школы в селе Аскиз.

2016 г.

Примечания:

¹ Патачаков К.М. Культура и быт Хакасов в свете исторических связей с русским народом XVIII – XIX в.в. С.89.

² Там же. С.90.

³ Там же.

⁴ МБУК АКМ им. Н.Ф. Катанова ОФ. Д.42 КП. 3586

⁵ Шишляникова В.Ф. «История Аскизского лицея-интерната». С.1.

А.С. Нилогов,

г. Абакан, Республика Хакасия

**О находке метрической записи о смерти
первого Енисейского губернатора А.П. Степанова**

Имя первого Енисейского губернатора Александра Петровича Степанова¹ (1781-1837) известно многим сибирским краеведам. В 1822 г. он был назначен на должность губернатора Енисейской губернии, приступив к исполнению обязанностей 28 марта (9 апреля) 1823 года. Благодаря его содействию минусинские татары (хакасы) получили права кочевых инородцев согласно «Уставу об управлении инородцев» М.М. Сперанского. В 1823 г. Степанов организовал в Красноярске учёное общество «Беседы о Енисейском крае». Несмотря на то, что в 1831 г. по доносу он был смещён с губернаторства без права занятия высоких постов, Александр Петрович впоследствии станет ещё и губернатором Саратовской губернии (1835-1837). А в 1835 г. он издаст (правда, анонимно) свой знаменитый двухтомный труд «Енисейская губерния», за который получит Демидовскую премию в размере 2500 рублей (по разделу «Статистика») и бриллиантовый перстень от императора Николая I.²

Обратившись через интернет-доступ к оцифрованным метрическим книгам, которые находятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб),³ удалось выявить метрическую запись о смерти и погребении А.П. Степанова. Нами был исследован фонд № 19 «Петроградской духовной консистории», в котором, в частности, находится коллекция метрических книг Санкт-петербургских церквей, а также приходов Санкт-Петербургской и соседних губерний.

Итак, согласно метрической записи № 78 действительный статский советник Александр Петров Степанов скончался 25 ноября по старому юлианскому стилю (7 декабря – по новому григорианскому стилю) 1837 г. в возрасте 58 лет «от хронического воспаления в кишках».⁴ Погребение состоялось в родовом имении – селе Троицком Мещерского уезда Калужской губернии. На самом деле Степанов скончался в возрасте 56 лет (на 57-м году жизни), так как родился он 4(15) мая 1781 года в деревне Зеновке Калужской губернии.⁵

2016 г.

Примечания:

¹ Александр Петрович Степанов [Электронный ресурс]. – URL: http://chitai.kraslib.ru/polzd.html?id_aut=10 (дата обращения: 01.12.2016).

² Край наш Красноярский: Календарь знаменательных и памятных дат на 2005 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://library.ksru.ru/files/kzd2010/158.pdf> (дата обращения: 01.12.2016).

³ Информационный ресурс ЦГИА СПб. URL: https://spbarchives.ru/web/group/information_resources?p_p_id=58&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&saveLastPath=0&_58_struts_action=%2Flogin%2Flogin (дата обращения: 01.12.2016).

⁴ ЦГИА СПб. Метрическая книга Троицкой церкви лейб-гвардии Измайловского полка Санкт-Петербурга для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1837 год. Ф.9. О.111. Д.285. Л.76.

⁵ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Степанов,_Александр_Петрович (дата обращения: 01.12.2016).

А.С. Нилюгов,

г. Абакан, Республика Хакасия

Родословная Н.К. Рериха: развенчание «варяжского мифа»

Генеалогия, традиционно понимаемая как вспомогательная историческая дисциплина, в настоящее время переживает второе рождение. Документальная генеалогия позволяет рассмотреть исторический источник как особый письменный носитель информации, фиксирующий родственные связи между людьми и выявляющий происхождение родов и фамилий.

В настоящее время в России наблюдается настоящий «генеалогический бум». Огромное количество людей интересуется семейной историей. Работа над составлением родословных заставляет обращаться к архивным документам. С этим обстоятельством и связана актуальность изучения такого исторического источника, как церковные метрические книги.

На примере сложного рассмотрения вопроса о родословной известного русского художника и философа Николая Константиновича Рериха (1874-1947) мы предприняли попытку показать источниковедческую важность использования подлинных архивных документов, с помощью которых можно точно удостоверить происхождение рода. В отношении родословной Рерихов по-прежнему существует семейный миф о «варяжском происхождении», возникший не без участия самого Н.К. Рериха. Генеалогия Рерихов исследовалась неоднократно.¹ Тем не менее, до сих пор среди поклонников его творчества бытует версия о том, что основателем рода Рерихов был сам летописный князь Рюрик.

Введение в научный оборот новых архивных данных по генеалогии семьи Рерихов позволяет документально верифицировать их родословную на основе архивных первоисточников. Частично это уже было сделано нами (в соавторстве с генеалогом И.И. Богдановой) в опубликованной статье «Откуда есть пошли Рерихи».²

Опираясь на капитальный труд российских историков Д.И. Антонова и И.А. Антоновой «Метрические книги России XVIII – начала XX в.», мы определили, что метрическая книга – это «совокупность записей культовой регистрации, которые в виде хронологических записей в книжной форме удостоверяют события крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти) конкретных лиц».³

Метрические книги – это классический генеалогический источник, который содержит инфор-

мацию об основных этапах жизни человека, поэтому они обязательно должны использоваться для восстановления истории семей, являясь всеобщим документом генеалогической информации в Российской империи с 1722 г. Они велись уполномоченными духовными лицами в двух экземплярах: один (приходский) оставался на хранении в церкви, второй (консistorский) отсылался в архив консистории.

Современные информационные технологии позволяют сделать публичными те архивные документы, генеалогический спрос на которые постоянно растёт. Прежде всего, это касается метрических книг как наиболее востребованных материалов по родословию. Обратившись через интернет-доступ к оцифрованным метрическим книгам, которые находятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), мы смогли выявить и проанализировать записи о рождении/крещении, бракосочетании/венчании и смерти/погребении представителей семьи Рерихов, проживавших во 2-м пол. XIX – нач. XX вв. в столице Российской империи.⁴

Нами исследован фонд № 19 «Петроградской духовной консистории», в котором, в частности, находится коллекция метрических книг Санкт-петербургских церквей, а также приходов Санкт-Петербургской и соседних губерний. Данный фонд насчитывает 129 описей, хронологический интервал: 1718-1918 гг. Дела с метрическими книгами содержатся в описях №№ 121-129, из которых нам понадобились описи №№ 124, 125, 126 и 127. Речь идёт о метрических книгах таких церквей, как:

- 1) Владимирской иконы Божией Матери в придворных слободах Санкт-Петербурга;
- 2) Собор Святого Апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове Санкт-Петербурга;
- 3) Святой Великомученицы Екатерины при Императорской Академии художеств Санкт-Петербурга;
- 4) Петропавловская села Грызова Сосницкой волости Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Из воспоминаний Н.К. Рериха известно, что в семье его родителей Константина Фёдоровича Рериха и Марии Васильевны (в девичестве – Калашниковой) «всех детей было 10, живых 4. Один умер в возрасте 1 г[ода] 4 м[есяцев], остальные или преждевременно рождённые и один – выкидыш. Незакон[ных] не имеет».⁵ Вероятно, это было известно Н.К. Рериху со слов матери.

В результате архивного поиска, прежде всего учитывающего как места проживания Рерихов в Санкт-Петербурге, так и местоположения церковных приходов, прихожанами которых были Рерихи, нам удалось отыскать метрические записи о рождении/крещении и смерти/погребении девяти детей Рерихов: Леонида (рождение – 1863, смерть – 1864), Зинаиды (смерть – 1865), Лидии (рождение – 1867), Евгении (рождение – 1870, смерть – 1870), Николая (рождение – 1874), Константина (рождение – 1876, смерть – 1876), Марии (рождение – 1877, смерть – 1877), Владимира (рождение – 1882) и Бориса (рождение – 1885). Также были обнаружены метрические сведения о бракосочетании/венчании Н.К. Рериха и Е.И. Шапошниковой (брак – 1901) и рождении/крещении их сына С.Н. Рериха (рождение – 1904).

В автобиографической записке от 19 апреля (1 мая) 1863 г. К.Ф. Рерих сообщает, что он женат и имеет одного сына.⁶ Так, по словам исследователя Г. Д. Капитоненко, «видимо, от брака с Марией Васильевной Рерих он имел пятерых детей, а не четверых, как принято считать в литературе по этому вопросу. Судьба этого сына неизвестна».⁷

По всей видимости, этим первенцем Рерихов был сын Леонид, который родился 27 февраля (11 марта) 1863 г. (крещён – 10(22) марта), о чём имеется запись № 83 в метрической книге церкви Владимирской иконы Божией Матери в придворных слободах.⁸ В графе «Звание, имя, отчество и фамилия, и какого вероисповедания» записано: «Газенпотский 3-й гильдии купец Константин Фёдорович Рерих лютеранского исповедания и законная жена его Мария Васильева православного исповедания, от первого их брака». В графе «Звание, имя, отчество и фамилия приемников» указано: «Островский 3-й гильдии купеческий сын Александр Павлов Коркунов и островская купеческая вдова Татиана Ивановна Коркунова».

Л.К. Рерих умер от скарлатины в возрасте одного года (так в документе), а точнее – 1 года и

полтора месяцев, 13(25) апреля 1864 г., о чём имеется запись № 60 в метрической книге церкви Владимирской иконы Божией Матери в придворных слободах.⁹ В графе «Звание, имя, отчество и фамилия умершего» записано: «Газенпотского 2-й гильдии купца Константина Фёдорова Рерих (так в документе) сын, младенец Леонид». В последней графе о месте захоронения отмечено, что 15(27) апреля тело Леонида, отпетое в тот же день (в подграфе «Месяц и день погребения» указано 15(27) апреля), было отправлено для погребения в город Остров Псковской губернии с разрешения военного генерал-губернатора от 14(26) апреля 1864 г. за № 1026. Скорее всего, именно о старшем брате Леониде шла речь в воспоминаниях Н.К. Рериха.

Выявленные архивные документы свидетельствуют в пользу того факта, что семья отца Н.К. Рериха не принадлежала к знатному дворянскому роду, а относилась к купеческому сословию. По метрическим записям о рождении/крещении и смерти/погребении Леонида Константиновича Рериха удалось подтвердить, что ещё в начале 1863 г. К.Ф. Рерих был газенпотским купцом 3-й гильдии. Затем в том же году он стал купцом 2-й гильдии.

Об этом ранее и писал латвийский историк-краевед и исследователь родословной Рерихов – И. Силарс: «Внебрачный отец Николая Рериха Константин при поддержке владельца Паплакского имения фон дер Роппа в 12-летнем возрасте был принят в Санкт-Петербургский Технологический институт, в котором учился до мая 1855 г. Закончив гимназический курс упомянутого института, он работает кассиром, бухгалтером, счетоводом. В 1863 г. меняет своё социальное сословие – уплатив в Айзпите налог купца 2-й гильдии, становится «купцом», продолжая одновременно работать на прежней работе чиновником службы Главного Общества Российских железных дорог в Санкт-Петербурге почти до конца 1867 г., когда, сдав экзамен на нотариуса, становится нотариусом Санкт-Петербурга, которому в то время не нужно было иметь юридического образования».¹⁰

Обнаруженные подлинные архивные документы о семье отца Н.К. Рериха позволили ещё раз¹¹ удостовериться тот факт, что по прямой мужской линии род Рерихов восходит не к легендарному новгородскому князю Рюрику, чьи родословные линии хорошо отслежены учёными-генеалогами, а к прибалтийскому (курляндскому) роду Рерихов.

2016 г.

Примечания:

¹ Анненко А.Н. Рерих и его предки. История одной легенды. – Абакан, 2014.

² Богданова И.И., Нилогов А.С. Откуда есть пошли Рерихи // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 5. – С. 383-400.

³ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII – нач. XX вв. – М., 2006. – С. 24.

⁴ Информационный ресурс ЦГИА СПб. URL: https://spbarchives.ru/web/group/information_resources?p_p_id=58&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&saveLastPath=0&_58_struts_action=%2Flogin%2Flogin (дата обращения: 01.12.2016).

⁵ Ешалова О.И. «История болезни» нотариуса К.Ф. Рериха, отца художника Николая Рериха, как исторический источник // Семинары петербургского историка Марии Кунките «Исторический контекст: правило без исключений» / сост., вступл. и коммент. М.И. Кунките. – СПб., 2013. – С. 24.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.258. О.2. Д.8385. Л.1.

⁷ Капитоненко Г.Д. Константин Фёдорович Рерих – нотариус округа Санкт-Петербургского окружного суда // Труды Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие». Т. I. – СПб., 2002. – С. 490.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф.19. О.124. Д.870. Л.58об.–59. – URL: <http://forum.vgd.ru/file.php?fid=207385&key=1944521581>, http://e-notabene.ru/hr/article_17237.html (дата обращения: 01.12.2016).

⁹ ЦГИА СПб. Ф.19. О.124. Д.900. Л.348об.–349. – URL: <http://forum.vgd.ru/file.php?fid=177879&key=370695780>, http://e-notabene.ru/hr/article_17237.html (дата обращения: 01.12.2016).

¹⁰ Silārs I. Rērihi Kurzemē. Leģendas un arhīvu dokumenti = Рерихи в Курземе (Курляндии). Легенды и архивные документы // Latvijas Arhīvi. – 2005. – Nr. 2. – Lpp. 61–78. – С. 79–80 (резюме на рус. яз.). – С. 80.

¹¹ Благодаря изысканиям латвийского историка И. Силарса в Латвийском государственном историческом архиве, род Рерихов удалось проследить до сапожника Иоганна Генриха Рериха, который родился приблизительно в 1730 году в Вецсиескате, а умер после 1798 года (Силарс И. Предки Николая Рериха. Легенды и архивные свидетельства // Рерихи: мифы и факты. СПб., 2011. С.19–20).

История одного рисунка

В музее истории архитектуры Сибири имени Сергея Николаевича Баландина Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии хранится рисунок Одигитриевской церкви города Кузнецка, выполненный архитектором Андреем Дмитриевичем Крячковым.

Одигитриевская церковь нам дорога, прежде всего тем, что в ней сто шестьдесят лет тому назад 6 февраля 1857 года венчались Фёдор Михайлович Достоевский и Мария Дмитриевна Исаева.

Надо сказать и слова благодарности кузнецкому купцу 3-й гильдии Ивану Дмитриевичу Муратову, которому пришла в голову идея построить на свои деньги Одигитриевскую церковь и пригласить из самого Иркутска артель каменщиков во главе с подмастерьем Почекуниным. 22 мая 1775 г. каменная церковь была заложена. Потом в 1780 г. той же артелью был построен дом для семейства Муратова. В последующем Иван Дмитриевич продал свой дом кузнецкому казначейству, который сохранился до сегодняшних дней, являясь памятником архитектуры регионального значения как первое каменное строение Кузнецка.

Но вернёмся к рисунку Одигитриевской церкви. Автор этого рисунка выдающийся архитектор 30-х–50-х годов прошлого столетия, архитектор-конструктивист Андрей Дмитриевич Крячков. После окончания в 1902 г. Петербургского института гражданских инженеров он работал в строительном отделении губернского управления города Томска, строительной комиссии Сибревкома, Сибкрайисполкома города Новосибирска, преподавал в Томском университете и технологическом институте, а также Сибирском строительном институте в городе Новосибирске. Но больше всего он знаменит своими архитектурными шедеврами в Новосибирске, Томске, Кемерово, Сталинске.

Рисунок Одигитриевской церкви сорокадвухлетним архитектором, преподавателем Томского технологического института был написан в 1918 г., о чём свидетельствует записка в блокноте, которую архитектор писал для себя, поэтому некоторые слова оказались неразборчивы. «Тобольской епархии Кузнецкого заказа приходская Одигитриевская церковь. Она Одигитриевская церковь каменная и в совершенстве устроена по наружности: имеет на себе пять глав тоже на ... алтаре и на колокольне. Строена с 1775 по 1783 г. Грамота о заложении храма 1773 г. Освящена ... департамента храма ... писании 1789 августа 31».

В левом верхнем углу рисунка есть его надпись «Спереди позднейшая пристройка пятидесятих годов 19-го столетия».

В чём историзм этого рисунка? Во-первых, он датирован 1918 годом, следовательно, это одно из последних её художественных изображений, всего за год, перед событиями гражданской войны в Кузнецке, когда она была сожжена, а затем разрушена. Во-вторых, автор рисунка – архитектор, который глубже чувствует архитектурное пространство, видящий ценность архитектурных объектов.

«В совершенстве устроена по наружности» – такова оценка работы архитектором А.Д. Крячковым, которую он даёт каменных дел мастерам – создателям архитектурного шедевра Одигитриевской церкви.

Её архитектурный облик, архитектурный стиль сибирского барокко так мастерски, так проникновенно созданный мастерами-каменщиками во главе с Почекуниным заставляет невольно остановиться, всмотреться и духовно напитаться этим чудом творения человеческих рук.

Жаль, что Одигитриевская церковь погибла в Кузнецкое лихолетье гражданской войны.

А что же нам, потомкам, делать с памятью о ней в канун 400-летия города, 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского? Построить Одигитриевскую церковь заново? Нереально. Уйдут многие десятилетия на согласования, заседания, проекты, сметы, гранты. Да и смогут ли современные мастера повторить в совершенстве каменную кладку? Думаю, что надо установить памятный знак на

том месте, где она стояла, напоминая нам о том какую роль сыграла Одигитриевская церковь в судьбе не только старого Кузнецка, но и всей страны.

2016 г.

Литература:

1. Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н.Баландина, 15-18 апреля 2014 года – Новосибирск, 2014. – Т.IX. – Ч.1. – 256 с.
2. Сибирские города XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1981.

Сёмочкина,
с. Шалаболино, Курагинский район

Топонимы села Шалаболино

Согласно археологическим данным на территории Притубинья и его окрестностях проживали различные племена и народы 25-30 тыс. лет назад. Одни давали своё название окрестностям. Другие – что-то заимствовали, а что-то добавляли своё, и появлялось двойное название, обе части которого имели одинаковое значение.

Рассмотрим ойконим названия села Шалаболино. Основано село Шалоболоино в 1714 году, (по некоторым данным в 1719, и ещё более поздняя версия 1739 г.).

По преданию, на месте нашего села было стойбище татарина Шабалы, потомка славяноскифов.¹ После подписания в 1714 г. договора Шабалы с белым царём о подданстве и об уплате ясака, многие татары крестились, фамилию они получили Шабалины. Село сначала называлось Шабалино. (Шебалино). Но, якобы, для удобства, согласно русской транскрипции, село стали называть Шалоболоино (Шелоболоино, Шелаболиха. На картах XVII-XVIII вв. село называется Шелаболинское). Согласно этой версии, название селу дал племенной вождь Шабала, или люди, получившие фамилию Шабалины.² Однако в степной полосе России существуют ещё 3 села с подобными названиями: Шелаболиха в Шелаболихинском районе Республики Алтай, где протекает речка Шелаболиха; Шелаболиха в Бийском районе Алтайского края, где протекает река Шебелик; хутор Шаболоино в Октябрьском районе Волгоградской области. Возникает вопрос: почему название у населённых пунктов, расположенных в десятках тысяч километров друг от друга, очень схожи? Возможно, на этом пространстве проживал один род, который и дал такое наименование? Или в слове заложен какой-то религиозный смысл? На фотографиях, окружающая сёла местность, очень похожа на нашу.

По второй версии, название селу дала река Шушь (Сушь). Она вертлявая, капризная, часто меняла своё русло, затапливала огороды. Жители называли её Шалоболка. Мы склоняемся к этой версии.³ В словарях тюркских народов существует различные переводы слова «шабола»: колпица – вид аиста (татарский), отвал у плуга, палица для очищения плуга, разливальная ложка. Синонимы к нему: балаболка, болтун, мелево, шабалда.

Шалоболоино со всех сторон окружают горы. С западной стороны села расположена Стеклянная гряда.⁴ Она тянется с севера на юг на протяжении всей восточной части села вдоль реки Шушь (Сушь) и заканчивается каменным выступом. Здесь много песка, пригодного для производства стекла. До настоящего времени сохранились шурфы, откуда брали песок и увозили на Минусинский стекольный завод. В центре Стеклянной гряды напротив села находится Белый Яр, осыпь белого песка.

За Стеклянной горой расположена Ильинская гора, каменная горная гряда, которая являлась культовым местом. У Ильинской горы начинается знаменитая Шалобалинская писаница.⁵

На юге находится гора Убрус, в переводе с татарского – обрыв возле воды. Она тянется по течению р. Туба от с. Пойлово до с. Шалоболоино.⁶ По другой версии, Убрус – старинный женский го-

ловной убор в виде платка, покрывала. Хакасское понятие «орус» означает «русский». Возможно, старожилы этих мест по каким-либо причинам связывали эти два слова в единое название Убрус.⁷

На западе расположена гора Сарана. Она тянется от д. Петровка (ныне не существует) до Шалоболуно и далее к пгт. Курагино. Слово «ара», с хакасского, – целебный. Вероятно, названию горы дало растение «саранка», которое в обилии росло на горе. Эти растения действительно – целебные.⁸ Корень «сар» в тюркском языке означает жёлтый. Здесь по весне в обилии зацветали жёлтым цветом дикие лилии (саранки). Оба языка указывают на лилию, что и дало название горе.⁹

Существует ещё один вариант названия горы. Саран (сар-ан) – с тюркского наречия это хребты или вершины гор (белки), покрытые снегом поздней весной и ранней осенью. Некоторые жители нашего села считают, что вполне возможно, т.к. снег здесь тает несколько позже, чем в низине.¹⁰ Гора изрезана логами, каждый лог получил название от пашен, которые находились на её вершинах, склонах (Краснов лог, Толпегин лог, Петрухин лог, Печегина, указывая на их бывших владельцев, а также Сухой лог или Сухая речка, Чащина. С восточной стороны Шалоболуно окружает Лысая гора. На ней отсутствует какая-либо растительность.¹¹ Окружённое со всех сторон горами, село расположено в низине горной чаши.

Село расположено в развилке рек Шушь и Тубы. Выбирая место для села, первые жители не смогли поселиться у реки Туба. Река сильно разливалась, поэтому жители селились вдоль реки Шушь (Сушь), что в переводе с тувинского «чачье-су» означает дождевая вода. Берега у реки Шушь высокие, дождевая вода стекала в реку, уровень воды поднимался.¹² По другой версии название реки происходит от хакасского «сус» – утка-крохаль. Ещё в 1960-х гг. в округе было много диких уток.¹³ Но ближе всего третья версия – название реки происходит от языка тувинских татар. «Су» – это корневое слово во многих азиатских языках и переводится как вода, река Вода.¹⁴

Ещё в 1960-е годы жители называли речку Сушь. Позже, когда стали ставить таблички с названиями объектов, она превратилась в Шушь. И так гидроним потерял в новом названии свою истинную привязку к историческому названию.

С южной стороны села протекает полноводная красавица река Туба. По одной версии, название реки Туба (Ула) происходит от тувинского «тубаш», – «главный рукав», т.к. она образуется при слиянии рек Казыр, Кизир и Амыл, стекающих с Саянских гор.¹⁵ По другой – по имени племени «тоба».¹⁶ Третий вариант – название имеет самодийские корни и произошло от слова «Тюб», что в переводе с самодийского (скифского) языка означает, дно реки покрытое галькой.¹⁷

На Тубе в 5 км от Шалоболуно находится п. Усть-Шушь, раньше здесь находился посёлок Заготзерно, куда свозили хлеб для обработки со всей округи. Через Тубу ходили паромы. Протока эта получила название Паромная.¹⁸ В двух километрах от Шалоболуно, находилась Курганчиковская пристань. Жители с. Курганчики заготавливали в тайге лес, сплавливали по Тубе к пристани на плотках, отвозили на лесопилку, которая была ниже по течению, а потом на лошадях перевозили в Курганчики.¹⁹

Протока Грязнуха находится на выезде из села в сторону д. Ильинки. Это протока (рытвина) от воды, образующаяся во время половодья. Она никуда не протекала. Постепенно высыхая, она становилась грязной во время половодья и дождей. Очень трудно было проехать и пройти, поэтому получила название Грязнуха.²⁰

Улицы с. Шалоболуно (годонимы).

Село Шалоболуно застраивалось на протяжении нескольких веков. В настоящее время в Шалоболуно 11 улиц. Они не располагались строго параллельно и перпендикулярно. Одни улицы короче, другие длиннее. Сказывается наличие болот, люди строились там, где были сухие места. До сер. XIX в. в селе проживали казаки, чалдоны (чалдон, челдон – коренной сибиряк),²¹ но с нач. XX в. население села увеличилось за счёт переселенцев разных национальностей. На Первой Мордовской и Второй Мордовской (улицы Кирова и Комсомольская) жили переселенцы из Мордовии. Существовали ещё две Хохлацкие улицы, где жили переселенцы из Украины. На улице Цыганской жила большая семья цыган (ул. Набережная), она располагается вдоль реки Шушь (Сушь). Улица

Гробоносная (Советская). Сейчас это центральная улица села, которая ведёт к современному кладбищу. На Советской улице находятся многие учреждения села.²²

Улица Белая (Партизанская) расположена с запада на восток. Улица небольшая. По словам жителей села, в 1927 г. улица целиком сгорела. Позже были отстроены новые дома (новая, чистая, белая) и она получила в народе такое название. По ней во время гражданской войны входил отряд партизан под руководством Щетинкина, поэтому позже она получила новое название.²³

Улица Гагарина начинается от центра села и направляется на юг к старому кладбищу, которое существовало до нач. XX века. До 1960-х гг. она называлась просто Улица. На ней поселилась семья Тилимова Алексея. В её окрестностях находится песчаная гора, с которую дети называли Тилимовка.²⁴

Улица Большая (улица К. Маркса) получила название по признаку величины – это самая большая улица села. Она начинается с северной части села, потом прерывается площадью и продолжается на юг.²⁵

Улица Боровая (улица Ленина) названа так, потому что находится рядом с бором: начинается от реки Шушь (Сушь) с восточной стороны села и почти упирается в бор.²⁶

Куток – это совсем небольшая улица, она как бы приросла к селу.

В Шалоболдино за церковью называется Куток,

Там живёт Воронин Федя – задумчивый мой дружок.

Каждое поколение меняло фамилию в частушке, в зависимости от фамилии друга.

Улица Попова, ул. Молодёжная, Ул. Профсоюзная – новые улицы, построенные в советское время, названы уже по советским традициям.²⁷ После Октябрьской революции правительство делало все, чтобы лишить народ его прошлого, памяти предков. С этой целью города, посёлки, улицы стали переименовывать. Им давали имена видных деятелей коммунистической партии, общественных организаций или в честь событий этого периода. Мало сейчас кто из местных жителей знает, как назывались эти улицы раньше.

Названия окрестностей села (микротопонимия).

Согласно документам, до революции 1917 г. в селе были две водяные мельницы на реке Шушь. Одна мельница принадлежала Яковлеву (Яковлевская), другая – Шмакову (Шмаковская). В 30-е годы семью Шмакова раскулачили, а мельница была разорена. Яковлевская мельница, построенная ближе к селу, ещё много лет служила жителям.

Выпасы вблизи села назывались «телятниками»: «Солонцы», «За Грязнухой»; «Под Белым Яром». Если жители получали покосные угодья, то ими пользовались несколько поколений, и тогда за покосом закреплялось имя владельца покоса: Дуданцов покос, Емельянов покос.¹²

Зажиточные крестьяне имели большие земельные наделы, много скота. И содержали их на зимках (таборах) (8-10 км). Посевные поля (пашни) имели свои названия, указывая на владельца «Краснов дол», «Толпегин дол». Либо на близость природного объекта – «Чащина», «Дуброва».

По дороге в Курагино с правой стороны от Пойловской грани до Егорьева креста тянется Пьяная полоса. Эту полосу осенью убирали последней. Там и отмечали «отжинки». Домбинский поворот – это опасный поворот по дороге в Курагино, получивший название из-за случая, произошедшего в 1980-е гг., когда в этом месте перевернулся на машине председатель колхоза Домбинский Иван Ильич.²⁸

Река Шушь (Сушь) всегда была полноводной. Мест для купания было много. Купались на «Яме», на «Мельнице», на «Коске», на «Агапке», на «Старом бродике», на «Якова», на «Мостике».

Работая над данной темой, мы узнали много нового и интересного. Мы глубже вникли в историю. Мы узнали, какие народы проживали на территории нашего села.

Мы познакомились со многими топонимами села, многие из которые мы не смогли пока объяснить. Работая со словарями, мы познакомились с отдельными тюркскими, тувинскими, хакасскими словами. Убедились, что проживающим здесь народам свойственна была высокая культура.

2016 г.

Примечания:

- ¹ Словарь русского языка. Ожегов С.И. Москва 1963. – 900 с.
- ² Материалы Шалоболинского музея
- ³ Татарско-русский словарь. 448 с. dic.akademik.ru/
- ⁴ Абрашкина А. «Скифская Русь» <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2377>
- ⁵ Топотимический словарь Амурской области. Академик. 113 с. dic.akademik.ru/
- ⁶ Словарь русского языка. Ожегов С.И. Москва 1963. – 900 с.
- ⁷ Старчевский А.В. Русский и южно-азиатский переводникъ-переводчикъ. Т I и II. Петербург. 1896. Т 2 – 662 с.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Словарь русского языка. Ожегов С.И. Москва 1963. – 900 с.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Материалы Шалоболинского музея.
- ¹² Толковый словарь живаго великорусского языка. Даль В.И. Ленинградское издательство. 2009. – 896 с.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Словарь русского языка. Ожегов С.И. Москва 1963. – 900 с.
- ¹⁵ Толковый словарь живаго великорусского языка. Даль В.И. Ленинградское издательство. 2009. – 896 с.
- ¹⁶ Старчевский А.В. Русский и южно-азиатский пере водникъ-переводчикъ. Т I и II. Петербург. 1896. Т 2, 662 с
- ¹⁷ Словарь русского языка. Ожегов С.И. Москва 1963. – 900 с.
- ¹⁸ Материалы Шалоболинского музея.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Абрашкина А. «Скифская Русь» <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2377109>
- ²² Материалы Шалоболинского музея.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.

Литература:

1. Баранова М. На берегу Енисея мумии. yandex.ru/images
2. Интернет-энциклопедии Красноярского края. [my.krskstate.ru. docs/relief/tuba-reka/](http://my.krskstate.ru/docs/relief/tuba-reka/)
3. Краткое описание приходов Енисейской епархии: Издание Енисейского Церковно-Историко-Археологического общества. Репринтное воспроизведение издания 1916 г. Красноярск: КО РФК ХТО «КРАЕВЕД», 1995. – 148 с.
4. Словарь русских фамилий. Никонов В.А. М. Школа-Пресс, 1903. – С. 224.
5. Статейнов А. Топонимика Сибири. Издательство «Буква С». Красноярск 2008. – 512 с.
6. Татарско-русский словарь. 448 с. dic.akademik.ru/

М.Е. Серебренникова,
г. Красноярск.

Сто лет завещанию Евдокии Петровны Кузнецовой.
(Из истории купеческого рода Кузнецовых)

2013 год стал годом определённых *событий в истории нашей семьи.*

Это: создание схемы родословного древа, новые находки в истории рода купцов Кузнецовых, открытие Дома семейных торжеств в доме Кузнецовых через сто лет после завещания последней владелицы дома Е.П. Кузнецовой – дочери Петра Ивановича Кузнецова.

Родословная схема составлена моим отцом Серебренниковым Евгением Борисовичем. По генеалогическим изысканиям на 2012 г. включает 10 поколений – 144 человека. Родоначальником является Кирилл Кириллович Кузнецов (1753-1833 гг.).

Есть сведения (дневники В.Д. Касьянова.), что дед Петра Ивановича Кузнецова – Кирилл Кириллович – швед, прибывший в Тобольск сиротой при каком-то барине. Мальчика усыновили и дали фамилию Кузнецов. Сына Кирилла Кирилловича – Ивана Кирилловича Кузнецова (1791-1847 гг.)

ещё мальчиком отдали в услужение винных дел откупщику Шестакову, и он переехал в Красноярск. Иван был очень исполнительным и умным, заслужил расположение главы семейства, и тот обучил его грамоте. Разумное ведение дел, умение вести мелкую торговлю и способность к коммерции обеспечили Ивану Кирилловичу капитал. Сначала Иван Кириллович вёл торговлю чаем и пушниной в Кяхте. С 1830-х гг. начал разведку золота. Женился на Ксении Ивановне Коростелёвой. Иван Кириллович Кузнецов был одним из первых купцов первой гильдии города Красноярска.

Его сын Пётр Иванович Кузнецов родился в 1818 году. После смерти отца в 1847 г. все заботы о многочисленном хозяйстве легли на плечи Петра Ивановича. Являясь наследником большого состояния, он успешно продолжил дело отца. Крупный купец-золотопромышленник трижды избирался на должность городского головы, был участником Амурской экспедиции, укрепившей границы России с Китаем. На эти цели выделил огромные денежные средства. Пётр Иванович был членом-соревнователем Сибирского отдела Императорского русского географического общества, крупнейшим меценатом и благотворителем Сибири. На средства Петра Ивановича получили образование многие талантливые молодые сибиряки. Пётр Иванович на свои деньги отправил молодого В.И. Сурикова учиться в Петербург и оплачивал его учёбу. Впоследствии дети Петра Ивановича помогали художнику и дружили с ним. Особенно близкие отношения связывали Иннокентия Кузнецова и Василия Сурикова.

П.И. Кузнецов был основателем Владимирского приюта для девочек-сирот, попечителем городской больницы, построил дом для умалишённых. В 1854 г. был родоначальником проекта уличного освещения спирто-скипидарными лампами. В 1862 г. по инициативе Петра Ивановича открылась телефонная станция и была налажена связь с Иркутском. П.И. Кузнецов пожертвовал средства на колокол для Воскресенского собора. На средства Кузнецовых в городе Красноярске построена часовня, женская гимназия, здание первой аптеки (проспект Мира), первая лечебница, вложены деньги в строительство драмтеатра, множество книг передано в библиотеки города. П.И. Кузнецов был награждён орденами: Св. Станислава II степени, Анны II и III степени. Почётный потомственный гражданин купец первой гильдии П.И. Кузнецов умер 25 декабря 1878 года.

У Петра Ивановича было девять детей. Все получили образование, были меценатами и благотворителями не только города Красноярска, но и других мест – Минусинска, Аскиза.

Александр унаследовал деловую хватку отца, состоял в городской Думе, вкладывал средства в строительство драмтеатра.

Евдокия была попечителем Владимирского приюта, здание которого построила на свои средства, взамен сгоревшего. Спонсировала поездку Н.М. Мартьянова в Европу для обучения музейному делу.

Лев завещал огромные средства на строительство лечебницы.

Иван и Николай обладали деловыми способностями. Иван возглавил компанию Кузнецовых по добыче золота после смерти отца.

Юлия с мужем И. Матвеевым открыли Краеведческий музей в Красноярске, в который и другие братья и сёстры вкладывали средства, и первые экспонаты музея были из личной коллекции Кузнецовых.

Иннокентий Петрович Кузнецов (1851-1916 гг.) – сын Петра Ивановича Кузнецова, приходится мне прапрадедом. Иннокентий Петрович Кузнецов – этнограф, любитель старины, занимался археологией, был членом Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Его научная деятельность была связана со старейшим в Сибири Томским университетом. С 1866 г. путешествовал по Северной Америке, исследуя малоизученные территории страны, быт местных жителей, фауну и флору, делал зарисовки, много фотографировал, вёл дневники. Изучал жизнь индейцев племени Апачи, Вуду штата Индиана. Занимался раскопками курганов в Хакасии. Около 1700 предметов, в том числе и археологической коллекции, И.П. Кузнецова находятся в городе Томске. Он собирал старинные рукописи и редкие предметы. Иннокентий сохранил свои научные материалы, такие, как: «Архив Аскизской степной думы», «Из истории южных частей Енисейской губернии», «Древние могилы Минусинского округа», и другие работы. Он был творческой на-

турой, ставил спектакли и сам участвовал в них. Дружба с великим художником В.И. Суриковым связала этих людей на всю жизнь. Художник неоднократно гостил у Иннокентия Петровича – на прииске Узун-Джун в Хакасии. Встречались в Аскизе, Красноярске и Петербурге. Иннокентий и сам неплохо рисовал, делал зарисовки в своих работах. Писал статьи и книги.

Многие работы после его смерти сохранила его единственная дочь Мария Иннокентьевна Кузнецова (1885-1975 гг.) – моя прабабушка. Она мне много рассказывала о деятельности своего отца, показывала старые фотографии. Мне тогда было 13 лет. Беседы с прабабушкой, длинными зимними вечерами, запомнились на всю жизнь. Много лет я хранила в своей памяти рассказы из истории моего рода. Сорок лет назад я пообещала своей прабабушке найти документы Иннокентия, которые мы считали потерянными. Тогда я ещё не знала, как я это сделаю. И через много лет в 2013 г. я их нашла – это тоже является знаменательной датой в истории нашей родословной.

После смерти своего отца, Иннокентия Петровича Кузнецова, моя прабабушка Мария решила передать его рукописи в музей Мартьянова в Минусинск. Время тогда было беспокойное, пред-революционное. Прабабушка отправилась с детьми в Минусинск на пароходе, спрятав папку с документами под одеждой. При досмотре женщину с тремя детьми обыскивать не стали. Таким образом, рукописи попали в музейный архив и пролежали там почти сто лет. Когда несколько лет назад в архиве наводили порядок, рукописи нашли. По описанию – это та самая папка, о которой мне рассказывала прабабушка. Работники фондов музея мне рассказали, что в последние годы стали обращаться к этим документам археологи и геологи. Видимо, работы Иннокентия Петровича Кузнецова являются интересными для людей этих профессий.

И ещё очень важная дата в истории нашего рода – это открытие Дома семейных торжеств (ЗАГС) в доме наших предков Кузнецовых через сто лет после завещания Евдокии Петровны Кузнецовой (1845-1913 гг.) – дочери Петра Ивановича Кузнецова, последней его владелицы. В 1910 г. Евдокия Петровна завещала: «чтобы дом служил под школу или какое-либо другое просветительное учреждение и носил бы имя Петра Ивановича Кузнецова...».

И действительно после 1940 г. в этом доме какое-то время была школа, затем находилась детская хоровая студия.

28 ноября 2003 г. на доме была установлена мемориальная доска в честь П.И. Кузнецова.

В 2010 г. дом Кузнецовых (проспект Мира, 24) в городе Красноярске был закрыт на реставрацию.

Идея открытия ЗАГСа в доме Кузнецовых принадлежит бывшему губернатору Красноярского края Льву Кузнецову. Губернатор принял участие в церемонии бракосочетания первых трёх пар и лично поздравил их. Нам потомкам купцов Кузнецовых, моему отцу Е.Б. Серебренникову и мне М.Е. Серебренниковой, губернатором Львом Кузнецовым была оказана великая честь – присутствовать на торжественном открытии Дома семейных торжеств 18 мая 2013 года.

Здание является объектом культурного наследия регионального значения, построено в 1870 г., окончательно достроено Е.П. Кузнецовой в 1890-х годах.

Ранее дом был известен красноярцам как «Контора Кузнецова». За время его существования в нём побывало много известных людей, в том числе и Василий Иванович Суриков. Знаменитый путешественник Джордж Кеннан восхищался убранством и красотой этого дома.

При реставрации сохранено расположение комнат, а в цокольном этаже часть коридора оставили в первозданном виде, сохранив кирпичную кладку. Даже рояль в зале торжественных церемоний стоит почти на том же месте, как и много лет назад. Внутренний интерьер очень похож на интерьер дома Кузнецовых кон. XIX – нач. XX вв., только мебель теперь белого цвета, в соответствии с функциональным назначением дома. Много цветов, уютно и торжественно, фотографии Петра Ивановича Кузнецова и его семьи, подаренные потомками, и изящные свадебные статуэтки размещены в красивом шкафчике.

Изысканный интерьер купеческого дома и тёплая атмосфера привлекают сюда людей, готовых создать семью. Большая семья Петра Ивановича Кузнецова является тому примером. Многие молодожёны стремятся зарегистрировать свои отношения именно здесь. Со дня открытия Дома

семейных торжеств до конца 2016 г. таких пар насчитывается почти двенадцать тысяч. Он стал любимым домом молодожёнов не только города, но и края. Через 100 лет завещание меценатки Евдокии Петровны Кузнецовой исполнено. Дом служит людям и является украшением нашего города. А в июле 2016 г. потомок по линии Иннокентия Петровича Кузнецова (мой племянник и внук Евгения Борисовича) Стас Козодой с невестой Ольгой скрепили свой союз брачными узами в родовом доме предков.

2016 г.

Литература и источники:

1. ГАКК. Ф.183. О.1. Д.1398.
2. ГАКК. Ф.599. О.1. Д.1.
3. *Броднева А.В.* Протоиерей Василий Дмитриевич Касьянов. Из дневников 1870-1897 гг». – Издательский дом «Восточная Сибирь. Кн. 2. 2012 – С.173.
4. *Сысоева Л.А.* Во славу любезного отечества. Сибирский печатный двор. 2010. – С.22,34,41,57,60,63,72,99,110.
5. Домашний архив Е.Б.и М.Е.Серебренниковых: Кузнецова (Иконникова) М.И. – из воспоминаний; Серебренников Е.Б. Генеалогические исследования, родословная Кузнецовых.

А.Н.Тимофеев,
г. Красноярск

**Красноярское вольно-пожарное общество.
Опыт организации и роль в истории города**

*«Все действия общества должны клониться к прекращению пожаров,
предупреждению их и облегчению участи погоревших».*

Из Устава вольного пожарного общества¹

Предыстория. Вечером 17.04.1881 г. в Красноярске, во дворе домовладельца Е.И. Потехина по Гимназическому переулку (ныне ул. Вейнбаума, 21) возник пожар. К утру огнём была уничтожена значительная часть города. Полностью выгорели улицы Большая (ныне пр. Мира), Узенькая (ул. К. Маркса), Песочная (ул. Урицкого), Большекачинская (ул. Марковского), здания мужской и женской гимназий, Государственного банка, ремесленного училища, гостинный двор, губернский совет, губернское правление, контрольная палата, 2-я пожарная часть, 16 кузниц, 12 кожевенных завода, 4 мыловарни и 3 водяных мельницы.² Пожарная команда, прибыла к месту тушения лишь через полчаса после начала пожара, хотя находилась в двух кварталах от места возгорания (ныне ул. Ленина № 32). Пожарные не смогли обеспечить подачу воды из-за отсутствия спусков к реке и прямого доступа к воде вследствие нагромождений льда. Огонь прекратился к утру, когда всё выгорело. Во время пожара погибло несколько человек, многие получили травмы и ожоги, сотни горожан, оставшись без крова и средств к существованию, вынуждены были ютиться в шалашах и землянках. Помощь погорельцам в виде денежных пожертвований поступала со всех концов России, был создан специальный комитет по распределению этой помощи,³ однако собранные средства не могли в полной мере возместить ущерб, нанесённый огнём,⁴ и ещё долгие годы в городе ощущались последствия этой катастрофы.

Отметим, что с 16.12.1879 г. в городе было открыто Красноярское вольное пожарное общество (КВПО), в составе которого на 1880 г. числились 4 почётных члена, 62 действительных члена, 149 членов-соревнователей и общий годовой объём членских взносов составлял более 1700 руб.⁵ Как показали события, ни городская пожарная команда, ни КВПО оказались не способными эффективно защитить имущество от огня, и не удивительно, что 1.11.1883 г. КВПО первоначального состава прекратило своё существование.⁶

Возрождение КВПО. В условиях строящегося города, где большинство домов оставалось деревянными, защита имущества от огня сохраняло свою актуальность, и 14 ноября 1899 г. в помещении городской лечебницы (ныне здание Торгово-промышленной палаты, ул. Кирова, 26) состоялось первое учредительное собрание членов возрождённого пожарного общества. Председателем был избран вице-губернатор князь В.П. Урусов, членами: П.К. Гудков, А.Г. Смирнов, П.С. Троицкий, а кандидатами в члены: П.И. Гадалов, Ф.И. Дмитриев, М.С. Кирилов, Е.Ф. Кудрявцев и С.И. Потылицын. Впрочем, уже через 3 месяца, в феврале 1900 г. вместо Урусова председателем был избран П.К. Гудков, членом общества – М.С. Круглов, а начальником дружины – Я.Ф. Тимофеев.⁷

Благодаря активности Гудкова, Тимофеева и Троицкого, в следующем году на Плац-Парадной площади (ныне Красная площадь) было построено здание пожарного депо, конюшня, хозяйственные помещения, приобретены лошади, ручные пожарные машины, конные хода, пожарный инвентарь, и 3 декабря 1900 г. в присутствии членов КВПО депо было торжественно открыто, определён штат людей, выезжающих на пожары.

В 1902 г. на Всероссийском пожарном съезде в Москве с докладом о деятельности выступил П.К. Гудков, и КВПО было принято в члены Императорского русского добровольного пожарного общества.

Была намечена и претворялась в жизнь большая программа предупредительных, технических и организационных мероприятий:

– приобретена в Англии паровая пожарная машина с принадлежностями. (Как показали испытания 8 сентября 1902 г., машина обеспечивала подачу воды с производительностью 400 л/мин. и длину струи до 34 м).

– разработан проект и введен в эксплуатацию городской водопровод в центральной части Красноярска (1914);

– установлен бак для воды в Николаевской слободе;

– начато строительство каланчи в каждом районе города, где её не было;

– разработана система оповещения и введено круглосуточное наблюдение;

– предписано обязательное устройство железных кровель.

Организованы:

– склад железа и пожарных принадлежностей для нужд всей губернии;

– система регулярных тренировок членов дружины с целью отработки навыков тушения огня, для чего при пожарной части был построен гимнастический городок);

– дежурства во время представлений и спектаклей в Народном доме (ныне театр им. А.С. Пушкина);

– ночное дежурство на улицах города.

Разработаны:

– постановление об обязательной очистке дымоходов от сажи в жилых домах города и с этой целью создан специальный отряд, обеспечивающий регулярную чистку печных труб (1901);

– проект электрической пожарной сигнализации;

– правила пожарной безопасности для кинематографов (1909);

– предложения о возведении каменных стен (брандмауэров) и дополнительной посадке лиственных деревьев для защиты строений от огня;

– пороховые погреба 7-го резервного батальона, расположенные неподалеку от жилых домов и железнодорожной станции, по предложению правления КВПО, были перенесены на безопасное расстояние;

– учреждено Общество взаимного страхования.

Опираясь на свой успешный опыт предупреждения и тушения пожаров, правление КВПО в апреле 1902 г. представило Всероссийскому пожарному съезду доклад о замене (!!) полицейских пожарных команд общественными.⁸

Заметим, что в 1913 г. заработная плата составляла: у брандмейстера – 40 руб., у служителя – 18 руб., у сторожа – 15 руб., у машиниста – 10 руб. в месяц.

Поощрения. Правление общества стремилось поощрять своих членов за заслуги и активность в работе. Недобросовестные члены дружины исключались закрытым голосованием (каждый участник общего собрания КВПО при голосовании получал 1 шар, который следовало положить в баллотировочный ящик «За исключение» или ящик «Против исключения»). После смерти председателя правления Гудкова П.К. собрание общества постановило поощрения из фонда ВПО именовать стипендиями им. П.К. Гудкова. Такими стипендиями награждались члены общества, отличившиеся при тушении пожаров или заслужившие поощрения за усердное исполнение своих обязанностей.

Начальники дружины: Дунаев И.С. (14.11.1899-?.02.1900), Тимофеев Яков Фёдорович (? .02.1900-?.11.1912), Башмаков И.Н. (? .11.1912-14.11.1913), Кукушкин С.А. (1913, в течение 3-х месяцев в период отпуска Башмакова И.Н.), Полонский Георгий Павлович⁹ (14.11.1913-1918?).¹⁰

Организация. Члены правления и ревизионной комиссии, начальники дружины и его помощники, цехмейстер и начальники отрядов избирались открытой баллотировкой.¹²

Содействие организации пожарных дружин в губернии. На 1.01.1914 г. по всей губернии существовало 16 дружин. Выездной агент из Красноярска проводил на местах обучение по эксплуатации пожарных машин, по уходу за приемными и выкидными рукавами, раздавал чертежи на зимние водогрейки на пожарный инвентарь (лестницы, багры, топоры) и другой инструмент.¹³

Воспитательная работа. На 1913 г. при дружине был кружок любителей драматического искусства (43 чел.), при содействии которого организованы 3 спектакля «на усиление средств общества», причем чистый сбор от них составил 229 руб. В день празднования 300-летнего юбилея Царствования Дома Романовых дружина принимала участие в городском параде наряду с войсками местного гарнизона. Для пополнения средств КВПО также проводились гуляния на пароходе, в городском саду, в клубе КВПО.

В течение 1913 г. состоялось 3 общих собрания членов Общества. (23.04.13, 24.04.1913 и 21.11.1913), 31 заседание Правления, 17 собраний дружины и 14 заседаний Совета начальника дружины. При депо была организована «Библиотека-читальня Красноярского вольно-пожарного общества имени Петра Семёновича Троицкого» с размещением в зале портрета, в честь его заслуг перед обществом.¹⁴

В 1923 г. проверяющим было отмечено, что дружина имеет свой прекрасно оборудованный клуб, в котором организованы секции: драматическая, музыкальная, хоровая, школьная, художественная, физической культуры. Во всех секциях работа поставлена хорошо, результаты которой всегда можно видеть тут же. Дружиной организованы краткосрочные курсы пожарных техников, которые предполагается преобразовать в пожарно-техническое училище, с целью дать деревне квалифицированных пожарных руководителей. В клубе имеется библиотека и читальня, в которую выписываются 9 столичных газет, 2 местных и от 15 до 20 журналов.¹⁵

Коллективные награды КВПО, полученные от Совета Императорского Российского Пожарного Общества (ИРПО) за высокое мастерство и усердие:

– диплом 1-й степени на пожарной выставке «за широкое осуществление предупредительных и оборонительных мероприятий» (СПб, 1912);

– малый золотой жетон за 1-е место в соревнованиях на Всероссийском съезде пожарных (г. Томск, 1914).

Индивидуальные награды и поощрения производились за высокое мастерство и усердие (поименный список поощрений членов КВПО, содержит более 170 записей) и включает:

Единовременные денежные премии (обычно накануне православных праздников);

– стипендии имени П.К. Гудкова (учреждены в 1909 г.);

– похвальный отзыв;

– знак отличия – нагрудный знак (бронзовый или серебряный);

– медали для ношения на груди с надписью «За усердие»: серебряные на Станиславской ленте и золотые на Анненской ленте;

– звание личного почётного гражданина (было пожаловано Якову Тимофееву (бессменный начальник пожарной дружины в течение 12 лет, член правления КВПО) и Фёдору Хомичу (брандмейстер);

– звание потомственного почётного гражданина было пожаловано Фоке Иванову (правда, он долго не мог получить эту награду, т.к. в наградных документах была допущена ошибка: вместо имени Фока был указан Фома).

В 1933 г. тушение пожаров по всей стране было передано в ведение профессиональных пожарных команд, а добровольным дружинам оставлено право заниматься только пожарно-профилактической работой.¹⁵

КВПО после 1899 г. – уникальный пример эффективной работы общественной организации по сохранению личного имущества, предупреждению возгораний, тушению пожаров и существовавшей на собственные средства.

В дореволюционном Красноярске это общество было самой массовой и уважаемой организацией, сочетавшей хозяйственные, коммерческие и воспитательные цели.

В организационном плане КВПО – структура, функционировавшая на принципах единоначалия при тушении пожара и демократического централизма при решении организационных вопросов.

Источниками дохода КВПО были: членские взносы, пожертвования, субсидии, доход от развлекательных мероприятий (гуляния, маскарады, спектакли, лотереи и др.), прибыль от коммерческих подразделений (магазин по продаже кровельного железа и скобяных изделий, услуги кузнецов, трубочистов, водовозов и др.).

Система организации КВПО в дореволюционном Красноярске может служить моделью для добровольных пожарных дружин в настоящее время.

Отметим, что во многих странах (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Италия, США, Финляндия, Франция) и ныне существуют добровольные пожарные организации. В Бельгии почти вся пожарная охрана страны состоит из добровольных пожарных. Они пользуются достаточно серьезными льготами.¹⁶

6 мая 2011 г. в России вступил в силу Федеральный Закон «О добровольной пожарной охране», устраняющий формальные препятствия для повсеместного создания добровольных пожарных дружин и, по сути, к возрождению ранее действовавших местных структур, что позволит защитить самые отдалённые населённые пункты России, которые пока остаются неприкрытыми. Пожары последних лет, бушевавшие на огромных территориях Сибири и Дальнего Востока, как известно, нанесли огромный ущерб хозяйству страны, и возрождение добровольных пожарных дружин представляется крайне важным.

2016 г.

Примечания:

¹ Устав вольного пожарного общества в г. Красноярске Енисейской губернии. – Красноярск, 1876. с.5.

² Диораму, на которой показано развитие событий той ужасной ночи, можно увидеть в Музее пожарной охраны (ул. Мира, 68. Главное управление МЧС России по Красноярскому краю).

³ Действие комитета по раздаче пособий погорельцам г. Красноярска. – Красноярск. Типография Гоштовт, 1882.

⁴ 4 млн. рублей. См. Артур Миханев. Красноярск горел дважды. // Аргументы и факты на Енисее. № 15 (1848). 13-19.04.2016. – с. 27.

⁵ Отчёт Красноярского Вольного Пожарного Общества, Енисейской губернии за 1880 год. – Красноярск, Енисейская губ. типография, 1881.

⁶ История пожарной охраны Енисейской губернии до 1917 года. – Красноярск, 2015. – с. 46; 6, с. 62.

⁷ Комаров С.Ю., Волков В.И., Кабанов В.С. Пожарная охрана Красноярского края. 1853-2003. Летопись. – М.: 2003. – с. 63.

⁸ Отчёт Красноярского вольно-пожарного общества за 1902 год. – Красноярск, 1903. – с. 3.

⁹ К избранию предлагалась также кандидатура Тимофеева Я.Ф., но ввиду его категорического отказа по слабости здоровья, был выбран Полонский.

¹⁰ Отчёт о деятельности Красноярского вольно-пожарного общества за 1913 год. – Красноярск, Типография б. М.И. Абалакова, 1915. – с. 73.

¹¹ Там же. С. 62-63.

¹² Там же. С. 2, 6.

¹³ Там же. С. 4-5, 71, 73.

¹⁴ Пожарное дело. № 1, 1.07.1923. – Красноярск.

¹⁵ Год указан по воспоминаниям ветеранов пожарной охраны.

¹⁶ Электронный ресурс. Режим доступа. <http://59.mchs.gov.ru/info/detail.php?ID=4012>

И.Г. Фёдоров,
г. Дивногорск

К истории возникновения и становления села Овсянка

У каждого города, села, так же как и у каждого человека, есть момент рождения и затем период становления. Очень часто, именно на этом этапе, предопределяется вся дальнейшая судьба, как человека, так и поселения. Для Овсянки, родины великого русского писателя Виктора Петровича Астафьева, момент рождения произошёл в XVII в., а период становления пришёлся на век восемнадцатый. Нам всегда интересно понять – что же такого необычного есть в той земле, сумевшей породить человека, повлиявшего своим талантом на умы и судьбы миллионов россиян. Какие люди здесь проживали, чем занимались, как хранили традиции и обычаи предков, что привнесли нового?

Как неумолимо быстро летит время, и с какими только парадоксами мы не встречаемся на его пути. Ровно 20 лет назад Овсянка отпраздновала 390-летний юбилей, а нынче в сентябре торжественно отметили 345 лет. Овсянка, бесспорно, уникальное село, но не до такой же степени, чтобы вести своё летоисчисление в обратном направлении. Всё конечно проще, просто историки за основание Овсянки брали разные даты.

Мне довелось быть непосредственным участником этого захватывающего исторического детектива. Двадцать лет назад, в том, уже далёком 1996 г., я преподавал на историческом факультете в Красноярском государственном педагогическом университете, вёл занятия по латинскому языку и истории античного мира. История родных мест, казалась мне совершенно изученной и в профессиональном плане малопривлекательной. Это ведь лишь с годами приходит осознание того, что нет ничего на свете интереснее истории того места, где ты родился.

Но после того как с большой помпой состоялось празднование 390-летия Овсянки, с участием губернатора, администрации и общественности края, у нас, на факультете прошло внеочередное заседание. Конечно, в те «лихие 90-е годы» наша жизнь была полна разными неожиданностями, но такое... Возмущению историков не было предела. Не прошло и полгода, как Красноярск отметил свою 367-ю годовщину, а тут вдруг 390 лет его подгородному селу. «Почему тогда не 400, или сразу не 500 лет?» – вопрошали самые саркастичные. И, естественно, все обращались ко мне, так как я был единственным представителем Дивногорска, – мол, как ты-то допустил такое. Но когда схлынули эмоции, вдруг выяснилось, что точных исторических свидетельств основания Овсянки попросту нет и на вопрос, сколько же ей на самом деле лет, не смог дать ответ даже убелённый сединами профессорский состав. Тогда Совет факультета поручил профессору Г.Ф. Быконе, как самому видному знатоку сибирской истории, и мне, как уроженцу этих мест, изучить данный вопрос и представить чёткий ответ о дате основания Овсянки. Для меня это поручение оказалось судьбоносным. Я всерьёз, и, наверное, на всю жизнь увлёкся историческим краеведением, что резко изменило мою профессиональную ориентацию, а вскоре привело к смене профессии (десять лет я работал директором Дивногорского городского музея).

Своё исследование мы начали с изучения всех опубликованных источников и выявили, что более ранних упоминаний Овсянки, чем 30 сентября 1671 г., в общеизвестных «Переписных книгах города Красноярска и Красноярского уезда 1671 года» – нет.¹ Второй этап, наиболее трудоёмкий и затратный, изучение неопубликованных документов, хранящихся в архивах. Главным таким архи-

вом является Российский государственный архив древних актов (РГАДА) в Москве. В фонде Сибирского приказа сохранились подлинные документы первых десятилетий истории нашего края, тогда как оставляемые на местах копии, безвозвратно погибли. Ведь пожары для красноярского и енисейского архивов были обыденным делом, особенно перед очередной московской ревизией. В общей сложности мы проработали в РГАДА более полугода, изучив более тысячи различных документов. Вывод был малоутешительным: до 1671 г. Овсянка не упоминается в официальных документах. Но отрицательный результат – тоже результат.

Поэтому с полной уверенностью можно утверждать – первое упоминание об Овсянке датируется 30 сентября 1671 г., и, согласно историческому принципу, эта дата и является датой основания. И хотя вопрос о времени возникновения Овсянки по-прежнему во многом дискуссионен, с уверенностью можно утверждать то, что Овсянка появилась между 1667 и 1671 годами. Нижней временной границей является 1667 г., когда произошёл наиболее ожесточённый набег на Красноярский острог объединённых отрядов джунгаров, киргизов и тубинцев во главе с Сенге-тайшей. Красноярск был на волосок от гибели, а все окрестные деревни и селения были сожжены. Красноярцам всё же удалось выстоять. Храбрость и отчаяние красноярских казаков, их техническое превосходство в вооружении оказались сильнее агрессии честолюбивых южных соседей. В челобитной, поданной казаками царю, в перечне сожжённых и разорённых деревень и заимок Овсянка отсутствует, что указывает на то, что её тогда ещё не существовало.²

Что касается названия «Овсянка», в этом вопросе тоже нет однозначного ответа. На наш взгляд, наиболее достоверным является следующее. В 1660-е гг. в Красноярском остроге проживал казак Ивашко Овсянкин. Возможно, именно он был первым жителем на том месте, где сейчас находится Овсянка, и по его прозвищу-фамилии, названы и речка Овсянка и место, где в 1671 г. проживали семь «служивых человек» с семьями, да ещё один на Усть-Мане.

Приведём полностью поименный список первонасельников Овсянки: казаки конной сотни «Коземка Клементьев сын Арзамасец», да братья Маловы «Ивашко Фокин, сын Малово, с сыном Онтонком 10 лет да Алёшка Фокин, сын Малово». Пешие служилые люди – казаки отец и сын Софьины жили одним двором: «Федька Юрьев, сын Софьин, с сыном Ивашко 17 лет, да Ивашко ж 11 лет и Якунька Фёдоров, сын Софьин». Казаки «Федька Яковлев сын Коркунов», да «Лучка, сын Кривогорницы» жили отдельными дворами. Кроме них имелся двор «черкаса», то есть ссыльного малороссийского казака «Тимошки Ларионова сына Тюменца, а у него два пасынка: Спирка 10 лет, да Тишка 7 лет». Судя по семейному составу, первыми, возможно, пришли отец братьев Маловых – Фока (умерший до 1671 года) и Фёдор Софьин, имеющий трёх сыновей, в том числе взрослого на службе казака. В пользу этого говорит и название речки Овсянки, которую местные жители до сих пор именуют Фокиным ручьём.³

Анализируя историческую обстановку вт. пол. XVII в. можно утверждать, что на устье р. Овсянки (как она всегда именовалась в официальных документах) красноярские власти перевели группу казаков с семьями для «предосторожности», то есть прикрытия города и принадлежащих красноярцам сельскохозяйственных угодий на правобережной округе. Именно поэтому и чисто казачий состав жителей, хотя в селениях севернее и восточнее Красноярска в это же время жили, кроме казаков, посадские люди, крестьяне, гулящие и прочий набродный люд. Овсянка являлась небольшим острожком, хорошо вооружённым и вплоть до нач. XVIII в. остававшимся самым южным форпостом русских на правом берегу Енисея, причём число дворов неизменно увеличивалось.

Что касается первых насельников Овсянки, выделим, что двое из восьми служилых людей относились к элитной прослойке жителей Красноярского уезда – к конной сотне. Годовой оклад у Козьмы Арзамасца и Ивана Малова был по 7 руб. 25 коп., тогда как у остальных, включая и черкаса Тимофея Тюменца, по 5 рублей. Кроме денежного жалованья казаки получали и продовольственный оклад: 6 четей одной осьмины ржи, 1 чети крупы, 2 четей овса и 1 пуда соли.⁴ Заметим, что одна четь, в конце XVII в., равнялась 8 пудам (128 кг).

Несмотря на постоянную угрозу набегов со стороны енисейских киргизов, овсянцы сразу же стали активно осваивать окрестные земли. К концу XVII столетия запашка составляла более 36

десятин в поле, а покосы тянулись в степи по р. Мане и её притоку Сарату. По сути, река Мана являлась южной гранью земледельческой колонизации русских в Красноярском уезде, за которой начинались «немирные земли» с их воинственным, кочевым и не склонным к земледелию населением. А вскоре овсянцы обзавелись и собственной мельницей. По соседству с Овсянкой, в устье речки Слизнаевой (в документах XVII в. Слижневой) завёл хозяйство атаманский сын Иван Злобин. На его усадьбе стояли изба на подклети, амбар, баня и повыше избы, на «Слижневой речке» – мельница, на которой вместе со Злобиными работали и несколько холопов-новокрещенов. Из скотины имелось четыре коровы, два телёнка – и что удивительно, две свиньи с поросятами. Свиньи в то время в Красноярском уезде были ещё большой редкостью. Впоследствии хутор вместе с мельницей Злобиными был заброшен.

Характерной чертой Овсянки была и её изначальная многонациональность. Уже среди первоначальников наряду с русскими казаками были и малороссийские (украинцы), а в нач. XVIII в. в Овсянке поселяются и обзаводятся пашней два новокрещена – один «мугал» да один «калмак». Чуть позже из Ясаулова переселяются потомки польского иноземца Яна Станковского.

В самом кон. XVII в. Овсянка появляется на географических картах. В составленной в 1701 г. «Чертёжной книги Сибири» тобольским сыном боярским Семёном Ульяновичем Ремезовым, обозначены и деревня Овсянка и речка Овсянка. Отметим тот факт, что и в русском, и в латинском начертаниях Ремезов пишет в названии речки и деревни корневую гласную «е», то есть Овсенка (Ovsenka), а не Овсянка, как во всех остальных документах XVII-XVIII веков.⁵ На наш взгляд, на карте Ремезова допущена элементарная описка. Материалы по Красноярскому уезду были представлены в Тобольск в 1697 году. Готовились они в Красноярской воеводской канцелярии, где очень хорошо знали как пишется слово «Овсянка». Ошибка в написании, скорее всего, была допущена самим Ремезовым, он ведь никогда не бывал в Красноярском уезде. Тем не менее, на карте Ремезова достаточно чётко зафиксировано местоположение деревни Овсянка, а также соседствующих с ней географических объектов: реки Мана, речки Слизнаева – на правом берегу; речки Бирюса – на левом берегу. Кроме того зафиксированы и соседние населённые пункты, и в частности, ближайшая к Овсянке – деревня Атаманово на р. Слизнаевой.

Отметим, что точное географическое положение Овсянки было впервые определено Д.Г. Мессершмидтом в 1722 году.⁶

Возвращаясь из Саянского острога в Красноярск, 3 октября 1722 г., в полдевятого вечера, Мессершмидт прибыл в Овсянку. Здесь он задержался на три дня. Главной причиной задержки было желание уточнить географическую широту, но 4 октября, в четверг, облачная погода не способствовала астрономическим измерениям. Зато 5 октября, в полдень, при ясной, солнечной погоде Мессершмидт сделал все необходимые измерения и вычислил точную широту – 5600'???. Таким образом, благодаря Мессершмидту, Овсянка в числе немногих русских населённых пунктов, обрела своё точное географическое положение в европейских атласах уже в XVIII веке.⁷

Первая половина XVIII в. характерна для всего Красноярского уезда активной переселенческой деятельностью. После подписания Кяхтинского мирного договора, расширившего русские владения до самых верховьев Енисея, волна русских переселенцев устремилась на юг – заселять плодотворные земли Хакасско-Минусинского края.

Не остались в стороне и овсянцы. Например, только за 1722-1747 гг. из Овсянки вышло 39 душ мужского пола. Они поселились в пяти южных деревнях (Онаш, Беллык, Байкалова, Юшкова, Еловская). В свою очередь Овсянка также активно принимала переселенцев. В целом население Овсянки колебалось от 120 до 150 душ обоего пола. Обращает на себя внимание тот факт, что из первоначальников в XVIII в. в Овсянке остались только конный казак Иван Фокич Малов с семьёй, да казак Лука Савич Кривогорницын (Кривогоркин). В более поздних документах потомки Ивана Малова именуются Фокиными.

В 1730-е гг. большинство овсянских казаков по Указу Ея императорского величества Анны Иоанновны были записаны в пашенные крестьяне. Так государство «отблагодарило» тех, кто долгие годы жил на самой границе русских владений с «немирными землицами», верно охраняя рубежи

империи и постоянно рискуя при этом жизнью. Поэтому наряду с прочим податным населением Красноярского уезда овсянцы использовались на строительстве первых в крае заводов – Луказского медного завода на р. Тубе и Ирбинского железодельного на р. Ирбе. Ежегодно с 1739 по 1743 гг. вчерашние овсянские казаки, а ныне пашенные крестьяне в зимне-весеннее время «на лошадях, со своими кормами» работали на подвозе руды, дров, древесного угля, сооружении и ремонте плотины. С 1740 г. в зачёт заводских работ крестьяне пахали под овёс для казённых лошадей по 10 десятинам пашни на каждом заводе. Впрочем, овсянцы пополняли ряды не только сельских жителей края, но и стремились в город. Любопытно, что семья одного разночинца из Овсянки в те же 1730-е гг. переселилась в Красноярск, влившись в посадское население. Достаточно оригинальной была и профессия недавнего сельского жителя – цирюльник.

Во второй половине XVIII в. появился в Овсянке, как и во многих селениях уезда, хлебный «мангазейн». Большие хлебные склады – «мангазейны» – являлись одной из мер, облегчавшей устройство поселщиков в связи с возникновением Московского тракта. По сути, это были хлебозапасные ссудные магазины, куда все крестьяне и поселщики бесплатно сдавали на случай неурожая по одному или по половине четверика ржи с ревизской души. А находился «мангазейн» в центре села, на берегу речки Овсянки, на левом берегу, напротив того места, где ныне находится часовня Иннокентия Иркутского.

Рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть все аспекты насыщенной событиями истории Овсянки, поэтому позволим себе перейти к основным выводам.

Первое упоминание Овсянки в официальных документах относится к 30 сентября 1671 года. Поэтому именно этот день следует считать – Днём основания Овсянки. Среди первоначальников Овсянки основная роль принадлежала казачьему клану Маловых – Фоке, его сыновьям и внукам. Впоследствии, при первой ревизии переписи населения проведённой по указу Петра I, Маловы были переименованы в Фокиных. Первоначально Овсянка являлась казачьим форпостом, прикрывавшим Красноярск с юго-запада. Несмотря на казачий состав населения, овсянцы с первых лет активно занялись земледелием. Но основным занятием жителей, после несения военной службы, являлся охотничий и рыболовный промысел. На географических картах Овсянка впервые появляется в нач. XVIII века. Причём, благодаря измерениям Д.Г. Мессершмидта, точное географическое положение Овсянки фиксируется в европейских атласах. Наряду с традиционными чертами характера, присущими всем сибирякам – основательностью, гостеприимством, свободолобием у овсянцев проявляются и своеобразные черты. Они склонны к перемене мест и освоению новых земель (выходцы из Овсянки основали 5 новых деревень). Они склонны заниматься не совсем обычными для Красноярского уезда ремеслами (цирюльничество и судостроительство).

2016 г.

Примечания:

¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 217-230.

² Город у Красноярского Яра: Документы и материалы по истории Красноярска XVII-XVIII вв. / Составители и авторы комментариев Г.Ф. Быконя, Л.П. Шорохов – Красноярск: Кн. изд-во, 1981. – С. 53-56.

³ Фёдоров И.Г. История села // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: Сб. материалов I междунар. науч. конф., посвящённой творчеству В.П. Астафьева. Красноярск, 7-9 сентября 2004г. / Отв. ред. Г.М. Шленская. – Красноярск: ИЦ КГУ, 2005. – С. 210.

⁴ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 74-75.

⁵ Ремезов С.У. Чертёжная книга Сибири, составленная сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. – СПб.: Археографическая комиссия, 1882. – Л. 15 (ei).

⁶ Фёдоров Я.И. История Овсянки XVII-XVIII вв. по официальным документам и свидетельствам очевидцев // Социокультурное освоение Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2-5 декабря 2014г. – Красноярск: Резонанс, 2014. – С. 83.

⁷ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 1. Tagebuchaufzeichnungen 1721-1722. – Berlin, 1962. – 379 S.: 10 Ab. S. 332.

М.П. Шоева,
г. Абакан, Республика Хакасия

Батени – точка невозврата

Судьба попавших в зону затопления Красноярского водохранилища сёл волновала давно. Ведь под толщей воды скрыта история многих населённых пунктов. Сегодня только по редким фотографиям из семейных архивов можно увидеть, какими были церкви, улицы деревень. На нашем телевидении есть замечательная передача «Точка на карте», а как быть с теми деревнями, где уже не поставишь точку на карте? Так и появилось название темы выступления «Батени – точка невозврата».

Почему темой исследования стали Батени? Летом 2016 г. семья Итекпаевых передала в фонды ХНКМ им. Л.Р. Кызласова значительное количество костей мамонта из Первомайского. Весной 2017 г. музей организовал туда однодневную экспедицию. Тут-то и выяснилось, что село Первомайское находится в двенадцати километрах от места находки. А найдены кости на берегу Красноярского водохранилища около бывшего села Батени.

Удивительное это место. Здесь когда-то обитали мамонты и шерстистые носороги, в сер. III тыс. до н. э. обособленно жили «афанасьевцы», неподалеку, у ручья Таштык, были две палеолитические стоянки таштыкской группы. А чуть более 50 лет назад не по своей воле это место покинули наши современники «батеневцы». Неумолимое время всего за полвека стерло следы их пребывания. Не осталось ни каменной церкви, ни пристани, ни домов, ни ферм. Всё было снесено и зачищено под ложе водохранилища.

При исполкоме Хакоблсовета в конце 1961 г. был создан специальный отдел. Он занимался подготовкой ложа водохранилища Красноярской ГЭС. На территории Хакасии в зону затопления попадали населённые пункты Усть-Абаканского и Богградского районов. В Богградском районе, кроме Батеней это Усть-Ерба, Сарагаш, Копены, Абакано-Перевоз, Старо-Ново-Чёрное, центральная усадьба фермы Советская Хакасия, фермы Енисейская и Комсомольская.

В квартальных и годовых отчётах отдела по подготовке водохранилищ отмечается, что уже перенесено или снесено, что ещё предстоит сделать. В отчёте за четвертый квартал 1962 г. по селу Батени отмечается, что под снос и переселение попадает 68 индивидуальных строений, 46 – государственных и одно кооперативное. В следующем – уже снесено шесть строений, а перенесено пять. И так во всех справках и отчётах скрупулезно по каждому населённому пункту подводятся итоги работы. Например, в ноябре 1966 г. отмечается, что полностью переселены жители из населённых пунктов фермы Енисейской, Сарагаша, Усть-Ербы, Старо-Ново-Чёрное. Лишь в Абакано-Перевозе оставалась семья в количестве двух человек, глава которой являлся работником гидрометеослужбы.

Что касается Батеней, то по данным на 1 января 1967 г. население было переселено полностью. Кроме жилых домов здесь попадали под снос отделение связи, церковь, из строений совхоза: кузница, два свинарника, телятник, коровник, амбар. В зиму оставались только два строения, задействованные для сохранения кормов, и сторожка. Вне территории находилась кошара-овчарня, которая тоже подлежала ликвидации, но была задействована под зимнее содержание овец. Оставались остатки строения свинарника и незначительное количество перегона, который должен был перепахан.

Когда территория освобождалась, производилась её планировка и очистка, т.е. заравнивались все ямы и траншеи (погребя, подполья, уборные), и от населённого пункта оставалась ровная зачищенная площадка. Эти работы были проведены и в Батенях. Кроме того, здесь обработали один сибирio-язвенный скотомогильник. Зачистили, и словно и не было никогда Батеней. Правда, до последнего не сносилась церковь. Из отчёта в отчёт отмечалось, что церковь уходит под снос, сумма выплат за неё 1889 руб. 39 копеек. Уже и аванс был выплачен в сумме 919 руб. 69 коп., но церковь стояла. Автор знала, что церковь взорвали, но читая отчёты, не верилось в это до последнего. Всё-таки это памятник архитектуры, построенный в 1880 году. Перестала существовать и Батенев-

ская пристань, где когда-то причаливали пароходы Н.Г. Гадалова и А.М. Сибирякова. Пристань встречала пассажиров, пересаживавшихся с пароходов в конные повозки. В их числе были люди известные, это Вера Арсентьевна Баландина с сестрой Марией Арсентьевной Глебовой и мамой Александрой Михайловной Емельяновой (фотография 1892-1893), художник Василий Иванович Суриков с дочерью Леной (1909) и многие другие.

Несведущему человеку трудно представить, где же было село со звучным красивым названием, где была пристань, гора Афанасьева? Почему так село называется? На просторах Интернета нашлось три населённых пункта с одноименным названием. Это деревня в Берёзовском районе Пермского края. Деревня Батени в Исетском районе Тюменской области и Батени в Боградском районе Хакасии.

Первоначально было предположение, что название произошло от Батеневского кряжа. Но в статье А.М. Малолетко «К топонимии Уйбатской степи», отмечается, что хребет назван по селу Батени. А название села восходит к фамилии первопоселенца. Статья вызвала сомнения. Засомневалась, а что же первично? Названия кряжа или населённого пункта? Первые упоминания о Батенях, находившихся на Ачинско-Минусинском тракте, появились довольно поздно, только в 1782 году.

Андрей Звягин в исторических очерках «Искитимские покорители сибирской земли» считает, что Батеневский хребет длиной в 100 км, назван в память о Батеневе. Аналогичная информация обнаружена в материале А.И. Оборкина «110 лет с начала Русско-Японской войны». Здесь уже имеется ссылка на человека с конкретной фамилией: «Первым из известных нам Батеневых является безымянный служилый человек Батенев, дошедший с отрядом русских землепроходцев в середине XVII столетия до реки Енисея. В память о нём сослуживцы называли Батеневским горный хребет на левобережье Енисея (ныне Батеневский кряж на территории Хакасии)». Из этого следует вывод, что изначально в сер. XVII столетия, было дано название горному хребту. Остаётся ещё один вопрос без ответа: откуда пошло название утеса Батень, обозначенного на картах Батеневским.

Был ли такой житель в Батенях, либо служилый человек только дошёл до Енисея, неизвестно. Первопоселенцами местные жители считают Вакулиных, Худяковых, Полинцевых. Кстати, Вакулины (5 душ), значатся как первопоселенцы деревни Быскар, приписанной к Абаканской волости с 1735 года. Среди первых переселенцев был Вакулин Елизарий. Позднее они вполне могли обосноваться в Батенях. Известно, что зажиточные жители села Полинцевы в 1930-е гг. были осуждены и сосланы на спецпоселение. Один из них Егор Андрианович Полинцев 1893 года рождения.

В 1874 г. жителями Батеней были Сидор Иванов(ич) Иванов с женой Марией Ивановой. В метрической книге 1869 г. в восприемниках записан крестьянин села Батени, поляк Никита Семёнов Кожуховский. В записях за 1903 г. значится его сын крестьянин Иоанн Никитин Кожуховский. Интересна биография священника Батеневской Богородицкой церкви Никанора Симеонова Удальцова. В селе Батеневском. он служил с 1883 года. В разные годы его награждают набедренником, скуфьей, камиловкой. 28 октября 1914 г. был назначен священником 1 лазарета и участвовал в походах и делах против австрогерманцев до 19 февраля 1918 года. За участие в походах награждён орденами Святой Анны 2 и 3 степени, орденом Святого Владимира 4 степени. После возвращения из командировки он продолжал служить в Батеневской церкви.

В поисках дошедшего до Енисея Батенева решила просмотреть книги «Красноярск изначально» и «Ослушники государевы» Леонида Васильевича Безьязыкова, в которых есть ссылки на документы 200-летней давности. Батенева я, конечно, не нашла, а вот сам Леонид Васильевич родился в 1930 г. в селе Батени. «Отец мой, Безьязыков Василий Яковлевич, был мелким кустарём одиночкой (шорником). Мать, урождённая Терскова Антонина Ивановна в то время была домохозяйкой», – написано в его автобиографии.

Невозможно назвать все имена, рассказать обо всех, чья судьба связана с исчезнувшим селом. В списке населённых мест Енисейской губернии на 1859 г. в Батенях значится 40 дворов, 167 душ мужского пола, женского – 134. По данным 1922 г. в Батенях насчитывалось 121 хозяйство, душ мужского пола – 302, женского – 298. По сведениям отдела по подготовке зоны затопления здесь

вместе со строителями, строившими для переселенцев новые дома и фермы, проживало 150 семей, всего – 560 человек.

Много лет историей своего района занимается краевед, автор книги «Стремена судьбы» Антонина Ивановна Баус. Она и стала главным помощником, познакомила со старожилом Батеней Анатолием Антоновичем Ульяновым, представила редкие фотографии и пр. Мы восстановили с ней имена сельчан, на снимке у церкви. Это семья Куртияковых, тётя Паша Морозова, Валя Востроженко с дочкой Тамарой. На следующей фотографии из архива Райзы Перфильевны Злотниковой у церкви её сестра Фаина Федотьевна Галямова.

Вместе с семьёй Баус в декабре прошлого года мы совершили экскурсию в прошлое, на место, где было село Батени. «За озером Горькое были батеневские поля. Где-то там должен быть столб с указателем, – поясняет Андрей Андреевич Баус, – а там проходил старый тракт». Так вместе с попутчиками мы возвращались в прошлое села.

На берегу нас ждала встреча с приехавшим на рыбалку Анатолием Антоновичем Ульяновым. Благодаря ему удалось представить, каким было село: «Вот здесь, напротив Пропащего лога, в двухстах метрах по прямой от Чирия и было село Батени. Улиц было две – Верхняя и Нижняя, между ними – три переулочка. Один из них Сенокосный, остальные безымянные. Длина улиц около километра. Афанасьевы возле школы жили. Крайние на горке Анашкины. Зажиточно жили. У них был граммофон и фотоаппарат. У нас патефон был, в войну мы его на четыре мешка мёрзлой картошки сменяли. Жили в селе Полевы, Мухины. Помню повитуху бабку Гусарову... Церковь стояла на взгорке. В этой церкви меня и крестили. Родился в Ильин день и имя мне дали Илья, но отец как-то договорился со священником. В 1943 году потребовали колокола с церкви снять. Снимал их Валентин Мигунов. Уже перед затоплением церковь взорвали. Из кирпичей два магазина построили. Брёвна в церкви из кедрача были. Крепкие, аж, звенели, я из них сени потом построил».

От него мы узнали имя ещё одного из сыновей старожилы Никиты Семёновича Кожуховского. Это Кирилл Никитич Кожуховский.

«Там где теперь Чирий, место называлось Седелка. Батеневцы ходили через Седелку на мельницу к Кириллу Никитичу. Он не только мельником был, но и мастером на все руки. А как дружно все жили! В троицу собирались в Венешном логу. И пели, и танцевали, а общение какое было!» – подобные воспоминания о прошлом дорогого стоят.

Анатолий Антонович помнит, что должны были снести или перенести в другое место 74 дома. Из этого количества 14 домов были перенесены в село Первомайское. По словам Ульянова сегодня из них осталось только 12. Дома эти находятся на улице, носящей имя Дмитрия Павловича Потылицына (1908-1944), родившегося в селе Батени. За успешное форсирование р. Днепр капитану Д.П. Потылицыну было присвоено звание Героя Советского Союза. Для переселенцев в селе Первомайское были выстроены и новые дома на Зелёной и Механизаторской улицах. В итоге большая часть батеневцев переехала в Первомайское, но кто-то уезжал в Боград, Бородино, дядя Анатолия Антоновича перевёз свой дом в Лепёшкино.

«Перекрытие реки Енисей при строительстве Красноярской ГЭС осуществлено 25 марта 1963 года. Наполнение Красноярского водохранилища началось 18 апреля 1967 г. с наступлением интенсивного снеготаяния. 7 августа 1970 г. водохранилище наполнилось до нормального подпорного уровня». Сейчас место, где было село Батени, находится на глубине двенадцать метров, а там, где находилась церковь, глубина семь метров.

2017 г.

Литература:

1. *Безъязыков Л.В.* Красноярск изначальный. – Красноярск; Красноярское книжное издательство, 1978. – 190 с.
2. *Безъязыков Л.В.* Ослушники государевы. - Красноярск; Изд-во «Буква», 2003. – 160 с.
3. *Малолетко А.М.* К топонимии Уйбатской степи (Хакасия) /А.М. Малолетко // География и природопользование Сибири/под ред.Г.Я. Барышникова 2. – 2014. – Вып.17. – С.101-104.

4. Звягин А. Искитимские покорители Сибирской земли: исторические очерки /А.Звягин// 5-ый разъезд : историко-публицистический и литературно-художественный альманах. – Искитим, 2008. – С.18-44.

5. *Оборкин А.* 110 лет с начала Русско-японской войны 1904-1905 гг. [Электронный ресурс] / А. Оборкин // Образование и православие. – URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/18310> (дата обращения: 03.02.2018).

6. Навигационно-гидрографический очерк к карте Красноярского водохранилища от порта Абакан до Красноярской ГЭС, 1975. – С.2.

7. Интернет-ресурсы. Прокуратура Красноярского края [База данных Красноярского общества «Мемориал»]

8. ГКУ РХ «Национальный архив» .Ф.Р-644. О.1. Д.7, 10, 18.

Л.И. Белоусова,

г. Абакан, Республика Хакасия

Первое краеведческое общество в селе Усть-Абаканское (1928 г.)

Председатель Минусинского окружного исполкома Цыганков, на открытии общества краеведения в г. Минусинске, дал точное определение деятельности краеведческих обществ в 1920-е годы: «Нельзя жить разумно, когда человек не знает, что его окружает». Краеведение, развернувшееся в послереволюционный период, носило сначала академический характер: изучение ради изучения или просто, как хобби. Советское краеведение должно изменить формы и методы работы, поставить определённые цели. В 1925 г. в Новосибирске было создано общество изучения Сибири, задачами которого являлось изучение экономики Сибири, её производительных сил. Возникают краеведческие общества в Ачинске, в Канске, в Бийске, в Минусинске, в Бее и в других регионах.

IV-я краеведческая конференция (1930 г.) окончательно определила направление советского краеведения. Было принято решение вести систематическую работу по основным разделам социалистического строительства: промышленности, коллективизации деревни, механизации сельского хозяйства и культурно-просветительной работе. Для этого необходимо было широкое вовлечение в краеведческую работу рабочих, крестьянской молодёжи, школьников и культурных работников. На предприятиях, в школах, в колхозах и совхозах следовало организовать краеведческие кружки. В краеведческих уголках и на выставках должны были показывать все достижения социалистического строительства.

Директор Минусинского музея А.В. Харчевников в 1930 г. издаёт брошюру «IV краеведческая конференция РСФСР и пути краеведения в Хакасско-Минусинском крае». Задачей этой брошюры, как он определил, являлось знакомство читателя с работой конференции и содействовать развитию краеведческой работы в Хакасско-Минусинском крае.¹

Следует отметить деятельность Минусинского общества краеведения (19.02.1927 г.). В сферу деятельности общества, кроме Минусинского округа и верховьев Енисея, входило изучение Хакасского округа. Председателем был избран Иван Прохорович Бедро, политический деятель, учёный, садовод, автор первой научной книги по садоводству в Сибири. Правлению, в которое вошли 11 человек, было предложено обратиться ко всем учреждениям города об отчислении средств в пользу общества краеведения. На собрании общества выступила В.А. Баландина с докладом «Об изысканиях железнодорожных путей в Танну-Тува и Монголию от Ачинско-Минусинской железной дороги». Поразительно, всего 2 года прошло, как закончилось строительство железной дороги Ачинск-Абакан, ещё линия не доведена до Минусинска, а Вера Арсеньевна уже думает о продолжении пути в Тува и Монголию.² Но, к сожалению, И. Бедро в 1930 г. покидает Минусинск, спасаясь от раскулачивания (А.П. Шекшеев написал замечательную статью о деятельности И.П. Бедро.³ Общество просуществовало недолго.

Деятельность краеведческого общества в селе Усть-Абаканское

Для исследования и изучения естественно-природных богатств Хакасии и привлечения общественности к краеведческой работе в ноябре 1928 г. окружной исполком принял решение о создании в селе Усть-Абаканское (будущем г. Абакане) краеведческого общества при окружном отделе народного образования. В него входили представители местной интеллигенции, всего 55 человек. Первое заседание общества состоялось 17 декабря 1928 года. Председателем был выбран Г.П. Бытотов, казначеем – Ф.И. Боровков, в правление – Г.К. Макаров, К.К. Самрин и учёный секретарь В.А. Рюмин.⁴

Председатель общества Г. Бытотов (1902-1938). Георгий Павлович Бытотов, после окончания Минусинской гимназии, работал учителем в Усть-Киндирилинской школе. В 1924 г. был направлен учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока. Вступил в члены ВКП(б). После возвращения активно включается в культурно-просветительскую деятельность: возглавляет окружной отдел образования, объединяет любителей истории в краеведческое общество. В 1930 г. Г. Бытотов руководил курсами по подготовке советских кадров, затем его переводят в Хакасское книжное издательство. В это же время он преподавал хакасский язык в педагогическом техникуме. Принимает участие в издании учебников на хакасском языке с К. Самриным, К. Тодышевым, А. Казанаковым.

В 1934 г. Бытотов был арестован «за участие в контрреволюционной организации «Союз сибирских тюрок», приговорён к 2 годам ИТЛ. Ему запретили заниматься педагогической деятельностью. Но в 1937 г. его снова арестовали и 13 июля 1938 г. был приговорён к высшей мере наказания. Георгию Павловичу было всего 36 лет. Но родные и близкие оставались в неведении о судьбе Георгия. Сестра Ефимия Павловна, стремясь узнать о судьбе брата, добилась встречи с И.В. Сталиным. В своих воспоминаниях она отмечала, что Сталин принял её тепло, выслушал и обещал подготовить соответствующую справку, которую на следующий день лично выдал. Документ свидетельствовал о том, что Георгий осуждён на 10 лет без права переписки.⁵

К сожалению, документов о деятельности общества сохранилось мало. Имеется доклад за 1928-29 гг., в котором описана работа общества.

На одном из первых заседаний краеведческого общества были решено организовать кружок по изучению ново-тюрского алфавита. Преподавателями назначили В. Рюмина и Л. Топанова, установили им плату – 2 рубля в час. В с. Усть-Абаканском организовали группу из 20 человек, которая просуществовала 2 недели и распалась: в обществе не было средств содержать преподавателей.

На станции Абакан набрали вторую группу, в основном из сотрудников окружного земельного управления (15 человек), перед которыми особенно остро стоял вопрос изучения хакасского языка. Работникам управления при летних работах в районах приходилось иметь дело с местным населением, зачастую не знающим русского языка. Администрация обещала давать лошадь для поездки на занятия кружка, которые проходили в здании школы на ул. Набережной, но потом отказалась. А курсанты не захотели ходить в село пешком, на расстояние 2-3 км. Эта группа вообще не занималась.⁶

8 февраля 1929 г. на заседании Хакасского окружного исполкома В.А. Рюмин представил на утверждение постановление «Об охране памятников искусства и старины Хакасии». Запрещалось разрушение и снос курганов, городищ, старинных кладбищ, камней с надписями и рисунками и прочих археологических памятников. Все находки, клады и отдельные предметы археологического значения, случайно обнаруженные при земляных раскопках или на поверхности земли при осыпях, жители обязаны сдавать в краеведческие музеи: в Усть-Абаканске – в окружной музей при школе 9-летке и в сёлах: Таштыпе, Чаркове, Аскизе и Чебаках – в районные краеведческие музеи.⁷

За период существования краеведческого общества (менее 2-х лет) провели 27 собраний, на которых были заслушаны доклады на разные темы. С докладами выступили: А.Р. Шнейдер – «Маслодельные артели в условиях бытового уклада хакасов», Фрагин – «Об исследованиях каменного

угля в Хакасском округе», Орлов – «Мараловедческие хозяйства в Хакасском округе» и другие. Также краеведы решили разработать тему «Классовое расслоение в улусе и вопросы земельных отношений».⁸

Планировали издать краеведческий сборник. Несмотря на то, что окружной исполком признал издание сборника необходимым, в средствах отказали. Хакасскому обществу на исследовательскую работу Обществом изучения Сибири было отпущено 150 рублей. На эти средства издали программу по сбору этнографических материалов, пособие по сбору лингвистических материалов, открытку Ломоносова.⁹

С «Программой по собиранию этнографических материалов», которую подготовил В. Рюмин, связана неприятная история. В газете «Власть труда» появилась статья «Учёный секретарь занимается литературным воровством». Лично В. Рюмину вменялось в вину, что он, составляя этнографическую программу для Хакасского общества, целиком её перепечатал с программы Кабардино-Балкарского общества и за это получил 250 рублей.¹⁰ В архиве сохранилось письмо В. Рюмина в редакцию газеты, в котором он с возмущением поясняет: «...пусть будет известно Москвитиним, что перепечатка научных программ не есть плагиатство. Должен заявить, что автором Кабардино-Балкарской программы являюсь я. Откуда Москвитин взял, что я получил за составление программы 250 рублей? Никаких денег за это не получал. Я дал слово профессору Н.Ф. Катанову, что буду работать в Хакасии 2-3 года. Подобные статьи наводят на размышление – не покинуть ли мне Хакасию».¹¹

Весной 1929 г. по договорённости с изыскательскими партиями, работающими в Хакасском округе, к ним были отправлены два ученика 9-летней школы, члены общества Е. Буткевич и В. Катцын. Буткевич остался на службе при Свердловской партии, снабжал музей коллекциями минералов, характеризующих медное месторождение, организовал среди рабочих краеведческий кружок.¹²

В архиве имеется письмо, которое в июне 1930 г. зам. председателя краеведческого общества Фрагин написал начальнику Абазинской геолого-разведывательной партии К.С. Филатову: «На основе договорённости с Вами общество краеведения командировало ученика 9-ой группы Н.И. Тинникова для летних практических работ. Просьба уделить ему должное внимание и оказать содействие по сбору экспонатов для Хакасского музея».¹³

Перед обществом стояла задача проработки вопроса об использовании туристического движения для изучения производительных сил, сбора археологических находок и материалов, для учета и сохранения памятников культуры в округе.¹⁴

Организация и деятельность первого окружного музея

Особое место в деятельности Хакасского общества занимает создание краеведческого музея. В первые же месяцы работы краеведы подготовили необходимые условия для его создания. 11 февраля 1929 г. состоялось заседание комитета содействия (Комсода) окружного краеведческого музея, на котором решали вопрос об изыскании средств и о расширении музея. Поручили председателю Комсода Л.М. Арыштаеву договориться с отделами о снабжении музея денежными средствами, просить окружной исполком предоставить для музея ещё одну комнату. 19 февраля 1929 г. заместитель заведующего окружным отделом образования В.А. Рюмин обратился в Хакасский исполком с ходатайством «Об утверждении состава комитета содействия музею» в составе 15 человек.¹⁵ Музей с 21 февраля 1929 г. стал доступен для посетителей по воскресным дням: с 11 до 14 часов в помещении окружного здравотдела. Заведующим музеем на общественных началах был назначен В.А. Рюмин.

Рюмин Владимир Афанасьевич. Заместитель Наркома Просвещения РСФСР Н.К. Крупская принимала участие в организации образования и культурного развития Хакасии. Для оказания помощи она командировала в Хакасию В. Рюмина, ученика Н.Ф. Катанова.¹⁶ В. Рюмин работал в окружном отделе народного образования. Сам Рюмин пребывание в Хакасии пояснил так: «Цель моего приезда работать по двум направлениям: в области инспекторско-методической и научно-исследовательской. Я дал слово научного работника умирающему профессору Н.Ф. Катанову, что

буду работать в Хакасии 2-3 года.¹⁷ Рюмин В. А., историк-кавказовед. По решению Главнауки Наркомпроса РСФСР был командирован в г. Нальчик для создания в Кабардино-Балкарии научно-исследовательского института. Был учёным секретарем Кабардино-Балкарского общества изучения местного края, исполнял обязанности директора института. На сайте института имеется информация, что В.А. Рюмин был директором института в 1926-1932 годы. Но сведений о пребывании В.А. Рюмина в Хакасии в 1928-29 годы там нет.¹⁸

Руководство музея в начале своей деятельности обращалось в различные организации с просьбой оказать содействие в укомплектовании экспонатами. В.А. Рюмин обратился к Председателю Хакасского исполкома о ходатайстве перед Минусинским исполкомом о передаче музею архивных материалов, касающихся Хакасского округа и находящихся в Минусинском архивном бюро и в музее. От окружного отдела ОГПУ музей получил обрез и дробовик. В числе первых экспонатов музея была коллекция «Фауна и флора Кембрийского периода» и «Фауна Девонского периода», которую Томский профессор И.К. Баженов передал музею в 1928 году. При музее имела библиотека, в которой было 2000 экземпляров. Одной из первых экспозиций музея стала хакасская юрта в полном убранстве, подаренная К.С. Тодышевым. В 8-стенной юрте насчитывалось 236 предметов домашнего обихода дореволюционной хакасской семьи. Во время бесконечных переездов музея юрта была утеряна, множество предметов исчезло. Сохранилась последняя страница акта передачи с перечнем предметов, подаренных музею. «Шаманские духи и предметы быта: коромысло, щипцы для угля, рогатки для мяса, хомыс, аркан, крюк для выделки овчины, табуретки, таган, ящик без крышки. Всего 236 предметов. Сдал К.С. Тодышев. Принял зав. музеем В. Рюмин. 3 мая 1929 г.».¹⁹

В докладе отмечено: «Музей весьма беден. Недостаточно популяризовано музейное дело и развернута работа краеведческого общества в округе. Задачи краеведения не продвинуты в улусы, в массы, в силу чего много музейных ценностей пропадает на местах, зачастую выбрасываются или используются не по назначению, например, такие археологические ценности, как ножи, стрелы, кольца идут детям на игрушки. Разрешение создания музеев в районах привело к тому, что найденные материалы на местах передаются им, а в окружной музей ничего не поступает. А там, на месте из ценного материала, зачастую редких экземпляров, всё превращается в хлам, собранное в кучу несистематизированное «барахло». У музея была возможность для пополнения археологического отдела, который почти пустой. Договорились с Минусин. музеем об археологических раскопках в Хакасском округе, составили смету на 265-300 руб. Решили использовать на работах молодёжь, интересующуюся краеведением. И что же вы думаете? Мы этого не сделаем. У нас нет средств. Ну, раз так, то приходится сказать, что нечего стараться создавать музей и не нужно тратить средства на содержание аппарата. Лучше сознаться в нашей несостоятельности, собрать всё и передать в Минусинский музей и просить при их музее открыть Хакасский отдел».

В архиве сохранилось письмо, полученное 13 июня 1930 г. от председателя Минусинского краеведческого общества Расторгуева: «По имеющимся у нас сведениям, в апреле с.г. возле деревни Бейка Аскизского района, был убит БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ. Ввиду интереса к указанному случаю, просим Вас, навести справки в Сибторге и Охотсоюзе, не поступала ли к ним шкура медведя, дабы оставить её в Хакасском или Минусинском музеях. В случае если шкура осталась в частных руках – принять меры к получению шкуры, как объекта научного значения».²⁰

Завершение деятельности краеведческого общества. Из отчёта: «За последние месяцы работа общества совершенно замерла. Правление 5 раз пыталось провести собрание краеведов, но безрезультатно, приходил один актив 5-6 человек, тогда как всех членов общества числится 55 человек. Провести какое-либо мероприятие не представлялось возможным. Я считаю этих членов в списке нашего общества мёртвыми душами, которые только числятся, а работой не интересуются. Из-за того, что не было средств, нам пришлось отказаться от предоставленного обществу места на 8-ом Пленуме Центрального Бюро Краеведения в Москве, состоявшемся в 1929 г.».²¹

За два года существования краеведческого общества наблюдалась низкая активность всех членов общества, безразличное отношение со стороны руководства, партийных органов и населения

к его работе, отсутствие материальных средств на деятельность. К тому же, в 1930 г. Рюмин уехал из Хакасии. Работа краеведческого общества была прекращена, музей закрыт.

Но в 1931 г. появились новые решения Хакасского облисполкома по развёртыванию краеведческого дела: 29 июля 1931 г. принято постановление «Об организации областного краеведческого музея». 23 октября 1931 г. – решение «Организовать краеведческое общество с районными филиалами. Областному отделу народного образования обеспечить организацию этого дела. Наметить открытие музея к 14-ой годовщине Октября».²²

Новое краеведческое общество, как и многие другие общества в Сибири, не смогло выйти из организационного состояния. Без поддержки властей и общественности выжить было невозможно. Через два года, 5 ноября 1933 г. создаётся областное краеведческое бюро (оргбюро), которое должно было способствовать развёртыванию краеведческого движения в Хакасии. Председателем областного бюро назначили председателя Хакоблисполкома И.К. Интутова. Были разосланы директивы председателям горсоветов, поссоветов и райисполкомов. Предлагалось «организовать в районах, городах, поссоветах краеведческие бюро. Принять меры к созданию краеведческих ячеек в совхозах, колхозах, на промышленных предприятиях. Особо следует принять меры к развёртыванию школьного краеведения, привлекать к этому делу учителей». С одной стороны – власти принимают постановления о необходимости краеведческой работы, а с другой – равнодушие, помощи не оказывают. «Решили» и тут же «забыли» до следующего указания свыше. Снова прореагировали новым постановлением или решением и вновь «забыли».

Следует отметить, что в 1933 г. для членов краеведческих ячеек были утверждены взносы. Вступительный взнос для физических лиц – 1 руб., для юридических лиц – 25 руб. Студенты и учащиеся школ от вступительных взносов освобождались. Годовые взносы для работающих членов ячеек составляли от 1 руб. до 7 руб., в зависимости от зарплаты. Для студентов и колхозников – 30 коп., учащихся школ – 20 копеек.²³

В 1948 г. появилось новое постановление Облисполкома «О развитии краеведческой работы». Цели и задачи прежние: исследование и изучение производительных сил, природных богатств, экономики и культуры Хакасии, привлечение общественности к краеведческой работе. Председателем общества назначен Д.И. Лебедев, секретарь Облсовета, заместителем А.Н. Липский, директор областного музея. Предложили оргкомитету Хакасского общества краеведения и председателям городских и районных советов депутатов трудящихся создать городские и районные оргкомитеты при райгорсоветах и приступить к организации краеведческих кружков в учреждениях, предприятиях, колхозах, совхозах и МТС. Обязать оргкомитет Хакасского общества краеведения и исполкомы райсоветов в мае 1948 г. провести областную и районные конференции краеведов. Обязать оргкомитет вместе с краеведческим музеем разработать единый план изучения области.²⁴ О деятельности этих краеведческих обществ и бюро сведений пока не имеется.

В 2011 г. был организован историко-архивный клуб «Краевед Хакасии» при ГКУ РХ «Национальный архив», который проработал 5 лет. В связи с изменением организационной структуры клуба (27.12.2016 г.), в прежнем качестве он перестал существовать. Но при ГАУК РХ «ХНКМ им. Л.Р. Кызласова» создали краеведческое общество, в состав которого вошли многие члены клуба «Краевед Хакасии». 29 декабря 2016 г. состоялось первое заседание нового краеведческого общества.

Следует добавить, что в 1986 г. был образован Минусинский клуб «Краевед». Идею его создания высказал В.А. Ковалёв, директор Минусинского музея. В работе Минусинского клуба, который плодотворно работает уже более 30 лет, принимали участие и краеведы Абакана, так как своего клуба у них не было.

2017 г.

Примечания:

¹ Харчевников А. IV-ая краеведческая конференция РСФСР и пути краеведения в Хакасско-Минусинском крае. Государственный Музей. Минусинск. 1930. – С.4.

² Будем изучать свой край. Газета «Власть труда», 24.02.1927; 2.06.1927, г. Минусинск.

- ³ А.П. Шекшеев. Ещё раз о И.П. Бедро – политическом деятеле, кооператоре и садовом. Сборник материалов Первых краеведческих чтений, посвящённых Л. Р. Кызласову. Стр. 122-144. Абакан, 2012.
- ⁴ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-603. О.1. Д.22. Л.1-3.
- ⁵ Е.П. Мамышева, Н.Н. Медведева и другие. «Человек и его время в истории Хакасии и сопредельных территорий». Хакас. книжн. издат. Абакан, 2013. – С.88.
- ⁶ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-603. О.1. Д.22. Л.1-3.
- ⁷ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-16. О.1. Д.31. Л.15.
- ⁸ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-603. О.1. Д.22. Л.1-3.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Москвитин. «Учёный секретарь» занимается литературным воровством. / Власть труда. Минусинск. № 52, 10.04.1929.
- ¹¹ ГКУ РХ «Национальный архив». ОДНИ. Ф.1. О.1. Д.262. Л.3.
- ¹² ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-603. О.1. Д.22. Л.1-3.
- ¹³ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-16. О.1. Д.14. Л.39.
- ¹⁴ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-603. О.1. Д.22. Л.1-3.
- ¹⁵ Док. фонд ХНКМ им. Л.Р. Кызласова. Ф.11. О.1. ХКМ КП 6241/23; ХКМ КП 6241/27.
- ¹⁶ А. Гладышевский. Н.К. Крупская и Хакасия. Советская Хакасия, 28.02. 1989. Абакан.
- ¹⁷ ГКУ РХ «Национальный архив». ОДНИ. Ф.1. О.1. Д.262. Л.3.
- ¹⁸ Электронный ресурс. <http://www.kbncran.ru/gum.issled.htm>.
- ¹⁹ Док. фонд ХНКМ им. Л.Р. Кызласова. Ф. 11. О. 1. ХКМ КП 6241/26; ХКМ КП 6241/7.
- ²⁰ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-29. О.1. Д.14. Л.40.
- ²¹ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-603. О.1. Д.22. Л.1-3.
- ²² ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-39. О.1. Д.17. Л.184, 413.
- ²³ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-39. О.1. Д.142. Л.345.
- ²⁴ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-39. О.1. Д.516. Л.67,75.

В.Н. Воробьёв,
г. Минусинск

Базыбай

Базыбай – река в Восточном Саяне, правый приток р. Казыр. Протяжённость реки 69 километров. Переводится с самодийского языка, как река, богатая железом. Её истоки расположены в пределах Белокитатского месторождения осадочных железных руд. Площадь м-ния 70 кв. км, ресурсы 593 млн. т. руды. В своём нижнем и среднем течении река огибает гору с отметкой 1882 м, получившей название по реке – Базыбайский Белок.

У подножия Базыбайского Белка, около устья р. Базыбай, на реке Казыр расположен Базыбайский порог, широко освещённый в литературе и в интернете. Породы, слагающие район р. Базыбай, горы Базыбай, долины р. Казыр сильно метаморфизованы, превращены в кристаллические сланцы, гнейсы, поэтому геологи назвали этот район Базыбайским выступом. Эти породы как бы выступают из-под покрова более молодых неметаморфизованных пород. Метаморфические породы объединены в Базыбайскую серию, разбитую на свиты. В центре выступа расположен Базыбайский габбро-диоритовый массив. В краевой части массива открыто крупное Базыбайское месторождение кварц-силлиманитовых руд (руда на силлиманиты, кварц, алюминий, алюмо-кремневые сплавы). Рентабельность отработки месторождения подтверждена расчётами. В пределах Базыбайского выступа и по его периферии открыт ещё ряд месторождений и перспективных рудодоявлений. Это касается железа, апатита, волластонита, граната, кварца, флюорита, бериллия, лития, вольфрама, редких земель, меди, молибдена, золота, халцедона, коллекционных камней и других полезных ископаемых. Потенциал района, вероятно, превышает 10 триллионов руб. только по запасам железных руд, кварц-силлиманитового сырья, цветных и редких металлов. Наиболее крупными, возможно уникальными, являются Белокитатское м-ние железных руд, Базыбайское месторождение силлиманита, редкометальное м-ние Радуга.

Краткая история изучения Базыбайского выступа и открытия месторождений следующая. Первые сведения о наличии кристаллических сланцев в долине р. Казыр опубликованы Вологдиным А.Г. (1931 г.), Головачёвым Ф.Н. (1932 г.). В 1950 г. Беренгилова, Шнейдер Е.А. кристаллические

сланцы Базыбайского выступа объединили под названием базыбайская свита и отнесли их к архею (возраст более 2,5 млрд. лет). За архейский и нижнепротерозойский возраст отложений высказались другие исследователи района: Смирнов А.Д. (1951 г.), Шелковников А.Д. (1953 г.), Зоненшайн А.П. (1955 г.), Мусатов Д.И. (1959 г.), Шнейдер Е.А. (1953 г.), Азанова Н.Я. (1964-1969 гг.), Коллеганов Ю.М. (1965 г.).

Другие исследователи района: Вологдин А.Г. (1931 г.), Головачёв (1934 г.), Конилов А.З. (1962 г.), Чаиркин В.М. Залялеев (1954 г.), Абрамов М.С. (1953 г.), Солодянкин М.В. высказались за более молодой – верхнепротерозойский возраст, вплоть до кембрия (0,5-1 млрд. лет). При сбивке листов геологической съёмки м-ба 1:200000 возникла дискуссия о возрасте. Стороны остались при своём мнении. Путём голосования в 1968 г. возраст базыбайской свиты был принят нижнесреднепротерозойским (1-2,5 млрд. лет).

В дальнейшем геологическую съёмку м-ба 1:50000 в пределах Базыбайского выступа проводили коллективы Китатской ГСП (Азанова, 1964-1966), Базыбайской ГСП (Азанова, 1967-1969), Верхнекитатской ГСП (Азанова, Воробьёв, 1969-1971), Больше-Кандатской ГСП (Воробьёв, 1971-1976), Федосеевской ТСП (Воробьёв, 1977-1981). В результате этих работ базыбайская свита была переведена в ранг базыбайской серии, в которой выделены свиты: соболинская, бочуринская, выгужная, Вознесенская, Маетская. Установлена метаморфическая зональность от двухпироксеновых гнейсов до хлорит-серицитовых сланцев вокруг Базыбайской габбро-диоритовой интрузии. В кристаллических сланцах и в окружающих неметаморфизованных породах прослежен единый горизонт осадочных железных руд (Белокитатский бассейн). В Верхне-Китатском грабене (провале среди кристаллических сланцев) сохранились неметаморфизованные известняки с кембрийской фауной (археоциатами), что указывает, вероятно, на верхнепротерозойский возраст метаморфизма. В метаморфизованных породах найдена окаменевшая фауна и загадочные радиально-лучистые шары диаметром до одного метра, названные – Бочуринская проблематика, которая ждёт своего исследователя. Открыты месторождения и рудопроявления, которые при дальнейшем изучении могут перейти в разряд месторождений.

Не простую долгую историю открываемых месторождений можно показать на примере изучения Базыбайских кварц-силлиманитовых сланцев.

В 1969 г. в первых маршрутах геологов Верхне-Китатской геолого-съёмочной партии был выявлен обширный участок с кварц-силлиманитовыми сланцами. На предложение начать на участке более детальные работы руководство экспедиции ответило: «... кому они нужны, тем более так далеко». Коллектив партии настоял на продолжении работ на участке. Во главе горного отряда поставили Вячеслава Попова. Рудное тело было прослежено более чем на 1 км при мощности от 70 до 200 метров. Попов не раз с восторгом говорил, что это очень крупное месторождение. В конце сезона Попов запил и его уволили. Прогнозные ресурсы остались не подсчитаны, опробование не проведено.

В 1970 г. на участок водили проверяющих из Красноярска и Минусинской экспедиции – Байкова и Пронина Г.С. Оба проверяющих были довольны увиденными масштабами рудопроявления. Через 5 лет, в 1976 г. поступило распоряжение Федосеевской партии – отобрать технологическую пробу весом 250 кг. В многодневном маршруте проба была отобрана и вывезена. Технологические испытания показали прекрасный результат, поэтому в 1977 г. была отобрана вторая технологическая проба, весом 533 кг. Результат испытаний хороший. Руда полностью используется без отходов с получением остродефицитных продуктов: силлиманитового концентрата, кварцевого песка и сульфидов. Намного позднее было установлено, что руды содержат золото в количестве до 1 г/т, а сульфиды до 10 г/т. В 1978 г. отряд Федосеевской партии под руководством Саянова А.С. проводит оценочные работы с отбором двух технологических проб весом 1600 кг и 1200 кг. Для отбора проб применялись буровзрывные работы. Прогнозные ресурсы, при глубине карьера 200-300 м, составили 223 млн. т. руды. Технологические испытания показали хорошие результаты. Себестоимость силлиманитового концентрата составила 6-7 руб./т. (при мировой цене в 1980 г. – 113 дол./т, а в 2016 г. 160 – 260 дол./т).

В 1980 г. работы на участке продолжил Заболотский А.Д. В результате пере интерпретации, прогнозные ресурсы увеличились с 223 млн. т до 533,9 млн./т, при глубине карьера 300 метров. Геофизические работы показали, что глубина залегания нижней кромки рудного тела не менее чем 350 м, а рельефом оно вскрыто на 420 м по вертикали. При глубине карьера 350 м ресурсы увеличиваются до 601 млн. тонн. Фланги рудного тела не прослеживались, но более поздними маршрутами оно прослежено на север ещё на 600 метров.

С 1983 г. изучением Базыбайского м-ния занимались Геолого-съёмочная экспедиция, сотрудники ряда научных институтов – Степанов С.А., Черкасов Г.Н., Семин В.Д. и др. Согласно диссертации Степанова, ресурсы месторождения можно увеличить до 697 млн. тонн.

В 1969 г. рядом с описанным силлиманитовым участком были открыты ещё два аналогичных рудопоявления: Кедровое и рудопоявление Высота 1190,9, которые прослеживаются маршрутами не менее, чем на 2 и 2,5 километров. Мощность выходов рудных тел из-под наносов от 20 до 177 метров. В целом все три участка Базыбайского месторождения могут иметь ресурсы более миллиарда тонн, что выводит м-ние в разряд крупнейших. Косыгин А.Н, при посещении Ачинского глинозёмного комбината, предлагал ввести в эксплуатацию Базыбайское месторождение, но началась перестройка.

В настоящее время сотрудники ряда научных заведений утверждают, что для производства алюминия и его сплавов практический интерес представляет Базыбайское месторождение. Оно имеет перед другими месторождениями силлиманита следующие преимущества. Во-первых, его прогнозные ресурсы большие; во-вторых, оно расположено в экономически развитом регионе и сравнительно недалеко от глинозёмных и алюминиевых предприятий Красноярского края; в-третьих, руды имеют предельно простой минералогический состав, легко обогащаются и можно создать крупномасштабное безотходное производство; в-четвёртых, себестоимость получения 1 т силлиманитового концентрата очень низкая.

В заключении следует сказать, что российская алюминиевая промышленность на 50% зависит от импортного сырья и дальнейшее её развитие связывают с дистен-силлиманитовыми рудами.

Для освоения богатств Базыбая необходима дорога по долине р. Казыр. Такую железную дорогу через Саяны предполагалось проложить ещё в XIX веке, как вариант Транссиба. В 1930 г. появляется проект строительства Южсиба для разгрузки Транссиба, с вариантами выхода на Нижнеудинск или Тайшет. Первые изыскательские работы были проведены Головачёвым в 1932 году. Позднее в 1942 г., в разгар войны, трассу по р. Казыр поручили обследовать работникам Новосибирского института Гипротранс: Кошурникову, Стофату, Журавлёву. Они погибли. В 1959 г. была построена железная дорога Южсиба Новокузнецк-Абакан, а в 1959-1965 г. дорога Абакан-Курагино-Тайшет (второй вариант).

В настоящее время, вдоль р. Казыр, открыт ряд перспективных месторождений и проявлений. Опираясь на эти месторождения, в министерстве среднего машиностроения (сейчас это министерство атомной промышленности) провели расчёты, которые показали, что освоение богатств района окупится в кратчайшие сроки. В целом с Базыбайским выступом связано множество проблем, загадок, месторождений, требующих дальнейшего изучения.

2017 г.

Е.П. Сухотина,
пгт. Курагино, Курагинский район

Джебская электростанция: страницы истории

В Курагинском районе немало мест, где в начале прошлого века были созданы уникальные предприятия. Время их не пожалело, от многих остались лишь воспоминания. Одно из таких

предприятий – ДЭС – Джебская электростанция, снабжавшая электричеством поначалу Ольховский прииск, а потом Артёмовский рудник.

Сейчас уже доподлинно не установить, когда на берегу Джеби появился посёлок. Но было это задолго до Октябрьской революции. Видимо, фартовый народ пришёл в глухую тайгу с надеждой добыть золотишка. Тем и жили первые обитатели Джеби, а помимо промысла драгоценного металла добывали зверя. Тайга в то время там была непроходимая.

Жизнь закипела, когда неподалеку, на территории современного г. Артёмовска нашли большие запасы золота и начали его разрабатывать, строить золотоизвлекательную фабрику. Слухи о баснословных запасах золота быстро разошлись не только по Сибири и России. О них узнали американцы и тоже решили извлечь выгоду из богатств наших мест. Заокеанские бизнесмены, пережившие золотую лихорадку, были более продвинуты в промышленной добыче золота и понимали, что для больших объёмов добычи требовалось электричество. Построить его рядом с месторождением возможности не было, поэтому решено было построить силовую станцию в трёх километрах – на Джеби.

Революционные события, национализация предприятий коснулись и электростанции. С конца 1920-х гг. начинается новый виток в её развитии.

Большая стройка в глухой тайге требовала огромного количества рабочих рук. Надо ли подробно рассказывать, где их нашло советское правительство? Конечно же, «кадровый вопрос», как и на многих стройках века, был решён за счёт заключённых.

«Посёлок Джебь состоял из двух улиц. Одна улица примыкала к котельной электростанции, а вторая была за рекой, и там жили только ссыльные» (из воспоминаний В. Н. Кучменко).

Николай Васильевич Чилеев вспоминает: «После окончания Гражданской войны мой отец, Василий Прохорович Чилеев работал в коммуне «Соха и молот» в с. Берёзовском. В 1926 г. его назначили комендантом лагеря на Джебской электростанции. В то время там было очень много ссыльных с Украины и из центральной России. Условия их содержания были ужасные. Гораздо позже мне приходилось много раз встречаться с одним из заключённых того лагеря Ковалем, который после освобождения жил в Кордово. При каждой встрече он с благодарностью вспоминал отца, говорил, что если бы не наведённый им порядок в лагере, в живых бы никто не остался. Многие заключённые выжили только благодаря моему отцу.»

«Я родилась в ГУЛАГе на Джебской электростанции. Когда родителей репрессировали, я уже была во чреве матери. Наш лагерь, по сути, был пересыльным пунктом – казахи, хакасы, украинцы, грузины, евреи. Лучших людей, чем там, я не знала за всю свою жизнь. Это порода!» – вспоминает Галина Порошина, профессор, кандидат педагогических наук, преподаватель сценического движения и фехтования, главный консультант СТД, художественный руководитель театра «Своя радуга».

Во времена массовых репрессий на электростанции регулярно проводились чистки. Сохранились имена тех, кто попал под каток репрессий. Вот только некоторые из них: Молодцов Александр Михайлович (1909 г.р.), работал на ДЭС, арестован в октябре 1936 г., приговорён к 10 годам ИТЛ; Молодцов Дмитрий Алексеевич (1898 г.р.), директор Джебской электростанции, арестован 28 апреля 1938 г., приговорён к ВМН, расстрелян в Красноярске в августе 1938 г.; Молодцов Иван Михайлович (1905 г.р.), инспектор охраны труда Артёмовского рудника, арестован по делу Алдаданова, осуждён на 10 лет ИТЛ, умер в лагере в 1942 году.

В диверсионной деятельности был обвинен Станчак Георгий Тимофеевич (1904 г.р.). Скорее всего, в «диверсанты» он попал благодаря «тёмному пятну» в своей биографии – он был сыном крупного домовладельца. В обвинительном деле написано: «Была проведена работа по выводу из строя Джебской электростанции, питающей все производственные цеха Артёмовского рудника. Для этого Станчаком был подготовлен к взрыву котел № 1199. Взрыв не произошёл только благодаря бдительности рабочих и теплотехников, своевременно предотвративших его».

Репрессии коснулись не только занимавших ответственные должности работников станции, но и простых работяг. Например: Долгих Иван Васильевич 1911 г.р., работал дроворубом в лесзаге.

Арестован в мае 1938 г., приговорён к ВМН как член контрреволюционной повстанческой группы, расстрелян в Минусинске в августе 1938 года.

Многие, не успев отбыть первый срок, были арестованы по новым обвинениям. Долгов Иван Васильевич (1910 г.р.), родом из д. Покровка Имисской волости, бригадир в колхозе, арестован в 1933 г., приговорён 10 лет ИТЛ. Срок отбывал на станции Джебь, работал дроворубом. Вновь арестован в 1938 г., расстрелян.

Как кулак был сослан из Бугуртака на Джебь Максимов Федосей Павлович (1885 г.р.). Работал возчиком на силовой станции, арестован в 1937 г., осуждён на 10 лет ИТЛ, умер в лагере в 1943 году.

Помимо заключённых, живущих непосредственно в посёлке Джебь, на заготовке дров для электростанции трудились и заключённые из лагерей «Пионерский» и «Комсомольский». «Пионерский» был расположен рядом с современным Краснокаменском, а «Комсомольский» немного дальше, примерно в месте, где в последствии был карьер Моргоз. И в том и в другом лагере работали заключённые женщины.

Весной-летом, когда уровень воды в реках был довольно высоким, древесину сплавляли молею от Пионерска до устья реки Канзыба, а дальше возили на лошадях. С Моргоза до ДЭС лес сплавляли по Джеби.

В 1928 г. мощность электростанции была около 300 киловатт. За два года было поставлено ещё два локомотива. Новую станцию не строили до получения результатов геологоразведки. После того как запасы подтвердились, в 1936 г. построили новую паротурбинную станцию мощностью 25000 кВт и ЛЭП 6 кВт. В 1938 г. уличное освещение, не считая производство, насчитывало 50 точек, количество абонентов 3630. Протяжённость уличной сети составляла 40 километров.

В это время Джебская электростанция занимала по мощности второе место в Красноярском крае. При её строительстве много оборудования и приборов из-за недостатка средств приходилось изготавливать на месте.

«Джебская электростанция сжигала до 500 кубометров дров в сутки, а дрова-то готовили на лошадях. Сначала стояли паровозные локомотивы. Один был, потом второй поставили. Первый локомотив появился, наверное, в 1929 году. В середине 30-х гг. начали устанавливать котлы, паровые турбины мощностью 1,5 и 2 тыс. кВт. В конце 40-х годов появилась турбина мощностью 3 тысячи кВт», – вспоминал С.Я. Тамаровский.

История установки большого котла крайне интересна и необычна. «Как рассказывали мои родители, в 30-х годах прошлого века привезли в посёлок огромный котёл», – рассказывает Александр Владимирович Прокудин, житель Артёмовска. – «До Красноярска его везли железной дорогой, потом по Енисею и Тубе сплавляли до Зимовья. А дальше тащили на лошадях».

Подтверждение этим словам мы находим и в воспоминаниях В.Н. Кучменко: «Зимой 1931-1932 г. на электростанцию привезли второй котёл. Котёл был огромный: его длина составляла 10-12 метров, а диаметр примерно 2 метра. Котёл везли на огромных деревянных санях. Везли его 100 лошадей, запряжённых попарно. Они крепились постромками к центральному пеньковому канату диаметром примерно 6 см. В котельную котёл затаскивали с помощью лебёдки, волоком, по деревянным брускам, смазанным солидолом».

«Когда установили этот гигантский котел, то посёлок называли ДЭС – Джебская электростанция. Вода использовалась для охлаждения турбин», – рассказывает Александр Прокудин. – «Она попадала на них холодной, а обратно выходила уже тёплой. В ней можно было купаться и полоскать бельё круглый год, что местное население и делало. По утрам на электростанции гудел гудок, призывая людей на работу. Его даже в Артёмовске было хорошо слышно».

Заключённые работали в окрестностях Джеби вплоть до июня 1953 г., потом все были освобождены по амнистии. Лагерь были ликвидированы. Дрова стали не востребованы, так как станцию переоборудовали под уголь, который стали возить на машинах из Черногорска.

После строительства Красноярской ГЭС и станции Кошурниково необходимость в маленькой электростанции исчезла и её закрыли. После этого некогда большой посёлок, обслуживающий

ДЭС, начал медленно умирать. Он сменил своё название на поэтическое Пихтачи – так его называли из-за обилия пихты в округе, но это не помогло ему возродиться.

Сегодня от былой мощи посёлка не осталось почти ничего. Огромные здания электростанции частично разрушены, частично используются под гаражи местным предпринимателем, занимавшимся лесозаготовками. Но и это предприятие закрывается.

Сейчас мимо некогда столь значительного предприятия проходит автомобильная дорога на Красноярск. Каждый день по ней проезжают сотни автомобилей. Но вряд ли многие из сидящих в них людей знают, что едут они мимо самой истории.

2017 г.

Литература:

1. Архив Курагинского районного краеведческого музея.
2. База данных Красноярского общества «Мемориал»: открытый список
3. Воспоминания В.И. Авсиенко
4. Воспоминания А.В. Прокудина
5. Воспоминания Н.В. Чилеева
6. «История Краснокаменского рудника», рукопись из личного архива И. Е. Смирнова, стр. 2
7. *Калюга А.Е.* Золотоносная Артёмовка./ Мартыановские краеведческие чтения, выпуск 8 (2010-2011). – С.228
8. Краевая библиотека. Районная газета «Артёмовский рабочий» от 04.01.1940 № 2 (754).
9. Мартиролог http://www.memorial.krsk.ru/martirool/dov_don.htm
10. *Смирнов В.В.* Золото Сибири. Исторические очерки о людях, добывающих золото в Сибирской тайге, Красноярск – РАСТР. 2011. – С.171
11. *Шульга В.И.* Письма об Артёмовске. Книга пятая. Москва. 2009.

А.Е. Калюга,
пгт. Курагино, Курагинский район

**История образования и развития Курагинской
линейно-эксплуатационной конторы Управления по освоению и эксплуатации
малых рек Красноярского края (1946-1997 годы)**

До постройки железной дороги «Абакан-Тайшет» самым грузоподъёмным и дешёвым транспортом в районе был речной. Полноводная Туба и её притоки позволяли подниматься катерам до верховий, где в близлежащей тайге заготавливался и сплавлялся по рекам лес. На баржах плавилась зерно и скот, уголь, нефтепродукты до нескольких десятков тонн.

Осуществлялись пассажирские перевозки по маршруту «Минусинск-Курагино» теплоходами речного и морского типа: «Столетов», «Капитан Стецко», «Красный маяк», которые были приписаны к Минусинской конторе сплавных рек.

Впервые в Курагинском районе катера появились у Артёмовского рудника, который осуществлял перевозки, и в первую очередь, промышленной продукции.

За паромы и переправы в районе с 1933 г. отвечал Курагинский районный дорожный отдел. Но в послевоенный период необходимо было наращивать объёмы перевозимых грузов, и на основании приказа от 22.03.1946 № 33 по краевому Управлению по освоению и эксплуатации малых рек в Курагино прибыл И. Серебренников для организации линейно-эксплуатационной конторы, который и стал её первым начальником.

Административное здание конторы расположилось по ул. Партизанской (в настоящее время – здание Управления культуры).

Решением Курагинского райисполкома от 12.10.1946 г. конторе был выделен земельный участок под пристань рядом с пристанью Трансуправления длиной 55 м и по ширине до шоссе Ми-

нусинск-Артемовск.¹ В связи с её постройкой и эксплуатацией в штатном расписании конторы появилось подразделение «Пристань», которую возглавил начальник пристани. К конторе были приписаны катера-газоходы «Тубинец», «Амылец», топившиеся чурочками. За их использованием следили шкипера. Катера на буксире «таскали» баржи.

Во исполнение решения Курагинского райисполкома от 07.05.1949 г. № 191 в ведение конторы от райдоротдела была передана паромная переправа на реке Туба, а затем и Имисская паромная переправа.

Силами работников Курагинской пристани был построен большой деревянный паром, державшийся на плаву на деревянных лодках, и спущен на воду. До этого периода грузы и людей переплавляли через Тубу на баржах. Начальником этого парома был назначен М.Н. Мурзаев.²

В 1953-1954 гг. малый флот конторы, которую возглавлял Г.Р. Котельников, пополнился новыми катерами большей мощностью. К каждой навигации, начинавшейся в апреле, их готовили экипажи судов (проводили ремонт и профилактику) на своей базе, находившейся на противоположном берегу Тубы напротив пенькозавода.

Ежегодно открытие Курагинской паромной переправы, после ледохода, было долгожданным событием. Ведь в период её закрытия осенью и до обустройства ледовой переправы через Тубу, а также весной, автомашины ездили через автодорожный мост, находящийся у с. Городок Минусинского района, что удлиняло маршрут на несколько десятков километров.

В 1950-е гг. линейно-эксплуатационная контора была переименована в Тубинский эксплуатационный участок малых рек. Это была большая по численности работающих и уважаемая организация в районе. Активно в ней работали общественные формирования: профсоюзный комитет, группа народного контроля, действовала касса взаимопомощи. Для своих работников участком строилось жильё.

До образования Красноярского моря катера, приписанные к участку, обслуживали не только Курагинскую паромную переправу, но и привлекались на переправы в с. Городок Минусинского района и с. Краснотуранское, когда катера этих переправ находились на ремонте. В этом случае курагинским командам приходилось работать вахтовым методом, выезжая каждые 2 недели с территории района.

Работа катеров проверялась очень строго. Перед началом навигации, а иногда и во время неё, приезжал регистр (инспектор) и инспектировал их работу. Если были нарушения, то регистр имел право забрать один из трёх технических талонов, выдававшихся при получении диплома. Если в результате провинностей забирали все талоны, то диплом приходилось подтверждать заново. Вместе с регистром приезжал и капитан-наставник, который давал советы речникам, разбирал жалобы.

За пользование Курагинской паромной переправой взималась такса, которая утверждалась решением Курагинского райисполкома и публиковалась в районной газете. Например: человек пеший – 1 руб., а с велосипедом – 1 руб.60 коп., верхом на лошади – 4 руб.; автомашина легковая – 8 руб., с пассажирами – 36 руб.; автомашина 1,5 тонн порожняя – 12 руб., с грузом – 20 руб.; крупнорогатый скот – 3 руб.; груз, различный по весу одна тонна – 8 рублей.³

По решению Курагинского райисполкома, в 1950-х гг. в период ледохода и разлива реки паром не работал, а людей и грузы переплавляли на лодках, взимая плату в двойном размере. От платы на переправе освобождались: почтовые и военные грузы, члены исполкома райсовета и бюро РК ВКП(б), демобилизованные солдаты Советской Армии, сотрудники МВД и МГБ, конвоированные заключённые и транспорт колхозов, занятый на хлебозаготовках. С 1961 г. в этот список вошли санитарные, пожарные и милицейские машины.⁴

В связи со строительством железной дороги «Абакан-Тайшет» грузы стали возить железнодорожным транспортом, а курагинские катера перевели в Минусинск.

Тубинский эксплуатационный участок малых рек переименовали в «Пристань Курагино» Верхне-Енисейского речного управления Минречфлота РСФСР, которую возглавил В.И. Соболев. Контора пристани переехала в другое административное здание, находившееся по ул. Тютчева. В её ведении по-прежнему находились Курагинская и Имисская паромные переправы, на которых ра-

ботали катера МБВ мощностью 150 лошадиных сил, построенные на Красноярской судовой верфи и использовавшие в качестве топлива солярку.

Курагинскую ремонтную базу тоже ликвидировали и ремонт судов стали производить на Минусинской ремонтно-эксплуатационной базе (РЭБ) в с. Селиваниха.

Имисская паромная переправа действовала до постройки в 1976 г. Имисского моста. После её закрытия катер, в качестве вспомогательного, перегнали на Курагинскую паромную переправу.

Курагинская паромная переправа, которую в 1970-е гг. возглавил А.И. Волошников – участник Великой Отечественной войны, а в дальнейшем – его преемник М.А. Чудных, обеспечивала транспортную связь района другими территориями. Поэтому было очень важно обеспечивать бесперебойную работу парома. Десятки людей на машинах в «час пик» часами ждали своей очереди, чтобы переправиться на этом плавсредстве на противоположный берег. Нередко среди пассажиров попадались очень скандальные, в том числе потрясающие своими должностями и связями в «верхах», как им казалось, дающими внеочередное право переплавиться. А если это было не так, то от них сыпались оскорбления и угрозы о наказании в адрес паромщиков. Поэтому, коллективу пристани надо было обладать недюжинным спокойствием, чтобы качественно, безопасно и профессионально делать свою работу.

В 1970-80-х гг. тарифы по взиманию платы за перевозку грузов и пассажиров по-прежнему утверждались Курагинским райисполкомом. Единственное, в перечень добавилось утверждение количества рейсов за навигацию и использование площади в среднем в рейс.⁵

Коллектив пристани всегда выполнял, а то и перевыполнял план по объёмам грузоперевозок, сбору средств, своевременному ремонту катеров. Он нередко был победителем социалистического соревнования. Ему было присвоено высокое звание «Коллектив коммунистического труда». Многие работники, проработавшие 20 и более лет в системе водного транспорта, были ударниками коммунистического труда. В свой профессиональный праздник – День работников морского и речного флота, отмечаемого в первое воскресенье июля, коллектив пристани с семьями выезжал на гулянье на остров в Мурино.

Большинство работников Курагинского речного флота по призванию пришли в профессию. Река для них была мечтой, связанная с романтикой путешествий, водными просторами, красивой природой, но в то же время – дисциплиной и ответственностью. Эти качества подчёркивала и форменная одежда. Они всегда ощущали свою полезность, причастность к большим и нужным делам района. Поэтому постоянно повышали профессиональный уровень, накапливали опыт и передавали его молодёжи. Очень дорожили честью предприятия и своим добрым именем.

В конце 1980-х гг. на Курагинскую паромную переправу был поставлен теплоход «Ангара-21» мощностью 300 лошадиных сил. Паром-катамаран был изготовлен из железа грузоподъёмностью 100 тонн. С учётом ширины реки в месте паромной переправы (около 400 м), пропускная способность составляла около 1000 машин в сутки, что было явно недостаточно. Период навигации уменьшился из-за обмелевшей реки и начинался 20 мая, а заканчивался 1 октября.

Летом паром причаливал к берегу п. Курагино, а в большую воду – плавили в с. Мурино, так как невозможно было причалить к припаромку (съезд с парома, изготовленный из брёвен и досок). От Мурино до Курагино паром, загруженный автомашинами, толкали против течения теплоход вместе с катером около часа. Иногда в таких ситуациях на помощь приходил минусинский теплоход «Ангара-24» со своим экипажем. Когда уровень воды падал, то приходилось перетаскивать припаромок ближе к воде с помощью трактора и автомашины ЗИЛ.

В конце 1980-х гг. Курагинская паромная переправа подчинялась Верхне-Енисейскому речному пароходству, филиал которого находился в с. Селиваниха Минусинского района.

Паромная переправа была очень востребована. По ней переправлялись грузы и легковые машины, молоковозы, перевозились строительные материалы для МПМК-1 и МПМК-2, переплавляли даже скот гуртами на летние выпаса.

Работники парома всегда шли навстречу населению. По графику нужно было делать одну поездку в час, но работники парома понимали, что все спешат, поэтому не прерывали транспортный

поток, плавили, даже если паром был загружен не полностью. Бывало и ночью им приходилось срочно переправлять отдельные машины. Когда происходили поломки судна, в срочном порядке бросали якорь и производили ремонт, обжигая руки. Приходилось им спасать и отдыхающих-утопающих, нырять, бросать спасательный круг.

Помогали работники парома и строителям моста «Корона Тубы», которые с парома производили монтажные работы.

Со строительством моста «Корона Тубы» отпала необходимость и в Курагинской паромной переправе. Свой прощальный гудок теплоход парома дал на торжественном вводе в эксплуатацию автомобильного перехода 23 октября 1997 года.

Так закончилась работа последнего парома – труженика, олицетворявшего собой многолетнюю историю речного флота Курагинского района.

2017 г.

Примечания:

¹ Курагинский районный архив. Ф.Р-1. О.1. Д.680. Л.86.

² Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.715. ЛЛ.217, 235.

³ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.735. ЛЛ.111-118.

⁴ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.828. Л.44.

⁵ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.1516. ЛЛ.144-146.

Е. Ю. Камендо, Т. Ю. Сергиенко,
с. Туруханск

Музей Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) на картинах Б.Я. Рязова
(из коллекции МКУК «Краеведческий музей Туруханского района»)

В 2003 году двадцать картин Бориса Яковлевича Рязова, народного художника РСФСР, лауреата Государственной премии им. И.Е. Репина, действительного члена Российской академии художеств, поступили в фонды Краеведческого музея Туруханского района благодаря финансовой поддержке администрации Туруханского района и при участии главы района Симы Григорьевны Юрченко.

Борис Яковлевич Рязов (1919-1994) родом из семьи потомственных рыбаков села Бирючья Коса Архангельской области. В книге «Художники Красноярска» И.М. Давыденко сообщается, что «...В пятидесятые годы художник создаёт свою замечательную «Туруханскую серию», принёсшую ему широкую известность и заслуженную славу. В неё входит большой цикл работ: «Курейка. Май», «На станцию», «Станок Курейка. 1914 год», «Туруханск. Последние льды», «Курейский плёс. Осень», «Старая Курейка. Вечер» и другие. Работы этой серии поступили в различные музеи страны, в том числе в Государственную Третьяковскую галерею, Государственный Русский музей, в Государственный университет им. М.В. Ломоносова...». Из Википедии мы узнаем, что его работы, связанные с Курейкой, находятся не только в Государственной Третьяковской галерее – «Станок Курейка.1914» (1951 г.), но и в Ульяновском областном художественном музее – «Курейский плёс. Осень» (1951 г.), а также в Львовской картинной галерее на Украине – «Станок Курейка. Вечер» (1950 г.).

Работы туруханской серии отнесены Давыденко И.М. к жанру исторического пейзажа, «так как запечатлённые места до революции были местом ссылки для многих поколений русского революционного движения».

Пять работ туруханской серии Б.Я. Рязова из коллекции «Живопись» Краеведческого музея Туруханского района можно напрямую связать с открывшимся в 1938 г. мемориальным домом-музеем И.В. Сталина (Джугашвили).

1. Картина «Домик в станке Курейка, где жил Я.М. Свердлов» (1951 г.). Номер по книге посту-

плений: 449, номер по инвентарной книге: 18. Материал, техника: холст, масло. Размер: 28,0x56,0 см. Размер работы (холста) 28,0x55,07 см. Холст продольного плетения. Размер рамки: 40,5x69,0 см (внешне); 28,0x55,7 (внутри). Рамка деревянная, профилированная, покрашена серебристой краской. Ширина рамы 6,5 см. Подрамник без крестовины, по углам скреплён фанерными накладками в виде «треугольников», ширина подрамника – 5,0 см. Размер работы (изображения в «свету»): 26,0x54,0 см.

На картине изображена ранняя весна. С левой стороны картины – фрагмент изгороди из двух поперечных жердей, с редкими промежуточными кольями, заснеженное дерево-кустарник. В центральной части картины – рубленый дом в 2-х рядной связи с двухскатными крышами, где жили И.В. Сталин (Джугашвили) и Я.М. Свердлов. С фасада дома имеется четыре обналиченных окна, с рамами – оконницами из шести частей каждое, верхняя часть обналички окна (косяк) имеет фигурный вырез с двух сторон.

Крыша и боковая левая часть дома почти полностью занесена снегом, виден только зазор между крышей и стеной дома в половину верхнего бревна и частично фрагмент одного окна. В окнах дома свет от керосиновой лампы или свечей. Тяжёлый, тёмный, слежавшийся, весенний снег. Начало сумеречной «белой ночи». Небо серо-белого цвета, со светлой полосой, уходящей вдаль над заснеженной рекой, с потемневшим снегом.

Сохранность: Хорошая. Имеются царапины и потёртости рамы.

2. Картина «Курейка музей-павильон И.В. Сталина». (1948 г.). Номер по книге поступлений: 444, номер по инвентарной книге: 13. Холст, масло. Деревянная рама, паспарту, под стеклом, оборотная часть картины – ДВП. Размер: 27,0x63,0 см. Описание: Размер работы (холста) 27,0x63,0 см. Размер рамки: 39,0x75,0 (внешне); 34,0x71,0 (внутри), ширина рамки 2,5 см. Рамка деревянная, рифлёная, покрашена белой краской, тонирована краской «под золото» по краям рамы и в углублениях между поперечными, рифлёными «полукольцами». Размер работы (изображения в «свету»): 26,0x63,0 см. Паспарту белого цвета, шириной 4,0x5,0; 3,5x4,0 см. Холст закрыт с оборотной стороны картины вставкой из ДВП, закреплённой на подрамнике.

На картине изображены мемориальный дом-музей и памятник И.В. Сталину (Джугашвили) в с. Курейка в летний день. С левой стороны изображена лавочка, песчаный берег, спуск к реке, тихая голубая гладь воды и тёмная полоска противоположного берега.

В центре картины, на двухступенчатом постаменте, в полный рост изображён памятник И.В. Сталину. Памятник расположен лицом к реке. У постамента, с левой стороны, растёт маленькая ёлочка.

С правой стороны изображён двухэтажный дом, с одноэтажной пристройкой; с боковой стороны: в пристройке – два окна с оконницами из шести частей, а в доме – по четыре окна на каждом этаже, по девять частей в оконницах. С фасада, на пристройке перед входом, имеется навес. На крыше пристройки дома виднеется печная труба, со стороны фасада двухэтажного дома на «коньке» крыши закреплено древко с развивающимся красным флагом. Между домом-музеем и памятником – песчаная дорожка. Территория усадьбы и прилегающая к ней территория, покрыта зеленью: летней травы, жёлтых цветов. На втором плане видны ещё два одноэтажных дома, лесок. Небо хмурое, как перед дождём, с низкими бело-синими облаками.

Сохранность: Полная. Имеются потёртости краски, царапины в разных частях и по углам рамы.

3. Картина «Музей-павильон И.В. Сталина в Курейке». (1948 год). Номер по книге поступлений: 445, номер по инвентарной книге: 14. Материал, техника: Холст, масло. Деревянная рама, паспарту, под стеклом, оборотная часть картины – ДВП. Размер: 33,0x67,0 см. Размер работы (холста) 24,0x64,0 см. Размер рамки: 36,0x75,0 (внешне); 32,0x71,0 (внутри), ширина рамки 2,5 см. Рамка деревянная, рифлёная, покрашена белой краской, тонирована краской «под золото» по краям рамы и в углублениях между поперечными, рифлёными «полукольцами». Размер работы (изображения в «свету»): 23,0x62,5 см. Паспарту белого цвета шириной 4,0x5,0 ; 3,5x3,5 см.

Холст напоминает тиснённый картон; холст приклеен точно к картону и закрыт с оборотной стороны картины вставкой из ДВП, закреплённой на подрамнике. Под вставкой из ДВП на картоне

имеется надпись: «Лето. Курейка» Пантеон И.В. Сталина Х.М. 23,5х64,0 см. исп. 1949 Худ. Рязов г. Красноярск; на холсте оригинала имеется ещё одна надпись: «Курейка музей И.В. Сталина 1942 Х.М. 24,0х64,0 Памятник Б. Рязов».

На картине изображены мемориальный дом-музей и памятник И.В. Сталину (Джугашвили) в летний, ясный день «залитый» солнечным светом. Усадьба обнесена забором, на берег ведёт лестница с перилами. С левой стороны изображён песчаный берег, спуск к реке, тихая голубая гладь воды и зеленеющий противоположный берег.

В центре картины, на двухступенчатом постаменте, в полный рост изображён памятник И.В. Сталину. Памятник расположен лицом к реке. У постамента видны две женские фигуры.

С правой стороны изображён двухэтажный дом, с одноэтажной пристройкой; с боковой стороны: в пристройке – два окна с оконницами из шести частей, а в доме – по четыре окна на каждом этаже, по девять частей в оконницах. С фасада, на пристройке перед входом, имеется навес, стоит бочка с водой. На крыше пристройки дома виднеется печная труба, со стороны фасада двухэтажного дома на «коньке» крыши закреплено древко с развивающимся красным флагом. Территория усадьбы и прилегающая к ней – за забором – вся покрыта зеленью летней травы, молодых ёлочек и распутившейся листвы не высоких деревьев. Правее усадьбы, за оградой забора, виден одноэтажный домик, с двумя окнами, выходящими на берег, а за домом – густая зелень тайги. Над всем бирюзовое, прозрачное – небо, с редкими белыми облаками.

Сохранность: Полная. Имеются потёртости краски, царапины в разных частях и по углам рамы.

4. Картина «Курейка 1949» (1949 год). Номер по книге поступлений: 457, номер по инвентарной книге: 26. Материал, техника: холст, масло. Размер: 40,0х128,0 см. Размер работы (холста) 40,5х128,0 см. Размер рамки: 54,0х141,0 (внешне); 41,0х129,0 (внутри), ширина рамки 7,5 см. Рамка деревянная, фигурная, покрашена коричневой краской, тонирована краской «под золото» по внутренним краям рамы, прилегающим к работе. Подрамник с перекладиной, укрепленный по углам фанерными «уголками». Размер работы (изображения в «свету»): 39,0х127,0 см. На холсте имеется надпись: «Курейка 1949 Б. Рязов Х.М. 40,5х128 Исп. 1949».

На картине изображён мемориальный дом-музей и памятник И.В. Сталину (Джугашвили), погожим летним днём, когда всё вокруг залито солнечным светом. Усадьба обнесена забором, на берег ведёт лестница с перилами. С левой стороны изображён двухэтажный дом, с одноэтажной пристройкой. С фасада, на пристройке перед входом, имеется навес. На крыше пристройки дома виднеется печная труба, со стороны фасада двухэтажного дома на «коньке» крыши закреплено древко с развивающимся красным флагом. Территория усадьбы и прилегающая к ней территория, за забором – вся покрыта зеленью: летней травы, молодых ёлочек и распутившейся листвы не высоких деревьев. Виден песчаный берег, спуск к реке, тихая голубая гладь воды и зеленеющий противоположный берег.

В центре картины, на трёхступенчатом постаменте, в полный рост изображён памятник И.В. Сталину. Памятник расположен лицом к реке. Во дворе Усадьбы туристы: мужчины, женщины, дети. Девочка в пионерской форме с красным галстуком, Молодая пара с детьми и младенцем на руках. Мужчина в форме беседует с седым, с бородкой дедом.

На втором плане справа, у берега причалил пароход с пассажирами. По спущенному трапу спускаются люди и вереницей поднимаются вверх по берегу и лестнице к Дому-музею И.В. Сталина. За усадьбой видны дома д. Курейка, расположенные рядами, вдоль крутого берега. Над ними голубое небо, с кучевыми бело-синеватыми облаками.

Сохранность: холста – полная, имеются потёртости краски, царапины в разных частях и по углам рамы.

5. Картина «Дом Тарасевых. Курейка» (1949 год). Номер по книге поступлений: 451, номер по инвентарной книге: 20. Материал, техника: картон, масло. Деревянная профилированная рама, обратная часть картины – картон. Размер: 31,5х48,5 см. Размер работы (картон) 31,5х48,5 см. На обороте картины на картоне надпись: «Дом Тарасевых (Курейка) холст на картоне 31,5х48,5 исп. 1949 г. худ Б.Я. Рязов 1919 г. г. Красноярск». Размер рамки: 41,5х59,0 см (внешне), ширина рам-

ки 6,0 см. Рамка деревянная, фигурная, покрашена тёмно-коричневой краской, внутренняя часть рамы, прилегающая к работе 1,0 см, покрашена серебристой краской. Размер работы (изображения в «свету»): 30,0х47,0 см.

На картине летний день. На берегу реки стоит дом с пристроенной баней, огороженный дощатым забором, прилегающий к дому участок. С боковой части к дому привалены стоймя лесины, кругляком – стволы берёзы, приготовленные на дрова. Слева – дерево, с распутившейся листвой. Перед огородом зелёная трава, грязь, лужи. На втором плане: с берега, за домом виднеется тихая, спокойная, голубая, как небо, река с серой полоской противоположного берега. Небо светло-бирюзовое с лёгкими, белыми облаками.

Сохранность: хорошая, имеются царапины и потёртости рамы, слева и справа на раме имеются проколы от гвоздей на расстоянии 10-11 см от верхнего внутреннего края рамы и на расстоянии 1-2 см от боковых внутренних краёв рамы.

Все картины приобретены Главой Туруханского района Симой Григорьевной Юрченко у наследников художника на рубеже веков.

Изображённый на них объект – мемориальный дом, в котором жил И.В. Сталин (Джугашвили) в Туруханской ссылке запечатлён до строительства в 1950 г. пантеона по проекту архитектора С.К. Хорунжего. На трёх работах он уже в деревянном футляре «для предохранения от порчи», отсюда и второй этаж. Предположительно его строительство было завершено непосредственно перед Великой Отечественной войной. Пока не обнаружено ни одной фотографии, связанной с этим периодом существования музея. Таким образом, художественные полотна Б.Я. Рязова единственный источник, характеризующий существовавший в прошлом веке музея «вождю всех времён и народов» в д. Курейка.

В этюдах, написанных в Курейке, и в картинах, завершённых Борисом Яковлевичем в Красноярске, запечатлён неприхотливый облик северной деревни. Чувствуется спокойное отношение к этой холодной земле, ощущение края света сменяется жизнерадостной, полной тепла и света картиной. Под кистью художника кажется, растают снега, придут в движение реки, распухшие от талой воды, а красивый белый теплоход привезёт тебя в светлое будущее...

2017 г.

Литература:

1. *Давыденко И.М.* Художники Красноярска – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1978. – 182 с.
2. *Мишечкина М.* Тень тирана в сибирской глубинке // Правда ГУЛАГа. - №25 – 06.03.2013.

Л.А. Макеева, О.Ю. Бальцер, Е.С. Змиевская,
г. Минусинск.

Многогранность темы любви в лирике Г.Г. Канкеевой

Актуальность данной работы заключается в необходимости изучения творчества поэтов и писателей, наших земляков, в котором каждый из нас найдёт что-то своё близкое и родное. Галина Георгиевна Канкеева работала журналистом минусинской газеты «Власть труда», была руководителем литературного объединения «Зелёная лампа», способствовала развитию культуры города Минусинска, открывала и поддерживала талантливых людей.

Галина Георгиевна родилась 19 августа 1945 г. в г. Минусинске в семье связиста и учительницы. Училась в школах № 7 и № 4. Дальнейшая её жизнь связана с Севером, куда она переехала с родителями. Окончила Енисейский пединститут, историко-филологический факультет. С 1970 г. Галина Георгиевна трудилась в области профессиональной журналистики. В 2001 г. вернулась в

родной Минусинск. Работала корреспондентом газеты «Власть труда». Галина Георгиевна стала инициатором городского конкурса «Человек года». При её участии было создано литературное общество «Зелёная лампа», объединяющее всех творческих людей нашего города. Галина Георгиевна стихи стала публиковать в зрелом возрасте. Серьёзно поэтическим творчеством стала заниматься с 1999 года. В 2003 г. в Абакане вышел первый сборник стихов «С верой доброй в сердце».¹

Тема любви пронизывает творчество любого поэта, музыканта, художника. Иногда, кажется, что сказано уже всё, однако каждый находит новое, своё звучание, ведь любовь – глубокое чувство, способное открывать новые горизонты. Поэтому эта тема в искусстве вечна. В лирике Галины Георгиевны Канкеевой тема любви занимает особое место, она многогранна: от любви к родному дому до возвышенной любви к Богу.

Теме любви посвящены сборники стихов минусинской поэтессы: «Из любви и надежды сотканы» (2005 г.), «Священно любви вашей слово» (2009), «В королевстве любви» (2013). В её стихотворениях тема любви звучит проникновенно, читая их, чувствуешь ту светлую любовь, которую поэтесса хотела передать. Каждая строчка в её произведениях наполнена искренностью, переживаниями и мыслями о том, что она любит и как. Итак, остановимся на некоторых гранях этого прекрасного чувства.

Любовь к родному городу. Расул Гамзатов признавался: «Поэзия без любви к родине и к родной земле – всё равно, что птица без гнезда». Эти слова можно полностью отнести к творчеству Г.Г. Канкеевой.

Городок мой, заснеженный,
Минусинск мой, завьюженный,
А снежиночки нежные –
На деревьях, как кружево.
Город в дымке меланжевой,
Словно в сказку погружённый. («Зимний город»)²

Любовь к слову и творчеству. Галина Георгиевна пишет в предисловии к своему сборнику: «Благодаря стихам, поняла, что для времени нет прошлого и будущего! Они у меня живут одновременно! И я люблю эту сложную, почти ювелирную работу со словом.

Любовь с Поэзией – созвучие души:
В мелодиях прекрасно совершенство!
Лишь вместе достигают тех вершин,
Где царствует свобода и блаженство «Душа поэта».³

Любовь к Богу. В стихотворении «Храни нас, Бог» Галина Георгиевна будто читает молитву. Она обращается к Богу и просит хранить и оберегать в любой жизненной ситуации.

Храни нас, Бог, на всех путях-дорогах.
Храни нас, Бог, в печалих и тревогах,
Когда душа находится в смятенье,
Когда потоком хлынет вдохновенье,
В минуты счастья, радости, веселья.⁴

Из интервью с главным редактором городской газеты «Власть труда» Евгением Валентиновичем Дашкевичем мы узнали, что Галина Георгиевна «была человеком с очень ранимой душой и не оставалась равнодушной к судьбам других людей». Эти переживания она передавала в своём творчестве. Все коллеги её вспоминают с любовью.

Мы познакомились с этим удивительным человеком в апреле 2012 года. Галина Георгиевна пришла к нам в школу и провела для нас мастер-класс: «Как писать стихи». Мы все были погружены в творческую атмосферу, занимались рифмовкой, советовались с ней, показывали свои работы. Галина Георгиевна находила подход к каждому, помогала, исправляла, хвалила. А получить похвалу от мастера – это много стоит.

Поэтическое творчество Галины Георгиевны Канкеевой наполнено стихией любви, вечных поисков, находок и открытий, философских размышлений, раздумий. Ведь поэзия – это состояние души, а душа – это любовь, которую воспевают в своих стихах поэтесса. И в этом её неповторимая особенность.

2017 г.

Примечания:

¹ Канкеева Г.Г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--90ad0awx.xn--p1ai/page5/kankeeva-galina-georgievna/>

² Канкеева Г.Г. Священно любви вашей слово: сборник стихов. – Минусинск: Печать плюс, 2009. – С.64.

³ Канкеева Г.Г. В королевстве любви: сборник лирических стихов. – Минусинск: Печать плюс, 2010. – С.21.

⁴ Канкеева Г.Г. Из любви и надежды сотканы: сборник стихов. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С.127.

А.С. Нилогов,

г. Абакан, Республика Хакасия

К генеалогии Николая Фёдоровича Катанова

*Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости;
кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства.*

А.С. Пушкин

Биография хакасского учёного Николая Фёдоровича Катанова изучалась неоднократно. Однако генеалогический аспект не нашёл самостоятельного исследования за исключением статьи профессора В.Я. Бутанаева¹ и снятого потомками фильма «Родословное древо Николая Фёдоровича Катанова», в котором собраны опросы ближайших родственников – Елизаветы Николаевны Катановой, дочери приёмного сына профессора – Николая Гавриловича Катанова, и Екатерины Ананьевны Катановой, дочери проводника профессора в экспедициях – Анания Андреевича Катанова. Поэтому мы и решили реконструировать родословную Катанова на основе документальных первоисточников, хранящихся в таких архивах, как: Государственный архив Красноярского края, Национальный архив Республики Хакасия и архив г. Минусинска.

Метрическая запись о рождении/крещении

В 2017 г. отмечается 155-летие со дня рождения хакасского учёного Николая Фёдоровича Катанова (по-хакасски – Пора Хызыл оглу). Как известно, он родился 6 мая 1862 г. по старому юлианскому стилю (18 мая – по новому григорианскому) в степной местности Изюм недалеко от с. Аскиз улуса Турахов. В научной литературе мы не нашли ссылки на первоисточник этой датировки.² Так, например, в справочно-энциклопедической литературе приводится противоречивая информация о девичьей фамилии матери Катанова: то ли Чаптыкова,³ то ли Кизекова.⁴ Звали её Марией (по-хакасски – Чамах) Степановной. В дневнике путешествия Н.Ф. Катанова по Минусинскому округу Енисейской губернии имя матери упоминается в качестве информатора: тексты 1-3 «сообщила сагайка Чамай, по-русски Мария Степановна Катанова, урождённая Кизекова, в 1880 г., живущая в Тураковом улусе, находящемся на местности Узюм близ озера Сарба-Кель в 15 верстах от Аскыса и в 10 верстах от устья Камышты, на левом берегу Абакана».⁵ Отец Николая – улусный писарь Фёдор (по-хакасски – Хызыл) Семёнович Катанов – не состоял в церковном браке с женой. Хотя родители и придерживались одновременно традиционных шаманских верований и православия, тем не менее, были не венчаны, поэтому в метрическом свидетельстве Николай числился незаконнорождённым.⁶

Поскольку нигде не приводилась ссылка на архивные реквизиты данного метрического свидетельства, постольку мы приступили к самостоятельным поискам. С сожалением приходится

констатировать, что биографы Катанова не выявили метрическую запись о его рождении, иначе бы вопрос о девичьей фамилии матери Николая давно был документально разрешён.

Итак, метрическая запись о рождении/крещении Николая Фёдоровича Катанова была обнаружена нами в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК). В фонде № 824 «Минусинское духовное правление» имеются метрические книги по Аскизской Петро-Павловской церкви. Так, в деле № 72 подшиты метрические книги сразу нескольких церквей: за 1868 г. – Шушенская Петро-Павловская, а за 1862 г. – Каптырёвская Пророко-Ильинская, Субботинская Богородице-Казанская, Сабинская Петро-Павловская, Бейская Покровская, Аскизская Петро-Павловская и Усть-Абаканская Николаевская. На титульном листе дела написано: «Метрические книги Шушенской Петропавловской церкви за 1868 год». В бумажной описи указано: «Метрические книги церквей Минусинского округа за 1862 год». Однако благодаря последующему уточнению для электронного каталога красноярского архива удалось устранить эту нестыковку.⁷

Искомая запись № 90, прежде всего, прояснила дату крещения Катанова – 15 мая 1862 г. по старому стилю (27 мая – по новому ст.). Именно в день религиозного таинства крещения и была составлена данная запись. Стоит обратить внимание на то, что для инородческого населения точные даты рождений документально редки, так как обряд крещения мог состояться в любом возрасте, однако Николаю Фёдоровичу повезло, ведь крестили его спустя всего девять дней после рождения, очевидно, благодаря тому, что отец был улусным писарем.

В графе «Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания» записано: «2-й Сагайской половины ясачный Фёдор Семёнов Катанов незаконная жена его Марья Кизекова оба православного исповедания». В графе «Звание, имя, отчество и фамилия восприемников» указано: «Аскизский священник Пётр Васильев Соколов и 2-й Сагайской половины ясачная Елена Фёдорова Катанова».⁸ Помимо П.В. Соколова в крещении принимал участие дьячок Елевферий Неприцкий. Также сделана пометка о том, что «справка дана 13 августа 1876 года по прошению». Речь идёт о метрической выписи, которая понадобилась Катанову для поступления в Красноярскую губернскую мужскую гимназию (ср.: Н.Ф. Катанов: «В августе 1876 года я поступил в классическую гимназию в Красноярске...»)⁹

Родители Катанова

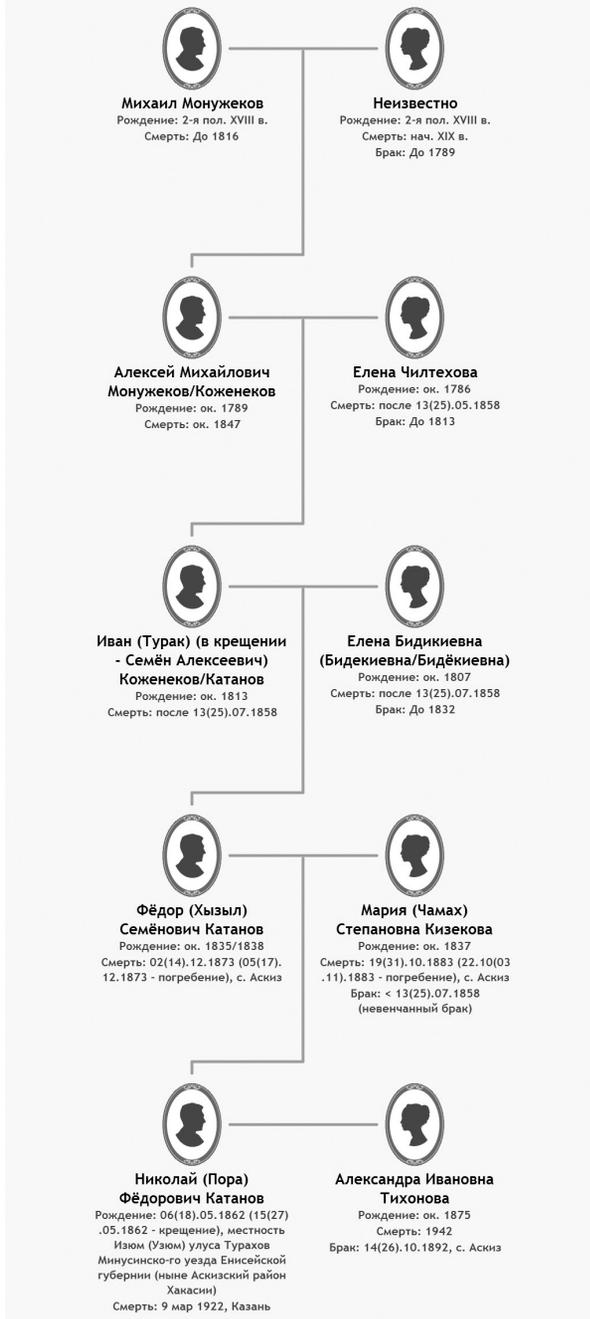
Отыскав подлинную метрическую запись о рождении/крещении Н.Ф. Катанова, мы обратились к метрическим книгам по Аскизской Петропавловской церкви за другие годы, чтобы найти точную информацию о родителях учёного. На этот раз работа предстояла в Национальном архиве Республики Хакасия (НАРХ). Эти метрические книги также оцифрованы и доступны с компьютеров в читальном зале НАРХа, тогда как метрические книги из ГАККа можно просматривать в интернете.

В результате поисков удалось установить точные даты смертей родителей Катанова. Его отец Фёдор Семёнович Катанов умер 2 декабря 1873 г. по старому стилю (14 декабря – по новому),¹⁰ а мать Мария Степановна Кизекова – 19 октября 1883 г. по старому стилю (31 октября – по новому).¹¹ Установить точные даты рождений родителей Николая Фёдоровича не представляется возможным, так как метрические книги по Аскизской церкви за 1830-1840 гг. практически не сохранились.

Монужековы, Коженековы, Катановы?..

Документально фамилия «Катанов» впервые фиксируется в 1858 г. в 10-й ревизской сказке (переписи населения) Сагайского рода степной думы соединённых и разнородных племён, которая хранится в ГАККе и в архиве г. Минусинска.¹² Согласно этой ревизской записи Турак, он же Иван, а по крещению Семён Алексеевич Коженеков, он же Катанов, родился приблизительно в 1813 году. Его жена Елена Бидёкиевна родилась примерно в 1807 году. На июль 1858 г. у них было пятеро сыновей и дочь: Павел, Фёдор, Роман, Василий, Тюхтиш и Парасковья. У старшего сына Павла Семёновича и его жены Марьи Катовны записаны сыновья Андрей и Лукьян. Также на момент переписи была жива мать Семёна Алексеевича – Елена Чилтеховна (около 1786 года

Родословная Н. Ф. Катанова

рождения). Второму сыну Турака – Фёдору, будущему отцу Николая, было 20 лет, а его жене Марье Степановне – 21 год.

Обратившись к 8-й и 9-й ревизиям 1832 и 1850 гг., удалось выяснить, что у предков Николая Фёдоровича изначально была фамилия «Монужеков», затем «Коженеков» и, наконец, «Катанов».¹³

В ревизской сказке 1850 г. главой семейства Коженековых указан Алексей Михайлович, родившийся приблизительно в 1789 г. и умерший примерно в 1847 году. У Ивана (Турака, Семёна Алексеевича) помимо младшей дочери Парасковьи записана старшая дочь Лукерья.

Дело в том, что процесс фамилизации всегда очень сложный, тем более у кочующего инородческого населения. Становление хакасских фамилий пришлось на вт. пол. XVIII в.,¹⁴ когда введение документооборота Российской империи (на примере ревизий как учёта податного ясачного населения) способствовал фамилизации инородцев и иноверцев. Для понятия «фамилия» в хакасском языке нет специального термина, поэтому близким ему по смыслу является хакасское слово «□беке» (предок) и словосочетание «пичикке кір□е□» («закреплённый в документе»). В течение XIX в. сеоки (от хакасского «сёок» – «кость»), потерявшие социально-экономическое значение, уступили свои позиции фамилиям в семейно-брачных отношениях. Официальное делопроизводство в степных думках способствовало закреплению хакасских фамилий, которые, как правило, произошли от имён глав семейств, имевших самостоятельное хозяйство.¹⁵

Таким образом, предположительным документальным родоначальником Катановых следует считать Михаила, от хакасского имени

которого, вероятно, и образовалась фамилия «Монужеков», а уже от имён-прозвищ «Коженеков» и «Катанов» – фамилии «Коженеков» и «Катанов».¹⁶ Впрочем, сам хакасский учёный отмечал, что основателем его фамилии был качинец Коженеков, сын которого был усыновлён сагайцем Катаном.¹⁷

Последнее обстоятельство усложняет документальную версию родословной, так как предполагает факт усыновления. Устная версия родословной Катановых приводится и в статье профессора В.Я. Бутанаева, где информатор Макар Лукьянович Катанов, родившийся в 1897 г., в 1974 г. рассказал свою родословную, по которой он доводился правнуком Алексею Михайловичу Монужекову-Коженекову. «Отец последнего, то есть Михаил Монужеков, происходил из качинского рода Самриных (сеок бурут). В таком случае Катановы представляют отколовшуюся часть качинцев (этнического подразделения хакасов), вошедших в состав сагайцев».¹⁸ На самом деле Макар Лукьянович является не правнуком, а праправнуком Алексею Михайловичу: Алексей

– Семён – Павел – Лукьян – Макар. Однако Бутанаев, на наш взгляд, поспешно отождествляет сына Коженека, о котором вспоминал Н.Ф. Катанов, с Манужеком, то есть Михаилом, якобы и усыновлённом сагайцем Катаном. Бутанаев, ссылаясь на информатора М.К. Катанова, делает следующий вывод: «Таким образом, фамилия происходит от Катана Коженекова, жившего в середине XVIII в.»¹⁹ Следовательно, согласно устному родословию пробандом (лицо, с которого начинается составление генеалогии) Катановых является Коженек, сын которого Монужек (версия Бутанаева) был усыновлён Катаном. Получается, что фамилия «Катанов» была взята предками Николая Фёдоровича не по прямому биологическому родству, а косвенно посредством усыновления. Правда, речь не может идти о Катане Коженекове, о котором пишет Бутанаев, так как Катан всего лишь усыновитель сына Коженека – предположительно Монужека, вследствие чего мы и имеем два документальных варианта фамилии: сначала «Монужеков», а затем – «Коженеков». Приводя цепочку «Коженек – Манужек – Катан», Бутанаев напрасно изобретает «Катана Коженекова», противореча им же самим интерпретированному воспоминанию Катанова. Всё-таки, документально фамилия «Коженеков» зафиксирована позже фамилии «Монужеков», возможно, будучи образованной не от отчества, а от дедичества для случая Алексея (сына) Михайлова (Монужекова) (сына Коженекова).

Прояснить данный генеалогический вопрос поможет выявление более ранних архивных первоисточников по роду Катановых, хранящихся в Государственном архиве Томской области (в частности, ревизских сказок кон. XVIII – нач. XIX вв., благодаря которым удастся документально углубить наше исследование до сер. XVIII в.)²⁰

2017 г.

Примечания:

¹ Бутанаев В.Я. Жизненный путь и судьба профессора Н.Ф. Катанова (1862-1922) // Наследие Н.Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16-19 мая 2012 г., г. Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан, 2012. – С. 200-207.

² Кокова И.Ф. Николай Фёдорович Катанов: Документальная повесть о выдающемся российском востоковеде. – Изд. 2-е, доп. – Абакан, 2012. – 172 с.

³ Иванов С.Н. Николай Фёдорович Катанов, 1862-1922: Очерк жизни и деятельности. – Изд. 2-е. – М., 1973. – 114 с.; Николай Фёдорович Катанов. [Электронный ресурс] – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Катанов,_Николай_Фёдорович (дата обращения: 01.01.2018).

⁴ Николай Фёдорович Катанов. [Электронный ресурс] – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Катанов,_Николай_Фёдорович (дата обращения: 01.01.2018).

⁵ Дневник путешествия Н.Ф. Катанова по Минусинскому округу Енисейской губернии с 21.09.1889 по 12.01.1890 // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 969. О.1. Д.8. Л.334.

⁶ Николай Фёдорович Катанов. [Электронный ресурс] – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Катанов,_Николай_Фёдорович (дата обращения: 01.01.2018).

⁷ Электронный читальный зал Государственного архива Красноярского края. [Электронный ресурс] – URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk> (дата обращения: 01.01.2018).

⁸ Метрическая книга Аскызской Петро-Павловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1862 год // Государственный архив Красноярского края. Ф. 824. О.1. Д.72. Л.191об.–192.

⁹ Дацышен В.Г. Н.Ф. Катанов – воспитанник Красноярской гимназии // Наследие хакасского учёного, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Фёдоровича Катанова: материалы Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения учёного. 16-19 мая 2012 г. Том I. – Абакан, 2012. – С. 20. – URL: http://haknii.ru/files/Nasledie_hakasskogo_uchenogo_%D1%821.pdf (дата обращения: 01.01.2018).

¹⁰ Метрическая книга Аскызской Петро-Павловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1873 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-29. О.1. Д.16. Л.230б.–24.

¹¹ Метрическая книга Аскызской Петро-Павловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1883 год // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-29. О.1. Д.29. Л.330б.–331.

¹² Ревизская сказка 2-й половины Сагайского улуса 1858 года // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. О. 3. Д. 622. Л.65об.–66; Перепись населения Сагайского рода Степной думы соединённых и разнородных племён 1858 г. // Архив г. Минусинска. Ф.15. О.1. Д.236. Л.69об.–70.

¹³ Именной список жителей 2-й половины Сагайского рода 1832 года // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. О.1. Д.139. Л.7об.–8; Ревизская сказка 2-й половины Сагайского улуса 1850 года // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. О.1. Д. 417. Л.19об.–20; Перепись населения 2-й половины Сагайского улуса Степной думы соединённых разнородных племён 1850 г. // Архив г. Минусинска. Ф.15. О.1. Д.172. Л.12об.–13; Ревизская сказка 2-й половины Сагайского улуса 1850 г. // Государственный архив Красноярского края. Ф.160. О.3. Д. 419. Л.12об.–13.

¹⁴ Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. – 92 с. – URL: <http://nbdrx.ru/pdf/bx0000127.pdf> (дата обращения: 01.01.2018).

¹⁵ Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хоорай чонныц тꞑреллери = Хакасские родословные (предания, мифы, легенды). – Абакан, 1996. – 108 с. – URL: <http://nbdrx.ru/pdf/bx0000137.pdf> (дата обращения: 01.01.2018).

¹⁶ Историческая ономастика Южной Сибири: учебно-методический комплекс по дисциплине: курс лекций / В.Я. Бутанаев, К.М. Торбостаев. – Абакан, 2016. – С.172.

¹⁷ Бутанаев В.Я. Жизненный путь и судьба профессора Н.Ф. Катанова (1862-1922) // Наследие Н.Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16-19 мая 2012 г., г. Абакан / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан, 2012. – С. 200.

¹⁸ Там же. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 200.

²⁰ Нилогов А. С. Откуда есть пошёл Николай Катанов / Шанс. № 12. 23-29 марта 2017 г. С. 18. – URL: <http://shans.online/otkuda-est-poshel-nikolaj-katanov/> (дата обращения: 01.01.2018); Нилогов А. С. / О находке метрической записи о рождении/крещении Н.Ф. Катанова / Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы IV Международной научной конференции, посвящённой 155-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова (27-29 сентября 2017 г.). – Абакан, 2017. – С. 30–31. – URL: <http://haknii.ru/files/19.10.2017%20g%20Narody%20i%20kultury%20uzhnoy%20sibiri.pdf> (дата обращения: 01.01.2018).

И.Л. Новикова,
г. Красноярск

Майнагашевы. К истории рода

Жизнь и судьба представителей рода казановских Майнагашевых уже вызывали жгучий интерес профессиональных исследователей.¹ Реабилитации одного из них, Степана Дмитриевича Майнагашева, способствовали публикации историка А.П. Шекшеева.² Но среди них были лица, не только прожившие замечательную жизнь, но и оставившие после себя воспоминания. Такой была, к примеру, моя бабушка – Евдокия Васильевна. Записывать бабушкины истории я начала лет в двадцать: незнакомый мне быт дореволюционной Хакасии, противостояние с новыми властями, личность необычайно изящного молодого человека на старой фотографии – бабушка называла его «дядя Степа». Эта фотография (и эта личность) теперь известна всей Хакасии – это Степан Дмитриевич Майнагашев, о нём написаны научные труды, снят фильм, установлена мемориальная доска. Но вспоминала она не только о нём...

В детстве бабушку звали хакасским именем Дунячах, или Дунечкой. Она родилась в 1913 г. в зажиточной хакасской (тогда говорили – «инородческой») семье, живущей в Иресовом аале, что находился у подножия горной гряды с названием «Семь дев». Её отец, Василий Дмитриевич, мечтал перебраться в город, но поскольку был вторым из сыновей, то оказался привязанным к хозяйству.

Своего деда, Дмитрия Александровича Майнагашева (по-хакасски его звали Ирес), Дуня не застала в живых, но много слышала о нём. Он был известным человеком в местном инородческом обществе, занимался благотворительностью: жертвовал на дальневосточные экспедиции, Николаю Михайловичу Мартъянову на музей, просто отдавал государству деньги, зерно, быков и овец. Бабушка Иресиша потом ворчала: «С этим Иресом разве разбогатеешь?». В Минусинском краеведческом музее имени Н.М. Мартъянова есть справочник Феликса Кона, выпущенный к 25-летию его основания. Там приведён список жертвователей, среди них – Майнагашев Д.А.

Занимался Ирес и орошением – он первый в округе провёл к огороду канал. Соседи потом сделали от него отводы, и даже, бывало, заявляли своё право на первоочередное пользование водой. Дунячах смеялась, когда вспоминала эти посягательства. Иреса давно не было в живых, а система водоснабжения, созданная его руками, работала и носила его имя – Иресов канал.

В публикациях о Степане Дмитриевиче встречается информация, что в семье Майнагашевых росли три сына (Терентий, Василий и Степан) и две дочери. В действительности детей было больше: на единственной известной фотографии Иреса рядом с ним стоит его сын Иркут, который умер подростком, как и ещё несколько детей в семье. Кроме того, у Иреса была старшая дочь,

Прасковья, она была замужем и не принимала участия в майнагашевских делах. В 1930-е гг. её с мужем, Гавриилом Афанасьевичем Асочаковым, с детьми сослали в Иркутскую область. Прасковья Дмитриевна была уже в возрасте, работать не могла. А еду им выдавали по количеству работающих. Когда все приходили с работы, то Прасковья Дмитриевна накрывала на стол и говорила, что уже поела. Она уморила себя голодом. Её дочь, Ольга, ослепла от нервного потрясения. По возвращению из ссылки она пыталась восстановить зрение, ездила на лечение в Одессу, но слепота оказалась необратимой. Там Ольга выучилась на массажистку и лечила массажем страждущих. Они к ней съезжались со всей округи.

Жена Иреса, Варвара Николаевна (урожденная Кызласова), была грамотная и знала православные молитвы, её приглашали к больным, когда не могли дозваться священника. Она вела дела с купцами – то они к ней приезжали, то сама ездила в Минусинск, в Иркутск и в Красноярск. Мать Дунячах, Ирина Ипполитовна (по отцу Ултургашева), вспоминала как вскоре после их свадьбы свекровь засобиравалась в Иркутск и, оставляя на молодую невестку хозяйство, долго перечисляла задания: одному пастуху то, другому это... Один пас лошадей, другой – коров, а трое – следили за овцами. Масштабы деятельности этой женщины были поразительными: в зависимости от условий в её хозяйстве насчитывались от 9 до 22 тыс. овец.

Иресиха была человеком прогрессивных взглядов, в то время такие женщины редко встречались. Однажды Дунячах заболела желтухой, старший брат отвез её в больницу и, оставив в очереди, уехал по своим делам. Врач выписал ей три лекарства, видимо, в разных формах, потому что получать их нужно было в нескольких очередях. Два из них она получила, а третье – не успела. Вернулся брат и заторопил домой. По дороге обнаружил, что лекарств меньше, чем рецептов, и до самого дома выговаривал ей за это. Ирине Ипполитовне в голову бы не пришло сделать замечание сыну за то, что он ругает младшую сестру, она считала, что мальчик прав уже потому, что он мальчик. Но у них в доме оказалась бабушка Иресиха. Она резко высказала внуку, что он затем и послан был, чтобы сидеть с сестрёнкой в очереди, разговаривать с врачом и разбираться с рецептами. Послала его в тайгу за черемшой, народным средством от всех болезней. Ездил с ночевкой, возвращался пешком – так была нагружена лошадь. Таков был авторитет Иресихи.

У неё было принято многое, чего местные жители ещё не знали. Так под Рождество наряжали игрушками ёлку. Ещё она выращивала клубнику. Тогда ягоды собирали в лесу, а не сажали сами, но варенье ценилось из-за дороговизны сахара.

Валентина Евгеньевна Майнагашева, один из замечательных представителей рода, рассказала мне об ещё одних садах в Хакасии. Тогда случалось, что женщины, неудачно выданные замуж, или украденные, бежали от мужей. Вернуться к родителям они не могли, и им давал приют Евграф Майнагашев, брат Иреса. Эти женщины работали в его садах. Когда Евграф ездил в гости, то в качестве гостинцев брал с собой квашеную капусту, солёные помидоры, арбузы и дыни.

Отец Дунячах, Василий Дмитриевич, был средним сыном Иреса. Как и старшему, Терентию, ему было выделено отдельное хозяйство. Вместе с русским плотником и мастером столярных дел он построил крестовый дом. Этот умелец потом жил в его семье и изготовил мебель для дома. Дунячах запомнился конторский стол – большой, покрытый зелёным сукном, с ящичками и узорными решётками по краям. В доме были высокие окна, украшенные комнатными цветами.

Одно время Василий Дмитриевич работал управляющим Сельхозбанком в Минусинске, и звал жену переехать туда. Но Ирине Ипполитовне даже мысль о городской жизни была смешна:

В 1920-е гг. дом разобрали по бревну, перевезли в Аскиз и собрали обратно – в нём разместили какое-то советское учреждение.

Устроив жизнь двух старших сыновей – Терентия и Василия, Иресиха отпустила младшего учиться. Степан Дмитриевич поступил в Красноярскую духовную семинарию, окончил её по ускоренному курсу, а потом стал слушателем народного университета Шанявского в Москве. Затем служил в Императорском географическом обществе, занимался тюркскими языками и этнографией, ездил в экспедиции. На сайте Кунсткамеры имеется его фотоотчёт о поездках к тюркским племенам в 1913 и 1914 годах.

Где-то между 1914 и 1916 гг. Степан Дмитриевич занялся кооперацией и общественной деятельностью. Он добивался возврата местному населению земель, изъятых в переселенческий фонд, организовывал кредитные товарищества. Во время Первой мировой войны хакасов призывали в трудовую армию и отправили на Черемховские угольные копи. Доведённые почти каторжными условиями до смертельных случаев, они начали дезертировать в массовом порядке. Степан Дмитриевич пытался смягчить участь судимых беглецов.

Революционные события февраля 1917 г. Степан Дмитриевич Майнагашев принял с энтузиазмом. На одном из съездов инородческого представительства он предложил собравшимся называть себя «хакасами». Им был разработан первый хакасский алфавит. Продолжая деятельность по консолидации ачинско-минусинских инородцев, Майнагашев добивался от антибольшевистских правительств выделения хакасских волостей в самостоятельное земство. Вплоть до окончательного утверждения советской власти С.Д. Майнагашев (1885-1920) являлся не только общественно-политическим деятелем, но и признанным лидером хакасского народа.

Между тем революционный энтузиазм вскоре сменился разочарованием, мобилизацией хакасов в белую армию, мародёрством вооружённых людей, представляющих и белых, и красных. По воспоминаниям Дуныча, все они отбирали еду, но красные ещё и убивали. Естественно, что несколько десятков молодых сильных мужчин, с детства сидевших на лошадях и державших в руках охотничьи ружья, пытались защищаться. Некоторые из них успели послужить в дружинах самообороны, другие – в Хакасском дивизионе. По утверждению ещё одного известного представителя рода – Григория Ильича Майнагашева, Василий Дмитриевич был даже в офицерском звании. Он и возглавил вооружённый отряд.

К концу 1919 г. Дуни было шесть с половиной лет. Её воспоминания о тех событиях отрывочны, но отдельные сцены ярко врезались в память и отчётливо помнились всю жизнь. Она помнила, как её отец нервно ходил из угла в угол и что-то быстро говорил, а её двоюродные братья, Ион и Васяка Евграфович, сидели и плакали. Помнила, как Василий Дмитриевич яростно спорил с сестрой Александрой о «марксистской литературе», и та выбегала в слезах. Помнила, как в дом приходили вооружённые люди и, уперев ружья в грудь её матери, требовали выдать Василия Дмитриевича. И как позднее приходил каяться кто-то из зареченских: красные их якобы пытали, дознаваясь, кто против советской власти, и он показал на всех троих братьев.

Задержание их историк освещает следующим образом. *«В с. Бея ... были сведены 21 милиционер Минусинской уездной милиции, 5 красноармейцев Минусинского гарнизона, 10 кавалеристов Бейской самообороны, 50 пехотинцев и 10 кавалеристов самообороны Абаканского завода. Вместе с десятью конными милиционерами, которых привёл с собой возглавляющий эту операцию начальник 4-го участка Минусинской уездной милиции Р.Э. Харью, был создан сводный отряд общей численностью в 107 бойцов ... Не доходя до Майнагашевского улуса десяти вёрст, отряд начал его окружение. Атака на улус началась в шесть часов утра, видимо, 10 марта ...».*

В Минусинске чекисты обвинили арестованных в организации карательного отряда и 24 апреля 1920 г. приговорили Степана Дмитриевича и Василия Дмитриевича к расстрелу. Бабушка рассказывала, что Терентия, старшего брата, они выгородили – он был самый многодетный. Его выпустили из тюрьмы после их казни. Затем Терентий Дмитриевич стал одним из организаторов Аскизского мелиоративного товарищества и погиб в лагерях уже в 1930-е гг. *«Приговорённые к расстрелу Василий и Степан Майнагашевы, – пишет тот же историк, – не признали своей вины. Степан заявил, что не был заговорщиком против Советской власти. Перед смертью они обнялись так, что их, чтобы расстрелять, пришлось растаскивать».*³

Оставшись после гибели Степана Дмитриевича с двумя маленькими детьми на руках, его вдова, Серафима Михайловна Порываева, ушла от Майнагашевых к своим братьям, которые к тому времени тоже переехали в Хакасию. Она работала учительницей и позднее вышла замуж за Константина Константиновича Самрина, который работал в системе народного образования. Его расстреляли во время «большого террора».

С известием о смерти Василия Дмитриевича, Ирина Ипполитовна открыла двери опустевшего

дома, выпустила из загонов скот, а затем уехала с детьми к родственникам на Тею. Их преследовал ещё и мельник Пахомов, которому Василий Дмитриевич якобы остался должен золото. Они прятались по лесам, чужим покосам и заброшенным домам. В это время умерла младшая дочь Ольга, с матерью остались Семён, Степан и Евдокия.

После трёх лет такой жизни семья вернулась в родные места и начала восстанавливать разрушенное хозяйство. Ирина Ипполитовна с сыновьями целыми днями работала в поле, её брат присылал на помощь своих сыновей. Иреси́ха передала от своей кобылицы необъезженных жеребцов – их объезжал Семён. Десятилетняя Дуны́ча вела дом и занималась огородом. Развели ещё и домашнюю птицу, даже индюков, тогда это была редкость. Ирина Ипполитовна была горда, когда проходившие мимо их забора люди спрашивали, откуда эта птица, и кивала на дочку: она вырастила. Постарше стала Ду́ня – доверили пасти овец.

Се́мен Васильевич, оставшись старшим мужчиной в доме, быстро повзрослел. Как и его отец, рвался в город. Ирина Ипполитовна, чтобы удержать парня при хозяйстве, рано его женила. Но это не помогло, Семён развёлся и уехал. Устроился работать в народный суд. Его второй женой стала Лина (Акулина) Павловна Шадрина. Она попала после учительских курсов в очень маленький аал Чебаковского района, где поселилась в хакасской семье и вела уроки в том же доме, где и жила. Через год построили школу, и дети были в восторге от просторного помещения. Она стала авторитетным человеком в аале. И потом везде, где Лина Павловна жила и работала, она пользовалась исключительным уважением.

Дуны́ча выросла и уехала в Таштып на учительские курсы. В местной газете стали выходить заметки с намёками – мол, учится среди советской молодёжи дочь бандита... Сокурсники стали перешёптываться у неё за спиной. Она из Таштыпа ночью ушла пешком, а брат Семён забрал её в город. Здесь, у него на работе, Ду́ня выучилась печатать на машинке и устроилась ученицей в Госбанк. К ней часто обращались поскольку она знала два языка.

Как советского служащего, Семёна временно призвали в состав частей особого назначения (ЧОН). Но служба оказалась короткой: получив ранение, он уехал лечиться в Томск. Писал оттуда Лине Павловне (будущей жене), что ранение тяжёлое, и она читала его письма односельчанам. В действительности (и Лина Павловна знала это), Семён учился в техникуме и вернулся в Хакасию с геологическим образованием – тогда это была очень востребованная профессия. Его назначили главным геологом и начальником рудника «Коммунар».

Дуны́ча стала участницей движения «Синяя блуза». Она хорошо пела и танцевала, сочиняла частушки и даже написала пьесу. После смотра самодеятельности, где была комиссия из Ленинграда, Евдокию приглашали учиться в театральный институт. Но Семён не пустил.

Она пошла работать в Аскизский райисполком. Его председателем был Чеменев, а заместителем – Шишкин, русский по национальности. Дуся приходила к ним, возмущалась халтурной работой переводчиков: «С хакасского нельзя переводить дословно, – считала она, – а надо по смыслу». Порвав тексты их переводов, переводила сама. Пыталась и Шишкина учить хакасскому языку.

С 1930 г. началось раскулачивание. Ирина Ипполитовна, которая к тому времени восстановила хозяйство, сдала в колхоз весь скот – ухоженный, любимый. Бывшая хозяйка устроилась в колхоз дояркой, её сын Степан – счетоводом. Через какое-то время Ирине Ипполитовне стали припоминать «эксплуатацию» бедняков – племянников, которых присылал её брат. Степан, критиковавший на собраниях лодырей, понял, что они пытаются через мать расправиться с ним. Сам пришёл в правление и потребовал лошадь для следования в ссылку. Однако разрядка по врагам народа была уже заполнена, и ему разрешили добровольную ссылку в рудничный Артёмовск.

Ду́ня просилась к ним, но Степан, не желая, чтобы она попала в «лишенцы», запретил ей даже думать о переезде. Посоветовал ей взять справку и уезжать. Но когда она приехала за документом в Казановку, то уполномоченный оказался пьян и начал приставать к ней. Она выпрыгнула в окно, вскочила на лошадь и ускакала. Утром проспавшийся начальник раскаялся настолько, что выдал ей справку, указав в ней середняцкое происхождение. Правда, посоветовал этот документ в районе, где знали об этой семье, не показывать, а лучше выйти замуж и сменить фамилию.

Своего избранника она встретила в столовой. Девушка поделилась своей порцией с молодым парнем, выглядевшим очень голодным, он поблагодарил её взглядом. Избранник оказался племянником известного хакасского просветителя Кирилла Семёновича Тодышева – Григорий Петрович.

Рассказывая о своей жизни, Дунячах не забывала поведать о судьбе остального потомства Иреса. Как уже говорилось выше, у него, кроме сыновей, были ещё и две дочери. Одна из них, Александра Дмитриевна, будучи учительницей в Казановской школе, которая открылась в 1912 г., являлась активной общественницей. Известно, что она была участницей учительских съездов, играла в спектаклях, показывала Хакасию сотруднице Томского музея Софье Константиновне Просвиркиной. В музее сохранились её путевые дневники с зарисовками, в частности свадебной шубы самой Иреси. В 1923 г. Александра Дмитриевна ездила в Москву в составе хакасской делегации на сельскохозяйственную выставку. «... В Москве, на территории выставки и в Большом театре её участники провели этнографические вечера, концерты с камланием, жертвоприношением и исполнением сказаний, легенд и народных песен. Большое впечатление на зрителей произвели выступления Е. Майнагашевой с песенкой «Карагай» («Сосна») и чатханиста Райкова. На встречах с хакасской делегацией присутствовали управляющие делами Большого и Малого Совнаркомов Н.Н. Горбунов и В.А. Смольянинов, известная певица А.В. Нежданова, дирижёр Большого театра СССР Н.С. Голованов, профессора вузов, студенты-археологи, научные сотрудники Музея этнографии. ... По инициативе заместителя наркома по делам национальностей и ректора Коммунистического университета трудящихся Востока Г.И. Бройдо певица Е.Т. Майнагашева была принята в его стены на учёбу», – так описывали позже участие в первой Всероссийской выставке представителей хакасского народа.⁴ В ней принимали участие ещё несколько родственников, в том числе отец Валентины Евгеньевны Майнагашевой, который был борцом и на соревнованиях в программе выставки победил 12 соперников.

Другая дочь Иреса, Ксения Дмитриевна, нарушив волю матери и братьев, вышла замуж за родственника, Семёна Андреевича Майнагашева. В 1926 году у них родился сын Бронислав, который стал ещё одной гордостью рода.

Бронислав Семёнович Майнагашев был из тех людей, что талантливы во всем – сначала он поступил в Ленинградскую Академию художеств. Потом окончил Нахимовское училище, командовал советскими ледоколами в Арктике. Осенью 1983 года руководил спасением транспортных судов, оказавшихся в ледовом плену. Он был членом коллегии Министерства морского флота СССР – начальником Главной морской инспекции, награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красной Звезды, двумя орденами Трудового Красного Знамени, а также орденом «За заслуги перед Хакасией». Проживая в Москве, Бронислав Семёнович одно время руководил представительством Хакасии при президенте РФ. Контр-адмирал и почётный гражданин Аскизского района РХ скончался 17 сентября 2017 года. По завещанию его прах был захоронен в Казановке.

Евдокия Васильевна окончила специальные курсы и какое-то время работала учительницей. Позднее она выучилась на бухгалтера. В 1937 г. был репрессирован Кирилл Семёнович Тодышев. Потрясённые этим, Григорий Петрович и несколько его братьев поклялись не возвращаться в Хакасию. Григорий Петрович учился в Казани, потом уехал в Кемеровскую область, сначала в какой-то совхоз, затем в Прокопьевск. Ему удалось избежать ареста во время репрессий. Но в апреле 1942 г. под Смоленском он погиб. После этого Дунячах перестала молиться Богу.

Уже вырастив и отправив учиться детей, Евдокия Васильевна вышла замуж второй раз. Она была потрясающе красива и умела устроить быт вокруг себя, несмотря на все невзгоды и лишения. Прожила Дунячах более 90 лет. Длительное время жила в Назарово. После смерти второго мужа переехала в Красноярск поближе к родственникам.

Хватившая лиха, Дунячах была житейски мудрым человеком и оставила своим ближайшим потомкам гены своеобразия, красоты и гордости. Жизнь, прожитая её поколением, была суровым испытанием и радостью, стоящей, чтобы о ней вспоминали. И тем самым – обогащали и оживляли историю.

Примечания:

¹ Гладышевский А.Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886-1920: Очерк жизни и деятельности. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1999. – 62 с.; Мамышева Е.П. Общественно-политическая деятельность С. Д. Майнагашева // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1998. – С. 126-131.; Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – 594 с.

² Абдин Н. 80 азыра чыл «чон ыргызы» // Хакас чирі. – 2000. – 6 октября.; Абдин Н. Его имя не предано забвению. Видный хакасский учёный и общественный деятель Степан Дмитриевич Майнагашев реабилитирован через 80 лет // Хакасия. – 2000. – 11 октября.

³ Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – с. 171-176.

⁴ Майнагашева В.Е. Неиссякаемый источник воспоминаний и любви // Хакасия. – 2011. – 10 марта; Шекшеев А.П. Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка // Энциклопедия Республики Хакасия. – Т. 1. – Абакан: ООО «Поликор», 2007. – С. 127-128.

Н.Г. Пивоваренко,
г. Минусинск

**Воспоминания ветеранов электрокомплекса г. Минусинска
(Управление капитального строительства)**

Передо мной фотографии коллектива УКСа – Управления капитального строительства Электрокомплекса, в котором я проработала 28 лет. На ум приходят слова песни «как молоды мы были, как верили...»... А мечта была построить Электрокомплекс. Своей задачей я не ставлю охватить весь объём выполненных работ, для этого потребуется многотомное произведение, а вспомнить о людях. К сожалению, время стирает из памяти имена людей, иные уже ушли из жизни.

Приказом № 65 от 14.02.1973 г. Министерства электротехнической промышленности СССР была создана дирекция строящегося Минусинского промышленного комплекса. И.о. директора назначили Чанчикува Александра Александровича. При моём поступлении в 1978 г. на работу генеральным директором являлся Карнушин Владимир Гаврилович (1977-1984 гг.), его сменил Шаповалов Виктор Прокопьевич (1984-1988 гг.). С ним приходилось встречаться на «штабах» – так назывались планёрки с участием строителей, эксплуатационников и работников УКСа. Я уверена, что если бы эти руководители остались во главе предприятия, то существующего развала не было бы! Кстати, Шаповалова мы по своей глупости переизбрали на волне эйфории «демократических выборов»...

Перед дирекцией строящегося Электрокомплекса стояли следующие задачи: осуществление функции генерального заказчика; обеспечение согласованными проектами и технической документацией; финансирование, контроль за качеством и ходом строительства; разработка и отработка технологии изготовления продукции будущих заводов и другое.

Дирекции предоставили помещение на втором этаже второго корпуса музея им. Н.М. Мартянова, вход был по наружной деревянной лестнице. Позднее все переселились в здание на промплощадке.

На промплощадке планировалось разместить 12 заводов; для обеспечения их и города теплом предусматривалось построить ТЭЦ. Капитальные вложения в ценах 1970 г. в промышленное и жилищное строительство оценивались в более 2 миллиардов рублей.

В числе первых работников дирекции были:

20.02-1973 г. Сулеменко Зинаида Васильевна, старший инженер-строитель

13.03.1973 г. Секретенко Полина Ивановна, старший инженер-строитель

19.03.1973 г. Споялов Пётр Ефимович, старший инженер-электрик

30.03.1973 г. Пшеничников Николай Семёнович, инженер-геодезист.

18.04.1974 г. Люляев Геннадий Георгиевич назначен главным инженером дирекции, который впоследствии возглавлял трест «Минусинскпромстрой».

На 1977 г. в аппарате дирекции трудились работники, имеющие достаточно высокую

квалификацию и большой опыт производственной деятельности. Среди них инженеры Алексей Васильевич Сидорин, Паршиков Андрей Данилович, Селивохин Борис Львович, Пожелаев Евгений Иванович, Марьясов Анатолий Иванович, Соколов Николай Васильевич, Москвин Владимир Михайлович, Замашиков Юрий Иннокентьевич.

8 июня 1973 г., несмотря на дождь, состоялся многолюдный митинг, посвящённый началу строительства будущего Электрокомплекса. В газете «Искра Ильича» от 13 июня приводится выступление первого секретаря горкома КПСС Ворошко А.Ф.: «... Сегодня мы присутствуем при открытии работ на строительстве заводов электронагревательных приборов и кабельного заводов – первых из всего комплекса. Это знаменательный день старта в большое будущее города, которому суждено стать крупным центром электротехнической промышленности на востоке страны...».

Газета сохранила память о начале строительства: Управляющий трестом «Минусинскпромстрой» И.П. Безматерный даёт команду механизаторам УМ-20 приступить к земляным работам. Пошли первые кубометры грунта на площадке кабельного завода.

Что же предшествовало этому событию? За два года до этого в городе был создан трест «Минусинскпромстрой» Главкрасноярскстроя – генеральный подрядчик. За это время строители соорудили три строительные базы, сдали в эксплуатацию 15 тысяч кв. м. благоустроенного жилья.

Работали СУ-23, СУ-62, СУ-46, СУ-66, СУ-38, более 15 субподрядных подразделений в том числе ССУ-6, «Красноярскстальконструкция», «Востоксантехмонтаж», СВЭМ (Северовостокэлектромонтаж), «Промвентиляция», «Сибтехмонтаж», «Сибтранспецстрой», «Строймеханизация», «Абаканэнергопромстрой», «Промсвязь», «Теплоизоляция», «Гидроэнергомонтаж».

Из воспоминаний Шашковой Светланы Петровны, в последнее время работавшей зам. генерального директора по капитальному строительству: «Я пришла работать в УКС в 1979 году. Моим руководителем был начальник техотдела Михаил Васильевич Злобин. Задачей отдела была подготовка архитектурно-планировочных заданий, получение документации от проектных институтов, её рассмотрение, согласование с государственными службами. В должности зам. главного инженера УКСа занималась внутривозвращаемыми титульными списками, согласованием проектов с министерствами и ведомствами, поэтому большую часть времени приходилось проводить в разъездах в Москве и в Новосибирске. В конечном итоге проектно-сметная документация передавалась для работы генподрядчику.

Изыскательские работы под объекты строительства были выполнены по заданию Московского института «Гипроэнергопром», составлены топографические планы, генеральные планы застройки промплощадки и жилых микрорайонов.

Технико-экономические обоснования (ТЭО), проектно-сметная документация выполнялась генеральным проектировщиком Новосибирским институтом «Сибгипроэлектро», а также проектными институтами Горького, Москвы и др. главными инженерами проектов (ГИП) в своё время были В.В. Фролов, В.А. Гусев, Игорь Васильевич Савватеев, Александр Платонович Матыскин – очень грамотные специалисты. Представителями авторского надзора в Минусинске от институтов были Киреев Николай Александрович, Секретенко Полина Ивановна, Бальчугов Анатолий Матвеевич.

Проектная документация на жилищно-гражданское строительство выполнялась институтами «Красноярскгражданпроект» и «Абакангражданпроект» (ГИП, К.Г. Курпас).

Хочу вспомнить о работе специалистов технического отдела Шорикове Валентине Даниловиче, Спаяловой Елене Николаевне. В подчинении архивариуса Авериной Лилии Андреевны (1975) находились десятки тысяч единиц проектно-сметной документации, условиям систематизации которой может позавидовать любой архив. К сожалению, вся документация на построенные объекты и на новые уничтожена, как и сами объекты на промплощадке».

Как известно, театр начинается с вешалки, а подготовка к земляным, строительным-монтажным работам с работы геодезистов, о роли которых поделилась старейший работник УКСа геодезист Замашикова Валентина Серафимовна (1975 г.), коммунист, многолетний председатель цехкома профсоюза: «Хочу немного рассказать о первопроходцах строительства Электрокомплекса

– геодезистах. Задача геодезической службы – вынести в натуру, т. е. обозначить на местности объекты строительства – здания, сооружения, сети теплоснабжения, водопровода, канализации, электроснабжения, связи согласно проектной документации.

Первыми геодезистами были Пшеничников Николай Семёнович, Есипенко Владимир и Н.Г. Пивоваренко. Затем число геодезистов увеличилось до 6 инженеров – это Рыжакова Анастасия Филипповна и супруги Гулимовы.

Вооружённые теодолитами, нивелирами, рейками и рулетками в любую погоду мы шли на работу. Надо было торопиться, ведь вслед за нами шли строители. Одновременно строили заводы, дороги, жилые микрорайоны. В задачу геодезистов входило также следить за правильностью исполнения строителями планов застройки, т. е. в начале вынести в натуру объекты, а затем составить фактические исполнительные съёмки – это основной документ, подтверждающий правильность выполнения работ подрядчиком».

10 марта 1978 г. по Министерству электротехнической промышленности издаётся приказ № 123 «Об образовании производственного объединения «Минусинский электротехнический промышленный комплекс» (ПО МЭТПК, СТО – головной завод). Этим приказом была ликвидирована дирекция, её функцию стало выполнять Управление капитального строительства (УКС), вошедшее в состав объединения с плановым и техническими отделами, тремя ПТО, отделом оборудования со складами, бухгалтерией.

Добрым словом вспоминаю ныне покойных начальника планового отдела Петрову Марию Семёновну, начальников ПТО Проскуру Виталия Григорьевича и Антипина Виктора Иннокентьевича, отдела оборудования Кадулича Николая Дмитриевича.

Специалисты ПТО (нас называли кураторами) осуществляли технический надзор за строительством. Работники УКСА были грамотными, инициативными специалистами. Инженеры технадзора проверяли качество и объёмы выполненных СМР (строительно-монтажных работ), а контроль правильности подписанных нами объёмов осуществляли специалисты Стройбанка «Енисей» Москвина Галина Евгеньевна, Осокина Надежда Викторовна, Кулакова Тамара Ивановна. Это называлось «контрольный обмер», приписки наказывались жёстко и непреклонно.

Инженерами технадзора трудились Белоусова Зинаида Николаевна, Толстикова Людмила Анатольевна, Понькина Тамара Александровна, Москвин Владимир Михайлович, Бездворных Вера Николаевна, Алющенко Вера Геннадьевна, Маркун Святослав Александрович, Зольников Михаил и др. По состоянию на январь 1989 г. в штате УКСа числились более 40 человек.

От отдела оборудования зависела комплектация оборудованием и материалами поставки заказчика строящихся объектов, а это тысячи единиц оборудования, тысячи километров кабельной продукции. С этой работой успешно справлялись Панкстыянов Анатолий Яковлевич (1976), Пономарёва Любовь Николаевна (1973), Исламова Татьяна Ивановна (1976), Белая Татьяна Андреевна, Дубинин Михаил Яковлевич (1973), Синицына Татьяна Григорьевна, Носкова Лариса Петровна и другие. Во время заявок отдел оборудования пустел – все уезжали в Москву с тяжёлыми сумками заказных спецификаций и чертежей.

Складское хозяйство УКСа с подъездными ж/д путями было огромным. Успешно трудились Тычинина Наталья Васильевна (1975), Шавров Владимир Ильич (1981), Петров Валентин Леонтьевич (1975).

Бухгалтерия УКСа занималась учётом поступления и выдачи со складов материалов и оборудования подрядчику.

Все финансовые вопросы решались в плановом отделе – это подготовка внутривнутрипостроечных титульных списков по стройкам и объектам, оплата подрядчикам выполненных работ. В отделе работали Гайфулина Равия Ягофаровна (1982), Гайдунова Галина Михайловна (1979), в дальнейшем финансовый директор Электрокомплекса.

Из интервью Геннадия Георгиевича Люляева газете «Искра Ильича» 07.11.1975 г. о кадрах для Электрокомплекса: « В настоящее время в Минусинске создан отдел Всесоюзного научно-исследовательского электротехнического института. На базе отделения позже будет создан

филиал этого института. В 1976 году начнётся строительство здания ГПТУ на 1200 учащихся по всем специальностям строящихся заводов. Специалистов будет готовить Минусинский электротехнический техникум, на базе которого откроют филиал электротехнического института. Техникум также будет открыт в самом ближайшем будущем. Закреплению кадров на наших предприятиях будут помогать и опережающие темпы жилищного, культурно-бытового строительства».

На 1 января 1979 г. на строительстве было освоено около 105 млрд. руб., в т. ч. сдано около 120 тыс. кв. метров жилья, школа на 1176 мест, детский сад на 280 мест, районная котельная, очистные сооружения.

Генеральным планом застройки с 300-тысячным населением предусматривалось обустройство современного Минусинска: это и красивая набережная, бульвары, скоростные магистрали на промплощадку, спортивные комплексы, больницы, Дворец пионеров.

На предусмотренной площадке под строительство Дворца культуры и поликлиники (проекты были выполнены и начата вертикальная планировка, но из-за отсутствия финансирования работы прекратились) сейчас забивают сваи под Досуговый центр.

Для обеспечения объектов электроэнергией была произведена реконструкция подстанций «Минусинская – Опорная 220/110/10 кв», смонтированы ЛЭП 110 кв. от Опорной до ГПП-1 на промплощадке с заходом фидеров на ТЭЦ.

30 августа 1976 г. состоялся митинг по случаю ввода первой очереди подстанции «Тагарская 110/10 кв» – источника питания объектов жилищного строительства.

Первым застраиваемым жилым стал III микрорайон, называемый в народе БАМ, а IV – Малой Землей, т. к. во время его застройки вышла книга Л.И. Брежнева. Для обеспечения города водой в районе Селиванихи были построены водозаборные сооружения с водоводами.

Проблемы канализации решились с запуском очистных сооружений, принимающих стоки от города и по коллектору с дюкером через протоку от промплощадки. В апреле 1974 г. рабочая комиссия приняла в эксплуатацию аэротенки очистных сооружений. Общестроительные работы осуществляло СУ-23. В 1977 г. очистные полностью введены в эксплуатацию.

Районная котельная до ввода в эксплуатацию Пиковой котельной, а затем и ТЭЦ обеспечивала город теплом. Для решения вопросов связи было произведено расширение РУС (районный узел связи), с промплощадки проложена до города телефонная канализация. Начато строительство пождепо, торгового центра, здания для размещения ВЭИ по ул. Ленина.

Строились и вводились в эксплуатацию жилые дома, работники Электрокомплекса и строители получали квартиры.

Как ни тяжело, но вспомним и о промышленном строительстве. Почему тяжело? Работа тысяч людей разрушена, разграблена. Сначала мы смотрели, как уничтожается завод СТО, но ещё и подумать не могли, что это ждёт и все построенные и действующие объекты. Не знаю, хватит ли у меня сил увидеть руины. После рекультивации земель не останется и следа от былой красоты.

Первые ростверки и фундаменты завода СТО выполняла бригада СУ-62 С.Н. Иваницкого, а уже 28.11.1977 г. была создана гос. комиссия по приёмке в эксплуатацию законченного строительством первого пускового комплекса. 10.02.1978 г. Ф.А. Иванов передал символический ключ директору нового завода В.Г. Карнушину. На митинге по этому событию прозвучали слова: «Сегодня по заслугам воздается честь передовым бригадам строителей: камешников Г. Саушкина, монтажников В. Анистратова и М. Сас, плотников-бетонщиков А. Матвеева, С. Иваницкого, В. Поспелова, отделочников П. Григорчук и др.»

На этот период механизаторами разработано 2,5 млн куб. грунта. Забито 11 тыс. свай, смонтировано 10 тыс. куб. сборного ж/б, проложено 80 км инженерных коммуникаций.

В декабре 1978 г. сдана в эксплуатацию Пиковая котельная ТЭЦ мощностью 135 гикакалорий в год; в 1979 году начато строительство ТЭЦ, генподрядчик «Абаканэнергопромстрой».

Для обеспечения жизнедеятельности действующих предприятий выполнены инженерные коммуникации, построены дороги и ряд вспомогательных объектов: ГПП-1 (главная понизительная

подстанция 110/10кв), ИАК (инженерно-административный корпус), энергоблок, Пождепо, АКС (азотно-кислородная станция), ВКС (водородно-кислородная станция), станция нейтрализации, Станция оборотного водоснабжения, градирни, комплекс объектов внешнего ж/д транспорта, складского хозяйства, ЦТП (центральный тепловой пункт), КГЦ (кузнечно-гальванический корпус), Корпус смешанного производства, дренажные насосные, здание второй очереди СТО. Транспортный цех обеспечивал производство грузовым транспортом, автобусами для перевозки людей, а подсобное хозяйство – столовые мясом.

1978 г. я впервые пришла принимать работы от «СВЭМа» на главном корпусе завода ВВВ. Только специалисты оценят тот огромный объём работ, выполненный на этом уникальном объекте до ввода в эксплуатацию!

Для водоснабжения промплощадки построены водозаборные сооружения на острове Безымянном и на острове Жульминском, проложены десятки километров водоводов. Рядом с главным корпусом ЗВВ забиты сваи, смонтированы ростверки под завод КРУ.

Из комплекса учебных заведений выше автодороги №1 выполнен монтаж каркаса ПТУ и учебного корпуса. С этого объекта открывалась прекрасная панорама стройплощадки и этим пользовались фотографы.

Моим любимым объектом был ЦКИ (цех керамических изоляторов), он был готов к вводу в эксплуатацию, финансирование прекратилось, уникальное оборудование начало разворовываться. Помню совтоловые трансформаторы в подстанциях с вырванными обмотками, страшное зрелище.

В июне 1977 г. силами УМ-20 началась забивка свай для завода СУиД (сварных узлов и деталей), площадь застройки под этот завод – 27 га, ввод первой очереди предусматривался в 1983 году.

Интересный проект строительства завода КЭМ – (крупных электрических машин и генераторов).

Для частичного решения кадровых вопросов предусматривалось использование спецконтингента построенного специально для этого ИТУ (исправительно-трудового учреждения). Огородили ЦКИ и КРУ заборами, вышками, но это продолжалось недолго.

В построенном профилактории «Бальзам» работники могли без отрыва от производства поправлять своё здоровье. Силами ремонтно-строительного цеха (Ледяева Наталья Васильевна, Пугачёв Сергей Васильевич) были построены базы отдыха на озере Большой Кызыкуль, Белё, Гладенькой. Эти объекты строились после 1991 г. за счёт доходов ЭЛКО, но все равно оказались в одних частных руках, а акционеры ни с чем. Я иногда достаю свидетельство на владение 677 акциями, вздыхаю и убираю бумажку. Когда-то давно получила дивиденды в размере 108 руб., на этом мой «капитализм» закончился.

Работа строителей и работников ОАО «ЭЛКО» достойна огромного уважения и благодарности от жителей Минусинска.

2017 г.

В.С. Пилипенко,
г. Новокузнецк

Кузнецкий Смольный – первый культурный центр города

В 1899 г. вся просвещенная Россия отмечала 100-летие Александра Сергеевича Пушкина. Не остался равнодушным к этому событию и провинциальный Кузнецк. Уполномоченными городского управления были приняты решения отвести свободный городской участок земли «под устройство дома для помещения городской общественной библиотеки», затем в 1901 г. «под постройку Дома общества вспомоществования нуждающимся учащимся», и, наконец, в 1904 г. был принят оптимальный вариант – возведение Народного дома им. А.С. Пушкина по линии попечительства о народной трезвости.

Проект Народного дома кузнечанами был поручен известному тогда в Сибири архитектору, гению модерна – томскому зодчему Андрею Дмитриевичу Крячкову и выполнен им в 1904 г. как «Народный дом общества трезвости в Кузнецке».

Строительство Народного дома велось в 1905-1906 гг. на общественных началах. Большие суммы внесли один из инициаторов строительства городской голова Попов, потомственная почётная гражданка, владелица маслобойного завода близ Бийска Е. Морозова, а также простые горожане, внёвшие свою лепту через «кружечный сбор».

Для строительства Народного дома был выделен участок на улице Нагорной (ныне Народной). Обилие вокруг Кузнецка лиственных и сосновых лесов определило выбор строительного материала.

Строительство народного дома, по воспоминаниям краеведа В.П. Девтярова, возглавил столяр и стекольщик Карп Савватеевич Шмыков, который при строительстве ввёл элементы декора сибирского деревянного модерна, создав выразительным его главный фасад, что через века поставило Народный дом в ранг памятника архитектуры начала XX века.

Полутораэтажный бревенчатый дом стал маленьким шедевром стиля деревянного сибирского модерна: огромные закруглённые окна с характерным рисунком переплётов, причудливые изломы крыши и крытый жёстью шпиль – всё это говорило о приходе в уездный Кузнецк совершенно нового стиля, который, собственно, так и назывался «модерн». Деревянный модерн тяготел к декоративности внешних форм: ассиметричное решение фасадов, вычурные овальные окна со сложными переплётами, множество окружностей со смещёнными центрами (например, окружность окна и кокошника над ним). Каждая архитектурная деталь словно смакуется и – более того – порой доводится до абсурда.

Хотя Народный дом и предназначался «для самого подлого народа», как выражались прежде, совсем уж простой народ визитами дом не баловал. В нём стал собираться тогдашний средний класс: мещане и мелкобуржуазный элемент. Кроме библиотеки работали кружки шахматистов-шашкистов и бильярдистов, а с 1908 г. появился и драматический кружок.

Если в больших городах сцена служила только потребностям развлечения, то в Кузнецке, благодаря умелому подбору идейных пьес и серьёзному отношению руководителей к этому делу сценическое искусство имело культурное и даже развивающее и воспитательное значение, так как отвлекало обывателей от дурных привычек.

Молодое общество имеет дерзость ставить такие серьёзные пьесы Александра Островского, Максима Горького, Льва Толстого.

Здесь часто выступал духовой оркестр местной воинской команды, демонстрировались первые фильмы. При Народном доме был посажен сад, в котором зимой устраивался каток с бесплатным прокатом коньков для детей, зажигалась новогодняя елка.

Период 1920-х – нач. 1930-х гг. в истории Народного дома, в его культурно-просветительской деятельности был наиболее интенсивен. К культуре приобщаются широкие слои городского населения, особенно молодёжь. В Народном доме появляются профессионально образованные руководители художественной самодеятельности. Старожилы до сих пор помнят заведующих Народным домом Л.И. Кочконова и П. Скрябина, многолетнего суфлёра П.В. Коновалова, редкой красоты тенора Г.Ф. Маликова, создателя самодеятельного хора. В обширном репертуаре хора были народные песни, романсы, русская и западная оперная классика.

В эти же годы при Народном доме был организован драматический кружок, которым руководил М.А. Воронин, приехавший из Томска после окончания университета и много сделавший для культуры и краеведения города. Любителями музыки были организованы духовой оркестр, концертная агитбригада. Сцена Народного дома принимала профессиональные труппы из других городов. В 1934 г. в Народном доме побывал «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин.

В 1940-1950-е гг. Народный дом уже не вёл столь насыщенную событиями просветительскую деятельность, всё чаще он выполнял функции кинотеатра. В 1953 г. решением Кузнецкого райисполкома Народный дом был переименован в кинотеатр им. М.И. Калинина. В 1979 г.

помещение Народного дома было передано краеведческому музею для организации филиала, но вскоре его история завершилась пожаром.

Но куда больше Народный дом отличался... на политическом поприще. Именно здесь работала Комиссия Кузнецкого уезда по делам о выборах в I, II, III и IV Государственные думы в 1905-1912 годах.

После февраля 1917-го Народный дом продолжил быть центром политической жизни Кузнецка: 22 марта 1918 г. был избран Исполком уездного Совета (председатель – А.Г. Петраков, военный комиссар – Н.В. Метёлкин, казначей – К.И. Талдыкин), в декабре 1919 г. – создан Ревком. Именно в этом доме 7 апреля 1920 г. зародился городской комсомол.

В конце 1950-х Народный дом был переименован в кинотеатр им. М.И. Калинина.

Проблема воссоздания утраченных памятников истории и культуры достаточно остро дискутируется среди специалистов. Ведь самого памятника, как такового, уже не существует. Не будет ли восстановленное «макетом»?

История реставрации памятников в нашей стране имеет ряд примеров, когда полностью утраченные, разрушенные войной памятники восстанавливались (например, музей-заповедник Михайловское), не вызывая нареканий, а восхищая самых строгих критиков.

Кузнецкий «Смольный», как любовно называли Народный дом старожилы, необходимо восстановить. Сохранили виды его фасадов, фрагменты интерьеров, в наличии планы и обмеры в бюро технической инвентаризации. В архивах страны идут поиски дополнительных документальных материалов. Восстановление изначального облика Народного дома на период 1905-1906 гг. с последующим использованием как дома народного творчества позволит возобновить лучшие традиции его истории.

2017 г.

Литература:

1. Паничкин В. Самый народный дом // Кузнецкий рабочий. – 2013 – 8 июля.
2. Шадрин А.С. Каким быть народному дому? // Кузнецкий рабочий. – 1988 – 9 сентября.

Н.С. Пономарёва,
г. Иркутск

Неутомимые путники по времени: об иркутском обществе «Родословие»

Объединение иркутян, в той или иной мере занимавшихся розыском родовых корней, предвосхитило широкий интерес соотечественников к своей генеалогии. В ноябре 2000 г. они создали Иркутскую городскую общественную организацию «Родословие». Инициатором и председателем стал С.А. Гурулёв, кандидат геолого-минералогических наук, известный краевед, специалист в области топонимики. Станислав Андреевич ушёл из жизни 20 февраля 2017 г.

Были определены основные цели и задачи общества – это привлечение и объединение граждан, интересующихся родословием; повышение уровня генеалогических исследований; работа со школьниками и юношеством по привлечению к изучению истории семьи; содействие организации родословных обществ и клубов в других населённых пунктах Иркутской области и др.

Деятельность общества в этот начальный период была насыщена трудностями в связи с отсутствием постоянного места для заседаний, и только энтузиазм первых членов общества не дал «кануть в лету» благому начинанию. С 2002 г. общество «Родословие» проводит свои заседания в Иркутской областной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского, а в 2009 г. «Родословие» реорганизовано в общественную организацию без образования юридического лица.

Обычная повестка заседания такова: основной доклад о родословных исследованиях, его об-

суждение, заслушивание гостей о трудностях в изучении истории семьи, советы опытных членов общества о путях их преодоления. Члены общества – люди разных профессий (учителя, врачи, экономисты, инженеры, научные работники и др.), разного образовательного уровня от рабочих специальностей до докторов наук, но все они объединены одним стремлением узнать, кем были их предки, как жили, какое место в истории страны и края было отведено им судьбою.

Членов общества условно можно разделить на несколько категорий: научные работники, обладающие навыками научно-исследовательской деятельности и реализующие свой потенциал в генеалогии; специалисты с высшим и средним образованием, обладающие аналитическими способностями, самостоятельно осваивающие методики генеалогического поиска, успешно работающие в различных архивах и с фондами библиотек; члены общества, для которых требуются консультации и корректировки путей поиска генеалогической информации; неактивные члены, с удовольствием посещающие интересные заседания и мероприятия общества; посетители заседаний, имеющие вопросы по розыску родословных корней и не обладающие никакими познаниями о том, как начать и продолжить генеалогический поиск. В числе наших гостей иногда встречаются достаточно опытные исследователи собственных родословных.

Для новичков, кроме личных консультаций, общество может предложить литературу по генеалогии и многочисленные методические материалы, которые собраны в его библиотечке. Среди них – пособия, разработанные членами общества: методические рекомендации «Как составлять родословную» (Ю.П. Лыхин), «Библиографическое описание документов в помощь родослову» (Л.А. Казанцева), «Пособие по изучению древней русской скорописи для чтения рукописных текстов XVII-XIX столетий по материалам Государственного архива Иркутской области» (В.М. Полюх), презентации «Мастер-класс «Как составлять родословную» (Н.С. Пономарёва) и «Фонд отдела историко-культурного наследия в помощь родослову» (А.Ю. Малых) и др.

Мы считаем деятельность общества достаточно результативной. В настоящее время активно работающих членов более 30, в том числе не только иркутяне, но и жители Заларинского, Слюдянского, Усольского, Усть-Кутского и Черемховского районов Иркутской области, а также Красноярского края (Ю.П. Похабов) и Москвы (Г.И. Варфоломеева). За сезон с сентября по июнь проводится по 18-20 заседаний, на которых ежегодно присутствует более 500 человек, разнообразна их повестка. Члены общества принимают участие в экспертных комиссиях школьных научно-практических конференций разного уровня, начиная от школьных до межрегиональных; оказывают практическую помощь учащимся и педагогам. Проводятся выездные заседания в библиотеках и музеях различных населённых пунктов области, где члены общества делятся опытом с краеведами и жителями, заинтересованными в родословных исследованиях (города Слюдянка, Черемхово, Шелехов, Усолье-Сибирское, посёлки Залари, Михайловка, Култук, с. Моты, ст. Танхой Республики Бурятия). Периодически проводятся мастер-классы «Как составлять родословную».

Иркутян интересуют предки, жившие в европейской части России, ближнем и дальнем зарубежье, в Сибири, Забайкалье, на Дальнем Востоке. Так, например, в архивах и библиотеках Красноярья эффективно работали члены общества Г.И. Варфоломеева и Г.К. Кириллова – их находки вошли соответственно в книги «Двойная спираль»¹ (Москва, 2004) и «Родные корни»² (Иркутск, 2009, переизд. 2017). Ю.П. Похабов, занимаясь красноярской веткой Похабовых, внёс большой вклад в исследование родословной основателей города Иркутска – Ивана Ивановича и Якова Ивановича Похабовых, опубликовал в иркутских изданиях несколько интересных работ, провёл презентацию своей книги «Красноярские Похабовы: история фамильного рода»³ (Красноярск, 2014), встречу с общественностью и иркутскими казаками. В этот день ему был вручен номерной юбилейный знак «Крест к 350-летию образования казаками г. Иркутска» (2012).

Общество поддерживает связи с другими генеалогическими объединениями страны, обменивается книгами, изданиями и методическими материалами, среди контактов – «Союз возрождения родословных традиций», «Южно-Уральская ассоциация генеалогов-любителей», «Находкинский краевед». Иркутское общество «Родословие» вошло в справочник «Члены российских генеало-

гических обществ», изданный в Москве в 2009 г. Материалы о работе общества, библиография иркутского родословия размещены в «Генеалогическом вестнике», выпуск 55⁴ (2017).

С осени 2010 г. члены общества работают над социальным проектом «Памяти иркутян, похороненных на Иерусалимском кладбище города Иркутска». Обращение к этой теме характеризует гражданскую позицию членов общества, озабоченных проблемой сохранения памяти об ушедших. Более ста тысяч горожан – известных деятелей науки, культуры, купцов, общественных деятелей, а более всего простых жителей Иркутска – нашли здесь последний приют, и их имена канули в неизвестность. Члены общества работают в Государственном архиве Иркутской области и библиотеках города с опубликованными источниками и дореволюционной периодикой, ведут приём граждан по заполнению анкет для формирования базы данных о захоронениях. На данный момент учтено более 20 тысяч персоналий.

Хочется остановиться на электронном ресурсе «Прибайкалье.ру». Страничка «Родословия» была создана на сайте в октябре 2008 г. В разделе «Общие сведения» размещены данные об обществе, история его создания, направления деятельности, фотографии, отчёты и протоколы заседаний, список членов общества и контакты. Публикации, заметки, статьи о деятельности общества представлены в самом большом разделе «Статьи, новости».

В разделе «Памяти иркутян» можно найти описание независимого проекта общества «Родословие» «Памяти иркутян, похороненных на Иерусалимском кладбище» и неполные списки похороненных в разные годы на этом городском кладбище, действовавшем с 1772 по 1930 год. Представляет интерес раздел «Исследователю», в котором собраны такие материалы, как методические рекомендации по составлению родословной, новые книги, выписки из дел ГАИО, полезная информация генеалогу, кроме того – списки советских воинов, умерших от ран в иркутских эвакогоспиталях во время Великой Отечественной войны. И, наконец, в разделе «Наши книги» сосредоточены издания в формате PDF, выпущенные членами общества «Родословие» в разные годы. Кроме того, на сайте «Прибайкалье.ру» в закладке «Авторы» представлены персональные странички членов общества (Аболина Л.А., Кириллова Г.К., Кружков Н.А., Лузгина Л.Н., Лыхин Ю.П., Михайлова Н.Н., Пархомов В.А., Пономарёва Н.С., Похабов Ю.П.).

Работая с различными источниками информации, анализируя и систематизируя полученные сведения, родовед стремится к стройному изложению собственных изысканий. Возникает потребность поделиться достигнутыми результатами с родными, с коллегами, возникает потребность оставить осязаемый след своей кропотливой деятельности, передать «преданья старины глубокой» потомкам. Итогами такой работы являются публикации членов общества. Это, прежде всего, коллективные книги «К своим истокам»⁵, «История в лицах и поколениях»⁶, «Не забывайте рода своего...»⁷, «Какого я рода-племени?...»⁸. Бессменным и требовательным редактором-составителем является кандидат исторических наук, учёный секретарь архитектурно-этнографического музея «Тальцы» Ю.П. Лыхин.

Нельзя не упомянуть и о статьях членов общества в различных газетах, журналах, научных сборниках: активно публикуют статьи родословной тематики Г.К. Кириллова, Н.Н. Михайлова, Т.А. Непомнящих, В.А. Пархомов, Н.С. Пономарёва, Ю.И. Чивтаев. Выпущено несколько книг по личным родословным – это «Земля и корни»⁹ Н.Н. Михайловой, «Родные корни» Г.К. Кирилловой, «К истокам родства»¹⁰ Ю.П. Лыхина и др. Традиционным в наших книгах является участие не только членов Иркутского «Родословия», но и жителей других регионов страны, так или иначе освещающих историю Сибири через призму генеалогических исследований.

Благодаря тщательности изысканий, отобранных для публикации в сборниках, а также кропотливой деятельности редакторов, сборники имеют характер научных изданий, они в полной мере снабжены ссылками, комментариями, перечнями использованных источников. О повышении уровня работы общества говорит тот факт, что теперь каждые полтора года новый сборник готов к печати. Находятся и спонсоры. К сожалению, его тираж снижается – от 500 до 100 экземпляров.

В плане популяризации изданий помощь оказывает партнёр общества – Иркутская областная библиотека, размещающая на своем сайте «Хроники Приангарья» наши книги в полнотекстовом

формате.¹¹ Большим подспорьем для генеалогических разысканий является сайт «Хроники Приангарья» ИОГУНБ. Здесь в полнотекстовом формате выставлено более 200 книг редкого и краеведческого фондов, в том числе различные справочники, более 200 наименований газет и журналов, включая дореволюционную периодику, осуществляется поиск по ключевым словам.

Новшеством 2017 г. стал проект «Азбука родословия» для семейных групп, в которых вместе со школьником работает старший член семьи. Проведены занятия по темам: «Как составлять родословную» (установочное), «Составление родословного древа вручную», «Составление родословной схемы по программе «Древо жизни». Наряду с руководителем проекта Н.С. Пономарёвой курсы ведёт семья Кедриных, родословная которых насчитывает более 800 персоналий в 7 поколениях. Опытными исследователями и активными членами общества являются Елена Петровна и её дочь Анастасия, ученица 8-го класса. На заключительном этапе проведён конкурс семейных альбомов и презентаций, а также генеалогических схем, построенных вручную и с помощью компьютерных программ.

Первые в текущем году в краеведческом читальном зале мы начали экспонировать мини-выставки «Семейные реликвии». Участниками стали члены общества Г.К. Кириллова (крестьянская родословная, спецпереселенцы), Н.Н. Михайлова (дворянские корни из Санкт-Петербурга), М.М. Полякова (чиновники высокого ранга из Иркутска), Л.Э. Преловская и Д.А. Потанин (к началу Великой Отечественной войны), Г.Д. Рютина (спасённый архив иркутян). В витрине выставляются старинные фотографии, документы и вещи, принадлежавшие предкам, а также публикации авторов выставки по истории семьи.

На каждое заседание приходят посетители со своими вопросами, порой и с достижениями в генеалогических исследованиях. Некоторые из них, получив консультации, продолжают самостоятельный поиск, а наиболее заинтересованные в качестве полноправных членов принимают участие в плодотворной и полезной деятельности Иркутского общества «Родословие» – ведь каждый сам может и должен открыть историю своей семьи для себя и своих потомков.

2017 г.

Примечания:

¹ Варфоломеева, Г.И. Двойная спираль / Г.И. Варфоломеева. Москва : Тип. Россельхозакадемии, 2004. 383 с. : ил.

² Кириллова, Г.К. Родные корни / Г.К. Кириллова ; Иркут. гор. обществ. орг. «Родословие». Иркутск : [б. и.], 2009. 219 с. ; Кириллова, Г.К. Родные корни / Г.К. Кириллова ; Иркут. о-во «Родословие». 2-е издание, дополненное. Иркутск : [б. и.], 2017. 348 с. : карты, ил., фот. цв.

³ Похабов, Ю.П. Красноярские Похабовы: история фамильного рода / Ю.П. Похабов. Красноярск : Красноярский писатель, 2012. 338 с. : ил., табл.

⁴ Генеалогический вестник. Выпуск 55. СПб, 2017. 146 с., ил.

⁵ К своим истокам: [сб. ст.] / Иркут. о-во «Родословие»; отв. ред. Ю.П. Лыхин; редкол.: Л.А. Казанцева [и др.]. Иркутск: Репроцентр А1, 2009. 426 с., схемы, ил., генеалог. табл., портр.

⁶ История в лицах и поколениях: [сб. ст.] / Ин-т географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркут. о-во «Родословие»; отв. ред. Ю.П. Лыхин; редкол.: Л.А. Казанцева [и др.]. Иркутск : Репроцентр А1, 2013. 349 с., ил. Тир. 200 экз.

⁷ «Не забывайте рода своего...»: [сб. ст.] / Иркут. о-во «Родословие»; отв. ред. Ю.П. Лыхин; редкол.: Л.А. Казанцева, Н.С. Пономарева. Иркутск: Репроцентр А1, 2015. 573 с., ил., портр., фот. ⁸ «Какого я рода-племени...» / Иркут. о-во «Родословие»; отв. ред. Ю.П. Лыхин; редкол. Л.А. Казанцева [и др.]. Иркутск: Репроцентр А1, 2016. 596 с., ил., табл.

⁹ Михайлова, Н.Н. Земля и корни : воспоминания / Н.Н. Михайлова. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007 (Глазковская тип.). 126 с.

¹⁰ Лыхин, Ю.П. К истокам родства / Ю.П. Лыхин. Иркутск :Репроцентр А1, 2009. 313 с. : ил., цв. ил.

¹¹ http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP&P21DBN=HRONP&S21CNR=25.

А.В. Сайлер,
г. Минусинск

История школы № 4 г. Минусинска

Новая история минусинского образования уходит корнями в 1919 г., когда в Минусинске была установлена советская власть (сентябрь 1919 г.), создан Минусинский уездный объединённый Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов со всеми отделами, в том числе и отделом народного образования (ноябрь 1919 г.). Заведующей РОНО назначили В. Глушину. Работать и учиться было очень трудно: война, разруха, нужны были дрова, чтобы отапливать школы, не было денег на зарплату учителям, не было учебников и тетрадей, но всё равно находились энтузиасты, которые готовы были учить детей грамоте.

Школа №4 открылась в 1920 г. в доме купца Алексея Андреевича Егонского на улице Егонской №1 (ныне ул. Минусинская). Это была школа первой ступени, где занятия проходили в две смены: 1, 2, 3 группы занимались с 9 до 12 часов. В эти группы входили дети разных возрастов: 1 группа – дети 7-9 лет; 2 группа – дети 8-11 лет и 3 группа – дети 9-11 лет. Продолжительность урока составляла 40 минут, перемены – 10 минут.

4 (дети 11-13 лет) и 5 (дети 12-15 лет) группы занимались с 13 до 17 часов. Продолжительность урока у них была 50 минут, перемены по 10 минут.

В 1922 г. пятилетняя школа № 4 переехала в дом бывшего врача Малинина (на углу улиц Гоголевской и Итальянской (ныне Оборона, 18).

Учащихся в январе 1923 г. было 134, на июнь осталось 105 (не было одежды, обуви, иногда на всю семью были одни валенки!). Директором был Алексей Иванович Лазовский. Кроме него было 5 педагогов и одна техничка, она же сторож.

С 1924 г. восьмилетняя школа №4 находилась в здании по улице Красных Партизан №3.

В 1937 г. на улице Штабной №26 для школы №4 было построено новое двухэтажное здание, которое приняло учеников 8 ноября 1937 года. Первым директором в новом здании был Сергей Васильевич Костенко. Школа была неполной средней с первого по шестой класс. С первого сентября 1939 г. она стала средней, действовали кружок художественной самодеятельности, фотокружок. Ребята собирали металлический лом, макулатуру, работала редколлегия. В 1939 г. по итогам краевого социалистического соревнования школа №4 заняла первое место и получила переходящее Красное Знамя, а директор был отмечен высокой наградой – медалью «За трудовое отличие». В 1940 г. Сергей Васильевич Костенко был назначен руководителем Минусинского Городского отдела народного образования.

В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война, которая перевернула жизнь всех советских людей.

Учителя – мужчины и часть учеников, которым на этот момент исполнилось восемнадцать, ушли на фронт защищать Родину прямо со школьной скамьи. Часть учащихся осенью 1941 г. была направлена в город Красноярск на строительство военных заводов, эвакуированных с запада.

С 20 ноября 1942 г. помещение школы №4 было занято под военный госпиталь №1025, а учеников распределили по другим школам (№№1, 2, 3, 5) города, где учиться пришлось в три смены. Ушёл на фронт и директор школы Туров Григорий Ефимович (погиб 30 ноября 1942 г.).

Выпускники нашей школы воевали на разных фронтах: защищали Ленинград, участвовали в Сталинградской битве и на Орловско-Курской дуге, среди них были лётчики, танкисты, артиллеристы, связисты. Любовь Орлова награждена орденом Отечественной войны 2-ой степени, медалями «За отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Дураков Валентин Фёдорович получил высокую награду – звание Героя Советского Союза, памятник нашему выпускнику Василию Сидорову, погибшему на Курской дуге, установлен на братской могиле в Орловской области.

После войны здание на улице Штабной №26 было передано школе №3, а для четвёртой школы

в 1945 г. было выделено три помещения: два на ул. Ленина (ныне Ленина 75 и 77, медицинский техникум и художественная школа) и одно здание на ул. Красных Партизан (в настоящее время располагается научная библиотека музея). В послевоенные годы семилетнюю школу № 4 возглавлял фронтовик Степан Григорьевич Брюханов, в 1952 г. он переехал в г. Абакан (Республика Хакасия), где преподавал физику в Абаканском государственном педагогическом институте. Ему на смену пришла Жданова Мария Дмитриевна, человек очень строгий, но справедливый. Мария Дмитриевна руководила школой в течение одиннадцати лет.

Школа №4 была базовой для Минусинского педагогического училища, учителя начальных классов: Полевач Марина Васильевна, Гандич Тамара Георгиевна, Левкина Галина Антоновна – высококлассные специалисты прививали студентам любовь к профессии учителя, учили азам педагогической мудрости.

В 1949 г. школа набирает восьмой класс и получает статус средней. Школа становится большой, очень сильная комсомольская организация, работает освобождённым секретарём комитета комсомола Внукова Валентина – выпускница школы №4. Комсомольский комитет решал все важные вопросы школьной жизни. У комсомольцев были младшие товарищи – пионеры и октябрята (из воспоминаний учителей, которые работали в школе №4 в 1940-1960 гг.: Полевач Марины Васильевны, Новосёловой Нины Ефимовны, Яковлевой Нины Дмитриевны).

В 1952 г. состоялся первый выпуск 10 класса. Среди них был Леонид Рогозов, впоследствии прославивший не только школу №4 и город Минусинск, но и весь Советский Союз. По окончании Ленинградского медицинского института Леонид Иванович получил специальность хирурга и, отказавшись от научной карьеры, поехал в 1961 г. в Антарктиду в составе экспедиции. Там случилось непредвиденное, у Леонида поднялась температура, появились острые боли в боку, и он сам себе поставил диагноз – острый аппендицит. Нужна была срочная операция, но он был единственным медицинским работником, вывезти больного на материк тоже нет возможности. Выход был один – оперировать себя самому. Он это сделал! Только под местным наркозом, ему ассистировали члены экспедиции, перед зеркалом он удалил воспалённый аппендикс (операция длилась около двух часов). Леонид Иванович не только выжил, после операции он выполнял все возложенные на него обязанности, как члена экспедиции. О нём писали все газеты, им гордились тогда и гордимся сейчас, а по возвращении в Ленинград Рогозов Леонид Иванович был награждён орденом Трудового Красного Знамени (в то время ему было 27 лет).

С тех пор школа №4 всегда была средней. В шестидесятые годы ввели профессиональное обучение, и школа стала одиннадцатилетней, в 1964 г. сразу выпускались и десятые, и одиннадцатые классы, их было более десяти.

Семидесятые годы двадцатого столетия для Минусинска были очень бурными – началось строительство промышленного гиганта – электротехнического комплекса. В Минусинск ехали специалисты со всех концов необъятного Советского Союза, электротехнический комплекс был объявлен Всесоюзной комсомольской стройкой, началось строительство жилья, понадобились новые школы, детские сады и многие объекты соцкультбыта.

В 1983 г. для школы №4 было построено новое красивое трёхэтажное здание на Средовой площади по ул. Подсинской №41, где школа располагается и в настоящее время. Принимала новое здание и до 1990 г. возглавляла педагогический коллектив Лужникова Галина Васильевна. Много сил, терпения пришлось приложить и учителям, и ученикам, и родителям, чтобы на территории бывшей торговой площади создать зелёную зону.

Высаживали деревья, кустарники, цветы, разбили грядки пришкольного участка, на котором выращивали овощи для школьной столовой. Рассадку выращивали в теплице, в которой с ребятами занималась Крутякова Нина Петровна – молодой тогда биолог.

В конце восьмидесятых годов в нашем государстве наступили большие перемены, которые не обошли стороной и школу. Ликвидировались детские организации (пионерия, комсомол, октябрята). Чтобы не возникло пустоты в работе с детьми, стали возобновлять коммунарские методы работы.

Энтузиастом этого дела была Надежда Петровна Краснопеева – учитель географии и заместитель директора по воспитательной работе. Именно она принесла с собой идею коммунарского движения Игоря Петровича Иванова. Идея пришла, что называется, ко двору. Г.В. Лужникова нашла способ отправить группу учителей для приобретения опыта коммунарской работы в г. Калинин (ныне Тверь). Съездили на Всесоюзный коммунарский сбор, были ошеломлены масштабами и результатами работы. Это был 1988 г., в сборе участвовали делегации со всего Советского Союза от Прибалтики до Дальнего Востока. По возвращении в школу работа закипела. Были созданы разновозрастные отряды, объединённые в единую республику «Алые паруса», проведён первый коммунарский сбор, где ребята учились планировать и выполнять КТД (коллективные творческие дела), осваивали технику «коллективного мышления». В школе №4 проводились коммунарские сборы, в которых принимали участие ученики и учителя юга Красноярского края, студенты и преподаватели Минусинского педагогического училища. Самое активное участие принимали ученики, учителя, родители нашей школы во главе с директором – Г.В. Лужниковой. И со всем этим огромным количеством приверженцев коммунарского движения справлялась комиссар сбора – Надежда Петровна Краснопеева.

В девяностые, очень трудные для всех времена, в том числе учителей и родителей наших учеников, замерло коммунарское движение, но оно оставило свой след в душах коммунаров, они приобрели опыт организаторской работы, до сих пор общаются друг с другом и не забывают школу. В школьном музее хранятся большие альбомы с фотографиями, письмами, листовками, оформленными во время сборов, и это тоже часть нашей истории.

Директором школы с 1990 г. была Римма Петровна Войда, она терпеливо вела школьный корабль по крутым жизненным волнам, берегла коллектив, который создавался годами (из воспоминаний ветерана школы №4 Надежды Ивановны Дадаевой).

Давней мечтой Надежды Петровны Краснопеевой было создать в школе музей, в содержании и деятельности которого отражалась бы история школы, судьбы людей, связавших свою жизнь со школой, жизненные пути выпускников. В 2002 г. было принято решение о создании музея, издан приказ №159 от 5.09.2002 г. «О создании школьного музея». Директором была назначена Краснопеева Надежда Петровна. Весь жар своей души она отдала своему детищу, вовлекла в работу по созданию музейных экспозиций шефов, родителей, выпускников школы и коллектив учителей и учеников.

Надежда Петровна неожиданно ушла из жизни в 2009 г., но дело её живёт, музей работает, принимает на экскурсии, на уроки Мужества, уроки Памяти учеников школы и жителей микрорайона.

Огромную спонсорскую помощь в создании музея оказали родители: Комаровы, Мартюшевы, Картамышевы, Оленины, Некрасовы, выпускник нашей школы Чмутов Денис. Были привлечены средства объединённого Совета ветеранов. Понадобились средства, цифры, факты, фотографии, всё это кропотливо привлекалось, собиралось, использовалось. 18 ноября 2005 г. школьный музей принял первых гостей. Ежегодно в нашем музее бывает более тысячи посетителей.

С 2003 г. школа №4 носит имя Героя Советского Союза Михаила Поликарповича Хвастанцева, который уходил на фронт из нашего города и погиб, защищая подступы к городу Сталинграду (ныне город Волгоград). В городе Минусинске есть улица Хвастанцева, на которой живут многие наши ученики. Музееведы школы нашли командира Михаила Хвастанцева – Романа Петровича Агрикова, который не только помнил Михаила, но и считал его своим лучшим другом. Роман Петрович прислал в дар музею свои книги, которые он написал и издал после войны. Из этих книг мы многое узнали о войне и о воинском подвиге Михаила Хвастанцева. Сталинградской битве и подвигу Михаила посвящены многие строки из книг Р.П. Агрикова, особенно «Исповедь солдата XX века». На здании школы в 2004 году установлена памятная плита с именем школы, а в 2012 году в здании нашей школы был установлен бюст Героя Советского Союза Михаила Поликарповича Хвастанцева. В 2015 г. по решению правительства Красноярского края в здании школы появился памятный знак в честь подвига нашего Героя.

Из книги Романа Петровича Агрикова мы узнали тайну, которая хранилась шестьдесят лет –

это факт захоронения Михаила Хвастанцева, которого в день его гибели 21 августа 1942 г. немцы похоронили с почестями, как Героя, в назидание своим солдатам. Когда высота, на которой погиб наш Герой, была отбита советскими войсками, и однополчане Михаила узнали от местных жителей, что какой-то советский воин был похоронен немцами вместе со своими погибшими, при этом важный немец что-то громко кричал своим солдатам, указывая на труп советского солдата, видимо, призывая их воевать так же, как этот русский. Когда вскрыли место захоронения, увидели, что это был Михаил Хвастанцев. Его похоронили с почестями теперь уже свои, они поклялись отомстить за погибшего товарища. Документы на награду были уже оформлены и отправлены в Москву, решили этот факт скрыть, чтобы не было проблем с награждением.

В третий раз Михаил был перезахоронен уже после окончания войны, когда в селе Дубовый Овраг, где он погиб, была отстроена новая школа, во дворе которой находится теперь его могила, установлен бюст, а школа носит имя М.П. Хвастанцева. В школе тоже создан музей, с которым мы поддерживаем связь, и где побывала минусинская делегация в марте 2006 года.

В школьном музее отражены все этапы большой истории нашей школы, собраны материалы об учителях, отдавших школе №4 много лет, судьбы выпускников четвёртой школы, среди которых есть люди, которые внесли и вносят большой вклад в развитие нашего города, в развитие культуры, образования, медицины, правопорядка. Это Ермолаева Людмила Николаевна, Канкеева Галина Георгиевна (её к сожалению уже нет с нами), Братилова Галина Петровна, Малютин Вадим Сергеевич, Горлов Сергей Борисович, Мамаев Алексей Юрьевич и многие другие. Большая гордость для школы – это тринадцать выпускников, которые работают в нашей школе (данные музея): Шарапова (Гладкова) Елена Васильевна, Куш (Коробейникова) Вера Сергеевна, Никитин Андрей Павлович, Симонова Елена Алексеевна, Крутякова (Коняшкина) Евгения Анатольевна, Узунова Нина Евгеньевна.

Зам. директора школы №5 работает Фалеева Наталья Юрьевна, зам. директора педагогического колледжа – Титенко (Шабарова) Светлана Валерьевна – это золотой фонд педагогического мастерства.

При музее работает клуб «ПАТРИОТ», члены которого проводят уроки Мужества, уроки Памяти, митинги для учащихся школы, работает группа экскурсоводов.

За последние годы школа преобразилась внешне и внутренне. Оборудуются новые кабинеты, работают спортивные секции, студия бального танца, студия восточного танца, команда КВН, работают кружки художественного творчества, создана доступная среда для обучения детей-инвалидов.

В школе три ступени обучения: первая – 1-4 классы; вторая – 5-9 классы; третья – 10-11 классы. Кроме этого работает блок АБВГД-ейка, который открылся в 2011 году.

Ежегодно школьным музеем проводится конкурс на лучшее сочинение «Школа для меня – это...». Выпускники откровенно пишут своё мнение о школе, об учителях, о своих одноклассниках. Хочется привести строки из сочинения Кирилла Володина, выпускника 11-А класса 2017 г.: «... я не спорю, может быть есть школы более комфортные, чем наша, но если меня спросят, какая она, школа моей мечты, я отвечу, не задумываясь, – это наша четвёртая школа».

2017 г.

Литература:

1. Материалы городского архива
2. Материалы школьного музея
3. *Агриков Р.П.* Исповедь солдата XX века. Одесса. 2008 г. с 148-163
4. Минусинцы и Великая Отечественная... Минусинск 2010 и 2015 г.
5. Материалы газеты «Искра Ильича» №44, 1973 г.
6. Интервью с ветеранами педагогического труда.

Армейский альбом как элемент армейской субкультуры

(на основе фотоматериалов из частных архивов Тувы)

Традиция введения фотоальбомов в Туве начала формироваться с 1950-х гг. с развитием фотографического дела в республике. По результатам полевых исследований автора, в среднем, в тувинской семье хранилось около 3-4 фотоальбомов с разнообразным содержанием. В настоящем исследовании интерес представляют армейские альбомы тувинцев.

Армейские (дембельские) альбомы были посвящены в память о прохождении воинской службы, основное содержание составляют снимки сослуживцев вместе с хозяином альбома.

В народе говорили «не служил – не мужик». Служба в армии рассматривалась как мужской обряд инициации и определяла место мужчины в структуре половозрастного порядка.

Представленные в альбомах самые ранние фотографии, датируются 1960-ми гг. и по содержанию довольно типичны. Это портретные снимки, выполненные в фото-студии. Нередко данные фотографии передавались в дар близким людям с надписью «на память». Иногда на снимках указывали регион, в котором проходили службу, например, «С приветом из Дальнего Востока».

Все фотографии в армейских альбомах можно классифицировать по жанру:

1. портретные снимки, выполненные в фотостудии;
2. любительские фотографии, отражающие армейскую действительность.

Основная часть снимков относится к 1980-м гг. Обычно это портреты или групповые фотографии с сослуживцами или земляками.

В поздних фотографиях изменился характер съёмки, наряду с постановочными портретами и групповыми снимками, появились репортажные, которые отражают армейскую повседневность значительно полнее. Количество снимков с одного события достигает нескольких десятков. Это объясняется упрощившимся процессом съёмки и доступностью техники.

Особая группа фотографий – резервист (уволенный в запас) вместе с родственниками, молодёжью, семьёй.

«Какое значение для вас имела эта фотография?» «Завершение службы, вот, я отслужил и сейчас с семьёй нахожусь... если честно, в какой-то степени, эти фотографии для хвастовства, если можно так выразиться...»; «В память о возвращении со службы...».

Главное предназначение таких фотографий – подвести черту в завершении конкретного этапа жизни – обращения парня в мужчину. Многие групповые снимки сделаны на улице, перед родным домом (или в доме). Солдат всегда в центре, в окружении родственников.

Стоит уделить внимание визуальным знакам, которые определяют рассматриваемые фотографии как «армейские».

Призывники фотографировались после бритья головы наголо. Этот момент можно рассматривать как вступление в переходный этап жизни, по завершении которого служащий приобретал определённый социальный статус.

Для военнослужащих особое значение имела «дембельская форма». Она предназначалась для торжественного приезда домой. Как правило, это обычная полевая военная одежда, которую солдаты преображали на свой вкус: «В основном меняли ремни, многие возвращались с офицерскими ремнями. Главное, чтобы ремни были не какие-нибудь железные, а именно латунные, до блеска начищенные. Помню, некоторые армейские сапоги переделывали под ботинки... ещё украшали шевронами и нашивками».

Постановочный фотографический «код» определялся спецификой военных объектов, в которых проходили службу призывники. Запрещалось фотографироваться на фоне определённых объектов. Но нередко съёмки производились на фоне военной транспортной техники.

Возникновение армейских альбомов связывают с тем, что во многом армия была более закры-

той сферой общества (по сравнению с настоящим временем), поэтому она ограничивала солдат в документировании своей жизни. Нельзя было вести дневники, письма проходили цензуру, присяга запрещала разглашение военной тайны. Тогда и стали оформлять дембельские альбомы.

Таким образом, армейский альбом, не только отражал армейскую субкультуру, но и являлся её неотъемлемой частью. Поскольку именно дембельский фотоальбом хранит информацию о традициях, присущих только тем, кто проходил службу.

2017 г.

Литература:

1. Частный архив жителя с. Тоора-Хем Тоджинского кожууна Оюн В.В. 1961 г.р.;
2. Частный архив жителя г. Кызыл Допут С.Д. 1968 г.р.;
3. Частный архив жителя г. Кызыл Хомушку А.К. 1969 г.р.;
4. *Роженев С.* Дембельский альбом, или 100 дней до приказа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://urokistorii.ru>. – (дата доступа: 01.05.2017)

М.П. Шоева,

г. Абакан, Республика Хакасия

Следы истории нашей земли
(Из фондов ХНКМ им. Л.Р. Кызласова)

В коллекциях естественнонаучного фонда ГАУК РХ «ХНКМ им. Л.Р. Кызласова» имеется богатейший материал о прошлом нашей земли. О многом могут нам рассказать сами «очевидцы» прошлого. Такие «очевидцы» сегодня мирно лежат на музейных полках. Даже окаменевший трилобит, живший на заре палеозойской эры, где-то 500 миллионов лет назад, скромно занимает своё место.

Слышали вы что-то о строматолитах – «каменных коврах» или слоистых камнях? По последней версии учёных строматолиты – продукты жизнедеятельности живых существ. Известно, что толщи докембрийских карбонатных пород с их образованиями установлены и в Сибири. Образец из музея является тому подтверждением. А что вы знаете о белемнитах – вымершем классе головоногих моллюсков, живших в мезозойскую эру, где-то 65 млн. лет назад? Раковины (ростры) двухжаберных головоногих моллюсков из подпорядка десятиногих, имеют форму стрелы серого цвета, их ещё называют «громовая стрела», или «чёртов палец». Белемниты привёз нам из Богградского района пенсионер Попеляев Эдуард Михайлович.

Весной 2014 г. музейная коллекция значительно пополнилась окаменелостями и ещё не замещёнными раковинами брахиопод и кораллов, привезёнными из однодневной экспедиции сотрудников музея в Усть-Абаканский район, в состав которой вошли Угдыжекова Людмила Георгиевна, Шоева Маргарита Павловна, геолог Ермаков Вячеслав Михайлович, предприниматель Бурлай Дмитрий Викторович. На холме у подножия горы Хызыл Хая, в 10 км от станции Капчалы, в размытой разведочной канаве были собраны фрагменты породы с ископаемыми палеофауны.

Хранятся в музее образцы «дна моря» с окаменевшими обитателями и с других территорий Хакасии, образцы волновой ряби. В собрании имеется экземпляр окаменевшего медузоидного организма, относящегося к вендской группе мягкотелых. Эти музейные предметы подтверждают исследования учёных, что в течение миллионов лет здесь плескались тёплые воды древнего моря. Проникли они на территорию Хакаско-Минусинской котловины в результате прогиба земной коры 400-350 млн. лет назад. Чтобы представить общую картину распространения «дна древнего моря», мы не только сами выезжаем в подобные экспедиции, но и наши волонтеры оказывают в этом помощь. Окаменелости с окрестностей Беи привёз по нашей просьбе краевед и наш добровольный помощник Пётр Николаевич Солдатов.

Склоны горы Уйтак тоже говорят об историческом прошлом нашей земли, оттуда были приве-

зены образцы с отпечатками палеозойских плаунов и частичными остатками их окаменелостей. Из подобных экспедиций сотрудники музея иногда привозят необычные экземпляры. Совершенно случайно у подножия горы был найден фрагмент окаменевшего растения. Оно совсем не похоже на известные веточки сигиллярий и лепидодендронов. Больше напоминает растение семейства осоковых, довольно редкий в Хакасии вид – осоку низкую. Толстое корневище, обломанное у основания, от которого отходят многочисленные узкие розеточные листья. Возможно, этот редкий в настоящее время вид из Красной книги Республики Хакасия является ещё и реликтовым растением.

Аналогичные находки с Изыхского угольного разреза, многочисленные фрагменты деревьев и ветвей, древесина которых уже полностью замещена, занимают свои места в фондохранилище.

Мы не можем сегодня похвастаться находками костей динозавров или, например, древнего носорога-трицератопса, жившего 65 млн. лет назад. Кости же и черепа млекопитающего шерстистого носорога для нас не редкость. Трубчатую кость шерстистого носорога передал в своё время археолог Яков Иванович Сунчугашев. Ещё одна кость была привезена в 1982 г. из Большой Ирбы Курагинского района. «На руднике проводились взрывные работы и после взрыва в карьере обнаружили кости шерстистого носорога. Костей было много, и одну взял мой папа, Вензенко Юрий Петрович. Он купил кость у человека, который там работал в тот день. Долгое время она хранилась в гараже отца в железном ящике. Отец умер в 1997 г.» – рассказала нам дочь Юрия Петровича. В 2011 г. находку передали в музейные фонды. Времени прошло с тех пор немало, но возможно, у кого-то из местных жителей до сих пор хранятся другие кости волосатого носорога. Даже в нашем городе в районе учебно-производственного комбината, да-да, там, где останавливаются сегодня дачные автобусы, когда-то спокойно так разгуливал обросший шерстью носорог (находка кости голени при рытье котлована под насосную, 1977 г.).

Известно, что исчез шерстистый носорог раньше мамонта, где-то двадцать тысяч лет назад. А мамонт предположительно ушел с арены истории на десять тысяч лет позже. Бивней мамонта разных размеров у нас несколько образцов. Самый крупный из них длиной свыше двух метров весом более 50 килограммов. В фондах представлены несколько челюстей мамонта разной величины, с зубами и без, отдельные зубы, их фрагменты. В основном зубы мамонта, фрагменты зубов и челюсти – это сборы с берега Красноярского водохранилища, более 70 костей сданы в разные годы. Довольно крупная коллекция (22 предмета) была передана Лебедевым Владимиром Дементьевичем, инспектором Верхне-Енисейского речного пароходства.

В 1938-1940 гг., при рытье котлована под фундамент здания «Хакзолото» (ул. Карла Маркса, здание МВД РК) на глубине около трех метров была найдена лобная часть черепа с ветвистыми рогами копытного животного, а точнее благородного оленя (марала). Видимо, и он мирно пасся на этой территории.

В палеонтологической коллекции находится четыре массивных черепа бизона, а также фрагменты черепов и отдельные рога. Один череп был найден в Туимском карьере Ширинского района на глубине 6 м, другой – в районе «Советской Хакасии» Боградского района.

Кануло в небытие время, когда плескались здесь воды древнего моря, росли доисторические деревья, паслись мамонты и бизоны. Находки, которые волей случая попадают сегодня в музейные фонды, несомненно, значимы. Они сохраняют для будущих поколений следы истории нашей земли.

Литература:

1. Книги поступлений ОФ и НВФ, книги актов приёма предметов в фонды ХНКМ
2. Отчёт о работе музея краеведения за шесть месяцев 1969 г.

РАЗДЕЛ V. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

О.Н. Мартьянова, г. Томск
А.Н. Мартьянов, г. Красноярск
А.Н. Тимофеев, г. Красноярск

Мартьянов Николай Евгеньевич. Реконструкция биографии

*Счастье достижимо только прямым путём,
при соблюдении всех моральных законов.*

Николай Мартьянов (из письма Филатову А.Н. от 22.08.1977)

МАРТЬЯНОВ Николай Евгеньевич (9.08.1913, г. Томск – 10.03.1983, г. Красноярск) родился в семье студента медицинского факультета Томского государственного университета (ТГУ), старшего сына основателя Минусинского краеведческого музея.¹ После восьмого класса средней школы №3 (г. Минусинск, 1930) окончил специальные курсы и работал коллектором на Минусинской геологоразведочной базе (06.1930 – 06.1934). Осенью 1934 г. поступил на рабфак Томского государственного университета (ТГУ), который успешно закончил на следующий год и был зачислен вне конкурса на физико-математический факультет ТГУ, как победитель математической олимпиады. Будучи студентом 2-го курса, перевёлся на геологическое отделение геолого-почвенно-географического факультета (ГПП). В 1940 г. женился на студентке ТГУ Пильниковой Антонине Марковне, окончившей ТГУ раньше и распределённой в г. Сталинск. Стремясь быть вместе с женой, искал способ, как это сделать. По совету друзей, не оплатил очередной взнос за обучение и был отчислен с 5-го курса ТГУ «за невзнос платы». Работал вместе с женой в Байдаевской геологоразведочной партии (г. Сталинск, Кемеровской области, ныне – г. Новокузнецк).

В январе 1942 г. сопровождал жену в Минусинск, в дороге начались преждевременные роды, и жена умерла от заражения крови. Родившаяся дочь, прожив на свете чуть больше полугода, скончалась в Минусинске. Тяжело переживал смерть жены и дочери, просил военкомат призвать его в армию, хотя имел бронь, как геолог. Осенью 1942 г. был призван в армию и отправлен на учёбу в Кемеровское пехотное училище. В марте 1943 г. арестован «за крамольные речи» и отдан под суд Ревтрибунала новосибирского гарнизона по обвинению в «недопустимости разговоров, граничащих с антисоветским оттенком» (ст. 43 УК РСФСР). На состоявшемся заседании трибунал вынес оправдательный приговор (по тем временам, редкий случай!), но он был опротестован прокурором, требовавшим более сурового наказания. Взят под стражу и отправлен в тюрьму. На следующем заседании обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитация»). Однако и новый состав Ревтрибунала вынес оправдательный приговор «за недоказанность состава преступления», после чего Мартьянов был освобождён и послан в военкомат для отправки на фронт. Медкомиссией признан больным (сказалось длительное пребывание под стражей) и получил отсрочку от военной службы до осени.² Лето провёл в Минусинске. В августе 1943 г. восстановился на 5 курсе ГГФ ТГУ и параллельно начал работать геологом-палеонтологом в Западно-Сибирском геологическом управлении. В июне 1944 г. отлично защитил дипломную работу, получил диплом, звание геолога с правом преподавания в высшей и средней школе, и был зачислен ассистентом кафедры общей и динамической геологии ТГУ, где преподавал геокартинг и руководил учебной практикой по общей геологии.³ В качестве геолога, а потом и старшего геолога, изучал Салаирское месторождение палеозойских алюминиевых руд, вёл занятия со студентами. Во время летней практики

открыл в окрестностях Томска месторождение квасцов (1945-1946). По поручению Минусинского музея, проводил проверку заявок краеведов и обнаружил каменные угли в окрестностях с. Дубенское Шушенского р-на (лето 1947). Осенью 1947 г. выступил на конференции молодых учёных с докладом «Генезис диаспор-лептохлоритовых руд Салаира», который был отмечен почётной грамотой Томского горисполкома.

29 марта (по некоторым данным, 1 апреля) 1949 г. арестован по обвинению в «антисоветской агитации» (ст. 58-02 УК РСФСР)⁴ и находился под следствием в томской тюрьме.⁵ 11 июля состоялся суд, на котором Мартьянов, признав себя виновным «частично», просил о снисхождении, т.к. имел двух малолетних детей (1945 и 1947 г.р.). Суд счёл обвинение доказанным и приговорил к расстрелу,⁶ который, однако, позднее был заменён лишением свободы на 25 лет с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.⁷

Наказание отбывал в пос. Хальмер-Ю (Коми АССР), где работал на шахте «Воркутауголь» шахтёром, шахтным геологом, старшим геологом и начальником группы комплексной экспедиции, продолжая одновременно обдумывать проблемы теоретической геологии.

Находясь в исправительно-трудовом лагере:

- открыл месторождение строительных песков, которые привозили издалека;
- разработал новую классификацию разрывных нарушений в шахте;
- предложил новую схему тектонического строения северо-восточной части Печорского каменноугольного бассейна;
- написал большую научную статью «Некоторые соображения о происхождении структур земной коры»;
- работал над рукописью книги «Энергия Земли».

Решением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (23.12.1955) срок заключения снижен до 6 лет,⁸ и 19 января 1956 г. Мартьянов был освобождён из лагеря.

Возвращаясь из места заключения, выступил с докладом на заседании Географического общества в г. Ленинграде.⁹

В дальнейшем работал старшим геологом Минусинской комплексной экспедиции Минусинской геологоразведочной экспедиции (1956-1958), руководил разведкой Аскизского месторождения (1958), работал главным геологом Саянской аэрогеофизической партии (1959-1963), начальником металлогенической партии. Реабилитирован постановлением Президиума Верховного суда РСФСР (28.09.1960).¹⁰ В 1965 г. переехал в г. Красноярск и работал ст. научным сотрудником в Красноярском отделении Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС), где сделал много научных сообщений. Участвовал в работе «Всесоюзного совещания по общим закономерностям геологических явлений» во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ, 1966). Неоднократно пытался защитить диссертацию, но везде получал отказ. Все отказы мотивировались некомпетентностью научного совета для рассмотрения научной работы широкого профиля, охватывающего геофизику, геологию, геодезию, географию, физику, химию и астрономию.

Последний адрес проживания в Красноярске – ул. Никитина, 8, кв. 5 (на первом этаже деревянного двухэтажного дома).

Умер 10.03.1983 г. и похоронен на Бадалыкском кладбище (сектор 18).

Фундаментальный научный труд «Размышления о пульсациях Земли» был подготовлен к изданию друзьями-коллегам и вышел из печати в 2003 г., т.е. через 20 лет после смерти автора. В послесловии приведены слова Мартьянова: *«Мне открылась истина, которую я не могу не передать людям»*.¹¹

Родственники. Отец – Евгений Николаевич Мартьянов (3.11.1888, г. Минусинск – 17.12.1964, г. Минусинск), мать Евфалия Еремеевна Мартьянова (ур. Черкасова; 15.03.1893 – 26.01.1970), жена (первый брак) Пильникова Антонина Марковна (1918-1942), дочь Людмила (1942-1942, г. Минусинск), жена (второй брак) Боярская Эмилия Леонидовна (12.07.1925-14.07.1971), сын Александр

(р. 30.07.1945, г. Томск), дочь Ольга (р. 23.01.1947, г. Томск), жена (третий брак) Карпеченко Тамара Даниловна (25.01.1939, д. Капышица Витебской обл. – 11.10.2013, г. Красноярск), дочь Наталья (р. 5.10.1958, г. Минусинск). См. также таблицу рода Мартьяновых, составленную Мартьяновой О.Н., Мартьяновой О.Ю., Пажитновым Е.Е., Клоковой Д.Н., Тимофеевым А.Н., Ульвертом А.В. (копия передана в Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова).

Открытие пульсации Земли

Научный подвиг Мартьянова заключается в открытии слоёв растяжения внутри Земли и её пульсации (изменении размеров) с большими амплитудами на фоне монотонного расширения. Читателям, желающим лучше понять суть его аргументов, рекомендуем обратиться к научным трудам, а также к публикациям его последователей (см. Приложения 1,3,4). Отметим лишь, что сферы понижения плотности, по современным экспериментальным данным, находятся на глубине: 30-96 км, 410-660 км и 2695-2822 км. Минимальный радиус в истории Земли, по расчётам Мартьянова, был меньше современного на 1050 км, что составляет около 20% (!) Изменения размеров нашей планеты ещё предстоит объяснить науке, однако ясно, что пульсации проявляются затоплениями и осушениями материков, ледниковыми периодами, изменением сейсмической и вулканической активности, «волнами жизни», самая длинная из которых 450-500 млн. лет. По оценкам учёных, наша планета может сжиматься тысячелетиями с изменением климата и удлинением суток, а также расширяться с увеличением скорости вращения. Изучение природы сил, управляющих этими процессами, позволит прогнозировать геофизические и климатические изменения на Земле [Приложение 1, п. 8].

Память

Образ мыслителя, отважного исследователя, учёного планетарного масштаба, передал в своих картинах Александр Попп,¹² который был знаком с Н.Е. Мартьяновым и тесно общался с ним в последние годы жизни (1973-1983). Цикл работ, посвящённых космической теме, – результат его многолетнего общения с Мартьяновым.

Портреты и картины А. Поппа этого цикла перечислены ниже.

1. Портрет Н.Е. Мартьянова. Картон, темпера. 48x35, 1973*.
2. Портрет Н.Е. Мартьянова. Бумага, карандаш. 25x21, 1974. МКМ ОФ 9405/1.
3. Портрет Н.Е. Мартьянова. Бумага, карандаш. 28x18, 1974. МКМ ОФ 9405/2.
4. Портрет Н.Е. Мартьянова. Бумага, карандаш. 29x20, 1974. МКМ ОФ 9405/3
5. Портрет Н.Е. Мартьянова (с собственноручной подписью). Дюралюминий, офорт. 14x12, 1983*.
6. Памяти Н.Е. Мартьянова. Бумага, соус, сепия. 100x70, 1989. МКМ ОФ 8696/1.
7. Памяти Н.Е. Мартьянова. Бумага, соус, сепия. 85x68, 1989. МКМ ОФ 8696/2.
8. Портрет Н.Е. Мартьянова. Бумага, соус, сепия, цв. карандаш. 69x89, 1989. МКМ ОФ 8696/3.
9. Портрет Н.Е. Мартьянова. Размышления о пульсации. Цинк, офорт, акватинта. 60x50, 2000*.
10. Портрет Н.Е. Мартьянова. Холст, масло. 61x51, 2000*.
11. Портрет Н.Е. Мартьянова. Размышления о пульсации. Холст, масло. 72x108, 2000*.
12. Портрет Н.Е. Мартьянова на фоне Земли. Бумага, соус, цв. карандаш, 60x60, 2000*.
13. Портрет Н.Е. Мартьянова. Раздумья. Бумага, соус. 63x73, 2000*.
14. Портрет Н.Е. Мартьянова. Монолог. Картон, соус, 86x60, 2000*.
15. Портрет Н.Е. Мартьянова. Размышления о пульсации. Бумага, соус, цв. карандаш. 68x80, 2000*.
16. Портрет Н.Е. Мартьянова. Картон, соус, пастель. 53x43, 2000. МКМ ОФ 9405/4
17. Портрет Н.Е. Мартьянова. Фанера, масло. 70x50, 2007*.
18. Портрет Н.Е. Мартьянова. Мыслитель. Фанера, масло. 69x52, 2007*.
19. Серия «Три состояния неба». Холст, масло. 100x100, 2007*.
20. Чёрная дыра. Картон, пастель. 100x70, 2009*.
21. Вторжение. Картон, пастель. 100x70, 2009*.
22. Космос. Картон, пастель. 100x70, 2009*.

23. Рождение вселенной. Холст, масло. 109x129, 2009*.
24. Рождение планет. Холст, масло. 104x128, 2009*.
25. Серия «Рождение и смерть звезды». Картон, пастель. 50x50, 2009*.
26. Непрерывное движение. Холст, масло. 110x110, 2009*.
27. Триптих «Движение в пустоте». Картон, пастель. 100x70, 2010*.
28. Зона высокого напряжения. Холст, масло. 100x170, 2010*.
29. Из серии «Сон – полёты в бесконечность». (1). Бумага, акварель. 73x103, 2010*.
30. Из серии «Сон – полёты в бесконечность». (2). Бумага, акварель. 73x103, 2010*.
31. Реквием. Посвящается Н.Е. Мартьянову. Бумага, соус, сепия. 70x50, 2012*.

Примечание. Картины, отмеченные знаком * – по состоянию на конец 2017 г. – собственность автора, остальные – Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова (указан № фонда).

Приложение 1. Научные статьи Мартьянова Н.Е., опубликованные при жизни автора

1. Мартьянов Н.Е. Генезис диаспор-лептохлоритовых руд Салаира // Учёные записки Томского государственного университета, № 9, 1948.
2. Мартьянов Н.Е. Некоторые соображения о происхождении и метаморфизме углей // Бюллетень треста «Печоруглегеология», № 22, 1957.
3. Мартьянов Н.Е. Области растяжения в оболочке Земли // Доклады АН СССР, сер. Геофизика. т. 116, № 6, 1957. – С. 949 – 952.
4. Мартьянов Н.Е. О статье Г.Д. Афанасьева и С.Г. Цейтлин // Известия АН СССР, сер. Геология, № 8, 1959. – С. 118 – 119.
5. Мартьянов Н.Е. Отпечаток пятипалого следа // «Природа», № 9, 1960. – С. 115.
6. Мартьянов Н.Е. Энергия Земли. // Сборник «Материалы по геологии и полезным ископаемым Красноярского края», вып. 2, 1961. – С. 241-249.
7. Мартьянов Н.Е. Условия образования Таннуольского интрузивного комплекса // Сборник «Новые данные по геологии юга Красноярского края», 1964. – С. 205-211.
8. Мартьянов Н.Е. Пульсирует ли наша планета? // «Вестник АПН», № 47, 1966. См. также «Искра Ильича», Минусинск, №7, 8 от 12 и 13.01.1967.
9. Мартьянов Н.Е. Геология и физика // Вопросы геологии, методики поисков и разведки месторождений полезных ископаемых. Вып. 44. – Новосибирск, 1967. – С. 213-216.
10. Мартьянов Н.Е. Энергия Земли. Под ред. д.г.-м.н., проф. И.В. Дербикова. – Новосибирск, 1968.

Приложение 2. Неопубликованные служебные отчёты

1. Скубицкий Г.И., Мартьянов Н.Е., Замашанская Л.М. Результаты аэрогеофизических работ на южных склонах Западного Саяна. (Отчёт по работам аэрогеофизической партии за 1959 г.). Минусинск, 1960. КГУ. Инв. № 9859. Здесь и далее см. также электронный ресурс. Режим доступа: www.krasfond.ru.
2. Мартьянов Н.Е., Скубицкий Г.И., Яковлев Р.П. Результаты аэрогеофизических работ в Восточном Саяне и области сопряжения Западного Саяна с Алтаем (Отчёт по работам Саянской аэрогеофизической партии за 1960 г.). Минусинск, 1961. Инв. № 11340. КГУ.
3. Мартьянов Н.Е., Скубицкий Г.И., Замашанская Л.М. и др. Результаты аэрогеофизических работ в Восточной Туве. (Отчет Саянской аэрогеофизической партии за 1961 г.). Минусинск, 1962. Инв. № 11920. КГУ.
4. Мартьянов Н.Е., Поздеева Е.Н. Рудопроявления западной части Восточного Саяна (Отчёт по теме: Металлогения складчатого обрамления юго-восточной части Минусинской котловины). Минусинск, 1965. Инв. № 14073. КГУ.

Приложение 3. Посмертные публикации

1. Мартьянов Н.Е. Размышления о пульсациях Земли. – Красноярск : КНИИГиМС, 2003. –

272 с. с илл. См. также электронный ресурс. Режим доступа: <http://sibgeoservice.ru/martyanov-n-e-razmyshleniya-o-pulsaciyax-zemli/> (дата обращения 04.02.2017).

2. Мартьянов Н.Е. Письма. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://grani.agni-age.net/articles8/3306.htm> (дата обращения 04.02.2017).

Приложение 4. Публикации о Мартьянове Н.Е.

1. Андреев Ю. О недрах Минусинской котловины. Власть труда (Минусинск), № 46, от 6.03.1962. С. 2.

2. Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30-40-е и нач. 1950-х гг. Т.2. Вып. 2. / [Сост. В.Н. Уйманов]. – Томск. Управление АФБ РФ по Томской области. 1992. С. 232.

3. Ивания В.А. «Красноярское дело» геологов // Томский вестник, 31.03.1993.

4. А.И. Баженов, Г.В. Гассельблат, С.А. Козлов, А.А. Попов. Мартьянов Николай Евгеньевич // Репрессированные геологи. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. – М. – СПб. – 1999. С. 210-211.

5. Афанасий Шадрин. Окрылённая душа. – Красноярский рабочий 25.07.2002. С. 7

6. Русинов Ю.И., Устинов Ю.К. Геомагнитные «возмущения» или волнения космоса в суперсверхдлинном диапазоне? // Вестник ТГУ. 2003. № 280. С. 389-392. См. также электронный ресурс. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=790&article_id=7055 (дата обращения 4.02.2017).

7. Ю.И. Русинов. Геологи расширили диапазон «видимых» волн на семь порядков. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ntpo.com/secrets_ground/secrets_ground/28.shtml (Дата публикации 29.01.2008, дата обращения 4.02.2017).

8. В.В. Некос, Б.М. Афанасьев, Г.Д. Назимков, В.А. Неволин, С.Г. Рычкова. Исследователи недр Центральной Сибири. Вып. 7. – Красноярск, 2012. С. 170.

9. Грузман Г. Загубленные гении России №10. Мартьяниада: путём познания и скорби // Топос (сетевой журнал). – 2006, 8 июня. См. также электронный ресурс. Режим доступа: www.topos.ru/article/4737 (04.02.2017), а также <http://hpsy.ru/authors/x1413.htm> (дата обращения 04.02.2017)

10. Грузман Генрих. Сибирская сказка. Электронный ресурс. Режим доступа: http://lit.lib.ru/g/gruzman_g/skazka.shtml. (дата обращения 27.11.2016).

11. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://xn--80agomcobmbs.xn----8sbahmlpvellw0ag7lzb.xn--p1ai/?page=14&mode=carts&action=alphabet&letter=%EC> (дата обращения 4.02.2017)

12. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rusalbom.ru/photo/default/1638> (дата обращения 4.02.2017)

13. Жестокий уран (фрагменты книги). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/200402.htm> (дата обращения 4.02.2017).

2016

Примечания:

¹ О.Н. Мартьянова, Ю.И. Русинов, О.К. Скрипко. Послесловие (к 90-летию со дня рождения Н.Е. Мартьянова) // Н.Е. Мартьянов. Размышления о пульсациях Земли. – Красноярск, 2003. – с. 260; Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d22/f4.htm>.

² В.А. Ивания. Человек тяжелой судьбы геолог Н.Е. Мартьянов; Воспоминания О.Н. Мартьяновой // На правах рукописи. Личный архив О.Н. Мартьяновой. – с. 5.

³ Ю.И. Русинов, Ю.К. Устинов. Знания о Земле – людям. Книга Н.Е. Мартьянова открывает новое о пульсациях Земли. – Alma mater. № 2371, 04.10.2004. – с. 1; См. также электронный ресурс. Режим доступа: http://www.almamater.tsu.ru/show_story.phtml?nom=2371&s=1500.

⁴ Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30-40-е и нач. 1950-х гг. Т.2. Вып. 2. / [Сост. В.Н. Уйманов]. – Томск. Управление АФБ РФ по Томской области. 1992. – с. 232.

⁵ Архивная справка УФСБ России по Томской области № 10-4605 от 05.04.2012. – Архив НИЦ «Мемориал» (СПб).

⁶ О.Н. Мартьянова, Ю.И. Русинов, О.К. Скрипко. Послесловие (к 90-летию со дня рождения Н.Е. Мартьянова) // Н.Е. Мартьянов. Размышления о пульсациях Земли. – Красноярск, 2003. – с. 261.

⁷ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://gosagr.natm.ru/card.php?person=990933>

⁸ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d22/f4.htm>

⁹ О.Н. Мартьянова, Ю.И. Русинов, О.К. Скрипко. Послесловие (к 90-летию со дня рождения Н.Е. Мартьянова) //

Н.Е. Мартьянов. Размышления о пульсациях Земли. – Красноярск, 2003. – с. 261.

¹⁰ А.Н. Мартьянов. Личный архив (Справка о реабилитации № 967 – пс0 от 7.10.1960); Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/>

¹¹ О.Н. Мартьянова, Ю.И. Русинов, О.К. Скрипко. Послесловие (к 90-летию со дня рождения Н.Е. Мартьянова) // Н.Е. Мартьянов. Размышления о пульсациях Земли. – Красноярск, 2003. – с. 260.

¹² Электронный ресурс. Режим доступа: <http://artnow.ru/ru/gallery/0/34893.html>

А.Н. Тимофеев,
г. Красноярск

Гудков Павел Павлович

(материалы для биобиблиографического словаря)

ГУДКОВ Павел Павлович [амер. – Goudkoff Paul Pavel, после 14.07.1927 – Paul Goudkoff] (1/14.01.1881, прииск в Енисейской губ. – 24.05.1955, г. Лос-Анджелес, США). Исследователь природных ресурсов Сибири, Дальнего Востока России и тихоокеанского побережья Америки, один из учредителей геологических комитетов Сибирского (1919), Дальневосточного (1920) и Русского инженерного кружка в Лос-Анджелесе (США, 1925-1975). Петролог, основатель школы микроанализа, первооткрыватель нефтяных месторождений в Калифорнии (США), академик, член восьми научных обществ, основатель Общества экономистов, палеонтологов и минералогов (1934), общественный деятель, благотворитель.

Реконструкция судьбы Гудкова была представлена ещё в 2012 году.¹ Настоящая статья содержит дополнения преимущественно из американских и других труднодоступных отечественных источников.²

После окончания восьми классов гимназии в Красноярске (1898) собирался поступить в Горный институт (СПб), но по болезни не мог явиться на конкурсные испытания и поступил на физико-математический факультет Императорского Петербургского университета. На следующий год успешно прошёл проверочные испытания и поступил в Горный институт Императрицы Екатерины II, где специализировался на петрографии. 27 февраля 1907 г. окончил институт (средний балл 4,54) с правом на звание горного инженера и выдачей почётного отзыва за предоставленный отчёт по «Горному Искусству».³ Получил предложение остаться ассистентом на кафедре геологии родного института, но предпочёл занять должность лаборанта при геологическом кабинете горного отделения Томского технологического института, куда прибыл вместе с женой и дочерью в 1907 году. Первоначально вёл практические занятия по петрографии (лекции по петрографии читал проф. В.А. Обручев), позже сам читал лекции по этому предмету на инженерно-строительном отделении.

Вместе с В.А. Обручевым проводил геологическую экспертизу золоторудных месторождений Западной Сибири (1910-1911), с М.А. Усовым – экспертизу месторождений Оренбургского горного округа (1912), Зайсанского уезда Семипалатинской области и Монгольского Алатау (1913).

Заведующий кафедрой геологии и петрографии со званием экстраординарного профессора в Томском технологическом институте (ТТИ) с 20.01.1914. Руководил геологическими исследованиями и разведкой Тельбесского месторождения (Кузнецкие каменноугольные копи), в результате чего был выяснен генезис и определены наиболее перспективные залежи (1913-1915).

Избран членом Сибирского областного исполнительного комитета (1917) и Сибирской областной думы (1918).⁴ Как член Сибирского временного правительства очень многое сделал для создания Сибирского геологического комитета (Сибгеолком). С 5 февраля 1919 г. директор этого комитета. В условиях Гражданской войны комитет сумел организовать работу 11 экспедиционных отрядов (!). Одним из важнейших достижений геологических экспедиций стало открытие место-

рождения медно-никелевых руд в районе Норильска,⁵ на базе которого в советское время было создано мощное промышленное производство.

Позже, находясь во Владивостоке, принял активное участие в создании Дальневосточного геологического комитета, где работал одновременно с преподаванием во Владивостокском политехническом институте, занимаясь учётом минеральных ресурсов региона. Согласно разработанной Гудковым инструкции, с которой он ознакомил своих коллег 8 декабря 1920 г., все собранные сведения о рудных месторождениях должны были храниться в бюро при Музейном кабинете, и такой кабинет был создан на горном факультете Владивостокского политехнического института.

За время пребывания во Владивостоке нашёл и изучил золотоносное месторождение на о. Аскольд, а также провёл оценку и геологическую съёмку рудного месторождения Тетюхе.⁶

Находясь в командировке в Северо-Американских Соединённых Штатах в качестве представителя Приморской окружной торгово-промышленной палаты, первую лекцию в Геологическом обществе (г. Вашингтон) прочёл на английском языке 25 января 1922 г. (кроме английского он знал немецкий, французский и польский языки).

Первое время жил и работал в Нью-Йорке. Позже получил приглашение на службу в нефтяную оффшорную компанию «Синдикат Мак-Кинли» (McKinley Syndicate) консультантом по геологии и микропалеонтологии. Переехал в Калифорнию в марте 1923 г. и в поисках месторождений нефти проводил разведочные работы в долине Сан-Хоакин (San Joaquin), что в результате привело к открытию месторождений нефти в Кэттлемен Хиллс (Kettleman Hills Oil Field). В 1924 г. с семьёй переехал в Лос-Анджелес, где работал геологом и палеонтологом в компаниях, занятых разведкой нефти, консультантом и независимым экспертом, выполняя заявки различных компаний. В 1926 г. открыл собственную контору, в которой проводились микроскопические анализы образцов пород, полученных при бурении скважин. Фактически это было новым направлением в науке и практической геологии, т.к. позволяло оценивать с высокой точностью вероятность присутствия нефтяных полей. В 1924 г. читал лекции в Стэнфордском университете по геологии нефти.

Свою профессиональную и научную работу Гудков успешно сочетал с общественной деятельностью. В 1924 г. основал Русский инженерный кружок (Russian Engineering Society of Los Angeles), вошедший в историю как самое крупное и многолетнее профессиональное объединение русских инженеров за пределами России. Благодаря этому кружку не только устанавливались более тесные связи, но и развивались технические и научные интересы его членов, кружок оказывал финансовую помощь специалистам из России и способствовал организации культурного досуга. На собраниях, которые проходили обычно в помещении Свято-Богородицкой Русской православной церкви (г. Лос-Анджелес; www.hvmla.org), читали доклады о новинках науки и техники, проводились тематические вечера, а по праздникам – чаепития с культурной программой. Первый доклад был прочитан основателем кружка 20.02.1924 г. на тему: «Современное воззрение на генезис рудных месторождений».

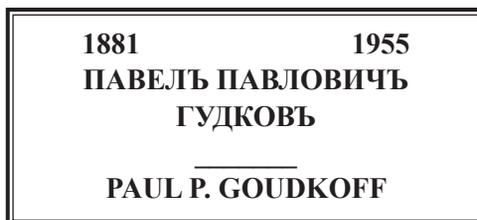
П.П. Гудков охотно откликался на просьбы о помощи и часто жертвовал средства на благотворительность. Несколько раз его избирали председателем кружка, а в 1934 г. выбрали почётным членом, отметив масштаб его общественной работы. Вместе с другими членами Инженерного кружка он участвовал в организации бесплатных уроков английского языка для новых иммигрантов. По его инициативе был создан Фонд помощи русским студентам в США, из которого выдавали ссуды и стипендии с условием возвращения выданной суммы при появлении стабильного заработка.⁷ После смерти Гудкова Фонд стал носить его имя, расширил сферу деятельности и стал предоставлять финансовую помощь не только нуждающимся студентам, но и русским инженерным организациям в Европе. В 1975 году, когда закончился 50-летний срок разрешения от властей Калифорнии, кружок был преобразован в Русско-американское просветительское общество (Russian-American Cultural Society).⁸

В 1951 г. совместно с американским геологом Эденом В. Хьюзом (Aden W. Hughes) основал фирму «Гудков и Хьюз» (Goudkoff and Hughes), которая вскоре заняла одно из ведущих мест в

нефтяной промышленности Калифорнии благодаря своим точным оценкам перспективности месторождений.

Гудков по праву считался одним из крупнейших специалистов в США по геологии нефти. Его работы по стратиграфии оцениваются, как наиболее полные для своего времени. Гудков состоял членом Калифорнийской академии наук, Геологического общества и Общества практической палеонтологии.

Умер 24 мая 1955 г. во время операции на почке, которая не считалась опасной.⁹ Как указано в метрической книге Свято-Богородицкой Русской православной церкви, непосредственной причиной смерти была остановка сердца.¹⁰ Похоронен на кладбище округа Лос-Анджелес (см. ниже). На могиле установлена плита с надписью на русском и английском языках:

Родственники: отец – Гудков Павел Кузьмич (1850, Самарская губ. – 27.10.1908, г. Томск), мать – Леонтина-Мария Константиновна (урожд. Корсак; 26.12.1854, г. Режица Витебской губ. – после 14.09.1928, США), брат Борис (4.02.1882 – после 1930, г. Чита?), сёстры: Валентина (12.11.1879 –?), Валерия (26.02.1887-?), жена – Валентина Петровна (урожд. Рачковская; амер. Valentina P. Goudkoff; 31.01.1880, г. Красноярск Енисейской губ.-14.04.1968, г. Лос-Анджелес, США), дочь Екатерина (в замужестве Вазиян; амер. Katherine P. Vasian, 11.08.1905, г. Красноярск – 25.11.1959, г. Лос-Анджелес, США), зять Leonid Gregory Vasian (21.8.1900, г. Одесса Херсонской губ.-29.9.1972, г. Лос-Анджелес, США), внучка Ирина (амер. Irene Leonid Vasian; 28.05.1933, г. Лос-Анджелес – до 1966).

П.П. Гудков, его жена, дочь и зять похоронены на одной аллее кладбища Hollywood Forever Cemetery (округ Лос-Анджелес, шт. Калифорния, США), сектор 8 («Garden of Legends»). Могилы супругов Гудковых находятся рядом, могилы дочери и зятя – на небольшом расстоянии. Все надгробные плиты оформлены в одном стиле. В верхней части каждой плиты высечен православный крест.¹¹

Примечание. При сборе материалов для статьи были обнаружены расхождения в датах рождения. В метрической книге Свято-Богородицкой церкви в день отпевания П.П. Гудкова (27.05.1955) дата его рождения указана с ошибкой – 20.12.1881. У В.П. Гудковой в метрической книге той же церкви в день отпевания (17.04.1968) указан год рождения 31.01.1884, в то время как на могильной плите высечен год рождения 1880. Поэтому были тщательно проверены все даты рождения по метрическим документам, и они указаны (см. Родственники) по старому стилю, согласно записям в метрической книге той церкви, где совершался обряд крещения.¹²

Отметим, что в Музее русской культуры (г. Сан-Франциско, США) и Гуверовском институте (Стэнфорд, США) сохранился текст завещания Валентины Петровны Гудковой от 1966 с двумя дополнениями, последнее из которых сделано за месяц до её кончины 23.03.1968. Из этих документов¹³ мы знаем, что к 26 августа 1966 г. (дата составления завещания) В.П. Гудкова осталась одна, и у неё уже не было ни мужа, ни детей, ни внуков. Согласно завещанию, её наследство распределялось следующим образом: на оплату долгов, последних расходов на лечение и погребение, налогов на имущество и наследство – сразу после кончины; зятю Леониду Вазияну В.П. Гудкова завещала свою долю в доме на несколько хозяев по адресу: 5747 No. La Miranda Avenue, Los Angeles; своему племяннику Александру Коленскому (Alexandre Kolensky), проживавшему во Франции, в Париже,¹⁴ – свой дом по адресу: 1923 No. Catalina Street, Los Angeles, вместе с мебелью, оборудованием и вещами и – дополнением к завещанию от 27.02.1967 – 10000\$; Свято-Богородицкой Русской православной церкви в Лос-Анджелесе – 5000 \$; Обществу взаимопомощи русских жен-

щин (Russian Women Aid Society) – 5000 \$; Обществу помощи русским детям (Russian Children's Welfare Society) – 5000 \$; Обществу русских инженеров (Russian Engineering Society) – 2000 \$; Эдварду Дензлеру (Edward Denzler) – 3000 \$; подруге Елене Волковой – драгоценности, которые хранились в банковской ячейке (брошь с драгоценными камнями и кольца с бриллиантами); всё остальное имущество в любом виде и состоянии В.П. Гудкова завещала о. Димитрию Гизетти или его преемнику на посту настоятеля Свято-Богородицкой Русской православной церкви с целью устройства приюта для престарелых русских. Кроме завещания В.П. Гудковой, в Музее русской культуры (г. Сан-Франциско, США) сохранились документы, содержащие сведения о пребывании на Международной конференции в Вашингтоне делегации Приморской окружной торгово-промышленной палаты г. Владивостока (П.П. Гудков, М.С. Алексин, К.П. Лавров) в кон. 1921 – нач. 1922 годов.¹⁵ Отметим лишь, что основной целью поездки было экономическое сближение России с Америкой и обсуждение конкретных форм привлечения американского капитала для развития российского Дальнего Востока.

Память. На стене главного корпуса Томского политехнического университета установлена мемориальная доска, на которой кратко описана роль Павла Павловича Гудкова в развитии сибирской геологии.¹⁶

Автор благодарит Д.Н. Клокову (г. Красноярск) – за помощь с переводом завещания В.П. Гудковой. Особая благодарность А.Б. Ипполитовой (г. Москва) за копии документов, хранящихся в Музее русской культуры (г. Сан-Франциско, США) и в архиве Гуверовского института (Стэнфорд, США), сведения генеалогического характера из личного архива, а также за помощь в поиске метрических документов на сайтах ГАКК и Государственного исторического архива Латвии.

Приложение 1. Список научных трудов и работ, опубликованных на русском языке

1. Библиография научных работ П.П. Гудкова, опубликованных в России до отъезда в США, указана в Справочник «Труды учёных ТПУ»¹¹. Две работы по геологии нефти были опубликованы в 1935 и 1947 годах в центральных академических журналах СССР. Курс лекций Гудкова по петрографии переиздан в подарочном исполнении в 2008 году (см. ниже). Укажем лишь первые и последние.

2. Магистерская диссертация: «Месторождения медных руд в Акмолинской области» (1909).

3. Докторская диссертация: «Вулканические породы Туркестана» (1913).

4. Гудков П.П. Исследования по геологии нефти США / П.П. Гудков // Химия твердого топлива. – 1935. – № 5. – С. 459-471.

5. Гудков П.П. Исследования по геологии нефти США // Изв. Академии наук СССР. Сер. Геология. 1947. № 4. С. 131–154.

6. Гудков П.П. Петрография: экзаменационное пособие и руководство для определения горных пород; курс лекций: в 2 ч. / П.П. Гудков; Томский политехнический университет (ТПУ), Институт геологии и нефтегазового дела (ИГНД); под ред. В.А. Домаренко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2008. – 718 с. – Посвящается 100-летию выпуска первого горного инженера в Сибири и 90-летию Сибгеолкома. Факсимильное воспроизведение издания 1916 г., кожаный переплёт.

Приложение 2. Важнейшие работы, опубликованные на английском языке

1. Microscopic Correlation of Oil-Bearing Formation (1927);

2. Subsurface Stratigraphy of Kettleman Hills Oil Field of California (1934);

3. Correlation of Oil Field Formations on the West Side of the Sea Joaquin Valley (1941).

2017 г.

Литература:

1. Томский политехнический университет 1896-1996: Исторический очерк / Под ред. А.В. Гагарина. – Томск: ТПУ, 1996.

2. Россия. – Нью-Йорк, 1955, 7 июня, № 5625.

3. Фонд помощи русским студентам имени проф. Гудкова // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1955. 25 окт.

4. Электронный ресурс. Режим доступа: http://wiki.tpu.ru/wiki/Гудков_Павел_Павлович

5. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.oilru.com/or/18/255/> (Lozovsky I. Не Prospected for Oil in Siberia and California // Oil of Russia. – 2003, №3. – P.72-74).

Примечания:

¹ Тимофеев А.Н. Гудков Павел Павлович // Мартьяновские краеведческие чтения:(2010–2011 гг.) : сб. докладов и сообщений. – Минусинск, 2012. Вып. VII. – С.329-331.

² Ипполитова А.Б. (Москва), личный архив. Письмо приход. секретаря Свято-Богородицкой церкви В. Ефименкова от 8.02.2011.; Хисамутдинов А.А. Гудков Павел Павлович // Русские места захоронений в США /Северный Крест / Northern Cross ; под ред. А.Я. Дяттерева, Ю.В. Мухачева, М.Ю. Сорокиной. – Нью-Йорк, 2016. – С.140-142; Хисамутдинова Н.В. Геолог Павел Павлович Гудков // Вестник ДВО РАН. – Владивосток, 2016. №5. – С.145-154.

³ ЦГИА СПб. Ф.963. О.1. Д.10967. Гудков П.П. Лл.1-1об., 33, 25об., 38.

⁴ Томский политехнический университет 1896-1996: Исторический очерк / Под ред. А.В. Гагарина. – Томск: ТПУ, 1996. – С.105.

⁵ Стрючкова Л.Н. Норильск до начала освоения территории в советский период. – Норильск : АПЕКС, 2016. – С.20.

⁶ Там же. С.21.

⁷ Хисамутдинова Н.В. Геолог Павел Павлович Гудков // Вестник ДВО РАН. – Владивосток, 2016. №5. – С.152.

⁸ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/kt4h4nb9d6>

⁹ Paul Pavel Goudkoff (1891–1955) : Memorial // AAPG Bulletin (American Association of Petroleum Geologist). 1955. Oct.;

Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1997: в 6 т. Т. 2. Г-3 / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; Под ред. Е.В. Макаревич. – М., 1999. – С.262; Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1955, 29 мая, № 15737.; Павел Павлович Гудков : [некролог] // Согласие. Лос-Анджелес, 1955. № 45 (июль).

¹⁰ Ипполитова А.Б. (Москва), личный архив. Письмо приход. секретаря Свято-Богородицкой церкви В. Ефименкова от 8.02.2011.

¹¹ Хисамутдинова Н.В. Геолог Павел Павлович Гудков // Вестник ДВО РАН. – Владивосток, 2016. №5., Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.findagrave.com/memorial/6427600/paul-pavlovich-goudkoff>.

¹² ГАКК. Ф.Р-2453. О.2. Д.4. Л.122об.-123; ГАКК. Ф.Р-2453. О.2. Д.93. Л.52об.-53; ГАКК. Ф.674. О.1. Д.5586.

Л.2-5об.; Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lvva-raduraksti.lv/ru/menu/lv/3/ig/5/ie/2507/book/10511.html>.

¹³ Hoover Institution Archives. Coll. 2001C10. Russko-amerikanskoe kulturno-prosvetitelnoe obshchestvo (Russian-American Cultural Society) Records. Box 2. Folder 2. Goudkoff family. (Микрофильм с материалов, хранящихся в Русском музее в Сан-Франциско).

¹⁴ Российское зарубежье во Франции 1919-2000. Биогр. словарь. М. : Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008: в 3 т. Т. 1. – С.714

¹⁵ Музей русской культуры / Museum of Russian Culture. Ms. 672. Prof. Pavel Pavlovich Gudkoff. Economist and Economic relations between Siberian Government and the United States.

¹⁶ Жоховская В.В., Гагарин А.В., Лозовский И.Т. Павел Павлович Гудков – основатель школы микроанализа // Известия Томского политехнического университета. – Томск, 2005. Т.308. № 6. – С. 246.

¹⁷ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lib.tpu.ru/ap/document/bibliography>

А.К. Болотников,

с. Тесь, Минусинский район

Мой отец, Константин Болотников – краевед, мемуарист, писатель (обзор книги «ОТЧИНА»¹ и человеческие судьбы. Книга вторая. ОТЕЦ»)

Отчина не досталась

От Константина Борисовича² досталась наследникам не отчина – но его собственноручно записанная история нужд, треволнений, сермяжных радостей... Словом, дневники. Многолетние записи в нескольких общих тетрадях, скрывавших до поры до времени всю подспудную его жизнедеятельность. Это целый сонм дат, событий, тщаний, объединённых страстью человека, искренне доверявшего бумаге свой духовный мир – мятущийся, несовершенный, но глубоко личный.

Откуда у крестьянского сына книжная страсть?

«...подобного рода записи я вел с 1937 года...» – обмолвился на одной из страниц дневника. Это дата, определяющего возраст 20-летнего юноши. Для ментальности людей той эпохи – возраст не мальчика, но мужа. Он уже закончил среднюю школу (7 классов), товароведческий техникум в Ачинске, готовился к работе на поприще полученного образования.

До конца дней своих вёл он дневниковые записи. Именно из них родилась эта книга: «ОТЧИ-НА. Часть вторая. Константин Болотников. Жизнь на черновую»

«Эту тетрадь я взял для того, чтобы в ней что-нибудь сочинять – что получится. Первое сочинение называется: **«Кто такой я?»**»

Я – это личность, человек, когда-то родившийся и когда-то умерший. Однако, от и до – как-то жил. Что-то делал и что-то думал. Вот я почему-то родился не раньше, не позже, а накануне великих событий в нашей России, незадолго до Февральской революции. Значит, ещё при Николае II. Но я, конечно, ничего не знал ни о Николае, ни о... Впрочем, ни о чём. Это естественно. Даже потом, когда стал кое-что понимать, всё равно не знал, что делается в стране и вообще в мире.

Кто же я? Почему я появился – даже дело не во времени – а вообще? Почему я не мог появиться в XVIII-XIX в., или ещё раньше? Почему я должен был узнать о разных выдающихся людях и обо всех событиях в мире только по книгам, по школе и из других источников? И поверить, что такие люди были, и всё так было... Мог ли я этому не верить?

Кто же я?

Имею и имя, и фамилию, как все люди. Ничем не отличаюсь от всех. А сам думаю: весь мир, все люди, всё, что происходит в мире, это моё восприятие. Если я исчезну – всё исчезнет. Поэтому я не могу исчезнуть.

Прожил 72 года. Пережил всякие лишения и болезни, а под старость поздоровел, пусть не совсем, но для такого возраста... я здоров.

Значит, я не должен исчезнуть ни в 80, ни в 90, ни в 100 лет. Потому что я не могу представить себя умершим, исчезнувшим. Умершим, лежащим в гробу – в жару, или в холод, не ощущая ни то, ни другое. И чтобы – был спущен в могилу, закопан землей... Нет, это я не могу представить себе.

Мои сестры и мать – долгожители. Хотя мать и сестра одна – умерли, я должен их пережить. Я не должен умереть. Конечно, организм естественно стареет, но он должен заново возродиться. Пусть в XXI веке, но – должен. Этот Костя может умереть по старости, износится организм. Но я должен опять появиться на свет, опять должен начать жить с детства, со школы и т. д. Жить другой жизнью, в зависимости от жизни того времени. Ладно, не будем загадывать на будущее столетие, пока хочу дожить [до времени], когда вырастут мои внуки и правнуки.

Эх ты, жизнь, жизнь... будущее...»

В эти годы мой отец становится «общественным человеком». Помимо основной работы в библиотеке, куда народ шёл не только за книгой, но и для общения, отец работает в составе ревизионной комиссии сельпо, в самодеятельности, где играет на мандолине, балалайке, баяне. В январе 1959 г. уполномочен для работы переписчиком Всесоюзной переписи населения. Замеряет огороды сельчан для нужд налогового учёта. Выдвинут (и в марте избран) кандидатом в депутаты сельсовета. И назначен на первой сессии председателем бюджетно-финансовой комиссии. В «добровольно-принудительном» порядке ходит на с/х работы в колхозе во время уборки и переработки урожая.

Тесинский сельсовет тогда объединял села Тесь, Б-Иню, М-Иню, дом отдыха Малый Кузыкуль, ферму № 1 Енсовхоза; и депутатские обязанности отца расширяли, так сказать, сферу влияния. Секретарем сельсовета этих лет (1947-1965 гг.) работает Леонтий Ефимович Мягих, человек богатой жизненной биографии, фронтовик-орденоносец. В своей работе зачастую он обращается к отцовскому опыту, рассчитывая на безотказность. В дневниковых записях отца этот период отмечен многочисленными свидетельствами и оценками общественной ситуации тех лет. Кстати, дневники – ещё одно свидетельство общественного склада натуры отца. Он ведёт их от 1937 года. Почти два десятка общих тетрадей. Подчас бесценные свидетельства очевидца, с подробностями и стилем, не всегда предназначенными для посторонних глаз.

Пока ещё помним: 60-е годы прошлого века – эпоха СССР, обозначенная общественным мнением как «потепление». Время, датируемое образно как «после XX-го съезда КПСС». Доклад первого секретаря КПСС Н.С. Хрущева на съезде, развенчавший «культ личности» И.В. Сталина, «отца народов», взбудоражил не только советское общество, но удивил и весь мир. Народы

не ожидали от Советов, зашоренных идеологической пропагандой, такой самокритичной оценки. Но чуть позднее началась эпоха «догнать и перегнать Америку», время нового идеологического тщания, напугавшего капиталистический запад и насмешившего его немало. Никита Сергеевич въехал на Запад, обуреваемый некоторыми успехами послевоенного СССР (отмена продуктовых карточек, снижение цен на некоторые продукты питания, освоение целины...), вёл себя самоуверенно и даже заносчиво. Чего стоит его визит и выходка в ООН, где в праведном гневе он изумил «и наших, и ваших», постучав башмаком о трибуну ассамблеи.

И в колхозной жизни потепление отчасти ощущалось. На моей памяти – горячие споры на праздничных гулянках родителей и их друзей: безоглядно ругали вождей прежней – сталинской – эпохи: Берию, Маленкова, Молотова, Калинина... И «примкнувшего к ним Шипилова», затесавшегося в мою память именно оттуда, а не из учебников истории. Да и самого Никиту Сергеевича нещадно критиковали, не поверив в его напускную демократию.

В дневниках отца – много позднее – я нашёл эмоциональные оценки очевидца эпохи. Вот некоторые из них за один только год:

«3.VII. – 50 г. Был в городе на семинаре в культпросветотделе. Слушали лекции: художеств. руководителя – о гримировке и ритмах. Куреев – коммунизм и религия. Абрамов – история ВКП(б) – 3 глава. Доклад о физкультурной работе в клубе. Обязывают изучать историю ВКП(б). Который раз? Не помню. Опять сначала. Что ж, это не так уж трудно. Вчера и сегодня проходит компания по сбору подписей под воззванием постоянного комитета Международного конгресса сторонников мира о запрещении применения атомной бомбы. В Корею началась война между севером и югом.

7 августа. Начинается уборочная компания. Мы, культработники, получили изрядную зарядку на семинаре с 29 по 30 июля и на совещании агитаторов в МТС 4 августа. Но уборка ещё вплотную не началась, поэтому и мы тоже готовимся: пишем лозунги, готовим выставки, репетируемся, что называется. Но в бригады ещё не выходили.

26 августа. Трудно работать в наших условиях, с нашим народом. Ни какими лекциями, газетами, боевыми листками их не проймешь. Хлеба дай досыта, тогда и работу спрашивай. Разве колхозник не видит, что, если сдать государству 10-11 тысяч, засыпать семена, страх.фонд и прочее, то на трудодни много не останется. А поэтому стремления убрать скорее и лучше у них нет и не будет. И никакая агитация их не проймёт. Да и когда там заниматься агитацией. У колхозника времени нет слушать лекции. Они на ходу хлебают. Жуют хлеб и опять за работу».

18 декабря 1950 г. Вчера, 17 декабря, был день выборов в местные Советы. Беспокойный и утомительный день для избирательной комиссии. В 6 ч. утра все на местах. За столом в регистрационной комнате торжественно принимают избирателей регистраторы – учителя Шкрунина, Скобелева, Полещук, зав м/п Тарасова, жена надзирателя за спецпоселенцами Бердикова. Я принимаю голосующих по «удостоверениям на право голосования». На столах разложены списки избирателей, в трёх местах избирательные бюллетени, отдельно по округам. Техника простая. Найдя избирателя в списках, регистратор ставит «да», выдает три бюллетеня – в краевой, районный, сельский Советы, причём в сельский Совет даёт тот бюллетень, какой номер изб. округа стоит против фамилии избирателя, таким образом он голосует за одного из 13 кандидатов в с/Совет, а не за всех 13. В следующей комнате кабины для голосования, где дежурит Доровских Е.В. И в последней – между двух флагов – стоит урна, куда избиратели опускают свои бюллетени. За урной стоит стол, покрытый красной бархатной скатертью, за столом сидит председатель, или секретарь уч.изб. комиссии.

Моя роль не ограничилась регистрацией «удостоверений». Я ещё писал заявления о внесении в списки избирателей тех, кто был пропущен, или по каким-либо причинам, не внесены в списки. Нужно заметить, что на этот раз таких оказалось довольно много, что говорит за невнимательность, халатность секретаря с/Совета и участк. избир. комиссии. Кроме того, я консультировал по многим вопросам избирател. комиссию. И последняя моя роль – развлекать и привлекать избирателя на баяне.

Г. сидел как наблюдатель и почти всех встречал репликой «долго спал» (или спала). Самков

Н.И. сначала спокойно ходил, собирал сведения сколько проголосовало, потом, когда посыпались заявления о включении в списки, когда обнаружилось, что некоторые проголосовали по общему списку, хотя они уже имели «удостоверения» и должны были голосовать по особому списку – стал заметно волноваться. Никифоров Павел успевал только подписывать «заявления». Мужайло М.М., несмотря на жару, расхаживал по кабинету в накинутом на плечи пальто. П.В. (Осколков Петр Васильевич – А.Б.) сразу появился в весёлом настроении и каждому доказывал какую-то политику. Н. ездила на Ферму и в Заготзерно с разъездной урной...

Часов в 10 основная масса уже проголосовала, привезли списки с Фермы, Заготзерно и Енсовхоза. Стали отмечать по основным спискам, проверки разные, подсчёт. Создалась неразбериха, шум, даже забыли встречать вновь прибывших избирателей. Некоторым даже говорили «обождите, некогда»...

Я – памятник себе...

Мой отец, Константин Борисович Болотников, собственной рукой, душой, страстью к писательству скрупулезно записал хронику своей жизни. Тем самым создав себе литературный памятник. Его тексты, дневниковые записки, мемуарные воспоминания, литературные опыты, зачастую малоопытные, порой наивные, подражательские, или ученические, имеют одно неоспоримое достоинство: они самобытны. Записаны очевидцем, прочувствовавшим каждое слово, рождены на основе личного опыта и наблюдения. Они не подверглись какой-либо цензурной остратке, не чурались социальной правды, не грешили вычурностью, или стилистическими изысками. Скорее, страдали «демянобедностью» языка и стиля. Но и это было не упущением автора, а, скорее, его достоинством: тексты выигрывали содержанием.

Константин Болотников писал свою историческую правду. События, записанные им – сельский быт, студенческий и армейский опыт, тюремная хроника от ЗК и другие – не придуманы и не грешат «правдой вымысла». Писал, как видел, как чувствовал и умел. Да и сюжетные картинки его записей и сочинений интригуют не проработкой сцен и образов, но лишь детализацией фактов, в которых, вероятно, и кроется тот самый интригующий дьявол. Автор не стремится к каким-либо обобщениям, обвинительным, или напротив, бесстрастным, позволяя, впрочем, иногда в рассуждениях некий социально-нравственный анализ, или догматику выводов. Это скорее его собственные заблуждения, созревшие на той же почве социалистическо-коммунистической догматики. И порою именно его авторская наивность играет на руку его авторской самобытности.

В книгу «ОТЧИНА и человеческие судьбы. Книга вторая. ОТЕЦ» вошли следующие главы:

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КОНСТАНТИН БОЛОТНИКОВ. ЖИЗНЬ НА ЧЕРНОВУЮ

«Кто такой я?»

Мемуары?.. Мемуары!

Отец и мать.

Я оказался не у дел.

Попутно надо ещё вернуться в 1936 год.

Недолго я был один.

Учиться – неплохо.

Впрочем, о музыке.

Я учился на товароведа промтоваров.

Все это «но»...

Тут надо сделать отступление.

Возвращение с Сахалина.

Что же делать дальше?

Тут надо опять сделать отступление.

Вернемся теперь к нашему путешествию.

И пошла моя работа по проторенной дорожке.

Случилось это так.

Теперь о Матрёне, вернее о её смерти.
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОНСТАНТИН БОЛОТНИКОВ. ПРОЗА ЖИЗНИ.
Любовь Серёжи Голубцова.
Часть первая – Часть четвертая.
Сахалинская эпопея. Новелла первая.
Первый раз в море.
Шторм.
Сахалинская эпопея. Новелла вторая.
АТЫ-БАТЫ. Из солдатского дневника.
На волосок от смерти.
Первый случай.
Второй случай.
Третий случай.
ПРОЗА ЖИЗНИ. Нечай, или солдат поневоле.
Новобранцы.
Выбор участи.
Миазмы службы.
Армейская правда-кривда.
ПРОЗА ЖИЗНИ. Возвращение.
ПРОЗА ЖИЗНИ. Зона Угольная. Тюремная повесть.
СОН И СНОВИДЕНИЯ. РЕФЕРАТ.
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. АЛЕКСЕЙ БОЛОТНИКОВ. ИЗБРАННОЕ ИЗ ДНЕВНИКОВ ОТЦА С МОИ-
МИ КОММЕНТАРИЯМИ. 1928-1970.

2017 г.

Примечания:

¹ «ОТЧИНА и человеческие судьбы. Книга вторая. ОТЕЦ». Изд. Ridero, 2017

² Болотников Константин Борисович (5.01.1917-13.02.1993) – родился в д. Лялино Агинской волости Канского уезда, в семье крестьянина-переселенца. В Тесь с родителями переселился в 1928 г. (в коммуну «Большевик», в местечко Заготзерно), с третьего класса учился в Тесинской ШКМ. Окончил среднюю школу, техникум советской торговли (г. Ачинск) и Канский библиотечный техникум. Служил в армии на о. Сахалин, участник войны с Японией. Вернувшись в Тесь, работал в должностях продавца, завсклада, товароведа, секретаря сельсовета, библиотекаря (апрель 1950-май 1970), учётчика в колхозе. Награждён орденами и медалями. Избирался депутатом сельсовета. Дочь и два сына. Оставил несколько тетрадей прозы и дневниковых записей. Похоронен на сельском кладбище в Теси.

М.А. Варыгина,
с. Туруханск

Родословная семьи Шляховых

Мой отец, Абаев Александр Иванович, родился в г. Горловка Донецкой области СССР. Несмотря на южное происхождение, корни его уходили даже по тем меркам в места сибирские, глухие и неизведанные. Однако, выросшие на Енисее люди, неизведанным свой край не считают. Хотя и сосредоточена вся жизнь около рек, каждый житель достаточно хорошо знает свою малую родину.

Мать моего отца, Шляхова Мария Егоровна, была уроженкой деревни Канготова Туруханского края (63° 44' северной широты, 87° 29' восточной долготы).

Появление на карте населённого пункта Канготова датировано 1760 годом. Название «Канготова» официального перевода не имеет, однако можно трактовать его как «огороженная быстрина». Вывод такой напрашивается при изучении словаря эвенкийского языка, чьи носители давно и прочно обосновались на Енисее. В этом языке есть два слова – [канки] – 1. быстрый, сильный (о

течение); 2. быстрина; и [гота] – ограда, изгородь, забор. Тем более напротив места, где поселились люди, стоит остров, который и отгородил енисейскую быстрину.

Основателем этой деревни считается Шляхов Григорий Иванович.

По некоторым данным в основу фамилии Шляхов легло прозвание «шлях». Скорее всего, это было так называемое профессиональное прозвище, указывающее на сферу деятельности его носителя. Само слово «шлях» происходит от польского «szlach», которое означает «след, колея». Прозвище «шлях» могли дать тому, кто жил у дороги, а также тому, кто вечно находился в пути, по долгу службы ли или по каким другим причинам. Также прозвать «шляхом» могли опытного проницательного охотника, следопыта, который владел искусством определять по следам всякого зверя.

Есть ещё один вариант появления данной фамилии – от слова «шляхта», так называлось дворянство в Польше, в украинских воеводствах и в Великом княжестве Литовском. Это польское слово происходит либо от древнемецкого *slahta* – «род», либо немецкого *Schlacht* – «сражение».

Сама по себе деревня никогда не отличалась большими размерами.

В 1831 г., по данным И. Пестова, это зимовье, за которым числилось 24 туземных жителя. От населённого пункта Алинское зимовье он находился в 24 верстах по почтовому исчислению.

В 1859 г. – это казённый станок на 6 дворов, где проживает 42 человека (26 мужского и 16 женского пола), отстоящий от Енисейска в 754 верстах.

Согласно Списку населённых пунктов Енисейской губернии, изданному в Красноярске в 1911 г., станок Канготово находится от Енисейска в 754 верстах, а от Туруханска в 336 верстах. К 1903 г. количество дворов станка выросло до 12, а жителей стало 82 (44 мужского и 38 женского пола). Среди них жила и мать моей бабушки, Шляхова Домна Егоровна, в девичестве Арефьева, которая родилась в деревне Искуп в 15 км от села Верхнеимбатск в 1886 году.

Со слов моего отца, Домна Егоровна вспоминала о своей бабушке то, что в 92 года, будучи уже плохо видящей, она, тем не менее, ходила драть лыко. Мать Домны Егоровны дожила до 94 лет. Сама же Домна не дожила несколько месяцев до своего сотого юбилея, тем самым пережив дочь, Марию Егоровну, почти на 6 лет. Муж Домны Егоровны, Шляхов Егор Антонович, корни имел канготовские.

В Канготово на тот момент проживал ещё один Егор Шляхов, однако, по отчеству не Антонович, а Ильич (Илинар). Но путаницы у потомков выходят и по сей день. Ведь, не смотря на разницу в отчествах, два Шляхова были даже по возрасту весьма близки, хотя родства своего не помнили. С этих двух Шляховых пошло выделение двух ветвей – илинаровской и антоновской. Стоит отметить, что внешне они вполне между собой различались – антоновские, за счёт прилива крови Арефьевых, были в большинстве светловолосые и светлоглазые, когда как илинаровские были или рыжими, или темноволосыми. Моя бабушка Мария Егоровна была русоволосой и светлоглазой.

К 1918 г. число жителей станка вырастает до 100 человек: 42 мужского и 58 женского пола.

Сколько их было переписано во время Туруханской экспедиции Приполярной переписи 1926-1927 гг., точно можно установить, только ознакомившись с данными Государственного архива Красноярского края. Единственный доступный источник книга «Туруханская экспедиция Приполярной переписи» отсылает к переписчику П.М. Георгиевскому и к архивному фонду Р-769 (О.1.) делу № 376, листы которого с 048 по 063 относятся к Канготово.

Возможно, дополнительным источником станут и материалы ЭВУ экспедиции КрайЗО 1936-1937 годов. На сегодняшний день удалось ознакомиться только с картой Туруханского РайЗО, составленной на основе этих материалов в 1940 году. Из легенды карты можно узнать, что в Канготово было отмечено 14 хозяйств объединённых в колхоз «Промышленник». А сама деревня входила в состав Зыряновского сельского совета. К этому сельсовету относились и две ближайшие к Канготово деревни: Нижне-Имбатск (колхоз «Вторая пятилетка», 7 хозяйств) и собственно Зыряново (колхоз «1 мая», 15 хозяйств).

По воспоминаниям моего отца, Абаева Александра Ивановича, в роду Шляховых было много

охотников, однако это не мешало заниматься бабушке хозяйством, пока они жили на Украине. Так сложилась её жизнь, что в 1939 г. она родила первую дочь, назвав её Роза. После она вышла замуж на моего деда, Абаева Ивана Павловича. Дед служил какой-то период времени в НКВД, а на Украине работал шахтёром. Ему бабушка родила ещё 6 детей, 5 из которых дожили до зрелого возраста.

Как вспоминает мой отец, род Шляховых всегда отличались большой плодовитостью женщин, что подтверждается в некоторых семьях и сейчас. Один из детей Марии Егоровны, мой дядя Валерий Иванович Абаев в своё время был весьма известным на территории Украины боксёром. В Горловке, где прошло детство моего отца, было много родственников по линии Абаевых. По его словам, многие знали и уважали представителей этой фамилии.

Мария Егоровна же провела свою юность в Канготово. В 16 лет она убила с помощью старенького ружья своего первого медведя. Русские раньше не употребляли в пищу медвежье мясо, а так же щуку. Объяснялось это тем, что медведь без шкуры очень напоминал человека, а в голове у щуки имелась похожая на крест кость, поэтому и то, и другое употреблять в пищу было святотатством.

Её брат, также уроженец Канготово, Шляхов Гавриил Егорович (1926 г. р.) сбежал в 17 лет на фронт после того, как в 1942 г. погибли старшие братья Алексей и Никанор.

Из данных Книги памяти Красноярского края становится известно, что «Шляхов Никанор Егорович, родился в 1916, Канготово, житель Туруханского района, призван Игарским ГВК 1941, рядовой, погиб в бою февраль 1942; Шляхов Алексей Георгиевич, родился в 1918, Канготово, житель Туруханского района, призван Игарским ГВК 1941, старшина, погиб в бою февраль 1942».

Об Алексее и Никаноре, принимавшем в 1936 г. в комсомол канготовских ребят, вспоминает и Валентина Шляхова в статье «Не вернулись из боя», опубликованной в районной газете «Маяк Севера».

В 1989 г. Шляхов Гавриил Георгиевич (Егорович) вспоминает: «Из нашей небольшой деревушки Канготово, в которой насчитывалось не более 40 домов, ушло на фронт почти сорок человек (по данным Книги памяти Красноярского края – 26 носили фамилию Шляхов!). Половина из них не вернулись. Одни погибли в боях, другие пропали без вести. Среди тех, чья судьба не известна до сих пор и мой брат, Шляхов Алексей Георгиевич, которого я ищу много лет. Он был призван в ряды действующей армии 19 августа 1941 г. и уехал на фронт примерно в декабре того же 41-го года. Были от него письма с передовой, в которых он сообщал, что воюет на центральном фронте, воюет хорошо, за что его назначили командиром орудия и приняли в ряды ВКП (б). Так было до осени 1942 г., когда связь прервалась навсегда...».

В моей семье сохранилась фотография Гавриила Георгиевича в военной форме с несколькими боевыми наградами и гвардейским значком. На обороте фотографии надпись: «На память всей вашей семье от Шляхова Гавриила Георгиевича. Фото 10.04.46. Р.К.К.А.».

В районной газете, но уже от 1 января 1985 г. в статье Ю. Шемякина есть упоминание о Шляхове А.Г.: «...Призванный на действительную в 1938 г., Пётр Афанасьевич вместе со своим земляком из Канготово Алексеем Егоровичем Шляховым несли службу на Дальнем Востоке. И только вернулись на туруханскую землю, ... Родина призвала их на ратный подвиг...».

Тот же Шемякин Ю. цитирует в своей статье «Родина – мать позвала» уже воспоминания Шляховой Валентины Михайловны: «...Нынче и представить не дано, как спокойно в первые дни мы приняли известие о начале войны. Последняя почта пришла в Канготово в апреле, потом дороги развезло, а радио в деревне не было. Лишь когда открылся Енисей, почтовая связь началась налаживаться. Радист был только в Зыряново. Там находился и сельский Совет. О начале войны мы узнали 24 июня. А до этого, отслужив в армии, в деревню вернулся Алексей Егорович Шляхов. Приехал на вёсельной лодке, не думая, что через месяц придётся встать под ружьё. Честно говоря, в первые дни мы даже не представляли, что такое война. Наши края были не воюющими. Некоторые даже рассуждали: «Пускай повезут на эту самую войну! Может людьми станут». Наверное, людям она казалась такой же, как служба Алексея Егоровича. Теперь трудно верится, как улыбалась тётка Домна, провожая на войну двух сынов...».

Помимо этих братьев были у Марии ещё братья и сёстры – старший брат Харлам, он умер в 16 лет от кори, младшие сёстры Валентина и Матрёна. Матрёна умерла после очередной охоты. Будучи охотницей и рыбачкой, она оставляла детей и хозяйство на мужа. Самый младший Василий был рождён Домной уже в 44 года в 1930 году. В нашей семье сохранилась его фотография в военной форме, на обороте надпись: «На память зятю Ивану, сестре Маруси и племянникам от Васи. Сахалин. 20.08.50 г.». Поскольку связи с ним нет, сложно сказать, жив ли он. Помимо вышеуказанных, было ещё несколько детей, умерших в младенчестве.

По словам моего отца, многие представители рода Шляховых с немалым успехом занимались охотой и рыболовством, имея к этому определённые данные. Из поколения в поколение передавалось определённое строение тела, вполне подходящее для таких занятий – среднего роста, худые и жилистые, довольно гибкие. Человеку более плотного телосложения, возможно, легче охотиться на медведя в силу своей физической силы, однако, чем человек легче, тем ему проще ходить по болотистым или заснеженным местам. Да и в деревянной лодке-«ветке» куда проще сидеть лёгкому и худому, несмотря на бытующее мнение, что толстый человек в воде не тонет.

Действительно, как можно судить по роду Шляховых в целом, охотниками они всегда были искусными. Охотничья сноровка моего отца никак не зависела от его физических данных – с детства у него были весьма большие проблемы со зрением и слухом, но это не мешало ему попадать из ружья, заряженного дробью, белке в глаз, что даже у представителей коренных малочисленных народов Туруханского севера было в большом почёте.

Продолжая составление родословной семьи Шляховых, надеюсь получить доступ к данным Государственного архива Красноярского края, и документально проследить родовую связь с деревней Канготова, на сегодняшний день ещё существующей. В деревне работают начальная школа и сельская библиотека – филиал Туруханской межпоселенческой централизованной информационно-библиотечной системы. Жители ходят в магазин и трудятся на производственном участке коммунального предприятия Туруханского района.

Литература:

1. Енисейская губерния список населённых мест по сведениям 1859 года, СПб, 1864. – 118 с.
2. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года, составленные статским советником И. Пестовым. – М, 1833. – 305 с.
3. Книга памяти Красноярского края. – Красноярск: РИП «ЛИБРА», 1996. – Т.7. – С.95-123 (Туруханский район);
4. Колесникова В.Д. Словарь эвенкийско-русский и русско-эвенкийский: Пособие для уч-ся 1-4 кл. общеобраз. учрежд. – 3-е изд., дораб. – СПб: филиал изд-ва «Просвещение», 2005. – 251 с.
5. Список населённых пунктов Енисейской губернии с приложением списка русских поселений в Урянхайском крае. – Красноярск, 1911. – 422 с.
6. Туруханская экспедиция Приполярной переписи: Этнография и демография малочисленных народов Севера: Сборник научных трудов / Отв. ред. Д. Дж. Андерсон. – Красноярск: Поликор, 2005. – 448 с.: илл.
7. Шляхова В. Не вернулись из боя // Маяк Севера. – 09.05.1984.
8. Шляхов Г. Откликнитесь ветераны! // Маяк Севера. – 09.05.1989.
9. Шемякин Ю. Сквозь огонь войны // Маяк Севера. – 01.01.1985.
10. Шемякин Ю. Родина-мать зовёт // Маяк Севера. – 09.05.1987.
11. Я здесь живу, и край мне этот дорог: альманах, посв. 85-летию Туруханского района / сост. Н.Е. Минкова, Т.Ю. Сергиенко, А.Г. Харевич. – Туруханск, 2013. – 338 с. ил.
12. <https://www.analizfamilii.ru/Shlyakhov/proishozhdenie.html>
13. <http://www.ufolog.ru/names/order/>

Д.Н. Клокова, А.Н. Тимофеев
г. Красноярск

События в жизни Мартьяновых на страницах газеты «Нью-Йорк Таймс» (1930 – 1984)

МАРТЬЯНОВ Николай Николаевич [Mikulaj / Mikulas Martianov – чешск.; Nicolaus Martianoff – нем.; Nikolai Martianoff – шведск.; Nicholas Nicholas Martianoff – амер.] (31.08.1893, г. Минусинск, Енисейской губ. – 15.02.1984, г. Нью-Йорк, США) – участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, журналист, редактор, издатель книг и поздравительных открыток на русском языке, коммерческий директор газеты «Новое русское слово» и владелец магазина по продаже книг на русском языке в Нью-Йорке.

Биография Мартьянова Н.Н. и его дочери в общих чертах была реконструирована и представлена ранее,¹ однако, до сих пор многие подробности его судьбы не выяснены, публикации противоречат друг другу, не подкреплены ссылками на источники сведений, вследствие чего их достоверность остаётся под сомнением.²

Ниже в переводе с английского языка даны сообщения газеты «Нью-Йорк Таймс», выходявшей в городе, где до конца своих дней проживал Николай Мартьянов, младший сын основателя Минусинского краеведческого музея.

19 октября 1930 г.

Свадьба мисс Джейн Боулер Хьюстон, дочери мистера и миссис Чарльз Роб Хьюстон из Цинциннати, штат Огайо и Николая Мартьянова из того же города состоялась вчера в часовне церкви Святого Георгия на площади Стьювезанд. Церемонию совершил Его преподобие доктор Карл Рейланд, настоятель церкви. Невесту повёл к алтарю её отец. Свидетельницей невесты была мисс Луиза Баррет из Янгстауна, Огайо, а сопровождающими невесту – мисс Мариамна Хьюстон, племянница невесты и мисс Анна Труслоу из города Саутпорта, штат Коннектикут. Дженуардий Миранов был свидетелем мистера Мартьянова, а сопровождающими жениха – Бэрон Элоша фон Герц и Стивен Стивенс из Нью-Йорка.

Далее последовал приём в доме брата невесты и его супруги, мистера и миссис С. Фредерик Хьюстон, проживающих по адресу: 79-я Ист-стрит, 308.

После свадебного путешествия пара поселится по адресу: 88-я Ист-стрит, 111.³

23 октября 1932 г.

Цинцинатти, 22 ноября. Чарльз Роб Хьюстон, основатель компании Хьюстон, Стэнвуд&Гэмбл по производству паровых двигателей и бойлеров скончался сегодня от сердечного приступа в возрасте 82 лет.

После него остались вдова, миссис Гарриет Хьюстон; дочь, миссис Джейн Боулер Мартьянова из Нью-Йорка, и три сына: Харман М. Хьюстон из Спрингфилда, штат Огайо, Фредерик Хьюстон, архитектор из Нью-Йорка, и Джордж Х. Хьюстон, президент локомотивостроительного завода Болдуин, штат Филадельфия.

Дочь Чарльза Роба Хьюстона – супруга Николая (Николаса) Мартьянова, секретаря Александра Керенского.⁴

31 марта 1935 г.

Николай Мартьянов, проживающий в Нью-Йорке, 98-я улица, 16, составил каталог «Книги, опубликованные в США, и написанных русскими, а также о России». Целью редактора было составление списка всех книг, которые сейчас доступны у издателей и в книжных магазинах. По этой причине он включил туда очень мало книг, которые более не издаются. Каталог распространяется среди издателей, в книжных магазинах и библиотеках. Мистер Мартьянов составил в соавторстве

с М. Штерноми и недавно опубликовал совместно с ним альманах «Русские артисты в Америке» (Almanac of Russian Artists in America).⁵

18 апреля 1936 г.

Мисс Мариамна Дженифер Хьюстон, дочь мистера и миссис Чарльз Фредерик Хьюстон, проживающих по адресу: 79-я улица, 308, вышла замуж за Генри Кэмпбелла Слэка, сына мистера и миссис Генри Слэк, проживающих по адресу: 80-я Ист-стрит, 308. Венчание совершил Его преподобие Томас Спаркс. Только две семьи присутствовали на церемонии, которая состоялась в церкви Святой Троицы на углу Бродвея и Уолл Стрит.

Невеста, которую повёл к алтарю её отец, надела платье из белой тафты, как у принцессы, и вуаль из тюля, украшенную флёрдоранжем, которую надевали её мать и бабушка. Невеста держала букет из белых роз. Миссис Мартьянова была единственной, кто сопровождал племянницу.

Джордж Уинтроп Ходжес был свидетелем жениха, а его сопровождающими: зять Гораций Сили- Браун младший и К. Фредерик Хьюстон младший, брат невесты.

Музыкальную программу исполнил Ченнинг Ле Февр, органист церкви. После церемонии состоялся приём в доме родителей невесты.⁶

24 апреля 1937 г.

Ежегодный «Бал для высшего общества», организованный при содействии санатория Стоуни Воулд, состоялся вчера в колонном зале Театра Эссекс. Выручка от мероприятия поступит в этот санаторий, который занимается лечением женщин и девушек, страдающих туберкулезом.

В программе вечера были различные концертные номера, излюбленные танцы, предсказания, исполнение шаржей, ферротипия, а перед этим – угощение из многочисленных блюд.

Миссис Хью Виллиамсон, председатель танцевального комитета, в числе гостей принимала мистера Николая Мартьянова и миссис Мартьянову... (в сообщении указаны имена и фамилии двенадцати супружеских пар. *Прим. перев.*).⁷

21 декабря 1945 г.

Шарлотсвилл, штат Вирджиния, 20 декабря. Чарльз Фредерик Хьюстон, проживавший там, бывший архитектор Нью-Йорка, скончался вчера в университетской клинике Вирджинии в возрасте 64 лет.

...Он был сыном Чарльза Роба Хьюстона и урождённой Елизабет Финч Фейнс.

После него остались два брата, Джордж Х.Хьюстон, из Гринвича, штат Коннектикут, и Хэммонд У. Хьюстон, из Спрингфилда, штат Огайо, а также сестра, миссис Мартьянова.⁸

20 декабря 1949 г.

120 девушек из высшего общества на рождественском балу в отеле «Вальдорф-Астория».

Вчера вечером в Большом танцевальном зале отеля «Вальдорф-Астория» были проведены коктель для дебютанток и ежегодный рождественский бал в пользу нью-йоркского госпиталя...

Накануне родителями дебютанток были даны торжественные обеды (в сообщении приведены фамилии 20 семей. *Прим. перев.*). Наряду с другими приём в честь своей дочери мисс Нины Роб Мартьяновой устроили мистер и миссис Мартьяновы.⁹

27 декабря 1949 г.

Вчера вечером в отеле «Плаза» мистер и миссис Франклин Марлон Джентри из Манхассета (Нью-Йорк) дали обед с балом в честь своей дочери-дебютантки...

Среди девушек на балу была (в сообщении указаны по имени и фамилии 37 участниц. *Прим. перев.*) Нина Мартьянова.¹⁰

28 декабря 1949 г.

Вчера вечером мистер и миссис Ван Вехтен Бургер дали обед с балом в Ривер клубе, чтобы официально представить свою дочь, мисс Беверли Бургер...

Среди девушек на вчерашнем вечере была Нина Роб Мартьянова (в сообщении указаны имена и фамилии 36 участниц. *Прим. перев.*).¹¹

23 апреля 1950 г.

Николай Мартьянов, издатель, 1326, Мэдисон Авеню. Каталог «Книги, написанные русскими и о России». Список заглавий на английском языке. Цена 1 доллар.¹²

9 декабря 1951 г.

18 декабря хористы колледжа Маунт-Холиоок дают 27-ой рождественский концерт

Участие выпускниц содействуют успеху 27-го ежегодного рождественского концерта хорового кружка колледжа Маунт-Холиоок в пользу стипендиального фонда этого колледжа ...

В числе постоянных участников благотворительного проекта (в сообщении приводятся имена и фамилии десяти семей. *Прим. перев.*) указаны «мистер и миссис Мартьяновы».¹³

14 января 1955 г.

Нина Мартьянова выходит замуж

Мистер и миссис Мартьяновы, проживающие на Мэдисон-авеню, 1326 объявили о помолвке своей дочери мисс Нины Роб Мартьяновой с Люсьеном Роландом Роем, сыном Эме Роя из Квебека и покойной миссис Рой.

Свадьба состоится в следующем месяце в Беркли, Калифорния. Невеста закончила школу Спенс в Нью-Йорке, а в 1953 г. – с отличием Маунт-Холиоок колледж. Она учится в магистратуре Калифорнийского университета в Беркли по специальности «Математика».

Мисс Мартьянова была представлена обществу в декабре 1949 г. на котильоне дебютанток и на рождественском балу в отеле «Вальдорф – Астория». Она приходится внучкой миссис Чарльз Роб Хьюстон из Цинциннати и покойного мистера Хьюстона.

Мистер Рой закончил университет Лавала в Квебеке, а в 1950 г. получил степень магистра по математике в Калифорнийском университете в Беркли, где он сейчас преподает и учится в аспирантуре (Сообщение предварено фотографией Нины Мартьяновой. *Прим. перев.*).¹⁴

17 сентября 1961 г. **Скончались...**

Мартьянова Джейн. В пятницу, 15 сентября 1961 г. скончалась жена Николая Мартьянова, мать Николая Мартьянова и Нины Мартьяновой Рой. Отпевание в часовне Франк Е. Кэмпбелл на Мэдисон-авеню, угол 81-ой улицы, в понедельник в 10 час. утра.¹⁵

17 сентября 1961 г.

В пятницу в больнице Гринвича, штат Коннектикут, в возрасте 54 лет скончалась миссис Джейн Боулер Хьюстон Мартьянова, супруга Николая Мартьянова, редактора и издателя книг на русском языке. Она проживала на Мэдисон-авеню, 1326, работала методистом в школе секретарей Беркли в Уайт-Плейнс. В 1929 году миссис Мартьянова закончила колледж Маунт-Холиоок.

Кроме мужа, после неё остались сын Николай, дочь, жена Люсьена Роя, брат Герман Хьюстон и трое внуков.¹⁶

1 января 1974 г.

Необычные календари: не всем понятны, но всё же любопытны

Неброский маленький календарь Николая Мартьянова с русским богатырём на обложке имеет несколько сюрпризов для непосвящённых. Конечно, первая страница – это первое января 1974 г. (напечатано русскими буквами), однако это также 19 декабря 1973 – дата, соответствующая юли-

анскому календарю, а, чтобы найти русский Новый год, попробуйте открыть 14-е января (Приведена фотография обложки отрывного календаря издательства Мартьянова и фотографии трёх других календарей на 1974 г. *Прим. перев.*).¹⁷

17 февраля 1984 г. Скончались...

Мартьянов Николай. 15 февраля 1984. Муж умершей Джейн Хьюстон, любящий отец Нины Рой и Николая младшего, обожаемый дедушка Симонны, Николая, Тани и Натальи. Прощание в пятницу с 2 до 5 дня и с 7 до 9 вечера в часовне Франка Е. Кэмпбелла на Мэдисон-авеню, 1076, угол 81-ой улицы. Отпевание в субботу в 10 час.¹⁸

17 февраля 1984 г.

В Нью-Йорке в возрасте 90 лет скончался русский издатель Николай Мартьянов.

Николай Мартьянов, издатель книг на русском языке, бывший коммерческий директор нью-йоркской газеты «Новое русское слово», скончался от хронической сердечной недостаточности в среду в госпитале Маунт-Синай. Мартьянову было 90 лет, он проживал на Манхэттене.

Мартьянов родился в Сибири и был офицером Русской Императорской Армии, в США бежал в начале 1920-х гг. после ареста за участие в покушении на Ленина.

Он стал сотрудником газеты «Новое русское слово» вскоре после прибытия в Нью-Йорк и уволился с должности коммерческого директора 15 лет назад.

Кроме работы в газете, Мартьянов занимался издательским делом, выпуская книги на русском языке и руководства для иммигрантов, а также публиковал популярный русский календарь. Он продолжал своё дело до самой смерти.

Господин Мартьянов – сын учёного, основавшего музей в сибирском городе Минусинске.

После него остался сын Николай Мартьянов (младший), проживающий в Рочестере, дочь Нина Рой из Розмонта, Пенсильвания и четверо внуков.

Отпевание состоится завтра, в 10:00, в поминальной часовне Франка Кэмпбелла, на углу Мэдисон-авеню и 81-ой улицы.¹⁹

2017 г.

Примечания:

¹ Клокова Д.Н., Тимофеев А.Н., Ульверт А.В. Из рода Мартьяновых (реконструкция биографий)// Мартьяновские краеведческие чтения (2014-2015 гг.). Сборник докладов и сообщений. Вып. IX., – г. Минусинск, 2016. – С.355-358; Тимофеев А.Н. Календарь Мартьянова (реконструкция биографии) // Мартьяновские краеведческие чтения (2010-2011 гг.). Сборник докладов и сообщений. Вып. VII., – г. Минусинск, 2012. – С.386-389.

² Александров Е.А. Русские в Северной Америке: биографический словарь/Под редакцией К.М. Александрова, А.В. Терещука. – Хэмден (Коннектикут, США), Сан-Франциско (США), – Санкт-Петербург (Россия): [б.и.], 2005. – С.331-332; Сонкин М.Е. Ключи от бронированных комнат. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. – 284 с.; Сопельняк Борис. Три покушения на Ленина. – М.: Изд-во ВЕЧЕ, 2017. – 352 с.; Тимофеев А.Н. Календарь Мартьянова (реконструкция биографии) // Мартьяновские краеведческие чтения (2010-2011 гг.). Сборник докладов и сообщений. Вып. VII., – г. Минусинск, 2012. с.386-389; Троль Юлиа. Вольноопределяющийся Мартьянов // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 19.03.1991. – с.8.

³ The New York Times. New York, N.Y. 19 Oct 1930. N7.

⁴ The New York Times. New York, N.Y. 23 Oct 1932. P. 22.

⁵ The New York Times. New York, N.Y. 31 Mar 1935: BR13.

⁶ The New York Times. New York, N.Y. 18 Apr 1936. P. 12, L+.

⁷ The New York Times. New York, N.Y. 24 Apr 1937. P. 22, L+.

⁸ The New York Times. New York, N.Y. 21 Dec 1945. P. 21, L+.

⁹ The New York Times. New York, N.Y. 20 Dec 1949. P. 35, L+.

¹⁰ The New York Times. New York, N.Y. 27 Dec 1949. P. 20, L+.

¹¹ The New York Times. New York, N.Y. 28 Dec 1949. P. 23, L+.

¹² The New York Times. New York, N.Y. 23 Apr 1950: BR8.

¹³ The New York Times. New York, N.Y. 09 Dec 1951. P. 109.

¹⁴ The New York Times. New York, N.Y. 14 Jan 1955. P. 14, L.

¹⁵ The New York Times. New York, N.Y. 17 Sep 1961. P. 87.

¹⁶ The New York Times. New York, N.Y. 17 Sep 1961. P. 87, L+.

¹⁷ The New York Times. New York, N.Y. 01 Jan 1974. B4.

¹⁸ The New York Times. New York, N.Y. 17 Feb 1984. B4.

¹⁹ The New York Times, New York, N.Y. 17 Feb 1984: B4, L.

Ш.С. Ооржак,
г. Кызыл, Республика Тыва

Малоизвестные страницы истории Тувы: Оюн Танчай Чырандай оглу (1894 – 1938)

Тема политических репрессий является наиболее мрачной, противоречивой и до конца не изученной страницей в истории Тувинской Народной Республики (1921-1944), о чём фактически не знают представители среднего и младшего поколения жителей республики. Действительно, в республике была создана обстановка всеобщей подозрительности и недоверия людей друг к другу и к руководящим органам. Пострадали не только репрессированные, но и члены их семей, родственники. Почти полвека история замалчивала правду о невинно осуждённых, вешая на них клеймо «врага народа» или «контры». Неоценимый вклад этих людей в развитие молодой Тувинской Народной Республики (ТНР) была забыта на долгое время и лишь спустя 50 лет их земляки смогли взглянуть на судьбу этих людей иным взглядом.

Прямым толчком и юридическим основанием политических репрессий послужило постановление так называемого «Особого» пленума ЦК Тувинской народно-революционной партии (ТНРП), состоявшегося 31 августа 1938 г. и доклад Салчака Тока под названием «О ликвидации контрреволюционной группы Чурмит-Тажы, Танчая и других и повышении партийно-массовой работы ТНРП». В данной статье речь пойдёт об одном из организаторов «контрреволюционной группы» – Оюне Танчае из рода Оюнаров.

Танчай Оюн Чырандай оглу родился в 1894 г. в местечке Танну-Уула Оюнарского хошуна в семье бедного арата-скотовода Чырандая. В семье было трое детей: Танчай, Чин-Сурун, Данзын (Кок-Танзын). Отец Оюн Танчая занимался кузнечным делом. Ковал украшения, сбруи, подковы. Его называли в народе дарган Чырандай (кузнец Чырандай).¹ Танчай в юные годы был табунщиком у богачей. После победы народной революции, он встал на сторону революционно настроенных передовых людей.

В числе первой группы молодых людей в 1920-х гг. Танчай учился в партийной школе в Монголии в городе Улан-Баторе. С 1923 г. по 1926 г. был назначен министром финансов ТНР. С 1926 по 1927 гг. был послом Тувинской Народной Республики в СССР, с 1927 г. по 1932 г. работал министром иностранных дел, с 1932 г. по 1934 г. был председателем Госплана ТНР и первым заместителем Председателя Совета Министров.² После учёбы в КУТВ, по возвращении в Туву в 1936 г. Танчай назначается председателем правления Тувинбанка. Одним из первых, в июле 1936 г. к 15-летней годовщине Тувинской Народной Республики он был награждён высшей наградой тувинского государства – орденом Республики за особые заслуги перед революционной Тувой.³

Он был одним из грамотнейших, прогрессивно мыслящих людей молодой аратской республики. Свободно изъяснялся на русском, монгольском и тибетском языках.

Танчай Оюн мыслил широко, видел перспективы своей страны не в отрыве, а в тесной связи с Советским Союзом. В действительности он был одним из тех, кто служил честно и добросовестно своему народу, верил в идеалы свободы.

Он по праву считался главным счетоводом и кассиром республики, был инициатором и организатором ввода в обращение новой тувинской денежной единицы – акша с номиналом 1, 5, 10, 25 твёрдый курс которой поддерживался достаточно солидным золотым запасом. До сих пор в Национальном музее хранится тувинский денежный знак акша (рубль), где стоит его подпись.

Танчай прекрасно играл на хомусе, лимби, дошпулуре,⁴ умел петь. После работы, приходя домой, усаживал всех детей, играл на бызанчы и пел им любимую песню о своей родине Межегей. Но, несмотря на занятость на важной государственной работе, никогда не забывал приласкать своих детей. Он очень любил петь, даже сидя в заключении, пел свою любимую песню. Дети приходили тайком в то место, где сидел их отец, и слушали его песню, спрятавшись среди караганников. Слыша его, дети жалели своего отца.

Писал очерки на тувинском языке такие, как «Мээнкоргеним» (То, что я видел), «Ламанынмеге-

чизи» (Обман ламы), «Чааамыдырал» (Новая жизнь). Выполняя большую ответственную работу, успевал заниматься переводами. Перевел книгу стихов А. Барто «Братья» (Халышкылыр) на тувинский язык.

Танчай не стеснялся в выражениях. Да и с Салчаком Тока, генеральным секретарем ЦК ТНРП, у него отношения не ладились изначально. Будучи человеком прямым, мужественным, он высказывал Токе обвинения за неразумную, с его точки зрения, политику принудительной коллективизации аратских хозяйств, проводимую в Туве, за незаконное расходование народных денег на застолья, проводимые верхушкой ТНРП. Так что, вряд ли Тока встал бы при случае горой на защиту банкира, которому явно не доставало чувства самосохранения. За его спиной стали плестись политические интриги, в ходу появилась оскорбительная кличка «танчаевцы». Даже прежние заслуги и высшая награда Тувинской Народной Республики не уберегла его от гонений.

24 декабря 1937 г. президиум ЦК ТНРП принял постановление «О недостойном поведении Оюна Танчая, направленном против народа, революционного правительства и Аратской революционной партии». Танчай был обвинен в неправильном поведении при выполнении ряда решений пленумом ЦК и Малого Хурала ТНР, в дискредитации власти. 18 декабря 1937 г. арестовали Кара-Сал Пиринлея – прокурора ТНР.⁵ После январского пленума ЦК ТНРП 19 февраля 1938 г. был заключён в тюрьму Оюн Танчай – председатель правления Тувинского банка. Начались аресты сторонников Оюна Танчая. 11 июля 1938 г. арестован Кужугет Сарыг-Серен – командир, комиссар кавалерийского дивизиона ТНР. 31 июля взяли сразу двоих: Сата Лопсана – министра торговли и промышленности и Ховалыг Тоткана – бывшего начальника «Совтвугтранса». 22 августа задержали Оюна Сенгиижика – заместителя прокурора республики. Аресты следовали один за другим. Чурмит-Дажы и Хемчик-оол участвовали в заседаниях президиума ЦК ТНРП прошедших 31 июля и 23 августа.

На последнем заседании был заслушан доклад Ондара Байыра, отчитавшегося о своей поездке в Москву и встречах с руководством Коминтерна. Информацию о ходе следствия доложил министр МВД Оюн Полат. Из неё следовало, что главной целью арестованных было «свергнуть с помощью Японии революционное правительство Тувы, ликвидировать независимость ТНР и восстановить феодальный строй», а «Танчай и Танзын признали свои контрреволюционные цели».⁶ Министр Оюн Полат обратился к президиуму ЦК с просьбой: «Для того чтобы завершить следствие по делу Танчая, мы должны арестовать отдельные лица, поэтому просим МВД дать право на арест членов группы Танчайя, Лопсана и Тоткана». Не промолчали и Чурмит-Дажы с Хемчик-оолом. «Ликвидация контрреволюционных корней танчаевцев – дело огромной важности» – сказал Хемчик-оол, а Чурмит-Дажы поддержал выступление О. Полата: «Указания Коминтерна в отношении разоблаченных танчаевцев заслуживает глубокого одобрения. С целью разработки конкретных мер по разработке этих указаний необходимо в ближайшее время созвать пленум ЦК партии».⁷

30 августа на объединённом заседании Президиума ЦК ТНРП и Президиума Малого Хурала ТНР был заслушан и обсуждён доклад Оюна Полата. Был поставлен вопрос о врагах народа Чурмит-Дажыи Хемчик-ооле. В 5 часов утра 31 августа 1938 г. Чурмит-Дажы и Хемчик-оола арестовали.⁸ Ордеры на их арест были заготовлены и подписаны О. Полатом ещё 29 августа 1938 года.⁹ За доказательство вины президента и премьера было принято ничем неподкрепленное обвинение Чурмит-Дажы в связях с «японскими шпионами». Что-то отдаленно похожее на аргументы прозвучало на заседании лишь из уст Салчак Токи. Он рассказал, что связи Чурмит-Дажы с контрреволюционером Танчаем подтверждает идентичность показаний 17-18 доносчиков. Далее Салчак Тока пообещал, что дело чурмит-дажинцев-танчаевцев и их помощников рассмотрят по закону, специально разберутся с теми, кто попал под их влияние. Потом состоялся срочно созванный III пленум ЦК ТНРП. До «суда» над «врагом народа», оставалось более 20 дней.

В 1964 г. Кужугет Серен, один из двух оставшихся в живых участников этого судебного процесса, вспоминал: «...в первые дни допрашивали меня в кабинете Ечкалова. При допросе пистолет Ечкалова всегда находился на столе или он его держал в руке. Когда я приходил к ним в кабинет, мне говорили: «стойте на своём месте» и начинали ругать и унижать меня. Несколько раз он уда-

рил пистолетом по вискам, заставляя не шевелиться. Каблуком своих сапог придавливал к полу пальцы моих ног. Вызвав одного милиционера, хватая меня за волосы, бросал на пол и поднимал, меня привязывали за верёвку, которая была опущена с потолка через отверстие... Через 3 дня меня привели в другой кабинет. В этом кабинете были Мандараа, Намчак, Ечкалов и старший советник Рогов. Рогов спросил у меня, обдумал ли я, буду ли давать признательные показания? Я ответил, что обдумал, буду давать признательные показания... Таким образом, мною были даны ложные показания на Танчая, Чурмит-Тажы и Хемчик-оола о том, что они, якобы являются контрреволюционерами... В результате дачи таких заведомо ложных показаний я остался жив».¹⁰

Так же, по словам реабилитированных людей, оставшихся в живых, арестованным не давали спать. Если кто-то закрывал глаза, с криком вбегали тюремщики и будили резкими сильными ударами. И это повторялось бесконечное количество раз. Издевательство над человеком, изощрённая физическая расправа притупляли ум. И всё это делалось для того, чтобы, если и не превратить арестованного в животное, то хотя бы заставить забыть его о чести и достоинстве».¹¹

Судилище началось 10 октября 1938 г. Партийная элита учредила, так называемый чрезвычайный открытый суд, якобы назначенный президиумом Малого Хурала от имени Тувинской Аратской Республики. В суде от 10-13 октября 1938 года в 01 час 40 минут ночи было прочитано постановление «Особого суда», созданного Президиумом Малого Хурала, по рассмотрению преступной деятельности «контрреволюционеров». Согласно нему, всем подсудимым объявлялась высшая мера наказания – смертная казнь.¹²

16 октября 1938 г. Оюн Танчай вместе со своими соратниками Сат Чурмит-Дажы, Адыг-Тюлюш Хемчик-оолом, Сат Лопсаном, Кара-Сал Пиринлеем, Оюн Сенгижиком, Куулар Сунгар-оолом были расстреляны. Двоим же участникам процесса Кужугет Серену и Ховалыг Тоткану смертную казнь изменили на 8 лет заключений за дачу показаний против других. Доподлинно известно, что только Оюн Танчай не признал своей вины. Последним словом Танчая была лишь просьба, позаботится о его детях-сиротах.

У Танчая была многодетная семья, шестеро детей – это были Хурбаа, Хандыжаа, Чагар-оол, Ак-Уруг, Сай-Суу, Чагыр-оол. В 1936 г. в июне, в возрасте 36 лет во время родов седьмого ребёнка умирает жена и мать его детей Оюн Дижимаа. Маленькие дети остаются на попечении старой бабушки, матери Танчая. Старший сын Хурбаа работал в типографии, Чагар-оол учился в педучилище, дочка Хандыжаа работала машинисткой. После вынесения смертного приговора Оюну Танчаю, на следующий день семью выслали из города Кызыла в сторону Сукпак, наказав не селиться рядом с другими чабанскими стоянками. Им помог переехать родной брат бабушки Шокар-Дарган. Когда семья со скарбом выехала на телегах из города, вскоре к ней присоединились трое старших детей Хурбаа, Хандыжаа и Чагар-оол, которых уволили с мест работы. Они обосновались около горы Боом среди караганников. Братьям приходилось рыбачить, ловить зайцев, чтобы прокормить всю семью. Иногда они возвращались без добычи, и семья оставалась голодной. После расстрела Оюна Танчая, у них конфисковали принадлежащее им имущество, оставив малышей без зимней одежды и обуви. Был расстрелян родной брат Оюн Чин-Сурун. От горя и тоски по сыновьям вскоре после расстрела Чин-Суруна умирает и бабушка. После смерти бабушки, за детьми Танчая присматривал младший брат Танчая Оюн Данзын.

Дети Танчая были людьми самой трагической судьбы. Они прошли все унижения как дети «врага народа». Дстойно выдержав все те испытания, которые уготовила им судьба, они не сложились, добившись уважения, наград и похвал стали достойными гражданами родной Тувы.

По решению судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 3 сентября 1964 г. внесудебный приговор чрезвычайной судебной коллегии Верховного суда ТНР от 13 октября 1938 г. был отменён. Тем самым, Оюн Танчай был реабилитирован, и восстановлено его доброе имя спустя 24 года после смерти. Доброе имя вернулось и ко всей его семье, хотя отношение общественности к детям «врага народа» ещё долгое время, вплоть до перестройки оставалось натянутым. Лишь когда раскрылась правда об ужасах репрессий и о неопенимом вкладе безвинно наказанных, в том числе Оюна Танчая, на историю и развитие Тувы, общественность смогла по-

менять отношение к ним. Заслуги Танчая в экономическом и культурном развитии Тувы перестали быть запретной темой, а его дети впервые за долгое время могли не скрывать имя своего выдающегося отца.

Никто не забыт, ни что не забыто. Дети до последнего дня помнили, как красиво пел им их отец о родном крае, как любил свою родину!

Литература:

1. *Достак-оол М.Б.* Культ личности и политические репрессии о Туве. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2003. – С. 80-89, 140-141.

2. *Лама О.* Ыгытавай барып шыдаваас мен. //Тыванын аныяктары – 1989. – 18 февраля.

3. *Ондур С.* Хочется сказать: прости. / Люди Центра Азии. IV том – Кызыл, 2006. – №13. – С. 31.

4. *Орлов О.* Правда о репрессии. // Тувинская правда – 2004 – 01 апреля.

Примечания:

¹ Сайзу Г.Д. Ачам Оюн Танчай дугайында чуну билир мен (на тув. яз.) // Тыванын аныяктары – 1989 г. – 4 февраля.

² Сайзу Г.Д. Я была дочерью «врага народа» // Молодёжь Тувы – 1989 г. – 22 февраля.

³ Сайзу Г.Д. Ачам Оюн Танчай дугайында чуну билир мен (на тув. яз.) // Тыванын аныяктары – 1989 г. – 4 февраля.

⁴ «Хомус, лимби, дошпулур» – национальные инструменты тувинского народа;

⁵ Кунчун Н. Время делать выводы // «Тувинская правда» – 1992 г. – 10 сентября.

⁶ ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф.1. О.1. Д.2035. Л.1.

⁷ Кунчун Н. Время делать выводы // Тувинская правда – 1992г. – 16 мая.

⁸ Оюн Полат. Воспоминание (на тув. яз.) // Тыванын, аныяктары – 1989 г. – 16 мая.

⁹ Кунчун Н. Время делать выводы // Тувинская правда – 1992 г. – 10 сентября.

¹⁰ Бузыкаева Ольга. Первый мэр Кызыла комиссар с золотым зубом / Люди Центр Азии. III том–Кызыл, 2004. – С. 356-361.

¹¹ Сайзу Г.Д. Я была дочерью «врага народа» // Молодёжь Тувы – 1989 г. – 22 февраля.

¹² Архив ФСБ РТ. – Д.199. Т.8. Л.35.

В.А. Паршуков,
г. Ульяновск

Енисейские казаки – минусинцы на Гражданской войне и в эмиграции

подавляющее большинство енисейских казаков в годы Гражданской войны служило в белых войсках. После поражения колчаковского режима в Сибири, енисейские казаки в составе своей строевой части Отдельной Енисейской казачьей бригады совершили Великий Сибирский ледяной поход от Красноярска до Забайкалья. Спустя некоторое время, после боевых действий на Дальнем Востоке, они оказались в эмиграции в Китае.

Среди енисейских казаков – участников Гражданской войны и эмигрантов было немало минусинцев.

Белогрудов Иван Романович – офицер Енисейского казачьего войска (ЕКВ), есаул. Родился 23 февраля 1893 года в Минусинске Енисейской губернии. После окончания в 1910 г. четырёхклассного городского училища он помогал отцу в торговом деле – занимался продажей рыбы. Семья его отца, мещанина Белогрудова Романа Ефимовича, проживала в собственном доме в Минусинске на улице Ново-Присутственной, дом 67.¹

В октябре 1914 г. Иван Белогрудов был призван на военную службу и отправлен в Иркутск в 10-й Сибирский стрелковый полк. В феврале 1915 г. он убыл на фронт, а в конце года – в 1-ю Казанскую школу прапорщиков. После окончания в марте 1916 г. школы прапорщиков Белогрудов служил в г. Екатеринбурге в 126-ом запасном пехотном полку, а с августа выбыл на фронт в 464-й пехотный Селигерский полк. В конце 1917 г. Иван Белогрудов убыл домой в отпуск, где остался на жительство и помогал отцу в торговых делах. Летом 1918 г. И.Р. Белогрудов примкнул к участ-

никам восстания против большевиков и поступил на службу в 1-й Енисейский казачий полк, где состоял в пулемётной команде. Позже он был назначен командиром сотни.

11 июня 1919 г. походный атаман всех казачьих войск А.И. Дутов, отправившийся с инспекторской поездкой по казачьим войскам, посетил Енисейское казачье войско. В Красноярске на железнодорожном вокзале его встречали атаман хорунжий Алексей Никанорович Тялшинский, члены войскового правления, казаки и офицеры войска. Сотней почётного караула командовал хорунжий 1-го Енисейского казачьего полка Иван Романович Белогрудов. Казаки, подобранные в почётный караул выглядели браво, у многих на груди сверкали Георгиевские кресты и медали. Командовавший ими двадцатилетний хорунжий Белогрудов имел орден Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость», полученный им на Пермском фронте в конце 1918 года. Генерал-лейтенант Дутов казаками остался доволен и поблагодарил молодого офицера. «За отличное представление почётного караула Походному атаману» молодой офицер получил благодарность в приказе по полку от временно командующего полком есаула А.Н. Муратова.² После отхода белых войск на Дальний Восток, Белогрудов воевал под Хабаровском, а так же до 1922 г. – в Приморье. Имел здесь чин есаула и состоял в пешем казачьем дивизионе сотника Вербицкого. В ноябре 1921 г., командуя взводом из 18 енисейских казаков, есаул Белогрудов захватил «один из центров партизанского движения Приморья с. Анучино, а затем разгромил партизанскую базу у д. Муравьёвка».³

Кроме выше указанного ордена, он был награждён орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом. В ноябре 1922 г. Иван Белогрудов вместе с войсками эвакуировался через Хунчун в Гири и находился там до сентября 1923 года. Здесь он женился на беженке П.П. Садовской, после чего переехал в Харбин, где смог найти только подённую работу. В октябре 1924 г. поступил на службу в Дальневосточный ломбард, в котором работал вплоть до 1944 г., когда им была заполнена анкета Бюро по делам российских эмигрантов в Манчжурии (БРЭМ). В ней он так же указал, что «родственников в СССР не имею». В 1934 г. Иван Романович развёлся с женой. Снимал жильё, состоящее из одной комнаты, за 10 гоби в месяц.⁴

Шабалин Иван Матвеевич – сослуживец И.Р. Белогрудова по 1-му Енисейскому казачьему полку. Родился 10 сентября 1888 г. в Минусинске. В 1905 г. окончил Минусинское городское 4-хклассное училище, а в 1906 г. экстерном «выдержал» экзамены на звание народного учителя начальной школы. Работал учителем Министерства народного просвещения в Минусинском уезде.

В Памятной книжке Енисейской губернии за 1909 г. Иван Матвеевич упоминается помощником учителя Иудинского сельского училища, за 1913 г. – указан учителем Таштыпского двухклассного приходского училища. Из его анкеты известно, что уже на 1910 г. Иван Матвеевич служил учителем 1-го класса вышеуказанного училища в Таштыпе и имел оклад 35 руб. в месяц.

18 июля 1914 г. И.М. Шабалин «был призван из запаса армии на войну против австро-германцев» и направлен в 1-ю Иркутскую школу прапорщиков, которую окончил 1 октября 1915 г. по первому разряду.

Назначение на службу двадцатилетний прапорщик получил в 24-й Симбирский генерала Неверовского полк, где получил большой боевой опыт. Полк участвовал в тяжёлых боях, много офицеров выбыло из строя. Начальник службы разведчиков И.М. Шабалин получил пулевое «ранение в правое бедро, не мешающее несению строевой службы», а так же отравление газами.

20 декабря 1917 г. поручик Шабалин по демобилизации был уволен в запас и вернулся на родину в Минусинск.

Во время Гражданской войны с 20 июня 1918 г. он состоял на службе младшим офицером 4-й сотни 1-го Енисейского казачьего полка. Позже Шабалин стал командиром этой сотни, которую часто называли «таштыпской». Со многими казаками сотни Иван Матвеевич был знаком ещё с довоенных времён, когда был учителем в Таштыпе и других селах Минусинского уезда.

Есаул И.М. Шабалин со своей сотней участвовал во многих боях Гражданской войны, как на Пермском фронте, так и в Енисейской губернии и в Урянхае. Именно он доложил в штаб полка в Красноярск о потерях 1-го Енисейского казачьего полка в бою под Белоцарском.

После формирования 2-го Енисейского казачьего полка в конце 1919 г. есаул Шабалин занял в

нём должность помощника командира полка по строевой части, а затем был назначен командиром этого полка и получил чин войскового старшины.

Шабалин И.М. был награждён в Первую мировую и в Гражданскую войны: орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, орденом «За Ледяной поход».

20 ноября 1920 г. он прибыл из Забайкалья на станцию Маньчжурия в составе 2-го корпуса. С февраля 1921 г. по январь 1930 г. Иван Матвеевич работал на КВЖД, сначала старшим рабочим межевой партии на станции Шитоухэцзы, а с сентября 1924 г. был назначен лесником земельного отдела, где получал 45 руб. в месяц.

После увольнения с железной дороги он поступил на лесопильный завод Ковальского, где работал до 1932 г. грузчиком, заведующим лесным складом, а затем распиловщиком.

Во время наводнения 1932 г. Шабалин «работал на размывах». В декабре этого же года он поступил в железнодорожную полицию на станции Ханьдаохэцзы и служил до 1 сентября 1935 г., после чего уволился по собственному желанию. Затем работал на лесных предприятиях Осима-Иоко и С. Кондо, занимал должность сотрудника отделения Бюро на станции Ханьдаохэцзы, исполнял обязанности начальника 10-го отдела Обще-Воинского Союза.

На общественных началах И.М. Шабалин состоял членом правления и родительского комитета Ханьдаохэцзской гимназии. На станции Ханьдаохэцзы он имел собственный дом из четырёх комнат на улице Ключевой. На февраль 1935 г. его семья состояла из жены Елизаветы Фадеевны 40 лет, сыновей Юрия 12 лет, Александра 10 лет и дочери Натальи 5 лет.

В разделе анкеты БРЭМ о вероисповедании, И.М. Шабалин указал о принадлежности к молотканской секте, а на вопрос «кто из видных общественных или административных лиц может за вас поручиться», он ответил: «г. атаман Енисейского казачьего войска, в данный момент директор Русской гимназии на Муллинских коях А.П. Кузнецов-Гантимуров».⁵

Лаврентьев Константин Иванович, хотя и не был уроженцем Минусинска, но долгое время в нём проживал и во время Гражданской войны был казаком станицы Минусинской. Оказавшись в эмиграции, жил в Харбине.

В 1940 г. в Харбине был выпущен сборник «Памятка Енисейского казачьего войска 1618-1938. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков». Материалы для журнала собирал член Войскового правления Енисейского казачьего войска К.И. Лаврентьев. Дамский кружок Енисейской казачьей станицы, возглавляемый его супругой Надеждой Яковлевной Лаврентьевой, организовал «сбор средств от вечеринки и лотереи» для издания сборника. Многие казаки-станичники так же «жертвенно откликнулись внесением денежных средств на издание», целью которого было осветить славное прошлое енисейцев и ознакомить с ним молодых казаков.

В сборнике размещены воспоминания атамана Енисейской зарубежной станицы в Харбине полковника А.Н. Тялшинского, полковника Я.Я. Смирнова, сотника Г.У. Юшкова, атамана Азиатской станицы в Сербии И.К. Окулича и других казаков. К молодым казакам обратился подхорунжий А. Сипкин. Немало места в нём уделено подлинным документам из истории енисейского казачества, а так же опубликованы стихи и походная песня казаков.

Лаврентьев К.И., «трудами которого составлена и издана станицей книга», родился 4 мая 1874 г. в Красноярске Енисейской губернии. В 1885 г. окончил одноклассную начальную школу при Красноярской учительской семинарии. Долгое время работал на золотых приисках и рудниках. В 1915 г. был избран в правление Ольховских золотых рудников К.И. Иваницкого.⁶ В конце 1919 г. при отступлении колчаковских войск, Лаврентьеву, как члену Войскового правления была поручена эвакуация войскового имущества Енисейского казачьего войска на восток. Ему с трудом удалось «выбить» три вагона-теплушки и прицепить их к «чешскому» эшелону. В вагонах кроме войскового имущества размещались раненные офицеры, а так же члены семей казаков. Не доходя до Иркутска, эшелон был остановлен без какой-либо надежды на дальнейшую отправку. Лаврентьев купил лошадей у чехов, находящихся в соседнем эшелоне, нашёл подводы для раненых

офицеров–енисейцев и членов семей, а войсковое имущество и архивы пришлось бросить ради спасения людей. Единственное, что было сохранено – это войсковые знамёна.⁷

В 1921 г. Лаврентьев был интендантом в Отдельном Урянхайском конном отряде войск генерал-лейтенанта барона Романа Фёдоровича фон Унгерн-Штернберга в Монголии. Под впечатлением увиденного там, позже в Китае он написал воспоминания «Взятие г. Урги бароном Унгерном».⁸

В своих воспоминаниях К.И. Лаврентьев называл бывшего председателя Минусинской городской думы Ивана Яковлевича Чибизова, бывшего помощника минусинского городского головы Василия Власовича Солдатова, погибшего от рук китайских солдат, после неудачного побега из тюрьмы. В Урге он так же встречался с минусинцами: телеграфистом Лукьяновым, а так же Фёдоровым, служившем «в отряде барона под другой фамилией».⁹

В 1934-1935 гг. Константин Иванович был редактором журнала Восточного казачьего союза «Россия и казачество». Лаврентьев постоянно публиковал свои материалы в различных сборниках, таких как, например «Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.».¹⁰ Его сообщения под рубрикой «У казаков на Дальнем Востоке» можно встретить в ежемесячном казачьем журнале «Родимый край», выпускавшемся в Париже.

Анкеты из эмигрантского архива позволяют проследить биографию офицера Енисейского казачьего войска Александра Андреевича Тольского. Родился он 25 августа 1898 г. в Минусинске. Образование: Красноярская губернская мужская гимназия (1916 г.). 18 августа 1917 г. поступил на военную службу в г. Минусинске. Военное образование: команда молодых казаков Енисейского казачьего войска, Читинское военное училище. Выпущен хорунжим в 1920 г. в 1-й Енисейский казачий полк. Участвовал в походах «против красных большевиков в Енисейской губернии в 1918-1919 гг., будучи рядовым казаком. Против красных банд в Забайкалье, будучи юнкером Читинского военного училища. В Приморье против красных банд в Енисейском казачьем войске, будучи сотником». Награды: Анновский темляк (лента с кистью – знак к ордену Святой Анны 4-й степени «За храбрость» для ношения на холодном оружии, именуемый среди русских офицеров «клюквой» за его красный цвет – *ред.*) за поход вверх по Иману против отряда Палицина и Краснощёкова. В Манчжурию прибыл с отступающей армией генерала Дитерихса в 1922 г. из Приморья через Гириин. На конец 1941 г. служил приказчиком в обувном отделе фирмы Чурин и Ко. Вдовец, воспитывал сына. В 1932 г. вступил в ряды Всероссийской фашистской партии. Скончался А.А. Тольский в 1942 г. на 44 году жизни.¹¹

Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Хабаровского края за предоставленные материалы и методическую помощь.

2016 г.

Примечания:

¹ АГМ. Ф. Р368. О.3. Д.5. Л.54.

² Российский Государственный Военный архив (РГВА). Ф. 39515. О.1. Д.9. Л.179.

³ Тарасов М. Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922: монография. – М., 2011. – С. 120.

⁴ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. р-830. О.3. Д.37610. Л.8.

⁵ ГАХК. Ф. Р-830. О.3. Д.52776. Л.1-8.

⁶ ГАХК. Ф. р-830. О.3. Д.25918. Л.1, 1 об.

⁷ Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков. Харбин, 1940. – С. 135.

⁸ Лаврентьев К.И. Взятие г. Урги бароном Унгерном / К.И. Лаврентьев // Барон Унгерн в документах и мемуарах. М. 2004. – С. 312-335.

⁹ Там же, с. 317]

¹⁰ Лаврентьев К. И. Енисейское казачье войско и Енисейская Зарубежная казачья станица в Харбине / К.И. Лаврентьев // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: сборник статей о казаках и казачестве. – Харбин, 1943. – С. 82-85.

¹¹ ГАХК. Ф. р-830. О.3. Д.47543. Л.1-14.

А.И. Погребняк,
г. Минусинск

Минусинская ссылка Л.Б. Каменева (Розенфельда)

Лев Борисович Розенфельд (партийные псевдонимы – Каменев, Градов) – с 18 лет убеждённый российский профессиональный революционер, один из создателей и руководителей нашего государства. Он родился 6 (18) июля 1883 г. в г. Москва, там же 25 августа 1936 г. по решению военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян.¹

После этого его имя было вычеркнуто из советской истории более чем на полвека. В 3-томном «Энциклопедическом словаре» государственного научного издательства «Большая Советская энциклопедия» 1954 г. известий о Л.Б. Каменеве нет.² Даже перестройка не сразу восстановила о нём память, хотя в 1988 г. он был реабилитирован. Например, в статье о Минусинске в энциклопедическом издании 1994 г. «Города России»³, в «Енисейском энциклопедическом словаре», изданном в 1998 г., также отсутствует его имя.⁴

Энциклопедический словарь «Отечество. История, люди, регионы России» издания 1999 г. возвращает память о нём, но ограничивается лаконичной фразой «неоднократно подвергался арестам и ссылкам».⁵ Автор статьи о Л.Б. Каменеве в «Исторической энциклопедии Сибири» кратко описывает только дореволюционную ссылку Льва Борисовича в Енисейскую губернию, о постреволюционной – сведений нет,⁶ хотя к этому времени уже появились упоминания о минусинской ссылке Льва Борисовича в других энциклопедических изданиях. Так, в «Энциклопедии Красноярского края. Юг», изданной в Красноярске в 2008 г., указывается, что в конце 1920-х – нач. 1930-х гг. в регионе отбывали ссылку 140 политических ссыльных, в том числе и член ЦК партии Л.Б. Каменев.⁷

Владимир Львович Глебов – сын Каменева – рассказывал об отце: «...Лев Каменев (Розенфельд) был одним из самых близких соратников Ленина. Когда Ленина не было, то его замещал отец. Со Сталиным он сошёлся в ссылке 1912 г., и, судя по всему, он и тянул Сталина наверх. ...Потому ему и доверяли самые ответственные посты: он был председателем ВЦИКа в 1917-м, руководил Моссоветом в 1918-1926 гг., три года был заместителем председателя СНК. В 1922-1924 гг. – зам. председателя и в 1924-1926 гг. председатель СТО СССР.⁸ Поскольку его взгляды расходились с взглядами Сталина, он стал «оппозиционером».

Перед окончательным «уходом со сцены» Лев Каменев некоторое время (в 1928-1929) был начальником научно-технического управления ВСНХ СССР. Любопытно, что эту же самую должность в конце своей политической (и просто жизненной) карьеры занимали и два других соратника В.И. Ленина – Л.Д. Троцкий и Н.И. Бухарин.⁹ Этому самому Научно-техническому управлению подчинялась и научно-техническая библиотека ВСНХ, директором которой во времена Каменева был известный профессор древней истории, член-корреспондент АН СССР Алексей Иванович Яковлев. Там они и познакомились.¹⁰

Понимая свою обречённость как политика, Каменев попытался уйти в науку: в мае 1932 г. Лев Борисович возглавил издательство «Academia» («Академия») и созданную им серию «Русская литература» и с 1934 – Институт мировой литературы АН СССР им. Горького.¹¹ Каменев быстро вник в книгоиздательское дело и понял его специфику. 8 сентября 1932 г. М. Горький в письме А.В. Луначарскому отмечал, что Каменев не формально, а энергично руководит работой «Academia».¹² Он прилагал много усилий для разработки планов издательства. По его предложению создавались новые серии, уточнялся состав ранее существовавших.¹³ Каменев активно привлекал к изданию книг видных деятелей науки, литературы и искусства, в том числе находившихся в ссылке.

Ещё до начала работы в акционерном обществе 3 февраля 1932 г. Каменев заключил с «Academia» договор на издание книги А.И. Герцена «Былое и думы» (вступительная статья, редактирование, комментирование и указатель – 43 п.л.).¹⁴ Каменев написал два обстоятельных предисловия – «А.И. Герцен. Биографический очерк» и «История создания, содержание и издания

«Былое и думы». Таким образом, издательство «Academia» заново подготовило к печати эту очень важную работу. Книга была высоко оценена рецензентами.¹⁵

В том же 1932 г. под редакцией Каменева изданы «Стихи и легенды» М. Горького с замечательными рисунками и офортами Сары Марковны Шор. 20 июня сданы в набор «Стихотворения» А.И. Полежаева, подготовленные к печати В.В. Барановым, также под общей редакцией и с предисловием руководителя издательства.¹⁶ «Большой, внимательный и проницательный труд, затраченный В.В. Барановым на восстановление биографии и текста А.И. Полежаева, возвращает русской литературе крупного и своеобразного поэта и, одновременно, восстанавливает в нашей памяти одну из самых трагических фигур русской литературы XIX века» – отмечал Каменев в предисловии.¹⁷

После исключения Президиумом ЦКК из партии за недоносительство 9 октября 1932 г. Каменев вновь был репрессирован и по постановлению Особого совещания при коллегии ОГПУ от 11 октября 1932 г. осуждён к ссылке на 3 года в связи с делом «Союза марксистов-ленинцев» (Дело Рютина).¹⁸ 16 октября 1932 г. бывший партийный функционер Л.Б. Каменев отправлен в ссылку в г. Минусинск.¹⁹

В Минусинск Л.Б. Каменев прибыл в 1932 г. в отдельном вагоне с женой Татьяной Ивановной Глебовой и сыном Володей, которому было... три года. Их сопровождали караульные. Приехал с ним и Леонид – сын от первой жены,²⁰ – который помог отцу устроиться на новом месте и сразу же отбыл обратно в Москву.²¹

Минусинский краевед Ольга Викторовна Шестакова много лет назад встречалась с людьми, которые видели Каменева в Минусинске. По воспоминаниям старожилов, работал он в городской типографии. Минусинцу Козловскому, работавшему там же в переплётном цехе, сотрудники НКВД поручили следить за бывшим партийным деятелем, попавшим в списки неблагонадёжных.²²

В ссылку Каменев привёз с собой много всякой утвари и, разумеется, книг, занимавших половину вагона. В Минусинске он продолжал заниматься редакционно-издательской деятельностью возглавляемого им в Москве издательства «Academia». Перед самой ссылкой Каменев заключил в Москве с издательством «Academia» несколько договоров на сумму свыше 40 тыс. руб. и получил значительный гонорар. Есть также сведения о том, что Каменев периодически получал на городской почте какое-то пособие (скорее всего, гонорары) из Москвы. Так что средства «на первое время» были, и он жил в Минусинске в трёхкомнатной квартире. Сюда-то и приходил к Каменевым в гости беспартийный профессор-историк А.И. Яковлев, оказавшийся тоже в минусинской ссылке, но по другому делу. Они часто встречались и говорили по-свойски о многом. В частности, Яковлев как-то усомнился в выдающихся способностях Сталина, но Каменев с ним не согласился, заявив, что Сталин умён и очень хитёр!²³

Незадолго до минусинской ссылки Каменев заключил с «Academia» договор о предисловии к полному собранию сочинений Н.А. Некрасова объёмом 5 п.л.^{24,25}. В тот же день Каменев заключил договор с «Academia» на написание совместно с Я.Е. Эльсбергом вступительной статьи, комментариев и редактирование воспоминаний русского историка М.М. Ковалевского, на издание книги «Из записок сенатора К.Н. Лебедева», предисловия к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».²⁶ Эти книги, однако, изданы не были.

Находясь в ссылке, Лев Борисович активно и плодотворно работает. Он пишет для серии «Жизнь замечательных людей» Жургица биографию Н.Г. Чернышевского объёмом 12 п.л.^{27,28}, предисловия к «Мёртвым душам» Н.В. Гоголя, к книгам А. Белого «Творчество Гоголя» и «Начало века», завершает, предисловие к переизданию герценовского «Колокола» (январь 1933).²⁹ Когда автор был в ссылке в Минусинске, в апреле 1933 г. вышла в свет другая книга с предисловием Каменева – «Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского». Правда, вместо имени автора предисловия здесь значилось «От издательства».³⁰

Один только краткий перечень написанного Каменевым в Минусинске за полгода свидетельствует о большом интеллектуальном потенциале этого человека. Можно по-разному оценивать политическую и государственную деятельность Каменева, но нельзя игнорировать его вклад в отечественное литературоведение, публицистику и издательское дело.

В 1933 г. Каменеву было «предложено» написать «покаянное письмо», сделав это непременным условием его возвращения в Москву. Повезла письмо в столицу в марте 1933 г. жена, Татьяна Ивановна, оставив сына с отцом. Яковлев попросил захватить с собой и его письма к родным. В Москве за письмами пришёл сын А. Яковлева – Иван. В большой кооперативной квартире, которую Каменев купил после развода с первой женой, Иван застал Татьяну Ивановну одну: она сидела на единственной в квартире кровати и разговаривала по телефону. Другой мебели, даже стульев, в квартире не было.³¹

Татьяна Ивановна рассказала Ивану, что в Ачинске при пересадке с одного поезда на другой с ней произошла странная история. Внезапно её окружила толпа неизвестно откуда взявшихся людей, кто-то вырвал из её рук чемодан, где находилось и покаянное письмо Каменева, – и все исчезли так же неожиданно, как и появились. Жена Каменева заявила о случившемся в милицию. Через несколько часов чемодан со всем содержимым был ей возвращён. С полным основанием можно было считать всю эту «бандитскую акцию» операцией НКВД: очень хотелось покопаться без помех в багаже и поискать «компромат» на Льва Борисовича.³²

В апреле 1933 г. минусинская ссылка Каменева завершилась, и он возвратился в Москву. 11 мая И.Ф. Масанов в письме историку и библиографу Ф.И. Витязеву в Ульяновск, где тот находился в ссылке, сообщил о событии, которое очень многих порадовало: «Вернулся в Москву Л.Б. Каменев, которого я три дня тому назад встретил в «Academia», а сегодня услышал весточку, что он уже снова стал во главе этого издательства».³³ К.И. Чуковский также отметил факт возвращения Каменева. 1 июня он записал в дневнике: «По-прежнему добродушный, радостный, но седой. За этот год голова у него совсем поседела... Каменев между прочим сказал: «Хорошо было мне в Минусинске: никто не мешал мне заниматься. Я написал там о Чернышевском 12 п.л.»³⁴ Как жаль, что меня вернули в Москву. Там я написал бы о Некрасове, а здесь недосуг». Я думаю, что это – рисовка и что на самом деле он очень рад своему возвращению в Москву».³⁵

Освобождением из ссылки Каменев был обязан А.М. Горькому. Знаток закулисной жизни Кремля 30-х гг. Б.И. Николаевский³⁶ отмечал: «Горький устроил встречу Сталина с Каменевым, – встречу, во время которой, как тогда рассказывали, произошло нечто вроде объяснения в любви со стороны Каменева». Подробностей этого объяснения, происходившего с глазу на глаз, конечно, никто не знает, но в партийных кругах тогда с одобрением отмечали его результат: Сталин, как он сам заявил почти публично, «поверил Каменеву». Последний, якобы, откровенно рассказал о всей своей оппозиционной деятельности, объяснил, почему он был раньше против Сталина, и почему он теперь окончательно перестаёт быть его противником. Тогда же передавали, что Каменев дал Сталину «честное слово» не заниматься больше никакими оппозиционными делами, – и за это не только получил широчайшие полномочия по руководству издательством «Академия», но и обещание в ближайшем же будущем быть снова допущенным к руководящей политической работе».³⁷

Лев Борисович сразу же с головой ушёл в работу в акционерном книгоиздательском обществе. Он принимает активное участие в хлопотах по изданию «Словаря псевдонимов» И.Ф. Масанова.^{38,39}

28 мая 1933 г. Каменев направляет Ф.И. Витязеву в Ульяновск телеграмму с предложением при-слать в издательство рукопись книги Е.А. Штакеншнейдер «Дневники и записки», которую предполагалось опубликовать в серии «Русские мемуары, дневники, письма и материалы». Каменев не только помог в издании этой книги, но и поддержал ссыльного учёного материально, выслав ему в счёт аванса 200 рублей.⁴⁰ Он поддержал и сосланного в Саратов академика Д.Б. Рязанова, который по некоторым сведениям переводил для «Academia» философский и социальный роман Э. Кабе «Путешествие в Икарию» и ряд других произведений.⁴¹

Следом за Каменевым разрешили вернуться из ссылки и А.И. Яковлеву. Тут и родился один совместный издательский проект: Алексей Иванович предложил Льву Борисовичу издать в «Академии» роман В. Скотта «Айвенго», снабдив его специально подобранными иллюстрациями XIII в., которые можно было найти в фондах Ленинской библиотеки. Каменеву предложение Яковлева понравилось, и он включил книгу в план издательства, но предложил в качестве художника своего родного брата Николая. Книга была полностью подготовлена к изданию, но так и не увидела

свет – на дворе стоял уже конец 1934 г. ... Как раз в это время А.И. Яковлев пригласил супругов Каменевых к себе в гости. Те обещали прийти, но почему-то не пришли. Впрочем, Лев Борисович успел позвонить Яковлеву и извиниться: не время, мол, по гостям ходить – убит Киров, и это не может остаться без последствий. Последствия не замедлили сказаться: вскоре свинцовая точка завершила карьеру Каменева.⁴²

По утверждению сына, в своей жизни Л.Б. Каменев сидел одиннадцать раз: четыре раза при царе, однажды при Керенском, дважды в Англии, ещё один раз у белофиннов и три раза при Сталине; который, в конце концов, и убил его...⁴³ И предпоследним этапом в жизни этого неординарного человека, политического и литературного деятеля была минусинская ссылка.

2016 г.

Литература:

1. *Калеменева Н.А.* Место ссылки – Минусинск // *АиФ на Енисее*. – 2003. – 9 июля.
2. *Шиферсон Б.* Слово об отце // *Ленингр. правда*. – 1989. – 5 нояб.

Примечания:

- ¹ Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2012. – с. 212-213.
- ² Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 2. – М.: Гос. науч. изд-во «Бол. Сов. энциклопедия», 1954. – 720 с.
- ³ Минусинск // *Города России: энциклопедия* / гл. ред. Г.М. Лаппо. – М.: Бол. Рос. энциклопедия, 1994. – 559 с.: ил., карты. – с. 258-259
- ⁴ Енисейский энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск: КОО Ассоц. «Рус. энцикл.», 1998. – 736 с.
- ⁵ Отечество. История, люди, регионы России: энцикл. словарь. – М.: Бол. Рос. энциклопедия, 1999. – с. 246.
- ⁶ Ноздрин Г.А. Каменев Л.Б. // *Историческая энциклопедия Сибири*: в 3 т. Т. 2. – Новосибирск: Изд. дом «Ист. наследие Сибири», Ин-т истории СО РАН, 2010. – с. 18]
- ⁷ Энциклопедия Красноярского края. Юг. – Красноярск: Изд-во «Буква С», 2008. – с. 126, 181.
- ⁸ Кузменкин В.И. Глебов. Он же Каменев // *Библиотека сибирского краеведения*. – 2016. – Июнь. – Вып. № 65.; Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2012. – с. 212-213.
- ⁹ Что позволяет считать некоторые кабинеты ВСНХ своеобразным «Берёзовым» для устранённых, но ещё живых лидеров «ленинской гвардии».
- ¹⁰ Швилкин Б.Н. Рассказы университетского профессора / ред. О.В. Салецкая. – М.: Физич. фак-т МГУ; отдел опер. печати, 2002. – с. 33-34.
- ¹¹ Крылов В.В. «Прошу не оставлять литературной работы» // *Сов. библиография*. – 1989. – № 2. – с. 63-70.
- ¹² Архив А.М. Горького. – М.: Наука, 1964. – Т. 10. – Кн. 1: М. Горький и советская печать. – с. 44.
- ¹³ Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП(б): задачи, перечень изданий, план. – М.; Л.: Academia, 1934. – 118 с.
- ¹⁴ Крылов В.В. Издательство «Academia» – бесценный вклад в духовную культуру // *Вестник Российской Академии наук*. – М.: Изд-во «Academia», 1993. – Т. 63. – № 4. – с. 353.
- ¹⁵ Эльсберг Ж. Новое издание «Былое и думы» А.И. Герцена // *Литературное наследство*. – 1933. – Т. 7/8. – С. 462-471.
- ¹⁶ Вышла в свет лишь в середине 1933 г.
- ¹⁷ Каменев Л.Б. О Полежаеве // *Полежаев А.И. Стихотворения*. – М.; Л.: Academia, 1933. – С. 7.
- ¹⁸ Анфертьев И.А. «Дело М.Н. Рютина» в судьбе Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Октябрь 1932 г. // *Исторический архив*. – 2006. – № 1. – С. 64-94; № 2. – С. 11-32.; № 3. – С.3-19.
- ¹⁹ Лев Борисович Каменев: официальная справка члена ЦК // *Известия ЦК КПСС*. – 1990. – № 7. – июль. – С. 99: порт.
- ²⁰ Ольги Давыдовны – сёстры Троцкого.
- ²¹ Швилкин Б.Н. Рассказы университетского профессора / ред. О.В. Салецкая. – М.: Физич. фак-т МГУ; отдел опер. печати, 2002. – с. 35; 26.
- ²² Калеменева Н.А. История города – судьбы людей // *Хакасия*: – 2003. – № 106 (19963). – 10 июня. – с. 5; 6.
- ²³ Швилкин Б.Н. Рассказы университетского профессора / ред. О.В. Салецкая. – М.: Физич. фак-т МГУ; отдел опер. печати, 2002. – с. 36.
- ²⁴ Первый том появился на книжных прилавках в 1934 г., статья же Льва Борисовича предназначалась для второго тома, который увидел свет в 1937 г. Каменев уже был расстрелян.
- ²⁵ РГАСПИ. – Ф. 323. – О. 1. – Д. 5.л. 21.
- ²⁶ Там же. Л. 25-27
- ²⁷ Вышла в свет в 1933 г., второе исправленное издание – в 1934 г.
- ²⁸ Каменев Л.Б. Чернышевский. – М.: Жургаз, 1933. – 195 с. – (ЖЗЛ).
- ²⁹ Ходасевич В. «Начало века» // *Возрождение*. – 1934. – 28 июня, 5 июля; *Новый мир*. – 1990. – № 3. – с. 173-180.
- ³⁰ Архив А.М. Горького. – М.: Наука, 1964. – Т. 10. – Кн. 1: М. Горький и советская печать. – с. 44, 173-180.
- ³¹ Швилкин Б.Н. Рассказы университетского профессора / ред. О.В. Салецкая. – М.: Физич. фак-т МГУ; отдел опер. печати, 2002. – с. 36-37.
- ³² Швилкин Б.Н. Рассказы университетского профессора / ред. О.В. Салецкая. – М.: Физич. фак-т МГУ; отдел опер. печати, 2002. – с. 38.
- ³³ Никитин Е.Н. К истории создания «Словаря псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей»

И.Ф. Масанова // Книга: Исследования и материалы. – М., 1992. – Вып. 64. – С. 90-98. с. 122; 20, №2, с. 115-126.

³⁴ Биографию Чернышевского.

³⁵ Чуковский К.И. Из дневника / публ., вступл., коммент. Е.Ц. Чуковской // Знамя. – 1992. – № 11. – с. 147.

³⁶ Крылов В.В. «Живая энциклопедия революционного и освободительного движения» // Библиография. – 1992. – № 5/6. – С. 121-137.

³⁷ Николаевский Б.И. Как подготовлялся московский процесс: из письма старого большевика // Социалистический вестник. – Париж. – 1937. – № 1Д. – С. 19-20.

³⁸ Словарь предполагалось выпустить в 1933 г., но он вышел в свет лишь осенью 1936 г. Поскольку в нём оказались биографические справки о Н.И. Бухарине, Г.Е. Зиновьеве, Л.Б. Каменеве и других репрессированных партийных деятелях весь тираж почти сразу был уничтожен. Второй и третий тома так и не вышли.

³⁹ Никитин Е.Н. К истории создания «Словаря псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» И.Ф. Масанова // Исследования и материалы. – М., 1992. – Вып. 64. – С. 90-98; «Поздно мы с Вами познакомились...»: Из переписки И.Ф. Масанова и Ф.И. Витязева / Публ. подгот. Е.Н. Никитин // Сов. библиография. – 1991. – № 1. – С. 125-132; № 2. – С. 115-126.

⁴⁰ Энциклопедия Красноярского края. Юг. – Красноярск : Изд-во «Буква С», 2008. – с. 123-126.

⁴¹ Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // Новая и новейшая история. – 1992. – № 2. – С. 137-138.

⁴² Швилкин Б.Н. Рассказы университетского профессора / ред. О.В. Салеская. – М. : Физич. фак-т МГУ; отдел опер. печати, 2002. – с. 38-39.

⁴³ Кузменкин В.И. Глебов. Он же Каменев // Библиотека сибирского краеведения. – 2016. – Июнь. – Вып. № 65.

В.Ф. Сёмочкина, Д.А. Мишина, В.С. Омельченко,
с. Шалоболоно, Курагинский район

Учительская династия Рачевых

Рачев Семён Александрович.¹ Семья Рачевых переехала в Сибирь во времена столыпинской реформы. Старший сын Семён в 1939 г. был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке в 126 й дивизии. Началась Великая Отечественная война. Воевал на Сталинградском фронте в 64-й армии, куда перебросили их дивизию. Враг рвался к Сталинграду, бои были жестокие. Была опасность окружения армии. Поступил приказ командующего армией М.С. Шумилова, «Держись, дорогой, до последнего вздоха держись! Иного выхода нет. Любой ценой сдерживайте танки, отсекайте от них пехоту. Главное – держаться. Час продержитесь – хорошо, два – ещё лучше, а три – вам при жизни поставим памятник. А мы продержались ни час, ни два, ни три, а уже сражались полдня», – пишет Семён Александрович в тетради воспоминаний, которую подарил музею СОШ №18.

Семён Александрович был дважды ранен, контужен, после лечения возвращался в строй. В 1943 г. после длительного лечения в госпиталях его комиссовали, и он вернулся домой в звании лейтенанта, израненный, контуженный. Вот что пишет дочь Татьяна Зайнчковская: «Наш отец был скромным и немногословным человеком. Про войну, как и большинство побывавших там, отец почти ничего не рассказывал и только говорил кратко: «Это был ад!».² С августа 1944 г. работал военруком в Шалобололинской семилетней школе, закончил заочно Минусинское педучилище. Женился на Файбушевич Нине Никитичне, воспитали 4 детей. В 1962 г. после курсов по изобразительному искусству был переведён учителем черчения и рисования. Огромное внимание уделял военно-патриотическому воспитанию, выступал на классных часах и комсомольских собраниях, в военно-спортивных лагерях, на митингах, посвящённых 9 Мая.

Вместе со своим другом – геологом Казимиром Иосифовичем Новолинским десять лет организовывал геолого-туристические походы с учащимися по Курагинскому, Идринскому и Краснотуранскому районам. Они собрали уникальную коллекцию минералов в этих районах. За этот труд школьные «геологи» были премированы деньгами, путёвкой в «Артек», были делегатами Всероссийского съезда юных геологов от Красноярского края в городе Златоусте, а потом и участниками Всесоюзного съезда в городе Челябинске. В 1974 г. Семён Александрович ушёл на заслуженный

отдых. Но не сиделось солдату дома. Он вёл в школе кружок изобразительного искусства, куда ходило много детей, занимались часто до глубокой ночи.

Вспоминает дочь Татьяна: «Отец верил в свою страну, в свой народ. Как и большинство фронтовиков, он тяжело переживал информацию о культе личности Сталина: «На фронте со святой верой умирали за Родину, за Сталина, а они что выдумали», – говорил Семён Александрович. Когда в один из юбилеев Победы телевидение отметило большую заслугу Сталина в победе над фашистами, вся наша семья видела, какой радостью засветились глаза отца. Но и в этот раз он ничего не сказал».³ Вместе с ветеранами Семён Александрович отдал много сил для создания школьного музея. Они собирали материал, перепроверяли списки участников войны, всех сфотографировали для стенда. А потом приходили в музей: пилили, строгали, делали стенды. Тяжело было взять у них интервью. Не любили они её вспоминать.⁴ Для Семёна Александровича – ветерана войны было свято понятие Родина: он её защищал от врагов, за неё погибли товарищи, родной брат и другие родственники. Святым для него был День Победы. И ушёл он из жизни как солдат – 9 мая 1986 года. Но остался созданный им школьный музей, которому он отдавал всё свободное время, остались его воспоминания, полевая карта, на которой младший лейтенант, командир роты делал пометки во время боя. Осталась память о нём его учеников.

Нина Никитична Рачева (Файбушевич). Всегда рядом с Семёном Александровичем была его жена: коллега, мать четверых детей, его врач, психолог. Очень трудная судьба досталась Нине Никитичне. Её дед, Иван Осипович Файбушевич, рос в небогатой многодетной семье Сергеевых. Родители отдали его в работники сельскому бездетному купцу Файбушевич, который жил в селе Пойлово. Купец привязался к ребёнку, усыновил его, дал свою фамилию. Вскоре от эпидемии скончались приёмные родители Ивана. Подошло время – женился, родились сыновья. Старший сын Никита жил с отцом, с женой Татьяной и дочкой Ниной, которая родилась 9 марта 1929 года. В 1932 г. их семью раскулачили и отправили в ссылку в Пышкино – Троицкий район Томской области.⁵ По дороге мама Нины скончалась в поезде от послеродовой горячки. Высадили их в тайге, где не было никакого селения. Жить было трудно. Голод, холод. Многие умерли. Умерла в ссылке и бабушка Нины. Двое мужчин остались с трёхлетним ребёнком. Никита работал на лесоповале, а Ивана Осиповича оставили на хозработках в селении. Он взял на себя все заботы о внучке. Однажды Нина простыла, у неё поднялась высокая температура, а всё тело покрылось чирьями. Помощи медицинской никакой. Тогда Иван Осипович стал лечить Нину настоем из трав. Ни на шаг он не отходил от внучки, пока ей не стало лучше. Внучку он спас, но понял, что может потерять её. Вскоре Иван Осипович бежал из ссылки, неся трёхлетнюю внучку Нину по тайге 50 км. Надо хорошо знать, что такое тайга, что значит трёхлетний ослабленный ребенок, чтобы понять, сколько мужества, упорства и любви к внучке надо иметь, чтобы решиться на такой поступок. В любой момент могли поймать и вернуть обратно, а ребёнка отобрать.⁶

Устроился Иван Осипович работать в Усть-Абакане в Хакасии на строительство лесозавода, получил паспорт и вернулся в Пойлово. Первый и второй класс Нина окончила в Пойлово. Училась она хорошо. Иван Осипович повёз внучку в Томскую область на встречу с отцом, где Никита Иванович продолжал отбывать ссылку. Но деда опять оставили в ссылке.⁷ Нина жила у отца, водилась со своими братьями и сестрой. Мачехе она была не нужна, но надо было кому-то водиться с детьми, к этому времени Никита Иванович ушел на фронт. На войне погиб отец, и осталась она круглой сиротой.

После окончания школы Нина поступила в библиотечный техникум. Время было голодное, у неё обнаружили малокровие, освободили от практики. Подкармливали однокурсницы, а работница из бухгалтерии брала к себе домой, чтобы поддержать девочку. Закончила она техникум с отличием, и твёрдо решила вернуться в Пойлово, так как ближе деда у неё никого не было. Её мечта была – стать учительницей. Ей дали место учителя во 2 классе в Рошинской школе Курагинского района. Коллектив был очень хороший. Молоденькой учительнице помогали во всём. Худенькая большеглазая девочка была симпатична своей стойкостью, справедливым и добрым отношением к детям. Жалели, что она круглая сирота, что отец погиб на войне. Когда Нине Никитичне было 20 лет, на августов-

ской конференции она познакомилась с Семёном Александровичем Рачевым, она вышла за него замуж, переехала в Шалоболоино. Экстерном окончила Минусинское педагогическое училище, а затем в 1957 г. заочно Абаканский учительский институт. Это была прекрасная учительница-подвижница, как видно из документов, из воспоминаний её учеников. Проанализировав документы педсоветов за 1953-1979 гг., мы пришли к выводу, что Нина Никитична всегда стремилась использовать новые методы в преподавании русского языка, литературы. Отмечается также, что в классах Нины Никитичны хорошие знания по русскому языку. Каким же титаническим трудом это достигнуто. Вот что рассказывает Валентина Фёдоровна Семёчкина, которая проработала с Ниной Никитичной много лет: «...Тогда я поняла, что это очень трудолюбивый учитель, мастер своего дела. У неё уже было четверо детей, непонятно, когда она всё успевала. Тетради всегда проверены, подготовки написаны, карточки для индивидуальной работы и для работы над ошибками подготовлены для каждого ученика. Она много работала с детьми после уроков. Любила русский язык и не выносила, когда его засоряли грубыми словами. Я не помню, чтобы в учительской Нина Никитична пожаловалась на какого-нибудь ученика. Смотришь, она где-нибудь в тихом уголке беседует с ним, что-то ему внушает. И результат налицо. Позже я поняла, что это идёт от большой любви к каждому ребёнку, от уважения к его личности».⁸ В протоколах педагогических советов за 1953-1974 г. все инспектора, директор школы, завучи отмечали каллиграфию её детей.⁹ В 1979 г. ушла на пенсию. В архивах школы сохранилась видеозапись с Вечера встречи выпускников. Когда ей предоставили слово, то зал зааплодировал, а потом встал, выражая уважение и любовь к учителю. А когда она начала читать стихотворение, то в зале, где было около двухсот бывших выпускников, стояла тишина.¹⁰ «Наша мама – удивительно добрая, скромная женщина, очень корректная в общении с односельчанами, – вспоминает дочь Татьяна. – Она не просто любила детей, она жалела каждого чужого ребёнка. Слишком тяжёлым было её детство в годы репрессий и жестокой войны».¹¹

Ученики Нины Никитичны с благодарностью вспоминают свою учительницу русского языка и литературы, привившую им любовь к родному языку, русской литературе, любовь к малой родине, воспитавшую в них лучшие человеческие качества. Сама Нина Никитична была образцом для учеников. «Учила нас Нина Никитична. Это удивительный человек, пример порядочности, Учитель с большой буквы», – вспоминает Валентина Ларина, её ученица.¹² Из воспоминаний Владимира Штайнер, учителя математики, директора школы: «Как я благодарен Вам за то, что русским языком владею не хуже (а может быть и лучше) многих словесников! И своим детям я привил эту любовь (обещаю и внукам тоже)».¹³

Не прервалась учительская династия Рачевых: две дочери, Татьяна и Тамара, стали педагогами. Им уже пришлось работать в век компьютерных технологий, в век новых ценностей, но они сохранили лучшие качества своих родителей – педагогов с требованием времени.

Старшая дочь Рачевых – Татьяна Семёновна окончила Новосибирский сельскохозяйственный институт по специальности экономист-математик, а затем в 1985 г. – аспирантуру при Ленинградском сельскохозяйственном институте. Защитила научную диссертацию, работает в Омском государственном аграрном университете на кафедре экономики и управления сельскохозяйственным производством. Имеет учёную степень – кандидат экономических наук. «Каким-то внутренним чутьём я осознала с детства значимость педагогического труда. Всегда важно найти дело всей жизни с учётом своих данных и наклонностей. К студентам и аспирантам, занятым со мной научной работой, относилась всегда бережно, осторожно и с доверием», – пишет нам Татьяна Семёновна.¹⁴ Её отличает преданность делу, ответственность, высокий профессионализм, творческий подход и терпение, высокий уровень культуры, а также открытость, готовность к сотрудничеству, дотошность, любовь к малой родине. Эти качества были заложены в семье. Разве это не те качества, которые свойственны Семёну Александровичу и Нине Никитичне Рачевым? Муж Татьяны Семёновны, Зайнчковский Владислав Ильич, кандидат ветеринарных наук, доцент, преподавал в Омском ветеринарном институте.¹⁵ Выросла дочь Антонина Владиславна (внучка Семёна Александровича), работает психологом в аграрном техникуме в Омске, там же преподаёт несколько дисциплин.

Младшая дочь Рачевых Тамара Семёновна, тоже стала учителем математики в Шалоболоино. «Я

никогда не повышала голос на своих учеников. У меня никогда не было любимых и нелюбимых учеников, я принимала их такими, какие они есть. Моя задача – научить детей знаниям, чтобы они смогли применить их в жизни. Я всё время к этому стремилась», – рассказывает Тамара Семёновна.¹⁶ На наш вопрос, какой должен быть учитель, она ответила: «Добрый и строгий. Детей надо любить, но и к требованиям приучать». Выпускники Тамары Семёновны успешно сдают экзамены. Учащиеся 5 класса отметили, что Тамара Семёновна спокойный, добрый человек, хорошо всё объясняет. На уроках у неё интересно, как сказку слушаешь. Если не понял, то свободно можно попросить ещё раз объяснить. Любит порядок в тетрадях, на рабочем месте. Разве не эти же качества мы встречаем у её мамы, Нины Никитичны.

«Очень рада, что я продолжила дело мамы и папы», – говорит она. Работая уже в другое время, Тамара Семёновна лучшие качества учителя взяла у своих родителей.

Работает в школе и зять Семёна Александровича – Аплошкин Иван Михайлович. Бывший офицер. Отслужил 25 лет, уволился в звании капитана, вернулся на родину в Шалоболдино, учитель физкультуры в Шалоболинской школе. Жизнерадостный, с юмором, он легко решает все недоразумения в классах. Увлёк детей игрой в лапту. На вопрос: «Почему вы стали учителем?», – он ответил: «А меня всегда тянуло к детям. В 10 классе я самостоятельно тренировал ребят 6 класса по баскетболу, мы стали чемпионами района». Много сил он тратит на закалку детей, воспитывая в них стремление, заниматься спортом, больше бывать на воздухе. Многие его воспитанники стали офицерами, учителями физкультуры. Много сил отдаёт Иван Михайлович для развития спорта в селе. «Спорт – это твоё здоровье», – уверен он.

Работает преподавателем и внучка Семёна Александровича – Екатерина Александровна, дочь младшего сына Александра. Много лет работала в Шалоболинской школе и сестра Семёна Александровича – Вознесенские Прасковья Александровна (учитель начальных классов) и её муж Николай Дмитриевич (инструктор по вождению трактора). Добрые воспоминания они оставили о себе в памяти учеников. Их дочь, Зоя Николаевна, живёт в Канске и преподаёт в Канском техникуме, преподавал и муж Зои Николаевны. В трёх поколениях этой семьи 12 педагогов, их общий педагогический стаж около 300 лет. Все они любят свою работу, детей, хорошо знают свой предмет, что мы видим из отзывов их учеников.

Династия Рачевых – это учителя-подвижники, труженики. Они полностью отдали себя работе, своим ученикам, не считаясь ни со временем, ни с затратой собственных сил. Семён Александрович, Нина Никитична столько испытали в жизни, но не сломались, не потеряли свои лучшие человеческие качества, которые они передали своим ученикам и своим детям, Татьяне Семёновне и Тамаре Семёновне. И их дети, и внуки, став учителями, работая в другое время, в другой стране, смогли сохранить эти качества.

2017 г.

Примечания:

¹ Закомолкина Е. Мои земляки в годы Великой Отечественной войны. /Е. Закомолкина. – Мартьяновские краеведческие чтения (2014-2015 гг.). Вып. 9. Минусинск. – 2016. – 432 с.

² Материалы из личных архивов Зайнчковской (Рачевой) Татьяны Семеновны (фото, воспоминания, документы).

³ Там же.

⁴ Материалы Шалоболинского музея, (фото, интервью, видео, письма)

⁵ Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. 11т. – Красноярск. ПИК «Офсет». 2012. – 511 с.

⁶ Материалы из личных архивов Зайнчковской (Рачевой) Татьяны Семеновны (фото, воспоминания, документы).

⁷ Там же.

⁸ Материалы Шалоболинского музея, (фото, интервью, видео, письма)

⁹ Книги приказов по Шалоболинской школе за 1953-1979 гг.

¹⁰ Там же.

¹¹ Материалы из личных архивов Зайнчковской (Рачевой) Татьяны Семеновны (фото, воспоминания, документы).

¹² Бурмага А.И. Есть страна такая /А. Бурмага. – Абакан. 2000. – 156 с.

¹³ Материалы Шалоболинского музея, (фото, интервью, видео, письма)

¹⁴ Материалы из личных архивов Зайнчковской (Рачевой) Татьяны Семеновны (фото, воспоминания, документы).

¹⁵ Материалы Шалоболинского музея, (фото, интервью, видео, письма)

¹⁶ Там же.

Н.Н. Скоробогатова,
пгт. Шушенское, Шушенский район

Биография С.Я. Наперковского – участника Январского восстания в Польше, в условиях проживания в Сибири. (Правовые ограничения и адаптация)

Материалы биографии С.Я. Наперковского – участника Январского восстания в Польше, тесно связаны с различными аспектами проживания в Сибири политических ссыльных вт. пол. XIX в. и их принадлежностью к т.н. сегрегационным, или ограниченным в правах группам.

«В польской истории эпохи разделов, – пишет Виктория Сливовская, один из самых признанных польских специалистов, известных и уважаемых в России, – ссылка как форма уголовного наказания сыграла огромную роль».¹

Польское восстание 1863-1864 гг. с самого начала повлекло за собой карательные меры правительства, с целью очищения непокорных территорий от вредного элемента, поэтому в жизни сибирских провинций появилось особое социальное явление – политическая ссылка как неотъемлемая часть бытовой повседневности.

Государство старалось максимально изолировать от общества уголовного и политического преступника, лишить его сословных привилегий, имущественных и семейных прав.

Основной категорией, пополнившей население имперских окраин, стали неполноправные члены общества, высланные по судебным приговорам.

Чрезвычайным административным органом в Западном крае для проведения мероприятий по ликвидации последствий польского восстания стал «Западный комитет» (20.09.1862-05.01.1865 гг.). Он рассматривал вопросы переселения участников восстания 1863-1864 гг. во внутренние губернии России.

На заседаниях 18 и 25 февраля 1864 г. Комитет принял решение отправлять на поселения в Якутскую область, Туруханский край, в северные части Архангельской и Tobольской губерний только «главных преступников», а остальные категории высылаемых поселять в Томской и Енисейской губерниях, а также в тех частях Вологодской и Олонецкой губерний, в которых действительно возможно «прочное водворение». Высылка носила бессрочный характер, т.к. «все политические преступники неисправимы»,² считал руководитель подавления Январского восстания граф М.Н. Муравьев.

С другой стороны, иркутский исследователь политической ссылки А.А. Иванов акцентирует внимание на том, что ни Уголовное уложение, ни Устав о ссыльных «практически не знают применения терминов «политический каторжанин» или «политический ссыльный», следовательно: «Российское государство ставило своих политических противников в один ряд с уголовными, именуя в законодательных актах «государственными преступниками» или «преступниками» в целом». Однако, в делопроизводственных материалах восточносибирских административных органов, в частности в алфавитных списках ссыльных по волостям выделялась строчка политических преступников отдельно от гражданских.

Управление данным институтом осуществлялось сразу несколькими министерствами империи: внутренних дел, юстиции, военным.³

5 марта 1864 г. появилось положение Западного Комитета «О порядке водворения в Империи лиц, высланных из Царства Польского и Западного края, за прикосновенность к мятежу». Уже в документах этого времени определялось, что причастные к восстанию являются «польскими переселенцами».

В мае 1864 г. Министерство государственных имуществ и Министерство внутренних дел выпустили специальное совместное постановление по устройству высылаемых участников польского восстания.

Ссыльные поляки водворялись в Сибири на основании правил, установленных для государственных крестьян с предоставлением тех же пособий и льгот, из сумм государственного земель-

ного сбора, с возвратом данных издержек из казны Царства Польского и 10% сбора в западных губерниях с помещиков, который был утверждён Александром II 8 июня 1863 г. для покрытия расходов правительства на подавление восстания.

Согласно данным статистики в «округах Енисейской губернии отбывало наказание 3719 польских ссыльных, в т.ч. соответственно в Минусинском округе – 1026 чел., в Канском – 1457.⁴

Среди ссыльных в Енисейскую губернию был и С.Я. Наперковский – активный участник Январского восстания.

Родился он близ Варшавы в г. Кельцы. Принадлежал к шляхте Охминской губернии, т.е. к привилегированному, материально обеспеченному слою населения. Шляхтич Плоцкой губернии, которому в 1871 г. был 31 год, «судился за участие в мятеже и за убийство отставного солдата Маровского».⁵ По конфирмации наместника Царства Польского был сослан в каторжную работу в крепостях на 8 лет, распределён Тобольским приказом о ссыльных 14 марта 1866 г.

В г. Иркутск прибыл 7 июля и был отправлен в Сивакову 31 июля т.г. Затем 23 декабря 1868 г. был переведён в Иркутский солеваренный завод, где в каторжных работах содержались многие польские ссыльные.⁶

После сокращения срока каторжных работ Станислава Яковлевича отправили в ссылку в Енисейскую губернию.

Согласно циркулярному предписанию П.А. Валуева от 9 октября 1864 г., дворяне, сосланные на водворение, перечислялись в категорию сосланных на жительство.⁷

Наперковский сумел доказать своё дворянское происхождение и поэтому был сослан на жительство. Для провинившихся же крестьян предназначалось водворение, в силу которого они не имели права на помилование.

Согласно указу от 13 мая 1871 г. Наперковский был водворён в с. Казанцево Шушенской волости. Работал в услужении, т.к. хорошо умел солить и коптить мясо.⁸

Вот как пишет сам Станислав Яковлевич Наперковский о своей ссылке в прошении на имя Минусинского окружного исправника от 23 мая 1878 г.: «В 1865 г. я был сослан по политическому делу в каторжную работу на 8 лет, в 1871 г. водворён в Шушенскую волость, Минусинского округа Енисейской губернии на житье.

В настоящее время я, хотя и имею право вследствие Высочайшего постановления, просить о перемещении меня в одну из Европейских губерний России, но средства мне не позволяют...».⁹

Для поселян законодательно был открыт доступ лишь в две категории: крестьянство и мещанство. Они были поражены в гражданских правах и не имели возможности участвовать в выборах и быть избираемыми в общественную службу.¹⁰

Очень ярко об изменении социального статуса С.Я. Наперковского свидетельствует его прошение на имя минусинского окружного исправника от 20 марта 1877 г.: «В 1864 г., – пишет Станислав Яковлевич, – умерла мать моя Антонина Наперковская.

В духовном завещании, когда я был несовершеннолетним, [мать] отказала мне 150 рублей. Завещание это находится в Пултуском уезде (прежней Плоцкой) ныне Ломжинской губернии. По несовершеннолетию моему опекуном оставшегося состояния стал брат отца дворянин Адольф Ходковский, проживающий в д. Зельки Домброво, которому я много раз писал из Сибири о высылке следующих мне денег, не знаю почему не получаю никакого ответа.

...Всепокорнейше прошу Ваше высокоблагородие сделать распоряжение об исходатайствовании мне следующих 150 рублей от Адольфа Ходковского с законными процентами. Жительство имею в Енисейской губернии, Минусинского округа, Шушенской волости в с. Шушь».¹¹

Главная цель, которую преследовали высокопоставленные чиновники, высылая польских инсургентов в Сибирь, – «соединение польского элемента с русским» – определилась в инструкции «О порядке расселения поляков», утверждённой генерал-губернатором Восточной Сибири 8 января 1866 г.

Водворение западно-польских переселенцев производилось на основании правил, установ-

ленных для государственных крестьян, переселявшихся из малоземельных губерний в Сибирь с предоставлением им тех же льгот и пособий.

Заброшенные в чужую страну поляки принуждены были, по инструкции Николая I, «снискивать пропитание собственными трудами».

Трудовые навыки ссыльных и возможности их приспособления к новой жизни не учитывались. Поэтому их распределение часто не соответствовало колонизационным возможностям принимающей территории.

Минусинское казначейство через окружного исправника выплачивало политическим ссыльным из привилегированного сословия, сосланным в Сибирь с лишением прав состояния, арестантские кормовые деньги, вплоть до прочного устройства их на местах. На каждого выдавалось по 5 копеек в сутки, также выделялся кредит по бухгалтерским книгам из сумм Государственного земского сбора, расходы по которому оплачивались из сумм Царства Польского и 10% сбора с Западных губерний.¹²

Пособия эти были так ничтожны, что обеспечивали лишь полуголодное существование, причём выдавались они нерегулярно.

Местным властям необходимо было интегрировать их в новое общества, используя сословные и административные механизмы, с этой целью использовался опыт водворения ссыльных поляков 1831 г. «По прибытии первых повстанцев 1831 г. правительством было предписано, чтобы старожилы брали ссыльных поляков в работники».¹³

По водворении на новом месте жительства на ссыльных распространялись особые налоговые положения. В первое трёхлетие они были освобождены от уплаты всех податей, а в последующие семь лет уплачивали половинный оклад подушных и оброчных денег, освобождаясь от местных земских податей и волостных сборов, дополнительно с них взимались 15 коп. серебром для составления экономического капитала ссыльных, который использовался на содержание старых и увечных ссыльнопоселенцев.

Лишённые всех прав состояния, политические ссыльные не могли приобретать никакого недвижимого имущества в собственность. Правда, это не ограничивало их в праве владения имуществом. Но в этом случае акты на покупку земли и домов совершались на имя Экспедиции о ссыльных в местах их поселения, но не в городах, и пользоваться этим имуществом ссыльнопоселенцы могли до тех пор, пока жили в данной местности.

Имущество, предоставленное во владение, не могло продаваться, закладываться или обременяться долгами, но его можно было поменять на равную по цене недвижимость с согласия Экспедиции о ссыльных.

Если ссыльный причислялся в крестьяне на законных основаниях, то это недвижимое имущество передавалось ему в собственность, причём за совершение сделки не взималось никаких пошлин.

С февраля 1838 г. сибирские власти выделяли ссыльным полякам 15-десятинные земельные наделы. Основанием для этого стало «Высочайшее повеление об отводе поселённым в Сибири государственным преступникам ... пахотной земли близ мест их жительства последовавшее в 1835 году», которое было распространено и на «поселённых польских мятежников».¹⁴

На первых порах ссыльные получали арендованную землю, которой они могли пользоваться в течение 3-х лет, а по истечении данного срока земля у них отбиралась, т.к. предполагалось, что за это время новоявленный хлебопашец разработает свою пашню.

Препятствием для ссыльных к занятию земледелием являлась крайняя ограниченность материальных средств или их полное отсутствие.

Для того чтобы приступить к земледелию, надо было купить лошадь, по крайней мере, одну корову, завести соху, борону, телегу, сбрую и, наконец, поставить или купить избу.

Формой помощи ссыльным являлась выдача пособий и ссуд.

Полагались пособия и ссуды для домообзаводства и развития хлебопашества. В середине октября 1865 г. Комитетом министров была внесена записка «О выдаче пособий, отправляемым в Си-

бирь на водворение польским переселенцам». В срок с 1866 по 1873 г. пособие в сумме 55 руб. для домообзаводства в Минусинском округе получили – 86 человек.¹⁵ Некоторым полякам выделялась пенсия в размере 24 рублей в год по болезни, старости, в связи с увечьями.

Основное занятие С.Я. Наперковского в ссылке были крестьянские работы. Об этом есть записи в экспедиционном дневнике сотрудников музея-заповедника «Шушенское» за 1970 г., которые встречались с сыном С.Я. Наперковского Юлианом:

«Занимался отец в ссылке крестьянствованием. Засевали 5-6 десятин земли пшеницей, овсом, имели в своём хозяйстве до 5 коров, четыре лошади».¹⁶

В 1903 г. был застрахован дом С.Я. Наперковского и строения при нём. Это были: изба на 2 ската, крытая тёсом, по оценке ведомости она стоила 50 руб. и баня 4 стены с прирубом с сенями, крытая тёсом, оценённая в 20 руб.¹⁷

Наперковские жили в пятом доме по левой стороне улицы Большой, и он располагался почти сразу за мостом. После революции 1917 г. на его усадьбе стоял флигель, здесь жила семья сына С.Я. Наперковского – Юлиана, а в доме до отъезда в Томск жил его брат Феликс Станиславович.¹⁸

17 мая 1867 г. был начат процесс реабилитации участников Польского восстания. Именным указом Александра II было остановлено судопроизводство по делам, связанным с событиями 1863 г. Это сократило поток ссылаемых в Сибирь в судебном и административном порядке.

По случаю рождения Великого Князя Георгия Александровича 13 мая 1871 г. вновь было объявлено об облегчении участи лиц, сосланных в Сибирь за политические преступления. Одним из пунктов Высочайше утверждённого Положения Комитета министров полякам возвращены были прежние права состояния. Но «политическая реабилитация» оставалась частичной, т.к. они не получали права на возврат отчуждённой в судебном порядке собственности (п. 1).¹⁹

Именно на основании данного Высочайшего повеления Станислав Наперковский был восстановлен в прежних правах, о чём имелся указ Енисейского губернского правления от 25 мая 1874 года.²⁰

Польские ссыльные, как и переселенцы из разных регионов Польши, были ограничены и в отправлении религиозных обрядов. Об этом также свидетельствуют архивные документы начала XX в.: «Штат римско-католического духовенства в губернии был небольшим и состоял из настоятелей Красноярского римско-католического костёла и одного викарного священника, которые при обширности территории Енисейской губернии, разбросанности населённых местностей и не везде удобных путей сообщения бывали в некоторых наиболее отдалённых местах только однажды в год, поэтому духовные обряды оставались подолгу, а иногда, например, похороны, и вовсе неисполненными».²¹

В Сибири под влиянием неблагоприятных условий для создания семьи (низкого уровня благосостояния, бездомности, отсутствия рабочего скота) процент ссыльных, вступивших в брак, был незначителен.

На основании 761 ст. т. XVI «Устава о ссыльных» волостные правления обязаны были доносить Экспедиции о ссыльных о бракосочетании этой категории населения.²²

Юлиан Станиславович – сын Станислава Яковлевича рассказывал, что «...отец долгое время жил один, больше 20 лет, и женился на 44-м году жизни. Женился он в Шушенском на Валерии Оскардовне Вундерлихт». Как думает рассказчик, она была 17-летней дочерью тоже ссыльного поляка, который жил и работал на Абаканском железодельном заводе.²³

В 1881-82 гг. возникла обширная переписка между окружным исправником и Енисейской экспедицией о ссыльных по поводу вступления в брак политического ссыльного Станислава Наперковского, проживающего в с. Казанцево Шушенской волости, который без дозволения местных властей женился.

Сам бывший ссыльный не обращался к гражданским властям в связи с тем, что он получил по Всемиловейшему Манифесту 1871 г. прежние права дворянства и считал, что он имеет право обратиться непосредственно к местному приходскому священнику – курату Красноярского римско-католического костёла Лесневскому с просьбой «о свенчании меня с девицею Валериею Вундерлихт».

Священник обвенчал молодых на основании имеющихся у него сведений о том, что Станислав Наперковский не был женат. Брак был заключён с соблюдением всех необходимых обрядов, при свидетелях по жениху и невесте дворянах Антоне Богушевском и Иосифе Гриневиче, в присутствии родителей невесты.²⁴

Новобрачные зажили семейно. Появились дети. «Трое детей умерло в маленьком возрасте, а четверо было взрослых детей: дочери Александра и Антонина, сыновья Юлиан и Феликс».

По воспоминаниям шушенской крестьянки П.С. Клепухиной: «Антонина (дочь С.Я. Наперковского), она была замужем за Ермолаевым Иваном Ивановичем. Он овдовел, за него и вышла. Ульян (Юлиан) учился – грамотный был».²⁵

Позже, уже в советское время, семья Станислава и Валерии Наперковских подвергалась репрессиям. Начались они ещё в конце 20-х годов прошлого века. В статье Кикиловой Т.М. «По страницам архивных документов» был приведён протокол заседания сельской избирательной комиссии с. Шушенского от 2.01.1929 г. В ходе её заседания был рассмотрен вопрос о лишении избирательных прав, в числе лишённых были и братья Наперковские Юлиан и Феликс по причине активного участия в подавлении крестьянского восстания против белогвардейцев и насильственного привлечения крестьян в ряды колчаковцев.²⁶

Вот как о проблемах своей дочери – жены Феликса Станиславовича Наперковского, и зятя пишет её отец – житель с. Шушенское Г. Россиев: «Наперковского Феликса и Юлиана Станиславовича с. Шушь знает за честных, скромных и безобидных людей. Они дети политического ссыльного Станислава Яковлевича Наперковского, выросли в бедняцкой семье сиротами при матери.²⁷ За всё время советской власти были на настоящих общественных работах и по своему убеждению, как я знаю, чуждыми элементами не были, но наши дельцы при своей низкой сознательности и добросовестности, видимо, дали на них какие-то неодобрительные материалы, и они с 9.07. 1938 г. лишены свободы, и до сих пор неизвестно, где находятся.²⁸ Наперковские, по слухам я определяю, что они причислены к лику чуждого элемента. И им поставлена в вину колбасная работа их умершего отца (Станислав Наперковский умер в 1916 г.), которую он вырабатывал к празднику для себя и некоторой зажиточной публики села из приносимого ими мяса. Эту случайную работу старик вёл в своей хате, и никакого колбасного заведения никогда не имел».

В вину им ставились и родственные отношения с колчаковцем Иваном Ивановичем Ермолаевым. «Ермолаев был Наперковским зять по старшей сестре Александре Станиславовне, вышедшей за Ермолаева за старика замуж.

Братья Наперковские со своим зятем ничего общего не имели. Они бедняки, люди застенчивые, а Ермолаев человек гордый и богатый, а поэтому пути их были разные, да и сестра их с этим дикарем жила нелегко. Ермолаеву сейчас около 80-ти лет и есть слухи, что он несколько лет назад помер в Манчжурии».²⁹

В 1938 г. Юлиана Станиславовича арестовали. В Книге памяти по Красноярскому краю имеется следующая запись: «Наперковский (фамилия искажена) Юлиан Станиславович. Родился в 1889 г. в с. Шушь Ермаковской вол. Минусинского округа, Енисейской губернии. Поляк, малограмотный, бригадир конного завода госкоммунхоза в Абакане. Арестован в 1938 г. за участие в контрреволюционной националистической организации. Дело было прекращено 19.01.1939 г. Юлиана реабилитировали 12.11. 1999 г. прокуратурой ХАО».³⁰

По воспоминаниям Веры Николаевны Наперковской, арестовали её мужа как польского перебежчика за то, что он будто бы служил у Ю. Пилсудского. Жена сильно хлопотала о его судьбе мужа, ведь он даже в Польше не был, родился в Сибири. Она написала письмо Н.К. Крупской с уведомлением, на которое получила ответ из секретариата Н.К. Крупской, что и спасло жизнь Юлиана Станиславовича.

Более печальной была судьба второго сына Станислава Яковлевича – Феликса Наперковского. Он был арестован в г. Томске, где работал комендантом дорожного техникума 9 июля 1838 г. Его обвинили в контрреволюционной националистической деятельности (польская организация) и расстреляли 25 октября 1938 г.³¹

Т.о., между двумя возможностями powrót-osiedlenie (в переводе с польского возвращение – во дворение (осёдлость) Станислав Яковлевич выбрал второе. «Как приехал, так больше и не уехал на Родину, остался здесь», – вспоминал его сын Юлиан.

Возможно, это был не вполне добровольный выбор, т.к. у бывшего ссыльного не было средств уехать из Сибири, устроиться на родине, да и жена, и дети выросли в России, и утратили польскую речь и культуру, сохранив, однако, католическую веру с её обрядами. В частности, все дети С.Я. Наперковского были крещены по обрядам римокатоликов.

Массовая политическая ссылка стала уникальным явлением в истории России, особым родом принудительного переселения в отношении польских повстанцев.

Эти неполноправные члены сибирского общества, лишившиеся семьи, собственности, привилегий, социального статуса, привычных культурных связей вынуждены были адаптироваться в условиях сельских обществ и провинциальных городов Сибири на протяжении всего XIX века.

С.Я. Наперковский вынужден был избрать деревенский уклад жизни, ему пришлось выбрать стратегию ассимиляции в принимающем обществе, потому что его возможности как материальные, так и личные в выборе места и условий жизни были ограничены системой законов, применяемых к ссыльнопоселенцам и сословной организацией сибирского общества. В месте приселения доминировал русский язык, который стал основным языком общения, поэтому смена языка, культурного кода становилась условием выживания и личного социального роста.

С. Наперковский попытался сохранить прежние культурные характеристики, создав католическую семью, крестив детей по католическому обряду, но процесс осибирячивания и русификации в условиях ссылки шёл неизбежно.

2017 г.

Примечания:

¹ Сливовская В. Старые и новые исследования судеб польских ссыльных в Сибири: их место в истории и культуре. // *Сибирь в истории и культуре польского народа* – М.: Научно-издательский центр Ладомир, 2002-с.278

² Комзолова А. Западный Комитет (1862–1864 гг.) и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/748-zapadnyj-komitet-1862-1864-gg-i-> Опубликовано: 27 апреля 2013г.

³ Иванов А.А. Уголовное законодательство кон. XIX века как основа организации политической ссылки в Сибирь. / Электронный ресурс. Точка доступа: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1132

⁴ Шульбаев О.Н., Политические ссыльные в Минусинском округе – участники восстания 1863 г. в Польше / О.Н. Шульбаев // *Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. Сер. 3 : История. Право.* 2002. Вып. 2. – с.29,30.

⁵ ГАКК. Ф.675. О.1. Д.11. Л.28.

⁶ ГАКК. Ф.595. О.63. Д.23. Л.140-141.

⁷ ЦГАОР. Ф. 109и. I эксп. 1863 г. Д.23. Ч. 341. Л. 297

⁸ Алфавит по политическим преступникам, за 1869 г. по Шушенской волости. ГАИО. Ф.24. О.3. (св. кор.) 1085. Д.397. Л.157об.

⁹ Прощение политического ссыльного С.Я. Наперковского на имя Минусинского окружного исправника от 20 марта. Документы из личного архива В. Белитского. Л.1

¹⁰ ПСЗ РИ. Изд. II. Т. 43. Ч. 1. № 45898.

¹¹ Прощение политического ссыльного С.Я. Наперковского на имя Минусинского окружного исправника от 20 марта. Документы из личного архива В. Белитского. Л.2

¹² АГМ. Ф.15. О.1. Д.324. Л.19-21

¹³ Shaidurov V.N. Siberian Polonius as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century / V.N. Shaidurov // *Bulye Gody.* 2014. № 32 (2)251.

¹⁴ Шайдуров В.Н. Польская община Западной Сибири в кон. XIX – перв. четв. XX в.: численность, размещение, хозяйственные занятия / В.Н. Шайдуров // *Вестник НГУ. Сер. : История, филология.* 2006. Т. 5. Вып. 1 [доп.] с. 129-130.

¹⁵ Шульбаев О.Н., Политические ссыльные в Минусинском округе – участники восстания 1863 г. в Польше / О.Н. Шульбаев // *Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. Сер. 3 : История. Право.* 2002. Вып. 2. – с.29,30

¹⁶ Материалы экспедиции по Бейскому району 4-8 августа 170 г./ Арх. ШМЗ Ф.2, О.38, Д.6 Тетрадь рассказов №1 Рассказ №3. 4 августа 1970 г. – 25; Л. 29.

¹⁷ ГАКК. Ф.595. О.31. Д.523. Л.3.

¹⁸ Рассказ Ю.С. Наперковского. Материалы экспедиции по Бейскому району 4-8 августа 1970 г.. Арх. ШМЗ Ф.2. О.38. Д.6. Л.24-24об, 29

¹⁹ ПСЗ РИ-II. Т. Т. 46. Отд. 1. № 49597.

²⁰ ГАКК. Ф.595. О.63. Д.23. Л.140-141.

²¹ ГАКК. Ф. 595. О.3. Д.26. Л.1–1об.

²² Устав о ссыльных // *Свод законов Российской империи.* Т. XIV. СПб. : Кодификац. отд. при Гос. совете, 1890. – С. 170-251.

²³ Материалы экспедиции по Бейскому району 4-8 августа 170 г./ Арх. ШМЗ Ф.2. О.38. Д.6. Тетрадь рассказов №1 Рассказ №3-4 августа 1970 г. – 25; Л. 29.

²⁴ ГАКК. Ф.595. О.63. Д.1736. Л.2–2 об.

²⁵ Арх. ШМЗ – НВ № 5274, л.2

²⁶ Кикилова Т.М. По страницам архивных документов. // Ленинская искра – 2005. 26.12.

²⁷ Россиев Г История с. Шушенское. 1930 г. АМКМ. Ф.1 О.4. Д.181. Л.17-18;20-20об.

²⁸ Россиев Г История с. Шушенское. 1930 г. АМКМ Ф.1. О.4. Д.181. Л.18)

²⁹ Россиев Г История с. Шушенское. 1930 г. АМКМ Ф.1. О.4. Д.181. Л.17-18;20-20об.

³⁰ Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Т. 6 (Н-П) – Красноярск: ОАО «Пик «Оффсет», 2008- 480 с., с ил. – С.53.

³¹ Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Томской области. Электронный ресурс. Точка доступа: [https://ru.openlist.wiki/Наперковский-Феликс Станиславович_\(1898\)](https://ru.openlist.wiki/Наперковский-Феликс Станиславович_(1898))

И.И. Таштандинов,

г. Абакан, Республика Хакасия

Российский геолог и политический деятель В.П. Орлов

Виктор Петрович Орлов родился 22 марта 1940 г. в рабочей семье Девятого посёлка города Черногорска. Отец В.П. Орлова, Пётр Малахович (1911–1988), работал шахтёром; мать, Ева Ивановна (в девичестве Лызова, 1916-1982). Его сестра Валентина (в замужестве Слепцова, 1938 г.р.) окончила экономический факультет Томского государственного университета, работала там же доцентом кафедры политэкономии. В настоящее время она – доктор экономических наук, профессор Ярославского государственного технического университета.

В.П. Орлов после окончания Черногорской средней школы № 4 в 1957 г. работал слесарем, затем токарем шахты № 14/15 треста «Хакасуголь». В 1958-1959 гг. учился на геолого-разведочном факультете Томского политехнического института. С мая по июль 1959 г. – инструктор по туризму Черногорского Дворца пионеров. В июле 1959 г. был призван на действительную военную службу. Служил в войсках МВД РСФСР на о. Сахалин (курсант школы оружейных мастеров, оружейный мастер, освобождённый секретарь бюро ВЛКСМ войсковой части, корреспондент дивизионной газеты). В период службы в армии активно занимался спортом. Входил в сборную команду дивизии и спортивного общества «Динамо» Дальнего Востока по пулевой стрельбе, принимал участие в первенстве РСФСР, был многократным призёром на первенстве Дальнего Востока и Сахалинской области по пулевой стрельбе.

После демобилизации в 1962 г. работал освобождённым секретарём комитета ВЛКСМ шахты № 9 комбината «Красноярскуголь». Избирался членом Черногорского бюро ГК ВЛКСМ и был награждён знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле». В 1963 г. поступил на геолого-географический факультет Томского университета. В летний период на протяжении всех лет обучения он работал маршрутным рабочим, радиометристом, проходчиком шурфов, техником-геологом в геолого-съёмочных партиях в Эвенкии и на Камчатке. В период учёбы избирался секретарём комитета ВЛКСМ ТГУ. За большую общественную работу и отличную учёбу В.П. Орлов был в 1967 г. премирован путёвкой на Всемирную универсиаду в Австрию. В 1968 г. окончил с отличием университет по специальности «геологическая съёмка и поиски месторождений полезных ископаемых» с квалификацией «инженер-геолог». Дипломная работа выпускника В.П. Орлова получает серебряную медаль ВДНХ СССР.

С августа 1968 г. по июнь 1969 г. В.П. Орлов – геолог Западно-Сибирской геологической экспедиции Западно-Сибирского геологического управления Министерства геологии РСФСР, с июня 1969 г. по июнь 1970 г. – геолог Шерегешевской партии Шалымской геологоразведочной экспедиции, располагавшейся в Таштагольском районе Кемеровской области. С июня 1970 г. – главный геолог, с апреля 1973 г. – начальник партии, с марта 1974 г. – главный геолог той же Шерегешевской партии. На этом заканчивается его полевая работа как геолога.

С мая 1974 г. по 1976 г. В.П. Орлов обучался в заочной аспирантуре кафедры петрографии ТГУ.

В 1976 г. В.П. Орлов в диссертационном совете ТГУ защитил диссертацию «Кембрийский вулканоплутонический магматизм и железоруднение района Шерегешевского месторождения в Горной Шории» на соискание учёной степени кандидата геолого-минералогических наук. В 1975-1978 гг. В.П. Орлов командировался в Иран в качестве консультанта по геолого-разведочным работам.

В 1979-81 гг. – старший геолог и заместитель начальника геологического отдела Производственного геологического объединения центральных районов России (ПГО «Центргеология»).

В этот период В.П. Орлов осуществлял методическое руководство геологоразведочными работами на железные руды и бокситы КМА, теоретически обосновал новое научное направление – формационно-генетические условия формирования, поисковые признаки и критерии на железные руды для качественной металлургии. В результате крупных геологоразведочных работ был открыт и изучен ряд уникальных по запасам и качеству руд железорудных месторождений, завершена разведка крупнейшего в стране Висловского бокситового месторождения, доразведаны и открыты новые участки на эксплуатируемых месторождениях. За открытие и разведку крупнейшего Приоскольского месторождения железных руд В.П. Орлов был награждён знаком «Первооткрыватель месторождения».

В 1981-86 гг. – заместитель начальника Геологического управления Министерства геологии РСФСР (с двухгодичным перерывом на время обучения в Академии народного хозяйства (1984-1986)).

В 1984-1986 гг. — учёба на очном отделении Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР. После завершения учёбы получает специальность «экономика и управление народным хозяйством» и диплом с отличием.

С 1986 по 1990 гг. – генеральный директор производственного геологического объединения «Центргеология».

Август 1990 – ноябрь 1990 гг. – заместитель министра геологии СССР.

В 1990-92 гг. – заместитель министра геологии СССР, затем – первый заместитель председателя Госкомитета РСФСР по геологии и использованию недр.

С 30 сентября 1992 г. – Председатель Комитета РФ по геологии и использованию недр при Правительстве Российской Федерации. Занимал эту должность до ликвидации Комитета 14 августа 1996 г.

В 1993-1994 гг. – член коллегии Государственного комитета РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. В наиболее сложный для отрасли период (1992–1995 гг.), в условиях скудного, а в отдельные годы практически отсутствовавшего государственного финансирования геологоразведочных работ, предложения и настойчивые действия В.П. Орлова по диверсификации геологических организаций (развитие сервисных услуг, создание добычных участков) и их интеграции в крупные добычные компании позволили сохранить костяк геологической службы, обеспечить создание десятков тысяч новых рабочих мест взамен сокращаемых на основном производстве, внедрить новый механизм государственного инвестирования геологоразведки через обязательные отчисления добывающих предприятий на воспроизводство минерально-сырьевой базы. В начале массовой приватизации В.П. Орлову удалось убедить высшее руководство страны в издании беспрецедентного Указа Президента России, которым были запрещены к приватизации более 100 геологических предприятий страны, включая большинство научно-исследовательских, геологосъёмочных и морских геологических организаций, составляющих основу государственной геологической службы. В эти же годы, несмотря на огромные проблемы с финансированием, осуществлено техническое перевооружение нефтепоисковой геофизики и перевод геологосъёмочных работ на цифровую основу.

С 22 августа 1996 г. по апрель 1998 г. В.П. Орлов – министр природных ресурсов правительства РФ. 6 октября 1998 г. указом Президента он был вновь назначен на пост министра природных ресурсов в Правительстве РФ.

С 12 мая по август 1999 г. – и.о. министра природных ресурсов. 14 февраля 1997 г. назначен

заместителем председателя Правительственной комиссии по окружающей среде и природопользованию.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26 октября 1996 г. утверждён председателем российской части межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и Анголой, Гвинеей.

28 декабря 1996 г. вошёл в состав Оперативной комиссии Правительства РФ. С 15 января 1997 – член Правительственной научно-технической комиссии.

С 24 января 2001 г. – член Совета Федерации, представитель в Совете Федерации от администрации Корякского автономного округа (с 1 июля 2007 г. – Камчатского края) в Совете Федерации Федерального Собрания РФ (полномочия подтверждены 8 июня 2005 г.). До мая 2004 г. – первый заместитель председателя Комитета по природным ресурсам и охране окружающей среды, позднее председатель Комитета Совета Федерации по природным ресурсам и охране окружающей среды. Член Комиссии по методологии реализации конституционных полномочий Совета Федерации, Комиссии по естественным монополиям. Член коллегий Министерства природных ресурсов и экологии РФ и Федерального агентства по недропользованию. Активно занимается законотворчеством в сфере природопользования, основное внимание уделяет развитию федеративных отношений в этой области, исследованиям по повышению экономической эффективности использования ресурсов недр, совершенствованию системы управления недропользованием. В 2002 г. в составе группы учёных становится лауреатом премии имени А.Н. Косыгина за цикл работ по сырьевой безопасности России. В 1991 г. по совокупности опубликованных работ в специализированном совете Всесоюзного НИИ экономики минерального сырья и геологоразведочных работ (ВИЭМС) защитил диссертацию «Научные основы перехода геологоразведочного производства к рыночной экономике» на соискание учёной степени доктора экономических наук. Профессор, президент Российского геологического общества, главный редактор журнала «Минеральные ресурсы России: экономика и управление». Кандидат геолого-минералогических наук (1976), доктор экономических наук (1991). Член-корреспондент Академии естественных наук РФ. Президент Российского геологического общества. С 1991 г. — профессор Российского геологоразведочного университета, Почётный доктор и член учёного совета Томского государственного университета (2000).

В.П. Орловым написано более 200 научных работ по геологии, экономике и управлению в геологоразведочной деятельности. Главный редактор журнала «Минеральные ресурсы России. Экономика и управление».

Государственная премия в составе авторского коллектива за монографию «Железородная база России» (2002). Награждён знаками «Отличник разведки недр» (1988), «Почётный разведчик недр» (1989), «Шахтерская слава» III степени (1999), «Ветеран геологической службы» (2010) и памятной медалью «Геологическая служба России» (1998). Заслуженный геолог РСФСР (1990).

2017 г.

Сочинения В.П.Орлова:

1. Геологическое прогнозирование. М., 1990;
2. Минеральные ресурсы и геологическая служба России в годы экономических реформ (1991–1999). М., 1999;
3. Реформы в геологии. М., 2000. Кн. 1; Федерализм и недропользование. М., 2002;
4. Минерально-сырьевая база твёрдых полезных ископаемых Ирана. М., 1993 (в соавт.);
5. Железородная база России. М., 1998 (в соавт.);
6. Железные руды. КМА, М., 2001 (в соавт.);
7. Геология – жизнь моя. М., 2000–2006. Вып. 1–15.;
8. Маршруты между прошлым и будущим. М., 2006;
9. Проблемы недропользования (2000–2006). М., 2007.

РАЗДЕЛ VI. ДОПОЛНЕНИЯ

Е.М. Катина,
пгт. Курагино, Курагинский район

Курагинская коммуна «Соха и Молот» и её председатель В.И. Саломатов

Чем дальше время отделяет нас от событий истории, тем интересней становятся нам эти события и люди, посвятившие себя делу борьбы за становление новой жизни крестьянства. «Однако недостаточно было обосновать необходимость перехода крестьянства к новым формам жизни. Нужно было разработать конкретные пути и способы этого перехода, доступные и понятные для миллионов масс крестьянства, убедить крестьян, показать им на собственном опыте необходимость социалистической перестройки хозяйства, провести её руками самих крестьян. Строить социализм в деревне нужно было путем «целого ряда постепенных предварительных ступеней», используя ряд переходных мер, вполне доступных крестьянину, «идя на уступки в определении способов проведения социалистических преобразований».¹

Основная роль в подготовке перехода крестьянства на путь социализма принадлежала сельскохозяйственной кооперации. Декретом СНК СССР от 20 мая 1924 г. указывалось на развитие различных форм коллективного земледелия – колхозы, коммуны, ТОЗы, артели и др.

«Первыми ласточками» коллективного труда в селе стали коммуны, артели, общества, деревня выросла не только материально. Деревня преобразуется культурно. Таким примером была коммуна «Соха и молот», созданная в Курагинском районе.

Организатором и руководителем коммуны стал Василий Иннокентьевич Саломатов, участник Гражданской войны в Енисейской губернии, приехавший из Красноярска, где работал с 1921 г. членом Губсуда по уголовному делу.

Справка: Саломатов Василий Иннокентьевич родился в 1896 г. (по данным мартиролога в 1895) в с. Перовское (ныне Партизанское). Семья была большая, 8 человек, работающая и зажиточная. В доме у них бывали и останавливались разные политические ссыльные, в том числе Коростелёв Н.И. первый председатель Канского Совета крестьянских депутатов и объединённого уездного Совета (повешен колчаковцами на базарной площади в Канске в марте 1919 г.). В ноябре 1918 г. В.И. Саломатов был участником подпольной крестьянской организации в с. Перовском, которая подняла восстание против колчаковского режима. С партизанской армией А.Д. Краченко и П.Е. Щетинкина Саломатов прошёл путь от Степного Баджея до Белоцарска, Минусинска.

Коммуна «Соха и молот» была организована в сентябре 1923 г., на базе бывшей крупчатной мельницы курагинского крестьянина Н.П. Пашенных. Коммуну называли в честь партизанской газеты «Соха и Молот», первыми коммунарами были участники партизанской армии Краченко и Щетинкина. Среди них друзья и соратники В.И. Саломатова – Куприян Непомнящий, Сергей Туренко из с. Берёзовка, Леонтий Аршанский, Александр Ковальчук. Провели организационное собрание и единогласно избрали председателем коммуны Саломатова, заместителем Ковальчука. Разработали Устав коммуны. Отремонтировали дома, навели порядок и в 1924 г. заселились.

В первый год сюда прибыло 10 семей. Приехали мужики без семей, посадили огород и посеяли хлеб. На первых порах в коммуне было четыре лошади, сельхозинвентарь, семена. Когда приехали семьи коммунаров, привели ещё 5 коров и десятка полтора кур, привезли немного хлеба, картофеля, домашнюю посуду.

В 1925 г. произошло пополнение и их насчитывалось уже более 20 семей, через год уже около 80 семей. В основном это жители сёл Курагино и Берёзовка, д. Бугуртак – вдовы красных партизан с детьми, бедняки, батраки и середняки. Семьи коммунаров жили в домах, перегороженных тёсом на комнатухи. Работали от зари до зари, детей оставляли в детских яслях. Кроме белья и верхней одежды, члены коммуны ничего не имели. Питание было общим, хлеб пекли в пекарне.

В 1926 г. при коммуне (по совету Н.К. Крупской) открыта школа-интернат. Учительница Е.Н. Пинаева способствовала организации школы. В коммунарской школе в основном находились дети сироты, родители этих детей погибли во время Гражданской войны и в период раскулачивания. В интернате прожил около трёх лет Алексей Черкасов, будущий писатель.

Справка: Евдокия Никифоровна Пинаева – жена В.И. Саломатова, родилась в 1884 г. в селе (ныне город) Уяре, в семье бедняков. Её дед по отцу был ссыльный болгарин. Перед 1-й Мировой войной при Енисейском (Красноярском) Епархиальном училище сдала экстерном экзамен на народную учительницу для сельских школ. С 1924 г. работала председателем Учкомпроса железнодорожных школ.

В 1925 г. Е.Н. Пинаева была направлена на учительский съезд в Москву. Четыре делегатки-сибирячки побывали на приёме у Н.К. Крупской (Крупская в то время работала заместителем наркома просвещения – авт.).

Вот как вспоминает Пинаева: «...Узнав, что мы из Красноярска, она радостно встала нам навстречу, расцеловала нас, сказав «родные!» После этого пригласила сесть и закидала вопросами... Надежда Константиновна улыбалась и смотрела на нас, изредка задавая вопросы, а на них отвечали мои товарищи. Наконец она обратилась лично ко мне с вопросом, почему молчу. Я ей ответила, что я освобождённый профсоюзный работник транспортных школ, член губкома и с детьми не работаю. Она заинтересовалась, как я веду работу с учителями 52 школ, которые разбросаны по участку на расстоянии 600 километров. Я ей рассказала о своей работе в Красноярске и на периферии, а также о работе с родителями-котельщиками депо станции Красноярск и о работе клуба имени Карла Либкнехта. Крупская сказала: «Молодец, энергичная!», и спросила о семье. Мне пришлось сказать, что мой муж В.И. Саломатов. В 1923-1924 гг. с товарищами организовал коммуну, которая бедна, там нет школы. Тогда Надежда Константиновна сказал: «Я тебя не узнаю, не узнаю в тебе русскую женщину, которая обязана разделить судьбу мужа, помочь ему в труде. Нет, ты просто обязана ехать в коммуну, начать учить детей, нести свет в коммуну. Что же ты решила детей оставить без обучения? Добивайся сама, пусть члены коммуны, муж примут меры, через губком партии, чтобы освободить тебя от профсоюзной работы. Не сможете – я помогу». Я пообещала Надежде Константиновне, что постараюсь быть в коммуне и сделаю всё, что смогу. Крупская с грустью посмотрела на нас и сказала: «Не забывайте о любви Владимира Ильича к народу, детям, не забывайте и его детище-коммуну».²

Только через год, в 1926 г., Пинаева выполнила обещание и написала об этом Крупской. Она ответила ей. Но, к сожалению, письмо не сохранилось, исчезло в тяжёлые времена репрессий. Пинаева приехала в коммуну в 1926 году. Детей школьного возраста было 15 человек. По возрасту их распределили на 3 класса. Все были уже переростками. Начала учебный 1926-1927 год в старой избе. Ученики сидели за пятиместными партами, не хватало учебников, наглядных пособий.

Весной 1927 г. построили здание (избу из с. Берёзовского привезли, разобрав по брёвнам), в котором поместили детей школьного возраста.

Школе выделил огород, ребята засеяли его и получили высокий урожай капусты, картофеля, свёклы, моркови, тыквы. Школа представляла урожай на сельскохозяйственной выставке в Минусинске. Минусинский окружной исполком премировал школу инкубатором на 150 яиц, а коммуна выделила школе корову и двух жеребят.

В 1927 г. появились трактора «Форздон», молотилки. Была своя мельница, стоящая на реке и в коммуне появилась первая в районе электростанция – для инкубатора. В дальнейшем цыплятами школа обеспечивала жителей сёл Берёзовское, Курагино и Бугуртак.

В 1927-1928 учебном году стало 28 учащихся. Кроме своих ребят было привезено ещё 6 детей

из коммуны «Новый путь» д. Тагашет. Школа стала в полном смысле трудовой: труд и обучение дисциплинировали ребят, у них стал проявляться интерес к знаниям. Школа-интернат стала самостоятельной, зимой и летом дети обслуживали себя всем, кроме стирки и подготовки питания. Питались дети хорошо. Хлеб выпекался только из муки высшего сорта, чай пили с сахаром. Часто на столе были масло и даже колбаса домашняя. Школа была зачислена в сеть районных школ с четырёхгодичным обучением. При школе был организован пионерский отряд имени «Розы Люксембург», пионеры носили галстуки, сменили холщёвую одежду на фабричную. Каждую неделю выпускали газету, устраивали художественные вечера для взрослых по басням Крылова и Демьяна Бедного, ставили спектакли. Было пианино, на котором играла Замараева Анна.

Пинаева Евдокия Никифоровна вела большую культурно-просветительскую и пропагандистскую работу среди коммунаров и жителей села. Многие пионеры по совету Е.А. Пинаевой взяли себе новые имена. Мальчики: Спартак, Авангард, Марс, Ким (Коммунистический интернационал молодёжи). Девочки: Идея, Свобода, Воля, Заря, Октябрина и другие. Многие так и остались в жизни с этими именами.

В 1929 г. вожатый отряда Спартак Назаренко стал участником пионерского слёта в Минусинске, его избрали делегатом краевого слёта в г. Новосибирск, где пионерский отряд «Розы Люксембург» был признан лучшим. Спартак уехал делегатом на Всероссийский слёт в Москву. «Пионерская правда» писала в то время, что пионерский отряд «имени Розы Люксембург» коммуны «Соха и Молот» Курагинского района, один из лучших в стране.

Коммуну стали называть детской, популярность её росла. Из окрестных сёл и деревень стали приезжать крестьяне, партийные и советские работники, просто экскурсанты, что бы познакомиться с делами коммуны и школы. Гостям всегда оказывался радушный приём. Зимой 1929 г., будучи в Минусинском округе, коммуну посетил председатель Сибирского краевого исполнительного комитета Р.И. Эйхе (1924 г. – зам. председателя, 1925-1929 гг. – председатель Сибирского крайисполкома, 1929-1937 гг. – первый секретарь Сибирского и Западно-Сибирского крайкомов и Новосибирского горкома партии). Деятельность коммуны произвела на него большое впечатление. Он познакомился жизнью детей, их трудовым воспитанием и бытом. За каждую отрасль хозяйства отвечал член правления. Постепенно рос авторитет коммуны «Соха и Молот» среди населения района. Была ликвидирована неграмотность, появились свои баянисты, люди стали культурнее. Но все же оставались люди, которые работать не хотели, а в столовую питаться шли. Тогда председатель Саломатов ввёл талоны, кто работал, получал талон на питание.

Коммуна дала многих прекрасных работников стране, направляла учиться в техникумы и институты. Например, воспитанник коммуны А.Т. Черкасов стал известным сибирским писателем, Ф.С. Туренко работал в Имисской школе физиком, С.Ф. Назаренко стал учителем биологии. Участники Великой Отечественной войны, первый тракторист колхоза «имени Красных партизан» и школьный друг А.Т. Черкасова – Прохор Петрович Клёв и Шаблов Степан Степанович, придя с фронта, работали в школе, детском доме, председателями сельсоветов в районе.

Но, конечно, не всегда было все хорошо, были и проблемы. То неурожай, то разведение свиноводства, сулившее прибыль хозяйству, из-за халатности ветеринарной службы Курагинского района привело к гибели домашних животных – всё вместе привело к огромным издержкам.

Наступила вторая половина декабря 1929 г. на совещании райсполкома и Берёзовского сельсовета решили создать колхоз на базе коммуны в с. Берёзовка. Активу коммуны предложили выехать в с. Берёзовское для организации колхоза. То, что сделала коммуна, облегчило коллективизацию сельского хозяйства.

Колхоз назвали «имени Красных партизан», председателем единогласно был избран Василий Иннокентьевич Саломатов. Колхоз просуществовал до 1957 г., впоследствии ставший фермой молсовхоза, а в 1969 г. отдельным совхозом «Уральский».

С организацией колхоза с. Берёзовское выросло не только материально, но и преобразовалось культурно. А благодаря связям с Н.К. Крупской над колхозом с 1931-1934 гг. шефствовал московский театр им. Вахтангова. Из театра в 2006 г. была получена информация следующего содержания

ния «Бригадные поездки Театра им. Евг. Вахтангова. Минусинский край – Берёзовка 1930-1932 гг. Спектакль «Своим путём», по пьесе Н. Погодина «Темп». В бригаде: Баранов, А.М. Пантелеев. Н.П. Яновский (худрук), Д. Левит, Н.П. Шереметьев, М.Н Ключарёва, Т. Шухмина, М.И. Шувалов, К.И. Яюнинская, Р.Н. Оболенская».³

В 1931 г. Саломатов ушёл из колхоза по состоянию здоровья. Но главной причиной, по воспоминаниям жены, стало возникновение конфликтов с партийной организацией и партруководителями района при проведении коллективизации и раскулачивания. Он как крестьянин был против методов раскулачивания, ему было больно смотреть в глаза своим колхозникам. И из-за возможного ареста и угроз в свой адрес, а также нежелания дальше участвовать «в борьбе против крестьян» Саломатов с семьёй уехал. Лечился и остался работать на озере Шира, потом на озере Тагарском до самого ареста.

Из переписки в 1988-1990 гг. музея с Берёзовского с единственным сыном В.И. Саломатова – Вадимом Васильевичем: «...Арестован отец в Минусинске 17.09.1936 г., исключен из партии 3.10.1936 г. Было заведено «дело Саломатова», по которому были арестованы бывшие коммунары Шаповалова Устинья (Августа), Поморцева Агния Петровна и Ковальчук Софья. Правда, продержав их в Минусинской тюрьме до 1938 г., женщин после суда освободили. После объявления «тройки» 6 апреля 1937 г. в г. Красноярске о «8 годах лагерей без права переписки» отец сошёл с ума и был изолирован из камеры». Был ли он расстрелян или умер в тюрьме, неизвестно. Неизвестно и место его захоронения.

Позднее я написал Начальнику УКГБ края письмо с просьбой об ознакомлении с «Делом». Но в ответе было только «Участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской, террористическо-повстанческой организации..., активно вёл повстанческую работу...» и прочее, прочее. Меня поддержало общество «Мемориал» и обещало помочь с ознакомлением дела, но надежды мало. Мама после 1936 г. скрывалась, затем уехала в г. Уяр на родину. Работала сначала буфетчицей, потом разрешили работать в школе. С 1956 г. жила со мной в г. Красноярске. В 1978 г., в связи с 60-летием Октября, ей назначили персональную пенсию».⁴

Из мартиролога Минусинского региона:

«Саломатов Василий Иннокентьевич. 1895 г.р. Уроженец с. Перово Канского уезда, член ВКП/б в 1920-1936 гг. директор курорта «Озеро Тагарское». Арестован 7.10.1936. Приговорен 19.04.1937 ВС ВК ВС СССР к ВМН как один из руководителей к.-р.. троцкистско-зиновьевской террористическо-повстанческой организации. Расстрелян в Красноярске 19.04.1937. Реабилитирован ВК ВС СССР 19.12.1956».⁵

2016 г.

Литература:

1. Бойцы революции. – Красноярск. Красноярское книжное издательство. – 1982.
2. Жизнь, отданная народу. – Абакан. Хакасское книжное издательство. 1969.
3. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т.1 –Красноярск, 1967.
4. Энциклопедия Красноярского края. Юг. – Красноярск: издательство «Буква С». – 2008.

Примечания:

¹ История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920-1990 гг. / Под.ред. А.Н. Марковой. М.: ЮНИТИ, 2005. – С. 216.

² Статьи из газеты: Е. Пинаева, член коммуны «Соха и Молот», «Организация коммуны «Соха и Молот»/«Заветы Ильича», 1977 г. № 35; Школа коммуны «Соха и молот»/ Заветы Ильича, 1977г. № 36

³ Письмо АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА имени Евг. Вахтангова, 18.11.2006 г.

⁴ Архив Курагинского районного краеведческого музея.

⁵ Мартиролог Минусинского региона кон. 1920-1950-х гг. – www: музей-мартьянова.рф

Катина Е.М.,
пгт. Курагино, Курагинский район
Е.С. Бормотова,
с. Берёзовское, Курагинский район

Почётный председатель колхоза Губанов Денис Петрович

Историю любого поселения невозможно представить без его жителей, оставивших след в истории. Таким является Денис Петрович Губанов председатель колхоза «им. Красных партизан» с. Берёзовка Курагинского района (до 1993 г., ныне с. Берёзовское).

Денис Петрович родился 3 августа 1908 г. в крестьянской семье Петра Антоновича и Лепестиньи Филипповны Губановых в д. Белый Яр Кочергинской волости (ныне Курагинский район Красноярского края).¹

В 1919 г. окончил 3 класса Белоярской сельской школы. С 13 лет работал по найму. 10 октября 1931 г. Минусинским РВК призван в Красную Армию в 6-й железнодорожный полк, откуда был уволен в запас 20 декабря 1932 года.

С 10 января 1933 г. и по 15 сентября 1938 г. работал председателем Муринского сельского Совета. О работе Муринского сельсовета и его председателя писала газета «Тубинский колхозник»: «...Одна за другой, без шумихи, штурмовщины, по-большевистски в срок и полностью выполняются хозяйственно-политические кампании по Муринскому сельсовету. За большевистскую борьбу по реализации Займа Третьей Пятилетки (выпуска первого года) и сбора средств наличными по подписке этого займа (на 10 августа составляет 98 процента) по Муринскому сельсовету президиум райисполкома на своем заседании 4 августа вручил районное переходящее Красное знамя председателю Муринского сельсовета тов. Губанову. Кроме этого, президиум РИКа решил отпустить товарища Губанова на месячный отпуск с выдачей ему путёвки на курорт. Президиум райисполкома возбудил ходатайство перед крайкомсодом о премировании тов. Губанова денежной премией в сумме 300 рублей и отпуска энной суммы денег для премирования актива Муринского сельсовета...».²

В 1938 г. его направили работать в Курагинский районный земельный отдел (Райзо). В 1939 г. по просьбе колхозников с. Мурино Курагинского района, у которых на тот период было тяжёлое положение в хозяйстве, переводят на восстановление колхоза «Трудовой крестьянин» председателем. При работе Д.П. Губанова колхоз окреп, доходы выросли.

Началась Великая Отечественная война и Губанова призвали по мобилизации Курагинским РВК Красноярского края 8 октября 1941 года. Отправлен на фронт в составе 179-го стрелкового полка, а уже 25 декабря 1941 г. в бою был тяжело ранен осколком мины в область левого бедра. Находился на излечении в эвакогоспитале по 25 июля 1942 г., затем в исследовательской клинической больнице 1-го Московского мединститута. Был признан негодным к службе, демобилизовался и вернулся домой. Начались трудовые будни в родном колхозе «Трудовой крестьянин» Муринского с/совета, в котором Губанов проработал до октября 1943 года.

Своим решением райком партии направил Губанова в колхоз «им. Красных партизан» (с. Берёзовка), куда он приехал с семьёй – женой Анной, дочерью Марией (1929 г.р.), сыном Юрием (1936 г.р.). Уже в Берёзовке в 1944 г. родился в семье ещё один сын – Геннадий.

Колхозники колхоза «Трудовой крестьянин», ходатайствовали о возвращении Губанова, писали в райисполком, краевой исполком, но им было отказано.

За время работы в колхозе «им. Красных партизан», с октября 1943 г. по январь 1958 г., Денис Петрович показал себя как прекрасный руководитель и хозяйственник. Шла война и тыл, чем мог, помогал фронту. Работая председателем, он организовал сбор денежных средств колхозников для Красной Армии на сумму 550 000 рублей.

В ответ была получена правительственная телеграмма от зам. начальника главного управления формирования и боевой подготовки БТ и МВ Красной Армии, генерал-майора танковых войск

Липодаева, в которой сообщалось о том, что на средства внесённые колхозниками и колхозницами колхоза «им. Красных партизан» построен танк и передан частям танковых войск генерала-полковника тов. Кравченко (полевая почта № 39980).

Также была получена телеграмма от т. Сталина.

«ВЫСШАЯ правительственная телеграмма

Из Москвы № 731123

Народный комиссариат связи СССР.

Курагино секретарю парторганизации Тов. Власову, копия пред. колхоза Красных партизан Губанову, копия трактористке тов. Казликиной, копия колхознику тов. Кушнареву.

«Передайте колхозникам и колхозницам колхоза Красных партизан, собравшим 550000 рублей на строительство танка, мой братский привет и благодарность Красной Армии. И.Сталин».

Вышеприведённые телеграммы говорят о высоком признании работы председателя и возглавляемого им колхоза и колхозников. Дмитрий Петрович, проживая в г. Красноярске, передал телеграмму на хранение в Красноярский краеведческий музей.

При Губанове колхоз из года в год наращивал темпы развития. Увеличивались посевные площади, сдача государству продуктов животноводства и полеводства, выросли доходы колхоза. В 1944 г. посевная площадь составляла 2884 га, в 1957 г. – 7572 га, урожайность зерновых с 3,6 центнера достигла 14 ц с га, сдача зерна государству с 4325 ц достигла 46580 ц, молока – с 1157 до 6114 ц, мясо 299 центнеров – 1077 ц в 1957 году. Денежный доход вырос с 800 тыс. руб. (1944 г.) до 4 млн. руб. (1957 г.).³

До Губанова Д.П. весь колхозный скот находился под открытым небом, не было никаких построек, не было машин. Преобладал ручной труд. При нём колхоз полностью был обеспечен типовыми помещениями, электрифицирован и радиофицирован. Построено 5 типовых скотных дворов, каменный 4-х рядный свинарник, 2 телятника, 3 кошары, каменный 4-х рядный коровник, овощехранилище, птичник на 5000 птицемест, силосных полубашен – 6, силосных траншей на общую ёмкость 3 тыс. тонн, мельница, зерно-фабрика, 3 зерносклада, детские ясли, школа, гидроэлектростанция мощностью 50 кВт, каменное здание электростанции для установки двух агрегатов, имеющих в колхозе на 100 кВт, построена мастерская, кузница, гараж.

На всех объектах в колхозе работает 42 электромотора. Построен водопровод, и первая очередь которого, протяжённостью 1500 метров пущена в эксплуатацию в 1957 году. Построено и капитально отремонтировано 120 домов колхозников. Выделены помещения для участковой больницы, почтового отделения и сберкассы.

В колхозе имелось 32 автомашины, в том числе 2 легковых, киноустановка, электродойка, электрострижка, кормоуборочный комбайн, 3 универсальных кормодробилки, 6 кормозапарников, 2 пилорамы, все процессы по сушке, подработке зерна механизированы зернопогрузчиками, зерноочистительными машинами и сушилками.

Имелся сад плодовый на площади 36 га, организована звероферма по выращиванию лисиц-чернобурок.⁴

За время своей трудовой деятельности Денис Петрович Губанов не раз удостоивался высоких наград и поощрений: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1948 г.), медаль «За освоение целинных и залежных земель» (1957 г.), орден Ленина (1957 г.), два ордена Трудовой Славы III и II степени (1978, 1986 г.).

Председатель колхоза «им. Красных партизан» Д.П. Губанов был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (награждён медалью участника в 1957 г.), избирался депутатом Курагинского райсовета.

Труженики колхоза «им. Красных партизан» также были награждены орденами и медалями, путёвками на ВДНХа, за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., поднятие целинных и залежных земель, за выращивание высоких урожаев, высокие надои молока.

В 1957 г. Губанов Д.П. заболел, сказались фронтовые раны, после двух операций остался нетру-

доспособным и был отправлен на пенсию по инвалидности. В 1963 г. семья переехала в Красноярск, где Дмитрий Петрович некоторое время работал в краевых учреждениях. Вышел на пенсию «почётный председатель» колхоза в 1968 г.

С 1970 г. – пенсионер республиканского значения, работал на Красноярском заводе медпрепаратов. После продолжительной болезни Губанов Денис Петрович скончался 23 февраля 1974 года.

Всю свою жизнь Губанов Д.П., ветеран войны и труженник тыла, посвятил тому, чтобы «обеспечить победу над врагом», поднять сельское хозяйство и улучшить быт селян.

2017 г.

Примечания:

¹ Книга записей актов гражданского состояния о рождении за 1908 год 6 числа августа месяца, произведена соответствующая запись № 46. Свидетельство о рождении за № P1406999.

² Тубинский колхозник, 1937 г., август.

³ Документы из фондов музея.

⁴ Документы, воспоминания из фондов музея.

А.В. Образцова, А.Ю. Халтаева,
г. Красноярск

Енисейская писаница

Хакасско-Минусинская котловина чрезвычайно насыщена памятниками древнего наскального искусства. Несмотря на длительную историю их изучения, ряд объектов стали известны для науки сравнительно недавно. Исследования, например, Енисейской писаницы начинаются только с 70-х гг. XX века. Первым, кто обследовал данные петроглифы, был Н.В. Леонтьев (1974, 1977, 1980 гг.),¹ затем – И.Д. Русакова (1990, 2004 гг.).² Плоскости эпохи поздней бронзы изучались в 2006 г. О.В. Ковалевой.³ В августе 2016 г. была организована совместная экспедиция сотрудников КГПУ им. В.П. Астафьева и МРКМ им. Мартьянова с целью сбора данных для постановки на учет данного памятника археологического наследия. Были определены границы объекта, проведена индексация и выборочная фотосъёмка наскальных рисунков. В июле 2017 г. археологическим отрядом КГПУ им. Астафьева были произведены работы по фото – и топосъёмке, копировке петроглифов на всей площади памятника.

Енисейская писаница находится в Минусинском районе Красноярского края в долине р. Иня (левый приток р. Тубы), в 1,5 км к северо-востоку от с. Прихолмье и в 5 км к юго-западу от с. Тесь. Петроглифы находятся на южном склоне горы (абсолютная высота 550 м), сложенной девонскими песчаниками, на верхнем ярусе скальных обнажений, на высоте 50 м от подножия. «Юго-западные склоны горы разрушены во время каменоломных работ 1930-х г., в результате чего, вероятно, была уничтожена часть рисунков».⁴

Петроглифы встречаются на протяжении 0,4 км, зафиксированы на 56 плоскостях и территориально дифференцируются на 2 участках: Енисейская писаница I (46 плоскостей) и Енисейская писаница II (10 плоскостей). Петроглифы на участке Енисейская писаница II расположены на двух ярусах. Практически все плоскости с наскальными рисунками вертикальные, кроме плоскости 7 (Енисейской писаницы II) она представляет собой упавший камень и практически горизонтальная. Основная часть рисунков выполнена в технике выбивки, реже – гравировки. Изображения в основном обращены на юг и юго-восток. В общей сложности зафиксировано 113 зооморфных изображений, 82 антропоморфных фигур, 16 всадников и 71 чашевидное углубление. Петроглифы охватывают широкие хронологические рамки, начиная с эпохи неолита и заканчивая этнографической современностью и Новым временем.

К минусинскому стилю неолитической изобразительной традиции можно отнести зооморфные фигуры на 2-х плоскостях Енисейской писаницы I. В центральной части плоскости 276 изображён

контурный рисунок животного с характерными особенностями: грузный корпус, слабо выраженные вертикальные конечности, маленькая голова с вытянутой вперед мордой и несколькими точками выбитые в линию вдоль рёбер. Подобный силуэтный рисунок, выполненный среднеточечной выбивкой, выявлен на плоскости 36б. Голова фигуры, к сожалению, отсутствует, по причине разрушений камня.

К окуневскому культурному хронологическому горизонту относятся контурные изображения голов двух быков на плоскости 12. Упоминание о них встречается в публикации Н.В. Леонтьева.⁵ К окуневскому этапу можно отнести 71 чашевидные лунки, глубиной до 1 см, которые сконцентрированы в восточной части Енисейской писаницы I (пл. 20, пл. 40б, пл. 40д, пл. 41в).

К эпохе поздней бронзы относится ряд изображений, которые можно разделить на стилистические группы. Линейная стилистическая группа петроглифов может сочетаться в одних композициях с изображениями условно-реалистического стиля.⁶ Изображения животных, зафиксированных на плоскости 40б Енисейской писаницы I, выполнены в линейном стиле – «от ушей до хвоста» изображения сконструированы из прямых линий, длинные прямые ноги с копытами – «шариками», маленькие уши, сухая голова на длинной шее. Зооморфные изображения на плоскостях 19а, 36б, 46, 40б Енисейской писаницы I имеют характерные для условно-реалистического стиля особенности – прогиб спины, выступ в районе лопатки (холка). Карасукский этап формирования изобразительной традиции эпохи поздней бронзы можно зафиксировать на плоскости 4а с Енисейской писаницы II. На ней изображён силуэтный рисунок человека с очень широким торсом, который держит за хвост животное, выполненное в линейном стиле.

Большинство петроглифов соотносятся с эпохой раннего железного века. К изобразительной традиции тагарской культуры можно отнести ряд изображений оленей, имеющих общие отличительные черты для этого времени: поза внезапной остановки, заполнение туловища спиралями и завитками, ветвистые рога. «Но, несмотря на сходство, изображения оленей очень разные по технике выбивки, по манере исполнения, многие фигуры выглядят лишь пародией на высокохудожественные образцы скифо-сибирского звериного стиля».⁷ Помимо изображений оленей на Енисейской писанице выявлены, и другие зооморфные фигуры, в том числе изображения скифских лошадей (пл. 12,23,40б).

Интересна композиция, зафиксированная на плоскости 1 (Енисейская писаница I). В левой части фриза расположены десять зооморфных фигур и один всадник. Центральное место занимают изображения двух оленей, козла(?) и предположительно всадника (часть фигуры отсутствует в связи с выломом скальных пород), фигуры выполнены крупной, грубой выбивкой и обращены вправо. Все животные имеют отличительную особенность – дугообразный знак в передней части туловища, а всадник выделенную линию рта и «подвязанный» хвост.

В отдельную группу можно отнести изображения оленей со специфическими чертами – животные с утолщенными мордами и выделенной линией рта (пл. 1, 3, 5, 11, 25в Енисейской писаницы I). Некоторые енисейские изображения животных с утрированным ртом вызывают, по мнению О.С. Советовой, ассоциацию с масками-навершиями, знакомыми нам по пазырыкским материалам.⁸

Композиции с изображения людей, относящихся к изобразительной традиции тагарской культуры, очень многообразны. Некоторые изображения представлены фантастическими образами с двумя или тремя выступами на месте головы, возможно в своеобразных головных уборах (уши, косички?) (пл. 14 Енисейская писаница I). Так же данная особенность образа человека раннего железного века, как своеобразное наголовие (уши, косички?), зафиксировано на плоскости с изображением бегущих воинов с чеканами в руках (пл. 19в Енисейской писаницы I). Изображения воинов в батальных сценах не единичны, так на плоскости 12 Енисейской писаницы I выявлена сцена приёма захвата волос противника воином. Силуэтные фигуры всадников зафиксированы в сценах охоты на волка (пл. 27а, пл. 44)

В правой нижней части плоскости 40б Енисейской писаницы I выявлена антропоморфная фигура, датируемая средневековьем, перекрывающая животное, вместо головы фигуры человека ав-

тор использует одно из чашевидных углублений. Чашевидные лунки отличаются по степени загара, можно предположить, что некоторые лунки обновлялись. К средневековой изобразительной традиции так же можно соотнести рисунок решётки, выполненный гравированной линией (пл. 42 Енисейской писаницы I).

К этнографической современности можно соотнести антропоморфное изображение с бубном (шаман?) (пл. 27б Енисейской писаницы I). В непосредственной близости с фигурой шамана находится ещё одно антропоморфное изображение с бубном, у которого бубен обновлён более свежей выбивкой, либо добавлен позже (пл. 27в Енисейской писаницы I). Изображение шеи и головы лошади, выполненное гравированной линией (пл. 2 Енисейской писаницы I) датируется Новым временем.

Енисейская писаница, как объект историко-культурного наследия представляет интерес не только своими культурно-хронологическими параметрами, но и чрезвычайным разнообразием изобразительного материала, что предоставляет возможность проследить различные направления в развитии искусства в тот или иной период. Например, своеобразие зооморфных изображений эпохи раннего железа может свидетельствовать о пребывании в данной местности носителей разных художественных школ на определённых этапах развития скифо-сибирского звериного стиля. Более того, Енисейская писаница, по всей видимости, являлась культовым, священным местом, по ряду признаков. Нельзя не учитывать специфику сюжетов, например: священная, космическая охота и идея возрождения животных (появление дня на смену ночи).⁹ На одной из плоскостей изображён всадник с луком, несколько зооморфных изображений, в том числе олениха и её детёныш. Изображения чашевидных углублений, сконцентрированные в гроте на восточной окраине Енисейской писаницы I, могли нести культовую функцию во время проведения ритуалов, связанных с жертвоприношениями, а сам грот мог служить святилищем. Не случайны также на писанице изображения шаманов с бубнами. Культовая значимость объекта подтверждается обширными древними могильными комплексами в подножии скального массива.

Писаница требует дальнейших исследований с целью уточнения полученной информации, конкретизации культурно-хронологической атрибуции, определения характера и степени разрушений, разработки мер по сохранению петроглифов и их музеефикации.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева А.Л. Заика.

Примечания:

¹ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – С. 164

² Леонтьев Н.В., Русакова И.Д. Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской. – Вестник САИПИ. – 2003-2004. – Вып. 6-7. – С. 34-41.

³ Ковалёва О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – с. 81

⁴ Леонтьев Н.В., Русакова И.Д. Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской. – Вестник САИПИ. – 2003-2004. – Вып. 6-7. – С. 34

⁵ Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры – Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2006. – 236 с. рис 19, стр. 37

⁶ Ковалёва О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – с. 34

⁷ Леонтьев Н.В., Русакова И.Д. Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской. – Вестник САИПИ. – 2003-2004. – Вып. 6-7. – С. 34

⁸ Советова О.С. Наскальное искусство как источник по истории материальной и духовной культуры населения бассейна Среднего Енисея в эпоху раннего железного века. – Кемерово, 2007. – 440 с. С. 164

⁹ Там же, с. 162

О демографических условиях служилой колонизации Красноярского уезда в конце XVII – начале XVIII вв.

Тема заселения русскими территории Енисейского края в XVII – XVIII вв. являлась предметом специального изучения многих сибирских авторов. За последние более полувека в работах С.В. Бахрушина, В.А. Александрова, А.Н. Копылова, Г.Ф. Быкони исчерпывающе описаны направление, динамика и содержание этого процесса, определены состав его участников, условия миграции и быта первопоселенцев.¹ Тем не менее, дальнейшая разработка массовых источников позволяет, на наш взгляд, существенно дополнить сложившиеся к настоящему времени представления о начальных этапах колонизации русскими указанного региона. В том числе речь идёт о колонизации служилой, игравшей до сер. XVIII в. главную роль в хозяйственном освоении земель в южной части Среднего Енисея. С целью изучения мотивов и факторов этого процесса, мы рассмотрим демографические особенности служилого населения г. Красноярска и Красноярского уезда, обозначившиеся в ходе его расселения в первые десятилетия XVIII в. Главными источниками статьи являются данные первой подушной переписи 1719-1722 г и переписной книги по г. Красноярску и его уезду 1671 года.²

При проведении ревизии 1722 г. в Красноярском уезде были зарегистрированы 55 населенных пунктов. 47 из них имели дворы, принадлежавшие казакам и членам их семей, 36 были преимущественно населены служилыми людьми. Всего, в городе и уезде численность служилого населения составляла 3534 душ мужского пола. Из этой цифры на долю Красноярска приходилось 29.15%, что значительно превышает удельный вес горожан, зафиксированный среди представителей других социальных групп местного населения, например, посадских людей (2.66%), гулящих, промышленных людей, бобылей и захребетников (у всех вместе – 22.86%). И в уезде и в городе казаки составляли большинство жителей (соответственно 60.01 и 86.85%).

На рубеже XVII – XVIII вв. служилое население г. Красноярска и Красноярского уезда испытывало значительные изменения своего состава, результаты которых видны при сравнении данных первой петровской ревизии и переписной книги 1671 года. В ходе этого сравнения мы выделили различавшиеся по своему происхождению фамилии служилых людей города и уезда, и объединили их в четыре группы. Первые две составили потомственные казаки красноярского гарнизона, которые были показаны в переписной книге 1671 г. в городе или уезде, и в дальнейшем, (а) соответственно встречались там до 1722 г., и (b) – переместились (мигрировали) в период между переписями из уезда в город или из города в уезд. Третью и четвертую группы составили лица, оказавшиеся в рядах красноярских казаков после 1671 г.; это были (c) старожилы из среды местного тяглого населения, и (d) пришлые, вновь поселившиеся в уезде переселенцы из других городов/уездов Сибири и Европейской России.

Таблица 1

*Происхождение служилого населения г. Красноярска и Красноярского уезда. 1722 г.**

Категории служилого населения	г. Красноярск		Красноярский уезд	
	душ м.п.	%	душ м.п.	%
Однофамильцы (потомки) казаков – жителей г. Красноярска в книге 1671 г.	532	51.65	411	16.41
Однофамильцы (потомки) казаков – жителей Красноярского уезда в книге 1671 г.	29	2.82	1223	48.84

Однофамильцы (потомки) тяглых людей г. Красноярска и Красноярского уезда в книге 1671 г.	80	7.77	175	6.99
Служилые люди фамилии, которых не встречаются в переписной книге г. Красноярска и Красноярского уезда 1671 г.	389	37.77	695	27.76
Всего:	1030	100.00	2504	100.00

* Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска и его уезда 1719-1722 гг. / Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц. - М.: «Ломоносов», 2014. - 424 с.; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. Очерки Красноярского уезда XVII в. М.: «Наука», 1959. С. 217 – 230. – 234 с.

Итоги проведённого анализа (см. табл. 1) свидетельствуют о том, что жившие в нач. 1720-х гг. в деревнях красноярские казаки являлись в большинстве своем старожилами, носили фамилии, зафиксированные здесь при проведении переписи 1671 г. Они представляли, по меньшей мере, второе или третье поколение русских поселенцев на Енисее. Заметное место в их числе занимали «перешедшие на пашню» жители г. Красноярска. Данные о движении служилых фамилий между городом и уездом указывают на то, что в кон. XVII – нач. XVIII вв. Красноярск терял часть своего населения в ходе внутриуездной миграции. Соотношение прибывших и выбывших в нём среди казаков – старожилов равнялось примерно 1 к 4 (в числе прибывших нужно учитывать также почти всех находившихся в городе казаков тяглого происхождения – прим. авт.); убыль восполнялась благодаря водворению в городе служилых и гулящих людей из других мест Сибири.

Согласно Г.Ф. Быконю, отток жителей Красноярска на территорию уезда, начался в основном во втором десятилетии XVIII в.³ Аналогичное движение, как показывают А.А. Люцидарская,⁴ В.В. Пестерев,⁵ и Г.А. Леонтьева,⁶ происходило в это время и в других городах Восточной и Западной Сибири. На ранних этапах колонизации сибирский город сам создавал себе аграрное окружение, «выбрасывая на пашню» избыток своего населения.

Условием аграрного расселения казаков за Уралом являлась скудость казенного содержания, вынуждавшая служилых людей заниматься ведением собственного хозяйства. По подсчётам В.Н. Шерстобоева, стоимость оклада рядового казака, включавшая выплату денег, хлебное и соляное жалование, соответствовала стоимости 104 пудов зерна.⁷ Для сравнения, в XVIII в., среднедушевой уровень потребления зерна в семьях крестьян Центральной России составлял 24 пуда в год.⁸ К середине следующего столетия он снизился до 17.4 пудов.⁹ Если соответствовать этим нормам, вознаграждение за службу (при условии его регулярного получения) давало служилому человеку возможность прокормить в течение года ещё трёх – четырёх человек из состава своей семьи. Правда, речь в данном случае, очевидно, могла идти только о пропитании, не считая удовлетворения иных материальных запросов. Значит для того, чтобы создать семью и «жить своим двором» повёрстанному казаку, требовались дополнительные доходы, не связанные с несением службы. Наиболее простым и надёжным способом их получения, как правило, являлась разработка пашни.

Дальнейшему развитию служилого земледелия способствовала постепенная отмена администрацией выдачи хлебного жалования казакам, имевшим официально записанные у них наделы. В восточных уездах Сибири эта практика распространялась позднее и медленнее, чем на западе. В Енисейском уезде в 1669 г. «с пашни служили» лишь 36 чел. из 487,¹⁰ в Красноярском в 1693 г. – 42 чел. из 717.¹¹ В то же время, по данным дозорной книги 1700 г., земледелием среди красноярских служилых людей занимались 560 хозяйств, из них 241 в самом Красноярске.¹² Выдача хлебного жалования пахотным казакам объяснялась участием их в несении отъезжих служб. Из-за «беспременных посылок», владельцы наделов были, по их словам, часто не способны обеспечить себя продовольствием. Размеры обрабатываемых участков обычно не достигали размеров официально установленного пашенного оклада. В этих случаях служилому человеку, владевшему землей, предписывалось выдавать не всё хлебное жалование, а часть его, компенсирующую формальную недодачу надела. В нач. XVIII в. в Красноярском уезде 310 казаков (более 40 % от штатно состава) служили с неполным хлебным окладом.¹³ С 1706 г. правительство запретило отпускать из казны

хлеб всем без исключения служилым людям, имевшим собственную запашку, независимо от её величины. Это увеличило количество пахотных казаков, и усилило их миграцию из города в уезд; большинство получателей пашенных окладов старались селиться вблизи отведённых им земель.¹⁴

Недостаточность казённого содержания не исчерпывала собою факторов, которые стимулировали хозяйственную активность служилого населения. Не менее важную роль в этом отношении играло естественное увеличение его численности. На рубеже XVII – XVIII вв. количество молодых мужчин среди красноярских казаков значительно выросло по отношению к количеству штатных мест в гарнизоне. К моменту проведения петровской ревизии многие из них фактически уже не имели шансов быть зачисленными в оклад.¹⁵ Поэтому, значение казенного содержания в бюджете казачьих семей с течением времени неизбежно сокращалось.

В 1671 г. среди казаков г. Красноярска и Красноярского уезда насчитывалось 473 чел. в возрасте 15-49 лет. Из них состояли на службе 388 чел. (82.03 %). К 1713 г. красноярский гарнизон вырос до 849 чел., но эта цифра составляла уже лишь 57.02 % от числа учтённых переписью служилых людей 15-49 лет.¹⁶ Поскольку многие состоящие в штате казаки были старше 49 лет, является очевидным, что во время проведения ревизии, как минимум, половина мужчин в их семьях, «придя в совершенные лета» не служили, и не получали жалование. Часть из них были женаты, имели собственное дворовое хозяйство, и учитывались при проведении переписи в категории «неверстанных казачьих детей».

Анализ персонального состава данной категории домохозяев говорит о том, что продолжительность пребывания родственников служилых людей в этом звании значительно варьировала. Одним из обстоятельств, оказывавших на неё влияние, являлось происхождение человека, рассчитывающего на зачисление в штат. Среди потомственных казаков Красноярского уезда доля казачьих детей и членов их семей составляла в 1722 г. 14.60 % от численности мужского населения; среди представителей неместных фамилий и служилых тяглого происхождения – соответственно 21.40 и 27.43 %.¹⁷ Разрыв показателей, очевидно, отражает ситуацию, когда предпочтение при заполнении вакансий в гарнизоне имели представители «старых» служилых фамилий.¹⁸

Обработка материалов ревизии даёт возможность рассмотреть как происхождение и статус служилых людей соотносился с их расселением и интенсивностью участия в освоении новых земель. Для этого целесообразно сравнить состав служилого населения отдельных территорий Красноярского уезда, различавшихся по времени своего заселения. Всего были выделены три таких района; первый – самый большой, включил деревни и села, находившиеся непосредственно вблизи г. Красноярска и ниже по Енисею до устья р. Кан.¹⁹ Большинство этих селений были основаны ещё в 40-е – 60-е гг. XVII в, и в последующий период росли относительно умеренными темпами; во всем этом районе количество служилых дворов в 1671-1722 гг. увеличилось в 2.8 раза (с 128 до 363).²⁰ Севернее, вниз по течению реки от села Бузимского до деревни Подъемной, была выделена другая группа селений.²¹ Они тоже в основном уже существовали во время проведения переписи 1671 г., но отличались в последующие годы гораздо более значительным увеличением числа дворов, – в 5.3. раза (с 31 до 164).²² Третий район составили все вновь появившиеся после 1671 г. деревни Красноярского уезда, расположенные к югу от Красноярска.²³

Таким образом, перед нами оказались три района и три популяции служилых людей Красноярского уезда одна, из которых представляла его старонаселённый центр, а две других вновь осваиваемые территории севернее и южнее города. Такое деление, разумеется, очень условно; в начале XVIII в. все малонаселённое пространство Приенисейского региона представляло собой, по сути, сплошную арену колонизационного движения. И, тем не менее, различия в составе выделенных популяций оказались достаточными для того, чтобы сделать некоторые наблюдения, касающихся мобильности изучаемого населения.

Начнём с данных, касающихся происхождения жителей данных территорий.

Таблица 2

Происхождение служилого населения отдельных районов Красноярского уезда. 1722 г.*

Группы населения	Количество душ м.п. и доля в составе населения			
	старонаселенный центр уезда	колонизуемый район на севере	колонизуемый район на юге	всего по уезду:
Однофамильцы (потомки) служилых людей Красноярского уезда, записанных в книге 1671 г.	<u>759</u> 51.11**	<u>364</u> 53.85	<u>100</u> 29.15	<u>1223</u> 48.84
Однофамильцы (потомки) служилых людей г. Красноярска, записанных в книге 1671 г.	<u>188</u> 12.66	<u>107</u> 15.83	<u>116</u> 33.82	<u>411</u> 16.41
Однофамильцы крестьян и посадских людей по книге 1671 г..	<u>131</u> 8.82	<u>10</u> 1.48	<u>34</u> 9.91	<u>175</u> 6.99
Люди с неместными фамилиями, не показанными при составлении книги 1671 г.	<u>407</u> 27.41	<u>195</u> 28.85	<u>93</u> 27.11	<u>695</u> 27.76
Всего:	<u>1485</u> 100.00	<u>676</u> 100.00	<u>343</u> 100.00	2504

* Подсчитано по тем же данным что и таблица 1.

** в знаменателе показан % в общей численности населения

Сравнение их показывает, что освоение территории Красноярского уезда в кон. XVII – нач. XVIII в. являлась процессом, в котором преимущественно участвовали представители старых служилых фамилий, известные нам по книге 1671 года. Именно они играли здесь главную роль в заселении новых земель. Но интенсивность участия разных групп старожилов в этом движении была не одинаковой. Наиболее активный отток за пределы старонаселенной части уезда был характерен для казаков, являвшихся в 1671 г. жителями г. Красноярска. Более половины их (54.26 % – 223 д.м.п.) входили во время проведения ревизии в состав периферийных популяций на севере и юге уезда. Причём, во вновь устроенных деревнях к югу от города бывшие горожане и их потомки представляли доминирующую в численном отношении группу. Менее активно на этом фоне выглядели потомственные казаки-землепашцы, расселившиеся под Красноярском в начале второй половины XVII в. Во вновь колонизуемых районах они насчитывали 464 д.м.п. – 37.94 % – от общей своей численности. У служилых людей неместных по происхождению и выходцев из среды тяглого населения аналогичные показатели были соответственно 41.44 (288 р.д.) и 25.14 % (44 р.д.).

Таблица 3

Социальная структура служилого населения отдельных районов Красноярского уезда. 1722 г. (число д.м.п.)*

Статус главы домохозяйства	старонаселенный центр уезда	колонизуемый район на севере	колонизуемый район на юге	всего по уезду:
Дворяне и дети боярские	<u>166</u> 11.18**	<u>36</u> 5.33	<u>18</u> 5.25	220
Конные казаки	<u>398</u> 26.80	<u>111</u> 16.42	<u>79</u> 23.03	588
Пешие казаки	<u>576</u> 38.79	<u>321</u> 47.49	<u>125</u> 36.44	1022
Отставные казаки	<u>111</u> 7.47	<u>63</u> 9.32	<u>38</u> 11.08	212

Раздел VI. Дополнения

Казачьи дети	234 15.76	145 21.45	83 24.20	462
Всего:	1485 100.0	676 100.0	343 100.0	2504

* Подсчитано по тем же данным что и таблица 1.

** в знаменателе показан % в общей численности населения

Следующая таблица содержит данные, которые соотносят место и статус служилых людей в составе войсковой организации с местом проживания их на территории уезда. Её информация показывает, что верхушка служилого «мира», – дворяне и дети боярские, а также казаки конной сотни (по выражению Н.И. Никитина представители «более престижной службы»²⁴) заметно реже других переселялись на новые земли. Во вновь колонизируемых районах преимущественно встречались казаки пешие, отставные и казачьи дети, т.е. рядовой состав красноярского гарнизона и не состоящие в штате члены войсковой общины. Последние, не имея жалования, жили исключительно за счет своих дворовых хозяйств или «кормились работой». На примере старожильского населения Томского уезда нач. XVIII в., А.А. Люцидарская охарактеризовала указанную категорию казаков как «наиболее оторванную от города близкую к земле».²⁵

Таблица 4

*Социальная структура и происхождение служилого населения г. Красноярска и Красноярского уезда. 1722 г. (%)**

Статус главы домохозяйства	Город Красноярск	Старонаселенный центр уезда	Колонизируемые районы
Потомственные казаки, фамилии которых были записаны в 1671 г. среди жителей г. Красноярска			
Дворяне и дети боярские	4.32	11.45	3.62
Конные казаки	37.71	41.15	22.62
Пешие казаки	38.27	29.17	42.53
Отставные казаки	11.44	2.08	5.88
Казачьи дети	8.26	16.15	25.34
Всего:	100.0	100.0	100.0
Потомственные казаки, фамилии которых были записаны в 1671 г. среди жителей Красноярского уезда			
Дворяне и дети боярские	-	16.39	5.36
Конные казаки	-	27.21	20.82
Пешие казаки	-	36.20	47.42
Отставные казаки	-	7.66	8.15
Казачьи дети	-	12.55	18.24
Всего:	-	100.0	100.0
Служилые люди, фамилии которых были записаны в 1671 г. среди тяглых людей г. Красноярска и Красноярского уезда			
Дворяне и дети боярские	1.27	0.00	0.00
Конные казаки	28.58	10.69	9.09
Пешие казаки	63.30	63.36	47.73
Отставные казаки	8.87	3.82	0.00
Казачьи дети	0.00	22.14	43.19
Всего:	100.0	100.0	100.0
Пришлые служилые люди, фамилии которых не встречались в 1671 г. среди жителей г. Красноярска и Красноярского уезда			
Дворяне и дети боярские	5.75	4.91	7.29
Конные казаки	20.53	24.82	9.09

Пешие казаки	44.76	39.56	38.89
Отставные казаки	12.73	11.55	17.36
Казачьи дети	16.22	19.16	23.61
Всего:	100.0	100.0	100.0

* Подсчитано по тем же данным что и предыдущие таблицы

Обобщение данных о происхождении и социальной структуре красноярских служилых людей даёт возможность уточнить результаты наших наблюдений. В частности оно показывает, что владение землей играло в это время важную роль в жизнеобеспечении всех слоев местного служилого населения, как высших, так и низших.²⁶ Но первые чаще устраивались в деревнях, расположенных вблизи Красноярска, а вторые (особенно, выходцы из города) на вновь заселяемых окраинах уезда. Среди казаков тяглых и пришлых по своему происхождению данная закономерность имела одну особенность: а именно, – будучи зачисленными в гарнизон, они реже покидали пределы старонаселенной округи, чем старожилы. Поэтому на новых землях доля неслужилых элементов, – отставных, казачьих детей и членов их семей, – у них была выше. Так, среди потомственных жителей уезда и выходцев из города она равнялась соответственно 26.39 и 31.22 %, у людей с неместными фамилиями – 40.97%, у выходцев из среды тяглого населения – 43.19%.

Полученные в ходе исследования факты говорят о том, что, система содержания служилых людей за Уралом в XVII – нач. XVIII вв. не обеспечивала естественное воспроизводство их как социальной группы. Поэтому демографический рост способствовал превращению казаков в земледельцев, сочетавших военную службу с ведением пашенного хозяйства. После ухода кыргызов и «замирения ясачных земель» на юге Енисейского края расселение служилых людей привело к увеличению числа деревень, расположенных за пределами освоенной ранее русскими территории Красноярского уезда.

Наибольшую активность в переходе на новые земли демонстрировали казаки пешей службы и находившиеся вне штата невёрстанные казачьи дети. Как правило, это были представители старых служилых фамилий, среди которых особенно выделялись люди, показанные в 1671 г. жителями г. Красноярска. По отношению к своей численности они чаще участвовали в миграции, нежели казаки, расселившиеся в окрестностях города в предыдущий период.

Объяснить данную ситуацию, по-видимому, можно, приняв во внимание следующие обстоятельства: зачаточное состояние местного рынка исключало возможность регулярной занятости красноярских горожан в несельскохозяйственной сфере.²⁷ Водворение их в деревнях, расположенных вблизи города могло быть затруднено захватным землепользованием ранее поселившихся там казаков.²⁸ В сочетании с переложной агротехникой, требовавшей частого обновления обрабатываемых угодий, вольные захваты земли, очевидно, являлось условием, которое выталкивало вновь прибывших в полубезлюдные, никем не занятые ещё места.²⁹ При этом переход на южные рубежи давал красноярским казакам не только землю. Одновременно это была ещё и возможность уменьшить тяготы несения отъездных служб, заниматься лесными промыслами, выменивать пушнину и скот у ясачного населения.

Примечания:

¹ Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М.: «Наука», 1964. – 303 с.; Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, «Наука», 1965. – 294 с.; Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, «Наука», 1981. – 247 с. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – нач. XIX в. (сословно-демографический аспект). Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. – 416 с.

² Перепись г. Красноярска и его уезда 1719–1722 гг. Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц, – М.: «Ломоносов», 2007. – 424 с. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. Очерки Красноярского уезда XVII в. М.: «Наука», 1959. С. 217 – 230. – 234 с.

³ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края... С. 205-208.

⁴ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки XVII – нач. XVIII вв. Новосибирск: «Наука», 1992. – ...с. С. 117.

⁵ Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве, Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – сер. XVIII в. Курган: Изд.-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 237 с. С. 139 – 140.

- ⁶ Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во вт. пол. XVII – перв. четв. XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: МПГУ, 2012. – 321 с. С. 130.
- ⁷ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. I. Пашня Илимского воеводства в XVII – нач. XVIII вв. Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1949. – 596 с., С. 483.
- ⁸ Л.В. Милов писал о том, что «такая норма, как правило, встречается в помещичьих инструкциях XVIII в., когда речь идет о содержании дворовых и работных людей». Редин Д.А. Структуры потребления и дохода как признаки социальной идентификации местной бюрократии России петровской эпохи// «Социальная история»: ежегодник. 2010. СПб., Алетей, 2011. – 408 с. С. 127 – 159. С. 129.
- ⁹ Нефедов С.А. Об уровне жизни крестьян и движении населения в связи с динамикой сбора хлебов, оброков и барщины в 1800 – 1860 гг.// Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. // под ред. Л.И. Бородинки. М.: Изд-во МГУ, 2006. – 216 с. С. 166 – 181. С. 168.
- ¹⁰ Копылов А. Н. Русские на Енисее С. 202.
- ¹¹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 431 с. С. 356.
- ¹² Александров В.В. Русское население Сибири в XVII – нач. XVIII вв.. С. 97.
- ¹³ Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII в. (Енисейский и Красноярский уезды). Диссертация на соискание степени к.и.н. Красноярск, 2016. С. 267.
- ¹⁴ Леонтьева Г.А. . Служилые люди в Восточной Сибири... С. 121, 130.
- ¹⁵ Причём, несмотря на это, они продолжали оставаться членами служилой войсковой организации, и могли привлекаться к выполнению тех или иных служебных поручений. Зуев А.С. «Выбрали мы товарищи меж собою»: традиции казачьего самоуправления в Сибири XVIII в. // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII – XX вв.: Бахрушинские чтения. 1994. / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 1994. С. 11 – 20. С. 14.
- ¹⁶ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края.... С. 201, 206.
- ¹⁷ Подсчитано ...
- ¹⁸ Александров В.А. Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. – 401 с. С. 91.
- ¹⁹ Село Ясаулово, деревни Бугачевская, Частоостровская, Лудейская, Куваршина, Березовская, Кононова, Кубекова, Барабановская, Хлоптуновская, Шиверская, Усть-Канская, Трифонова, Седельникова, Шахова, Балчюсская, Быковская, по Ботою-реке, Сухобузимская, Погорельна, Торгошинская, Базайская, Однодворок, Овсянская.
- ²⁰ Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска и его уезда 1719 – 1722 гг./....; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. ...С. 217 – 230. – 234 с.
- ²¹ Село Бузимское, деревни Павловская, Кекурская, Таскина, Нахвальная, Малая Нахвальная, Юксеевская, Подъемная.
- ²² Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска и его уезда 1719 – 1722 гг./....; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. ...С. 217 – 230. – 234 с.
- ²³ Деревни Бирюсинская, Донникова, Потапова, Погромная, Дербина, Езагашская, Даурская, Сисимская, Медведева, Еремеева, Бельцкая, Сыдинская, Бирьская, Караульный острог, Абаканский острог.
- ²⁴ Никитин Н.И. Первый век казачества в Сибири// «Военно-исторический журнал», 1994. № 1. С.
- ²⁵ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири:... С. 118.
- ²⁶ В свое время П.М. Головачев по этому поводу писал: «Верхний слой служилых людей, имевших в городах более или менее постоянную оседлость, владел деревнями в окрестностях, где и предавался сельскохозяйственным занятиям, как и посадские и городские крестьяне на своих заимках». Горохов В.А. Томск в XVII в. Материалы для истории города С. 3.
- ²⁷ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края С. 203.
- ²⁸ Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII – XVIII вв. (Материалы к спецкурсу). Красноярск, издательство Красноярского университета, 1979. – 98 с. С. 66.; Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – нач. XVIII вв. С. 184.
- ²⁹ Шунков В.И. Очерки колонизации Сибири в XVII – нач. XVIII вв. М-Л., 1946. – с. С. 121.

Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

Данные ономастики о происхождении русских старожилов Хакасско-Минусинского края в XVIII в.

Согласно имеющимся в литературе исследованиям, заселение русскими территории Хакасско-Минусинского края (ХМК) в XVIII в. осуществлялось, главным образом, в результате миграции старожилов Красноярского и Енисейского уездов. Большую часть мигрантов, – особенно на ранних этапах этого процесса, – составляли казаки и выходцы из среды служилого населения, известные до нач. 1760-х гг. под именем разночинцев. В рамках настоящей статьи мы попробуем дать количественную оценку участия красноярских старожилов в складывании русского населения края, и рассмотреть особенности их расселения здесь среди жителей отдельно взятых локальных районов. Решению задачи способствовало создание электронной базы, отражающей фамильный

состав населения ХМК в пределах административных границ будущего Минусинского округа на нач. XIX в. В настоящее время она включает в себя жителей 56-ти селений, находившихся в 1805-1816 гг. в ведении шести церковных приходов Красноярского Благодичиния: Бараитского Троицкого, Анашенского Спасского (Новосёловского волости), Абаканского Вознесенского, Минусинского Спасского, Шушенского Петропавловского (Минусинской волости) и Курагинского Спасского (Курагинской волости). Количество учтённого в базе русского населения края ориентировочно составляет около 2/3 от его наличной численности. Ввиду недостатка информации, в базу пока не входят жители ещё трёх церковных общин, существовавших в нач. XIX в. на юге Красноярского уезда: Новосёловского Петропавловского, Караульного Спасского и Ирбинского Екатеринбургского приходов.

Источниками при создании базы преимущественно послужили сведения волостных правлений, взятые из ревизских сказок V-й, и VII-й подушных переписей. Для крестьян Новоселовской волости это данные 1816 г.,¹ для жителей Минусинской волости – ведомость волостного правления о населении и хозяйстве 1805 г., составленная по материалам ревизии 1795 г.² В ходе обработки использованной информации в базе фиксировались встречающиеся фамилии людей с подсчетом в каждой количества душ мужского пола.

Сведений аналогичных этим о жителях Курагинской волости у нас, к сожалению, не оказалось. Поэтому фамильный состав их пришлось реконструировать при помощи записей в метрических книгах Курагинского Спасского прихода 1802-1805 гг.³ Общее количество записей в метриках новорождённых, умерших и сочетавшихся браком в эти годы было взято за 100 %, а относительное количество помянутых в них представителей той или иной фамилии условно считалось равным их доле в составе населения прихода.

Полученный в итоге материал о населении ХМК за 1805-1816 гг., мы сравнили с аналогичными данными первой ревизии жителей г. Красноярска и Красноярского уезда 1722 г. В их числе учитывались фамилии служилых, посадских людей и крестьян, представлявших во время переписи более 90 % населения города и уезда.⁴

Таблица 1

*Данные о происхождении жителей приходов Хакасско-Минусинского края в начале XIX в. **

	Число однофамильцев, записанных в ревизии по Красноярску и его уезду 1722 г.	В каких социальных группах встречались			Нет в материалах ревизии 1722 г.	Итого:
		Только среди служилых людей	Среди служилых и тяглых	Только среди тяглого населения		
Анашенский Спасский приход: 1816 г.	<u>617</u> 87.15	<u>503</u> 71.05	<u>104</u> 14.69	<u>10</u> 1.41	<u>91</u> 12.85	<u>708</u> 100.0
Бараитский Троицкий приход: 1816 г.	<u>215</u> 88.11	<u>182</u> 74.59	<u>33</u> 13.52	<u>0</u> 0.00	<u>29</u> 11.89	<u>244</u> 100.0
Абаканский Вознесенский приход: 1805 г.	<u>1659</u> 85.34	<u>1470</u> 75.62	<u>109</u> 5.61	<u>80</u> 4.12	<u>285</u> 14.56	<u>1944</u> 100.0
Минусинский Спасский приход: 1805 г.	<u>447</u> 52.84	<u>289</u> 34.16	<u>83</u> 9.81	<u>75</u> 8.87	<u>399</u> 47.16	<u>846</u> 100.0
Курагинский Спасский приход: 1802-1805 гг.	<u>162</u> 71.68	<u>130</u> 57.52	<u>16</u> 7.08	<u>16</u> 7.08	<u>64</u> 28.32	<u>226</u> 100.0
Шушенский Петропавловский приход: 1805 г.	<u>916</u> 85.85	<u>695</u> 65.14	<u>198</u> 18.56	<u>23</u> 2.16	<u>151</u> 14.15	<u>1067</u> 100.0

*Подсчитано по данным *Перепись г. Красноярска и его уезда 1719 – 1722 гг.* /Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц. - М.: Ломоносов, 2014. – 424 с.; *Архив г. Минусинска, Ф. 15. О. 1. Ед.хр. 17.*

Результаты проведённого анализа показывают, что большинство прихожан изученных нами общин ХМК в нач. XIX в. носили фамилии, встречающиеся в ревизских сказках жителей г. Красноярска и его уезда 1722 г. В составе четырёх приходов доля таких однофамильцев составляла от 85 до 88 % от общего числа жителей; в двух, – Курагинском и Минусинском она понижалась соответственно до 72 и 53 %.

Территории с наибольшей концентрацией старожильского населения располагались по Чулыму, Енисею и в среднем течении р. Сыда; районы, в складывании которых заметную роль играли также пришлые элементы, – по Тубе и её притокам. В сер. – втор. пол. XVIII в. в этих местах находились деревни работников Лугазского и Ирбинского заводов (Потрошилова, Городок, Койская, Каменка, Минусинская, Детлова, Берёзовская). В первые десятилетия своего существования они считались казёнными и были населены исключительно ссыльными. В 1805 г. в деревнях Потрошиловой, Городке и Усть-Лугазской⁵ 59.88% крестьян носили фамилии, не известные среди старожилов Красноярского уезда нач. XVIII в. В селе Минусинском, деревнях Маломинусинская, Койская и Каменка доля таких крестьян равнялась 40.37 %.

Кроме заводских работников некоторую часть притубинских жителей составляли также выходцы из Енисейского уезда, участвовавшие вместе с красноярцами в заселении данной территории. В их числе, например, были основатели деревень Кочергиной и Тесинской,⁶ а также бывшие жители Надпорожной Спасской слободы, вселившиеся «для хлебопашества» в 1770-е гг. в деревню Минусинскую.⁷

Материалы таблицы 1 показывают также, что большинство старожилов ХМК были потомками служилых людей Красноярского уезда. Участие представителей тяглых слоёв населения в колонизации его южной окраины выглядит довольно слабым.

Таблица 2

Социальное происхождение старожилов Хакасско-Минусинского края в нач. XIX в. по данным податной ревизии г. Красноярска и его уезда 1722 г. *

	В каких социальных группах встречались во время ревизии 1722 г.			всего:
	только среди служилых людей	среди служилых и тяглых	только среди тяглого населения	
г. Красноярск и Красноярский уезд: 1722 г.	<u>3104</u> 64.77	<u>780</u> 16.28	<u>908</u> 18.94	<u>4792</u> 100.0
Анашенский Спасский приход: 1816 г.	<u>503</u> 81.52	<u>104</u> 16.86	<u>10</u> 1.62	<u>617</u> 100.0
Бараитский Троицкий приход: 1816 г.	<u>182</u> 84.66	<u>33</u> 15.35	<u>0</u> 0.00	<u>215</u> 100.0
Абаканский Вознесенский приход: 1805 г.	<u>1470</u> 88.61	<u>109</u> 6.57	<u>80</u> 4.82	<u>1659</u> 100.0
Минусинский Спасский приход: 1805 г.	<u>289</u> 64.65	<u>83</u> 18.57	<u>75</u> 16.78	<u>447</u> 100.0
Курагинский Спасский приход: 1802-1805 гг.	<u>130</u> 80.25	<u>16</u> 9.88	<u>16</u> 9.88	<u>162</u> 100.0
Шушенский Петропавловский приход: 1805 г.	<u>695</u> 75.87	<u>198</u> 21.62	<u>23</u> 2.51	<u>916</u> 100.0

*Подсчитано по тем же данным, что и таблица 1.

Особенно это заметно, если рассмотреть следующую таблицу. Чтобы составить её мы, в начале, выяснили, как распределялись обнаруженные в приходах фамилии красноярских старожилов между категориями тяглых и служилых людей в период проведения первой ревизии; а затем, срав-

нили полученные цифры с аналогичными для всего населения г. Красноярска и его уезда того же времени.

Сравнение показало, что преобладание выходцев из служилой среды и их потомков в составе населения ХМК в нач. XIX в. объяснялось не только численным перевесом служилых в районе, откуда преимущественно шла колонизация края. Важное значение имело и то, что представители служилых фамилий активней, чем податные участвовали в его заселении. Не только в абсолютных цифрах, но и по отношению к своей численности, они, очевидно, дали в XVIII в. большее количество мигрантов, перешедших на южные земли. По мнению Г.Ф. Быкони, вольная миграция тяглого населения Красноярского уезда тем временем тормозилась принудительной переброской жителей старожильческих деревень в район Московского тракта и Нерчинских заводов.⁸ Как мы увидим чуть ниже действие данного фактора, если признать его существенным, все же не в равной мере отражалось на мобильности разных групп податных людей.

Данные таблицы 2 показывают также, что доля старожилов тяглого происхождения в составе изучаемых церковных общин изменялась в том же направлении, что и доля людей с «пришлыми» фамилиями. Оба указанных показателя в притубинских приходах (Минусинском и Курагинском) были выше, чем в деревнях, расположенных непосредственно по берегам Енисея.

Остается вопрос, представители, какой из групп тяглого населения Красноярского уезда, – посадские или крестьяне, – зафиксированные в материалах ревизии 1722 г., имели большее число однофамильцев среди старожилов ХМК в нач. XIX в. При обработке данных следующей таблицы, мы дважды учитывали одних и тех же людей, если фамилии их фигурировали в 1722 г. в обеих указанных группах.

Таблица 3

*Социальный статус старожилов Хакасско-Минусинского края, записанных по первой ревизии тяглыми людьми г. Красноярска и его уезда.**

	В каких социальных группах встречались во время ревизии 1722 г.	
	среди посадских людей	среди крестьян
г. Красноярск и Красноярский уезд: 1722 г.	<u>583</u> 12.17	<u>678</u> 14.15
Анашенский Спасский приход: 1816 г.	<u>104</u> 14.69	<u>58</u> 8.19.
Бараитский Троицкий приход: 1816 г.	<u>33</u> 13.52	<u>28</u> 11.48
Абаканский Вознесенский приход: 1805 г.	<u>90</u> 4.63	<u>136</u> 7.00
Минусинский Спасский приход: 1805 г.	<u>130</u> 15.37	<u>55</u> 6.50
Курагинский Спасский приход: 1802-1805 гг.	<u>26</u> 11.50	<u>11</u> 4.87
Шушенский Петропавловский приход: 1805 г.	<u>191</u> 17.90	<u>40</u> 3.75

**Подсчитано по тем же данным, что и предыдущие таблицы*

По нашим подсчетам, как видим, почти во всех изученных приходах старожилы тяглого происхождения преимущественно происходили из посадских семей, записанных в 1722 г. в общине Красноярского уезда. Особенно заметны были их потомки в Анашенском Спасском, Минусинском Спасском и Шушенском Петропавловском приходах. Можно предположить, что расселению посадских в пределах рассматриваемой территории изначально способствовала возможность за-

ниматься здесь промыслами и участвовать в ведении торговых операций. Её создавало, с одной стороны, наличие транспортного сообщения по Енисею, связывавшее юг с северными районами края; а с другой, соседство с ясачными, сбывавшими меха и скот заезжим купцам.

Вклад пашенных и монастырских крестьян Красноярского уезда в формирование местной старожильческой популяции выглядит наиболее скромным. Очевидно, в XVIII в. красноярские крестьяне преимущественно расселялись вблизи уездного города на землях, которые прежде занимали племена качинцев. В приходах ХМК доля их потомков была небольшой, и последовательно уменьшалась в направлении с севера на юг, и от долины Енисея к его притокам. Т.е., чем дальше от старонаселенного центра находилась та или иная церковная община, тем реже среди её членов встречались фамилии крестьян-старожилов. В расселении однофамильцев посадских людей подобной закономерности нет.

Результаты исследования подтверждают и конкретизируют известное ранее представление о том, что в XVIII в. русское население Хакасско-Минусинского края преимущественно составляли выходцы из центральных районов Красноярского уезда. Доля красноярских старожилов среди жителей обследованной территории было наибольшей в деревнях, расположенных на Чулыме, Енисее и по берегам Сыды. Район притубинской лесостепи заселялся также при значительном участии «пришлых» фамилий, не показанных в материалах ревизии Красноярского уезда 1722 г. По своему социальному происхождению большинство жителей ХМК в начале XIX в. являлись потомками служилых людей. Старожилы тяглого происхождения встречались в их среде сравнительно редко. Особенно это касается потомственных крестьян, фамилии которых были здесь наименее заметными. Интенсивность миграции посадского населения на юг была по отношению к его численности, по-видимому, сопоставимой с миграцией людей служилых.

Примечания:

¹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.

² Архив г. Минусинска, Ф.15. О.1. Ед.хр. 17.

³ Там же, Ф.34. О.1. Ед.хр. 151.

⁴ Там же, Ф.51. О.1. Ед.хр. 2.

⁵ Подсчитано по данным Перепись г. Красноярска и его уезда 1719 – 1722 гг

⁶ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска, Ф. 34. О. 1. Ед.хр. 151. ЛЛ. 3 (об.) – 5, 14 (об.) -15, 23 – 23 (об.). Перепись г. Красноярска и его уезда 1719 – 1722 гг./Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц. – М.: «Ломоносов», 2014. – 424 с.

⁷ Личков Л.С. Новые данные по истории заселения Сибири. Киев, 1894. С. 21.

⁸ Ватин В.А. Село Минусинское. Минусинск, 1914. С. 23.

⁹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края... С. 219.

В.В. Топчеев,
г. Минусинск

Формирование системы охраны здоровья детей, на примере развития здравоохранения Хакасии в первой половине XX века

В последнее время, деятельность отечественного здравоохранения вызывает серьёзные нарекания общества. Накопившиеся эмоции формируют мотивационную сферу людей, вплоть до неприятия многих медицинских мероприятий. Всё это влияет на функционирование системы охраны здоровья детей современной России. Поэтому, будет не лишним вспомнить, какой была эта отрасль, ещё каких-нибудь, сто лет назад. Как происходило формирование государственной системы охраны здоровья детей в советское время. И, самое главное, каковы были результаты её деятельности.

Любое цивилизованное общество, по возможности пытается формировать своё будущее. Достигается это, прежде всего, через механизм преемственности поколений, в рамках которого, осо-

бое значение приобретает система охраны здоровья детей. Она является показателем зрелости общественного сознания и устойчивости социальных связей.

Вплоть до сер. XX в. в регионе данная система функционировала в рамках традиционного общества. При этом принципиальных различий по отношению к подрастающему поколению у коренного и переселенческого населения не было.¹ Происходило столкновение двух противоположных тенденций. С одной стороны, в обществе имелось понимание особой значимости этой социальной группы, и здоровье детей оберегалось всеми доступными способами (например, через регламентацию их трудовой деятельности, по возрастному принципу). С другой стороны, тяжёлые условия жизни требовали напряжения сил всех членов социума, и эти возрастные нормы, зачастую не соблюдались. Таким образом, период детства, сводился к младенчеству. В целом, система охраны здоровья детей традиционного общества, как и традиционная медицина, к нач. XX в., не соответствовали уровню социальной угрозы, и высокая детская смертность компенсировалась только высокой рождаемостью. Отношение людей к данной ситуации было философски – покорным: «Бог дал, Бог взял».

В сер. XIX в., в Минусинском уезде, начинает формироваться система здравоохранения. К концу века складывается лечебная сеть. Но, в силу своей маломощности и дороговизны, изменить кардинально ситуацию она была не способна. Поэтому к 1913 г. детская смертность в регионе составляла 182 (367) человек на 1000 родившихся, а из 6278 осмотренных призывников, годными к воинской службе были признаны 3011 человек.² Причинами всего этого являлись: недоедание, тяжёлый труд, бытовые лишения, антисанитария, неразвитость медицины и самое главное – тяжёлая эпидемическая обстановка в регионе.

В период «Военного коммунизма» дореволюционная система здравоохранения прекратила своё существование. Новая советская медицина, строилась на принципиально иных основах. Она стала государственной, бесплатной и социально ориентированной. Но в нач. 1920-х гг. специальных мероприятий по охране здоровья детей не проводилось, так как руководство уездным отделом здравоохранения, было занято более насущными делами. Оно формировало разрушенную медицинскую сеть и боролось с эпидемиями, захлестнувшими регион. А необеспеченность административной реформы 1924 г. вообще поставила хакасскую медицину в тяжёлое положение, лишая возможности действовать по обстановке.

Между тем, медицинские работники, повсеместно отмечали резкое ухудшение здоровья нации, даже по сравнению с дореволюционной Россией. Сказывались, прежде всего, негативные факторы, связанные с периодом безвременья, а так же с застарелыми социальными проблемами. Например, вспышка дизентерии, произошедшая в с. Вершина Биджи, в августе 1924 г. привела к заболеванию 90 человек (из 800). Умерло 12 человек – преимущественно дети. Инфраструктура села ничем не отличалась от того, что было в сотнях населённых пунктах региона (воду брали из реки, из которой поили скот).³ Непростая ситуация нашла своё отражение в документах того времени: «В Хакасский Уездный отдел здравоохранения. Довожу до вашего сведения, что в деревне В. Ерба, укусила бешеная собака мальчика пяти годов Макарова Михаила... Мною был выдан документ на право проехать в Усть-Абаканск, в Уздрав. Но родители его не повезли, а лечат у знахаря в деревне Троицкой... который мальчику велел обрезать укус и собирать милостыню по деревне. Зав пунктом. 28 мая 1925 года».⁴

Принимая во внимание все это, советское руководство приняло решение о проведении реформы, основные положения которой были оформлены в Циркуляре НКЗ №73 от 1925 г. и озвучено в Сибири на Втором Сибирском совещании zdravotделов. Основные положения данного документа можно уместить в три тезиса:

- имеется серьёзное ухудшение здоровья нации,
- наличными ресурсами, кардинально изменить ситуацию не представляется возможным,
- Поэтому необходимо, постепенно решая социальные проблемы и развивая здравоохранение, сосредоточить основные усилия на здоровье подрастающего поколения.

Реформа, стартовавшая в 1925 г., начинает формировать советскую систему охраны здоровья детей. Эта деятельность охватывала два измерения. В первом измерении посредством активной пропаганды формировались новые формы общественного сознания. Происходило планомерное, целенаправленное воздействие на родителей и их детей посредством литературы, наглядной агитации и лекционной работы, с целью формирования общественных отношений и современных санитарно-гигиенических норм. Эта работа была рассчитана на дальнюю перспективу, и её результаты в полной мере проявились только во вт. пол. XX в., когда им стали соответствовать условия жизни людей. Вторым измерением стала структурная обеспечённость системы. Учреждаются специальные институты занимающиеся здоровьем детей. В рамках здравоохранения формируются следующие органы: комитет охматмлада (охрана материнства и младенчества) во главе с инструктором, женские и детские консультации (выполняющие функции специализированных медицинских учреждений), роддома, детские ясли (постоянные – при промышленных предприятиях и сезонные – в колхозах) и молочные кухни.

Формирование системы охраны здоровья детей в Хакасии, на начальном этапе, встретило серьёзные трудности. Колоссальная загруженность медиков, неразвитость инфраструктуры, особенности традиционного сознания, приводили к тому, что результаты пропагандистских акций были довольно скромными. Созданию новых медицинских учреждений препятствовали недостаточное финансирование, острый кадровый голод и, зачастую негативное отношение к мероприятиям некоторых руководителей. Например, в 1927 г., по причине недостатка средств, в Хакасии вместо пяти яслей, было открыто лишь трое. А в 1932 г. председатель колхоза (с. Мохово) «посадил детей в помещение без крыши, печей и дверей, приставив к ним старух семидесяти лет. На замечание отреагировал остро – я их вообще закрою».⁵ Подобные ситуации возникали повсеместно. Но, несмотря на трудности, к концу тридцатых годов, кое какая структура была создана. Она включала в себя шесть женских и детских консультаций, столько же роддомов, на 101 койку. Количество учреждений определялось количеством районов, входящих в состав области. Яслей постоянных было открыто – 65, на 1979 мест. Сезонных – 114, на 2937 мест. Кроме этого работали: один детдом (в Абазе) и дом матери и ребенка на тридцать мест. Молочных кухонь было открыто две, в Абакане и Черногорске.⁶ Всё это обслуживало несколько десятков тысяч детей. Этого конечно было недостаточно, но начало было положено.

В сер. XX в., претерпела изменения социальная структура общества. В дореволюционной России, женщина являлась, в большей степени, домохозяйкой, занимаясь, в том числе и воспитанием детей. В советское время, работающими оказались оба родителя. Поэтому возникла проблема опеки недееспособных членов общества. Кроме этого, значительно большую роль стало играть государство. Появляется целый комплекс социальных институтов, занимающихся проблемами детства: образование, здравоохранение, спорт, соцобеспечение и т.д. В тридцатые годы серьёзно ухудшились условия жизни людей. Особенно это касалось городов и рабочих посёлков, в которых проживало почти четверть населения региона. Форсированная индустриализация усугубила противоречие между состоянием инфраструктуры населенных пунктов (жилой фонд, водопровод, канализация, освещение) и количеством проживающих в них людей. Не многим лучше положение было в сельской местности. Значительно ухудшилось питание и обеспечение предметами первой необходимости. Все это так же сказалось на здоровье подрастающего поколения. Выпускник Канского пехотного училища Н.Г. Гудошников в своей книге упоминает, что норматив подтягивания на перекладине, для курсанта, составлял три раза. И многим он был не под силу. Это ярко характеризует физические возможности того поколения.⁷

С началом Великой Отечественной войны ситуация ухудшилась. Около половины медицинских работников Хакасии было мобилизовано. Некоторые лечебные учреждения были закрыты до окончания боевых действий (например, фельдшерский пункт в п. Абаза). Произошло серьёзное сокращение снабжения здравоохранения, при одновременном возложении на него дополнительных обязанностей. А появление в регионе большого количества военнопленных и ссыльных из неблагоприятных районов страны делало обстановку угрожающей. Тяжёлая, взрослая работа и

психо-эмоциональный фактор, наряду с плохим питанием и скудным обеспечением приводили детей в группу риска. А резкое падение рождаемости вело к демографической катастрофе. Начиная с 1943 г. в медицинских отчётах начинают появляться дети – рахиты и дистрофики.

Именно поэтому, руководство страны приступило к новому этапу реформы. 8 июля 1944 г. вышел указ Президиума Совета Министров СССР об увеличении государственной помощи и усилении охраны материнства и детства. Исполнение положений указа стали спрашивать, в том числе, и с органов здравоохранения. Но обеспечить его, при отсутствии ресурсов, зачастую было очень трудно. В этот же период произошли структурные изменения. Были открыты две детские поликлиники: в Абакане и Черногорске. Там же, при больницах начинают функционировать детские отделения. Детские койки выделяются и в других лечебных учреждениях региона.⁸ Благодаря этим мероприятиям удалось, насколько было возможно, поддержать здоровье детей в трудные военные годы.

Продолжена эта деятельность была и в послевоенное время. Изменение ситуации, привело к тому, что детей в этот период необходимо было спасать. Неурожай и разруха привели к голоду, и осенью 1946 г. государственные учреждения Хакасии перестали снабжаться хлебом. Наиболее тяжёлое воздействие недоедание, традиционно, оказывало на детей, формируя у них рахиты и дистрофии. В 1946 г. – 18%,⁹ а в 1947 г., уже 33%¹⁰ всех смертных случаев имели в основе именно эти патологии, то есть голод. Недостаточное питание приводило к тому, что население региона стало употреблять в пищу некачественные, а то и вообще непригодные к употреблению продукты (например, несозревшие овощи и фрукты). Следствием этого стал рост заболеваний, связанных с деятельностью желудочно-кишечного тракта: дизентерии, брюшного тифа, разного рода диспепсий. До половины всех случаев приходилось на города и рабочие посёлки области.

Другим угрожающим фактором стало ухудшение эпидемической ситуации, вследствие усиления миграционных потоков (ссылные, военнопленные, демобилизованные военнослужащие), зачастую из очень неблагополучных районов страны. Прежде всего, это касалось детских инфекций, которые, начиная с 1945 г., росли в геометрической прогрессии.¹¹

Заболевание	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.
Корь	133	1387	2891	1783
Скарлатина	96	245	410	456
Дифтерия	121	63	51	57
Коклюш	257	342	327	477

В целом, вся эта картина, серьёзно влияла на детскую смертность. В 1946 г. в Хакасии родились 5089 детей, а умерло 590 человек – один умерший на десять родившихся.¹²

Исходя из анализа сложившейся ситуации, пришло понимание того, что откормить всех детей региона не удастся. Поэтому руководство здравоохранения сосредоточило внимание на мониторинге обстановке (осмотры проводились два раза в год – весной и осенью). Выявленных ослабленных детей помещали в специальные учреждения: ясельные группы и пришкольные лагеря, где усиленно откармливали. О прибавке в весе неукоснительно докладывалось вверх. Благодаря этим мероприятиям, удалось удержать ситуацию под контролем. С целью борьбы с желудочно – кишечными заболеваниями происходило увеличение мощности инфекционных отделений и сокращения сроков эвакуации больных (в 1946 г., эвакуация проводилась в течении 5-7 дней, в 1948 г. – в течении 2 дней).¹³ Это потребовало серьёзной оперативности медицинских работников.

С целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний среди, так называемого «организованного детства», проводился жёсткий медицинский контроль за состоянием здоровья детей в рамках воспитательных и образовательных учреждений региона. В этих мероприятиях участвовал широкий круг лиц: воспитатели, учителя, сан. дружинники и медицинский персонал. В случае возникновения вспышек, происходила организация карантинных зон и проводилась работа

в очагах, так же с привлечением общественности. Обо всех нарушениях становилось известно руководству, которое принимало решительные меры. Например, широкую огласку получил факт заболевания скарлатиной детей в образовательном учреждении рудника Балахчин,¹⁴ в котором оказался виновным директор школы, чей сын оказался первым заболевшим.¹⁵

Для работы с «неорганизованным детством» проводились подворные обходы (так же, прежде всего силами общественности). В случае возникновения неблагоприятной ситуации организовывалась дезинфекция (побелка помещения, прожарка одежды, организация бани). Но масштабность задачи, порой снижала эффективность мероприятий. Например, в 1946 г. в Черногорске не удалось спасти двух мальчиков заболевших брюшным тифом. В отсутствии родителей подворная комиссия не смогла попасть в закрытое на замок помещение.¹⁶ Но самое главное, именно в этот период, начинается формирование противозидемического барьера. По всей стране идет масштабная прививочная компания. И отношение к ней было очень серьезным. Например, за составление фиктивных списков в Черногорске виновные были привлечены к уголовной ответственности.¹⁷

Большое внимание, в этот период, уделяется мероприятиям общеукрепляющего характера. Именно после войны, в регионе появляется массовый детский спорт. До этого времени, возможностей для его развития не было, хотя, именно медики начали эту работу еще в конце двадцатых годов. Воспитатели, учителя, медицинский персонал стремились к тому, что бы дети, по возможности купались, загорали, занимались подвижными играми на свежем воздухе. Практиковался даже сон час, в зимнее время на верандах в спальнях мешках. Вводилось, естественно, и лечебное питание. Именно с этого времени, многие поколения советских детей приобщилось к рыбьему жиру.¹⁸

Таким образом, к началу пятидесятых годов, советская государственная система охраны здоровья детей, в целом сложилась. Результаты ее деятельности, в полной мере проявились в 1950-е гг., когда наметился рост системы здравоохранения, и изменились условия жизни общества. Прежде всего, сработал эпидемический барьер, и были ликвидированы многие заболевания прошлого: черная оспа, тифы, скарлатина, дифтерит, малярия, трахома и т.д. Здравоохранение вышло на новый уровень развития, и квалифицированная медицинская помощь стала доступна даже в сельской глубинке. Стали нормой многие параметры физического развития детей, за которые боролись медики с середины 1920-х годов.

Примечания:

¹ В.Я. Бутанаев. Этническая культура Хакасов. Абакан, 1998 г. С. 176

² История Красноярского края. Т 3. Медицина. Красноярск, 2008 г. С 28.

³ Р – 4. О.1. Д.3. Л.12.

⁴ Р – 4. О. 1. Д.0. Л.155.

⁵ Р – 46. О.1. Д.213, Л.3.

⁶ Ф – 169. О.1. Д.236. Л.25 и 27.

⁷ Н.Г. Гудошников. Записки взводного. Красноярск, 2010 г. С 33.

⁸ Р – 169. О.1. Д.297.Л. 3

⁹ Р – 42. О.1. Д.18. Л.11.

¹⁰ Р – 42. О.1. Д.20. Л.8.

¹¹ Р – 42. О.1. Д.20. Л.113.

¹² Р – 42. О.1. Д.18. Л.26.

¹³ Р – 42. О.1. Д.22. Л.3.

¹⁴ Р – 42. О.1. Д.20. Л.66.

¹⁵ Р – 42. О.1. Д.18. Л.51.

¹⁶ Р – 42. О.1. Д.18. Л.51.

¹⁷ Р – 42. О.1. Д.18. Л.30.

¹⁸ Р – 42. О.1. Д.28. Л.92.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АААКК	- Архив агентства администрации Красноярского края
АВПРИ	- Архив внешней политики Российской империи (ведомственный архив Министерства иностранных дел Российской Федерации)
АН	- Академия наук
АГМ (он же МФГАК, МУ АГМ, МГА)	- Архив г. Минусинска (Минусинский филиал Государственного архива Красноярского края, Муниципальное учреждение «Архив города Минусинска»)
АКПО	- Ачинский конно-партизанский отряд
АМЗТП	- Архив музея-заповедника «Томская Писаница»
АМКМ (он же АММ, ФМРКМ)	- Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М.Мартьянова
АН СССР	- Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО АКР	- Архивный отдел администрации Курагинского района
АРУ ФСБ	- Архив регионального управления ФСБ по Красноярскому краю
БРЭМ	- Бюро по делам Российских Эмигрантов в Маньчжурской империи
ВГИК	- Всероссийский государственный институт культуры
ВКП(б)	- Всероссийская коммунистическая партия большевиков
ВППШ	- Высшая партийная школа
ВС СССР	- Верховный Совет СССР
ВСНХ	- Высший совет народного хозяйства
ВЧК	- Всесоюзная чрезвычайная комиссия
ВРК	- Военно-революционный комитет
ВЦИК	- Всероссийский (Всесоюзный) Центральный Исполнительный комитет
ГАИО	- Государственный архив Иркутской области
ГАЗК	- Государственный архив Забайкальского округа
ГАКК	- Государственный архив Красноярского края
ГАХК	- Государственный архив Хабаровского края
ГАНИИО	- Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГАНО	- Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ	- Государственный архив Российской Федерации
ГАРХ (он же ГУРХ НАРХ)	- Государственный архив Республики Хакасия
ГВК (РВК)	- Горвоенкомат (райвоенкомат)
ГВФ	- Гражданский воздушный флот
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГОЭЛРО	- Государственная комиссия по электрификации России
ГПНТБ	- Государственная публичная научно-техническая библиотека
ГРУ	- Главное разведывательное управление
ГЭ	- Государственный Эрмитаж
ДВР	- Дальневосточная республика
ДГМ	- Дивногорский городской музей
ДОСААФ	- Добровольное общество содействия авиации, армии и флоту
ЖЗЛ	- книжная серия «Жизнь замечательных людей»
Жургаз	- Журнально-газетное объединение
ЗАО	- Закрытое акционерное общество

Список сокращений

ИРГО	- Иркутское русское географическое общество, Императорское Русское географическое общество
ИРКИСВА	- Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (в археологическом, историческом, лингвистическом этнографическом отношении)
ИА АН СССР	- Институт археологии Академии наук СССР
ИА ЭТ СО РАН	- Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук СССР
ИИМК РАН	- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
КВЖД	- Китайско-Восточная железная дорога
КГТЭИ	- Красноярский государственный торгово-экономический институт
КГПУ	- Красноярский государственный педагогический университет
ККИМК	- Красноярский культурно-исторический музейный комплекс
КККМ	- Красноярский краевой краеведческий музей
ККУК	- Красноярское краевое училище культуры
КПСС	- Коммунистическая партия Советского Союза
КузГПА	- Кузнецкая государственная педагогическая академия
КОРГО	- Красноярский подотдел Русского географического общества
КОБ	- Комитет общественной безопасности
КВПО	- Красноярское вольно-пожарное общество
КУТВ	- Коммунистический университет трудящихся Востока
КФЭК	- Красноярский финансово-экономический колледж
МКМ	- Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова
МТС	- Машинно-тракторная станция
МУК	- Муниципальное учреждение культуры,
МБУК	- Муниципальное бюджетное учреждение культуры
НБ	- Национальная библиотека
НВФ	- Научно-вспомогательный фонд
НКВД	- Наркомат внутренних дел
НКО	- Наркомат обороны
НКЮ	- Наркомат юстиции
ОГПУ	- Объединённое Государственное Политическое Управление
ООШ	- Общая образовательная школа
ОИС	- Общество изучения Сибири
ОФ	- Основной фонд
ПСЗРИ	- Полное собрание законов Российской Империи
ПСП	- Партия социал-революционеров
ПФ ИВ РАН	- Петербургский филиал Институт Востоковедения Российской академии наук
РАН	- Российская академия наук
РГАСПИ	- Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	- Российский государственный военный архив
РГУ	- Российский Государственный Гуманитарный университет
РГИА	- Российский государственный исторический архив
РГО	- Российское географическое общество
РГСУ	- Российский государственный социальный университет
РККА	- Рабоче-крестьянская Красная Армия
РМАТ (Новокузнецк)	- Новокузнецкий филиал Российской Международной академии туризма
РСДРП (б), (м)	- Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков, меньшевиков
СА	- Советская археология

СГТУ	- Сибирский государственный технологический университет
СМАЭ	- Сборник Музея антропологии и этнографии
СМЕРШ	- Контрразведывательная организация «Смерть шпионам!»
СНК	- Совет народных комиссаров (Совнарком)
СО РАН	- Сибирское отделение Российской Академии наук
СОШ	- Средняя общеобразовательная школа
СТО	- Совет труда и обороны СССР
ТАО	- Тувинская Автономная область
ТГПУ	- Томский государственный педагогический университет
ТНР	- Тувинская Народная Республика
ЦК ТНРП	- Центральный комитет Тувинской народно-революционной партии;
УПК	- Уголовно-процессуальный кодекс
ХНКМ	- Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова
ЦАМО	- Центральный архив Министерства обороны
ЦБС	- Центральная библиотечная система
ЦГА РТ	- Центральный государственный архив Республики Тува
ЦГБ	- Центральная городская библиотека
ЦКК	- Центральная контрольная комиссия
ЦХАФ АК	- Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЦХДНИ КК	- Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края

СПИСОК АВТОРОВ

1. **АВГУСТОВСКИЙ Александр Исаевич**, краевед, г. Абакан, Республика Хакасия
2. **АККОЖАНОВА Елена Стахановна**, зав. музеем казахов Алтай, филиала «Национального музея им А.В. Анохина», БУРА «Национальный музей им. А.В. Анохина», Республика Алтай, Кош-Агачский район, с. Жана-Аул
3. **АРНГОЛЬД Татьяна Геннадьевна**, Идринский районный краеведческий музей им. Н.Ф. Летягина, с. Идринское
4. **АРТАМОНОВА Влада Александровна**, студент, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
5. **БЕЛОУСОВА Лидия Ивановна**, краевед, Историко-архивный клуб «Краевед Хакасии» при ГКУ РХ Национальный архив, г. Абакан, Республика Хакасия
6. **БОЛОНКИНА Елена Владимировна**, к.и.н., доцент, с.н.с., Музей-усадьба В.И. Сурикова, г. Красноярск
7. **БОЛОТНИКОВ Алексей Константинович**, краевед, с. Тесь, Минусинский район
8. **БОРИСОВА Алла Павловна**, краевед, г. Красноярск
9. **БОРМОТОВА Елена Петровна**, зав. Музеем села Берёзовское (филиал МБУК «Курагинский районный краеведческий музей»), с. Берёзовское, Курагинский район
10. **БУТАНАЕВ Виктор Яковлевич**, д.и.н., профессор, Институт истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия
11. **БУТАНАЕВА Ирина Исаевна**, к.и.н., доцент, Институт истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия
12. **ВАРЫГИНА Мария Александровна**, методист, МКУК «Краеведческий музей Туруханского района», с. Туруханск
13. **ВДОВИН Александр Сергеевич**, к.и.н., профессор, зав. сектором отдела истории, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск
14. **ГАВРИЛЕНКО Мария Витальевна**, к.и.н., доцент, Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск
15. **ГЕНЕРАЛОВ Андрей Владимирович**, историк, реконструктор, г. Минусинск
16. **ГУСЕВА Галина Дмитриевна**, директор, МБУК «Минусинская городская централизованная библиотечная система», г. Минусинск
17. **ДАВЫДОВ Роман Вячеславович**, лаборант-исследователь, Новосибирский государственный университет, ЛГИ, г. Новосибирск
18. **ДРАГАЙКИНА Татьяна Анатольевна**, канд. филол. наук, н.с., отдел редких книг и рукописей, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
19. **ЕРМАКОВ Тихон Константинович**, студент, СФУ, г. Красноярск
20. **ЕРМИЛОВА Валентина Васильевна**, н.с. МБУК МКМ, г. Минусинск

21. ЕРМОЛАЕВА Людмила Николаевна, учёный секретарь МБУК МКМ, г. Минусинск
22. ЕРШОВА Алина Сергеевна, студент КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
23. ЖУРАВКОВ Сергей Петрович, КГПУ им. В.П.Астафьева, г. Красноярск
24. ЗАЙКА Александр Леонидович, к.и.н., доцент кафедры отечественной истории зав. Музеем археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
25. ИПТЫШЕВ Алексей Валентинович, гл. хранитель МБУК «Аскизский краеведческий музей им. Н.Ф. Катанова», с. Аскиз, Республика Хакасия
26. КАЛЕМЕНЕВА Наталья Алексеевна, краевед, Минусинск
27. КАН Валерия Сергеевна, к.и.н., зав. сектором прикладной социологии, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл, Республика Тыва
28. КАЛЮГА Антонина Евгеньевна, гл. специалист по архивным вопросам отдела организационного обеспечения и делопроизводства администрации Курагинского района, п. Курагино
29. КАМЕНДО Елена Юрьевна, зав. сектором учёта и хранения фондов МКУК «Краеведческий музей Туруханского района», с. Туруханск
30. КАТИНА Елена Михайловна, директор, МБУК «Курагинский районный краеведческий музей», пгт. Курагино
31. КЛОКОВА Дарья Николаевна, краевед, г. Красноярск
32. КРИВОНОСОВА Елена Леонидовна, корреспондент ГТРК «Хакасия», член Южно-Сибирского историко-родословного общества, г. Абакан, Республика Хакасия
33. КЕРН Ирина Сергеевна, магистрант, ГИ СФУ, г. Красноярск
34. КЛЮЧНИКОВ Тимофей Александрович, зам. директора по научной работе МБУК МКМ, г. Минусинск
35. КОНОХОВ Владимир Андреевич, н.с. МБУК МКМ, г. Минусинск
36. КУДРЯВЦЕВА Александра Ивановна, н.с. ТувИКОПР СО РАН, г. Кызыл, Республика Тыва
37. КУЙДИНА Виктория Александровна, магистрант, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
38. КУПРИЯНОВ Антон Александрович, хранитель фондов МБУК «Аскизский краеведческий музей им. Н.Ф. Катанова», с. Аскиз
39. ЛЕОНТЬЕВ Евгений Викторович, с.н.с. МБУК МКМ, г. Минусинск
40. ЛЯСКОВСКАЯ Елизавета Михайловна, хранитель фондов, МБУК МКМ, г. Минусинск
41. МАРТЪЯНОВА Ольга Николаевна, правнучка основателя музея Н.М. Мартьянова, г. Томск
42. МАРТЪЯНОВ Александр Николаевич, правнук основателя музея Н.М. Мартьянова, г. Красноярск
43. МАКЕЕВА Лариса Анатольевна, учитель русского языка и литературы, МОБУ «Русская школа», г. Минусинск
44. МАТВЕЕВ Вячеслав Александрович, н.с. ООО «Красноярская геоархеология», г. Красноярск
45. МАХИНА Светлана Васильевна, гл. библиотекарь, МБУК МКМ, г. Минусинск

46. **МИШИНА Дарья Алексеевна**, СОШ № 18, краевед, с. Шалаболино, Курагинский район
47. **МИТЬКО Олег Андреевич**, зав. сектором археологии лаборатории гуманитарных исследований НИЧ, к.и.н., доцент НГУ, г. Новосибирск
48. **МОНГУШ Чечена Айыр-Санааевна**, зав. отделом археологии, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл, Республика Тыва
49. **МУРШИДОВА Марина Александровна**, студент, КГПУ им. В. П. Астафьева, г. Красноярск
50. **НЕДЕЛИНА Марина Сергеевна**, экскурсовод, МБУК МКМ, г. Минусинск
51. **НИЛОГОВ Алексей Сергеевич**, к.ф.н., Председатель Южно-Сибирского историко-родословного общества (ЮСИРО), кафедра истории России Института истории и права ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия
52. **НОВИКОВА Инна Леонидовна**, краевед, г. Красноярск
53. **ОБРАЗЦОВА Анна Владимировна**, магистрант, КГПУ им. В.П.Астафьева, г. Красноярск
54. **ООРЖАК Шолбан Сергеевич**, зав. музеем «История политических репрессий в Туве» (филиалом Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва), г. Кызыл, Республика Тыва
55. **ОМЕЛЬЧЕНКО Варвара Сергеевна**, СОШ № 18, краевед, с. Шалаболино, Курагинский район
56. **ПАРШУКОВ Владимир Александрович**, историк, г. Ульяновск
57. **ПИВОВАРЕНКО Нина Георгиевна**, краевед, г. Минусинск
58. **ПИЛИПЕНКО Владимир Семёнович**, краевед, г. Новокузнецк
59. **ПОГРЕБНЯК Александр Иванович**, к.и.н., г. Минусинск
60. **ПОНОМАРЁВА Наталия Сергеевна**, гл. библиотекарь отдела краеведения, председатель Иркутского общества «Родословие», Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского, г. Иркутск
61. **ПРИЩЕПА Евгений Валерьевич**, с.н.с., ХакНИИЯЛИ, г. Абакан
62. **РЕШЕТНИКОВА Ирина Леонидовна**, н.с. МБУК МКМ, г. Минусинск
63. **РОГОВА Ирина Геннадьевна**, студент КемГУ, г. Кемерово
64. **САЙЛЕР Алла Васильевна**, учитель химии, руководитель школьного музея СОШ № 4, г. Минусинск
65. **САНГЫ-БАДРА Рада Робертовна**, н.с., Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл, Республика Тыва
66. **СВЕТАЧЕВА Ульяна Владимировна**, н.с., МБУК МКМ, г. Минусинск
67. **СЕРЕБРЕННИКОВА Марина Евгеньевна**, ИРО «Родослов», г. Красноярск
68. **СЕРГИЕНКО Татьяна Юрьевна**, директор, МКУК «Краеведческий музей Туруханского района»
69. **СЁМОЧКИНА Валентина Фёдоровна**, краевед, директор музея СОШ № 18, с. Шалаболино, Курагинский район
70. **СИДОРINA Елена Юрьевна**, зав. научной библиотекой, МБУК МКМ, г. Минусинск
71. **СИЛКИНА Татьяна Викторовна**, зав. сектором экспозиционно-выставочной работы, МКУК «Краеведческий музей Туруханского района», с. Туруханск

72. **СКОРОБОГАТОВА Наталья Николаевна**, с.н.с., Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», пгт. Шушенское
73. **СУХОТИНА Елена Петровна**, экскурсовод, МБУК «Курагинский районный краеведческий музей», пгт. Курагино
74. **ТАШТАНДИНОВ Игорь Иванович**, учёный секретарь, ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова», г. Абакан, Республика Хакасия
75. **ТЕРСКОВА Аида Александровна**, к.и.н., старший преподаватель кафедры истории России ГИ СФУ, г. Красноярск
76. **ТИМОФЕЕВ Александр Николаевич**, историк, г. Красноярск
77. **ТОПЧЕЕВ Валентин Владимирович**, с.н.с. МБУК МКМ, г. Минусинск
78. **ТРОФИМОВ Александр Александрович**, студент, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
79. **УЛЬВЕРТ Александр Викторович**, краевед, г. Красноярск
80. **ФЕДОТОВА Мария Михайловна**, аспирант, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
81. **ФЁДОРОВ Игорь Геннадьевич**, зам. директора по научно-методической работе МБОУ «Школа №2 им. Ю.А. Гагарина» г. Дивногорска, председатель Регионального отделения Всероссийской общественной организации «Ассоциация учителей истории и обществознания», г. Дивногорск
82. **ХАЛТАЕВА Анна Юрьевна**, н.с. ООО «Красноярская геоархеология», г. Красноярск
83. **ХАРЧЕНКО Галина Трофимовна**, гл. библиотекарь, МБУК «Минусинская городская централизованная библиотечная система», г. Минусинск
84. **ХУДЯКОВА Инна Николаевна**, зам. директора по научной работе ГАУК РХ «ХНКМ им. Л. Р. Кызласова», г. Абакан, Республика Хакасия
85. **ЧЕРНЫШЁВА Вера Геннадьевна**, зав. издательским отделом, МБУК МКМ, г. Минусинск
86. **ЧЕРНЫШОВ Александр Васильевич**, зав. выставочным отделом, МБУК МКМ, г. Минусинск
87. **ЧЫРГАЛАН Солангы Юрьевна**, м.н.с., отдел истории и краеведения Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл, Республика Тыва
88. **ШАБАЕВА Елена Юрьевна**, библиотекарь, МБУК МКМ, г. Минусинск
89. **ШЕКШЕЕВ Александр Петрович**, к.и.н., член правления Хакасской республиканской организации общества «Мемориал», г. Абакан, Республика Хакасия
90. **ШОЕВА Маргарита Павловна**, хранитель отдела фондов ХНКМ им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан, Республика Хакасия
91. **ЮДИН Алексей Александрович**, н.с., ГПНТБ СО РАН, г. Новосибирск

МАРТЬЯНОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК XI

(СБОРНИК ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ).
(2016-2017)

МБУК «Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н.М. Мартянова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Минусинск, 2018